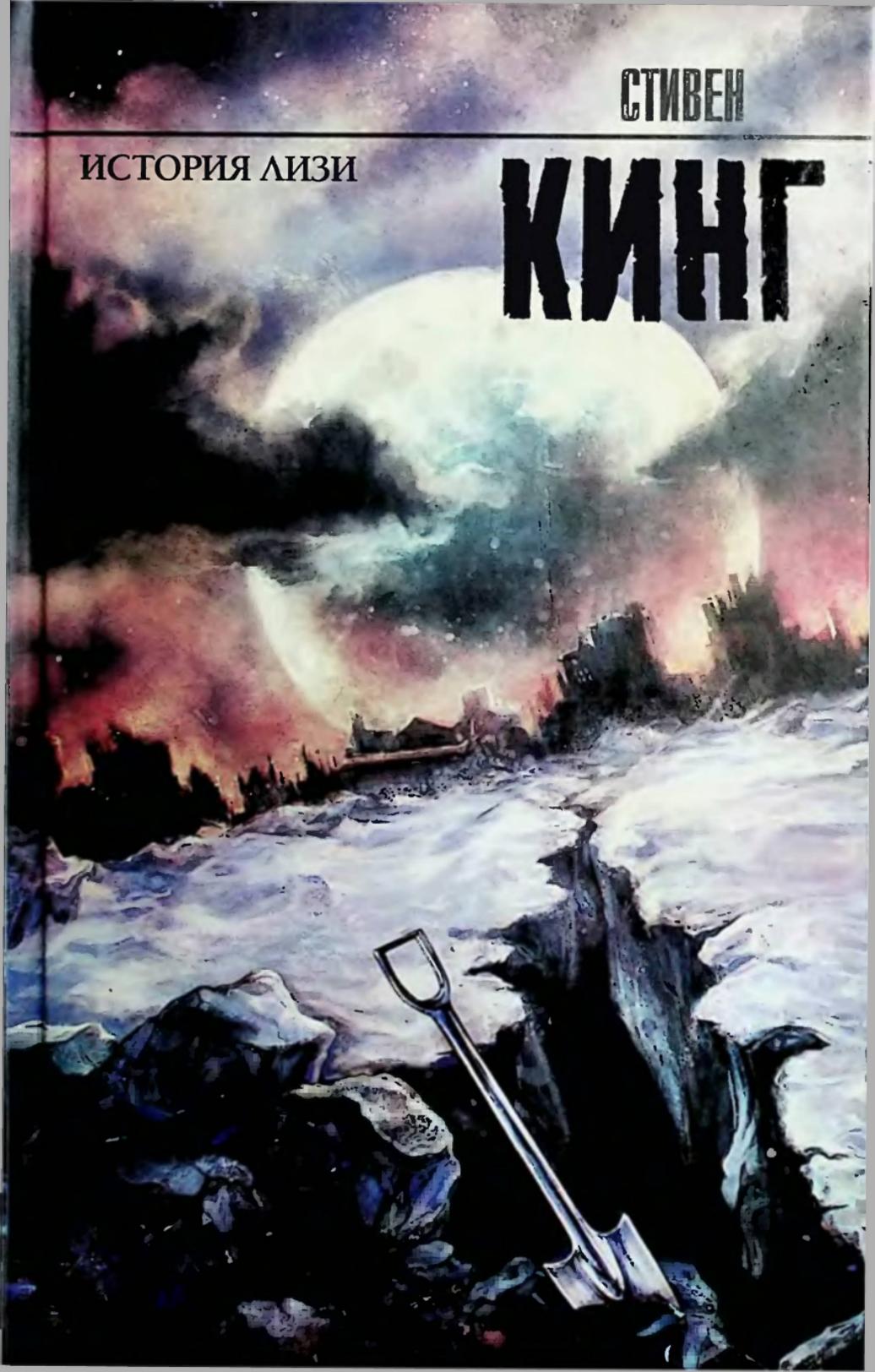

СТИВЕН

ИСТОРИЯ ЛИЗИ

КИНГ

СТИВЕН
КИНГ

**СТИВЕН
КИНГ**

ИСТОРИЯ ЛИЗИ

**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84 (7Coe)-44

К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
LISEY'S STORY

Перевод с английского В. Вебера

Компьютерный дизайн В. Лебедевой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен

К41 История Лизи : [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. В. Вебера]. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 640 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-081608-8

Кошмар, всю жизнь преследовавший знаменитого писателя Скотта Лэндона...

Кошмар, который достался в наследство ни о чем не подозревающей жене Лизи.

Как погиб ее муж?

Как он жил?

Откуда он черпал идеи для своих романов, кажущихся уж слишком реалистичными?

С какими силами он заключил тайный союз?

Чтобы ответить на эти вопросы, Лизи предстоит совершить путешествие в самое сердце Тьмы...

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 2006

© Перевод. В.А. Вебер, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Посвящается Тэбби

*Куда ты идешь, когда тебе одиноко?
Куда ты идешь, когда тебе грустно?
Куда ты идешь, когда тебе одиноко?
Я пойду за тобой,
Когда звезды померкнут в тоске.*

Райан Адамс

Часть 1
ОХОТА НА БУЛА

Будь я луной, я бы знал, куда упаду.

Д.Г. Лоуренс, «Радуга»

Глава 1
ЛИЗИ И АМАНДА
(Все по-прежнему)

1

Для общественности супруги известных писателей невидимы, и никто не знал этого лучше, чем Лизи Лондон. Ее муж стал лауреатом Национальной книжной и Пулитцеровской премий, тогда как у Лизи за всю жизнь взяли только одно интервью. К ней обратился известный женский журнал, который публикует колонку «Да, я замужем за *ним!*». В первой половине интервью на пятьсот слов она объясняла, что ее уменьшительное имя рифмуется с «Сиси». Большая часть второй ушла на ее рецепт приготовления ростбифа на медленном огне. Сестра Лизи, Аманда, сказала, что на фотографии, которая иллюстрировала интервью, Лизи выглядит толстой.

Ни одна из сестер Лизи не могла отказать себе в удовольствии подбить кого-нибудь к ссоре («тронуть говно» — как говорил по этому поводу их отец) или со знанием дела перетряхнуть чужое грязное белье, но если Лизи на кого-то злилась, так на ту же Аманду. Старшая (и самая странная) из сестер Дебушер, детство которых прошло в Лисбон-Фоллс, Аманда теперь жила одна, в небольшом, но уютном доме,

купленном ей Лизи и расположенном неподалеку от Касл-Вью, так что Лизи, Дарла и Кантата могли часто за ней приглядывать. Лизи приобрела этот дом семь лет назад, за пять лет до того, как умер Скотт. Умер Молодым. Умер Преждевременно. Так, кажется, принято говорить в подобных случаях. Лизи до сих пор с трудом верилось, что со дня смерти Скотта прошло два года. С одной стороны, казалось, будто минуло гораздо больше времени, с другой — будто это случилось только вчера.

В конце концов Лизи собралась с духом и взялась за его рабочие апартаменты — несколько длинных, хорошо освещенных комнат, которые когда-то были чердаком-сеновалом фермерского амбара. Аманда объявилась на третий день, после того как Лизи уже закончила составление перечня зарубежных изданий (несколько сотен) и лишь приступила к списку мебели, ставя звездочки напротив тех предметов, которые намеревалась оставить. Лизи ожидала, что Аманда спросит, а почему, Боже ты мой, она все делает так медленно, но Аманда никаких вопросов не задавала. И когда Лизи перешла от мебели к более скучному (и грозящему затянуться на весь день) разбору картонных коробок с корреспонденцией, которые стояли в большом чулане, Аманда и не думала отрываться от внушительных стопок и пачек газет и журналов со статьями о Скотте и его интервью, которые лежали у южной стены. Аманда быстро просматривала их и молча перекладывала с места на место, то и дело что-то записывая в маленький блокнот, который держала под рукой.

Лизи, однако, не спросила «Что ты ищешь?» или «Что ты там записываешь?». Как не раз и не два отмечал Скотт, Лизи обладала редким, если не уникальным, талантом: предпочитала заниматься своими делами и совершенно не возражала, если кто-то другой занимался своими. При условии, конечно, что ты не собирал бомбу, чтобы кого-нибудь взорвать, а в случае Аманды взрывчатку исключать как раз и не следова-

до. Она относилась к тем женщинам, которые не могли не совать нос в чужие дела и рано или поздно обязательно открывали рот, чтобы выложить все, что им известно.

Муж Аманды подался на юг из Рамфорда, где они жили («Словно пара росомах, застрявших в дренажной трубе», — сказал Скотт после того, как они заехали к ним в гости в первый и, как он дал клятву, последний раз) в 1985 году. Ее единственный ребенок — Интермеццо по документам и Метци в обыденной жизни — отправилась на север, в Канаду (с кавалером-дальнобойщиком) в 1989-м. «Один удрал на север, другой на юг умчал, а тот назойливого рта на миг не закрывал», — говорил их отец, когда они были детьми, и дочку папы Дэнди Дейва Дебушера, которая не могла закрыть назойливый рот, понятное дело, звали Анда. Вот ее-то и бросил муж, а потом — дочь.

И пусть характер у Аманды был далеко не сахар, Лизи не хотела, чтобы та оставалась в Рамфорде, предоставленная самой себе. Не сомневалась, что одну Аманду оставлять нельзя, и, пусть они об этом не говорили, точно знала, что Дарла и Кантата придерживались того же мнения. Поэтому она переговорила со Скоттом, нашла маленький кейп-код*, за который запросили «девятью семью тысяч долларов сразу, и никаких торгов». Вскоре Аманда перебралась туда, после чего жила в непосредственной близости от Лизи.

А вот теперь, через два года после смерти Скотта, Лизи наконец-то приступила к наведению порядка в его рабочих апартаментах. На четвертый день иностранные издания уже лежали в коробках, она более-менее разобралась с корреспонденцией и уяснила для себя, какую мебель нужно убрать, а какую оставить. Так почему же у нее складывалось ощущение, что сделала она крайне мало? Она же знала с самого на-

* Кейп-код — тип коттеджа, получивший название по полуострову Кейп-Код в штате Массачусетс, где их начали строить: одноэтажный, деревянный, под двухскатной крышей с массивной каминной трубой посередине и полуподвалом. — *Здесь и далее примеч. пер.*

чала, что эта работа спешки не потерпит, несмотря на все письма и телефонные звонки после смерти Скотта (не говоря уже о визитах). Лизи полагала, что в конце концов люди, заинтересованные в неопубликованных произведениях Скотта, свое получат, но лишь после того, как она сочтет, что готова их отдать. Поначалу они этого не понимали, как говорится, не доходило. Теперь же, полагала она, до большинства дошло.

Оставшееся после Скотта определялось многими словами. Она ясно понимала для себя значение одного — *memorabilia**, но было еще одно забавное, звучащее, как *incunabilla*** . Именно это хотели заполучить злые, нетерпеливые люди, пытавшиеся завоевать ее доверие, — *incunabilla* Скотта. Лизи даже придумала им прозвище — инкунки.

2

Что она ощущала, особенно после появления Аманды, так это уныние — то ли она недооценила ношу, которую решила взвалить на себя, то ли переоценила (и очень сильно) свою способность довести начатое до логического завершения: оставленная мебель в самом амбаре, свернутые ковры, желтый мебельный фургон для перевозки лишнего на подъездной дорожке, отбрасывающий тень на дощатый забор, который отделял их участок от соседнего, принадлежащего Галлоуэям.

Да, и не забывайте печального сердца рабочих апартаментов — трех компьютеров (их было четыре, но один, который стоял в архивной комнате, стараниями Лизи уже покинул чердак). Каждый был новее и легче предыдущего, но даже самый

* *Memorabilia* — достопамятные вещи (лат.).

** *Incunabilla* — такого слова нет ни в латыни, ни в английском. Лизи путает его со словом «*incunabula*» — период зарождения, ранняя стадия, первые дни (англ.). В данном контексте — неопубликованные произведения, созданные до того, как к писателю пришла известность.

новый являл собой большую настольную модель, и все они по-прежнему работали. Доступ к ним защищался паролями, а пароли эти Лизи не знала. Она никогда о них не спрашивала и понятия не имела, какой электронный мусор мог храниться на жестких дисках компьютеров. Списки продуктов, которые нужно купить? Стихи? Эротика? Она точно знала, что Скотт выходил в Интернет, но не могла сказать, какие сайты он посещал. «Амазон», «Драдж», «Хэнк Уильямс жив», «Золотые дожди и башня власти мадам Круэли»^{*}? Она склонялась к мысли, что на такие сайты, как последний, Скотт не заходил, иначе она видела бы счета (или хотя бы строку в перечне месячных расходов), но понимала, что все это чушь собачья. Если бы Скотт хотел утаивать от нее тысячу баксов в месяц, сделать это не составило бы никакого труда. А пароли? Это смешно, но скорее всего он ей их называл. Просто такие мелочи она забывала. Вот и все. Лизи сказала себе, что нужно попробовать ввести свое имя. Может, после того, как Аманда уйдет сегодня домой. Но ее сестра определенно никуда не торопилась.

Лизи села, сдула волосы со лба. Такими темпами я доберусь до рукописей лишь к июлю, подумала она. Инкунки с ума сойдут, если увидят, с какой я продвигаюсь скоростью. Особенно последний.

Последний (он приезжал пять месяцев назад) умудрялся не взорваться, умудрялся вести вежливую беседу, и она даже подумала, что он не такой, как остальные. Лизи рассказала ему о том, что рабочие апартаменты Скотта пустуют уже полтора года, но она должна собрать волю в кулак, подняться туда и навести там порядок.

К ней в гости пожаловал Джозеф Вудбоди, профессор кафедры английского языка и литературы Питтсбургского университета. Скотт оканчивал этот университет, а курс про-

^{*} Если первые три сайта — Amazon, Drudge, Hank Williams lives, — реально существуют, то последний — вымышленный, вероятно, олицетворяющий собой порнографический сегмент Интернета.

фессора Вудбоди «Скотт Лэндон и американский миф» пользовался у студентов огромной популярностью. Народ туда просто ломился. В этом году четверо его аспирантов писали работы по творчеству Скотта Лэндона, поэтому не следовало удивляться, что инкунк-воин бросился в атаку, когда Лизи заговорила в таких неопределенных терминах, как «скорее раньше, чем позже» или «практически наверняка этим летом». Но Вудбоди начал горячиться лишь после того, как Лизи заверила его, что обязательно позвонит, «когда осядет пыль».

Тот факт, что она делила ложе с великим американским писателем, сказал профессор, не означает, что она достаточно квалифицирована для того, чтобы стать исполнителем его литературного завещания. Это работа для эксперта, а у миссис Лэндон, насколько он понимает, нет даже диплома колледжа. Он напомнил ей о времени, которое прошло после смерти Скотта Лэндона, и слухах, которые продолжали множиться. Предположительно оставались горы неопубликованного материала: рассказы, возможно, даже романы. Может быть, она все-таки позволит ему подняться в рабочие апартаменты Лэндона? Если он заглянет в бюро и ящики стола, возможно, удастся положить конец всем этим слухам. Разумеется, осмотр будет происходить в ее присутствии, иначе просто и быть не может.

— Нет, — твердо заявила она, провожая профессора Вудбоди к дверям. — Для этого я еще не готова. — Она не сразу поняла (потому что профессор скрывал это лучше других), что он такой же безумец, как все. — А когда я буду готова, я хочу просмотреть все, не только рукописи.

— Но...

— Все по-прежнему, — очень серьезно ответила она.

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать.

Разумеется, он не понимал. Эта фраза была частью их семейного языка. Сколько раз Скотт влетал в дом и кричал: «Эй,

Лизи, я дома... все по-прежнему?» — то есть спрашивал: *все хорошо, все нормально?* Но, как и большинство «фраз силы»* (Скотт как-то расшифровал этот термин Лизи, но она и без того знала, о чем речь), в ней был и скрытый смысл. Лизи могла бы объяснять эти нюансы профессору целый день, и он все равно не понял бы. Почему? Потому что был инкунком, а когда дело касалось Скотта Лэндона, инкунков интересовало только одно.

— Это не имеет значения, — сказала она пять месяцев назад профессору Вудбоди. — Скотт бы понял.

3

Если бы Аманда спросила, где хранится «мемориал» Скотта (свидетельства о вручении премий, дипломы и все такое), Лизи бы солгала (лгала она очень даже неплохо, хотя и крайне редко): «В «Ю-стор-ит»** в Механик-Фоллс». Аманда, однако, не спросила. Просто пролистывала свой маленький блокнот, определенно дожидаясь от младшей сестры более чем уместного вопроса, но Лизи его не задала. Она думала о том, какой пустой казалась теперь эта архивная комната, какой пустой и неинтересной после того, как ее покинули многие вещи, связанные со Скоттом. Что-то отправилось на свалку (как компьютерный монитор), что-то слишком поцарапали и погнули, чтобы кому-либо показывать: такая выставка вызвала бы больше вопросов, чем дала ответов.

Наконец Аманда сдалась и открыла блокнот.

— Посмотри сюда. Только посмотри.

Аманда протянула ей раскрытый на первой странице блокнот. Вся площадь страницы, от металлической спирали по

* Фраза силы — термин из популярной психологии, обозначающий фразы, позволяющие влиять на людей (в рекламных слоганах — чтобы покупали, в речах политиков — чтобы голосовали, и т.д.).

** «Ю-стор-ит» — крупнейшая компания, предоставляющая складские помещения организациям и частным лицам.

левому торцу до правого края (как кодированное послание от тех уличных сумасшедших, с которыми приходится постоянно сталкиваться в Нью-Йорке, потому что на психиатрические лечебницы не хватает денег), занимали написанные на синих линиях числа. Большинство Аманда обводила кружком. Некоторые брала в квадрат. Она перевернула страницу, и глазам Лизи открылись уже две, заполненные числами. На следующей числа занимали только верхнюю половину. И заканчивалось все числом 846.

Аманда искоса глянула на сестру, раскрасневшаяся, веселая, и взгляд этот означал (когда ей было двенадцать лет, а Лизи — два годика), что Анде удалась какая-то пакость и кое-кому придется плакать. Лизи обнаружила, что ей хочется узнать (с определенным интересом, но и с предчувствием дурного), чем все обернется на этот раз. Аманда вела себя как-то странно с того самого момента, как появилась в доме. Может, сказывались низкая, тяжелая облачность и духота. Но более вероятную причину следовало искать во внезапном отсутствии ее вечного бойфренда. Если Анда намеревалась выдать очередную эмоциональную бурю из-за того, что Чарли Корриво бросил ее, тогда Лизи следовало к этому подготовиться. Ей никогда не нравился Корриво, она ему не доверяла, пусть он и был банкиром. Да и как она могла доверять человеку, если после весенней распродажи выпечки, доход от которой пошел на нужды библиотеки, она случайно услышала в «Мудром тигре», как какие-то мужчины называли его Балаболлом. Хорошенькое прозвище для банкира? Понятно, что оно означало. И, конечно же, он должен был знать, что в прошлом у Анды были проблемы с психикой.

— Лизи? — услышала она голос Аманды. Брови сестры сходились у переносицы.

— Извини, — ответила Лизи. — Я просто... отвлеклась на секунду.

— С тобой такое часто случается, — покачала головой Аманда. — Думаю, это от Скотта. Смотри внимательно, Лизи. Я пронумеровала все журналы, которые лежат у стены.

Лизи кивнула, словно понимая, зачем все это делалось.

— Номера я поставила карандашом, едва заметные, — продолжила Аманда. — Делала это, когда ты стояла ко мне спиной или чем-то занималась. Думала, что ты меня остановишь, если увидишь.

— Я бы не стала. — Она взяла блокнот, чуть влажный от пота владелицы. — Восемьсот сорок шесть! Так много! — И Лизи знала, что издания, которые лежали у стены, не относились к тем, которые она могла бы читать и даже держать в доме. Она бы предпочла «О», «Гуд хаускипинг», «Мисс»*, но тут лежали «Сьюэнни ревью», «Глиссер трейн», «Оупен сити», не говоря уже об изданиях с такими неудобоваримыми названиями, как «Пискья»**.

— Тут их гораздо больше. — Аманда ткнула большим пальцем в сторону стопок книг и журналов. Действительно, когда Лизи посмотрела на них, она поняла, что ее сестра права. Их гораздо больше восьмиста сорока с хвостиком. Должно быть больше. — Их тут почти три тысячи, и куда ты все это сложишь или кто захочет их взять, я, конечно, сказать не могу. Нет, восемьсот сорок шесть — это число, где есть твои фотографии.

Аманда неловко построила фразу, и Лизи не сразу ее поняла. А когда сообразила — обрадовалась. Сама идея, что эти журналы могут стать столь неожиданным фотоархивом (в котором хранились свидетельства ее жизни со Скоттом), даже не приходила ей в голову. Но когда она об этом подумала, все

* «О» — женский ежемесячный журнал, основан Опррой Уинфри. Полное название «Журнал Опры». «Гуд хаускипинг» — популярный домоводческий журнал, издается в России под названием «Домашний очаг». «Мисс» — популярный журнал феминистской направленности.

** «Сьюэнни ревью», «Глиссер трейн», «Оупен сити» — реально существующие литературные журналы. «Пискья», вероятно, плод воображения С. Кинга.

встало на свои места. К моменту его смерти они прожили вместе более двадцати пяти лет, и все эти годы Скотт неустанно путешествовал, читал лекции, выступал, пересекал страну из конца в конец, срываясь с места, едва заканчивал одну книгу, и угомонялся, лишь приступив к следующей. За год посещал до девяноста кампусов и при этом выдавал нагора, казалось, нескончаемый поток коротких рассказов. В большинстве поездок она сопровождала его. В скольких мотелях гладила шведским паровым утюгом один из его костюмов, тогда как с одной стороны в телевизоре что-то бубнили участники очередного ток-шоу, а с другой Скотт, с падающими на лоб волосами, выбивал дробь на пишущей машинке (в первые годы их совместной жизни) или набирал текст на ноутбук (позже)?

Анда угрюмо смотрела на нее, реакция сестры ей определенно не нравилась.

— Которые обведены кружком, их более шестисот, там в подписях к фотографиям к тебе отнеслись без должного уважения.

— Правда? — Слова Аманды заинтриговали Лизи.

— Я тебе покажу.

Аманда заглянула в блокнотик, подошла к лежащим у стены стопкам журналов, вновь сверилась со своими записями, вытащила два. Один — в дорогом переплете, издаваемый дважды в год университетом Кентукки в Боулинг-Грин. Второй, формата «Ридерс дайджест», похоже, студенческий, назывался «Тяни-Кидай»: такие названия обычно придумывали студенты-филологи, и они ровным счетом ничего не значили.

— Открой их, открой! — потребовала Аманда и, когда сунула журналы в руки Лизи, обдала ее резким запахом собственного пота. — Страницы заложены уголками, видишь?

Уголки. Так их мать называла клочки бумаги. Первым Лизи открыла журнал, выходящий дважды в год, на отмеченной бумажкой странице. Фотография ей сразу понравилась —

четкая, качественно напечатанная. Скотт стоял на какой-то сцене, она — чуть сзади, аплодируя ему. Слушатели находились внизу, тоже хлопали. Фотография в «Тяни-Кидай» не шла с первой ни в какое сравнение. Разрешение отвратительное, точки размером с острие плохо заточенного карандаша, бумага самая дешевая, неровная, с посторонними вкраплениями — но, взглянув на фотографию, Лизи едва не заплакала. Скотт, похоже, входил в какой-то гудящий подвал. На его лице сияла привычная улыбка, которая говорила: «Да, знакомое местечко». Она шла в шаг или двух позади, но на фотографии была и ее улыбка, то есть фотограф воспользовался мощной вспышкой. Она даже узнала свою блузу, голубую, от Энн Кляйн, с забавной единственной красной полосой слева. Нижняя половина тела, вместе с одеждой, терялась в тени, и Лизи не помнила, что именно было на ней в тот вечер, но была почти уверена — джинсы. Если она шла куда-то поздно вечером, то всегда надевала вылинявшие джинсы. Надпись гласила: *Живая легенда Скотт Лэндон (в сопровождении подруги) в прошлом месяце посетил клуб «Сталаг 17» университета Вермонта. Лэндон оставался до последнего звонка, читал, танцевал, развлекался. Этот парень знает, как оттянуться.*

Да. Этот парень знал, как оттянуться. Она могла это засвидетельствовать.

Лизи посмотрела на все остальные периодические издания, внезапно потрясенная тем, какие еще богатства она может в них раскопать, и поняла, что Аманда все-таки причинила ей боль, разбередила рану, которая теперь могла кровоточить долгое время. Был ли Скотт единственным, кто знал о темных местах? Грязных, темных местах, где ты внезапно оказывалась одинокой и лишенной дара речи? Может, она знала о них не так много, как он, но знала предостаточно. И, конечно, она знала, что он одержим призраками. После захода солнца никогда не смотрелся в зеркало, да и в любую другую отражающую поверхность, если была такая возможность. И она

любила его; несмотря на все это. Потому что этот парень знал, как оттянуться.

Но с этим покончено. Этот парень наоттягивался. Этот парень отошел в мир иной, а в ее жизни — новый этап, на котором она не выступает в паре, а солирует, и уже слишком поздно поворачивать назад.

От этой мысли по ее телу пробежала дрожь, она заставила Лизи подумать о тварях,

(пурпурной, твари с пегим боком)

думать о которых не стоило, вот она и отогнала эти мысли.

— Я рада, что ты нашла эти фотографии. — В голосе слышалась теплота. — Ты очень хорошая старшая сестра, знаешь ли.

И, как и надеялась Лизи (но не могла на это рассчитывать), Анда растерялась. Подозрительно посмотрела на сестру в поисках намека на неискренность, но, разумеется, не нашла. Мало-помалу расслабилась, превратилась в Аманду, с которой легче иметь дело. Повертела в руках блокнот, нахмурившись, уставилась на него, словно не понимая, откуда он взялся. Лизи подумала, что, учитывая навязчивую природу чисел, это, возможно, шаг в правильном направлении.

Потом Анда кивнула, как делают люди, словно вспоминая что-то такое, о чем с самого начала не следовало забывать.

— Там, где нет кружков, тебя по крайней мере *назвали* — Лиза Лэндон, реально существующая личность. А самое главное — напоследок взгляни-ка вот на этот ли-и-изт... почти что каламбур получается, учитывая, как мы всегда тебя называли... ты увидишь, что некоторые числа обведены квадратом. В этих изданиях ты сфотографирована *одна!* — Она выразительно посмотрела на сестру. — Ты захочешь на них взглянуть.

— Безусловно. — Лизи постаралась придать голосу выражение, свидетельствующее о том, что от нетерпения она буквально выпрыгивает из трусиков, хотя не могла понять, почему ее должны заинтересовать фотографии, на которых она одна, сделанные в тот слишком уж короткий период, когда

рядом с ней был ее мужчина (хороший мужчина, знающий, как жить и как работать, не какой-нибудь инкунк), с которым она делила дни и ночи. Лизи оторвала взгляд от стопок и груд периодических изданий самых разных размеров и форм, представив себе, каково это будет — брать их пачку за пачкой, просматривать один за другим, сидя, скрестив ноги, на полу архивной комнаты (а где же еще?), отыскивая все эти фотографии — ее и Скотта. И на тех, которые особо злили Аманду, находить себя, шагающую чуть сзади, смотрящую на него снизу вверх. И если на фотографии другие аплодировали, аплодировала и она. Ее лицо на этих фотографиях могло быть безмятежным, практически не выдающим эмоций, показывающим разве что вежливое внимание. Ее лицо говорило: *Мне с ним не скучно*. Ее лицо говорило: *Он не вызывает у меня благоговейного трепета*. Ее лицо говорило: *Ради него я не брошусь в огонь, как и он — ради меня* (ложь, ложь, ложь).

Аманда ненавидела эти фотографии. Ее мучило от одного их вида. Она знала, что ее сестру иногда называли миссис Лэндон, случалось, миссис Скотт Лэндон, а то (и это было самым унижительным) не называли вовсе. Опускали до «подруги». Для Аманды это было равносильно убийству.

— Анда?

Аманда взглянула на нее. И в этом резком, ярком свете Лизи вдруг вспомнила, испытав самый настоящий шок, что осенью Аманде исполнится шестьдесят. Шестьдесят! В этот момент Лизи подумала о той твари, что преследовала ее мужа бессонными ночами (если все будет как она хочет, сказала себе Лизи, Вудбоди этого мира об этой тревоге никогда и ничего не узнают). Эта тварь, с бесконечным крапчатым боком, прекрасно знакома раковым больным, смотрящим на пустые стаканчики из-под болеутоляющего и знающим, что до утра новой порции не будет.

Она совсем близко, родная моя. Я не могу ее видеть, но слышу, как она закусывает.

Прекрати, Скотт, я не знаю, о чем ты говоришь.

— Лизи? — спросила Аманда. — Ты что-то сказала?

— Бормочу всякую чушь. — Она попыталась улыбнуться.

— Ты говорила со Скоттом?

Лизи оставила попытки улыбнуться.

— Да, пожалуй, что да. Иногда я все еще говорю с ним.

Безумие, правда?

— Я так не думаю. Нет, если получается. Я считаю, безумие — это когда не получается. Кому знать, как не мне? У меня есть некоторый опыт. Так?

— Анда...

Но Аманда уже отвернулась, чтобы взглянуть на кипы периодических изданий, студенческих журналов, ежегодников. А когда посмотрела на Лизи, ее лицо осветила робкая улыбка.

— Я все сделала правильно, Лизи? Я только хотела внести свою лепту...

Лизи взялась за руку Аманды, легонько сжала.

— Ты все сделала правильно. Как насчет того, чтобы уйти отсюда? Предлагаю тебе первой принять душ.

4

Я заплутал в темноте, и ты меня нашла. Мне было жарко... так жарко... и ты дала мне лед.

Голос Скотта.

Лизи открыла глаза, думая, что на мгновение отключилась от какой-то дневной работы, и увидела короткий, но на удивление подробный сон, в котором Скотт умер, а она подрядилась в Гераклы, взяв на себя очистку рабочих конюшен мужа. Но, открыв глаза, сразу поняла, что Скотт действительно умер, а сама она спала в собственной постели после того, как отвезла Аманду домой, и это был ее сон.

Она словно плавала в лунном свете. Улавливала аромат экзотических цветов. Теплый летний ветерок отбрасывал волосы с висков, тот ветерок, что дует после полуночи в каком-то таинственном месте далеко от дома. И однако это был ее дом, точно, ее дом, потому что перед собой она видела амбар, на чердаке которого располагались рабочие апартаменты Скотта — объект жгучего интереса инкунков. А теперь, спасибо Аманде, она знала, что там лежит множество фотографий ее и умершего мужа. Зарытое сокровище, духовная пища.

Может, лучше бы не смотреть эти фотографии, прошептал на ухо ветерок.

Ох, вот на этот счет сомнений у нее не было. Но она все равно посмотрит. Теперь, зная, что они там, просто не могла заставить себя не посмотреть.

Она обрадовалась, увидев, что плывет на огромном, поблескивающем в свете луны полотнище, на котором многократно напечатана фраза «ПИЛЬСБЕРИ — ЛУЧШАЯ МУКА». На углах полотнища узлы, как на носовом платке. Такое богатство фантазии ей нравилось. Все равно что плыть на облаке.

Скотт, она попыталась произнести его имя вслух и не смогла. Сон ей этого не позволил. Она видела, что подъездная дорожка, ведущая к амбару, исчезла. Вместе с двором между амбаром и домом. На их месте раскинулось огромное поле пурпурных цветов, дремлющих в призрачном лунном свете. *Скотт, я тебя любила, я тебя спасла, я...*

5

Тут она проснулась и услышала себя в темноте, повторяющую снова и снова, словно мантру: «Я тебя любила, я тебя спасла, я принесла тебе лед. Я тебя любила, я тебя спасла, я принесла тебе лед. Я тебя любила, я тебя спасла, я принесла тебе лед».

Она еще долго лежала, вспоминая жаркий августовский день в Нашвилле и думая (не в первый раз), что остаться одной, прожив так долго в паре, странно и необычно. Задай ей такой вопрос при жизни Скотта, она бы ответила, что два года — достаточный срок, чтобы с этим свыкнуться, но на собственном опыте выяснила, что это не так. Время, похоже, ничего не делало, разве что притупило острую кромку горя, и теперь она рвала, а не резала. Потому что уже ничего не было «по-прежнему». Ни снаружи, ни внутри, ни для нее. Лежа в кровати, где раньше спали двое, Лизи думала, что человек острее всего чувствует себя одиноким, когда просыпается и обнаруживает, что в доме никого нет. Из тех, кто способен дышать, — только ты да мыши в стенах.

Глава 2 ЛИЗИ И БЕЗУМЕЦ (Темнома любит его)

1

Наутро Лизи сидела, поджав ноги, в архивной комнате Скотта и просматривала кипы и стопки журналов, списки выпускников, бюллетени кафедры английского языка и литературы, университетские «журналы», которые лежали вдоль южной стены. До прихода в рабочие апартаменты думала, что беглого просмотра вполне хватит для того, чтобы избавиться от тех жестких тисков, в которых эти еще не увиденные фотографии держали ее воображение. А попав сюда, поняла, что надежда эта напрасна. И ей не требовался маленький блокнот Аманды с вписанными в него числами. Он лежал на полу,

никому не нужный, пока Лизи не сунула его в задний карман джинсов. Не нравился ей вид этого блокнота, принадлежащего человеку с не совсем здоровой психикой.

Вновь она оглядела длинную стопку книг и журналов, приваленных к южной стене, — пыльную книгоземею высотой в четыре фута, а длиной в добрые тридцать. Если бы не Аманда, она упаковала бы все в коробки из винного магазина, не заглянув ни в один журнал и гадая, зачем Скотт хранил в своих рабочих апартаментах так много мусора.

Мои мозги устроены как-то иначе, сказала она себе. Пожалуй, я не мыслитель.

Может, и нет, но ты всегда отличалась феноменальной памятью.

Голос Скотта, с его обаятельной насмешливостью, перед которой невозможно устоять. Но, по правде говоря, ей гораздо лучше удавалось все забывать. Ему тоже, и на то у обоих были свои причины. И однако, будто в доказательство его правоты, Лизи услышала обрывок разговора двух призраков. Один голос, Скотта, она узнала. Во втором слышался легкий южный акцент. Возможно, *показной* легкий южный акцент.

— ...Тони запишет все это для (Как там его? Чего-то там... Да, в общем, без разницы). Вы бы хотели получить экземпляр, мистер Лэндон?

— ...Гм-м-м? Конечно, будьте уверены!

Бормочущие голоса вокруг них. Скотт едва слышал слова о том, что Тони что-то там запишет, но он обладал свойственным политикам даром открываться тем, кто пришел увидеть его, когда он выступал публично. Скотт больше слушал гул окружающей толпы и уже думал о том, что вот-вот произойдет включение, приятный такой момент, когда электричество от него устремляется к собравшимся, чтобы потом вернуться обратно, с удвоенной, даже утроенной мощностью. Он любил этот поток, но Лизи точно знала, что больше всего ему нра-

вилось то мгновение, когда штепсель втыкался в розетку. Тем не менее он не стал экономить время на ответ.

— *Вы можете прислать фотографии, статьи или рецензии из газеты кампуса, отчеты кафедр и так далее. Пожалуйста. Я хочу увидеть все.* «Кабинет Лэндона, отделение БДП* № 2, Шугар-Топ-Хилл-роуд, Касл-Рок, штат Мэн». Лизи знает почтовый индекс. Я его вечно забываю.

Ничего о ней, просто «Лизи знает почтовый индекс». Как бы Анда завизжала, услышав такое! Но Лизи хотела, чтобы о ней забывали в таких поездках, чтобы она была и ее как бы не было. Ей нравилось наблюдать.

«Как тому парню в порнофильме?» — однажды спросил ее Скотт — и увидел узкую, как новорожденный месяц, улыбку, которая показывала, что он подошел к опасной черте. «Примерно так, дорогой», — ответила она.

Он всегда представлял ее сразу по приезде куда-либо и потом повторял ее имя снова и снова, другим людям, но это редко срабатывало. Вне своей сферы деятельности ученые, как ни странно, выказывали полное отсутствие любопытства. Большинство радовались приезду автора «Дочери побережья» (Национальная книжная премия) и «Реликвий» (Пулитцеровская). К тому же на протяжении почти десяти лет Скотта превозносили чуть ли не как божество. Другие, конечно, но отчасти он обрел нимб и в собственных глазах (Лизи, само собой, видела в нем обычного человека; она приносила ему новый рулон туалетной бумаги, если прежний заканчивался, когда он сидел на толчке). Никто, естественно, не подключал электричество к сцене, когда он стоял на ней с микрофоном в руке, но даже Лизи чувствовала связь, которая возникала между ним и аудиторией. Эти вольты. Они словно питали людей и имели слишком малое отношение к его писательству. Может, и вовсе никакого отношения. И были напрямую связаны с его личностью. Звучит безумно, но так оно и было. И вроде бы

* БДП — бесплатная доставка почты (в сельской местности).

эти вольты не сильно меняли его самого, не причиняли вреда, по крайней мере до...

Ее взгляд перестал бродить, остановился на книге в переплете с вытесненными золотыми буквами на корешке: «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988».

1988-й, год романа о рок-музыканте. Романа, который Скотт так и не написал.

1988-й, год безумца.

— Тони запишет все...

— Нет, — остановила себя Лизи. — Неправильно. Он не сказал Тони, он сказал...

— Тонех...

Да, вот это правильно, он сказал Тонех, он сказал...

— Тонех, он за-ахтишет все это...

— ...он запишет все это для «У-Тенн восемьдесят восьмого года», — произнесла Лизи без всякого акцента. — Он сказал...

— ...и вышлет «Экспресс-почтой».

И она могла поклясться, что этот ярый поклонник Теннеси Уильямса едва не сказал «Кспресс». Это был тот самый голос, все точно, с легким южным акцентом. Дэшмор? Дэшмен? Дэш там присутствовало, все так, и этот тип мчался вперед*, как гонщик-звезда, но звали его иначе. Звали его...

— Дэшмайл! — сообщила Лизи пустым комнатам и сжала кулаки. Смотрела на книгу с золотыми буквами на корешке, словно та могла мгновенно исчезнуть; стоило Лизи лишь отвести взгляд. — Этого маленького гадкого южанина звали Дэшмайл, и ОН УДРАЛ КАК ЗАЯЦ.

Скотт отверг бы и предложенную «Экспресс-почту», и «Федерал экспресс», полагая, что все это — лишние расходы. Насчет корреспонденции спешки никакой не было: когда придет, тогда он ее и получит. Когда дело касалось его романов, он как раз задержек с рецензиями не любил, предпочитал как можно быстрее их увидеть, а вот для статей о его публичных

* Одно из значений английского глагола «dash» — мчаться.

выступлениях обычная почта очень даже годилась. Поскольку «Кабинет» был его личным адресом, Лизи осознала, что она и не могла видеть всю эту корреспонденцию. А как только журналы оказывались здесь... эти просторные, хорошо освещенные комнаты были творческой игровой площадкой Скотта — не ее, клубом одного мальчика, где он писал свои истории, слушал свою музыку так громко, как ему того хотелось, в специальной комнате со звукоизолирующими стенами, которую он называл «Моя палата для буйных». На двери в рабочие апартаменты не висела табличка «НЕ ВХОДИТЬ», Лизи часто бывала там при жизни мужа, и Скотт всегда радовался ее приходу, но потребовалась Аманда, чтобы понять, что именно пряталось в животе книгозмеи, спящей у южной стены. Вспыльчивая Аманда, подозрительная Аманда, психически неуравновешенная Аманда, которая в какой-то момент пришла к выводу, что ее дом сгорит дотла, если она не будет класть в печку три кленовых полешка, не больше и не меньше. Аманда, которая трижды поворачивалась через левое плечо на крыльце, перед тем как вернуться в дом, если что-то там забывала. Посмотрите на все это (или послушайте, как она считает возвратно-поступательные движения руки, когда чистит зубы) и вы тут же внесете Аманду в список чокнутых старушек, а кто-то еще и выпишет ей золофт или прозак. Но без помощи Анды смогла бы маленькая Лизи понять, что в рабочих апартаментах хранятся сотни фотографий ее покойного мужа, дожидаящиеся, когда кто-нибудь на них глянет? Сотни воспоминаний, которые могли ожить. И в большинстве своем они были бы куда более приятными, чем связанное с Дэшмайлом, этим трусливым южанином...

— Прекрати, — пробормотала она. — Сейчас же прекрати, Лиза Дебушер Лэндон, расслабься и выброси из головы.

Но, вероятно, к этому она еще не была готова, потому что встала, пересекла комнату и опустилась на колени перед книгами. Правая рука вытянулась перед ней, словно по воле ка-

кого-то мага, и пальцы сжались на томе с надписью «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988» на корешке. Сердце учащенно билось, но не от волнения, а от страха. Разум мог сказать сердцу, что все это произошло восемнадцать лет назад, но в сфере эмоций сердце вело свой отсчет. Волосы у безумца были такими светлыми, что казались белыми. Этот безумец *готовился к защите диплома*, то есть в чем-то ума ему вполне хватало. На следующий день после выстрелов (когда состояние Скотта изменилось с критического на стабильно тяжелое), она спросила мужа, сказал ли этот выпускник-безумец, почему он это сделал, и Скотт прошептал в ответ, что не знает, могут ли безумцы что-либо делать по какой-то причине. Сделать что-то ради чего-то — это героический акт, акт воли, а у безумцев с волей не очень... или она думает иначе?

— *Я не знаю, Скотт. Я над этим подумаю.*

Не собираясь думать. Не испытывая никакого желания думать об этом без крайней на то необходимости. Что касается Лизи, она с радостью позволила бы этому блондинистому психу с маленьким револьвером присоединиться ко всему тому, что она успешно забыла после того, как встретила со Скоттом.

— *Жарко, там было жарко?*

Лежащий на больничной койке, бледный, еще слишком бледный, но уже с начавшим возвращаться привычным цветом лица. Рассеянный взгляд, разговор ни о чем. И Лизи Нынешняя, Лизи Одинокая, вдова Лэндон, задрожала всем телом.

— Он не помнил, — прошептала она.

Она почти не сомневалась, что не помнил. Ничего не помнил о том, как упал на мостовую, и они оба думали, что ему уже никогда не подняться. О том, что умирал, и эти мгновения могли стать последними в их совместной жизни, а ведь еще хотелось так много сказать друг другу. Невролог, которому она, набравшись храбрости, задала свои вопросы, отве-

тил, что такая забывчивость в порядке вещей. Люди, приходя в себя после травматического события, часто обнаруживают, что этот период на пленке их памяти засвечен. Иногда отдельные фрагменты и образы всплывают на поверхность через годы и даже десятилетия. Эту особенность человеческого разума невролог назвал защитным механизмом.

Лизи такое объяснение показалось логичным.

Из больницы она сразу вернулась в мотель, в котором они остановились. Номер им дали не очень, окна во двор, с видом на дощатый забор, звуковой фон — лай сотен собак, но она давно уже не обращала внимания на подобные мелочи. И уж конечно, ей не хотелось иметь ничего общего с кампусом, где стреляли в ее мужа. Как только она сбросила с ног туфли и улеглась на двуспальную кровать, в голову пришла мысль: *Темнота любит его.*

Это правда?

Как она могла ответить на этот вопрос, если даже не знала, о чем речь?

Ты знаешь. Премией отца был поцелуй.

Лизи так быстро повернула голову на подушке, словно получила оплеуху от невидимой руки. *Молчи об этом!*

Нет ответа... нет ответа... а потом застенчиво: *Темнота любит его. Он танцует с ней, как влюбленный, и луна поднимается над пурпурным холмом, а то, что было сладким, пахнет кислым. Пахнет как отрав.*

Она повернула голову в другую сторону. И за пределами комнаты мотеля собаки (судя по всему, там собрались все гребаные собаки Нашвилла) продолжали лаять, когда солнце опускалось в оранжевой августовской дымке, пробивая брешь для вступления ночи в свои права. В детстве мать сказала ей, что темноты нечего бояться, и она верила, что это правда. Темноту она всегда встречала весело, даже если ночь озаряли вспышки молний и раздирали гром. Если самая старшая ее сестра, Анда, пряталась под одеяло, то маленькая Лизи

сидела на кровати, сосала большой палец и требовала, чтобы кто-нибудь принес фонарик и прочитал ей сказку. Однажды она поделилась этими воспоминаниями со Скоттом, а он взял ее за руки и сказал: «Тогда ты будешь моим светом. Будь моим светом, Лизи». И она пыталась, но...

— Я блуждал в темноте, — пробормотала Лизи, сидя в его покинутых рабочих апартаментах с ежегодником «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988» в руках. — Ты так говорил, Скотт? Говорил, не правда ли?

— *Я блуждал в темноте, и ты меня нашла. Ты меня спасла.* Возможно, в Нашвилле так оно и было. Но не в конце.

— *Ты всегда спасала меня, Лизи. Ты помнишь первую ночь, которую я провел в твоей квартире?*

Сидя на полу, теперь уже с книгой на коленях, Лизи улыбнулась. Разумеется, она помнила. И лучше всего — как перебрала мятной водки, отчего потом болел желудок. И у него сперва возникли проблемы с эрекцией (сначала член не вставал, потом не стоял), но в конце концов все пришло в норму. Сначала она полагала, что причина в выпивке. И лишь потом он признался, что до нее у него ни с кем не получалось; она стала его первой, стала его единственной, и все истории, которые он рассказывал ей или кому-то еще о его безумной юношеской сексуальной жизни, о связях, что с мужчинами, что с женщинами, были ложью. А Лизи? Лизи видела в нем незаконченный проект, над которым следовало поработать до того, как ложиться в постель. Настроить посудомоечную машину так, чтобы она не сильно шумела: поставить кастрюльку из жаропрочного стекла отмокать; отсасывать молодому модному писателю, пока его орган не станет упругим и крепким, как репка.

— *Когда все закончилось, и ты заснула, я лежал и слушал тиканье твоих часов на прикроватном столике, вой ветра за окном и понимал, что я действительно дома, что кровать, в*

которой рядом лежишь ты, и есть дом, и что-то, которое подбиралось все ближе в темноте, внезапно ушло. Не могло оставаться. Его прогнали. Оно знало, как вернуться, я в этом уверен, но не могло оставаться, и вот тут я наконец-то смог заснуть. Мое сердце переполняла признательность. Я думаю, впервые я действительно испытывал признательность. Я лежал рядом с тобой, и слезы скатывались с моих щек на подушку. Я любил тебя тогда, и я люблю тебя теперь, и я любил тебя каждую секунду между тогда и теперь. И мне без разницы, понимаешь ли ты меня. Понимание сильно переоценивают, но никто в достаточной степени не чувствует себя в безопасности. А я никогда не забывал, какую ощутил безопасность, когда та тварь ушла из темноты.

— Премией отца был поцелуй.

Теперь эту фразу Лизи произнесла вслух, и пусть в рабочих апартаментах было тепло, по ее телу пробежала дрожь. Она все еще не знала, что означает эта фраза, вроде бы достаточно хорошо помнила, когда Скотт сказал ей, что премией отца был поцелуй, что она стала его первой и никто в достаточной степени не чувствует себя в безопасности: перед тем, как они поженились, она дала ему всю безопасность, какую только могла дать, но этого оказалось недостаточно. В конце концов тварь Скотта таки вернулась к нему, тварь, которую он иногда видел в зеркалах и стаканах для воды, тварь с огромным пегим боком. Длинный мальчик.

Лизи со страхом оглядела комнату, задавшись вопросом, а наблюдает ли сейчас эта тварь за ней.

2

Лизи открыла «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988». Корешок треснул, как револьверный выстрел. От неожиданности она вскрикнула и выронила книгу. Потом рассмеялась

(искренне, пусть в смехе и чувствовалась дрожь): «Лизи, ты чокнутая».

На этот раз из книги выпал сложенный газетный листок, пожелтевший и ломкий на ощупь. Развернув листок, она увидела фотографию крайне низкого качества с подписью под ней. Фотография запечатлела молодого человека лет двадцати трех, который выглядел гораздо моложе благодаря изумлению, написанному на лице. В правой руке он держал серебряную лопатку с короткой ручкой. На лопатке были выгравированы слова, которые на фотографии не читались, но Лизи их помнила: *НАЧАЛО, БИБЛИОТЕКА ШИММАН*.

Молодой человек... ну... тарашился на эту лопатку, и Лизи знала, не только по выражению лица, но и по неуклюжести его долговязой фигуры, что он понятия не имеет, а что, собственно, у него в руке. Это мог быть артиллерийский снаряд, японское карликовое дерево, счетчик Гейгера или китайская фарфоровая свинка-копилка с прорезью на спине для монеток; это мог быть искусственный член, амулет, свидетельствующий об истинности любви, или шляпа в форме колпака из шкуры койота. Это мог быть пенис поэта Пиндара. Нет, нет, этот молодой человек точно не понимал, что видел перед собой. Лизи могла поспорить, что он не отдавал себе отчета и в том, что за его левую руку ухватился мужчина, также застывший в море точек плохого разрешения, словно пришедший на бал-маскарад в костюме дорожного копа: без оружия, но с португеей через грудь и, как сказал бы Скотт, смеясь и округляя глаза, с «та-а-кой большущей бляхой». И губы мужчины разошлись в большущей улыбке, улыбке облегчения («Слава тебе, Господи»), которая говорила: *Сынок, тебе больше никогда не придется покупать выпивку в любом баре, где я окажусь, если у меня будет в кармане хоть один доллар*. А на заднем плане Лизи видела Дэшмайла, маленького гадкого южанина, который убежал. Роджера Т. Дэшмайла, вспомнилось ей, и большое «Т» означало «трус».

Она, Лизи Лэндон, видит счастливого копа из службы обеспечения безопасности кампуса, пожимающего руку молодому человеку, который все еще в шоке? Нет, но... возможно...

А чего гадать... нужно просто посмотреть... тебе нужна картинка реальной жизни, равноценная таким сказочным образам, как Алиса, падающая в кроличью нору, или жаба в цилиндре, управляющая автомобилем*? Тогда взгляни, что изображено в правом нижнем углу фотографии.

Лизи наклонилась так низко, что ее нос уперся в пожелтевшую фотографию из «Нашвилл америкэн». В широком центральном ящике стола Скотта лежала лупа. Лизи видела ее там много раз, аккуратно между самой старой в мире нераспечатанной пачкой сигарет «Герберт Тейритон» и самой старой в мире книжкой непогашенных зеленых купонов на скидки универмага «Сперри-и-Хэтчисон». Она могла бы взять лупу, но решила, что обойдется. Не требовалось ей увеличительное стекло, чтобы подтвердить то, что она и так видела: половину туфли из мягкой коричневой кожи. Точнее, часть туфли из кордовской кожи, на среднем каблуке. Она прекрасно помнила эти туфли. Какие они были удобные. И она определенно надевала их в тот день. Она не видела счастливого копа или ошеломленного молодого человека (Тони, теперь она в этом не сомневалась, того самого «Тонех, он за-ахпшишет все это»), не заметила и Дэшмайла, этого южанина-труснишку, который тут же сделал ноги. Все эти люди разом перестали для нее существовать, все до единого. К тому моменту она полностью сосредоточилась на одном человеке, на Скотте. Конечно, он находился всего в каких-нибудь десяти футах, но она знала: если не доберется до него тотчас же, толпа вокруг не пропустит ее... а если ее не будет рядом, толпа может его убить. Убить

* Жаба в цилиндре, управляющая автомобилем, — аллюзия на сказочную повесть английского писателя Кеннета Грэма «Ветер в ивах», в англоязычных странах популярностью не уступающую «Алисе».

своей любовью и озабоченностью. И он, должно быть, умирал. Если умирал, она хотела быть там, когда он отдаст концы. В момент его Ухода, как сказали бы ровесники ее отца и матери.

— Я была уверена, что он умрет, — сказала она молчаливой, залитой солнечным светом комнате, пыльной туше книгозмеи.

Вот она и побежала к упавшему мужу, а фотограф отдела новостей (он приехал в кампус лишь для того, чтобы сделать общую фотографию лучших людей колледжа да знаменитого заезжего писателя, а они собрались здесь, чтобы использовать эту серебряную лопатку, совершить ритуал Начала строительства, отбросить первую лопату земли из котлована под фундамент новой библиотеки) сделал очень даже динамичную фотографию. Фотографию на первую полосу газет, может, даже для *зала славы* фотографии, из тех, что за завтраком заставляют застыть руку с ложкой овсянки между тарелкой и ртом, роняя капли на частные объявления, вроде фотографии Освальда с руками, прижатыми к животу, и открытым в предсмертном крике ртом — застывшее мгновение, которое никогда не забывается. Только одна Лизи могла осознать, что на фотографию попала и жена писателя. Точнее, часть ее туфли на среднем каблуке.

Надпись под фотографией гласила:

Капитан С. Хефферизн из службы безопасности кампуса У-Тенн поздравляет Томи Эддингтона, который за несколько секунд до того, как была сделана эта фотография, спас жизнь гостю университета, знаменитому писателю Скотту Лендону. «Он — настоящий герой, — сказал капитан Хефферизн. — Никто другой просто не успел бы прийти на помощь». (Подробности на стр. 4).

По левую сторону фотографии кто-то написал довольно-таки длинное послание. Почерк Лизи не узнала. По правой были две строчки, написанные пружинистым почерком Скотта, первая с более крупными буквами, чем вторая... и маленькая стрелка, господи, указывающая на туфлю! Она знала, что означает эта стрелка: он понял, что изображено в правом нижнем узлу фотографии. В сочетании с историей его жены (назовите ее «Лизи и безумец», захватывающий рассказ о настоящем приключении) он понял все. Разъярился? Нет. Поскольку знал, что его жена не разъярится. Знал, она подумает, что это забавно, просто смешно, но почему тогда она на грани слез? Никогда раньше за всю свою жизнь она не была так удивлена, поставлена в тупик, сокрушена собственными эмоциями, как в несколько последних дней.

Лизи уронила газетную вырезку на книгу, боясь, что внезапный поток слез растворит ее точно так же, как слюна растворяет попавшую в рот сахарную вату. Она прижала ладони к глазам, подождала. Когда не осталось сомнений в том, что слезы не потекут, вновь подняла вырезку и прочитала написанные Скоттом строки:

Нужно показать Лизи! Как она будет СМЕЯТЬСЯ
Но поймет ли? (Наши изыскания говорят — «да») !

Он поставил большой, на обе строчки, восклицательный знак, вместо точки изобразил мордашку, «лыбу-улыбу», радостный символ 1970-х годов, как бы говоря: удачного тебе дня. И Лизи его поняла. Через восемнадцать лет, но что с того? Память относительна.

*Очень дзен**, кузнечик, мог бы сказать Скотт.

— Дзен, шмен. Я вот думаю, что подельывает сейчас Тони, вот о чем я думаю. Спаситель знаменитого Скотта Лэндона. —

* То есть в соответствии с понятиями дзен-буддизма.

Она рассмеялась, и слезы, которые ей ранее удавалось сдерживать, потекли по щекам.

Теперь она повернула фотографию и прочитала вторую, более длинную запись:

18888

Дорогой Скотт (если позволите)!

Я подумал, что вам будет интересно увидеть эту фотографию С. Антония («Тони») Эддингтона III, молодого студента-выпускника, который спас вам жизнь. У-Тенн, разумеется, по достоинству отметит его заслуги; мы также подумали, что и вы захотите связаться с ним. Его адрес: Колдвью-авеню, 748, Нашвил-Норд, Нашвил, Теннесси, 37235. Мистер Эддингтон, «бедный, но гордый», происходит из прекрасной семьи южного Теннесси и отличный студенческий поэт. Вы, разумеется, захотите его поблагодарить (и, возможно, вознаградить), как сочтете нужным.

С уважением, сэр,

Роджер Т. Дэшмайл

ассистент профессора кафедры английского языка
и литературы, университет Теннесси, Нашвил.

Лизи прочитала записку раз, второй («Ты однажды, дважды, трижды леди, и я тебя люблю», — пропел бы в этот момент Скотт), все еще улыбаясь, но теперь в улыбке почувствовалось сначала удивление, а потом и осознание смысла прочитанного. Роджер Дэшмайл, возможно, не знал, что в действительности произошло, как и коп кампуса. А сие означало, что только два человека во всем огромном мире знали правду о том дне: Лизи Лэндон и Тони Эддингтон, тот самый парень, который должен был записать «все это» для ежегодника «Обзор событий». Вполне возможно, что даже сам «Тонех» так и не понял, что же произошло после того, как серебряная лопатка вонзилась в землю и отбросила первую порцию грунта. Мо-

жет, у него случился вызванный страхом провал в памяти. Обратите внимание: *он действительно мог верить, что спас Скотта Лэндона от смерти.*

Нет. Она так не думала. Подумала она о другом: эта вырезка и записка Дэшмайла были мелкой мстью Скотту за... за что?

За то, что он был всего лишь вежлив?

За то, что смотрел на *Monsieur de Literature** Дэшмайла и не видел его?

За то, что был богатым, фонтанирующим идеями сукиным сыном, который собирался получить пятнадцать тысяч долларов за один день непыльной работы: сказать несколько теплых слов да отбросить лопату земли? *Предварительно взрыхленной земли.*

За все это. И за многое другое. Дэшмайл, по мнению Лизи, верил, что в более справедливом, более честном мире их позиции поменялись бы; там на нем, Роджере Дэшмайле, фокусировался бы интеллектуальный интерес, его бы обожали студенты, тогда как Скотт Лэндон (не упоминая уже про маленькую мышку-жену, ради которой никто бы и не пернул, даже если бы от этого зависела ее жизнь) был бы среди тех, кто гнет спину на виноградниках кампуса, всегда ищет расположения власть имущих, держит нос по ветру кафедральной политики, пресмыкается ради повышения жалованья.

— Как бы то ни было, он не любил Скотта, и это — его месь, — сообщила Лизи пустым, залитым солнечным светом комнатам над длинным амбаром. — Это... вырезка, отравленная пером.

Она подумала над только что сказанным и закатилась смехом, прижав ладони к ровному участку груди под ключицами.

Успокоившись, Лизи начала пролистывать «Обзор событий», пока не нашла интересующую ее заметку: «САМЫЙ ЗНА-

* Мсье Литература (фр.).

МЕНИТЫЙ ПИСАТЕЛЬ АМЕРИКИ ВОПЛОЩАЕТ В РЕАЛЬНОСТЬ ДАВНЮЮ БИБЛИОТЕЧНУЮ МЕЧТУ». Написал заметку **Антоний Эддингтон**, известный в узких кругах как **Тонех**. И, читая заметку, **Лизи** обнаружила, что все-таки способна на злость. Даже на ярость. Потому что в заметке не упоминалось, чем закончилось торжество, или, если уж на то пошло, героизм автора заметки. Лишь из последних строчек внимательный читатель мог понять: что-то прошло не так, как намечалось: «Речь мистера **Лэндона** после церемонии **Начала** строительства и его встречу со студентами, где он собирался читать свои произведения, отменили из-за неожиданно возникших проблем, но мы надеемся в скором будущем снова увидеть в нашем кампусе этого гиганта американской литературы. Возможно, на церемонии открытия библиотеки **Шипмана** в 1991-м!»

Напоминание, что это университетский «Обзор событий», прости, Господи, дорогая, в переплете, книга, которая рассылается богатым выпускникам, несколько охладило злость **Лизи**; неужели она думала, что ежегодник «**У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988**» позволил бы приглашенному писателю замарать кровью свои страницы? И сколько тогда долларов поступит в университетскую сокровищницу? Помог и тот факт, что сам **Скотт** находил все это забавным... но не очень. **Скотта**, в конце концов, здесь не было, он не мог обнять ее, поцеловать в щеку, отвлечь, мягко пощипывая сосок и говоря, что для всего есть свое время: время сеять и время собирать урожай; время одеваться и, соответственно, время раздеваться, да, и время это как раз и подошло...

Скотт, черт бы его побрал, ушел. И...

— И он пролил кровь за вас, люди, — пробормотала **Лизи** негодующим голосом, почти что с интонациями **Анды**. — Он едва не умер за вас, люди. Просто чудо, невероятное чудо, что не умер.

И Скотт заговорил с ней снова, как говорил раньше. Она знала, что это всего лишь внутренний чревовещатель, говорящий его голосом (который любил Скотта больше или лучше помнил?), но чувствовала совсем другое. Чувствовала, что говорит он.

Ты была моим чудом, сказал Скотт. Моим невероятным чудом. Не только в тот день, всегда. Ты была той, кто отгонял от меня темноту, Лизи. Ты светила.

— Полагаю, иногда ты действительно так думал. — Голос Лизи звучал рассеянно.

— *Жарко?*

Да. Тогда было жарко. Но не только жарко. Было...

— Влажно, — озвучила свою мысль Лизи. — *Душно.* И у меня было дурное предчувствие.

Сидя перед книгозмейей, с ежегодником «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988» на коленях, мысленным взором Лизи вдруг ясно и четко увидела бабушку Ди, которая во дворе их дома кормила кур.

— Дурное предчувствие появилось у меня в ванной. Потому что я разбила...

3

Она продолжает думать о стакане, этом паршивом разбитом стакане. Когда она думает о стакане, уходят мысли о том, как же ей хочется выбраться из этой удушающей жары.

Лизи стоит позади и чуть справа от Скотта, скромно сцепив руки перед собой, наблюдая, как он балансирует на одной ноге, поставив другую на дурацкую маленькую лопатку, наполовину ушедшую в рыхлую землю, которую подготовили акkurat к этому событию. День до безумия жаркий, до безумия влажный, до безумия душный, а внушительная толпа, которая собралась вокруг, все только усугубляет. В отличие

от участников церемонии зевакам не обязательно облачаться в парадную одежду, и пусть их джинсы, шорты, велосипедки — не лучший выбор для этого жарко-влажно-душного дня, Лизи завидует им, стоя в первом ряду толпы, окутанная послеполуденным жаром летнего дня в Теннесси. Утомительно стоять даже в самой легкой одежде, и она волнуется, что скоро на светло-коричневом льняном топике, надетом поверх синего, из искусственного шелка бюстгальтера, под мышками появятся темные круги. У нее отличный бюстгальтер для жаркой погоды, и все равно он так сильно врезается в кожу под грудями. Счастливых тебе дней, крошка.

Скотт тем временем продолжает балансировать на одной ноге, его волосы, сзади слишком длинные (ему давно пора их стричь, он знает, что смотрит в зеркало и видит рок-звезду, но она, глядя на него, видит улыбающегося бродягу из песни Вуди Гатри), колышутся под редкими порывами ветра. Он потакает фотографу, который крутится вокруг него, не сдвигается с места, позировет. Чертовски долго позировет. Слева от Скотта молодой парень, которого зовут Тони Эддингтон. Он должен что-то написать об этом выдающемся событии в какую-то из газетенек кампуса, справа — их сопровождающий, представитель кафедры английского языка и литературы, звать его Роджер Дэшмайл. Дэшмайл — из тех мужчин, которые выглядят старше своих лет, и не потому, что потеряли слишком много волос или отъели слишком большой живот. Причина в том, что они стараются придать себе ну очень серьезный вид. Даже их шутки напоминали Лизи чтение текста страхового полиса. И ухудшало ситуацию то обстоятельство, что Дэшмайл не любил ее мужа. Лизи почувствовала это сразу (особого дара для этого не требовалось, потому что большинству мужчин ее муж нравился), и вот этим отношением Дэшмайла к Скотту она и объясняла свою тревогу. А тревога была, и еще какая. Она пыталась убедить себя, что причина исключительно в повышенной влажности и облаках, которые собирались на

западе, предвещающая грозу, может, даже торнадо, ближе к вечеру. Но барометр не показывал низкого атмосферного давления, когда она поднялась с постели без четверти семь. Уже стояло прекрасное летнее утро, и только что поднявшееся солнце подсвечивало триллион крошечных капелек росы на траве, которая росла между их домом и рабочими апартаментами Скотта. На небе не было ни облачка, и старый папаша Дейв Дебушер сказал бы, что «это действительно чертовски хороший день». И однако в тот самый момент, когда ее ноги коснулись дубовых половиц в спальне, а мысли обратились к поездке в Нашвилл (в аэропорт Портленда они собирались выехать в восемь утра, самолет компании «Дельта» вылетал в девять сорок), сердце наполнилось ужасом, а немотивированный страх принялся глотать ее пустой с утра желудок. Эти ощущения она восприняла с удивлением и смятением, потому что любила путешествовать, особенно со Скоттом: они уютно устраивались рядом, он — со своей открытой книгой, она — со своей. Иногда он ей что-нибудь читал, бывало и наоборот, она что-то читала ему. Иногда она чувствовала его взгляд и поднимала голову, чтобы найти его глаза. Он так серьезно разглядывал ее. Словно она по-прежнему оставалась для него загадкой. Да, иной раз случалась болтанка, но ей это тоже нравилось. Напоминало аттракционы на ярмарке в Топшэме, куда родители возили ее и сестер, когда они еще были маленькими, «Безумные чашки» и «Дикую мышь». Скотта болтанка тоже не смущала. Она помнила один поистине сумасшедший полет к Денверу (сильный ветер, гром и молнии, и маленький винтокрылый самолетик авиакомпании «Мертвая голова», один во всем долбаном небе), и Скотт, который буквально прыгал в кресле, словно мальчишка, которому приспичило в туалет, с ухмылкой от уха до уха. Нет, Скотта пугали другие полеты, на земле, те, что он иной раз совершал глубокой ночью. Бывало, он говорил (спокойно, даже с улыбкой) о том, что мог видеть на экране выключенного телеви-

зора. Или на дне широкого стакана, если наклонить его под нужным углом. Она ужасно пугалась, когда он начинал об этом говорить. Потому что это было безумие и потому что она где-то знала, о чем он говорил, пусть даже и не хотела этого знать.

В общем, встревожили ее не показания барометра и, конечно же, не перспектива очередного перелета. Но в ванной, потянувшись к выключателю, чтобы зажечь свет над раковиной (этот маневр она выполняла без единого происшествия, легко и непринужденно, изо дня в день все восемь лет, которые они прожили на Шугар-Топ-Хилл, то есть примерно три тысячи раз, с учетом частых поездок), тыльной стороной ладони сшибла стеклянный стакан с зубными щетками. Он упал на плитки пола и разбился приблизительно на три тысячи мелких осколков.

— Говняный пожар, без всяких долбанных спичек! — воскликнула она, испуганная и раздраженная, так как вдруг обнаружила, что... она не верила в знаки и знамения, ни Лизи Лэндон, писательская жена, ни Лизи Дебушер с Саббатус-роуд в Лисбон-Фоллс. Знаки и знамения — это для живших в лагунгах ирландцев.

Скотт, который только что вернулся в спальню с двумя чашками кофе и тарелкой гренков с маслом, остановился как вкопанный: «Что ты разбила, крошка?»

— Ничего такого, что вылезло из собачьей жопы, — злобно ответила Лизи и сама себе изумилась. Так говорила бабушка Дебушер, а бабушка Ди определенно верила в знаки и знамения, но старушка умерла, когда Лизи только-только исполнилось четыре годика. Неужто она могла помнить бабушку? Похоже на то, раз стояла здесь, глядя на валяющиеся вокруг осколки стекла, и с ее губ сорвались те самые слова, которые произносила бабушка Ди, когда считала, что видит знамение, да еще и произнесла прокуренным голосом бабушки Ди... и возвращение в настоящее, она стоит и наблюдает, как ее муж делает все, чтобы облегчить фотографу жизнь, одетый в са-

мый легкий из своих летних костюмов с пиджаком спортивного покроя (и все равно скоро под мышками проступят круги пота).

— *Разбитое стекло утром — разбитые сердца вечером.*

Это была заповедь бабушки Ди, которую запомнила как минимум одна маленькая девочка, запомнила до того дня, как бабушка Ди, хрипя, упала на птичьем дворе и из фартука высыпался куриный корм.

Вот так-то.

Не жара, не полет, не этот Дэшмайл, который попал во встречающие-сопровождающие только потому, что завкафедрой английского языка и литературы днем раньше с сильнейшими болями в животе угодил в больницу, где ему сразу удалили камень из мочевого пузыря. Это разбитый... долбаный... *стакан* в сочетании с высказыванием давно умершей бабушки-ирландки. А шутка-то заключалась в том (как потом указал Скотт), что этого вполне хватило, чтобы она насторожилась. По крайней мере хотя бы наполовину подготовилась к неожиданностям.

«Иногда, — скажет он ей чуть позже, еще лежа на больничной койке (ах, но ведь он мог так легко лечь в гроб, и тогда его бессонные, раздумчивые ночи канули бы в Лету), шепотом, с усилием, — иногда хватает даже малости, чтобы отвести беду. Народная мудрость».

И со временем она точно узнает, о чем он тогда говорил.

4

У Роджера Дэшмайла сегодня болит голова, Лизи это знает, хотя из-за этого отношение к нему не улучшается. Если и существовал сценарий церемонии, то профессор Хегстром (тот самый, у которого случился острый приступ мочекаменной болезни) не успел сказать Дэшмайлу или кому-то еще, како-

вы основные этапы или где лежит бумага, на которой они перечислены. Так что Дэшмайла оставили наедине с отведенным на церемонию временем и персонажами, включая писателя, которого он невзлюбил с первого взгляда. Когда маленькая группа (руководство университета и почетные гости) покинула Инман-Холл, чтобы совершить короткую, но очень уж жаркую прогулку к участку земли, где предстояло появиться библиотеке Шипмана, Дэшмайл сказал Скотту, что действовать они будут практически по обстановке. Скотт добродушно пожал плечами. Какие возражения? Для Скотта Лэндона это стиль жизни.

— Я вас предста-ахвлю, — сказал мужчина, о котором в последующие годы Лизи думала исключительно как о трусе. А пока они шли к выжженному солнцем участку земли, отведенному под новую библиотеку, фотограф, которому доверили запечатлеть этот момент для истории, бегал взад-вперед, снимал и снимал, не зная отдыха. Впереди Лизи увидела прямоугольник свежей земли пять на девять футов, привезенной, как она предположила, этим утром. Но никто не подумал накрыть ее брезентом, так что земля начала уже подсыхать, как бы покрываясь сероватым налетом.

— Кто-то должен это сделать, — согласился Скотт.

Говорил весело, но Дэшмайл нахмурился, словно уязвленный незаслуженной насмешкой. Затем, вздохнув, продолжил:

— За предста-ахвлением последуют аплодисменты...

— Как день следует за ночью, — пробормотал Скотт.

— ...а потом вы ска-ажете слово или два, — закончил Дэшмайл. За участком выжженной земли, ожидающим, когда же на нем появится библиотека, блестела под солнечными лучами только что заасфальтированная автостоянка с новенькой желтой разметкой. Лизи видела, как на ее дальней стороне плещется несуществующая вода.

— С удовольствием, — ответил Скотт.

Его добродушная реакция, похоже, тревожила Дэшмайла.

— Надеюсь, вы не захотите сказать слишком уж много, — вырвалось у него, когда они подходили к прямоугольнику рыхлой привезенной земли. Перед ним никого не было, но за прямоугольником собралась большая толпа, последние ряды стояли чуть ли не на асфальте автостоянки. А еще большая толпа сопровождала Дэшмайла и Лэндонов от Инман-Холла. Скоро этим толпам предстояло слиться, и Лизи (обычно толпы вызывали у нее не больше отрицательных эмоций, чем болтанка на высоте двадцати тысяч футов) это совершенно не нравилось. В голову пришла мысль, что так много людей, собравшихся вместе в столь жаркий день, могут высосать из воздуха весь кислород. Глупая идея, но...

— Сегодня очень уж жарко, даже для На-ахшвилла в августе, не так ли, Тонех?

Тони Эддингтон согласно кивнул, но промолчал. Собственно, многословием он и не отличался, сказал только, что не знающий усталый фотограф — Стефан Куинсленд из «Нашвилл америкэн», окончивший У-Тенн, Нашвилл, в 1985 году. «Надеюсь, вы облегчите ему работу, если сможет», — обратился Тони Эддингтон к Скотту, когда они выходили из Инман-Холла.

— Когда вы закончите свою речь, — продолжил Дэшмайл, — опять будут а-ахплудисменты. А потом, мистах Лэндон...

— Скотт.

Дэшмайл улыбнулся одними губами, и то на мгновение.

— А потом, Скотт, вы подойдете туда и отбросите первую, самую ва-ажную лопату земли.

— Звучит неплохо, — ответил Скотт и больше ничего сказать не успел, потому что они прибыли к цели.

5

Возможно, сказался разбитый стакан (ощущение, что он — знамение), но Лизи прямоугольник привезенной земли очень уж напомнил могилу: размером XL, для великана. Две

толпы слились в одну, образовав в середине жаркую, безвоздушную духовку. Сотрудники службы безопасности кампуса стояли по углам квадрата, огороженного бархатными канатами, под один из которых нырнули Дэшмайл, Скотт и «Тонех» Эддингтон. Куинсленд, фотограф, продолжает свой бесконечный танец, практически не отрывая фотоаппарат «Никон» от лица. *Прямо как Виджи**, думает Лизи и вдруг понимает, что завидует ему. Он такой свободный, порхает в жару, словно стрекоза; ему двадцать пять лет, и все у него хорошо. Дэшмайл, однако, смотрит на него со всевозрастающим нетерпением, коего Куинсленд предпочитает не замечать до тех пор, пока не сделает нужный ему снимок. Лизи подозревает, что он хочет сфотографировать Скотта одного, с ногой на этой идиотской серебряной лопатке, с подхваченными ветром длинными волосами. Но в конце концов он опускает фотоаппарат и отходит к толпе. И, задумчиво провожая взглядом Куинсленда, Лизи впервые видит безумца. Выглядит он (один местный репортер так и напишет) как «Джон Леннон в последние дни своего романа с героинном — запавшие, настоженные глаза, создающие странный и тревожащий контраст с его в остальном детским, мечтательным лицом».

В этот момент Лизи замечает разве что спутанные светлые волосы. Сегодня ей неинтересно наблюдать за людьми. Она хочет, чтобы все закончилось и она смогла найти женский туалет на кафедре английского языка и литературы (здание, где расположена кафедра, находится по другую сторону автомобильной стоянки) и поправить натирающую полоску трусиков между ягодицами. Ей нужно еще и пописать, но на данный момент эта проблема — не главная.

— Дамы и господа! — хорошо поставленным голосом начинает Дэшмайл. И южный акцент практически улетучивается. — С огромным удовольствием представляю вам мисте-

* Виджи (1899—1968) — настоящее имя — Артур Феллиг, знаменитый американский фотограф.

ра Скотта Лэндона, автора романов «Реликвии», получившего Пулитцеровскую премию, и «Дочь Костера», удостоенного Национальной книжной премии. Он приехал к нам из Мэна со своей очаровательной женой Лизой, чтобы положить начало строительству, совершенно верно, наконец-то это случилось, нашей библиотеки Шипмана. Скотт Лэндон, друзья мои, давайте поприветствуем его, как принято в Нашвилле!

Толпа взрывается аплодисментами. Очаровательная жена присоединяется к ним, хлопает в ладоши. Смотрит на Дэшмайла и думает: *Он получил НКП за «Дочь Коустера».* Коустера — не Костера. *И я уверена, ты это знаешь. Я уверена, что ты сознательно искажил название. Почему ты не любишь его, ты, жалкий человечиска?*

Потом, так уж получилось, взгляд ее устремляется дальше, и на этот раз она действительно замечает Герда Аллена Коула, который стоит на прежнем месте с роскошной гривой светлых волос, закрывающих лоб, и рукава его белой, на два размера больше рубашки закатаны до жиденьких бицепсов. Подол не заправлен и болтается у вытертых колен джинсов. На его ногах сапоги с пряжками по бокам. Лизи представляется, что для такой погоды это слишком уж жаркая обувка. Вместо того чтобы хлопать, Блонди неспешно сводит и разводит руки, на губах его гуляет легкая улыбка, а сами губы шевелятся, словно он тихонько молится. Он смотрит на Скотта, и взгляд этот ни на секунду не отрывается от ее мужа. Лизи сразу вычисляет Блонди. Есть такие люди (практически всегда это мужчины), которых она называет «Скоттовские ковбои глубокого космоса». Ковбоям глубокого космоса есть что сказать. Много чего. Они хотят схватить Скотта за руку и поведать ему, что понимают тайные послания, заложенные в его книгах; они понимают, что в действительности книги эти — путеводители к Богу, к Сатане, даже, возможно, к гностическим доктринам. Ковбои глубокого космоса могут говорить о сайентологии, или нумерологии, или (в одном случае)

о Космической лжи Бригэма Янга. Иногда они хотят поговорить о других мирах. Двамя годами раньше один такой ковбой глубокого космоса на попутках приехал в Мэн из Техаса, чтобы поговорить со Скоттом об, как он их называл, *отъезжающих*. Наиболее часто, сказал он, их можно встретить на необитаемых островах Южного полушария. Он знал, что именно о них Скотт писал в романе «Реликвии». Он показал Скотту подчеркнутые строки, которые доказывали его слова. Этот парень заставил Лизи понервничать (прежде всего из-за непроницаемых, как стена, глаз), но Скотт поговорил с ним, угостил пивом, обсудил статуи на острове Пасхи, взял пару его буклетов, подарил новенький экземпляр «Реликвий» с автографом и отправил домой ошарашенным. Ошарашенным? Да, да, пританцовывающим от счастья. Когда Скотту того хочется, он может очаровать любого. Будьте уверены.

Мысль о фактическом насилии (Блонди станет Марком Дэвидом Чэпменом* для ее мужа) не приходит Лизи в голову. *Мой мозг не так устроен*, могла бы она сказать. *Мне просто не понравилось, как шевелились его губы.*

Скотт откликается на аплодисменты (и на крики наиболее рьяных поклонников) знаменитой улыбкой Скотта Лэндона, которая красовалась на миллионах суперобложек, и все это время опирается одной ногой на дурацкую серебряную лопатку, штык которой медленно уходит в привезенную землю. Он позволяет аплодисментам длиться десять или пятнадцать секунд (доверяя своей интуиции, которая никогда его не подводит), а потом взмахивает рукой, обрывая их. И они обрываются. Сразу. В мгновение ока. Это круто, но где-то и пугающе.

Когда Скотт говорит, его голос по громкости не идет ни в какое сравнение с голосом Дэшмайла, но Лизи знает: даже без микрофона или мегафона на батарейках (а сегодня нет ни первого, ни второго — вероятно, по чьему-то недосмотру) голос

* Чэпмен Марк Дэвид — убийца Джона Леннона.

этот будет слышен и в последних рядах собравшейся большой толпы. И толпа жадно ловит каждое слово. К ним приехал Знаменитый Человек. Мыслитель и Писатель. И вот-вот начнет разбрасывать жемчужины мудрости.

Метать бисер перед свиньями, думает Лизи. В данном конкретном случае перед потными свиньями. Но разве ее отец как-то не говорил ей, что свиньи не потеют?

Блонди, который стоит напротив нее, отбрасывает спутанные волосы с высокого белого лба. Его руки такие же белые, как и лоб. Лизи думает: *Это свинья, которая подолгу не выходит из дома. Свинья-домосед, верно? У него полным-полно странных идей, на обдумывание которых уходит слишком много времени.*

Она переступает с ноги на ногу, и шелк ее трусиков прямо-таки скрипит, забившись в щель между ягодицами. Она забывает о Блонди, пытаясь прикинуть, сможет ли она... когда Скотт заговорит... очень скрытно, вы понимаете...

Добрый мамик подает голос. Голос строгий. Всего три слова. Не допуская возражений. *Нет, Лизи. Подожди.*

— Нет, я не собираюсь читать вам проповедь, — начинает Скотт, и она узнает интонации Галли Фойла, главного героя романа Альфреда Бестера* «Место назначения — звезды». Его любимого романа. — Для проповедей слишком жарко.

— Переизлучи нас, Скотти! — восторженно кричит кто-то из пятого или шестого ряда. Толпа смеется и визжит от восторга.

— Не могу этого сделать, брат, — отвечает Скотт, — транспортеры сломаны, и у нас больше нет литиевых кристаллов**.

* Бестер Альфред (1913–1987) — известный американский писатель-фантаст. Роман «Звезды — моя цель» (The Stars My Destination) на русском языке известен под названием «Тигр! Тигр!». Следует отметить, что под вышеуказанным названием на языке оригинала роман издавался в Англии. В Америке он вышел в 1956 году под названием «Tiger! Tiger!».

** Аллюзия на культовый для Америки сериал «Стар трек».

Собравшиеся, для которых внове и находчивый ответ из толпы, и последующая фраза Скотта (Лизи слышала и первое, и второе раз пятьдесят), одобрительно режут и хлопают. Блонди сухо улыбается, не потеет, хватается за левое запястье правой рукой с длинными пальцами. Скотт убирает ногу с лопатки, не потому что надоело держать ее на штыке, а с таким видом, будто нашел ей, в смысле — ноге, другое применение (хотя бы на минутку). И такое ощущение, что действительно нашел. Она наблюдает как зачарованная, потому что Скотт в ударе, делает с толпой что хочет.

— Идет одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год, и мир потемнел, — говорит он.

Короткий деревянный черенок лопатки скользит между неплотно сжатых пальцев. Солнечный зайчик, отраженный от штыка, один раз ударяет в глаза Лизи, а потом рукав легкого костюма закрывает штык. Используя черенок как указку, Скотт рисует в воздухе перед собой трагедию времени.

— В марте Оливера Норта и вице-адмирала Джона Пойнтдекстера арестовали по обвинению в заговоре — это прекрасный мир Иран-Контрас*, где пушки правят политикой, а деньги правят миром. В Гибралтаре бойцы британской Специальной авиадесантной службы** убили трех небооруженных членов ИРА. Может, САС пора сменить девиз с «Побеждает отважный» на «Сперва стреляй, вопросы — после»?

Толпа гогочет. Роджеру Дэшмайлу определенно не по себе от этого обзора политических событий, тогда как Тони Эддингтон все аккуратно записывает.

* Иран-Контрас — крупный политический скандал 1986—1987 гг., связанный с поставками оружия Ирану в обмен на американских заложников в Ливане и передачей вырученных средств никарагуанским контрас. Подполковник Норт непосредственно проводил операцию по указанию вице-адмирала Пойнтдекстера, помощника президента Рональда Рейгана по национальной безопасности.

** Специальная авиадесантная служба, САС (Special Air Service, SAS), — подразделение, выполняющее специальные миссии как внутри страны, так и за рубежом.

— Или возьмем наши дела. В июле мы выследили и сбив иранский авиалайнер, на борту которого находились двести девяносто гражданских пассажиров. В том числе шестьдесят шесть детей.

— Эпидемия СПИДа убивает тысячами, зараженных... ну, мы не знаем, сколько их. Сотни тысяч? Миллионы?

— Мир становится темнее. Кровавый прилив мистера Йейтса* начался. Он поднимается. Поднимается.

Скотт смотрит на привезенную, уже сереющую землю, и Лизи вдруг приходит в ужас: что, если он видит ее, тварь с бесконечным пегим боком, что, если он сейчас убежит или, того хуже, у него начнется истерика, которой, она знает, он боится (и, по правде говоря, она тоже боится)? Но, прежде чем ее сердце успевает ускорить бег, Скотт поднимает голову, улыбается, как ребенок на окружной ярмарке, рука его вскидывает лопату вверх, после чего черенок плавно скользит в неплотно сжатом кулаке, пока он не сжимает пальцы. Это любимый трюк акул бильярда, и те, кто стоит в первых рядах, оценивают его по достоинству. Но Скотт еще не закончил. Держа штык перед собой, он вращает черенок пальцами, придавая ему невероятную скорость. Это уже просто фокус, и совершенно неожиданный, потому что вращающийся серебряный штык посылает во все стороны множество солнечных зайчиков. Лизи вышла замуж за Скотта в 1979 году и понятия не имела, что в его репертуаре есть и такой номер. (Сколько лет должно уйти на то, чтобы простая суммарная тяжесть дней, проведенных вместе, выжала все из обетов, которые даются при вступлении в брак, — таким вопросом задастся она две ночи спустя, когда будет лежать в кровати одна, все в том же номере мотеля, слушать собак, лающих под горячей оранжевой луной. И каким счастливицом ты должен быть, чтобы твоя любовь обогнала твое время?) Серебряный шар, в который

* Йейтс Уильям Батлер (1865–1939) — ирландский поэт, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года.

превратился быстро вращающийся штык лопаты, посылает разморенной жарой, обильно потеющей толпе солнечные сигналы: *Просыпайтесь! Просыпайтесь!* Внезапно он становится Скоттом-Торговцем, и она испытывает безмерное облегчение, увидев хитрую (*Милая, я оттягиваюсь*) улыбку у него на лице. Он их подманил, а теперь будет пытаться продать сомнительный товар, который, конечно же, им не нужен. И она думает, что они его купят, независимо от того, жаркий сейчас август на дворе или нет. Когда Скотт в такой форме, он, как говорится, может продать холодный воздух эскимосам... и возблагодарим Господа за языковый пруд, к которому мы все спускаемся, чтобы напиться, и Скотт, конечно же, сейчас добавит к этому высказыванию что-нибудь свое (и он добавляет).

— Но если каждая книга — маленький огонек в этой темноте (и я в это верю, должен верить, банально это или нет, потому что я пишу эти чертовы книги), тогда каждая библиотека — это огромный, вечно горящий костер, вокруг которого каждый день и каждую ночь стоят и согреваются десятки тысяч людей. Температура этого костра не четыреста пятьдесят один градус по Фаренгейту*. Здесь четыре тысячи градусов по Фаренгейту, потому что мы говорим не о кухонной духовке, мы говорим о древних пылающих печах разума, о раскаленных докрасна плавильнях интеллекта. Сегодня мы празднуем закладку еще одного такого огромного костра, и принять в этом участие для меня — большая честь. Сейчас мы плюнем в глаз забывчивости и дадим толстой заднице невежества хорошего пинка. *Эй, фотограф!*

Стефан Куинсленд фотографирует, улыбаясь.

Скотт, тоже улыбаясь, говорит: «Сфотографируйте вот это. Ваше начальство, возможно, не захочет использовать этот снимок, но вы, готов спорить, с удовольствием добавите его к своей коллекции».

* 451 градус по Фаренгейту — температура возгорания бумаги, послужившая названием романа Р. Брэдбери.

Скотт держит декоративный инструмент так, словно собирается вновь вращать его. Толпа ахает в надежде еще раз увидеть это удивительное представление, но на этот раз он их лишь дразнит. Поворачивает лопату, направляет штыком в землю, вгоняет на всю глубину, поднимает и отбрасывает землю в сторону: «Я объявляю строительство библиотеки Шипмана ОТКРЫТЫМ!»

В сравнении с аплодисментами, которые раздаются после этих слов, прежние кажутся вежливыми жидкими хлопками, какие можно услышать на проходном теннисном матче на первенство школы. Лизи не знает, удалось ли молодому мистеру Куинсленду запечатлеть первую отброшенную лопату земли, но, когда Скотт вскидывает нелепую, маленькую лопатку с серебряным штыком к небу, этот момент Куинсленд точно фотографирует для потомков, смеется, нажимая на спуск. Скотт застывает в избранной позе (Лизи успевает глянуть на Дэшмайла и видит, что этот джентльмен закатывает глаза, повернувшись к мистеру Эддингтону — Тонеху). Потом опускает лопату, держит ее за черенок обеими руками и улыбается. Пот маленькими капельками блестит у него на щеках и на лбу. Аплодисменты начинают стихать. Толпа думает, что он закончил. Лизи придерживается иного мнения: он еще только на второй передаче.

А когда Скотт чувствует, что они снова его слышат, он втыкает лопату в землю второй раз.

— Это за неистового Билла Йейтса! — кричит он. — Который всем давал шороху! Это за По, также известного как Эдди Балтиморский! Это за Альфи Бестера, и если вы его не читали, вам должно быть стыдно!

У него перехватывает дыхание, и Лизи начинает тревожиться. Слишком уж жарко. Она пытается вспомнить, что он съел на ленч: плотное или легкое?

— А эта лопата... — Он вгоняет штык в землю, где его стараниями уже образовалась заметная ямка, и поднимает уже

полную. Рубашка на груди потемнела от пота. — Вот что я вам скажу. Почему бы не подумать о том, кто написал первую хорошую книгу, которую прочитал каждый из вас? Я говорю о книге, которая пробралась под вас, как волшебный ковер, и оторвала от земли. Вы понимаете, о чем я говорю?

Они понимали. Это читалось на каждом лице.

— Эту книгу, в идеальном мире, вы должны попросить первой, когда библиотека Шипмана распахнет свои двери. И эта лопата — за авторов книг, которые стали вашими любимыми. — Он отшвыривает землю и поворачивается к Дэшмайлу, который должен бы порадоваться мастерству Скотта (учитывая, что все это — импровизация, Скотт сыграл свою роль блестяще), но Дэшмайлу жарко, и он злится. — Я думаю, мы с этим закончили, — и пытается отдать лопату Дэшмайлу.

— Нет, она ва-ахша, — говорит Дэшмайл, акцент возвращается. — Как сувенир, знак нашей признательности, вместе с ва-ахшим чеком, разумеется. — Улыбка вновь не достигает глаз и напоминает гримасу. — А теперь давайте пойдём туда, где работает кондиционер.

— Как скажете. — По выражению лица Скотта чувствуется, что его все это забавляет, а потом он передает лопату Лизи, как передавал многие ненужные вещи, подаренные за последние двенадцать лет, которые он прожил знаменитостью: всякое разное, от декоративных весел и бейсболок бостонских «Ред сокс», запаянных в кубик из прозрачной пластмассы, до масок Комедии и Трагедии... но в основном настольные наборы из ручки и карандаша. Очень много наборов, всех ведущих фирм, «Уотерман», «Скрипто», «Шеффер», «Мон Блан»... какую ни назови. Она смотрит на сверкающий серебряный штык маленькой лопаты, ее все это забавляет так же, как и ее любимого (он по-прежнему для нее — любимый). Прилипшие комочки земли не мешают прочитать выгравированную надпись: *«НАЧАЛО, БИБЛИОТЕКА ШИПМАНА»*, но Лизи скидывает их. И где теперь будет храниться этот необычный артефакт? Летом 1988 года рабочие апартаменты Скотта еще строятся, хотя

адрес уже есть, и он начал складировать приходящую корреспонденцию в различных клетушках амбара. На многих картонных коробках он написал: «**СКОТТ! РАННИЕ ГОДЫ!**» – большими буквами черным маркером. Скорее всего серебряная лопата встанет или ляжет рядом, и штык больше не сверкнет на солнце. Может, она положит ее туда сама, с биркой «**СКОТТ! СРЕДНИЕ ГОДЫ!**», ради шутки... или как награду. Такие странные, неожиданные подарки Скотт называет...

Но Дэшмайл уже сорвался с места. Больше не сказав ни слова (словно вся эта история вызвала у него отвращение и ему хочется как можно быстрее расплатиться), он шагает через прямоугольник привезенной земли, обогнув ямку, вырытую Скоттом. После последней отброшенной лопаты она стала особенно заметной. Каблуки черных, сверкающих я-ассистент-профессора-делающий-карьеру-и-не-забывайте-об-этом туфель при каждом шаге глубоко уходят в землю. Дэшмайлу приходится прилагать немало усилий, чтобы сохранить равновесие, и Лизи уверена, что усилия эти не поднимают ему настроение. Тони тут же присоединяется к нему, на лице написана задумчивость. Скотт выдерживает короткую паузу, словно пытаясь разобраться что к чему, потом присоединяется к этой парочке, вклиниваясь между принимающим-сопровождающим и временным биографом. Лизи следует за ними, как ей и положено. Скотт так порадовал ее, что она на какое-то время забыла про знамение, предвестник дурного,

(разбитое стекло утром)

но теперь это чувство вернулось,

(разбитые сердца вечером)

и очень сильным. Она думает, что именно поэтому все мелкие детали кажутся ей такими существенными. Она уверена, что мир придет в норму, как только они попадут в помещение, где работает система кондиционирования. И как только она вытаскивает из задницы эту мерзкую полоску материи.

Все почти закончено, напоминает она себе, и (какой забавной может быть жизнь) это тот самый момент, когда день начинает рушиться.

Сотрудник службы безопасности кампуса, который старше остальных обеспечивающих порядок на церемонии (восемнадцать лет спустя она идентифицирует его по газетной фотографии Куинсленда как капитана С. Хеффернэна), поднимает веревочный барьер на дальней стороне прямоугольника привезенной земли. Запоминается он ей только одним: на рубашке цвета хаки у него, как мог бы сказать ее муж, «большущая бляха». Скотт и оба его спутника ныряют под бархатную веревку синхронно, словно один человек.

Толпа тоже движется к автомобильной стоянке вместе с главными участниками церемонии... за одним исключением. Блонди не направляется к автомобильной стоянке. Блонди все еще стоит с той стороны прямоугольного участка привезенной земли, которая обращена к автомобильной стоянке. Несколько людей сталкиваются с ним, и ему все-таки приходится отступить назад, на выжженную землю, где в 1991 году распахнет двери библиотека Шипмана (естественно, если можно верить обещаниям главного подрядчика). Потом он начинает двигаться против потока, расцепляет руки, чтобы оттолкнуть девушку, которая возникает слева от него, а потом юношу, появившегося справа. Губы его по-прежнему шевелятся. Поначалу Лизи вновь думает, что он молится про себя, но потом слышит несвязные слова, какую-то галиматью (такое мог бы написать плохой подражатель Джеймса Джойса), и впервые ее охватывает настоящая тревога. Такие странные синие глаза Блонди сфокусированы на ее муже, только на нем и ни на ком больше, и Лизи понимает, что он не собирается обсуждать *отъезжающих* или скрытый религиозный подтекст романов Скотта. Это не простой ковбой глубокого космоса.

— Колокольный звон движется по улице Ангелов, — говорит Блонди (говорит Герд Аллен Коул), который большую

часть семнадцатого года своей жизни провел в дорогой частной психиатрической клинике в Виргинии, откуда его выписали с диагнозом «здоров». Лизи слышит каждое слово. Они долетают до нее сквозь шум толпы, гул разговоров с той же легкостью, с какой острый нож разрезает кекс. — Этот давящий звук все равно что дождь по жестяной крыше! Грязные цветы, грязные и сладкие, вот как колокола звучат в моем подвале, *как будто ты этого не знаешь!*

Правая кисть, которая чуть ли не вся состоит из длинных пальцев, движется к подолу белой рубашки, и Лизи точно понимает, что сейчас произойдет. Понимание приходит к ней от телевизионных образов

(*Джордж Уоллес Артур Бреммер**)

из детства. Она смотрит на Скотта, но Скотт разговаривает с Дэшмайлом. Дэшмайл смотрит на Стефана Куинсленда, раздражение, написанное на лице Дэшмайла, говорит фотографу: «Хватит! Достаточно! Фотографий! Для одного дня! Спасибо!» Куинсленд смотрит на фотоаппарат, что-то там поднастраивает. «Тонех» Эддингтон устался на блокнот, что-то записывает. Лизи ловит взглядом копа в рубашке цвета хаки с бляхой на ней. Коп смотрит на толпу, да только *на другую часть долбаной толпы*. Такое невозможно, не может она видеть всех этих людей и Блонди, но она может, она видит, видит даже, как двигаются губы Скотта, произносятся слова: «Думаю, все прошло очень даже неплохо», — эти слова он часто произносит после подобных событий, и о Боже, и Иисус Мария, и Иосиф-Плотник, она пытается выкрикнуть имя Скотта и предупредить его, но горло перехватывает, оно превра-

* Уоллес Джордж (1919—1997) — известный американский политический деятель. Четыре раза избирался губернатором штата Алабама, четырежды участвовал в президентской кампании. После покушения в 1972 г. остался парализованным на всю жизнь. Бреммер Артур (р. 1950) — 15 мая 1972 г. по ходу президентской кампании совершил покушение на Джорджа Уоллеса, четырежды ранив его. Бреммер (тогда блондин) получил 47 лет тюрьмы и должен быть освобожден в 2025 г., в возрасте 75 лет.

щается в сухую, шершавую трубу. Лизи не может вымолвить ни слова, а Блонди уже задрал подол большой белой рубашки, и под ним пустые петли для ремня, плоский, безволосый живот — живот форели, а к белой коже прижата рукоятка револьвера, которую обхватывают его пальцы, и она слышит, как он говорит, приближаясь к Скотту справа: «Если это закроет губы колоколов, работа будет закончена. Извини, папа».

Она бежит вперед или пытается бежать, потому что ноги словно приклеились к земле, а впереди чьи-то плечи — это студентка, в топике на бретельках, волосы перевязаны широкой белой лентой, на ней надпись «НАШВИЛЛ» синими буквами с красной окантовкой (видите, как она все подмечает), и Лизи отталкивает ее рукой, которая сжимает серебряную лопатку, и студентка недовольно восклицает: «Эй!» — да только звучит это «эй» медленно и растянуто, словно запись для пластинки 45 оборотов в минуту проиграли на 33 с третью оборотов, а то и на 16. Весь мир ушел в горячий деготь, и целую вечность студентка с бретельками топика на плечах и «Нашвиллом» в волосах заслоняет от нее Скотта. Лизи видит лишь плечо Дэшмайла. И Тони Эддингтона, который пролистывает свой чертов блокнот.

Потом студентка открывает обзор, и Лизи вновь видит Дэшмайла и своего мужа, видит, как голова ассистента профессора поднимается, а тело напрягается. Лизи видит то, что видит Дэшмайл. Лизи видит Блонди с револьвером (как потом выясняется, это «ледисмит» калибра 0,22 дюйма, изготовленный в Корее и купленный на распродаже в южном Нашвилле за тридцать семь долларов). Во времени Лизи все происходит очень, очень медленно. Она не видит, как пуля вылетает из ствола (можно сказать, не видит), но слышит, как Скотт говорит негромко, растягивает слова, так что на всю фразу у него уходит секунд десять, а то и пятнадцать: «Давай обговорим это, сынок, хорошо?» А потом она видит, как дульная вспышка желто-белыми лепестками расцветает на срезе ни-

келированного ствола револьвера. Она слышит хлопок — жалкий, несущественный, словно кто-то схлопнул обертку от чипсов, сжав ее в кулаке. Она видит Дэшмайла, этого трусливого южанина, который бросается влево. Она видит, как ноги Скотта подаются назад. А вот подбородок продолжает двигаться вперед. Сочетание это странное, но изящное, словно некое танцевальное па. Черная дырка появляется на правой стороне его спортивного покроя пиджака. «Сынок, видит Бог, ты не хочешь этого делать», — говорит он, вновь растягивая слова во времени Лизи, и даже во времени Лизи она может слышать, как его голос с каждым словом становится все тише, пока не перестает отличаться от голоса летчика-испытателя в барокамере. И однако Лизи думает, что он еще не знает о ранении, она в этом почти уверена. Полы его пиджака раскрываются, как ворота, когда он командным жестом протягивает к Блонди руку, и тут же Лизи отмечает для себя сразу два момента. Первое: рубашка под пиджаком окрасилась в красное. Второе: ей наконец-то удалось перейти на некое подобие бега.

— Я должен положить конец всему этому динг-донгу, — говорит Герд Аллен Коул ясно и отчетливо. — Я должен положить конец этому динг-донгу ради фрезий.

И Лизи внезапно осознает, что, как только Скотт умрет, как только непоправимое свершится, Блонди покончит с собой или попытается это сделать. Но пока он должен закончить начатое. Окончательно разобраться с писателем. Блонди чуть поворачивает руку, чтобы нацелить дымящийся ствол револьвера «ледисмит» калибра 0,22 дюйма на левую половину груди Скотта. Во времени Лизи движение это ровное и медленное. Первая пуля пробила Скотту легкое; теперь Блонди хочет повторить то же самое с сердцем. Лизи знает, что не может этого допустить. У ее мужа есть шанс остаться в живых, но для этого нужно помешать этому несущему смерть психу всадить в него еще один кусочек свинца.

Словно отказывая ей в этом, Герд Аллен Коул говорит: «Это никогда не закончится, пока ты не упадешь. Ты несешь ответственность за весь этот бесконечный звон, старичок. Ты — ад, ты — обезьяна, и теперь ты — моя обезьяна!»

В этих последних фразах хотя бы улавливается некое подобие здравого смысла, и времени, необходимого для того, чтобы произнести их, как раз хватает Лизи, чтобы сначала замахнуть лопаткой с серебряным штыком (тело знает свою задачу, и руки уже нашли свое место на самом конце сорокадюймового черенка), а потом ударить. Времени хватает, однако на самом пределе. Будь это скачки, на табло появилась бы надпись: «СОХРАНЯЙТЕ КВИТАНЦИИ. РЕЗУЛЬТАТ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ФОТОФИНИШЕМ». Но когда в гонке участвуют мужчина с револьвером и женщина с лопатой, фотофиниша не требуется. В замедленном времени Лизи она видит, как серебряный штык ударяет по револьверу, подбрасывая его вверх в тот самый момент, когда расцветает дульная вспышка (Лизи видит только ее часть, и торец ствола скрыт от нее штыком лопаты). Она видит, как штык движется вперед и вверх, когда вторая пуля, никому не причиняя вреда, улетает в августовское небо. Она видит, как револьвер кувыркается в воздухе, выбитый из руки Блонди, и успевает подумать: «Срань господня! Я приложилась от души», — прежде чем штык входит в контакт с лицом Блонди. Его рука все еще между штыком и лицом (будут сломаны три длинных пальца), но серебряному штыку это не мешает. Он ломает нос Блонди, разносит правую скулу и костяную орбиту правого глаза, а еще вышибает девять зубов. Мордovorот, посланный мафией и вооруженный кастетом, не сумел бы нанести лучшего удара.

А теперь (все еще медленно, во времени Лизи) начинают собираться воедино герои призовой фотографии Стефана Куинсленда.

Капитан С. Хеффернэн увидел то, что происходит, через одну или две секунды после Лизи, но тоже столкнулся с проблемой зевак: в его случае это оказался прыщавый толстяк в меш-

коватых бермудских шортах и футболке с улыбающейся физиономией Скотта Лэндона на груди. Капитан Хеффернэн мускулистым плечом отшвыривает в сторону этого молодого человека.

Блонди уже падает на землю (и, таким образом, выпадает из фотографии), в одном глазу — изумление, другой залива-ет кровь. И из дыры, которой в скором будущем суждено снова стать ртом, струится кровь. В общем, и выстрел, и удар лопатой Хеффернэн упускает полностью.

Роджер Дэшмайл, возможно, вспомнив, что он должен быть церемониймейстером, а не большим старым зайцем-трусохвостом, поворачивается к Эддингтону, своему протеже, и к Лэндону, нелюбезному почетному гостю, и успевает-таки попасть в кадр, пусть на заднем плане и с чуть расплывчатым, как весь фон, лицом.

Скотт Лэндон тем временем, пребывая в шоке, выходит из призовой фотографии. Широкими шагами, словно жара ему не помеха, он идет к автомобильной стоянке и к Нельсон-Холлу, зданию, в котором располагается кафедра английского языка и литературы и где есть система кондиционирования. Он шагает на удивление бодро, во всяком случае, сначала, и немалая часть толпы движется вместе с ним, даже не подозревая о том, что имело место быть чрезвычайное происшествие. Лизи в ярости, но не удивлена. В конце концов, многие ли видели Блонди и этот маленький блядский (в смысле женский) револьвер у него в руке? Многие ли поняли, что слышали не треск обертки от чипсов, сжимаемой в кулаке, а пистолетные выстрелы? Дырку в пиджаке можно принять за пятно от земли, которую отбрасывал Скотт, а кровь, пропитавшая рубашку, еще не видна окружающему миру. Теперь при каждом вдохе он издает странный свистящий звук, но многие ли его слышат? Нет, если они и смотрят, то на нее (во всяком случае, некоторые) — сумасшедшую тетку, которая внезапно сорвалась с места и врезала какому-то парню по физиономии-це-

ремониальной лопатой. Многие даже *лыбятся*, полагая, что это часть шоу, устроенного для них, Дорожного шоу Скотта Лэндона. Да пошли они на хер вместе с Дэшмайлом и проспавшим все на свете копом с большущей бляхой на груди. Кто ее сейчас волнует, так это Скотт. Она сует лопату вправо, не так, правда, чтобы вслепую, и Эддингтон, их нанятый на день Босуэлл*, берет ее. Собственно, у него только два варианта: или взять лопату, или получить ею по носу. А потом, все еще в замедленном времени, Лизи бежит за своим мужем, бодрость которого испаряется, как только он ставит ногу на пышущий жаром асфальт автомобильной стоянки. У нее за спиной Тони Эддингтон таращится на серебряную лопатку, которая могла быть артиллерийским снарядом, счетчиком Гейгера или неким предметом, созданным представителями внеземной цивилизации, и к нему подходит капитан С. Хеффернэн, ошибаясь в предположении, кто должен быть сегодня героем. Лизи ничего этого не знает, и истина откроется ей лишь восемнадцать лет спустя, когда увидит фотографию, сделанную Куинслендом, но плевать она на все это хотела, даже если бы и знала. Все ее внимание сосредоточено на муже, который уже стоит на руках и коленях на автомобильной стоянке. Она пытается вырваться из времени Лизи, бежать быстрее. И именно в этот момент Куинсленд делает свою призовую фотографию, с половиной ее туфли в правом нижнем углу, о чем он так и не догадался, ни тогда, ни позже.

6

Лауреат Пулитцеровской премии, *enfant terrible***, который опубликовал свой первый роман в нежном возрасте двад-

* Босуэлл Джеймс (1740—1795) — английский (шотландский) писатель. Прославился книгой «Жизнь Сэмюэля Джонсона» (1791), которая считается образцом библиографического романа.

** ужасное дитя (фр.).

цати двух лет, более не держится на ногах. Скотт Лэндон падает на палубу, как сказали бы, будь он капитаном.

Лизи делает невероятное усилие, чтобы вырваться из сводящего с ума, прихваченного клеем времени, в которое непонятным образом попала. Она должна освободиться, потому что, если не доберется до Скотта прежде, чем его закроет толпа и уже не подпустит к нему, они скорее всего убьют Скотта своей озабоченностью. Раздавят любовью.

— О-о-о-о-он ра-а-а-а-анен! — кричит кто-то.

И она кричит, на себя, в своей голове,

(вырывайся ВЫРЫВАЙСЯ НЕМЕДЛЕННО ПРЯМО СЕЙЧАС)

и наконец-то ей это удается. Клей, в котором она оказалась, исчезает. Внезапно она бросается вперед; весь мир — это жара, шум и потные, суetyающиеся тела. Она благословляет эту реальность, где все можно делать быстро, использует левую руку, чтобы ухватиться за левую ягодицу и дернуть, выдергивает эту чертову полоску трусиков из щели своей чертовой жопы, избавляясь хоть от одной из бед, которые принес с собой этот ужасный день.

Студентка в топике, лямки которого завязаны на плечах большими бантами, едва не загоразивает сужающийся проход к Скотту, но Лизи проскаккивает у нее под рукой и ударяется об асфальт автомобильной стоянки. Ободранные колени замечает гораздо позже, уже в больнице, где какая-то добрая медсестра обратит на них внимание и смажет царапины мазью, такой прохладной и успокаивающей, что Лизи заплачет от облегчения. Но до этого еще далеко. Теперь же есть только она и Скотт, на краю раскаленной автомобильной стоянки, этого ужасного черно-желтого танцпола, температура которого никак не меньше ста тридцати градусов, а то и все сто пятьдесят*. Память пытается подsunуть ей образ яйца,

* по шкале Фаренгейта; соответственно 54 и 65 градусов по Цельсию.

которое превращается в яичницу-глазунью на черной чугунной сковородке доброго мамика, но Лизи отсекает его.

Скотт смотрит на нее.

Он лежит на спине, и теперь лицо его бледно восковое, за исключением черных мешков, которые набухают под карими глазами, да широкой ленточки крови, которая начинается в правом уголке рта и тянется по челюсти.

— Лизи! — Голос едва слышный, как в барокамере. — Этот парень действительно в меня стрельнул?

— Не пытайся говорить. — Она кладет руку ему на грудь. Его рубашка, о Господи, *мокрая* от крови, а под ней, она чувствует, сердце бьется так быстро и легко! Такое сердцебиение свойственно не человеку — птичке. *Голубиный пульс*, думает она, когда девушка с бантами лямок на плечах падает на нее. Упала бы на Скотта, но Лизи инстинктивно загораживает мужа, принимая на себя вес девушки («Эй! Дерьмо! Еб!» — выкрикивает удивленная девушка). Вес этот спине приходится держать лишь секунду, потом он исчезает. Лизи видит, что девушка выставляет руки, чтобы опереться на асфальт (*Ох, ох, великолепные рефлексы молодых*, думает Лизи, словно полагая себя старухой в свой-то тридцать один год), и ей это удается, но уже в следующее мгновение девушка верещит: «Ой, ой, ОЙ!» — потому что асфальт обжигает ей ладони.

— Лизи, — шепчет Скотт, и, о Боже, как же он свистит при вдохе, прямо-таки ветер в трубе.

— *Кто меня толкнул?* — спрашивает девушка с бантами на плечах. Она стоит раком, волосы, выбившиеся из хвоста, падают на глаза, она плачет от шока, боли, раздражения.

Лизи наклоняется ближе к Скотту. Он просто дышит жаром, отчего ее переполняет невыносимая жалость. Но в этом жару его буквально трясет. Неуклюже, одной рукой, она снимает с себя жакет.

— Да, тебя подстрелили. Поэтому лежи тихо и не пытайся...

— Мне так жарко, — говорит он. И трясти его начинает еще сильнее. Его карие глаза встречаются с ее синими. Кровь бежит из уголка рта. Она чувствует ее запах. Даже воротник рубашки мокрый от крови. *Его чайное лекарство тут не поможет*, думает она, не очень-то понимая, о чем думает. *Так много крови на этот раз. Слишком много крови.* — Мне так жарко, Лизи, пожалуйста, дай мне льда.

— Дам обязательно, — говорит она и подкладывает сложенный жакет ему под голову. — Дам, Скотт.

Слава Богу, он в пиджаке, думает она, и тут ее осеняет. Она хватается за руку девушку, которая стоит ра... нет, уже сидит на корточках.

— Как вас зовут?

Девушка смотрит на нее как на безумную, но отвечает:

— Лиза Лемке.

Еще одна Лиза, какой маленький мир, думает Лизи, но не говорит. Потому что с губ срываются совсем другие слова:

— Моего мужа ранили, Лиза. Можете вы пойти в... — она не может вспомнить названия университетского корпуса, только его функцию, — ...на кафедру английского языка и литературы и вызвать «скорую»? Наберите 911...

— Мэм? Миссис Лэндон? — Коп с большущей бляхой пробивается к ней сквозь толпу, всю работу локтями. Приседает рядом, и его колени хрустят. *Громче, чем выстрел из револьвера Блонди*, думает Лизи. В одной руке он держит рацию. Говорит медленно, ясно и четко, словно с расстроенным ребенком. — Я позвонил в лазарет кампуса, миссис Лэндон. Они уже едут на своей «скорой», чтобы отвезти вашего мужа в Мемориальную больницу Нашвилла. Вы меня понимаете?

Она понимает, и ее благодарность (коп вернул тот доллар, который задолжал, и заработал еще несколько) так же сильна, как и жалость, которую она испытывает к своему мужу, лежащему на раскаленном асфальте и дрожащему, как больной чумкой пес. Она кивает, из ее глаз брызжут первые из тех

слез, что прольются в достатке до того, как она переправит Скотта в Мэн: не рейсом «Дельты», а на частном самолете, с медсестрой на борту, и в аэропорту Портленда их встретит «скорая» с другой медсестрой. Теперь же она поворачивается к Лизе Лемке и говорит:

— Он весь горит... есть тут где-нибудь лед, милая? Можете вы сказать, где здесь можно найти лед? Все равно где?

Она спрашивает без особой надежды и потрясена, когда Лиза Лемке тут же кивает.

— Вот там есть торговые автоматы, где продают и «колу» со льдом. — Она указывает на Нельсон-Холл, которого Лизи не видит. Потому что перед ее глазами только лес голых ног, волосатых и гладких, загорелых и обожженных солнцем. Она осознает, что эти ноги буквально сдавливают ее, что она ухаживает за мужем на клочке асфальта размером с витаминную капсулу, и ее охватывает панический страх перед толпой. Это называется агорафобия? Скотт должен знать.

— Если вы сможете принести немного льда, пожалуйста, сходите за ним, — просит Лизи. — И поторопитесь. — Она поворачивается к копу, охраняющему кампус, который, похоже, считает пульс Скотта, занятие, по мнению Лизи, совершенно бесполезное. Сейчас вопрос стоит ребром: или он выживет, или умрет. — Вы не могли бы заставить их подвинуться? — спрашивает она. Просто молит. — Здесь так жарко, и...

Прежде чем она заканчивает, он вскакивает, совсем как черт выпрыгивает из табакерки, и кричит:

— Отойдите назад! Пропустите девушку! Отодвиньтесь и пропустите девушку! Вы же не оставили ему воздуха, а ему нужно дышать, вы понимаете?

Толпа подается назад... по разумению Лизи, крайне неохотно. Ей кажется, что они хотят увидеть, как вытечет вся его кровь.

Жар идет от асфальта. Она-то надеялась, что к высокой температуре можно привыкнуть, как привыкают к горячему

душу, но этого не происходит. Она пытается услышать приближающуюся сирену «скорой», но не слышит ничего. А потом слышит. Она слышит голос Скотта, произносящий ее имя. Только это скорее не голос, а хрип. И одновременно он мнет пальцами край промокнувшего от пота топики (шелк теперь плотно облегает бюстгальтер, который напоминает вздувшуюся тагуировку). Она смотрит вниз и видит то, что ей совершенно не нравится. Скотт улыбается. Кровь полностью покрывает его губы густо-красным сиропом, и сверху, и снизу, от края до края, и улыбка его больше похожа на ухмылку клоуна. *Никто не любит полночного клоуна*, думает она и задается вопросом: откуда это взялось? Полночь-то у нее еще впереди, малая часть долгой и бессонной ночи, с лаем, должно быть, всех собак Нашвилла, под горячей августовской луной, и тут она вспоминает, что это эпиграф третьего романа Скотта, единственного, который не понравился ни ей, ни критикам, того самого, благодаря которому они разбогатели. Назывался он «Голодные дьяволы».

Скотт продолжает теревить шелковую ткань ее топики, его глаза такие яркие, такие лихорадочные в чернеющих глазницах. Она хочет что-то сказать, и с неохотой она наклоняется, чтобы расслышать его слова. Воздух он набирает в легкие понемногу, полувдохами. Процесс этот шумный, пугающий. Вблизи запах крови усиливается. Неприятный запах. Минеральный.

Это смерть. Это запах смерти.

И словно подтверждая ее мысль, Скотт говорит:

— Она совсем близко, родная моя. Совсем близко. Я не могу ее видеть, но я... — длинный, свистящий вдох, — я слышу, как она закусывает. И улыбается. — Произнося эти слова, он тоже улыбается — кровавой клоунской улыбкой.

— Скотт, я не знаю, о чем ты говоришь...

В руке, которая мнет топик, еще остались какие-то силы. Он щипает ее, и больно: когда позже, в номере мотеля, она

снимет топик, под ним обнаружится синяк, метка настоящего возлюбленного.

— Ты... — свистящий вдох, — ...знаешь. — Еще свистящий вдох, более глубокий. И все та же улыбка, словно они поделились каким-то ужасным секретом. Пурпурным секретом, цвета занавеса, а еще — конкретных цветов, которые растут на конкретных,

(замолчи, Лизи, замолчи)

да, склонах холмов. — Ты... знаешь... поэтому... не оскорбляй... мой интеллект. — Еще один свистящий, кричащий вдох. — Или свой.

И она полагает, что действительно что-то знает. Длинный мальчик, так Скотт называет это чудище. Или тварь с бесконечным пегим боком. Как-то она хотела посмотреть в толковом словаре, что означает слово «пегий», но забыла... в забывчивости она поднаторела за те годы, что провела со Скоттом... Но она знает, о чем он говорит, да, знает.

Он отпускает ее топик, может, у него просто больше нет сил, чтобы сжимать материю пальцами. Лизи подается назад — чуть-чуть. Его глаза смотрят на нее из глубоких и почерневших глазниц. Они яркие, как всегда, но она видит, что теперь они также полны ужаса и (вот это пугает больше всего) неприятного, необъяснимого веселья. По-прежнему очень тихо (может, чтобы слышала только она, может, потому что громче не получается) Скотт говорит:

— Послушай, маленькая Лизи. Я покажу тебе, какие он издает звуки, когда оглядывается.

— Скотт, нет... перестань.

Он не обращает внимания. Вновь со свистом-криком набирает в грудь воздух, складывает влажные красные губы в плотное «О» и издает низкий, невероятно противный звук. В результате в воздух фонтанируют брызги крови. Какая-то девушка видит это и кричит. На этот раз копу не нужно просить толпу податься назад. Она делает это сама, и около Лизи,

Скотта и капитана Хеффернэна образуется пустое пространство. Лизи отмечает, что до ближайших голых ног порядка четырех футов.

Звук (дорогой Боже, это же какое-то хрюканье), на счастье, очень короткий. Скотт закашливается, грудь тяжело поднимается, рана ритмично выбрасывает новые порции крови, потом Скотт пальцем манит Лизи к себе. Она наклоняется ниже, опираясь на руки. Его провалившиеся глаза подчиняют ее себе. Так же, как и предсмертная улыбка.

Он поворачивает голову набок, сплевывает наполовину свернувшуюся кровь на горячий асфальт, вновь смотрит на жену.

— Я могу... так ее позвать, — шепчет он. — Она придет. Ты... избавишься от моей... надоедливой... болтовни.

Она понимает, что он говорит серьезно, и на мгновение (конечно же, сказывается сила его взгляда) верит, что это правда. Он повторит этот звук, только подольше, и в каком-то другом мире эта тварь, длинный мальчик, этот владыка бессонных ночей, повернет свою молчаливую голодную голову. А мгновением позже, уже в этом мире, Скотт Лэндон содрогнется всем телом на горячем асфальте и умрет. В свидетельстве о смерти будет указана ясная и убедительная причина, по которой оборвалась жизнь ее мужа, но она будет знать: эта жуткая тварь наконец-то увидела его, пришла за ним и сожрала живьем.

Вот так и возникла тема, которой они больше никогда не коснутся — ни с другими людьми, ни между собой. Слишком ужасная. У любого супружества два сердца, одно светлое и одно темное. Эта тема — по части темного сердца, безумный, настоящий секрет. Лизи наклоняется к мужу, лежащему на раскаленном асфальте, совсем близко, в полной уверенности, что он умирает, но тем не менее стремясь удержать его в этом мире как можно дольше. И если ради этого придется сразиться с его длинным мальчиком (пусть из оружия у нее только ногти, ничего больше), она вступит в бой.

— Ну... Лизи? — На губах эта отвратительная, всезнающая, жуткая улыбка. — Что... ты... скажешь?

Лизи наклоняется еще ниже. В окутывающую Скотта вонь пота и крови. Наклоняется так низко, что распознает сквозь эту вонь запахи «Прелла», шампуня, которым он утром мыл голову, и «Фоуми», крема для бритья. Наклоняется, пока ее губы не касаются его уха. Она шепчет:

— Успокойся, Скотт. Хотя бы раз в жизни утомись.

Когда вновь смотрит на мужа, его глаза совсем другие. Из них ушла неистовость. Они поблекли, но, может, это и хорошо, потому в них вернулось здравомыслие.

— Лизи?..

Она шепчет. Глядя ему прямо в глаза:

— *Оставь эту долбаную тварь в покое, и она уйдет.* — Едва не добавляет: «Ты сможешь разобраться с этим потом»; — но идея бессмысленна, сейчас Скотт может сделать для себя только одно — не умереть. Поэтому говорит Лизи другое: — И никогда больше не издавай этого звука.

Он облизывает губы. Она видит кровь на его языке, и желудок поднимается к горлу, но она не отстраняется от мужа. Понимает, что должна находиться максимально близко к нему, пока не подьедет «скорая» или пока он не перестанет дышать прямо здесь, на горячем асфальте, в какой-то сотне ярдов от места его последнего триумфа. Если она сможет выдержать это испытание, то выдержит все что угодно.

— Мне так жарко, — говорит он. — Если бы мне только дали пососать кусочек льда...

— Скоро, — отвечает Лизи, не зная, сможет ли она выполнить это обещание. — Лед тебе уже несут. — По крайней мере она слышит приближающуюся сирену «скорой». Это уже что-то.

А потом происходит чудо. Девушка с бантами на плечах и новыми царапинами на ладонях продирается сквозь толпу. Она тяжело дышит, как спортсмен после быстрого забега, и пот струится по щекам и шее. В руках она держит два больших стакана из вощеной бумаги.

— Я пролила половину гребаной «колы», пока добралась сюда, — она бросает короткий, злобный взгляд на толпу за спиной, — но лед донесла. Лед остал... — Тут глаза ее закатываются, и она начинает валиться на спину, не отрывая кроссовок от асфальта.

Коп, охраняющий кампус (благослови его, Господи, вместе с огромной бляхой и всем остальным), подхватывает ее, удерживает на ногах, берет один из стаканов. Протягивает Лизи, потом убеждает другую Лизи отпить холодной «колы» из стакана, который у нее остался. Лизи Лэндон на его слова внимания не обращает. Потом, проигрывая все это в голове, она даже удивляется собственной целеустремленности. Теперь в голове только одна мысль: *Главное, не дайте ей упасть на меня, если она потеряет сознание, мистер Дружелюбие*, — и Лизи поворачивается к Скотту.

Его трясет все сильнее, и глаза туманятся, уже не могут сфокусироваться на ней. И однако он пытается:

— Лизи... так жарко... лед...

— Он у меня, Скотт. Теперь ты хоть закрой свой назойливый рот?

— Один удрал на север, другой на юг умчал, — хрипит Скотт, а потом — это же надо! — выполняет ее просьбу. Может, он уже выговорился, и тогда это будет первый такой случай в жизни Скотта Лэндона.

Лизи запускает руку в стакан, отчего «кола» выплескивается из него, такая божественно холодная. Она захватывает пригоршню кусочков льда, думая, а вот ведь ирония судьбы: когда они со Скоттом останавливаются на площадке отдыха на автостраде и она пользуется услугами автомата с газировкой, вместо того чтобы взять банку или бутылку, она всегда нажимает кнопку «СТАКАН БЕЗ ЛЬДА» (пусть лучше другие позволяют этим прижимистым компаниям, торгующим газировкой, лишь наполовину наполнять стакан своим товаром, вторую наполняя льдом, а вот с Лизи, младшей дочерью Дей-

ва Дебушера, этот номер не пройдет. Как там говорил папая? «Стреляного воробья на мякине не проведешь?»). А теперь она мечтает о том, чтобы в стакане было побольше льда и поменьше «колы»... нет, она не думает, что избыток льда что-то изменит. Хорошо хоть, что лед есть вообще.

— Скотт, вот он. Лед.

Его глаза наполовину закрыты, но он открывает рот, и когда она сначала протирает ему губы кусочками льда, а потом кладет один на его окровавленный язык, бьющая Скотта дрожь внезапно прекращается. Господи, это какая-то магия. Осмелев, она проводит замерзающей, сочащейся водой рукой по его правой щеке, по левой, лбу, где капли воды цвета «колы» падают на брови, а потом стекают по крыльям носа.

— Лизи, это божественно, — говорит он, и хотя каждый вдох по-прежнему сопровождается свистом-криком, голос Скотта уже больше напоминает привычный. «Скорая» подъехала к толпе, что стоит слева, и смолкающий вой сирены сменяется громкими мужскими криками: «Санитары! Расступитесь! Санитары, освободите дорогу! Дайте нам выполнить свою работу!»

Дэшмайл, трусливый говнюк, выбирает этот момент, чтобы наклониться к Лизи и шепнуть на ухо свой вопрос. Спокойствие голоса, учитывая скорость, с которой он сиганул в сторону, заставляет Лизи скрипнуть зубами.

— Как он, дорогая?

Не оглядываясь, она отвечает:

— Пытается выжить.

7

— Пытается выжить, — пробормотала она, проводя рукой по глянцевой странице ежегодника «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988». По фотографии Скотта с ногой, стоящей на серебряном штыке церемониальной лопатки. Она резко, с

хлопком, закрыла ежегодник и швырнула его на пыльную спину книгозмей. Ее аппетит к фотографиям (*и воспоминаниям*) на этот день утолен с лихвой. За правым глазом начала пульсировать боль. С ней хотелось как-то справиться, принять что-нибудь, но не слабенький тайленол, а что-то, как сказал бы ее умерший муж, взбадривающее. Очень бы подошел экседрин, пара таблеток — и все дела, если только срок действия давно не истек. А потом она могла бы немного полежать на кровати в их спальне, пока не пройдет боль. Может, даже поспала бы.

Я все еще называю ее «нашей спальней», отметила она, спускаясь по лестнице в амбар, который давно уже не был амбаром, разделенный на множество кладовок... хотя в нем по-прежнему стояли запахи сена, веревок, тракторного масла, упрямые фермерские запахи. *Она наша, даже через два года.* И что с того? Что с того?

Она пожала плечами.

— Полагаю, ничего.

Ее немного шокировал заплетающийся, полупьяный голос. Она предположила, что все эти очень уж живые воспоминания измотали ее. Заново пережитый стресс. Одно, впрочем, радовало: никакая другая фотография Скотта в животе книгозмей не могла вызвать таких неистовых воспоминаний, и ни один из колледжей не мог послать Скотту фотографию его от...

(об этом заткнись)

— Совершенно верно, — согласилась Лизи, спустившись с лестницы, не особо представляя себе, о чем, собственно,

(Скут, старина Скут)

она думала. Голова кружилась, и тело покрылось испариной, словно она едва избежала несчастного случая.

— Заткнись, на сегодня достаточно.

И будто ее голос послужил спусковым крючком, зазвонил телефонный аппарат за закрытой деревянной дверью

справа от Лизи. Раньше за этой дверью располагалась конюшня, достаточно большая, чтобы разместить в ней трех лошадей. Теперь на двери висела табличка с надписью «**ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ!**». Эту шутку придумала Лизи. Она намеревалась устроить там кабинет, где могла бы держать домашний архив и работать с месячными счетами (у них был финансовый консультант, и она до сих пор не отказалась от его услуг, но он находился в Нью-Йорке, и Лизи не собиралась грузить его такой ерундой, как счета из местной бакалейной лавки). Она даже поставила туда стол, телефонный аппарат, факс и несколько бюро... а потом Скотт умер. Заходила она в кабинет с тех пор? Однажды, она помнила. Этой весной. В конце марта, когда на земле кое-где еще оставались островки грязного снега. Заходила, чтобы стереть старые записи на автоответчике. В окошечке устройства светилося число «21». Сообщения с первого по семнадцатое и с девятнадцатого по двадцать первое были от разных торговцев, которых Скотт называл «телефонными вшами». Восемнадцатое (Лизи это совершенно не удивило) оставила Аманда. «Просто хотела узнать, подключила ты эту штуковину или нет. Ты дала этот номер мне, Дарле и Канти до того, как Скотт умер. — Пауза. — Похоже, что подключила. — Пауза. — И до сих пор не отключила. — Пауза, а потом торопливо: — Но была слишком длинная пауза между твоими словами и звуковым сигналом, то есть у тебя, маленькая Лизи, на автоответчике накопилось много сообщений, ты должна их прослушать — вдруг кто-то хочет подарить тебе набор кастрюль или что-то еще. — Пауза. — Ну... до свидания».

Теперь, стоя перед закрытой дверью, чувствуя, как за правым глазом с частотой ударов сердца пульсирует боль, она слушала, как телефон прозвонил в третий раз, в четвертый. Пятый звонок оборвал щелчок, а потом раздался ее голос, объясняющий тому, кто держал трубку на другом конце провода, что он или она позвонили по телефону 727-5932. Потом

не последовало ни лживого обещания «мы вам перезвоним», ни предложения оставить сообщение после звукового сигнала, ни самого сигнала, о котором упоминала Аманда. Да и зачем все это? Кто мог позвонить сюда, чтобы поговорить с ней? Со смертью Скотта это место лишилось своего мотора. Здесь осталась только маленькая Лизи Дебушер из Лисбон-Фоллс, теперь вдова Лэндон. Маленькая Лизи жила одна в доме, который был слишком большим для нее, и писала списки продуктов, которые нужно купить, не романы.

Пауза между ее словами и звуковым сигналом была очень длинной, и она подумала, что пленка для записи сообщений вновь заполнена до конца. А если и не заполнена, если звонящий устанет ждать и положит трубку, то через дверь кабинета она услышит самый раздражающий, тоже записанный на пленку женский голос, который скажет ей (отчитает ее): «Если вы хотите позвонить по номеру... пожалуйста, повесьте трубку и свяжитесь с абонентом через оператора!» Женщина не добавила бы «тупоголовый ты наш» или «раз у тебя дерьмо вместо мозгов», но Лизи всегда чувствовала этот, как сказал бы Скотт, «подтекст».

Вместо записанного женского она слышала мужской голос, который произнес два слова. Не было причины, чтобы от этих слов ее прошиб холодный пот, но прошиб. «Я перезвоню», — сказал мужчина.

Послышался щелчок.

И воцарилась тишина.

8

*Это — намного более приятный подарок, думает она, но знает, что это ни прошлое, ни настоящее; это всего лишь сон. Она лежала на большой двуспальной кровати в
(нашей нашей нашей нашей нашей)*

спальне, под медленно вращающимся вентилятором; несмотря на 130 миллиграммов кофеина в двух таблетках экседрина (годен до окт. 2007), взятых из тающего запаса лекарств Скотта в аптечном шкафчике в ванной, она уснула. Если у нее и есть на сей счет какие-то сомнения, чтобы развеять их, достаточно посмотреть, где она сейчас находится (в отделении реанимации на третьем этаже Мемориальной больницы Нашвилла) и какое у нее уникальное средство передвижения: она вновь путешествует на огромном полотнище, на котором многократно напечатана фраза «ПИЛЬСБЕРИ — ЛУЧШАЯ МУКА». Вновь ее радует, что углы этого полотнища-самолета, на котором она сидит, сложив руки под грудью, завязаны в узлы, как на носовом платке, если его надевают на голову. Она плавает так близко к потолку, что ей приходится распластаться на полотнище, чтобы не попасть под лопасти, когда «ПИЛЬСБЕРИ — ЛУЧШАЯ МУКА» проплывает под одним из медленно вращающихся вентиляторов (во сне они ничем не отличаются от вентилятора в ее спальне). Эти потрепанные деревянные весла говорят: «Хлюп, хлюп, хлюп», — продолжая свое медленное и где-то величественное вращение.. Под ней медсестры приходят и уходят, их обувь чуть поскрипывает. Некоторые из них в цветных халатах (они как раз входят в моду), но большинство — в традиционных белых, чулки тоже белые, а белые шапочки почему-то вызывают у Лизи ассоциацию с чучелами голубей. Два врача (Лизи думает, что они врачи, хотя по возрасту, похоже, еще и не начали бриться) о чем-то разговаривают у фонтанчика с питьевой водой. Стены выложены кафелем холодного зеленого цвета. Жар дня сюда вроде бы не проникает. Лизи полагает, что помимо вентиляторов в отделении реанимации есть и система кондиционирования, но не слышит, как она работает.

В моем сне я ее не слышу, разумеется, не слышу, говорит себе Лизи, и это кажется логичным. Впереди палата 319, куда привезли Скотта из операционной. После того как вытащи-

ли из него пулю. Лизи без труда добирается до двери, но понимает, что находится слишком высоко, чтобы попасть в самую палату. Ей обязательно нужно туда попасть. Она ведь так и не успела сказать ему: «Ты сможешь разобраться с этим потом», — но была ли в том необходимость? Скотт Лэндон, в конце концов, не со стога сена вчера свалился. И главная задача, как ей кажется, — найти волшебное слово, которое заставит спуститься полотнище-самолет «ПИЛЬСБЕРИ — ЛУЧШАЯ МУКА».

Она находит это слово. Ей совершенно не хочется слышать, как оно слетает с ее губ (это слово Блонди), но, когда правит дьявол, деваться некуда (так тоже говорил ее папаня), поэтому...

— Фрезии, — говорит она, и выцветшее полотнище с узлами по углам послушно опускается на три фута, покидая прежнее место под потолком. Она смотрит через открытую дверь и видит Скотта, который через пять часов после операции лежит на узкой и на удивление красивой кровати с деревянными резными изголовьем и изножьем. Мониторы плачут, совсем как автоответчики. Два пакета с чем-то прозрачным висят на стойке между кроватью и стеной. Скотт вроде бы спит. Лизи-1988 сидит на стуле с высокой спинкой, рука Скотта сжимает ее руку. В другой руке Лизи-1988 книга в обложке, которую она захватила с собой в Теннесси (не ожидая, впрочем, что у нее будет много времени на чтение). Скотт читает произведения таких писателей, как Борхес, Пинчон, Тайлер и Этвуд; Лизи — Мевин Бинчи, Колин Маккаллоу, Джин Оэл (хотя ее все больше нервируют сварливые пещерные люди мисс Оэл), Джойс Кэрол Оутс и в последнее время Ширли Конран. Вот и в палате 319 при ней «Дикари», последний роман Ширли, и Лизи он очень нравится. Она дочитала до того места, где женщины, оказавшиеся в джунглях, учатся использовать бюстгальтеры как пращу. Спасибо «Лайкре». Лизи не знает, готовы ли поклонницы романтических историй к такой вот находке мисс Конран, но сама она видит в ней и храбрость, и красоту. Но разве храбрость — не одна из сторон красоты?

Последние лучи дневного света вливаются в палату потоками красного и золотого. Зрелище это зловещее и чарующее. Лизи-1988 очень уставшая: эмоционально, физически, от Юга ее просто тошнит. Она думает, если в палату заглянет еще кто-нибудь из посетителей, она закричит. А хорошая сторона? Она не думает, что пробудет здесь так долго, как они предполагают, потому что... ну... скажем так, у нее есть основания верить, что Скотт всегда быстро поправляется.

Скоро она вернется в мотель и постарается оставить за собой тот самый номер, что они оплатили раньше (Скотт всегда снимает для них номер, даже если знает, что выступление не займет много времени и они смогут уехать в тот же день). Она подозревает, что ей это не удастся (к женщине относятся ой как по-другому, если она с мужчиной, знаменитым или нет), но мотель расположен очень удобно, близко и от колледжа, и от больницы, поэтому ее устроит любой номер, лишь бы в этом мотеле. Доктор Саттеруэйт, лечащий Скотта, пообещал, что она сможет улизнуть от репортеров, выходя через заднюю дверь, как сегодня, так и в последующие дни. Он говорит, что миссис Маккинни вызовет такси к разгрузочной площадке кафетерия, «как только вы дадите отмашку». Она бы уже уехала, но Скотт последний час спит очень тревожно. Саттеруэйт говорит, что он не очнется после наркоза как минимум до полуночи, но Саттеруэйт не знает Скотта так хорошо, как она, и Лизи не удивлена тем, что на короткие промежутки времени он начал приходить в себя уже на закате солнца. Дважды он узнавал ее, дважды спрашивал, что произошло, и дважды она говорила, что в него стрелял психически больной человек. Второй раз он сказал: «Хай-йо-долбаный-Силвер»*, — прежде чем закрыл глаза, и она не могла не рассмеяться. Те-

* Хай-йо-долбаный-Силвер (Hi-yo-smucking-Silver) — чуть переиначенная ключевая фраза из популярного американского радио- и телесериала «Одинокий рейнджер». Там главный герой, пуская своего жеребца Силвера в галоп, восклицал: «Хай-йо, Силвер, вперед!» (Hi-yo, Silver, away)

перь она хочет, чтобы он пришел в себя в третий раз, и она сможет сказать ему, что возвращается не в Мэн, а только в мотель, и утром снова его увидит.

Все это Лизи-2006 знает: Помнит. Чувствует. Как ни назови. Сидя на полотнище-самолете, она думает: *Он открывает глаза. Смотрит на меня. Говорит: «Я заплутал в темноте, и ты меня нашла. Мне было жарко... так жарко... и ты дала мне лед».*

Но действительно ли он это сказал? Действительно ли все так и было? И если она что-то прячет (прячет даже от себя), почему она это делает?

На кровати, залитой красным светом, Скотт открывает глаза. Смотрит на жену, которая читает свою книгу. Его дыхание уже не крик, свист в нем едва заметно слышится, когда он набирает полную грудь воздуха и полупшепотом-полухрипом выдыхает ее имя. Лизи-1988 откладывает книгу, поворачивается к мужу.

— Эй, ты снова проснулся, — говорит она. — Тогда контрольный вопрос: Так ты помнишь, что с тобой произошло?

— Выстрел, — шепчет он. — Мальчишка. Тоннель. Назад. Болит.

— Боль тебе придется какое-то время потерпеть, — говорит она. — А теперь не хотел бы ты...

Он сжимает ее руку, как бы говоря: замолчи. *Сейчас он скажет мне, что заплутал в темноте, и я дала ему льда, думает Лизи-2006.*

Но он говорит жене (которая этим днем спасла ему жизнь, «вырубив» сумасшедшего серебряной лопатой) другое, задает короткий вопрос: «Жарко?» Тон небрежный. Никакого особого взгляда. Сказано для того, чтобы поддержать разговор, провести время, тогда как красный свет продолжает угасать, а медицинское оборудование пикает и пикает. И со своего полотнища у двери Лизи-2006 видит, как дрожь (не сильная, но заметная) пробегает по телу Лизи-1988; видит, как указа-

тельный палец молодой Лизи выскальзывает из книги «Ди-кари», более не служит закладкой.

Я думаю: «То ли он не помнит, то ли притворяется, что не помнит своих слов, сказанных на асфальте (насчет того, что он мог бы позвать эту тварь, если бы захотел, мог бы позвать этого длинного мальчика, если бы мне хотелось покончить с ним), и моего ответа о том, что ему надобно замолчать и не помянуть это чудище, оставить долбаную тварь в покое...» Я задаюсь вопросом, действительно ли это классический случай забывчивости (как он забыл, что его подстрелили) или какая-то особая забывчивость, когда все плохое сметается в специальный ящик, а потом запирается на ключ. Я задаюсь вопросом, а так ли это важно, если он помнит, как нужно по-правляться.

Лежа на кровати (и одновременно летя на волшебном полотнище-самолете в вечном подарке ее сна), Лизи шевельнулась и попыталась крикнуть своему двойнику, попыталась крикнуть, что это *имело значение, имело*. «Не позволяй ему с этим уйти! — пыталась крикнуть она. — Ты не сможешь забыть это навсегда!» Но еще фрагмент прошлого вспомнился ей, фрагмент их бесконечных карточных игр на Субботнем озере летом. Эти две фразы выкликались, когда игрок хотел заглянуть в сброшенные карты, чтобы посмотреть как минимум предпоследний сброс: «Не трогай! *Нельзя откапывать мертвеца!*»

Нельзя откапывать мертвеца!

Однако она пытается еще раз. Всей своей немалой силой воли и мысли Лизи-2006 наклоняется вперед, сидя на полотнище-самолете, и посылает телепатическое сообщение: *Он прикидывается! СКОТТ ПОМНИТ ВСЕ!* своему молодому «Я».

И на какое-то мгновение думает, что сообщение доходит до адресата... знает, что дошло. Лизи-1988 вздрагивает, книга выскальзывает из ее руки и падает на пол. Но прежде чем

молодая Лизи успевает повернуться к двери, Скотт Лэндон смотрит на женщину, которая парит в воздухе за дверным проемом, смотрит на свою жену из того времени, когда она уже станет вдовой. Он вновь складывает губы буквой «О», но вместо того, чтобы вновь издать тот ужасный звук, просто *дует*. Дуновение не сильное, не может быть сильным, с учетом того, что он пережил? Но силы хватает, и полотнище-самолет «ПИЛЬСБЕРИ — ЛУЧШАЯ МУКА» отбрасывает назад, треплет, как стручок ваточника, подхваченный ураганом. Лизи пытается удержаться на полотнище, понимая, что от этого зависит ее жизнь, стены больничного коридора пролетают мимо, но потом этот чертов «самолет» переворачивается, она падает и...

9

Лизи проснулась, обнаружив, что сидит на кровати. Пот высыхал у нее на лбу и под мышками. В спальне царила относительная прохлада, спасибо потолочному вентилятору, но она чувствовала, что все еще разгорячена, как...

Ну, как раскаленная духовка.

— Пусть будет духовка, — говорит она, и с губ срывается нервный смех.

Сон уже разваливается на части (единственное, что она помнит отчетливо, — наполнивший палату красный свет заходящего солнца), но она проснулась с безумной уверенностью, отложившейся в сознании, одержимая императивом: она должна найти эту долбаную лопату. С серебряным штыком:

— Почему? — спросила она пустую комнату. Взяла часы прикроватного столика и поднесла к лицу в полной уверенности, что прошел час, может, даже два. К ее изумлению, выяснилось, что она спала двенадцать минут. Она вернула часы на столик, вытерла руки о блузку, словно бралась за что-то

грязное и микробы так по ней и ползают. — Почему я должна искать эту нелепую вещь?

Не важно. — Голос Скотта — не ее. В последнее время она редко слышала его столь отчетливо, но, Господи, на этот раз услышала. Громко и ясно. *Это не твое дело. Просто найди ее и положи, где... ну, ты знаешь.*

Разумеется, она знала.

— Где я смогу энергично ею поработать, — пробормотала Лизи, потерла лицо ладонями, с губ даже сорвался смешок.

Совершенно верно, любимая, — согласился ее умерший муж. — *Когда сочтешь это уместным.*

Глава 3 ЛИЗИ И СЕРЕБРЯНЫЙ ШТЫК (Жизнь ветра перемен)

1

Яркий сон Лизи совершенно не помог ей освободиться от других воспоминаний о Нашвилле, особенно от одного момента: Герд Аллен Коул поворачивает револьвер после выстрела в легкое, который Скотт еще мог пережить, чтобы следующую пулю послать в сердце, а такие ранения смертельны. Весь мир уже перешел на замедленное время, и мысленно она вновь и вновь возвращалась к одному и тому же (как язык возвращается к щербинке на зубе): движение Герда на удивление плавное, словно револьвер вращался на шарнире.

Лизи пропылесосила гостиную, которая в уборке не нуждалась, потом запустила стиральную машину, хотя грязного белья набралось лишь на полбарабана; теперь, когда она жила

одна, корзина с грязным наполнялась так медленно. Прошло два года, а она все равно не могла к этому привыкнуть. Наконец, она надела купальник и поплавала в бассейне за домом: проплыла туда-обратно пять раз, десять, пятнадцать, семнадцать и выдохлась. Держась за бортик на мелкой части, не касаясь ногами дна, тяжело дышала; черные мокрые волосы, как блестящий шлем, облегли щеки, лоб, шею, и все равно она видела движущуюся руку с длинными пальцами, видела поворачивающийся «ледисмит» (не было никакой возможности думать об этом оружии как об обычном револьвере, узнав его смертоносное блядское название), видела маленькую черную дыру с затаившейся внутри смертью Скотта, которая перемещалась справа налево, и серебряная лопатка была такой *тяжелой*. Казалось, уже невозможно успеть вовремя, обогнать безумие Коула.

Она медленно шевелила ногами, поднимая фонтанчики брызг. Скотту нравился их бассейн, но плавал он редко. Относился к тем людям, которые предпочитают книгу, пиво, телевизор. Когда, естественно, не был в разъездах. И, конечно, много времени он проводил в кабинете, работал, неизменно под музыку. Или зимней ночью сидел в кресле-качалке в спальне для гостей, завернувшись в один из пледов доброго мамика Дебушер, в два часа ночи, с широко-широко-широко раскрытыми глазами, а за стенами ревел ужасный ветер, долетающий от Йеллоунайфа*, и это был другой Скотт; один удрал на север, другой на юг умчал, и, Господи, она любила их обоих одинаково, *всегда и во всем* одинаково.

— Хватит, — с раздражением бросила Лизи. — Я успела вовремя, успела, так что давай это забудем. Этот безумный мальчишка смог только пробить ему легкое, вот и все.

И однако мысленным взором (там прошлое — всегда настоящее) она видела, как «ледисмит» вновь начинает пово-

* Йеллоунайф — город в Канаде, на северном берегу Большого Невольничьего озера.

рачиваться, и выбралась из бассейна в надежде, что физическое усилие прогонит этот образ. Сработало, но Блонди появилась вновь, когда она вытиралась в раздевалке после душа, Герд Аллен Коул вернулся, стоит перед глазами, говорит: «Я должен положить конец всему этому динг-донгу ради фрезий», — и Лизи-1988 размахивается серебряной лопаткой, но на этот раз долбанный воздух в долбаном времени Лизи слишком густой, и ей суждено опоздать на какое-то мгновение, она увидит всю дульную вспышку, а не ее часть, черная дыра появится также на левом лацкане, и пиджак спортивного покроя станет для Скотта саваном...

— *Прекрати!* — зарычала Лизи и бросила полотенце в корзинку для грязного белья. — *Угомонись!*

Она вернулась в дом голой, с одеждой под мышкой — именно для таких случаев двор и огородили высоким дощатым забором.

2

Поплавав, она проголодалась (просто умирала от голода) и, пусть шел только пятый час, решила приготовить себе большой сковородный ужин. Дарла, вторая по старшинству из сестер Дебушер, сказала бы, что Лизи собралась плотно поесть, а вот Скотт заявил бы, что у нее возникло желание нажраться. В морозильнике лежал фунт вырезки, в кладовой — упаковка полуфабриката для чизбургерного пирога. Лизи все вывалила на сковороду. Пока блюдо жарилось, приготовила себе графин лаймового «кулэйда»* с двойным содержанием сахара. К пяти двадцати, когда кухню заполнили запахи, поднимающиеся от сковороды, все мысли о Герде Аллене Коуле вылетели у нее из головы, по крайней мере на время. Думать

* «Кулэйд» — фруктовый прохладительный напиток, который приготавливают из растворимого порошка.

она могла только о еде. Съела две большие порции запеканки, получившейся из сочетания полуфабриката чизбургерного пирога и мяса, запила двумя большими стаканами «кулэйда». Когда со второй порцией и со вторым стаканом (на дне осталось чуть-чуть сахара) было покончено, Лизи удовлетворенно рыгнула и изрекла: «Эх, мне бы сейчас эту чертову долбаную сигарету».

Она говорила правду; ей редко так отчаянно хотелось покурить. «Салем лайтс». Скотт курил, когда они впервые встретились в университете Мэна, где он был студентом-выпускником и, как сам себя называл, «самым юным писателем мира среди здесь проживающих». Лизи училась (это продолжалось недолго) в свободное от работы время: она тогда была официанткой в кафе «У Пэт» в центре города, разносила пиццы и бургеры. К курению пристрастилась в компании Скотта, который предпочитал исключительно «Герберта Тейритона». Курить они бросили одновременно, чтобы выяснить, кто первым не выдержит. Произошло это в 1987 году, за год до того, как Герд Аллен Коул наглядно продемонстрировал, что сигареты — не единственный источник проблем с легкими. В последующие годы Лизи, бывало, много дней и не вспоминала о сигаретах, а потом вдруг возникало дикое желание покурить. И, нужно отметить, от мысли о сигаретах была немалая польза. Они позволяли забыть о

(«Я должен положить конец всему этому динг-донгу ради фрезий», — говорит Герд Аллен Коул ясно и отчетливо и чуть поворачивает руку)

Блонди

(плавно)

и Нашвилле,

(чтобы нацелить дымящийся ствол револьвера «ледисмит» на левую половину груди Скотта)

и, черт, она опять к тому же и вернулась.

На десерт можно взять купленный в магазине кекс и замороженные сладкие взбитые сливки (жрать так жрать); но Лизи слишком сыта, чтобы думать о продолжении банкета. И опечалена тем, что эти отвратительные воспоминания возвращаются даже после того, как она наелась до отвала горячей высококалорийной пищей. Она полагает, что у нее возникла проблема, с какой обычно сталкиваются ветераны войны. Это была ее единственная битва, но...

(нет, Лизи)

— Прекрати, — прошептала она и резко

(нет, любимая)

отодвинула от себя тарелку. *Господи*, но ей хотелось

(ты знаешь, что нет)

сигарету. А еще больше она хотела, чтобы все эти воспоминания ушли к чер...

Лизи!

Это был голос Скотта, прозвучавший у нее в голове так ясно, что она ответила вслух, просто и естественно:

— Что, дорогой?

Найди серебряную лопатку, и все это дерьмо исчезнет... как случилось с запахом металлургического завода, когда ветер менялся и дул с юга. Помнишь?

Разумеется, она помнила. Ее квартира находилась в маленьком городке Кливс-Миллс, к востоку от Ороно. К тому времени, когда Лизи поселилась в Кливс-Миллс, никаких заводов там не было, но их хватало в Олдтауне, и когда ветер дул с севера (особенно если день был влажный и облачный), вонь стояла ужасная. Потом, если ветер менялся... Господи! Вдыхаешь запах океана и, казалось, рождаешься заново. На какое-то время выражение «жди ветра перемен» стало частью их внутреннего семейного языка, как «очистить»; «СОВИСА» и «долбаный» вместо «гребаный». Затем оно забылось, и Лизи не вспоминала о нем много лет. «Жди ветра перемен» озна-

чало «держись, крошка». В смысле, пока не сдавайся. Может, оно говорило об оптимистическом отношении к жизни, свойственном молодым семейным парам. Она не знала. Скотт мог бы предложить обоснованную точку зрения; он вел дневник и тогда, в их

(РАННИЕ ГОДЫ!)

сумбурные дни, писал по пятнадцать минут каждый вечер, пока она смотрела сериалы или разбиралась с семейными расходами. Иногда, вместо того чтобы смотреть телевизор или подписывать чеки, она наблюдала за ним. Ей нравилось, как свет лампы подсвечивал ему волосы, бросал треугольные тени ему на щеки, когда он наклонялся над блокнотом. В те дни волосы у него были более длинными и темными, не тронутыми сединой, которая начала все сильнее проступать в последние годы его жизни. Ей нравились истории Скотта, но ничуть не меньше ей нравились и его волосы, подсвеченные светом настольной лампы. Она думала, что его волосы в свете лампы — сама по себе история, просто он этого не знал. Ей нравилось гладить его кожу. Что лоб, что крайнюю плоть, ощущения всегда были приятными. Она не поменяла бы одно на другое. Ей хотелось все и сразу.

Лизи! Найди лопату!

Она убрала со стола, положила остатки чизбургерного пирога с мясом в пластиковый контейнер. Не сомневалась, что никогда больше к ним не притронется (безумие прошло), но еды осталось слишком много, чтобы спустить все в раковину. Добрый мамик Дебушер, которая по-прежнему проживала в ее голове, устроила бы скандал, попытайся она это сделать! И лучше поставить контейнер в холодильник, за спаржей и йогуртом, где его содержимое сможет спокойно стареть. Занимаясь этими простыми хозяйственными делами, она гадала, каким образом, во имя Иисуса, Марии и Иосифа-Плотника, успешный поиск той дурацкой маленькой лопатки мог успокоить ее? Может, дело в волшебных свойствах серебра?

Ей вспомнился какой-то фильм, который она смотрела с Дарлой и Кантатой в программе «Кино для полуночников», какой-то «ужастик» о вервольфе... только Лизи не сильно испугалась, если испугалась вообще. Вервольф показался ей скорее грустным, чем страшным, а кроме того, было заметно, что киношники останавливали камеру, потом накладывали актеру на лицо соответствующий грим и продолжали съемку. Безусловно, следовало поставить им высокие оценки за старание, но конечному продукту, по ее личному мнению, явно не хватало достоверности. Сюжет, правда, вызывал определенный интерес. Поначалу действие разворачивалось в английском пабе, где один из бывалых завсегдатаев мимоходом говорил, что вервольфа можно убить только серебряной пулей. А разве Герд Аллен Коул не был в какой-то степени вервольфом?

— Перестань, девочка, — сказала она себе, сполоснув тарелку и поставив ее в практически пустую посудомоечную машину. — Возможно, Скотт смог бы обыграть эту версию в одной из своих книг, но рассказывать истории — не по твоей части. Не так ли? — Она захлопнула дверцу посудомоечной машины. При такой скорости заполнения она сможет помыть посуду только к Четвертому июля. — Если ты хочешь поискать эту лопатку, так поищи ее! Ты хочешь?

Прежде чем она успела ответить на этот сугубо риторический вопрос, в голове вновь раздался голос Скотта, четкий и ясный:

Я оставил тебе записку, любимая.

Лизи застыла, не дотянувшись до кухонного полотенца, которым хотела вытереть руки. Она знала этот голос, сама собой, знала. Все еще слышала три или четыре раза в неделю и сама пыталась говорить с его интонациями, кто же откажется от такой безобидной компании и в большом доме. Только вот эта фраза, чуть ли не сразу после всего этого дерьма насчет лопаты...

Какую записку?

Какую записку?

Лизи вытерла руки и вернула полотенце на сушилку. Повернулась спиной к раковине, лицом — к остальной кухне, которую по-прежнему наполнял солнечный свет и аромат чизбургерного пирога, правда, теперь, на сытый желудок, не такой аппетитный. Лизи закрыла глаза, сосчитала до десяти, потом резко их открыла. Свет послеполуденного летнего солнца *вспыхнул* вокруг нее. В ней.

— Скотт? — позвала она, чувствуя, что стала такой же, как ее старшая сестра Аманда, то есть наполовину чокнутой. — Ты же не превратился в призрака, не превратился?

Она не ожидала ответа (маленькая Лизи Дебушер, которая радовалась грозам и не находила достоверным вервольфа, которого показывали в программе «Кино для полуночников», отказывалась в это поверить), но неожиданный порыв ветра, ворвавшийся в открытое окно над кухней, раздувший занавески, поднявший кончики ее все еще влажных волос, принесший ароматы цветов... можно было расценить как ответ. Лизи вновь закрыла глаза и вроде бы услышала едва слышную музыку, не высших сфер, а всего лишь старую песню Хэнка Уильямса*: «Прощай, Джо, я должен идти...»

Ее руки покрылись «гусиной кожей».

Но порыв стих, и она стала прежней Лизи. Не Анди, не Канти, не Дарлой; конечно же, не

(одна умчалась на юг)

убежавшей в Майами Джоди. Она была совершенно современной Лизи, Лизи-2006, вдовой Лэндон. Никаких призраков не было. В доме только она, одинокая Лизи.

Но ей хотелось найти эту серебряную лопату, с помощью которой она спасла своего мужа, и он прожил еще шестнадцать лет и написал семь романов. Не говоря уже о фотогра-

* Уильямс Хэнк (1923—1953) — певец, гитарист, автор песен, известный представитель стиля кантри.

фии на обложке «Ньюсуик» в 1992 г., психоделический Скотт, ниже — строка «МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И КУЛЬТ ЛЭНДОНА», набранная большими буквами. Она задалась вопросом, как Роджер «Трусохвост» Дэшмайл воспринимал появление каждого из романов, не говоря уж про фотографию и статью в «Ньюсуик».

Лизи решила, что поищет лопату прямо сейчас, пока не начал таять свет долгого летнего вечера. Были призраки или нет, ей хотелось покинуть амбар и рабочие апартаменты над ним до наступления темноты.

3

В темных и пыльных клетушках напротив ее так и не доведенного до ума кабинета когда-то держали инструменты и запасные части для сельскохозяйственных машин и механизмов. В то время дом Лэндонов назывался «ферма Шугар-Топ». Самое большое помещение использовалось как курятник, и хотя его уборкой и чисткой занималась компания, специализировавшаяся на такого вида работах, а стены потом побелили (белил их сам Скотт, не раз и не два поминавший Тома Сойера), там все равно остался очень слабый, но, вероятно, въевшийся в пол, стены и потолок аммиачный запах куриного помета. Запах этот Лизи помнила с детства и ненавидела... возможно, потому, что ее бабушка Ди упала и умерла, когда кормила кур.

В двух других клетушках стояли коробки (по большей части картонные ящики из винного магазина), но садовых инструментов, серебряных или из какого другого металла, там не было. В бывшем курятнике центральное место занимала двуспальная кровать, единственный сувенир из их девятимесячной экспедиции в Германию. Кровать они купили в Бремене и перевезли в Америку за фантастические деньги — Скотт

настоял. Она напрочь забыла про бременскую кровать, пока вновь не увидела ее.

Поговорим о том, что вываливается из собачьей жопы, в нервном возбуждении подумала Лизи, но вслух произнесла другое:

— Если ты думаешь, что я буду спать в кровати, которая больше двадцати лет простояла в чертовом курятнике, Скотт...

«...тогда ты — псих!» — намеревалась закончить она, но не смогла. Вместо этого громко расхохоталась. Господи, вот оно, проклятие денег! Долбаное проклятие! Сколько стоила эта кровать? Тысячу американских баксов? Скажем, тысячу. А сколько стоила ее перевозка в Америку? Еще тысячу? Возможно. И вот она стоит, расслабляется, как сказал бы Скотт, в ароматах куриного дерьма. И будет продолжать расслабляться, пока мир не сгорит в огне или не замерзнет во льдах, потому что она к этой кровати не подойдет. Вся эта поездка в Германию обернулась полным провалом: Скотт не написал книгу, спор с хозяином квартиры, которую они снимали, едва не перешел в кулачный бой, даже лекции Скотта не принесли успеха — то ли у слушателей отсутствовало чувство юмора, то ли они не понимали его юмора, и...

За дверью по другую сторону центрального прохода, на которой теперь висела табличка **«ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ»**, вновь зазвонил телефон. Лизи застыла как вкопанная, кожа опять покрылась мурашками. И при этом возникло ощущение неизбежности, будто она пришла сюда не для того, чтобы найти серебряную лопатку, а чтобы ответить на звонок.

Она повернулась, когда раздался второй звонок, и пересекла полутемный центральный проход амбара. Подошла к двери на третьем звонке. Отодвинула защелку, и дверь легко открылась, чуть скрипнув изношенными петлями, которые давно уже не использовались, приглашая маленькую Лизи войти в sklep, говоря, как давно мы тебя не видели, хе-хе-хе.

Ветерок, вдруг закруживший вокруг нее, прижал блузку к поясице. Она нащупала выключатель, щелкнула им, не зная, чего ожидать, но под потолком зажегся свет. Разумеется, зажегся. В списках клиентов «Энергетической компании Центрального Мэна» бывший амбар назывался «Кабинет Лэндона, отделение БДП № 2, Шугар-Топ-Хилл-роуд, Касл-Рок, штат Мэн». И ЭКЦМ не делала различий между первым и вторым этажами.

Телефонный аппарат на столе прозвонил в четвертый раз. И, прежде чем звонок № 5 включил автоответчик, Лизи схватила трубку.

— Алло?

Ей ответила тишина. Она хотела повторить «алло», когда это сделали на другом конце провода. В голосе слышалось замешательство, но Лизи все равно узнала того, кто ей позвонил. Одного слова вполне хватило. Все-таки речь шла о самой близкой родне.

— Дарла?

— Лизи... это ты?

— Конечно, это я.

— Где ты?

— В старом кабинете Скотта.

— Нет, ты не там. Туда я уже звонила.

Лизи быстро поняла, в чем дело. Скотт любил громкую музыку (по правде говоря, настолько громкую, что нормальные люди такой уровень шума просто не воспринимали), и телефонный аппарат стоял в комнатке со звукоизоляцией на стенах, которую он смеха ради называл «Моей палатой для буйных». Поэтому не приходилось удивляться, что с первого этажа она звонка не слышала. Но объяснять все это сестре не имело смысла.

— Дарла, где ты взяла этот номер и почему звонишь?

Еще одна пауза.

— Я у Аманды, — ответила наконец Дарла. — Номер взяла из ее записной книжки. Под твоим именем у нее их четыре. Этот был последним.

Лизи сразу стало не по себе, заняло под ложечкой. В детстве Аманда и Дарла были злейшими врагами. Соперничали из-за всего, будь то куклы, библиотечные книги, одежда. Последняя и самая жесткая стычка произошла из-за парня, которого звали Ричи Стренчфилд. В результате Дарла попала в Центральную больницу, где ей пришлось наложить шесть швов на глубокую рану над левым глазом. Шрам остался у Дарлы на всю жизнь, тонкий белый шрам. Когда они повзрослели, отношения у них несколько улучшились: споры были, но кровь больше не текла. Они держались друг от друга подальше. Собирались раз или два в месяц на воскресных обедах (вместе с мужьями) или на сестринских встречах, в «Оливия-Гарден» или в «Аутбэке», и всегда садились подальше друг от друга, скажем, на сиделках их разделяли Лизи и Канти. Так что звонок Дарлы из дома Аманды не сулил ничего хорошего.

— С ней что-то случилось, Дарл? — Дурацкий вопрос. Следовало спрашивать, насколько все плохо.

— Миссис Джонс услышала, как она кричит, носится по дому, бросает вещи на пол. Устраивает одну из своих больших «И».

Одну из ее больших истерик. Понятно.

— Сначала она позвонила Канти, но Канти и Рич в Бостоне. Когда миссис Джонс услышала твой голос на автоответчике, она позвонила мне.

То есть миссис Джонс руководствовалась здравым смыслом. Канти и Рич жили в миле к северу от дома Аманды на шоссе 19; Дарла жила в двух милях к югу. В определенном смысле получилось как в притче отца: «Один удрал на север, другой на юг умчал, а тот назойливого рта на миг не закрывал». Сама Лизи жила в пяти милях. Дом миссис Джонс располагался по ту сторону дороги от маленького кейп-кода

Аманды, и миссис Джонс знала, что первой нужно звонить Канти, причем не только по той причине, что из трех сестер она жила ближе всех.

Она кричит, носится по дому, бросает вещи на пол.

— Насколько все плохо на этот раз? — услышала Лизи свой собственный ровный, почти что деловой голос. — Мне приехать? — В смысле, *как быстро я должна приехать?*

— Она... я думаю, сейчас она в норме, — ответила Дарла. — Но она снова это делает. На руках, в паре мест высоко на бедрах... ты знаешь.

Лизи знала, понятное дело. Аманда впадала в, как называла это состояние Джейн Уитлоу, ее психоаналитик, «пассивную полукататонию». ППК отличалась от того, что произошло...

(не надо об этом)

(не буду)

от того, что произошло со Скоттом в 1996 году, но все равно сильно пугала. И каждый раз этому состоянию предшествовали приступы возбуждения (тут Лизи поняла, что именно такое возбуждение демонстрировала Анда в рабочих апартаментах Скотта), истерические припадки и членовредительство. Скажем, однажды Анда попыталась вырезать себе пупок. И теперь на животе вокруг него белел отвратительный шрам. Лизи однажды предложила косметическую операцию, не зная, существует ли возможность убрать этот шрам, но стремясь показать Анде, что готова взять на себя все расходы, если та обратится к специалистам. Аманда, расхохотавшись, отклонила предложение. «Мне нравится это кольцо, — заявила она. — Если у меня вновь возникнет желание резать себя, я, возможно, посмотрю на него и остановлюсь».

Возможно — но не обязательно.

— Насколько все плохо, Дарл? Только честно.

— Лизи... дорогая...

Лизи в тревоге осознала (и под ложечкой заняло сильнее), что ее старшая сестра борется со слезами.

— *Дарла!* Глубоко вдохни и скажи мне.

— Я в порядке. Просто... день выдался долгий.

— Когда Мэтт возвращается из Монреаля?

— Через две недели. Даже не проси о том, чтобы я позволила ему. Он зарабатывает на нашу поездку в Сент-Барт следующей зимой, и беспокоить его нельзя. Мы все сможем сделать сами.

— А мы сможем?

— Определенно.

— Тогда скажи мне, что нужно сделать.

— Ладно. Хорошо. — Лизи услышала, как Дарла глубоко вдохнула. — Порезы на руках неглубокие. Хватит и пластыря. А вот на бедрах глубже, останутся шрамы, но кровь уже свернулась, слава Богу. Артерии не задеты. Лизи?

— Что? Давай оч... рассказывай до конца.

Она чуть не предложила Дарле очиститься до конца, а на такие слова старшая сестра могла и обидеться. Но, что бы ни сказала ей Дарла, она понимала, что новость будет отвратительная. Об этом говорил голос Дарлы с того самого момента, как Лизи услышала его в трубке. Она попыталась подготовиться к удару, прислонилась к столу, взгляд ее сместился и... святая Матерь Божья, она стояла в углу, небрежно прислоненная к еще одной горке картонных коробок из винного магазина (с надписями черным маркером: «**СКОТТ! РАННИЕ ГОДЫ!**»). Да, да, в углу, где северная стена встречалась с восточной, стояла та самая серебряная лопата из Нашвилла, во всей своей красе. Она не заметила это синеглазое чудо, когда вошла, но наверняка бы заметила, если бы не спешила снять трубку с рычага до того, как включится автоответчик. С того места, где стояла Лизи, она могла даже прочитать слова, выравненные на серебряном штыке: «**НАЧАЛО, ВИБЛИОТЕКА ШИПМАН**». Она буквально услышала, как южанин-тру-

сохвост говорит ее мужу, что Тонех запишет все для годового обзора событий и ему пришлют «эжсмпляр». И Скотт отвечает...

— Лизи? — В голосе Дарлы впервые зазвучала паника, и Лизи торопливо вернулась в настоящее. Разумеется, Дарле было с чего запаниковать. Канти — в Бостоне, на неделю или около того, ходит по магазинам, пока ее муж занимается своими автомобильными делами: программы привлечения клиентов, аукционные продажи, передача в лизинг, в таких местах, как Молден и Линн, Линн — город греха. Муж Дарлы, Мэтт, в Канаде, зарабатывает на их следующий отпуск, читая лекции об особенностях миграции различных североамериканских индейских племен. Дарла как-то сказала Лизи, что это на удивление прибыльное дело. Но деньги тут помочь не могли. Теперь все ложилось на их плечи. Сестринская помощь. — Лиз, ты меня слышишь? Ты еще з...

— Я здесь, — ответила Лизи. — Потеряла тебя на несколько секунд, извини. Может, что-то с телефоном... этот аппарат давно уже не использовался. Он — на первом этаже амбара. Там, где я собиралась оборудовать себе кабинет, до смерти Скотта.

— Да, конечно. — По голосу Дарлы чувствовалось, что она в полном замешательстве. *Не имеет долбаного понятия, о чем я говорю*, подумала Лизи. — Сейчас ты меня слышишь?

— Ясно, как колокол. — Отвечая, она смотрела на серебряную лопату. Думала о Герде Аллене Коуле. В голове звучало: *Я должен положить конец всему этому динг-донгу ради фрезий.*

Дарла вновь глубоко вдохнула. Лизи этот вдох услышала, почувствовала, как ветерок задул в телефонной линии.

— Она никогда в этом не признается, но я думаю, что она... ну... на этот раз пила свою кровь, Лиз... ее губы и подбородок были в крови, когда я приехала, но никаких порезов во рту нет. Она выглядела совсем как мы в детстве, когда добрый мамик давала нам поиграть своей помадой.

Но перед мысленным взором Лизи возникли не далекие дни, когда они надевали одежду матери, красились ее косметикой, ходили в ее туфлях на высоких каблуках, а жаркий день, точнее, вторая его половина, в Нашвилле, дрожащий всем телом Скотт, который лежал на раскаленном асфальте, а его губы покрывала алая кровь. Никто не любит полуночного клоуна.

Слушай, маленькая Лизи. Я издам тот звук, который издает она, когда оглядывается.

Но в углу блестел серебряный штык... чуть погнутый? Она полагала, что да. Если бы она засомневалась, что успевает вовремя... если бы проснулась в темноте, в поту, в уверенности, что опоздала на какую-то долю мгновения и оставшиеся годы их совместной жизни ушли безвозвратно...

— Лизи, ты приедешь? Когда в голове у нее проясняется, она спрашивает о тебе.

В мозгу Лизи зазвенели колокольчики тревоги.

— Что значит «когда в голове у нее проясняется»? Вроде бы ты сказала, что она в норме.

— Так и есть... то есть я так думаю. — Пауза. — Она спросила о тебе. Потом попросила чая. Я принесла ей чашку, и она выпила. Это хорошо?

— Да, — ответила Лизи. — Дарл, ты знаешь, в чем причина?

— Будь уверена. В городе, похоже, только об этом и говорят, но я не знала, пока миссис Джонс не сказала мне по телефону.

— Что? — Но Лизи уже догадывалась, что услышит в ответ.

— Чарли Корриво вернулся в город, — ответила Дарла. Тут же понизила голос: — Добрый старый Балабол. Всеобщий любимец банкир. Привез с собой девушку. Маленькую красотку француженку из Сент-Джон-Вэлли. — Последнее она произнесла с мэнским прононсом, получилось что-то напоминающее «Сенджуан».

Лизи стояла, глядя на серебряную лопатку, ожидая продолжения. В том, что оно последует, сомнений у нее не было.

— Они поженились, Лизи. — После этих слов Дарлы из трубки донеслись какие-то сдавленные звуки, которые поначалу Лизи приняла за сдерживаемые рыдания. Но через мгновение до нее дошло, что Дарла сдерживает смех, дабы ее не услышала Аманда, которая находилась где-то в доме.

— Я приеду как смогу быстро. И... Дарл?

Нет ответа, только все те же сдавленные звуки, вроде бы они даже становились громче.

— Если она услышит, что ты смеешься, то вновь возьмет за нож, только на этот раз порежет тебя.

Смех тут же прекратился. Лизи услышала, как Дарла набирает полную грудь воздуха.

— Ее мозгоправа здесь больше нет, знаешь ли. — Наконец к Дарле вернулась способность говорить. — Этой Уитлоу. Которая всегда ходила, обвешанная бусами. Уехала. Насколько мне известно, на Аляску.

Лизи слышала про Монтану, но едва ли это имело хоть какое-то значение.

— Ладно. Посмотрим, насколько она плоха. Есть одно местечко, которым интересовался Скотт... «Гринлаун», по пути к Двойному городу*...

— Ох, Лизи! — Голос доброго мамика, но из уст Дарлы.

— Что «Лизи»? — резко ответила она. — Что «Лизи»? Или ты собираешься переселиться к ней и следить, чтобы она не вырезала инициалы Чарли Корриво на своих грудях, когда у нее в следующий раз поедет крыша? Или ты думаешь, что к ней переселится Канти?

— Лизи, я не хотела...

— А может, Билли сможет вернуться домой из университета и позаботиться о ней? Одним студентом в академическом отпуске больше, одним — меньше, какая разница?

— Лизи...

* Двойной город — название, объединяющее города Сент-Пол и Миннеаполис, расположенные по обоим берегам реки Миссисипи.

— А что *ты* предлагаешь? — Она слышала грозные нотки в своем голосе и ненавидела их. Это еще одна привычка, которая появляется у человека, если в течение десяти или двадцати лет он не испытывает проблем с деньгами: ты думаешь, что у тебя есть право пинками пробивать себе путь из угла, в котором оказался. Она вспомнила, как Скотт говорил, что людям нельзя разрешать строить дома с более чем двумя туалетами. Если их больше, люди начинают мнить себя великими. Она вновь посмотрела на лопату. Та блеснула в ответ. Успокоила. *Ты его спасла*, сказала лопата. *Не по твоим часам*. Это правда? Лизи не могла вспомнить. Еще момент из тех, которые она сознательно забывала? Этого она тоже не могла вспомнить. Тьфу ты! Черт знает что!

— Лизи, извини... Просто...

— Я знаю, — оборвала ее Лизи. Она чувствовала, что устала, мысли путаются и ей стыдно за свой срыв. — Мы что-нибудь придумаем. Я сейчас приеду. Хорошо?

— Да. — Голос Дарлы переполняло облегчение. — Хорошо.

— Этот француз, — добавила Лизи. — Каков подонок! Таким оказался дерьмом.

— Подъезжай как можно скорее.

— Приеду. До встречи.

Лизи положила трубку. Направилась в северо-восточный угол комнаты и взялась за черенок серебряной лопаты. Ей показалось, что она делает это впервые, но стоило ли удивляться? Когда Скотт передал ей лопату, ее интересовал только блестящий серебряный штык с выгравированной надписью, а к тому времени, когда пришла пора замахнуться лопатой, ее руки действовали как бы сами по себе... или так казалось; она предполагала, что какая-то примитивная, ориентированная на выживание часть ее мозга командовала ими, заменив собой Совершенно Современную Лизи.

Она провела ладонью по гладкому дереву, наслаждаясь этими приятными ощущениями, и ее взгляд вновь упал на три

поставленные друг на друга коробки с черной надписью на каждой: «СКОТТ! РАННИЕ ГОДЫ!» В коробке наверху когда-то стояли бутылки джина «Джилбис», а после того как содержимое изменилось, клапана не заклеили лентой, а лишь зацепили друг за друга. Лизи смахнула пыль, удивляясь, как ее много, удивляясь тому, что руки, которые касались этой коробки последними (наполняли ее, зацепляли клапана, ставили на самый верх), теперь сами, сложенные, лежали под землей.

Коробку заполняла бумага. Рукописи, предположила Лизи. На чуть пожелтевшей титульной странице красовалось название, написанное большими буквами и подчеркнутое. А ниже — аккуратно напечатанные имя и фамилия автора. Все это Лизи узнала, как узнала улыбку, которая не изменялась с тех пор, как она встретила на презентации молодого Скотта. Что Лизи не узнала, так это название романа:

АЙК ПРИХОДИТ ДОМОЙ

Скотт Лэндон

Это роман? Рассказ? Одного взгляда на содержимое коробки определенно не хватало, чтобы ответить на этот вопрос. Но в коробке, похоже, тысяча страниц, а то и больше, основная часть в стопке под титульным листом, а остальные поставлены вертикально, заполняя два больших зазора. Если всю эту коробку занимает один роман, то объемом он будет больше «Унесенных ветром». Возможно ли такое? Лизи полагала, что да. Скотт всегда показывал ей свою работу после того, как ставилась последняя точка, и в процессе, с радостью, если она просила (этой привилегией не обладал больше никто, даже его постоянный редактор Карсон Форей), но если она не просила, то ничего и не показывал. И его отличала удивительная плодовитость, до самого последнего дня. Скотт Лэндон писал и дома, и в дороге.

Но роман в тысячу страниц? Конечно, Скотт упомянул бы про него. Готова спорить, это всего лишь рассказ, который ему не понравился. А что касается остальной бумаги в этой коробке, листов, которые лежат ниже и заткнуты сбоку? Вторые и третьи экземпляры ранних романов. Или гранки. То, что он называл «черновыми материалами».

Но разве он не отправлял все черновые материалы в Питтсбургский университет после того, как заканчивал с ними работу, для Коллекции Скотта Лэндона в их библиотеке? Другими словами, для того, чтобы инкунки могли пускать над ними слюни. И если в этих коробках лежали экземпляры его ранних рукописей, откуда взялись другие экземпляры (отпечатанные еще под копирку) в чуланах наверху, помеченных табличкой «КЛАДОВАЯ» на дверях? И теперь, раз уж она об этом подумала, что лежало в двух клетушках по обе стороны побеленного курятника? Что хранилось там?

Она посмотрела наверх, словно была Суперледи и могла увидеть ответ благодаря своему рентгеновскому зрению, и в этот самый момент вновь зазвонил телефон.

4

Она подошла к столу, сорвала трубку с рычага, переполненная предчувствием дурного и раздражением... но раздражение преобладало. Существовала вероятность (маленькая), что Аманда отрезала себе ухо а-ля Ван Гог или полоснула ножом по шее вместо руки или ноги, но Лизи в этом сомневалась. Зато Дарла всю жизнь славилась тем, что перезванивала через три минуты после окончания разговора, чтобы выпалить в трубку: «Я только что вспомнила...» или «Я забыла сказать тебе...»

— Что еще, Дарл?

Последовала пауза, а потом в трубке раздался мужской голос (Лизи решила, что знакомый голос): «Миссис Лэндон?»

Теперь паузу взяла Лизи, чтобы пробежаться по списку мужчин. Более чем короткому. Просто удивительно, как после смерти мужа сокращается круг твоих знакомств. Она поддерживала контакты с Джейкобом Монтано, адвокатом Скотта в Портленде, Артуром Уильямсом, нью-йоркским бухгалтером, который выпускал из своих рук доллар, если только орел на банкноте молил о пощаде (или умирал от асфиксии), Декком Уильямсом (не родственником Артура), строителем из Брайтона, который превратил сеновал в рабочие апартаменты Скотта и переделал второй этаж их дома, после чего темные комнаты стали царством света, Смайли Фландерсом, сантехником из Моттона, неиссякаемым кладезем анекдотов, приличных и не очень, Чарли Хэддонфилдом, агентом Скотта, который время от времени обращался к ней по делам (главным образом насчет продажи авторских прав на зарубежные публикации и рассказов для антологий), плюс на связи оставалась горстка друзей Скотта. Но никто из них никогда не звонил по этому номеру, даже если он и был в справочнике. А был ли? Она не могла этого вспомнить. В любом случае голос принадлежал человеку, который не входил в вышеуказанный список, так что оставалось непонятным, откуда она могла знать раздавшийся в трубке мужской голос (или подумать, что знает его). Тогда, черт побери...

— Миссис Лэндон?

— Кто вы? — спросила она.

— Мое имя не имеет значения, миссас, — ответил голос, и перед мысленным взором Лизи возник как живой Герд Аллен Коул, губы которого двигались, словно он беззвучно молился. Да только длиннопалая рука поэта держала револьвер. *Святой Боже, нет... неужели еще один*, подумала она. *Неужели еще один Блонди?* Она вновь увидела в руке серебряную лопату (инстинктивно ухватила за деревянный черенок,

когда срывала с рычага трубку), и лопата эта твердила: «еще один, еще один».

— Для меня имеет, — ответила она, поразившись деловитости собственного голоса. Как могла такая резкая, не терпящая возражений фраза выскочить из ее внезапно пересохшего рта? И тут же до нее дошло, где и когда она слышала этот мужской голос: сегодня, несколькими часами раньше, с автоответчика, установленного на этом телефонном аппарате. И неудивительно, что она не сумела сразу его вычислить — голос произнес только два слова: «Я перезвоню». — Если не желаете представиться, я кладу трубку.

На другом конце провода вздохнули. Устало и добродушно.

— Не создавайте мне трудностей, миссас. Я же пытаюсь вам помочь. Действительно пытаюсь.

Лизи подумала о голосах в любимом фильме Скотта «Последний киносеанс»*, о песне Хэнка Уильямса «Джамбалайя». «Одетый модно, шагающий грозно...»

— Я кладу трубку, прощайте. Удачи вам в жизни. — Но даже не оторвала трубку от уха, полагая, что время еще не пришло.

— Можете называть меня Зак, миссас. Это имя ничуть не хуже других. Согласны?

— А дальше?

— Зак Маккул.

— Тогда я — Элизабет Тейлор.

— Вы хотели имя, вы его получили.

Тут он ее уел.

— И где вы взяли этот номер, Зак?

— В телефонном справочнике. — *Значит, номер в справочнике есть.* Это что-то да объясняло. Возможно. — А теперь вы меня выслушаете?

— Я слушаю. — *Слушаю... и сжимаю в руке серебряную лопату... и жду ветра перемен. Прежде всего этого ветра.*

* «Последний киносеанс» — фильм (1971) режиссера Питера Богдановича по роману Ларри Макмартри о жизни маленького техасского городка в середине 1950-х гг.

Потому что перемены надвигались. Каждый нерв ее тела говорил об этом.

— Миссас, недавно к вам приезжал мужчина, который хотел заглянуть в бумаги вашего мужа, и позвольте мне выразить соболезнования в связи с вашей утратой.

Последнее Лизи проигнорировала.

— Многие люди просили у меня разрешения заглянуть в бумаги Скотта после его смерти. — Она надеялась, что мужчина на другом конце провода не сможет догадаться или почувствовать, как сильно билось ее сердце. — Всем им я говорила одно и то же: со временем я доберусь до этих бумаг и разделю...

— Этот парень работает в том колледже, где учился ваш покойный муж, миссас. Говорит, что он — логичный выбор, поскольку бумаги все равно попадут туда.

Какое-то время Лизи молчала. Думала о том, как мужчина называл ее миссас. То есть он не из Мэна, не янки, скорее всего без образования, во всяком случае — по меркам Скотта. Она догадалась, что этот «Зак Маккул» никогда не посещал колледж. Она также отметила, что ветер действительно переменялся. Она больше не боялась. Она в этот конкретный момент злилась. Больше чем злилась. Яростью не уступала подятому из берлоги медведю.

Низким, сдавленным голосом, который сама едва узнала, Лизи выплюнула:

— Вудбоди. Вот о ком вы говорите, не так ли? Джозеф Вудбоди. Этот сучий инкунк.

Последовала пауза на другом конце провода, потом ее новый друг выдавил из себя:

— Я не понимаю вас, миссас.

Лизи почувствовала, как ярость достигла точки кипения, и лишь порадовалась этому.

— Я думаю, что вы прекрасно меня понимаете. Профессор Джозеф Вудбоди, король инкунков, нанял вас, велел позвонить мне и попытаться запугать, чтобы я... что? Отда-

ла ключи от кабинета моего мужа, позволив ему покопаться в рукописях Скотта и взять все, что хочется? Если это так... если он действительно думает... — Она взяла себя в руки. Далось ей это с трудом. Злость — она скорее горькая, чем сладкая, но Лизи не хотелось с ней расставаться. — Просто ответьте мне, Зак, «да» или «нет». Вы работаете на профессора Джозефа Вудбоди?

— Это не ваше дело, миссас.

Лизи не нашлась что сказать. Такая наглость на мгновение даже лишила ее дара речи. Скотт сказал бы, что это чудовищная

(это не ваше дело)
нелепица.

— И никто не нанимал меня что-то пытаться и ничего не делать. — Пауза. — Во всяком случае, я настроен серьезно. А теперь, миссас, вам пора закрыть рот и послушать. Вы меня слушаете?

Она стояла, приложив телефонную трубку к уху, обдумывая вопрос: «Вы меня слушаете?» — и молчала.

— Я слышу ваше дыхание, поэтому знаю, что слушаете. Когда меня нанимают, миссас, этот сын матери ничего *не пытается, он делает*. Я понимаю, вы меня не знаете, но это минус для вас, не для меня. Это... это не простая бравада. *Я не пытаюсь, я делаю*. Вы отдадите этому человеку все, что он просит, хорошо? Он позвонит мне по телефону или пришлет *письмо по мейлу* и известными только нам словами скажет: «Все в порядке, я получил все, что хотел». Если этого не произойдет... если этого не произойдет в определенный период времени, тогда я собираюсь прийти к вам и причинить вам боль. *Я собираюсь причинить вам боль в тех местах, которые вы не давали щупать парням на танцах в средней школе*.

В какой-то момент этой долгой речи, которая напоминала заранее заученный текст, Лизи закрыла глаза. Она чувствовала, как по щекам текут горячие слезы, только не знала, что это за слезы, ярости или...

Стыда? Могли это быть слезы стыда? Да, было что-то постыдное в выслушивании таких слов от полнейшего незнакомца. словно ты пришла в новую школу и в первый же день учитель устроил тебе разнос.

Врежь ему, любимая, сказал Скотт. Ты знаешь, что делать.

Конечно, она знала. В такой ситуации ты или бьешь наотмашь, или не бьешь. Только она в такую ситуацию еще ни разу не попадала, двух мнений тут быть не могло.

— Миссас? Вы понимаете, что я вам сейчас сказал?

Она знала, что хотела ему сказать, да только боялась, что как раз он ее не поймет. Поэтому Лизи решила обойтись более простыми и доходчивыми словами.

— Зак? — сказала она тихо и вкрадчиво.

— Да, миссас. — И он тут же понизил голос, возможно, подумал, что его приглашают в некий заговор для двоих.

— Вы меня слышите?

— Вы говорите очень уж тихо, но... да, миссас.

Она набрала полную грудь воздуха, задержала дыхание, представляя себе мужчину, которой говорил «миссас» вместо «миссис». Представляя себе, как он плотно прижимает трубку к уху, чтобы разобрать все ее слова. И как только эта «картинка» возникла перед ее мысленным взором, Лизи проорала в это ухо что было сил:

— ТОГДА ПОШЕЛ НА ХЕР!

И бросила трубку на рычаг с такой яростью, что с телефонного аппарата поднялась пыль.

5

Почти сразу же телефон вновь начал звонить, но разговор с «Заком Маккулом» Лизи больше не интересовал. Она подзревала, что не осталось ни единого шанса продолжить, как это называли «говорящие головы в телевизоре», *диалог*. Да и

не хотела она с ним разговаривать. Не хотела и выслушивать его тирады на автоответчике и выяснять, что добродушие напрочь ушло из его голоса и теперь она у него исключительно манда, сука и проститутка. Взявшись за провод, Лизи нашла розетку — она находилась рядом с картонными коробками — и вытащила штекер. Так что телефон смолк на третьем звонке. Ее общение с «Заком Маккулом» закончилось, во всяком случае — на сегодня. Она полагала, что последняя точка не поставлена, что-то насчет него (или с ним) придется делать, но сейчас на первом месте стояла Анда. Не говоря уже про Дарлу, которая ждала, рассчитывала на ее помощь. Ей требовалось лишь вернуться на кухню, сдернуть с гвоздика автомобильные ключи... еще две минуты ушло бы на то, чтобы запереть дом, чего она никогда не делала днем.

Дом, и амбар, и рабочие апартаменты.

Да, особенно рабочие апартаменты, хотя она сомневалась, что там есть какие-то ценности, к примеру, что-то очень дорогостоящее. Но если уж речь зашла о дорогостоящем...

И оказалось, что она вновь смотрит на верхнюю коробку. Клапана она не закрыла, так что все было на виду.

АЙК ПРИХОДИТ ДОМОЙ

Скотт Лэндон

Из любопытства (почему нет, на это требовалась лишь секунда) Лизи прислонила серебряную лопату к стене, подняла титульную страницу, посмотрела на следующую. Там было написано:

Айк пришел домой после бума, и все было прекрасно.
БУА! КОНЕЦ!

Ничего больше.

На эту страницу Лизи смотрела не меньше минуты, хотя, видит Бог, ей хватало дел и ее ждали в другом месте. По коже

опять побежали мурашки, но теперь ощущение это было скорее приятным... черт, да чего там, просто приятным. Легкая, мечтательная улыбка заиграла на губах. С того момента, как она принялась за расчистку рабочих апартаментов Скотта (если хотите, взялась за его архивы), она чувствовала присутствие мужа... но никогда присутствие это не было столь близким. Столь *реальным*. Она сунула руку в коробку и просмотрела листы бумаги, лежащие стопкой, уже зная, что там найдет. И нашла. Белизну чистой бумаги. Она залезла и в те листы, что стояли по бокам. Результат не изменился. В детском словаре Скотта «бум» означал короткую прогулку, а «бул»... ну, что-то более сложное, но в данном контексте слово это наверняка означало шутку или безобидную шалость. Этот гигантский поддельный роман был ха-ха Скотта Лэндона после смерти?

Неужто и две другие коробки, что стояли под верхней, тоже были бумами? А те, что находились в двух клетушках напротив ее кабинета? Шутка была такая тонкая? И если все так, кого разыгрывал Скотт? Ее? Инкунков вроде Вудбоди? Объяснение логичное, Скотту нравилось подшучивать над людьми, которых он называл «завернутыми на рукописях», но отсюда перебрасывался мостик к жуткому предположению: он, возможно, предчувствовал свою

(Умер молодым)

грядущую смерть

(Безвременно)

и ничего ей не сказал. Это предположение вело к вопросу: поверила бы она ему, если бы и сказал? Инстинктивно она ответила: «Нет», — чтобы сказать, пусть только и самой себе: *Я же была человеком практичным, всегда проверяла его багаж, чтобы убедиться, что у него достаточно нижнего белья, и звонила в аэропорт, узнавала, вылетают ли самолеты по расписанию.* Но она помнила, как кровь на его губах превращала улыбку в клоунскую ухмылку; помнила, как он однажды объяснил ей (с присущей ему доходчивостью), что есть свежие

Фрукты после захода солнца небезопасно, а в промежуток между полуночью и шестью утра лучше вообще обходиться без пищи. Согласно Скотту, «ночная еда» частенько бывала отравленной, и когда он это говорил, слова звучали логично. Потому что

(прекрати)

— Я бы ему поверила, и давайте на этом закончим, — прошептала Лизи, опустила голову и закрыла глаза, чтобы сдержать слезы, которые, впрочем, так и не пришли. Глаза — а ведь они плакали во время заранее подготовленной речи «Зака Маккула»! — теперь были сухими, как камень. Дурацкие долбаные глаза!

Рукописи в ящиках столов и в большом шкафу наверху определено не были булами; Лизи это знала наверняка. Там лежали экземпляры уже опубликованных рассказов, альтернативные варианты некоторых из них. В столе, который Скотт называл «Большой Джумбо Думбо», хранились рукописи как минимум трех незаконченных романов, которые при этом являлись более чем законченными повестями... понятное дело, у Вудбоди текли слюни. Лежало там и полдесятка готовых рассказов, которые Скотт так и не удосужился отослать в редакцию какого-нибудь периодического издания для публикации, и большинство, судя по шрифтам, лежало многие годы. Она не могла сказать, что — пустышка, а что — сокровище, хотя понимала, что все они вызовут интерес исследователей творчества Лэндона. Этот роман, однако... *бул*, по терминологии Скотта...

Она сжала черенок серебряной лопаты, и сильно. Потому что держала в руке реальную вещь, внезапно оказавшись в эфемерном мире. Открыла глаза и сказала:

— Скотт, это всего лишь шутка или ты чего-то от меня хочешь?

Нет ответа. Естественно. А у нее еще пара сестер, к которым нужно ехать. Конечно же, Скотт понял бы ее, если бы она на время отодвинула историю с булом на второй план.

В любом случае она решила взять лопату с собой.
Ей нравились ощущения, которые она испытывала, держа черенок в руке.

6

Лизи вставила штекер в розетку, а потом торопливо ушла, до того, как этот чертов телефон мог опять зазвонить. На дворе садилось солнце, и дул сильный западный ветер, что объясняло, откуда взялось движение воздуха в тот момент, когда она открывала дверь кабинета, чтобы снять трубку и поговорить с Дарлой: никаких призраков, любимая. День, казалось, растянулся на месяц, но ветер, такой же, как и в ее сне, успокаивал и освежал. Она направилась от амбара к кухне, не боясь, что где-то поблизости рыщет «Зак Маккул». Она знала, как звучат здесь голоса при звонках с мобильных: потрескивающие и далекие. Скотт говорил, что причина — в линиях высокого напряжения (их он любил называть «заправочными станциями НЛО»). А вот дружка «Зака» она слышала отлично. Этот ковбой глубокого космоса говорил с ней по проводной линии, и она чертовски сомневалась, что кто-нибудь из ближайших соседей пригласил незнакомца в свой дом и предоставил телефон для высказывания угроз.

Она взяла автомобильные ключи и сунула их в боковой карман джинсов (не подозревая, что в заднем по-прежнему лежит блокнот Аманды с числами, хотя со временем вспомнит об этом). Она также взяла и более внушительную связку ключей, от всех дверей королевства Лэндонов, каждый с аккуратной наклейкой и надписью почерком Скотта. Заперла дом, заперла раздвижные двери первого этажа амбара, заперла дверь в рабочие апартаменты Скотта, к которой поднялась по наружной лестнице. Покончив с этим, с лопатой на плече направилась к автомобилю, и ее тень далеко протянулась по двору в последних, красных лучах заходящего июньского солнца.

Глава 4
ЛИЗИ И КРОВЬ-БУЛ
(Дурная кровь)

1

Поездка к Аманде по недавно расширенному и вновь заасфальтированному шоссе 17 занимала каких-то пятнадцать минут, даже с остановкой на светофоре, который регулировал движение на пересечении шоссе 17 с Дип-Кат-роуд. Большую часть этого времени, пусть ей того и не хотелось, Лизи провела в раздумьях о булах вообще и одном буле в частности: первом. Который не был шуткой.

— Но маленькая идиотка из Лисбон-Фоллс не дала задний ход и вышла за Скотта замуж, — рассмеялась она, потом сняла ногу с педали газа.

Слева сверкали витрины «Пательс маркет», заправочные колонки «Тексако» торчали из черного асфальта под ослепительно белыми огнями, и она почувствовала невероятно сильное желание остановиться и купить пачку сигарет. Старых добрых «Салем лайтс». И заодно можно прихватить пончиков «Ниссен», которые любила Анда, таких расплющенных, а себе взять «Хохо»*.

— Ты — чокнутая крошка номер раз, — улынулась Лизи и вновь придавила педаль газа. «Пательс» растаял позади. Она ехала с включенными фарами, хотя сумеречного света еще хватало. Посмотрев в зеркало заднего вида, обнаружила, что дурацкая серебряная лопата лежит на заднем сиденье, и повторила, уже смеясь: — Ты — чокнутая крошка номер раз, да-да!

И что с того, если она и была чокнутой? *Что с того?*

* «Хохо» — китайское блюдо.

Лизи припарковалась в затылок «приусу» Дарлы и уже прошла половину пути до маленького коттеджа Аманды, когда из двери выскочила (чуть ли не выбежала) Дарла, с трудом подавляя рвущиеся из груди крики.

— Слава Богу, ты здесь, — воскликнула она, а Лизи, увидев кровь на руках Дарлы, вновь подумала о булах, подумала о Скотте, выходящем к ней из темноты и протягивающем руку, только рука эта уже не выглядела как рука.

— Дарла, что...

— Она опять это сделала! Эта психованная снова себя поранила! Я пошла в туалет на минутку... оставила ее на кухне пить чай... «Анда, ты в порядке, Анда?» — спрашиваю ее я... и...

— Успокойся. — Лизи усилием воли изгнала из голоса всю тревогу. Она всегда была самой спокойной из всех, во всяком случае, старалась выглядеть самой спокойной, именно она всегда говорила: «Успокойся» или «Может, не все так плохо?» — хотя вроде бы такое принято говорить кому-нибудь из старших сестер. А может, и нет, если у самой старшей давно и сильно съехала долбаная крыша.

— Она не умрет, там такая грязь. — Дарла начала плакать. *Понятное дело, подумала Лизи, раз я здесь, можно дать волю эмоциям. Вам никогда не приходило в голову, что у маленькой Лизи могут быть свои проблемы?*

Дарла высморкала сначала одну ноздрю, потом вторую на темнеющую лужайку Аманды, чего никогда не позволила бы себе настоящая леди.

— Жуткая грязь, и, возможно, ты права, возможно, «Гринлаун» очень даже ей подойдет... это частная клиника... лишнего там не скажут... я просто не знаю... может, ты все-таки сможешь ее уговорить, наверное, сумеешь, она тебя слушается, всегда слушалась, я просто ума не приложу, что...

— Пойдем, Дарла. — Голос Лизи звучал успокаивающе, и ей вдруг открылось: сигареты ну совершенно не нужны. Сигареты — это дурная привычка ушедших дней. Сигареты мертвы, как и ее муж, потерявший сознание во время выступления и вскорости умерший в больнице в Кентукки, бул, конец. И она хотела держать в руке не «Салем лайтс», а черенок этой серебряной лопаты.

Вот что ее успокаивало, и при этом не требовалась зажигалка.

3

Это бул, Лизи.

Она снова услышала эту фразу, когда включила свет на кухне Аманды. И опять увидела его, направляющегося к ней по укрытому тенью лугу за домом в Кливс-Миллс, где находилась ее квартира. Скотта, который мог быть безумным, Скотта, который мог быть храбрым, Скотта, который мог быть и тем, и другим одновременно при определенных обстоятельствах.

И это не просто бул, это кровь-бул!

Квартира, где она научила его трахаться, где он научил ее говорить «долбаный» вместо «гребаный», где они учили друг друга ждать, ждать, ждать ветра перемен. Скотт шагал сквозь густую смесь цветочных ароматов, потому что с той стороны стояли теплицы, окна которых вечером раскрывали для проветривания. Скотт шагал, окутанный всеми этими ароматами, вечером, в конце весны, к фонарю, который горел над дверью черного хода ее квартиры. Она дождалась его на пороге. Злилась, но не так чтобы очень. Пожалуй, была даже готова помириться. В конце концов, ее динамили и раньше (но не он), и у нее были бойфренды, которые на поверку оказывались любителями выпить (в том числе и он). Но когда она увидела его...

Своего первого кровь-була.

А теперь она видела второго. Кухня Аманды была замазана, забрызгана, залита, как сказал бы Скотт (обычно плохо имитируя Говарда Косела*), кларетом. Красные капли на веселеньком желтом пластике столика у стены. Красное пятно на стеклянном окошке микроволновки, много красного на линолеуме. Кухонное полотенце на раковине, пропитанное красным.

Лизи посмотрела на все это и почувствовала, как учащенно забилось сердце. Это естественно, сказала она себе, обычная реакция нормального человека на кровь. Плюс подходил к концу длинный, полный переживаний день. *Ты должна помнить, что все выглядит гораздо хуже, чем есть на самом деле. Ты можешь поспорить на что угодно, что она сознательно разбрызгивала кровь... Аманда всегда стремилась драматизировать ситуацию. А ты видела кое-что похуже, Лизи. К примеру, рану на животе вокруг пупка. Или Скотта в Кливсе. Согласна?*

— Что? — переспросила Дарла.

— Я ничего не говорила, — ответила Лизи. Они стояли в дверях, глядя на свою несчастную старшую сестру, которая сидела за кухонным столом (также с поверхностью из желтого пластика), наклонив голову, с упавшими на лицо волосами.

— Ты сказала. Ты сказала «согласна».

— Хорошо, я сказала «согласна», — резко ответила Лизи. — Добрый мамик учила нас, что у тех людей, которые говорят сами с собой, есть деньги в банке. — И деньги у нее были. Благодаря Скотту она «стоила» порядка двадцати миллионов долларов, чуть больше или чуть меньше, в зависимости от текущих биржевых котировок государственных облигаций и некоторых акций.

Но деньги не так много значат, когда ты стоишь на залитой кровью кухне. Лизи задалась вопросом: а может, Анди

* Коселл Говард (1918—1995) — настоящее имя Говард Уильям Коуэн, известный спортивный тележурналист.

никогда не использовала говно только потому, что просто не подумалась до этого? Если так, то это истинный подарок Господа, не правда ли?

— Ты убрала ножи? — строго спросила она Дарлу.

— Разумеется, убрала, — с негодованием ответила та... но все так же тихо. — Она сделала это осколками гребаной чайной чашки. Пока я писала.

Лизи уже решила, что при первой возможности закажет в «Уол-Марте» новые чайные чашки. Желтые, чтобы подходили к остальной кухне, но только пластиковые и с наклейкой на дне «НЕБЬЮЩАЯСЯ ПОСУДА».

Она опустила на колени рядом с Амандой, попыталась взять ее за руку.

— Руки она и порезала, — предупредила Дарла. — Обе ладони.

Очень осторожно Лизи сдвинула кисти Аманды с ее коленей. Перевернула их, и ее передернуло. Кровь в порезах начала сворачиваться, и тем не менее у нее заныло в желудке. И, конечно же, порезы заставили ее опять вспомнить о Скотте, выходящем из теплой темноты и протягивающем руку, с которой капала кровь, словно предложение любви, словно искупление страшных грехов: напившись, он забыл про их свидание. И после этого они назвали Коула безумцем?

Аманда рассекла ладони по диагонали, от основания большого пальца до основания мизинца, разрезав линию жизни, линию любви и все остальные линии. Лизи понимала, как она разрежала первую ладонь, но вторую? Это было ой как непросто. Но ей это удалось, а потом она побродила по кухне, оставляя свои следы: «Эй, посмотрите на меня! Посмотрите на меня! Ты не чокнутая крошка номер раз, номер раз — это я! Анда — чокнутая крошка номер раз, будь уверена». И успеть это за те короткие мгновения, которые Дарла провела в туалете, сливая немного лимонада и вытирая старую мочалку? Да, Аманда, ты еще и дьявольски быстрая крошка номер один.

— Дарла... тут пластырем и перекисью водорода не обойдешься. Ее нужно отвезти в больницу.

— О черт! — воскликнула Дарла и снова заплакала.

Лизи взглянула в лицо Аманды, едва просматривающееся сквозь локоны.

— Аманда.

Ничего. Никакой реакции.

— Анда.

Тот же результат. Голова Аманды висела, как у куклы. *Чертов Чарли Корриво*, подумала Лизи. *Чертов долбаный Чарли Корриво!* Но если бы не Балабол, его роль сыграл бы кто-то другой или что-то другое. Потому что так уж созданы Аманды этого мира. Мы постоянно ожидаем, что они выкинут очередной фортель, думаем: это просто чудо, что не выкидывают, — но ведь чудо не может длиться вечно, а потому и случается то, что должно случиться.

— Анди-Банни*.

Детское прозвище сработало. Аманда медленно подняла голову. И Лизи увидела отнюдь не кровавую, одуряющую пустоту, как ожидала (хотя губы Аманды были красными, и помада «Макс фактор» определенно не имела к этому никакого отношения), а сверкающие глаза и хитрое, довольное лицо, выражение которого однозначно указывало: Аманде удалась какая-то гадость, и плакать придется не ей.

— Бул, — прошептала Аманда, и внутренняя температура Лизи Лэндон разом понизилась на добрый десяток градусов.

4

Они повели Аманду в гостиную. Она покорно шла между ними и послушно уселась на диван. Потом Лизи и Дарла вернулись к двери на кухню, откуда могли наблюдать за сестрой

* Банни — мультяшный кролик.

и при этом разговаривать шепотом, не опасаясь, что Аманда их услышит.

— Что она тебе сказала Лизи? Ты стала белой, как какой-нибудь чертов призрак.

Лучше бы Дарла сказала, «как полотно», подумала Лизи. Не нравилось ей, когда слово «призрак» произносили вслух. Особенно с наступлением темноты. Глупо, конечно, но так уж сложилось.

— Ничего, — ответила она. — Ну... фу. Фу, мол, Лизи, я вся в крови, как тебе это нравится? Знаешь, Дарл, не только у тебя сегодня был трудный день.

— Если мы отвезем ее в отделение неотложной помощи, что они с ней сделают? Будут держать под наблюдением двадцать четыре часа в сутки с подозрением на самоубийство?

— Могут, — кивнула Лизи. В голове у нее начало проявляться. Это слово, этот *бул*, сработало как пощечина, как нюхательная соль. Разумеется, это слово и до смерти испугало ее, но... если Аманда могла ей что-то сказать, Лизи, само собой, хотела выслушать сестру. У нее уже появилось ощущение, что события последнего времени, может, даже телефонный звонок «Зака Маккула», как-то связаны между собой... чем? Призраком Скотта? Нелепо. Тогда кровь-булом Скотта? Как насчет этого?

Или его длинным мальчиком? Тварью с бесконечным пегим боком?

Она не существует, Лизи, и никогда не существовала вне его воображения... которому иногда хватало мощи воздействовать на близких ему людей. Хватало для того, чтобы тебе не хотелось есть фрукты с наступлением темноты, пусть ты и знала, что это детское суеверие, которое он так и не смог перерасти. И длинный мальчик — из той же категории. Ты это знаешь, так ведь?

Она знала? Тогда почему, когда пыталась обдумать эту идею, в голову закрадывался какой-то туман, путавший мыс-

ли? И почему внутренний голос предлагал ей бросить это дело?

Дарла как-то странно смотрела на нее. Лизи взяла себя в руки и вернулась к текущему моменту, окружающим ее людям, стоящей перед ней проблеме. И впервые заметила, какой уставшей выглядела Дарл: глубокие морщины возле уголков рта, темные мешки под глазами. Она взяла старшую сестру за плечи (ей не понравилось, какие они худые, не понравился промежуток, который нащупали ее большие пальцы, между бретельками бюстгалтера и впадинами над ключицами). Лизи помнила, с какой завистью смотрела на старших сестер, уезжающих в Лисбон-Хай, родину «Грейхаундов». Теперь Аманда стояла на пороге шестидесятилетия, да и Дарл не слишком от нее отставала. Действительно, обе они стали старухами.

— Но послушай, милая, — сказала она Дарле, — про самоубийство они не станут говорить, это жестоко. Однако наблюдать будут. — Лизи не знала, откуда ей это известно, но практически не сомневалась в своей правоте. — Думаю, таких они держат у себя сутки. Может, двое.

— Могут они это сделать без разрешения?

— Думаю, что нет, если только человек не совершил преступление и не доставлен полицией.

— Может, тебе лучше позвонить своему адвокату и все выяснить? Этому, из Монтаны?

— Его фамилия — Монтано, и сейчас он, вероятно, уже не на работе. Его домашнего номера в справочнике нет. У меня он есть в записной книжке, но она дома. Слушай, Дарл, я думаю, если мы отвезем ее в Стивенскую мемориальную больницу в Но-Сап, то проблем у нас не возникнет.

Так местные называли соседние городки Норуэй и Саут-Пэриш в примыкающем округе Оксфорд, и эти городки находились в дне пути от таких экзотических мест, как Мехико, Мадрид, Гилеад, Чайна и Коринф. В отличие от городс-

ких больниц, скажем, в Портленде или Льюистоне Стивенская мемориальная была маленьким сонным местом.

— Я думаю, ей перевяжут руки и позволят нам увезти ее домой без лишних вопросов. — Лизи помолчала. — Если...

— Если?

— Если мы *хотим* увезти ее домой. И если она захочет поехать домой. Я хочу сказать, мы не будем лгать и что-то выдумывать, хорошо? Если они спросят, а я уверена, что спросят, мы скажем правду. Да, она это делала раньше, когда впадала в депрессию, но довольно-таки давно.

— Пять лет — не так уж и давно.

— Все относительно, — возразила Лизи. — И она может объяснить, что ее постоянный бойфренд появился в городе с новой женой. Естественно, она сильно огорчилась.

— А если она не будет говорить?

— Если она не будет говорить, Дарл, они скорее всего продержат ее двадцать четыре часа, получив разрешение от нас. Я имею в виду, хочешь ли ты привезти ее туда, если она по-прежнему путешествует по другим планетам?

Дарла задумалась, вздохнула, покачала головой.

— Я думаю, многое зависит от Аманды, — продолжила Лизи. — Шаг первый: ее нужно помыть и переодеть. Если потребуется, я пойду с ней в душ.

— Да. — Дарла провела рукой по коротко стриженным волосам. — Полагаю, так и поступим. — Она внезапно зевнула. На удивление широко. Любой желающий смог бы даже увидеть миндалины, если бы их не удалили еще в детстве. Лизи вновь взглянула на темные мешки под глазами сестры и подумала, что смогла бы приехать гораздо раньше, если бы не звонок «Зака».

Потом взяла сестру за руки.

— Миссис Джонс звонила тебе не сегодня, так?

Дарла с удивлением вытаращилась на нее.

— Да, — неохотно призналась Дарла. — Позвонила *вчера*. Ближе к вечеру. Я приехала, перевязала ее, как могла, подела с ней до поздней ночи. Я тебе этого не говорила.

— Нет. Я думала, все произошло сегодня.

— Глупая Лизи, — и Дарла грустно улыбнулась.

— Почему ты не позвонила мне раньше?

— Не хотела тебя беспокоить. Ты и так для нас столько делаешь.

— Это неправда. — Лизи всегда коробило, когда Дарла или Канти (или Джодота по телефону) начинали нести такую чушь. Она знала, это глупость, но, глупость или нет, так уж оно было. — Это всего лишь деньги Скотта.

— Нет, Лизи. Это ты. Всегда ты. — Дарла на секунду замолчала. — И не возражай. Просто я думала, что мы справимся, мы вдвоем. Но ошиблась.

Лизи поцеловала сестру в щечку, обняла, а потом пошла к Аманде и села рядом с ней на диван.

5

— Аманда.

Никакой реакции.

— Анди-Банни? — Почему нет, если один раз сработало?

И да, Аманда подняла голову.

— Что. Ты хочешь.

— Нам нужно отвезти тебя в больницу, Анди-Банни.

— Я. Не. Хочу. Туда ехать.

Лизи кивала первую половину этой короткой, но дающей себя с таким трудом речи, потом начала расстегивать замаранную кровью блузку Аманды.

— Я знаю, но твои бедные старенькие ручки требуют ухода, который мы с Дарл обеспечить не можем. Вопрос только в том, хочешь ли ты вернуться сюда или проведешь ночь в

больнице в Но-Сап. Если ты захочешь вернуться, я переночую у тебя. — *И, возможно, мы поговорим о булах вообще и кровь-булах в частности.* — Что скажешь, Анда? Ты хочешь вернуться сюда или ты думаешь, что тебе лучше какое-то время побыть в Сент-Стиве?

— Хочу. Вернуться. Сюда.

Когда Лизи попросила Аманду встать, чтобы она смогла снять с нее брюки, Аманда подчинилась, но при этом вроде бы внимательно изучала люстру. Если ее состояние еще и не называлось «полукататония», по терминологии прежнего мозгоправа Аманды, то, по мнению Лизи, совсем близко подошло к опасной черте, поэтому Лизи обрадовалась, когда следующие слова Аманда произнесла скорее как человек, а не робот:

— Если мы едем... куда-то... почему ты меня раздеваешь?

— Потому что тебе необходимо принять душ, — ответила Лизи, направляя Аманду в сторону ванной. — И надеть чистое. На тебе все... грязное. — Она обернулась и увидела, как Дарла поднимает с пола брошенные блузку и брюки. Аманда тем временем достаточно покорно шла к ванной, но от взгляда на нее у Лизи сжалось сердце. Причиной стали не раны и шрамы на теле Аманды, а простые хлопчатобумажные белые «боксеры». С давних пор Аманда носила мужские трусы. Они подходили ее угловатому телу, в них она выглядела даже сексуально. Но сегодня по правой штанине сзади расплылось грязное пятно, изнутри к материи что-то прилипло.

Ох, Анда, подумала Лизи. Ох, дорогая ты моя.

А потом Аманда переступила порог ванной, асоциальная дамочка в бюстгальтере, трусах и высоких белых носках. Лизи повернулась к Дарле. Та уже стояла рядом. На мгновение у двери собрались все годы прошлого и звонкие голоса Дебюшеров. Потом Лизи повернулась и прошла в ванную следом за женщиной, которую когда-то звала большая сисса Анди-Банни. Женщина эта стояла на коврике, опустив голову, с

болтающимися, как плети, руками, и ждала, что ее будут раздевать дальше.

Когда Лизи занялась застежками бюстгалтера Аманды, та внезапно повернулась к ней, схватила за руку. Пальцы ее были холодны как лед. На мгновение Лизи подумала, что сейчас большая сисса Анди-Банни расскажет ей все, о кровь-булах и остальном. Но сказала Аманда другое, глядя на нее ясными глазами психически здорового человека:

— Мой Чарльз женился на другой, — потом прижалась восково-холодным лбом к плечу Лизи и заплакала.

6

Остаток вечера напомнил Лизи о том, что Скотт называл Законом плохой погоды Лэндона: когда ты ложишься спать, ожидая, что ураган уйдет в океан, он вдруг меняет курс, движется в глубь материка и сносит крышу твоего дома. А когда ты поднимаешься рано, чтобы подготовиться к надвигающемуся бурану, с неба падают лишь отдельные снежинки.

«А в чем смысл?» — спросила тогда Лизи. Они вместе лежали в кровати (какой-то кровати, одной из их первых кроватей), умиротворенные, расслабленные после любви, он — с «Герберт Тейритон» в руке и пепельницей на груди, а за стенами завывал сильный ветер. Какая кровать, какой ветер, какая буря или какой год, она уже не помнила.

«Смысл — СОВИСА», — ответил он, это она как раз помнила, хотя поначалу ей показалось, что она ослышалась или не поняла.

«Совиса? Какая еще совиса?»

Он затушил сигарету, поставил пепельницу на прикроватный столик. Взял ее лицо в свои руки, закрыв уши и отсекая ладонями мир на добрую минуту. Поцеловал в губы. Потом

убрал руки, чтобы она могла его слышать. Скотт Лэндон всегда хотел, чтобы его слушали.

«СОВИСА, любимая, — это «энергично поработать, когда сочтешь уместным»*.

Она все это обдумала — голова у нее работала не так быстро, как у него, — и поняла, что СОВИСА — это, как он говорил, аббревиатура. Ей понравилось. Довольно-таки глупо, отчего фраза эта понравилась ей еще больше. Она начала смеяться. Скотт рассмеялся вместе с ней, и скоро он был в ней, как они были в доме, тогда как сильный ветер ревел и тряс его снаружи.

Со Скоттом она всегда много смеялась.

7

Высказывание Скотта о буране, который не добрался до тебя, хотя казалось, что встречи с ним не избежать, несколько раз приходило ей в голову до того, как закончилась их экспедиция в больницу и они вновь вернулись в защищающий от любых капризов погоды кейп-код Аманды, расположенный между Касл-Вью и Харлоу-Дип-Кат. Во-первых, Аманда в немалой степени способствовала этому возвращению, потому что в голове у нее заметно прояснилось. Но у Лизи, ужасно это или нет, почему-то возникла ассоциация с тусклой лампочкой, которая вдруг ярко светит час или два перед тем, как перегореть навсегда. Изменения к лучшему начались еще в душе. Лизи разделась и встала под душ вместе с сестрой, которая стояла, ссутулив плечи и с апатично повисшими руками. Потом Лизи удалось осторожно направить струю теплой воды на разрезанную левую ладонь Анди.

* SOWISA — Strap On Whenever It Seems Appropriate — энергично поработай, когда сочтешь уместным (ЭПКСУ); смотри по обстоятельствам, впрягайся, если считаешь нужным (СПОВЕСН) — (англ.). Английская аббревиатура звучит куда как лучше.

— Ой! Ой! — закричала Анди, отдергивая руку. — Больно же, Лизи! Смотри, куда льешь воду, ладно?

Лизи ответила тем же тоном (Аманда не ожидала ничего другого, пусть они обе и стояли голыми), довольная тем, что услышала злость в голосе сестры, которая определенно пришла в себя:

— Ты уж меня, конечно, извини, но ведь не я полосовала тебе руку осколком чашки, которую сама же и разбила!

— Ну, я же не могла располосовать *его*, правда? — спросила Аманда, а потом разразилась потоком ругательств в адрес Чарли Корриво и его новой жены. И сочетание взрослых ругательств с детскими вызвало у Лизи удивление, смех, восхищение.

Когда она прервалась, чтобы набрать в грудь воздуха, Лизи вернула:

— Говноротый сукин сын, а? Вау.

Аманда надулась:

— Да пошла ты на хер, Лизи.

— Если ты хочешь вернуться домой, я бы не советовала обращаться такими словами к врачу, который будет заниматься твоими руками.

— Ты думаешь, что я — дура?

— Нет, не думаю. Просто... скажем так, ты жутко на него разозлилась.

— Мои руки опять кровоточат.

— Сильно?

— Немного. Я думаю, их лучше смазать вазелином.

— Правда? А больно не будет?

— Больно от любви, — очень серьезно ответила Аманда... а потом хохотнула, отчего на сердце у Лизи сразу полегчало.

К тому времени, когда они с Дарлой загрузили старшую сестру в «BMW» Лизи и поехали в Норуэй, Аманда уже спрашивала, какие у Лизи успехи с разборкой завалов в рабочих аппаратах Скотта, как будто это был самый обычный день.

Лизи не упомянула звонок «Зака Маккула», но рассказала о романе «Айк приходит домой» и процитировала единственную строчку: «Айк пришел домой после бума, и все было прекрасно. БУЛИ КОНЕЦ!» Она хотела упомянуть это слово в присутствии Анди. Хотела увидеть, какотреагирует сестра.

Дарлаотреагировала первой:

— Ты вышла замуж за очень странного человека, Лиза.

— Скажи мне что-нибудь такое, *чего я не знаю*, дорогая. —

Лизи посмотрела в зеркало на Аманду, которая сидела одна на заднем сиденье. «В уединенном великолепии», — как сказала бы добрый мамик. — Что думаешь, Анда?

Аманда пожала плечами, и поначалу Лизи решила, что это будет ее единственная реакция. И тут же слова полились потоком.

— Просто он такой человек, вот и все. Как-то я поехала с ним в город. Ему требовались какие-то материалы для работы, а мне — новые туристские ботинки, ты знаешь, хорошие туристские ботинки для пеших походов по лесам. Мы проезжали мимо «Обурн новелти». Он никогда не видел такого магазина, поэтому остановился и вошел в него. Вел себя как десятилетний! Мне требовались ботинки «Эдди Бауэр», чтобы ходить по лесам, не боясь обжечься ядовитым плющом, а он хотел купить весь этот идиотский магазин. И порошок, вызывающий зуд, и гуделки, и перечную жевательную резинку, и пластиковые пердучие подушки, и рентгеновские очки, короче, все, что там продавалось, и он вывалил свои покупки на прилавок рядом с леденцами, внутри которых находилась пластиковая голая женщина. Он накупил этого сделанного на Тайване *берьма* на добрую сотню долларов. Ты помнишь?

Она помнила. Лучше всего ей запомнилось, как он вернулся домой в тот день с целой охапкой пакетов с нарисованными на них смеющимися лицами и словами «ПРАЗДНИК СМЕХА». И с раскрасневшимися щеками. И свои покупки он называл берьмом, не *дерьмом*, а *берьмом*, единственным словом,

которому научился от нее, можете вы в это поверить? Что ж, обмен — это честная игра, как любила говорить добрый мамик, хотя слово «берьмо» придумал папаня Дэнди, который иногда говорил людям, что та или иная вещь нехороша, «вот я чуть и изменял эти слова». Как же Скотту понравилось это слово, он восхищался, как легко оно сходит с языка, не то что «я это выбросил» или «я это вышвырнул».

Скотт со всем его уловом из пруда слов, пруда историй, пруда мифов.

Скотт долбаный Лэндон.

Иногда она могла прожить целый день, не думая о нем, не вспоминая его. Почему нет? У нее и так хватало забот, а с ним иной раз было трудно иметь дело, было трудно жить. «Проект»*, — как любили говорить старики-янки, тот же ее отец. А потом приходил день, серый день (или солнечный), когда ей так недоставало его, что казалось, внутри ничего нет, что она не женщина вовсе, а старое, трухлявое дерево. Именно это чувство испытывала она и сейчас, ей хотелось выкрикивать его имя, звать его домой, и сердце сжималось от мысли о том, что впереди годы без него, и она задавалась вопросом, а зачем нужна сильная любовь, если потом человека ждут хотя бы десять секунд таких страданий.

8

Просветление Аманды стало первым плюсом этого вечера. Мансингер, дежурный врач, далеко еще не ветеран, — вторым. Он выглядел не таким молодым, как Джантзен, врач, которого Лизи встретила во время последней болезни Скотта, но Лизи удивилась бы, если бы оказалось, что ему перевалило за тридцать. А третьим плюсом (хотя она никогда бы в

* В данном контексте — чудаковатый муж, на построение и поддержание отношений с которым уходит много времени и сил.

это не поверила, если б ей сказали заранее) стало прибытие группы пострадавших в дорожно-транспортном происшествии в Суэдене.

Их еще не было, когда Лизи и Дарла привели Аманду в отделение неотложной помощи Стивенской мемориальной больницы. В приемной они увидели только мальчика лет десяти и его мать. У мальчика появилась сыпь, и мать постоянно одергивала его, требуя, чтобы он не расчесывал эти места. Она все еще покрикивала на него, когда их пригласили в одну из двух смотровых. Через пять минут мальчик появился с повязками на руках и мрачным лицом. Мать несла несколько тюбиков мази и продолжала покрикивать на сына.

Медсестра вызвала Аманду.

— Доктор Мансингер сейчас примет вас, дорогая. — Слово «дорогая» она произнесла с мэнским прононсом, так что получилось что-то вроде *огогая*.

Аманда, с раскрасневшимися щеками, одарила сначала Лизи, потом Дарлу гордым взглядом королевы Елизаветы.

— Я желаю встретиться с ним одна.

— Разумеется, ваша загадочность, — ответила Лизи и показала Аманде язык. В этот момент ее не волновало, оставят ли в больнице эту наглуую, доставляющую столько хлопот сучку на ночь, сутки или на год и один день. Какая разница, что там прошептала Аманда за кухонным столом, когда Лизи опустилась рядом с ней на колени. Может, действительно «фу», как она и сказала Дарле. Даже если это было другое слово, хотела ли она вернуться в дом Аманды, спать с ней в одной комнате, дышать безумным воздухом, который выходил из ее легких, если дома ждала собственная удобная кровать? «Дело закрыто, любимая», — сказал бы Скотт.

— Только помни, о чем мы договорились, — сказала Дарла. — Ты обезумела и порезала себе руки, потому что его не было с тобой. Сейчас тебе лучше. Ты это пережила.

Аманда бросила на Дарлу взгляд, который Лизи истолковать не смогла.

— Совершенно верно, — кивнула она. — Я это пережила.

9

Пострадавшие в дорожно-транспортном происшествии из маленького городка Суэден прибыли вскоре после того, как Аманда скрылась за дверью смотровой. Лизи никогда не отнесла бы их появление к положительным событиям, если бы кто-то серьезно пострадал, но это был не тот случай. Все они кружили по приемной, двое мужчин над чем-то смеялись. Только одна из пострадавших, девушка лет семнадцати, плакала. В волосах у нее виднелась кровь, над верхней губой — сопля. Всего пациентов было шестеро, почти наверняка из двух автомобилей, от тех молодых людей, что постоянно смеялись, сильно разило пивом, один из них, похоже, растянул руку. Секстет сопровождали двое санитаров в униформе Службы спасения Ист-Стоунэма и два копа, один — из дорожной полиции, второй — из округа Маунти. С их появлением маленькая приемная оказалась забитой до отказа. Медсестра, которая выходила за Амандой, лишь на мгновение высунула голову из-за двери, ее глаза широко раскрылись, голова исчезла. Тут же в приемную выглянул и молодой доктор Мансингер. А вскоре после этого семнадцатилетняя девушка устроила истерику, объявляя всем, что мачеха теперь ее убьет. Через несколько секунд медсестра забрала ее (этой истеричке говорить «дорогая» она не стала), а потом из «смотровой-2» вышла Аманда, тоже с тубиками. Из левого кармана ее мешковатых джинсов выглядывали несколько сложенных рецептов.

— Я думаю, мы можем идти. — Аманда продолжала изображать надменную гранд-даму.

Лизи подумала, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, даже с учетом того, что доктор относительно молод и у него много других пациентов, и оказалась права. Медсестра высунулась из «смотровой-1», как машинист из кабины паровоза, посмотрела на нее и Дарлу и спросила:

— Вы — сестры мисс Дебушер?

Лизи и Дарла кивнули. Виновны, ваша честь.

— Доктор хотел бы переговорить с одной из вас, — и она исчезла в смотровой, где продолжала рыдать девушка.

В другой части приемной оба молодых человека, от которых разило пивом, расхохотались, и Лизи подумала: *Что уж там с ними не так, виновники аварии — не они.* И действительно основное внимание копы уделяли бледному как мел юноше примерно того же возраста, что и девушка с кровью в волосах. Еще один молодой человек говорил по телефону-автомату. По мнению Лизи, рваная рана на щеке говорившего требовала швов. Третий ждал своей очереди, чтобы позвонить. Вроде бы целый и невредимый.

Ладони Аманды смазали беловатой мазью.

— Он сказал, что швы разойдутся, — объяснила она им почти что с гордостью. — И, как я понимаю, повязки не удержатся. Я должна постоянно накладывать эту мазь (бр-р-р, как воняет) на раны и делать ванночки трижды в день три дня подряд. Один рецепт на мазь, второй — на жидкость для ванночки. Он говорит, мне нужно как можно реже сжимать руки. Вещи брать только между пальцев, вот так. — Она показала на доисторическом номере еженедельника «Пипл», подхватила большим и указательным пальцами правой руки, приподняла, тут же бросила.

Появилась медсестра.

— Доктор Мансингер может вас принять. Одну или обеих. — Тон однозначно говорил о том, что времени у доктора мало. Лизи сидела с одной стороны Аманды, Дарла — с дру-

гой. Они переглянулись, чего Аманда и не заметила. Она с искренним интересом изучала других людей, набившихся в приемную.

— Иди, Лизи, — сказала Дарла. — Я останусь с ней.

10

Медсестра провела Лизи в «смотровую-2», а затем вернулась к плачущей девушке, так плотно сжав губы, что они практически исчезли. Лизи села на единственный стул, посмотрела на единственную в комнате картину: пушистый кокер-спаниель на поле нарциссов. Через несколько секунд (она знала, что ей пришлось бы ждать больше, если бы от нее не требовалось срочно избавиться) в смотровую торопливо вошел доктор Мансингер. Закрыл за собой дверь, отсекая всхлипывания малолетки, и пристроил костлявый зад на столе для осмотра пациентов.

— Я — Хол Мансингер, — представился он.

— Лиза Лэндон. — Она протянула руку, и доктор Мансингер быстро ее пожал.

— Я бы хотел получить гораздо больше информации о состоянии вашей сестры для истории болезни, вы понимаете, но, сами видите, у нас цейтнот. Я вызвал второго врача, но пока придется трудиться и за него.

— Я очень признательна вам, что вы сумели уделить мне несколько минут. — А сама по достоинству оценила спокойствие, которое слышалось в ее голосе. Этот голос однозначно заявлял: *Все под контролем.* — Я готова вас заверить, что в настоящий момент моя сестра Аманда не представляет для себя угрозы, если вас это тревожит.

— Ну, вы понимаете, конечно, меня это тревожит, но я поверю вам на слово. И ей тоже. Она уже совершеннолетняя, да и ее поступок определенно не попытка самоубийства. — Он

смотрел на листок, который лежал на столе, а тут вскинул глаза на Лизи. — Это так?

— Да.

— Да. С другой стороны, не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы увидеть, что для вашей сестры это не первый случай членовредительства.

Лизи вздохнула.

— Она говорила мне, что ходит к психоаналитику, но ее врач отбыл в Айдахо.

Айдахо? Аляска? Марс? Какая разница, эта обвешанная бусами сука отбыла.

— Насколько мне известно, это правда.

— Вашей сестре нужно вновь заняться собой, миссис Лэндон, понимаете? И поскорее. Членовредительство так же далеко от самоубийства, как анорексия, но и первое, и второе говорят о суицидальных тенденциях. — Он достал из кармана белого халата блокнот, начал писать. — Я хочу порекомендовать вам и вашей сестре одну книгу. Она называется «Кто режет себя?», и ее автор...

— ~~Питер~~ ~~Марк~~ Стайн, — закончила Лизи.

~~Доктор Ман~~сингер в удивлении поднял голову.

— ~~Мой муж~~ нашел эту книгу после того, как Анда... после того, ~~что мистер~~ Стайн называет...

(после ее была ее последнего кровь-була)

Молодой доктор Мансингер смотрел на нее, ожидая завершения фразы.

(продолжай Лизи скажи это называется бул называется кровь-бул)

Она придавила эти мысли.

— После последнего с Андой случая того, что Стайн называет *разрядкой*. Он ведь использует именно этот термин, так? — Голос Лизи звучал спокойно, но в ложбинках висков выступили капельки пота. Потому что внутренний голос был

прав. Назови это разрядкой или кровь-булом, смысл от этого не менялся. Совершенно не менялся.

— Думаю, да, — ответил Мансингер, — но книгу я прочитал несколько лет назад.

— Как я и сказала, мой муж нашел книгу, прочитал ее, дал прочитать мне. Я прочитала ее и отдала Дарле. Рядом с нами живет еще одна наша сестра. Сейчас она в Бостоне, но, как только вернется, я прослежу, чтобы эту книгу прочитала и она. И мы будем приглядывать за Амандой. С ней бывает трудно, но мы ее любим.

— Ладно, с этим понятно. — Он соскользнул со стола. Бумажная простыня скрипнула. — Лэндон. Ваш муж был писателем?

— Да.

— Примите мои соболезнования.

Как она выяснила на собственном опыте, то было одним из самых странных последствий брака со знаменитым человеком: даже через два года после его смерти люди продолжали выражать ей соболезнования. Она догадывалась, что ничего не изменится и еще через два года. А то и через десять. Это навевало тоску.

— Благодарю вас, доктор Мансингер.

Он кивнул, а потом вернулся к предмету их разговора, что не могло не радовать.

— Такие случаи среди зрелых женщин довольно редки. В значительно большей степени членовредительство характерно для...

Лизи уже представила себе концовку фразы: *...подростков вроде той паршивки, что плачет в соседней комнате*, когда в приемной что-то сильно грохнуло, и послышались возбужденные крики. Дверь из приемной в «смотровую-2» распахнулась, на пороге возникла медсестра. Она вроде бы даже увеличилась в размерах, будто проблемы раздували ее.

— Доктор, вы можете подойти?

Мансингер не стал извиняться, просто сорвался с места. Лизи за это его только зауважала: СОВИСА. Она подошла к двери в тот самый момент, когда добрый доктор буквально сшиб с ног девушку, которая выскочила из «смотровой-1», чтобы посмотреть, что происходит в приемной, а потом толкнул таращашуюся Аманду в объятия сестры так сильно, что они обе едва не повалились на пол. Дорожный коп и полицейский округа Маунти стояли над молодым человеком без видимых травм, который раньше дожидался своей очереди позвонить по телефону. Теперь он лежал на полу, лишившись чувств. Парень с разорванной щекой продолжал говорить, как будто ничего не произошло. Все это заставило Лизи вспомнить стихотворение, которое когда-то прочитал ей Скотт, — удивительное, жуткое стихотворение о том, как мир вдруг начал вращаться, наплевав на то

(берьмо)

сколько это приносит нам боли. Кто его написал? Элиот? Оден? Человек, который написал стихотворение на смерть борт-стрелка? Скотт мог бы сказать. И в этот момент она отдала бы последний цент, чтобы получить возможность вернуться к нему и спросить, кто из них написал то стихотворение о страдании.

11

— Ты точно в порядке? — спросила Дарла. Она стояла у двери маленького дома Аманды (после посещения больницы прошел час или чуть больше), и легкий ночной июньский ветерок обдувал их лодыжки и шелестел страницами журнала на столике в холле.

Лизи скорчила гримасу.

— Если спросишь еще раз, я блевану прямо на тебя. Все у нас будет хорошо. Мы выпьем какао... мне придется ее понть,

потому что в нынешнем состоянии она не сможет держать чашку в руке.

— И хорошо, — кивнула Дарла. — Если вспомнить, что она сделала с последней, которую держала.

— Потом ляжем спать. Две старые девы Дебушер, не взяв в постель даже один дилдо*.

— Очень забавно.

— Завтра поднимемся с восходом солнца! Кофе! Овсянка! Потом в аптеку с рецептами! Назад, чтобы сделать ванночку для рук. А потом, Дарла, дорогая, ты заступаешь на вахту!

— Если ты так считаешь...

— Считаю. Поезжай домой и накорми своего кота.

Дарла бросила на нее еще один, полный сомнения, взгляд, потом чмокнула в щечку, как всегда при расставании, обняла за плечи. Пошла по дорожке к своему маленькому автомобилю. Лизи закрыла дверь, заперла на замок, посмотрела на Аманду, которая сидела на диване в ночной рубашке из хлопчатобумажной ткани, спокойная и умиротворенная. В голове промелькнуло название старинного готического романа... она читала его в юном возрасте. «Мадам, вы говорите?»

— Анди? — мягко позвала она.

Аманда посмотрела на нее, ее синие дебушеровские глаза были такими большими и доверчивыми, что Лизи подумала: нет, не сможет она подвести Аманду к интересующим ее темам, Скотт и булы, Скотт и кровь-булы. Если Аманда сама заговорит об этом, скажем, в темноте, когда они лягут в постель, это одно. Но подводить ее к этому... После такого трудного для нее дня?

У тебя тоже был тот еще день, маленькая Лизи.

Что правда, то правда, но она не считала это поводом ставить под угрозу умиротворенность, которую видела сейчас в глазах Аманды.

— Что скажешь, Лизи? — нарушила тишину Аманда.

* Дилдо — фаллоимитатор, искусственный член.

— Как насчет чашки какао перед тем, как лечь спать?
Аманда улыбнулась. Сразу помолодела на многие годы.
— Какао перед сном — это прекрасно.

Они выпили какао, а поскольку Аманда не могла брать чашку руками, она разыскала безумно изогнутую пластмассовую трубочку (возможно, эта трубочка отлично смотрелась бы на полке магазина «Обурн новелти») в одном из кухонных ящиков. Прежде чем окунуть один конец в какао, Аманда показала трубочку Лизи (зажав двумя пальцами, как и показывал ей доктор): «Смотри, Лизи, это мой мозг».

С мгновение Лизи только тарасилась на Аманду, не в силах поверить, что действительно услышала, как сестра шутит. Потом рассмеялась. Рассмеялись они обе.

12

Они выпили какао, по очереди почистили зубы, как давным-давно делали в фермерском доме, где выросли, а потом легли спать. Но как только погасла прикроватная лампа и комната погрузилась в темноту, Аманда произнесла имя сестры.

Господи, вот оно, тревожно подумала Лизи. Опять на бедного Чарли выльют ведро помоев. Или... речь пойдет о буле? В этом все-таки что-то есть? А если есть, хочу ли я об этом слышать?

— Что, Анда?

— Спасибо, что помогаешь мне. От этой мази, которую дал мне доктор, рукам гораздо лучше, — и она перекатилась на бок.

Лизи вновь изумилась: неужели это все? Вроде бы да, потому что через минуту или две дыхание Аманды изменилось, стало медленнее и ровнее, как во сне. Она, конечно, еще могла проснуться и потребовать таблетку тайленола, но пока точно заснула.

Лизи не рассчитывала на такое счастье. Она ни с кем рядом не спала с ночи перед отъездом мужа в его последнее путешествие и уже отвыкла от этого. Опять же, ее не отпускали мысли о «Заке Маккуле», не говоря уже про работодателя, инкунка, сукиного сына Вудбоди. Она должна поговорить с Вудбоди в самое ближайшее время. Собственно, завтра. А пока она должна подготовиться к тому, что, возможно, придется провести несколько часов без сна, может, всю ночь, скажем, в кресле-качалке Аманды, которое стояло внизу... если так, она, возможно, найдет на книжных полках что-нибудь достойное для чтения.

«Мадам, вы говорите?», подумала Лизи. *Может, ту книгу написала Элен Макиннес? И стихотворение о башенном стрелке точно написал не мужчина...*

С этой мыслью Лизи и провалилась в глубокий сон. Ей не снилось полотнище-самолет «ПИЛЬСБЕРИ — ЛУЧШАЯ МУКА». Ей вообще ничего не снилось.

13

Она проснулась глубокой ночью, когда луна зашла, а время, казалось, остановилось. Лизи не понимала, то ли проснулась, то ли по-прежнему спит, прижавшись к теплой спине Аманды, как когда-то прижималась к теплой спине Скотта, или пристроив коленные чашечки в подколенные углубления Аманды, как когда-то пристраивалась к Скотту... в их кровати, в сотнях кроватей в номерах мотелей. Черт, в пятистах кроватях, может, в семистах, я слышу тысячу, кто-нибудь скажет «тысяча», ставка поднимается до тысячи? Она думала о булах и кровь-булах. О СОВИСЕ и о том, как иногда ты можешь только склонить голову и ждать, когда переменится ветер. Она думала, если темнота любила Скотта, что ж, тогда это была истинная любовь, не так ли, потому что и он любил

темноту; танцевал с ней по бальному залу годов, пока наконец темнота не унесла его с собой.

Она подумала: *Я снова иду туда.*

И Скотт, образ которого жил в ее голове (по крайней мере она думала, что это Скотт, но кто мог знать наверняка), спросил: *Куда ты идешь, Лизи? Куда теперь, любимая?*

Она подумала: *Назад в настоящее.*

И Скотт сказал: *Тот фильм назывался «Назад в будущее».*
Мы смотрели его вместе.

Она подумала: *Это был не фильм, это — наша жизнь.*

И Скотт спросил: *Крошка, чем ты занята?*

Она подумала: *Ну почему я влюблена в такого...*

14

Он — такой дурак, думает она. Он — дурак, а я — дура, потому что связалась с ним.

Она все еще стоит, глядя на лужайку за домом, не хочет звать его, но начинает нервничать, потому что он вышел из кухни на траву в ночные тени (уже одиннадцать часов) десять минут назад, и что он может там делать? Там же нет ничего, кроме зеленой изгороди и...

Откуда-то, но не издалека, доносятся визг шин по асфальту, звон разбивающегося стекла, лай собаки, пьяный вопль. Другими словами, обычные звуки пятничного вечера в небольшом городке, основной достопримечательностью которого является колледж. Ей хочется позвать его, но, если она это сделает, даже если выкрикнет только его имя, он узнает, что она больше на него не злится. Во всяком случае, не так уж и злится.

Собственно, совсем не злится. Но дело в том, что он выбрал вечер действительно плохой пятницы, чтобы появиться в шестой или седьмой раз, и впервые опоздал. Они собирались

посмотреть фильм модного шведского режиссера, и она надеялась, что фильм будет дублирован, а не пойдет с субтитрами. Придя с работы, она быстренько съела салат, надеясь, что после кино Скотт поведет ее в «Медвежью берлогу» и угостит гамбургером (если бы не повел, она сама привела бы его туда). Потом зазвонил телефон, и она решила, что это он, в надежде, что он передумал и поведет ее на фильм Редфорда, который показывали в одном из кинозалов торгового комплекса в Бангоре (пожалуйста, только не на танцы в «Анкоридж», только не после восьмичасовой смены на ногах). Но в трубке раздался голос Дарлы, которая вроде бы позвонила, «чтобы поболтать», но тут же перешла к делу, обвинив сестру в том (вновь), что она убежала в Облачную страну (термин Дарлы), оставив ее, Аманду и Кантату разгребать все проблемы (под этим подразумевалась добрый мамик, которая к 1979 году стала толстым мамиком, слепым мамиком и, что хуже всего, свихнувшимся мамиком), тогда как она, Лизи, «развлекалась с мальчиками из колледжа». Как будто она отдыхала, восемь часов в день разнося пиццу. Для Лизи Облачная страна представляла собой маленькую пиццерию в трех милях от кампуса университета Мэна да парней-неудачников, обычно из студенческого общества «Дельта-Тау»*, которые только и норовили, что залезть к ней под юбку. Не слишком определенные мечты (ходить на лекции по нескольким дисциплинам, может, по вечерам) очень быстро испарились как дым. И дело тут было в отсутствии времени и сил, а не ума. Она слушала жалобы Дарлы, пытаясь не заводиться, но в конце концов сорвалась, и все закончилось тем, что они принялись кричать друг на друга через сто сорок миль телефонных проводов, изливая наболевшее. Это был, как сказал бы ее бойфренд, полный долбец, и последнюю точку поставила Дарла,

* Студенческие общества называются по буквам греческого алфавита. Если сливки собираются в альфа-бета-гаммах, то изгой-неудачники где-то в дельтах и тау.

сказав свое коронное: «Делай что хочешь... ты всегда будешь делать, всегда делаешь».

После этого ей расхотелось есть на десерт кусок творожного пудинга, который она принесла из ресторана, и она совершенно точно не хотела идти на любой фильм Ингмара Бергмана... но хотела Скотта. Да. Потому что за последние два месяца, особенно за последние четыре или пять недель, у нее развилась такая забавная зависимость от Скотта. Может, это покажется странным (*скорее всего*), но она чувствует себя в полной безопасности, когда он обнимает ее, чего не было ни с кем из других ее парней. С остальными она испытывала раздражение или усталость (иногда и мимолетную похоть). Но в Скотте есть доброта, и с первого момента она ощутила в нем интерес (интерес к ней), во что никак не могла поверить, потому что он был настолько умнее и такой талантливый. (Для Лизи доброта значила гораздо больше, чем ум и талант.) Но теперь она в это верит. И он говорит на языке, за который она с жадностью ухватилась с самого начала. Это не язык Дебуршеров, но язык, который она тем не менее знает очень хорошо: ~~словно всегда~~ говорила на нем в своих грезам.

~~Но что~~ хорошего в разговоре и в особом языке, если говорить не с кем? Даже некому поплакаться. Вот что ей необходимо этим вечером. Она ничего не рассказывала ему о своей безумной гребаной семейке (ой, простите, о своей безумной долбаной семейке), но собиралась рассказать этим вечером. Понимала, что должна рассказать, а не то взорвется от жалости к себе. Вот, разумеется, он и выбрал этот вечер для того, чтобы не появиться. И, дожидаясь, она пыталась убедить себя, что Скотт, конечно же, не мог знать о ее яростной ссоре со старшей сестрой, но по мере того как шесть часов сменились семью, а семь — восьмью, я слышу девять, приходи, девять, дайте мне девять, она взялась за кусок творожного пудинга, а потом выбросила его, потому что в ней накопилось слишком много долбаной... слишком много гребаной злости, чтобы есть

пудинг, а у нас уже есть девять, кто-нибудь даст мне десять, да, уже десять часов, но «форд» выпуска 1973 года с одной мигающей фарой все не подъезжает к дому на Норт-Мэн-стрит, в котором находилась ее квартира, вот она и стала еще злее, если не сказать разъярилась.

Она сидела перед телевизором, рядом стоял едва пригубленный стакан с вином, по телевизору показывали какую-то программу о природе, которую ее глаза просто не видели, а ее злость полностью и окончательно переросла в ярость. Но именно тогда она пришла к выводу, что Скотт не порвал с ней окончательно. Он *устроил бы сцену*, как говорила народная мудрость. В надежде *смочить свой конец*. Еще одна добыча Скотта из пруда слов, куда мы все забрасываем свои сети, и какая она очаровательная! Какими очаровательными были они все!

Потому что из того же пруда он добыл «тряхнуть своим пеплом», «зажечь свой фитиль», «создать зверя о двух спинах», «перепихнуться» и очень элегантно «урвать кус». Как здорово соотносились они с Облачной страной, и сейчас, сидя перед телевизором и прислушиваясь, в надежде уловить характерный шум приближающегося «форда ферлейна» выпуска 1973 года (спутать с другим автомобилем невозможно из-за дыры в глушителе), Лизи думала о словах Дарлы: «Делай что хочешь, ты всегда так делаешь». Да, и вот она, маленькая Лизи, королева мира, делает то, что она хочет, — сидит в жалкой маленькой квартирке, ждет, когда появится ее бойфренд, мало того что припозднившийся, так еще и пьяный... но она все равно хотела кусок, потому что все этого хотели, была даже шутка: «Эй, официантка, принесите мне «Пастушечью особую», ромашковый чай и кусок счастья». И вот она сидела на стуле с бугристым сиденьем, с одного конца — гудящие после восьмичасовой смены ноги, с другого — раскальвающаяся голова, и смотрела, как в телевизоре (на изображение накладываются помехи, потому что комнатная антенна, купленная в «Кей-

Марте», обеспечивает долбаный прием) гиена пожирает дохлого суслика, а может, и крысу. Лизи Дебушер, королева мира, ведущая роскошную жизнь.

И однако, когда часовая стрелка переползла через число 10, разве она не почувствовала, что в нее начинает медленно, но верно заползать счастье? И теперь, глядя на укрытый тенью луг, Лизи думает, что ответ — «да». *Знает*, что ответ — «да». Потому что, сидя с головной болью и стаканом терпкого красного вина, наблюдая за гиеной, обедающей сусликом под комментарий: «Хищник знает, что так хорошо поесть ему, возможно, удастся лишь через много дней», — Лизи не сомневалась, что она любила его и знала много такого, что могло нанести ему урон.

А он тоже любил ее? Был одним из них?

Все так, но в данном вопросе его любовь к ней имела второстепенное значение. Главное было в другом — в жажде смерти, которую она в нем видела. Другие друзья Скотта видели его талант, который их ослеплял. Она же замечала, с каким ~~трудом~~ ему иногда удается встретиться с незнакомцем взглядом. Она это понимала и знала, что могла больно ударить его, если бы захотела, несмотря на два опубликованных романа и умные, иногда блестящие мысли, которыми он делился с собеседниками. Он, по словам ее отца, просто *нарывался на неприятности*. И занимался этим всю свою обаятельную долбаную... нет, поправка, всю свою обаятельную гребаную жизнь. Сегодня обаянию Скотта предстояло дать трещину. И кто его разобьет? Она.

Маленькая Лизи.

Она выключила телевизор, пошла на кухню со стаканом вина, вылила его в раковину. Больше пить не хотелось. На вкус оно стало не столько терпким, как кислым. *Оно скисло из-за тебя*, подумала Лизи. *Вот как твое отсутствие подействовало на вино*. И в этом она нисколько не сомневалась. Старый радиоприемник стоял на подоконнике над раковиной; старый

«филко» с треснувшим пластмассовым корпусом. Приемник принадлежал папане; он брал его с собой в амбар и слушал, пока работал. Это была единственная его вещь, которая осталась у Лизи, а на окне она держала его потому, что лишь там он брал местные станции. Джодота подарила ему этот приемник на Рождество, купила на распродаже, но когда он развернул бумагу и увидел подарок, губы его растянулись в такой широкой улыбке, что казалось, разорвутся, и как он ее благодарил! Снова и снова! Ту самую Джоди, которая всегда была его любимицей, и эта самая Джоди как-то в воскресенье, за обеденным столом, объявила родителям (черт, объявила им всем), что беременна, а мальчик, который ее обрюхатил, сбежал, завербовался на флот. Она хотела знать, может, тетя Синтия из Уолфборо, штат Нью-Гэмпшир, позволит пожить у нее до того, как ребенка можно будет *отдать на усыновление*. Именно так и выразилась Джоди, словно речь шла о домашней живности. Новость ее встретили непривычной для воскресного обеда тишиной. Это был один из тех редких случаев на памяти Лизи (может, единственный), когда непрерывный разговор ножей и вилок с тарелками (семеро голодных Дебушеров споро расправлялись с жареным мясом) прекратился. Наконец добрый мамик спросила: «Ты говорила об этом с Богом, Джодота?» А Джоди (вот тебе, добрый мамик) ответила: «Ребенок мне сделал Дон Клотьер, не Бог». Именно тогда отец вышел из-за стола, не сказав любимой дочери ни слова, даже не посмотрев на нее. А несколько минут спустя они услышали, что в амбаре работает радиоприемник, очень тихо. Через три недели отца свалил первый из трех инсультов. К тому времени Джоди уехала (не в Майами, туда она отправилась через много лет), и теперь Лизи становится объектом нападок Дарлы, а почему? Потому что Канти на стороне Дарлы, а обзывать Джоди всякими словами не приносит им никакого удовольствия. Джоди отличается от остальных сестер Дебушер. Дарла называет ее холодной, Канти — эгоистичной, обе назы-

вают ее безответственной, но Лизи думает, что дело в другом, отличие у нее как раз хорошее. Джоди — единственная из всех сестер, кто нацелен на выживание и совершенно невосприимчив к парам вины, наполнявшим семейный вигвам. Сначала эти пары источала бабушка Ди, потом добрый мамик, но Дарла и Канти уже готовы подхватить эстафету, уже понимают, если ты называешь этот ядовитый, вызывающий привыкание дым *долгом*, никто не велит тебе затушить костер. Что же касается Лизи, она только хочет, чтобы таких, как Джоди, было больше. Тогда на обзывания Дарлы она смогла бы ответить: «Засунь это себе в зад, дорогая Дарла» или «Что себе постелила, на том и спи».

15

Она стоит у двери на кухню. Смотрит на большой, чуть уходящий вниз двор. Хочет увидеть Скотта возвращающимся из темноты. Хочет позвать его (да, больше, чем что-либо еще), но упрямство удерживает его имя за губами. Она еще немного подождет.

Но лишь немного.

Потому что ее уже начал охватывать страх.

16

Отцовский приемник берет только средние волны. Радиостанция «WGUY» давно уже канула в Лету и ушла из эфира, но «WDER» транслировала старые песни, и когда она мыла стакан, из которого вылила вино, какой-то герой пятидесятых пел о юной любви. Потом она вернулась в гостиную и... бинго! Он стоял на пороге с банкой пива в одной руке и привычной улыбкой на лице. Возможно, она не услышала шума

подъезжающего автомобиля из-за музыки. Или из-за головной боли. Может, из-за первого и второго на пару.

— Эй, Лизи. Я сожалею, что опоздал. Действительно сожалею. После семинара Хонорса мы заспорили о Томасе Харди, и...

Она молча отворачивается от него и возвращается на кухню, к музыке, льющейся из «филко». Теперь это какая-то группа, поют «Ш-Бум». Он последовал за ней. Она знала, что последует, по-другому просто быть не могло. Она чувствовала, как все то, что ей хотелось высказать ему, копошится в горле, едкие фразы, ядовитые, но какой-то одинокий, полный ужаса голос сказал ей, что ничего этого говорить нельзя, во всяком случае, не этому человеку, но она совет проигнорировала. Переполненная злостью, не могла поступить иначе.

Он ткнул большим пальцем в сторону радиоприемника, гордясь никому не нужными знаниями.

— Это «Кордс»*. Первоначальная черная версия**.

Лизи повернулась к нему.

— Ты думаешь, меня интересует, кто и что поет по радио, после того как я отработала восемь часов и прождала тебя еще пять? А потом ты заявляешься в четверть одиннадцатого, с улыбкой на лице, банкой пива в руке и историей о том, что какой-то давно умерший поэт для тебя важнее, чем я!

Улыбка с его лица не исчезла, но начала уменьшаться, пока не скукожилась до ямочки на щеке. А к глазам прилила вода. Потерянный, испуганный голос вновь попытался остановить ее, но она его проигнорировала. Потому что хотела рвать и метать. И по увядшей улыбке, и по растущей боли в глазах она видела, как он ее любит, и знала, что любовь эта лишь увеличивает разящую силу ее слов. Однако ей хотелось наносить удар за ударом. Почему? Да потому, что она могла их нанести.

* «Кордс» — рок-н-рольная группа, созданная в 1954 г.

** В данном контексте — исполненная первым составом группы, где выступали только афроамериканцы.

Стоя у двери на кухню, дожидаясь возвращения Скотта, она не могла вспомнить всего, что наговорила ему, только каждая последующая фраза была жестче предыдущей, преследовала цель причинить большую боль. В какой-то момент она ужаснулась, осознав, что ничем не отличается от совершенно распоясавшейся Дарлы (еще одна задиристая Дебушер), и к тому моменту его улыбка давно уже сошла на нет. Он так серьезно смотрел на нее, такими невероятно большими глазами. Влага только увеличивала их размеры, и казалось, они вот-вот «съедят» все лицо. Она остановилась в какой-то момент, не закончив тирады о том, что ногти у него грязные, а он грызет их, как крыса, когда читает. Она остановилась, и паузу не заполнил ни шум двигателя проезжающего автомобиля, ни скрип шин, ни даже музыка, которая обычно доносилась из ночного клуба «Рок». Тишина накрыла ее с головой, и она поняла, что хочет дать задний ход, да только понятия не имела, как это сделать. Самое простейшее («Я все равно люблю тебя, Скотт, ляжем в постель») сразу в голову не пришло. Только после була.

— Скотт... Я...

Она не знала, куда двинуться дальше, но, похоже, и необходимости в этом не было. Скотт поднял указательный палец левой руки, как учитель, который собрался сказать что-то очень важное, и улыбка вернулась. Во всяком случае, некое подобие улыбки.

— Подожди.

— Подождать?

На его лице отразилась радость, словно она постигла какой-то сложный замысел.

— Подожди.

И прежде чем она успела сказать что-то еще, он вышел в темноту, расправив плечи, уверенной походкой (весь алкоголь выветрился), джинсы обтягивали узкие бедра. Ей удалось лишь один раз произнести его имя: «Скотт?» — на что он опять поднял указательный палец: *подожди*. А потом тени поглотили его.

И теперь она стоит, в тревоге глядя на лужайку. Она выключила свет на кухне в надежде, что так ей будет легче разглядеть его, но, пусть во дворе соседнего дома горит фонарь, тени захватили большую часть склона. В соседнем дворе залаяла собака. Звать собаку Плутон, она это знает, потому что соседи время от времени выкрикивают эту кличку, подзывая собаку к себе, но какой от этого прок? Она думает о звоне разбившегося стекла, который слышала минуту назад: как и лай, звенело где-то неподалеку. Другие звуки этой несчастливой ночи доносились издалека.

Почему, ну почему она так набросилась на него? Она же с самого начала не хотела идти на этот дурацкий шведский фильм! И почему она находила в этом такую радость? Такую злобную и мерзкую радость?

И на этот вопрос ответа у нее не было. Конец весны, ночной воздух наполнен ароматами, и как долго он там, в темноте? Только две минуты? Может, пять? Кажется, дольше. И этот звук разбивающегося стекла, он как-то связан со Скоттом?

Внизу, под холмом, расположены теплицы.

Нет причины для того, чтобы ее сердце ускорило бег, но оно ускоряет. И едва это почувствовав, Лизи видит движение за пределами зоны видимости, где ее глаза уже ничего увидеть не могут. Секундой позже что-то движущееся принимает очертания мужской фигуры. Она испытывает облегчение, но страх не уходит. Она продолжает думать о звуке разбивающегося стекла. И идет он как-то странно. Прежняя уверенная походка куда-то подевалась.

Теперь она зовет его по имени, но имя это слетает с губ шепотком: «Скотт?» И одновременно ее рука шарит по стене в поисках выключателя, чувствуя необходимость включить фонарь над дверью на кухню, осветить ведущие к ней ступени.

Имя она произносит тихо, но человек-тень, который бредет через лужайку (да, именно бредет, все так, не идет, а бредет), поднимает голову в тот самый момент, когда странным образом онемевшие пальцы Лизи находят выключатель и щелкают им.

— Это бул, Лизи! — кричит он, едва вспыхивает свет, и разве могло бы получиться лучше, если б этот эпизод играли на сцене? Она думает, что нет. В его голосе она слышит восторженное облегчение, как будто ему удалось все поправить. — И это не просто бул, это кровь-бул!

Она никогда не слышала этого слова раньше, но не путает его ни с фу, ни с буром, ни с чем-то еще. Это бул, еще одно словечко Скотта, и это не просто бул, а кровь-бул. Свет фонаря над дверью спускается со ступенек навстречу Скотту, а он протягивает к ней левую руку как подарок, она уверена, что протягивает именно как подарок, и она также уверена, что где-то под этим есть рука, и молится Иисус Марии и Иосифу, Вечному Плотнику, чтобы под этим была рука, иначе ему придется заканчивать книгу, над которой он сейчас работает, и все прочие книги, за которые может взяться позже, печатая одной рукой. Потому что на месте левой руки теперь красная и кровоточащая масса. Кровь струится между отростками, которые вроде бы были пальцами, и, даже сбегая по ступенькам ему навстречу, едва не сломав ногу, она считает эти отростки: один, два, три, четыре и, слава Богу, большой палец, пять. Пока все на месте, но его джинсы в красных пятнах, и он все протягивает к ней иссеченную левую руку, ту самую, которой он пробил одну из толстых стеклянных панелей теплицы, проломившись через зеленую изгородь у подножия холма, чтобы добраться до нее. И теперь протягивает ей свой подарок, акт искупления за опоздание, кровь-бул.

— Это для тебя, — говорит он, когда она срывает с себя блузку и оборачивает ею красную и кровоточащую массу. Лизи чувствует, как материя напитывается кровью, чувствует безумный жар этой крови и понимает (разумеется!), почему этот

одиноким голос был в таком ужасе от всего того, что она говорила Скотту. Этот голос все знал с самого начала: и про то, что мужчина, которого она честила, был влюблен в нее, и про то, что он был наполовину влюблен в смерть, всегда с готовностью соглашался с любыми упреками и претензиями, которые кем угодно и в любой, даже самой грубой форме высказывались ему.

Кем угодно?

Нет, не совсем. Он не столь уязвим. Только теми, кого он любит. И Лизи внезапно осознает, что она — не единственная, кто ничего не рассказывал о своем прошлом.

— Это для тебя. Чтобы сказать, я сожалею, что забыл, и такого больше не повторится. Это бул. Мы...

— Скотт, помолчи. Все хорошо. Я не...

— Мы называем это кровь-бул. Он особенный. Отец говорил мне и Полу...

— Я не злюсь на тебя. Никогда не злилась.

Он останавливается у первой из скрипящих деревянных ступенек, ведущих к двери на кухню, таращится на нее. Ее блузка неумело завернута вокруг его левой руки, как рыцарская матерчатая перчатка; когда-то желтая, теперь она практически вся красная. Лизи стоит на лужайке в бюстгальтере «мейденформ», чувствует, как трава щекочет голые лодыжки. В тусклом желтом свете фонаря, который льется на них от кухонной двери, ложбинка между грудей прячется в глубокой тени.

— Ты его берешь?

Он смотрит на нее с такой детской мольбой. Мужчины в нем более не осталось. Она видит боль в его неотрывном, жаждающем взгляде, и ей понятно, что боль эта вызвана не порезанной рукой, но она не знает, что ей сказать. Просто представить себе не может. Наверное, она может предложить ему перевязать руку, и с этим она бы справилась, но в данный момент словно окаменела. Именно это она должна сказать?

А может, именно этого говорить и нельзя? Может, от этих слов он вновь побежит к теплице, чтобы порезать вторую руку?

Он помогает ей.

— Если ты берешь бул, особенно кровь-бул, тогда извинение принимается. Отец так говоил. Отец говоил это мне и Полу снова и снова.

Не *говори*л, а *говои*л. Детское произношение. О Господи.

— Полагаю, возьму, — говорит Лизи, — потому что я с самого начала не хотела смотреть этот чертов шведский фильм с субтитрами. У меня болят ноги. Я просто хотела лечь с тобой в постель. А теперь смотри, вместо этого мы должны ехать в отделение неотложной помощи.

Он качает головой, медленно, но решительно.

— *Скотт...*

— Если ты не злилась на меня, почему ты обзывала всеми этими дурными словами?

Всеми этими дурными словами. Конечно же, еще одна почтовая открытка из детства. Она это отмечает, дает себе зарок подумать об этом позже.

— Потому что я больше не могла кричать на мою сестру, — говорит она. Объяснение кажется ей забавным, и она начинает смеяться. Смеется, не в силах остановиться, и собственный смех так шокирует ее, что она начинает плакать. Потом чувствует, что голова идет кругом. Опускается на ступеньки, думая, что сейчас лишится чувств.

Скотт садится рядом. Ему двадцать четыре года, волосы отросли почти до плеч, на щеках двухдневная щетина, и он стройный, как линейка. Его левая кисть одета в ее блузку, один рукав развернулся и висит. Скотт целует ее в пульсирующую впадину виска, потом смотрит с обожанием, все понимая. Когда начинает говорить, становится практически прежним Скоттом.

— Я понимаю. Семьи засасывают.

— Это точно, — шепчет она.

Он обнимает ее левой рукой, которую она уже воспринимает кровь-бульной рукой, его подарком ей, его безумным долбаным подарком в пятничную ночь.

— Они не должны иметь значения в жизни человека, — говорит он. Голос на удивление спокоен. Словно он только что не превратил левую руку в кровотокащую рану. — Послушай, Лизи: люди могут забыть все.

Она с сомнением смотрит на него.

— Могут?

— Да. Теперь пришло наше время. Ты и я. Вот что имеет значение.

«Ты и я». Но она действительно этого хочет? Теперь, когда она видит, на какой тонкой проволоке он балансирует. Теперь, когда она получила наглядное представление, какой может быть совместная с ним жизнь. Потом она думает об ощущениях, которые вызывают прикосновения его губ к височной впадине, прикосновения к этому особому тайному местечку, и думает: «Может, и хочу. Разве не у каждого тайфуна есть глаза?»

— Правда? — спрашивает она.

Несколько секунд он молчит. Только обнимает ее. Из паршивенького центра Кливса доносится рев двигателей, крики, дикий, истерический смех. Пятница, вечер, вот неудачники-изгои и веселятся. Но здесь все по-другому. Здесь только напoенный ароматами цветов длинный, пологий склон холма, лай Плутона под фонарем в соседнем дворе, ощущение обнимающей руки Скотта. Даже теплая, влажная тяжесть раненой руки успокаивает, пусть капли крови клеймят ее тело.

— Крошка, — говорит он.

Пауза.

— Любимая, — продолжает он.

Для Лизи Дебушер, которой надоела ее семья, но которая в не меньшей степени устала жить одна, этого достаточно.

Наконец-то достаточно. Он позвал ее домой, и в темноте она сдается Скотту, которого видит в нем. И с этого момента до самого конца ни разу не оглянется.

18

Когда они вновь на кухне, она разматывает блузку и осматривает раненую руку. Глядя на нее, вновь чувствует, что готова плюхнуться в обморок. Свет над головой становится очень ярким, с тем чтобы погрузить ее во тьму. Но она борется, пытается не потерять сознание, и ей это удается, потому что она говорит себе: «Я ему нужна. Я ему нужна, чтобы отвезти его в отделение неотложной помощи в Дерри-Хоум».

Каким-то образом ему удалось не порезать вены, которые находятся у самой кожи на запястье, но глубокие раны рассекают ладонь в четырех местах, кое-где кожа висит, как отклеившиеся обои, а кроме того, порезаны, как говорил ее отец, «три толстых пальца». Еще одна рана — жуткий порез на предплечье, из которого, как акулий плавник, торчит треугольник толстого зеленого стекла. Она слышит, как с ее губ слетает беспомощное: «О-ох», — когда он выдергивает осколок (небрежно так, словно мимоходом) и бросает в мусорное ведро. При этом пропитанную кровью блузку он держит под кистью и предплечьем, определенно стараясь не запачкать кровью пол кухни. Несколько капель все-таки падают на линолеум, это такая малость в сравнении с количеством вытекшей из ран крови. На кухне у нее есть высокий стул, на котором она сидит, когда чистит овощи или моет посуду (когда человек на ногах по восемь часов в день, он использует каждую возможность присесть), и Скотт подвигает его к себе одной ногой и садится так, чтобы кровь с руки капала в раковину. Он говорит, что объяснит ей, как и что нужно сделать.

— Ты должен пойти в отделение неотложной помощи, — говорит она ему. — Скотт, прояви благоразумие. В руке полно сухожилий и еще много чего. Ты хочешь потерять возможность пользоваться рукой? Потому что такое может случиться! Ты останешься без руки! Если ты беспокоишься из-за того, что они скажут, придумай какую-нибудь историю, в этом ты мастер, а я тебя поддержу.

— Если завтра ты захочешь, чтобы я пошел в больницу, я пойду, — говорит он ей. Теперь он уже совершенно нормальный Скотт, и его обаяние действует гипнотически. — От этого я сегодня не умру, кровотечение уже практически прекратилось, а кроме того, ты знаешь, что такое отделение неотложной помощи в ночь с пятницы на субботу? Пьяницы на параде! Прийти туда в субботу утром куда как лучше. — Теперь он уже улыбается, его улыбка однозначно говорит: «Родная моя, у меня все хорошо», — почти что требует ответной улыбки, она пытается не поддаваться, но проигрывает эту битву. — А кроме того, все Лэндоны поправляются очень быстро. Подругому нам нельзя. Сейчас я расскажу тебе, что нужно делать.

— Ты ведешь себя так, словно вышибал стекла в десятке теплиц.

— Нет. — Его улыбка немного вянет. — До этой ночи никогда не вышибал стекла в теплице. Но я многое знал о ранах и травмах. Мы оба знали, Пол и я.

— Он был твоим братом?

— Да. Он умер. Набери таз теплой воды, Лизи, хорошо? Теплой, но не горячей.

Она хочет задать ему всякие и разные вопросы о его брате, *(Отец говорил Полу и мне снова и снова)*

раньше она и не подозревала, что у Скотта был брат, но сейчас не время. Не собирается она и уговаривать его ехать в отделение неотложной помощи, во всяком случае, немедленно. Во-первых, если он согласится, за руль придется садить-

ся ей, а она не уверена, что справится, потому что внутри все дрожит. И он прав насчет кровотечения, оно уже далеко не такое сильное. Возблагодарим Бога за маленькие радости.

Лизи достает белый пластмассовый таз (купленный в гипермаркете «Маммот-Март» за семьдесят девять центов) из-под раковины и наполняет его теплой водой. Он опускает в воду порезанную руку. Поначалу все в порядке: щупальца крови, которые тянутся к поверхности, ее не смущают. Но когда он начинает второй рукой потирать раненую, вода становится розовой, и Лизи отворачивается, спрашивая его, почему, во имя Господа, он вновь вызывает кровотечение.

— Я хочу точно знать, что раны чистые, — отвечает он. — Они должны быть чистыми, когда мы... — Пауза, потом он заканчивает предложение: — Ляжем в постель. Я могу остаться у тебя, могу? Пожалуйста!

— Да, — кивает она, — конечно, ты можешь. — И думает: «Ты собирался сказать совсем другое».

Когда он приходит к выводу, что рука в достаточной степени отмокла, то сам выливает кровавую воду, освобождая Лизи от этой обязанности, потом показывает ей свою руку. Влажные и блестящие порезы выглядят уже не такими опасными, и одновременно они ужасны, чем-то напоминают рыбы жабры, розовые сверху, в глубине переходящие в красноту.

— Могу я воспользоваться твоей коробочкой с пакетиками чая, Лизи? Я куплю тебе новую, обещаю. Я вот-вот должен получить чек за потиражные. Более чем на пять тысяч долларов. Мой агент поклялся честью своей матери. Тот факт, что у него была мать, сказал я ему, для меня новость. Это, между прочим, шутка.

— Я знаю, что это шутка, я не такая тупая...

— Ты совсем не тупая.

— Скотт, зачем тебе целая коробочка чайных пакетиков?

— Принеси, и ты все узнаешь.

Она приносит заварку. Все так же сидя на ее высоком стуле и работая одной рукой, Скотт вновь наполняет таз теплой, но не горячей водой. Потом открывает коробочку чайных пакетиков «Липтон».

— Это придумал Пол, — взволнованно говорит он. *Детское волнение*, думает Лизи. *Посмотри на эту модель самолета, которую я собрал сам, посмотри на невидимые чернила, которые я изготовил с помощью компонентов набора «Юный химик»*. Он опускает в воду пакетики, все восемнадцать или около того. Они немедленно начинают окрашивать воду в янтарный цвет, опускаясь на дно таза. — Немного пощиплет, но помогает действительно очень хорошо. *Смотри!*

Действительно, очень хорошо, думает Лизи.

Он опускает руку в слабый чай, который сам и заварил, и на мгновение губы его задираются, обнажая кривые и далеко не белые зубы.

— Больно, конечно, но помогает. Действительно очень хорошо помогает, Лизи.

— Да, — говорит она. Странно, конечно, но она знает, что чай то ли дезинфицирует, то ли способствует заживлению, может, и то, и другое вместе. Чаки Гендрон, повар блюд быстрого приготовления в ресторане, большой поклонник «Инсайдера»*, и иногда она заглядывает в этот журнальчик. Так вот буквально пару недель назад она прочитала где-то на последних страницах статью о том, что чай помогает от всего. Но с ней, само собой, соседствовала другая статья, о костях снежного человека, найденных в Миннесоте. — Да, думаю, ты прав.

— Не я, Пол. — Он взволнован, на щеки вернулся румянец. *Может сложиться впечатление, что эти порезы — первые в его жизни*, думает она.

Скотт указывает подбородком на нагрудный карман.

— Дай мне сигарету, любимая.

— А стоит ли тебе курить, когда твоя рука...

* «Инсайдер» — один из популярных таблоидов.

— Ничего, ничего.

Она достает пачку из нагрудного кармана, дает ему сигарету, подносит к ней огонек зажигалки. Ароматный дым (она всегда будет любить этот запах) синей струйкой поднимается к грязному, в разводах протечек потолку. Лизи хочет спросить Скотта о булах, особенно о кровь-булах. Она уже начинает представлять себе общую картину.

— Скотт, тебя и брата растили отец и мать?

— Нет. — Сигарету он сдвинул в уголок рта и щурит от дыма один глаз. — Мама умерла, когда рожала меня. Отец всегда говорил, что я убил ее, будучи лежебокой и очень большим. — Он смеется, словно это самая забавная шутка в мире, но это и нервный смех, смех ребенка над похабным анекдотом, смысл которого он до конца не понимает.

Она молчит. Боится что-либо сказать.

Он смотрит вниз, на то место, где кисть и нижняя часть предплечья исчезают в тазу, который теперь наполнен подкрашенным кровью чаем. Часто затягивается, и на конце «Герберт Тейритон» растет столбик пепла. Глаз по-прежнему прищурен, отчего Скотт выглядит другим. Не то чтобы незнакомцем, не совсем, но *другим*. Как...

Ну, скажем, старшим братом. Который умер.

— Но отец говорил, не моя вина, что я продолжал спать, когда пришла пора вылезать. Он говорил, что матери следовало разбудить меня оплеухой, а она этого не сделала, поэтому я вырос таким большим, за что она и понесла наказание, бул, конец. — Он смеется. Пепел с сигареты падает на разделочный столик у раковины. Он, похоже, этого не замечает. Смотрит на руку, кисть которой скрыта под поверхностью мутного чая, но больше ничего не говорит.

Тем самым ставит Лизи перед деликатной дилеммой. Следует ей задавать очередной вопрос или нет? Она боится, что он не ответит, что он рывкнет на нее (он может *рывкать*, она это

знает, она иногда бывала на его семинаре «Модернисты»). Она также боится, что он ответит. Думает, что ответит.

— Скотт? — Имя это она произносит очень мягко.

— М-м-м-м? — Сигарета выкурена уже на три четверти, а то, что кажется фильтром, в «Герберт Тейритон» является мундштуком.

— Твой отец делал булы?

— Кровь-булы, конечно. Когда мы трусили или чтобы выпустить дурную кровь. Пол делал *хорошие* булы. Забавные булы. Как при охоте за сокровищами. Ищи ключи к разгадке. «Бул! Конец!» — и получи приз. Как конфетку или «Ар-си»*. — Пепел снова падает с сигареты. Скотт не отрывает глаз от кровавого чая в тазу. — Но папа целует. — Он смотрит на нее, и она внезапно понимает: он знает все, о чем она не решается спросить, и готов ответить на все ее вопросы, как только сможет. Насколько хватит смелости. — Это приз отца. Поцелуй, когда прекращается боль.

19

В аптечке нет подходящего бинта, чтобы перевязать руку Скотта, вот Лизи и отрывает длинные полосы от простыни. Простыня старая, но ее потеря печалит Лизи: на зарплату официантки (плюс жалкие чаевые неудачников-изгоев и, чуть побольше, преподавателей, которые заглядывают на ленч в пиццерию «У Пэт») она не может позволить себе часто покупать льняные простыни. Но она думает о порезах на ладони и глубокой ране на предплечье и не колеблется.

Скотт засыпает, прежде чем его голова касается подушки на своей половине ее до нелепости узкой кровати; Лизи ду-

* «Ар-си» — (по начальным буквам RC) «Ройял кроун кола», напиток, изобретенный в 1905 г. в г. Колумбусе, штат Джорджия, аптекарем Клодом А. Хэтчером.

мает, что сон сразу не придет — его отгонят раздумья о том, что он ей рассказал, но куда там — мгновение, и она уже спит.

За ночь она просыпается дважды. Первый раз — по малой нужде. Кровать пуста. Не открывая глаз, она идет к ванной, на ходу задирая к бедрам большую футболку с надписью «УНИВЕРСИТЕТ МЭНА» на груди, в которой спит, говоря: «Скотт, поторопись, ладно, очень хочется...» — но, войдя в ванную, в свете ночника, который она всегда оставляет включенным, видит, что комнатка пуста. Скотта там нет. И сиденье не поднято, а он всегда оставляет его поднятым после того, как отливает.

И Лизи уже совершенно не хочется облегчиться. Мгновенно ее охватывает ужас: он проснулся от боли, вспомнил все, что она ему наговорила, и его раздавили (как там это называется в «Инсайдере» Чаки?) вернувшиеся воспоминания.

Причиной ухода стали эти воспоминания или все то, что он носил в себе? Точно она не знает, но уверена, что эта детская манера разговора... от нее точно мурашки бегут по коже... а вдруг он вернулся к теплицам, чтобы закончить начатое? На этот раз разрезать не руку, а горло?

Она спешит на кухню (в квартире только кухня и спальня) и краем глаза видит его, свернувшегося на кровати. Спит он в обычной для него позе зародыша, колени чуть ли не касаются груди, лоб упирается в стену (осенью, когда они съедут с этой квартиры, на стене останется слабое, но все-таки различимое пятно — метка Скотта). Она не раз говорила, что ему было бы больше места, если б он спал с края кровати, но он всегда ложится к стене. Сейчас чуть меняет позу, пружины скрипят, и в свете уличного фонаря Лизи видит черную прядь волос на его щеке.

Его не было в кровати.

Но он здесь, в доме. Если она сомневается, то может подsunуть руку под прядь волос, на которую смотрит, приподнять ее, почувствовать вес.

Может, мне только приснилось, что его нет?

Это логично (вроде бы), но, вернувшись в ванную и сев на унитаз, она думает: *Его не было. Когда я встала, эта долбаная кровать была пуста.*

Она поднимает сиденье после того, как заканчивает свои дела, потому что он, если встанет ночью, будет слишком сонным, чтобы вспомнить об этом. Потом возвращается в кровать. К тому времени уже спит на ходу. Он рядом с ней, и это имеет значение. Конечно же, только это и имеет.

20

Второй раз она просыпается не сама.

— Лизи.

Скотт трясет ее.

— Лизи, маленькая Лизи.

Она не хочет просыпаться, у нее был тяжелый день (черт, тяжелая *неделя*), но Скотт не отстает.

— Лизи, проснись.

Она ожидает, что утренний свет ударит в глаза, но еще темно.

— Скотт. В чем дело?

Она хочет спросить, не началось ли кровотечение, не сползла ли повязка, но это очень сложные вопросы для ее затянутого туманом сна мозга. Поэтому сойдет и «В чем дело?».

Его лицо нависает над ее, сна нет ни в одном глазу. Он взволнован, но его не гложет страх, и у него ничего не болит. Он говорит:

— Мы не можем и дальше так жить.

Эта фраза разгоняет сон, потому что пугает ее. Что он такое говорит? Хочет порвать с ней?

— Скотт? — Она шарит рукой по полу, находит свой «таймекс», щурясь, всматривается в циферблат. — Еще только

четверть пятого! — Голос недовольный, раздраженный, и она недовольна и раздражена, но при этом и испугана.

— Лизи, мы должны жить в настоящем доме. Купить его. — Он мотает головой. — Нет, это потом. Я думаю, мы должны пожениться.

Облегчение охватывает ее, и она откидывается на подушку. Часы выскальзывают из расслабившихся пальцев и падают на пол. Это нормально. «Таймексы» выдерживают все, продолжая тикать. За облегчением следует изумление; ей только что сделали предложение, как леди в романе. За во- зом облегчения последовала маленькая красная тележка ужаса. Предложение ей сделал (в четверть пятого утра, обратите внимание) тот самый парень, который продинамил ее вчера вечером и превратил руку в кровавое месиво после того, как она отругала его за это (и наговорила кое-что еще, что правда, то правда), а потом вернулся, протягивая ей раненую руку, как какой-то долбаный рождественский подарок. У этого парня умер брат, о чем она узнала этой ночью, и мать погибла вроде бы только потому, что он (как там выразился этот модный писатель?) вырос слишком большим.

— Лизи?

— Замолчи, Скотт, я думаю. — Но как трудно думать, когда луна зашла, и время остановилось, что бы там ни показывал «таймекс».

— Я тебя люблю, — мягко говорит он.

— Знаю. Я тоже люблю тебя. Дело не в этом.

— Может, в этом, — возражает он. — В том, что ты любишь меня. Может, в этом все дело. Никто не любил меня, кроме Пола. — Долгая пауза. — И, наверное, отца.

Она приподнимается на локте.

— Скотт, множество людей любит тебя. Когда ты читал отрывки из своей последней книги... и той, над которой сейчас работаешь... — Она скорчила гримаску. Новая книга называлась «Голодные дьяволы», и то, что она читала и слыша-

ла, ей определенно не нравилось. — Когда ты читал, послушать тебя пришли около пятисот человек! Им пришлось перевести тебя из Мэн-лодж в аудиторию Хока! Когда ты закончил, они аплодировали тебе стоя!

— Это не любовь, — отвечает он, — любопытство. И, только между нами, это шоу уродов. Когда ты публикуешь свой первый роман в двадцать один год, ты узнаешь все о шоу уродов, пусть даже твою книгу покупают лишь библиотеки, и она не выпускается массовым тиражом. Но ведь тебя не волнуют все эти вундеркинды, Лизи...

— Волнуют... — Она уже полностью проснулась или почти полностью.

— Да, но... дай мне сигарету, любимая. — Его сигареты на полу, в пепельнице в виде черепахи, которую она держит для него. Она протягивает ему пепельницу, вставляет сигарету между губами, дает прикурить. Он продолжает. — Но тебя также волнует, чищу я зубы или нет...

— Ну... да...

— И избавляет ли шампунь, которым я пользуюсь, от перхоти, или, наоборот, от него ее становится только больше...

Его слова напоминают ей кое о чем.

— Я купила флакон этого «тегрин», о котором говорила тебе. Он в душе. Я хочу, чтобы ты его попробовал.

Он хохочет.

— Видишь? Видишь? Идеальный пример. У тебя холистический подход*.

— Я не знаю этого слова.

Он вдавливая сигарету в пепельницу, выкурив лишь на четверть.

— Он означает, что ты, когда смотришь на меня, видишь с головы до пят. С одного бока до другого, и все, что ты видишь, одинаково важно.

Она обдумывает его слова, кивает.

* Холизм — философия целостности.

— Пожалуй.

— Ты не знаешь, каково это. В детстве, когда я был всего лишь... когда я был одной личностью. Эти последние шесть лет, когда я стал другой. Это определенно шаг к лучшему, но все равно остается полно людей, что здесь, что в Питтсбурге, которые считают Скотта Лэндона... чудесным «музыкальным автоматом». Бросаешь в него пару баксов, и он выдает долбаную историю. — В голосе злости не слышится, но Лизи чувствует, что он может разозлиться. Со временем. Если он не найдет места, куда сможет прийти и почувствовать себя в безопасности, то начнет злиться. И да, она может стать тем человеком, к которому он сможет прийти. И да, она сможет создать такое место. Он ей в этом поможет. В определенной степени они его уже создали. — Ты — другая, Лизи. Я понял это с того первого раза, как встретил тебя на вечере блюзов в Мэн-лодж... ты помнишь?

Иисус, Мария и Иосиф-Плотник, она помнит. В тот вечер она пошла в университет, чтобы посмотреть на художественную выставку, развернутую около аудитории Хока, услышала музыку, которая доносилась из Мэн-лодж, и вошла, просто так, из прихоти. Он пришел несколькими минутами позже, оглядел практически полный зал и спросил, занята ли вторая половина скамьи, на которой она сидела. Она едва не прошла мимо Мэн-лодж. Если бы не заглянула туда, успела бы на автобус, который отъезжал в Кливс-Миллс в половине девятого. Если бы прошла мимо, то в эту ночь лежала бы в постели одна. От этой мысли у нее возникают те же ощущения, что и при взгляде вниз из окна на высоком этаже.

На вопрос Скотта она отвечает лишь кивком.

— Ты для меня... — Скотт умолкает, потом улыбается. Улыбка у него божественная, пусть зубы и кривоваты. — Ты для меня — пруд, к которому мы все спускаемся, чтобы напиться. Я рассказывал тебе о пруде?

Она снова кивает, улыбается. Он не рассказывал напрямую, но она слышала, как он говорил о пруде, когда читал свои

произведения, и на лекциях, которые она посещала, откликаясь на его приглашения, сидела на галерке в аудитории «Бордмен 101» или «Литтл 112». Говоря о пруде, он вытягивает руки, словно погрузил бы их в пруд, будь такая возможность, и вытаскивал бы оттуда то, что там водится (может, языки-рыбы). Она находит это таким милым, таким мальчишеским жестом. Иногда он ведет речь о пруде мифов, иногда — о пруде слов. Он говорит, что всякий раз, когда ты называешь кого-то умником или плохишом, ты пьешь из пруда или бродишь по мелководью, а вот если ты посылаешь ребенка на войну или туда, где он будет подвергаться смертельной опасности, потому что ты любишь родину и учишь ребенка любить ее, тогда ты плаваешь в этом пруду... на глубине, где также плавают голодные твари с большими зубами.

— Я пришел к тебе, и ты видишь меня целиком, — говорит он. — Ты любишь меня всего, по всему экватору, и не из-за какой-то истории, которую я написал. Когда твоя дверь закрывается и мир остается снаружи, мы смотрим глаза в глаза.

— Ты гораздо выше меня, Скотт.

— Ты знаешь, о чем я говорю.

Она решает, что да, знает. И слишком этим тронута, чтобы глубокой ночью согласиться на то, о чем она может сожалеть утром.

— Мы поговорим об этом утром. — Она берет пепельницу с окурком, ставит на пол. — Спроси меня тогда, если еще будет на то желание.

— Желание будет, — с абсолютной уверенностью заявляет он.

— Посмотрим. А пока давай спать.

Он поворачивается на бок. Лежит выпрямившись, но, засыпая, начнет сворачиваться. Колени подберутся к узкой груди, а лоб, за которым плавают все эти экзотические истории-рыбы, уткнется в стену.

Я знаю его. Как минимум начинаю узнавать.

При этом она чувствует еще одну волну любви к нему и должна сомкнуть губы, чтобы с них не слетели опасные слова. Которые трудно взять назад, если уж они произнесены. Может, и невозможно. Она ограничивается тем, что прижимается грудью к его спине, а животом — к голому заду. Несколько поздних цикад трещат за окном, и Плутон снова гавкает, неся ночную вахту. Она вновь начинает засыпать.

— Лизи? — Голос доносится словно из другого мира.

— М-м-м-м?

— Я знаю, ты не любишь «Дьяволов»...

— Ненавижу. — Это все, что ей удастся вымолвить, только так она и может выразить свое критическое отношение, проваливаясь, проваливаясь, проваливаясь в сон.

— Да, и ты не одна такая. Но мой издатель их любит. Он говорит, в «Сейлер-Хауз» решили, что это должен быть роман «ужасов». Я не возражаю. Есть же такая поговорка: «Хоть горшком назови, только в печь не ставь».

В сон, в сон, голос доносится с конца длинного темного коридора.

— Мне не нужен Карсон Форей или мой агент, чтобы понять, что благодаря «Дьяволам» я еще долго не умру с голоду. Я достаточно занимался мелочевкой. А теперь иду дальше, но не хочу идти один. Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

— Спи... Хва... гов...

Она не знает, спит он или нет, но... вот чудо-то (синеглазое чудо), Скотт Лэндон наконец-то замолкает.

21

Лизи Дебушер просыпается субботним утром невероятно, фантастически поздно — в девять часов, и тут же в ее ноздри проникает запах жарящегося бекона. Солнечный свет льется на пол и на кровать. Она идет на кухню. Он в одних трусах,

жарит бекон, и Лизи приходит в ужас, увидев, что он снял повязку, которую она с таким тщанием накладывала на его раны. Когда упрекает его, Скотт просто говорит, что под ней чесалась кожа.

— А кроме того, — он протягивает ей руку (тем самым жестом, что и вчера, когда вышел из темноты, и ей с трудом удается подавить дрожь, грозящую прокатиться по всему телу), — при свете дня все не так уж и плохо, правда?

Лизи берет его руку, подносит ладонь к глазам, словно собирается предсказать судьбу, и смотрит, пока он не отдергивает руку, говоря, что бекон сгорит, если его не перевернуть. Она не удивлена, не потрясена; должно быть, эти эмоции приберегаются для темных ночей и темных уголков памяти, а не для солнечного субботнего утра, когда старенький «филко» на подоконнике транслирует какую-то веселенькую песенку. Не удивлена, не потрясена... но в недоумении. Думает лишь об одном: порезы выглядели куда более ужасными, чем были на самом деле. И она просто запаниковала. Потому что эти раны, конечно же, не царапины, но далеко не столь серьезны, как ей казалось. Кровь в них не просто свернулась, порезы уже начали затягиваться. Если бы вчера она привезла его в отделение неотложной помощи Дерри-Хоум, там их, возможно, не приняли бы с такой ерундой..

Все Лэндоны поправляются очень быстро. По-другому нам нельзя.

Тем временем Скотт вилкой перебрасывает хрустящий бекон со сковороды на двойной слой бумажных полотенец. С точки зрения Лизи, он, возможно, хороший писатель, но повар точно преотличный. Если уж берется за готовку. Впрочем, ему определенно нужны новые трусы. Эти растянуты до неприличия, обвисли, и эластичная лента на поясе вот-вот оторвется. Придется ей заняться покупкой ему новых трусов, когда пришлют тот самый королевский чек, о котором он упоминал,

но, разумеется, думает она не о нижнем белье, это как раз неактуально. Ее разум пытается сравнить увиденное этой ночью (эти глубокие, вызывающие тошноту рыбы жабры, розовизну, переходящую на дне ран в печеночно-красное) и то, что ей продемонстрировали утром. Эту разницу между простыми порезами и глубокими ранами, и неужели она действительно думает, что на *ком-либо* раны могут заживать так быстро, если оставить в стороне библейские истории? Действительно думает? Он же пробил рукой не оконное стекло, а стеклянную панель теплицы. И теперь они должны что-то с этим сделать, Скотту нужно...

— Лизи?

Оторвавшись от своих мыслей, она видит, что сидит за кухонным столом, нервно зажав подол футболки между бедрами.

— Что?

— Одно яйцо или два?

Она задумывается.

— Два. Пожалуй.

— Глазунью или болтушку?

— Глазунью.

— Мы поженимся? — Он спрашивает тем же тоном, разбивая яйца над сковородой.

Она улыбается — не обыденному тону, а краткости фразы, которую он без труда мог бы расцветить и удлинить, а потом осознает, что не удивлена... Она этого ожидала — возвращения к пройденному. И, должно быть, каким-то уголком сознания думала над этим предложением, даже когда спала.

— Ты уверен? — спрашивает она.

— На все сто. А что думаешь ты, любимая?

— Любимая думает, что идея стоящая.

— Хорошо, — кивает он. — Это хорошо. — После паузы добавляет: — Спасибо тебе.

Минуту или две оба молчат. Стоящий на подоконнике «филко» транслирует музыку, которую папаня Дебушер никогда бы не стал слушать. На сковородке скворчит яичница. Лизи голодна. И счастлива.

— Осенью, — говорит она.

Он кивает, тянется за тарелкой.

— Хорошо. Октябрь?

— Рановато, наверное. Скажем, где-нибудь на День благодарения. Тебе яйца остались?

— Одно. Я больше и не хочу.

— Я не выйду за тебя замуж, если ты не купишь новые трусы.

Он не смеется.

— Тогда это и будет моей первой покупкой.

Он ставит перед ней тарелку. Яичница с беконом. Она так голодна. Начинает есть, а он разбивает над сковородой последнее яйцо.

— Лиза Лэндон, — говорит он. — Что скажешь?

— Я думаю, звучит неплохо. Это... как это называется, когда слова начинаются с одной буквы?

— Аллитерация.

— Да. Именно. — Теперь она произносит эти два слова сама: — Лиза Лэндон. — Ей нравится, как и приготовленная им яичница.

— Маленькая* Лиза Лэндон, — говорит он и подбрасывает свою яичницу в воздух. Она переворачивается дважды и приземляется точно на бекон.

— Ты, Скотт Лэндон, обещаешь крепить узы брака и держать свою штучку взызданной? — спрашивает она.

— Всегда и везде, — соглашается он, и они начинают смеяться как безумные, а радиоприемник транслирует музыку, залитый солнечным светом.

* В русском языке аллитерация пропадает, в английском (маленькая — little) сохраняется.

Со Скоттом она всегда много смеялась. А неделей позже порезы на его руке, даже на предплечье, зажили.

Не осталось и шрамов.

Когда Лизи просыпается снова, она уже не знает, где находится: в прошлом или настоящем. Но первого предутреннего света, который прокрался в комнату, достаточно, чтобы разглядеть синие обои и морской пейзаж на стене. Итак, это спальня Аманды, и все вроде бы правильно, но при этом как-то не так; ей кажется, что это сон о будущем, и она видит его, лежа на узкой кровати в квартире, которую большинство ночей делит со Скоттом и будет делить до свадьбы в ноябре.

И что ее разбудило?

Аманда повернулась к ней спиной, и Лизи лежала, все так же прикинув к ней, груди — к спине Анды, живот — к тощему заду, так что же ее разбудило? У нее нет желания опорожнить мочевой пузырь... во всяком случае, оно не такое уж сильное, тогда что?..

Аманда, ты что-то сказала? Ты что-то хочешь? Может, глоток воды? Осколок стеклянной тепличной панели, чтобы перерезать вены?

Мысли эти проносятся в голове, но Лизи не раскрывает рта, потому что у нее возникла странная идея. Да, она видит быстро седеющую гриву волос Аманды и кружева воротника ее ночной рубашки, но в действительности она в постели со Скоттом. Да! В какой-то момент этой ночи Скотт... что? Перебрался из воспоминаний Лизи в тело Аманды? Что-то вроде этого. Идея необычная, все так, но Лизи предпочитает мол-

чать, потому что боится: если она заговорит, Аманда может ответить голосом Скотта. И что она тогда сделает? Закричит? Закричит так, чтобы, как говорится, *разбудить мертвых*? Конечно, идея абсурдная, но...

Но посмотри на нее. Посмотри, как она спит, подтянув колени к груди и согнув шею. Будь там стена, она бы уперлась в нее лбом. Неудивительно, что ты подумала...

И тут, в пять утра, в слабом свете, предвещающем восход солнца, лежа спиной к Лизи, так, что та не могла видеть ее лица, Аманда заговорила.

— Крошка, — говорит она.

Пауза.

— Любимая, — говорит она.

Если внутренняя температура Лизи прошлым вечером падала на десяток градусов, тут она упала на все двадцать пять: хотя слова эти произнес, несомненно, женский голос, говорил Скотт. Лизи прожила с ним больше двадцати лет. И узнает Скотта, когда слышит его.

Это сон, сказала она себе. Вот почему я не могу даже понять, настоящее это или прошлое. Если я оглянусь, то скорее всего увижу полотно-самолет «ПИЛЬСБЕРИ — ЛУЧШАЯ МУКА», зависший в углу.

Но она не может оглянуться. Долгое время она не может даже пошевелиться. Что заставляет ее заговорить, так это усиливающийся свет. Ночь практически уступила место дню. Если Скотт вернулся (если она действительно бодрствует и это не сон), значит, на то есть причина. И он не собирается причинить ей вред. Он никогда не причинял ей вреда. Во всяком случае... намеренно. Она вдруг осознает, что не может произнести ни его имя, ни имя сестры. Они неуместны. Оба имени неуместны. Она видит себя, хватающую Аманду за плечо и поворачивающую к себе. Чье лицо она увидит под седеющими кудряшками Аманды? Допустим, Скотта? О дорогой Боже, *допусти это.*

Утренний свет прибывает. И тут ей становится абсолютно ясно: если она не произнесет ни слова до восхода солнца, дверь между прошлым и настоящим закроется, и она потеряет все шансы получить ответы.

Тогда обойдись без имен. И какая, к черту, разница, на ком надета эта ночная рубашка?

— Почему Аманда сказала бул? — спросила она. И ее голос в спальне, где еще царил полумрак, но становилось все светлее, светлее, звучит хрипло, чуть ли не скрежещет.

— Я оставил тебе бул, — отвечает другой человек, лежащий в кровати, человек, к задку которого прижимается живот Лизи.

О Боже О Боже О Боже это что-то ужасное если может быть что-то ужасное это...

А потом: Возьми себя в руки. Не упусти своего шанса. Сделай это прямо сейчас.

— Это... — Голос суше и скрипучее. И в комнате светлеет слишком уж быстро. В любую секунду солнце может появиться над восточным горизонтом. — Это кровь-бул?

— Кровь-бул идет к тебе, — говорит ей голос, в котором слышится едва заметное сожаление. И интонации голоса совсем как у Скотта. Однако теперь он больше похож на голос Аманды, и это пугает Лизи еще сильнее.

А в голосе слышатся радостные нотки:

— Тот, что тебя ждет, *хороший* бул, Лизи. Он придет из-за пурпура. Ты уже нашла три первые станции. Еще несколько, и ты получишь приз.

— Какой я получу приз?

— Напиток. — Ответ следует без малейшей паузы.

— «Коку», «Ар-си»?

— Помолчи. Мы хотим полюбоваться холлихоксом.

В голосе слышится странная, бесконечная тоска, но что же тут знакомого? Почему холлихокс, который еще называют шток-розой, звучит как имя, а не куст с цветами? Это что-то

важное, скрытое за пурпурным занавесом, который иногда отделяет ее от собственных воспоминаний? Нет времени подумать об этом, тем более — спросить, потому что красный свет уже подкрался к окну. Лизи чувствует, что остается только с настоящим, и, при всем испуге, ощущает острый укол разочарования.

— Когда придет этот кровь-бул? — спросила она. — Скажи мне.

Нет ответа, она знала, что ответа не будет, и, однако, раздражение в ней нарастало, вытесняя ужас и замешательство, которые она испытывала перед тем, как солнце выглянуло из-за горизонта, разгоняя лучами ночные чары.

— *Когда он придет? Черт бы тебя побрал, когда?* — Теперь она кричала, тряся прикрытое белой материей ночной рубашки плечо с такой силой, что волосы так и летали... но ответа не было. Ярость Лизи прорвалась наружу. — *Не дразни меня, Скотт, когда?*

На этот раз она дергает на себя прикрытое ночной рубашкой плечо, вместо того чтобы трясти, и другое тело перекатывается на спину. Конечно же, это Аманда. Ее глаза открыты, и она дышит, даже щеки у нее бледно-розовые, но Лизи узнает этот взгляд: уже видела его, и не раз, когда у большой сиссы Анди-Банни обрывалась связь с реальностью. И не только у нее. Лизи понятия не имеет, то ли Скотт действительно приходил к ней, то ли ей все это почудилось в полусне, но одно знает наверняка: в какой-то момент ночи Аманда вновь впадала в ступор. На этот раз, возможно, навсегда.

Часть 2
ЛОВИСА

Она повернулась и увидела большую белую луну, которая смотрела на нее поверх холма. И грудь открылась навстречу, а лунный свет проник в нее, как в прозрачный кристалл. Она стояла, наполняемая луной, предлагая себя. Обе ее груди раздвинулись, чтобы дать место луне, все тело широко раскрылось, как трепещущий анемон, нежное, распахнутое приглашение, тронутое луной.

Д.Г. Лоуренс, «Радуга»

Глава 5
ЛИЗИ И ДОЛГИЙ, ДОЛГИЙ ЧЕТВЕРГ
(Станции Бцла)

1

Лизи достаточно быстро поняла, что дело обстоит гораздо хуже, чем в трех предыдущих случаях, когда Аманда отрывалась от реальности — в периоды «пассивной полукататонии», по терминологии ее мозгоправа. Ее обычно раздражающая и иногда доставляющая неприятности сестра превратилась в большую дышащую куклу. Лизи удалось (ценой немалых усилий) усадить Аманду, развернуть так, чтобы она сидела на краю кровати, но женщина в ночной рубашке из хлопчатобумажной ткани (которая за несколько мгновений до восхода солнца то ли говорила голосом ее покойного мужа, то ли нет) не реагировала, когда ее называли по имени, звали, выкрикивали это имя ей в лицо. Она лишь сидела со сложенными на коленях руками, тупо уставившись в лицо младшей сестры. А если Лизи отходила в сторону, Аманда продолжала смотреть туда, где она только что находилась.

— Анди-Банни!

На этот раз и детское прозвище не вызвало ответной реакции. Лизи решила развернуть его.

— Большая сисса Анди-Банни!

Ничего. Вместо испуга (он пришел позже) Лизи захлестнула дикая ярость, спровоцировать которую Аманде не удавалось, даже когда она предпринимала такие попытки.

— *Прекрати это! Прекрати и отодвинь зад подальше от края, чтобы ты могла выпрямиться!*

Никакого эффекта. Нулевой результат. Она наклонилась, протерла лицо Аманды тряпкой, смоченной в холодной воде, и опять ничего не добилась. Глаза не моргали, даже когда Лизи проводила по ним тряпкой. Вот тут Лизи почувствовала страх. Посмотрела на электронные часы на прикроватном столике: самое начало седьмого. Она могла позвонить Дарле, не боясь разбудить Мэтта, который спал в Монреале, но звонить ей не хотелось. Пока не хотелось. Звонок Дарле означал признание поражения, а к этому она еще не была готова.

Она обошла кровать, схватила Аманду под руки, потащила назад, повалила. Оказалось, что это труднее, чем она думала, несмотря на худобу Аманды.

Потому что сейчас она — куль с землей. Вот почему.

— Заткнись, — рявкнула Лизи, не представляя себе, с кем разговаривает. — Просто заткнись.

Она забралась на кровать, встав коленями по обе стороны бедер Аманды, положила руки ей на плечи, у шеи. В такой позе (прямо-таки из пособия по сексу) она могла смотреть сверху вниз на поднятое застывшее лицо Аманды. Во время предыдущих приступов сестра всегда была послушной... такими же послушными становятся под гипнозом. Этот случай, похоже, отличался. Она могла лишь надеяться, что ошибается, потому что утром человек должен совершать определенные действия. Если, разумеется, этот человек намеревается и дальше жить в своем отдельном маленьком доме.

— *Аманда!* — проорала Лизи в лицо старшей сестре. Потом убавила громкость в попытке еще раз договориться по-хорошему и не испытывая особой неловкости (все-таки в доме

они были одни). — Большая... сисса... Анди-Банни! Я хочу, чтобы ты... встала... ВСТАЛА!.. и пошла в сортир... и села на ТОЛЧОК! Воспользуйся ТОЛЧКОМ, Анди-Банни! На счет три! Один... и ДВА!.. и ТРИ! — Лизи рывком усадила Аманду, но вставать та не пожелала.

Один раз, минут в двадцать седьмого, Лизи подняла ее с кровати, и Аманда, пусть и низко присев, оказалась на ногах. Ощущения у Лизи были точно такие же, как в ее первом автомобиле «пинто» выпуска 1974 года, когда двигатель все-таки завелся после того, как она две бесконечные минуты терзала стартер, едва окончательно не посадив аккумулятор.

— Ты прикидываешься, сука! — рявкнула она на Аманду, полностью отдавая себе отчет в том, что Аманда не прикидывается. — Что ж, продолжай! Продолжай и... — Тут она поняла, как громко кричит (если будет и дальше так кричать, то разбудит миссис Джонс, живущую на той стороне улицы), и понизила голос: — Продолжай и ложись на пол. Да. Но если ты думаешь, что я все утро буду плясать вокруг тебя, то у тебя вместо мозгов берьмо. Я иду вниз, чтобы приготовить кофе и овсянку. Если запахи понравятся вашему королевскому величеству, крикни мне. Или, ну, не знаю, пришли долбаного лакея, чтобы он принес тебе пожрать.

Она не знала, понравились ли запахи кофе и овсянки большой сиссе Анди-Банни, но Лизи определенно понравились, особенно кофе. Она выпила чашку черного до того, как съела овсянку, а потом еще одну, уже со сливками и сахаром. Допивая маленькими глоточками вторую чашку, подумала: «Все, что мне еще нужно, так это сигарета, и я проскочу этот день, как пони. Долбаная «салем лайт».

Ее мысли попытались вернуться к грезам и воспоминаниям ушедшей ночи («РАННИЕ ГОДЫ СКОТТА И ЛИЗИ», все так, подумала Лизи), но она этого не допустила. И не позволила разуму анализировать произошедшее при ее пробуждении. По-

зднее она могла найти для этого время, но не теперь. В данный момент следовало заняться большой сиссой.

Допустим, большая сисса найдет большую розовую опасную бритву на верхней полке аптечного шкафчика и решит перерезать себе вены на запястьях? Или полоснуть по горлу?

Лизи торопливо поднялась из-за кухонного стола, задаваясь вопросом, сообразила ли Дарла, что острые предметы нужно убрать из ванной наверху... да и вообще из всех комнат наверху. По лестнице поднялась чуть ли не бегом, в ужасе от того, что могла увидеть в спальне, и пришла в еще больший ужас, увидев на кровати лишь две примятые подушки.

Но Аманда лежала на полу, все так же глядя в потолок. Не сдвинулась ни на дюйм. Облегчение Лизи сменилось предчувствием дурного. Она села на кровать, взяла сестру за руку. Теплую, но безжизненную. Лизи хотела, чтобы пальцы Анди сжали ее, но они оставались полностью расслабленными. Восковыми.

— Аманда, и что нам с тобой делать?

Ответа не последовало.

А потом, поскольку в доме они были одни, не считая их отражений в зеркале, Лизи спросила:

— Ведь это не Скотт, верно, Аманда? Пожалуйста, скажи, что это сделал не Скотт... ну, не знаю, войдя в тебя?

Аманда ничего не ответила, и некоторое время спустя Лизи прошествовала в ванную на поиски острых предметов. Поняла, что Дарла в этом опередила ее, потому что нашла лишь маникюрные ножницы в нижнем ящике маленького туалетного столика Аманды. Разумеется, в умелых руках и этих ножниц вполне хватило бы. Вот, к примеру, отец Скотта

(прекрати Лизи не надо Лизи)

— Хорошо, — ответила она, встревоженная охватившей ее паникой, от которой рот наполнился вкусом меди, пурпурный свет начал застилать глаза, а рука сжала маникюрные ножницы. — Хорошо, не буду. Проехали.

Она спрятала ножницы за пыльными флаконами шампуня, которые стояли на полочке над сушилкой для полотенец, а потом (потому что не знала, чем заняться) приняла душ. Когда вышла из ванной, увидела большое мокрое пятно вокруг бедер Аманды, и поняла, что столкнулась с проблемой, которую одним только сестрам Дебушер не решить. Она сунула полотенце под мокрый зад Аманды. Потом посмотрела на часы, сняла трубку с телефонного аппарата и набрала номер Дарлы.

2

Вчера Лизи услышала в голове голос Скотта, ясный и отчетливый: *Я оставил тебе записку, любимая*. Отмела его, приняв за собственный внутренний голос, поддельвающийся под его. Возможно (скорее всего), так оно и было, но к трем часам пополудни этого долгого жаркого четверга, когда она и Дарла сидели в кафе «Попс» в Льюистоне, одно она знала наверняка: Скотт оставил ей большущий посмертный подарок. Чертовски огромный бул-приз, если выразиться его словами. День выдался жуткий, но был бы еще хуже без Скотта Лэндона, умер тот два года назад или нет.

На лице Дарлы читалась та самая усталость, которую ощущала Лизи. Где-то по ходу дня она нашла время, чтобы подкраситься, но амуниции в сумочке не хватило, чтобы скрыть черные круги под глазами. И уж конечно, в ней не осталось ничего общего с рассерженной тридцати-с-хвостиком-летней дамочки, которая в конце семидесятых вменила себе в обязанность раз в неделю звонить Лизи и напоминать о ее семейном долге.

— Даю цент за твои мысли, маленькая Лизи, — нарушила Дарла затянувшуюся паузу.

Лизи как раз тянулась к баночке с заменителем сахара. Голос Дарлы заставил ее передумать, она схватила старомодную сахарницу и высыпала в чашку немалую порцию песка.

— Я думала, что сегодня у нас кофейный четверг, — ответила Лизи. — Кофейный четверг с настоящим сахаром. Кажется, это моя десятая чашка.

— И моя тоже. Я посетила клозет уже раз пять и обязательно побываю там снова, прежде чем мы покинем это очаровательное заведение. Слава Богу, у нас есть «Пепсид АС»*.

Лизи помешала кофе, скорчила гримаску, пригубила напиток.

— Ты, конечно же, хочешь запаковать ей чемодан.

— Ну кто-то же должен это сделать, а ты выглядишь как смерть на крекере.

— Премного тебе благодарна.

— Кто же еще скажет тебе правду, как не собственная сестра?

Эту фразу Лизи слышала от нее много раз, наряду с «Берешь в долг чужие на время, а отдаешь свои навсегда» и с номером один в хит-параде Дарлы: «Жизнь несправедлива».

Сегодня эти слова не жалили, даже вызвали некое подобие улыбки.

— Если ты хочешь это сделать, Дарл, я не собираюсь оспаривать у тебя эту привилегию.

— Я же не говорила, что хочу, лишь сказала, что могу. Ты оставалась с ней последнюю ночь и встала вместе с ней этим утром. Я считаю, что ты свое отработала. Извини, мне нужно потратить пенни.

Лизи наблюдала за ней, думая: «Вот и еще одна дебуше-ровская фраза». В этой семье, где на все была своя присказка, «потратить пенни» говорили, если человек шел в туалет по малой нужде, и (странно, но правда) «похоронить квакера» — если по большой. Скотту такое нравилось, он говорил, что у этих выражений, вероятно, шотландские корни. Лизи полагала, что такое возможно. Большинство Дебушеров приехали из Ир-

* «Пепсид АС» — препарат, уменьшающий кислотность желудочного сока.

ландии, а все Андерсоны — из Англии, но добрый мамик говорила, что в каждой семье есть несколько белых ворон, не так ли? И ее это совершенно не интересовало. Интересовало другое: «потратить пенни» и «убить квакера» выловлены из пруда, пруда Скотта, а со вчерашнего дня он оказался чертовски близко от нее...

Этим утром был сон, Лизи... ты это знаешь, не так ли?

У нее не было уверенности, знала ли она, что произошло этим утром в спальне Аманды, или не знала (все казалось сном, даже попытки заставить Аманду встать и пойти в ванную), но в одном никаких сомнений быть не могло: Аманду определили в «Гринлаунскую восстановительную и реабилитационную клинику» как минимум на неделю. Все оказалось гораздо проще, чем они с Дарлой могли надеяться, а благодарить за это следовало Скотта. В данный момент и

(прямо здесь)

прямо здесь, а остальное, похоже, значения не имело.

3

Дарла приехала в маленький уютный кейп-код Анды еще до семи утра, обычно аккуратно причесанные волосы торчали во все стороны, одну пуговицу на блузке она застегнула неправильно, так что в зазоре радостно сверкал розовый бюстгальтер. К тому времени Лизи уже убедилась, что Аманда еще и не ест. Она позволила заложить ей в рот ложечку яичницы-болтушки, после того как Лизи вновь удалось усадить ее спиной к кровати, и у Лизи затеплилась надежда (Аманда глотает слюну, может, проглотит и яичницу), которая, увы, не оправдалась. Посидев секунд тридцать с бледно-желтой яичницей между губами (желтизна особенно опечалила Лизи, казалось, ее сестра пытается съесть канарейку), Аманда языком вытолкнула ее изо рта. Какие-то крошки прилипли к

подбородку; остальное вывалилось на ночную рубашку. Аманда же продолжала смотреть в далекую даль. Или в мистику, если вы были поклонником Вэна Моррисона*. Скотт определенно был, хотя его любовь к Вэну-Мэну иссякла в начале девяностых. Именно тогда Скотт вернулся к Хэнку Уильямсу и Лоретте Линн**.

Дарла отказывалась верить, что Аманда не ест, пока сама не повторила яичный эксперимент. Для этого ей пришлось поджарить новую яичницу — остатки первой Лизи отправила в мусорное ведро: устремленный в никуда взгляд Аманды напрочь лишил ее желания подъесть что-либо за большой сиссой.

К тому времени, когда Дарла твердым шагом вошла в спальню, Аманда опять сползла на пол, и Дарла помогла Лизи вновь ее усадить. Помощь Лизи приняла с благодарностью. У нее уже начала ныть спина. И она с трудом могла представить себе, в какие деньги выльется каждодневный уход за человеком на протяжении необозримого периода времени.

— Аманда, я хочу, чтобы ты это съела, — строгим, не терпящим возражений тоном, какой Лизи помнила по множеству телефонных разговоров в свои юные годы, заявила Дарла. *Тон, выражение лица, решительность движений* Дарлы трактовались однозначно: Дарла не сомневалась, что их старшая сестра разыгрывает спектакль. «Симулирует как тормозной кондуктор», — сказал бы их папаня; и это была всего лишь одна из сотни, или около того, его образных, веселых, мало что значащих фраз. Но (вспомнила Лизи) Дарла всегда выносила такой вердикт, если ты не делал того, чего хотела Дарла. Говорила, что ты «симулируешь как тормозной кондуктор».

* Моррисон Вэн («Вэн-Мэн», Джордж Айвэн Моррисон, р. в 1945) — известный ирландский поэт и музыкант, работающий в стиле блюза, кельтского и ирландского фольклора.

** Линн Лоретта (р. в 1935) — легендарная американская кантри-певица.

— Я хочу, чтобы ты съела эту яичницу, Аманда... *немедленно!*

Лизи открыла рот, чтобы что-то сказать, потом передумала. Они попадут куда нужно гораздо быстрее, если Дарла почувствует ситуацию на собственном опыте. И куда им нужно? Вероятнее всего, в «Гринлаун». Точнее, в «Гринлаунскую восстановительную и реабилитационную клинику» в Обурне. В то место, которое она и Скотт присмотрели после последнего приступа Аманды в 2001 году. Только, как выяснилось, отношения Скотта с «Гринлауном» зашли несколько дальше, чем подозревала его жена, и спасибо Тебе за это, Господи.

Дарле удалось отправить ложку яичницы в рот Аманды, и она повернулась к Лизи с зачатками триумфальной улыбки на лице.

— Вот! Я думаю, ей просто не хватало твердой р...

В этот самый момент язык Аманды показался между расслабленных губ, выталкивая перед собой канареечную яичницу. Вновь все, что было во рту, вывалилось на ночную рубашку, на то самое еще влажное место, куда упала первая порция, за исключением нескольких прилипших к подбородку крошек.

— Так что ты там говорила? — мягко переспросила Лизи.

Дарла долго, очень долго смотрела на старшую сестру, Потом перевела взгляд на Лизи, и решимости в нем поубавилось. Теперь она выглядела как женщина средних лет, которую слишком рано вытряхнул из постели семейный катаклизм. Она еще не плакала, но слезы уже подступили к глазам. Ярко-синие, как и у всех сестер Дебушер, они влажно блестели.

— Раньше такого не случалось, верно?

— Не случалось.

— И что же произошло этой ночью?

— Ничего, — без запинки ответила Лизи.

— Ни слез, ни криков?

— Ни того, ни другого.

— Так что же нам теперь делать?

У Лизи был наготове практичный ответ, и удивляться этому не приходилось. Дарла могла придерживаться иного мнения, но Джоди и Лизи всегда были самыми практичными в их семье.

— Сейчас мы ее уложим, подождем, пока начнется рабочий день, а потом позвоним в то место. В «Гринлаун». И будем надеяться, что за это время она вновь не обмочит постель.

4

Коротая время, они пили кофе и играли в криббидж, карточную игру, которой отец научил их задолго до того, как они стали ездить в большом желтом школьном автобусе Лисбон-Фоллс. После каждой третьей или четвертой сдачи одна из них заходила в спальню, чтобы посмотреть, как там Аманда. Ничего не менялось: Аманда лежала на спине и смотрела в потолок. И в первой, и во второй игре Дарла взяла верх над младшей сестрой. Тот факт, что эти победы привели ее в хорошее настроение; пусть даже Анди недвижно лежала наверху, дал Лизи повод для размышлений... но ничего вслух она говорить не собиралась. Она понимала, что день будет долгим, и если Дарла начнет его с улыбкой на лице, отлично. От третьей игры Лизи отказалась, и они обе посмотрели последний блок передачи «Сегодня», выступление какого-то кантри-певца. Лизи буквально услышала слова Скотта: «Ему не вышибить старину Хэнка из бизнеса». Под стариной Хэнком, естественно, подразумевался Хэнк Уильямс. Когда дело касалось кантри, для Скотта существовал старина Хэнк... и все остальные.

В пять минут десятого Лизи села перед телефонным аппаратом и нашла в справочнике телефон «Гринлаунской клиники». Одарила Дарлу сухой и нервной улыбкой.

— Пожелай мне удачи, Дарла.

— Желаю. Поверь мне, желаю.

Лизи набрала номер. Трубку сняли после первого гудка.

— Здравствуйте, — произнес приятный женский голос. — Это «Гранлаунская восстановительная и реабилитационная клиника», подразделение «Федеральной здравоохранительной корпорации Америки».

— Здравствуйте, меня зовут... — На том Лизи и замолкла, потому что приятный женский голос начал перечислять всех, с кем можно было связаться, перейдя в тональный режим набора номера. Это был записанный на магнитофонную ленту голос. Лизи *пробулили*.

— Подождите, пожалуйста, пока вам ответят, — закончил приятный женский голос, и его сменила музыка, отдаленно напоминающая мелодию Пола Саймона «Возвращение домой».

Лизи обернулась к Дарле сказать, что она ждет, пока ей ответят, но Дарла ушла, чтобы проверить, как там Аманда.

«Чушь собачья, — подумала Лизи. — Просто не выдержала напря...»

— Доброе утро, это Кассандра, чем я могу вам помочь?

*Имя — дурной знак, любимая**, прокомментировал Скотт, который жил в ее голове.

— Меня зовут Лиза Лэндон... миссис Скотт Лэндон.

За все годы семейной жизни она не больше пяти раз представлялась как миссис Скотт Лэндон и ни разу — за двадцать шесть месяцев вдовства. Однако не составляло труда объяснить, почему она сделала это сейчас. Скотт называл это «разыграть карту славы» и сам не стеснялся ее разыгрывать. Отчасти, говорил он, потому что, разыгрывая ее, чувствовал себя самодовольным говнюком, отчасти — потому что боялся, а вдруг не сработает. Скажем, он прошептал бы на ухо метрдотелю что-то наподобие «Разве вы не знаете, кто я?» — чтобы услышать в ответ: «Non, Monsieur** — а кто ты, твою мать?»

* Как известно из древней истории, ясновидящая с таким именем предсказала падение Трои.

** Non, Monsieur — нет, мсье (*фр.*).

Пока Лизи говорила, перечисляя прежние случаи членовредительства и полукататонии старшей сестры и описывая случившееся этим утром, она слышала мягкий перестук клавиш. Когда сделала паузу, Кассандра ввернула:

— Я понимаю вашу тревогу, миссис Лэндон, но в настоящее время в «Гринлауне» нет свободных мест.

У Лизи упало сердце. Она мгновенно представила себе Аманду в крошечной, размером с чулан, палате в Стивенской мемориальной больнице в Но-Сапе, в запачканном едой больничном халате, уставившуюся сквозь забранное решеткой окно на светофор, который регулировал движение автотранспорта на пересечении 112-го и 19-го шоссе.

— Ох. Я понимаю. Но... вы уверены? Речь идет не о «Медикейд» или ином виде страховки... Я буду платить наличными, знаете ли... — Хватайся за соломинки. Прикидывайся шлангом. Когда другое не помогает, предлагай деньги. — Если это имеет значение, — обреченно добавила она.

— В общем-то нет, миссис Лэндон. — Лизи подумала, что уловила холодок в голосе Кассандры, и надежда на успешный исход сошла на нет. — Это вопрос места и договорных обязательств. Видите ли, у нас только...

Лизи услышала какой-то звук, похожий на «бинг». Примерно такой же издавала ее микроволновая печь-тостер, сообщая, что гренки или буррито готовы.

— Миссис Лэндон, вы можете подождать, не кладя трубку?

— Разумеется, если нужно.

Раздался щелчок, и вновь зазвучал Прозакский* оркестр, на этот раз наигрывающий мелодию «Шафт». Лизи слушала ее с ощущением нереальности, думая о том, что Айзек Хайс**, если бы услышал такое, забрался бы в ванну с пластиковым пакетом на голове. На этот раз ожидание затяну-

* Прозак — популярный в США антидепрессант.

** Хайс Айзек (р. в 1942) — известный американский музыкант и певец. Выше речь идет о его песне «Шафт 2000».

лось, и Лизи начала подозревать, что про нее забыли (видит Бог, такое уже бывало, особенно когда она пыталась купить билеты на самолет или поменять взятый напрокат автомобиль). Дарла спустилась вниз, взглядом спросила: «Что у тебя? Выкладывай!» Лизи покачала головой, отвечая: «Ничего» и «Я не знаю».

В этот момент ужасная, заполняющая паузу музыка смолкла, и на линию вернулась Кассандра. Холодок из голоса исчез напрочь, и впервые Лизи почувствовала, что разговаривает с человеческим существом. Более того, сам голос показался знакомым.

— Миссис Лэндон?

— Да.

— Извините, что заставила вас так долго ждать, но у меня в компьютере метка с указанием связаться с доктором Олбернессом, если позвоните вы или ваш муж. Доктор Олбернесс сейчас в своем кабинете. Разрешите вас переключить?

— Да, — ответила Лизи. *Теперь* она знала, где находится, знала совершенно точно. Знала, что прежде всего доктор Олбернесс принесет ей свои соболезнования, как будто Скотт умер в прошлом месяце или на прошлой неделе. А она поблагодарит его. Более того, если бы доктор Олбернесс пообещал освободить их от доставляющей столько хлопот Аманды и положить ее в свою переполненную клинику, Лизи была бы так счастлива, что встала бы на колени и сделала доброму доктору качественный отсос. От этой мысли дикий смех едва не сорвался с губ Лизи, так что их пришлось крепко сжимать несколько секунд. Поняла Лизи, и почему голос Кассандры вдруг стал столь теплым: так начинали говорить люди, когда внезапно узнавали Скотта, когда до них доходило, что они имеют дело с человеком, фотография которого украшала обложку долбаного «Ньюсуик». И если эта знаменитая личность обнимала кого-то своей знаменитой рукой, та, кого обнимали, то есть она, Лизи, тоже становилась знаменитой, пусть и

по близости к телу. Или, как однажды выразился Скотт, по вливанию.

— Доброе утро, — произнес приятно-грубоватый голос. — Это Хью Олбернесс. Я говорю с миссис Лэндон?

— Да, доктор. — Знаком Лизи предложила Дарле сесть и перестать кружить перед ней. — Я — Лиза Лэндон.

— Миссис Лэндон, позвольте начать с соболезнований по поводу вашей утраты. Ваш муж надписал мне пять своих книг, и теперь они — среди самых дорогих моих сокровищ.

— Спасибо, доктор Олбернесс, — поблагодарила она и, соединив большой и указательный пальцы в кольцо, показала Дарле: «Дело в шляпе». — Я вам очень признательна.

5

Когда Дарла вернулась из женского туалета кафе «Попс», Лизи сказала, что и ей стоит заглянуть туда: до Касл-Вью двадцать миль, а дороги во второй половине дня частенько забиты. Для Дарлы эти двадцать миль стали бы лишь первым этапом. Ей предстояло собрать вещи Аманды (утром они забыли это сделать), отвезти их обратно в «Гринлаун» и, оставив там, вернуться в Касл-Рок. Это означало, что на подъездную дорожку своего дома она могла свернуть лишь где-то в половине девятого, и это при условии, что удача будет благоволить к ней, то есть позволит избежать пробок.

— Перед тем как войдешь, набери полную грудь воздуха и задержи дыхание, — посоветовала Дарла.

— Так воняет?

Дарла пожала плечами, зевнула.

— Я бывала в местах и похуже.

Лизи тоже, особенно в поездках со Скоттом. На сиденье опускаться не стала, зависла задом над унитазом, согнув ноги, облегчилась, спустила воду, помыла руки, протерла влажны-

ми руками лицо, причесалась, потом посмотрела на себя в зеркало.

— Новая женщина, — поведала она своему отражению. — Американская красotka. — И ощерилась, продемонстрировав дорогостоящую работу дантиста, но вот в глазах над этой аллигаторской улыбкой застыло сомнение.

«Мистер Лэндон сказал, если нам будет суждено встретиться, я должен спросить...»

Не нужно об этом, не трогай.

«Я должен спросить вас о том, как Скотт провел медсестру...»

— Только Скотт не никогда не говорил «провел», — сообщила она своему отражению.

Заткнись, маленькая Лизи!

«...как он провел медсестру в тот раз в Нашвилле».

— Скотт сказал — «пробулил». Не так ли?

Во рту опять появился медный вкус, вкус центов и паники. Да, Скотт говорил «пробулил». Само собой. Скотт сказал, что доктор Олбернесс должен спросить Лизи (если когда-нибудь встретится с ней), как Скотт пробулил медсестру в тот раз в Нашвилле, Скотт точно знал, что она получит это сообщение.

Он уже тогда посылал ей сообщения? Он *посылал* даже тогда?

— Оставь это *в покое*, — прошептала она своему отражению и вышла из женского туалета. Как было хорошо, когда этот голос сидел пусть и внутри, но взаперти, а теперь ситуация изменилась. Долгое время он вел себя пристойно, или спал, или соглашался с разумом Лизи, что есть темы, которых не касаются, даже среди различных отображений собственного «Я». К примеру, сказанного медсестрой на следующий день после того, как Скотта подстрелили. Или...

(молчи МОЛЧИ)

того, что случилось

(ЗАТКНИСЬ!)

зимой 1996 года.

(ЗАТКНИСЬ ТЫ НАКОНЕЦ!)

И, о синеглазое чудо, голос заткнулся... но она чувствовала, что он наблюдает и слушает, и боялась.

6

Лизи вышла из женского туалета в тот самый момент, когда Дарла вешала трубку телефона-автомата.

— Я позвонила в мотель напротив клиники. Вроде бы он выглядел чистеньким, и я забронировала номер на ночь. В-первых, не хочу снова ехать в Касл-Вью, а во-вторых, смогу увидеть Анду завтра утром. Для этого нужно будет лишь перейти дорогу. — Предчувствие дурного, которое читалось на лице Дарлы; когда она посмотрела на младшую сестру, Лизи нашла довольно-таки сюрреалистичным, учитывая долгие годы, в течение которых она слушала, как Дарла вещает жестким, пленных-не-берем тоном. — Ты считаешь, это глупо?

— Я считаю это отличной идеей. — Она сжала руку старшей сестры, и от улыбки облегчения, осветившей лицо Дарлы, у нее чуть отлегло от сердца. Она подумала: «Деньги делают и это. Превращают тебя в самого умного. Превращают в босса». — Пошли, Дарл... Я сяду за руль, не возражаешь?

— Меня это устроит. — И она последовала за младшей сестрой в еще далеко не закончившийся день.

7

В Касл-Вью они добирались долго, как и опасалась Лизи. Оказались позади огромного, под завязку нагруженного бревнами лесовоза, а холмы и повороты не давали возможности

обогнать его. Единственное, что могла сделать Лизи, так это отстать, чтобы не глотать выхлопные газы этого монстра. Зато у нее появилось время обдумать события текущего дня, и хоть в этом ей повезло.

Разговор с доктором Олбернессом напоминал появление на бейсбольной игре во второй половине четвертого иннинга, но в этом она не нашла для себя ничего нового: игра в прятки всегда была одной из составляющих жизни со Скоттом. Она помнила день, когда приехал мебельный фургон из Портленда, привез секционный диван стоимостью в две тысячи долларов. Скотт был в кабинете, работал, как всегда, под оглушающую музыку (она слышала, как Стив Эрл* пел «Город гитар», несмотря на всю звукоизоляцию), и если бы она прервала его, то, по мнению Лизи, причинила бы своим ушам травму еще на две тысячи долларов. По словам грузчиков, «мистер» сказал им, что она покажет, куда ставить новый диван. Лизи тут же распорядилась вынести диван из гостиной (очень даже приличный диван) в амбар, а на его место поставить новый. По крайней мере цвет обивки не выпадал из общей цветовой гаммы гостиной. Она знала, что никогда не обсуждала со Скоттом покупку нового дивана, секционного или нет. Знала и другое: Скотт мог заявить (и яростно отстаивать свои слова), что *обсуждала*. И Лизи не сомневалась, что он действительно обсуждал с ней эту покупку, но лишь у себя в голове; нередко он забывал озвучивать эти дискуссии. Собственную забывчивость Скотт довел до совершенства.

Его ленч с Хью Олбернессом мог быть одним из примеров этой самой забывчивости. Он наверняка собирался рассказать Лизи об этом ленче со всеми подробностями, и если бы шесть месяцев или год спустя вы бы задали ему соответствующий вопрос, он бы ответил, что да, он ей все рассказал: «Ленч с Олбернессом? Конечно, в тот же вечер ввел ее в курс

* Эрл Стив (р. в 1955 г.) — известный американский певец, композитор, гитарист.

дела»: А на самом деле в тот вечер он поднялся в свой кабинет, поставил новый компакт-диск Дилана и написал рассказ.

А может, на этот раз все было по-другому: Скотт не просто забыл (как однажды он забыл об их свидании, как забыл рассказать о предельно долбаном детстве), но спрятал ключи к разгадке, чтобы она нашла их после его смерти, которую он предвидел, — выстраивал то, что он сам назвал бы «станции була».

В любом случае со Скоттом Лизи уже попадала в аналогичное положение, поэтому из телефонного разговора вышла с честью, говоря в нужных местах: «Да, да», «Ну конечно», «Вы знаете, я об этом забыла».

После того как Аманда весной 2001 года попыталась вырезать себе пупок, а потом на неделю впала в состояние, которое ее мозгоправ назвала «полукататонией», семья обсуждала возможность отправить ее в «Гринлаун» (или какую-нибудь другую психиатрическую клинику) во время затянувшегося воскресного обеда (Лизи запомнила его очень хорошо), где бурлили эмоции, а иногда и злоба. Она также запомнила, что Скотт большую часть дискуссии молчал, да и ел без всякого аппетита. Когда же разговор подходил к концу, сказал, что он, если никто не возражает, возьмет в «Гринлауне» рекламные буклеты и брошюры, чтобы они могли посмотреть, о чем речь.

— Тебя послушать, так это прямо-таки отпускной круиз, — ответила (и, как показалось Лизи, излишне резко) Кантата.

Скотт пожал плечами, вспоминала Лизи, следуя за чадыщим лесовозом мимо пробитого пулей рекламного щита «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОКРУГ КАСА».

«Она же сейчас в отъезде, все так, — пояснил тогда Скотт. — И, возможно, очень важно, чтобы кто-то показал ей путь домой, пока она еще хочет вернуться».

Муж Канти на это только фыркнул. Тот факт, что Скотт заработал миллионы на своих книгах, не изменил мнения

Ричарда: он считал Скотта оторванным от жизни мечтателем. А когда Рич что-то изрекал, Канти Лоулор обязательно его поддерживала. Лизи, конечно же, и в голову не пришло сказать им, что Скотт знает, о чем говорит, но теперь она подумала, что в тот день тоже съела за обедом не так чтобы много.

В любом случае Скотт привез домой из «Гринлауна» несколько брошюр и буклетов. Лизи помнила, как они лежали на одном из столиков на кухне. Один буклет, с фотографией большого особняка, очень похожего на тот, что был в поместье «Тара» в фильме «Унесенные ветром», назывался «Психические болезни, ваша семья и вы». Но она не помнила продолжения дискуссии о «Гринлауне», да и откуда? Как только Аманда вышла из «полукататонии», она начала быстро поправляться. И Скотт точно не упомянул про ленч с доктором Олбернессом в октябре 2001 года, через несколько месяцев после того, как Аманда вернулась в состояние, которое считалось для нее нормой.

Согласно доктору Олбернессу (это Лизи узнала по телефону, перемежая его рассказ своими «да, да», «ну конечно», «вы знаете, я об этом забыла»), Скотт за ленчем поделился своей озабоченностью тем, что Аманду Дебушер в будущем ждет куда более серьезный приступ, который, возможно, оторвет ее от реальности на всю оставшуюся жизнь, и, прочитав буклеты и совершив с добрым доктором экскурсию по территории, он пришел к выводу, что «Гринлаун» — идеальное для нее место, если такое случится. Лизи несколько не удивило, что после одного ленча и пяти подписанных книг доктор Олбернесс заверил Скотта, что для сестры его жены в «Гринлауне» всегда найдется место, если возникнет такая необходимость. А чего удивляться, если она многие годы видела, как его слава действует на некоторых людей.

Лизи потянулась к радиоприемнику, чтобы найти громкое кантри (еще одна дурная привычка, которую она переняла у Скотта в последние несколько лет его жизни, да так и не

смогла от нее избавиться), потом посмотрела на Дарлу и увидела, что сестра спит, привалившись головой к боковому стеклу. Да, не лучшее время для того, чтобы слушать Крикуна Дженнинга или «Биг-и-Рич»*. Вздохнув, Лизи убрала руку.

8

Доктору Олбернессу хотелось во всех подробностях вспомнить свой ленч с великим Скоттом Лэндоном, а Лизи не собиралась ему мешать, несмотря на нетерпеливые жесты-сигналы Дарлы: «Не можешь ли ты его поторопить?»

Наверное, Лизи и могла, но полагала, что спешка только помешает успешному разрешению стоящей перед ними проблемы. А кроме того, ее разбирало любопытство. Она испытывала информационный голод. Жаждала услышать новое о Скотте. Собственно, слушая рассказ доктора Олбернесса, она словно копалась в фотографиях, запрятанных в теле книгозмеи, улегшейся у стены в рабочих апартаментах. Она не знала, являются ли воспоминания доктора Олбернесса одной из Скоттовых «станций була» (подозревала, что нет), но воспоминания эти вызывали у нее гложущую боль. Это все, что осталось от горя через два года? Давящая грусть?

Сначала Скотт позвонил Олбернессу по телефону. Знал ли он заранее, что доктор — рьяный почитатель его таланта, или так уж совпало? Лизи не верила, что это совпадение, иначе оно было слишком уж удачным, но если Скотт знал, то как ему удалось это выяснить? Она не могла выбрать момент, чтобы задать такой вопрос, не нарушив при этом плавность потока воспоминаний доброго доктора, а нарушать не хотелось, да и какое это теперь имело значение? В любом случае Олбернесс был польщен звонком Скотта (есть такая присказка, «радос-

* Крикун Дженнингс — современный американский кантри-певец. «Биг-и-Рич» — современная кантри-группа из Техаса.

ти полные штаны», здесь очень даже уместная), с готовностью ответил на все вопросы, касающиеся сестры жены, а уж приглашение на ленч привело его в полный восторг. «Вы не будете возражать, если я захвачу с собой несколько ваших книг, чтобы вы на них расписались?» — спросил доктор Олбернесс. «Не только не буду возражать, но и с радостью это сделаю», — заверил его Скотт.

Олбернесс привез свои любимые романы, Скотт — историю болезни Аманды, что привело Лизи (она находилась уже менее чем в миле от кейп-кода Аманды) еще к одному вопросу: где Скотт взял историю болезни? Очаровал Аманду, чтобы она вручила ему эти бумаги? Или очаровал Джейн Уитлоу, мозгоправа с бусами? Или очаровал их обеих? Лизи знала, что такое возможно. Способность Скотта очаровывать не была универсальной (доказательство тому — Дэшмайл, этот южанин-трусость), но многие люди ей поддавались. Конечно же, Аманда чувствовала идущее от него обаяние, хотя, и Лизи в этом не сомневалась, не доверяла ему полностью (Анда прочитала все его книги, даже «Голодных дьяволов», после которой, по ее словам, неделю спала при включенном свете). На счет Джейн Уитлоу Лизи ничего сказать не могла.

Но вопрос «Как Скотт добыл историю болезни Аманды?» остался без ответа. Тут Лизи не могла утолить свое любопытство. И ей пришлось удовлетвориться осознанием того, что он эту историю добыл, а доктор Олбернесс с готовностью ее изучил и подтвердил вывод Скотта: в будущем Аманду Дебушер ждали более серьезные неприятности. И в какой-то момент (скорее всего задолго до того, как они покончили с десертом) Олбернесс пообещал своему любимому писателю, что обязательно найдет в «Гринлауне» место для мисс Дебушер, если подтвердятся их худшие опасения.

— Если бы вы знали, как я вам за это признательна, — поблагодарила его Лизи и теперь, второй раз за день сворачивая на подъездную дорожку к дому Аманды, задалась воп-

росом: а в какой момент доктор спросил Скотта, откуда тот черпает свои идеи? В начале ленча или в конце? Под закуску или с кофе?

— Просыпайся, дорогая Дарла. — Она заглушила двигатель. — Мы приехали.

Дарла выпрямилась, посмотрела на дом Аманды.

— Ох, дерьмо, — вырвалось у нее.

Лизи расхохоталась. Ничего не могла с собой поделывать.

9

Сбор вещей Анды для обеих оказался неожиданно печальным занятием. Чемоданы они нашли в клетушке третьего этажа, которая служила чердаком. Два чемодана «Самсонит», видавшие виды, с наклейками авиакомпании «МИА», оставшимися после ее путешествия во Флориду. И когда она летала ж Джодоте? Семь лет назад?

«Нет, — подумала Лизи. — Десять». С грустью посмотрела на оба чемодана, выбрала тот, что побольше.

— Может, нам стоит взять оба? — В голосе Дарлы слышалось сомнение. Она вытерла лицо. — Уф! Наверху жарко!

— Давай ограничимся большим, — ответила Лизи, едва не добавив, что вряд ли Аманде удастся в этом году пойти на бал кататоников, но успела прикусить язычок. Одного взгляда на потное усталое лицо Дарлы хватило, чтобы понять: шутки сейчас абсолютно не ко времени. — Места для вещей на неделю в чемодане хватит. Она же не будет много гулять. Помнишь, что сказал врач?

Дарла кивнула, вновь вытерла лицо.

— В основном будет находиться в своей комнате, во всяком случае, в первое время.

В обычных обстоятельствах из «Гринлауна» прислали бы психиатров, чтобы осмотреть Аманду на месте, но, спасибо

Скотту, Олбернесс располагал всей необходимой информацией. Узнав, что доктор Уайтлоу отбыла, а Аманда не может ходить (не может и всего остального), он сказал Лизи, что прийдет из «Гринлауна» перевозку. Подчеркнул, что никаких красных крестов на ней нет. С виду — стандартный микроавтобус. Лизи и Дарла последовали за ним в «BMW» Лизи, и обе испытывали безмерное чувство благодарности: Дарла — к доктору Олбернессу, Лизи — к Скотту. Потом последовал долгий осмотр (сорок минут, казалось, растянулись на два часа), и его результаты были неутешительными. Какая-то часть Лизи хотела сосредоточиться на том, о чем прямо сейчас упомянула Дарла: большую половину первой недели Аманда проведет под пристальным наблюдением персонала, в своей комнате или на маленькой террасе, если удастся убедить ее перейти туда. Она даже не будет посещать комнату отдыха, расположенную в конце коридора, если только ее состояние внезапно и кардинальным образом не изменится к лучшему. «Этого я не ожидаю, — сказал им доктор Олбернесс. — Такое случается, но редко. Я сторонник того, чтобы говорить правду, леди, а правда состоит в том, что мисс Дебушер, вероятно, предстоит долгий путь к выздоровлению».

— А кроме того, — Лизи все рассматривала большой чемодан, — я хочу купить ей новые чемоданы. Эти свое отслужили.

— Позволь я их куплю. — От волнения у Дарлы сел голос. — Ты так много делаешь, Лизи. Дорогая маленькая Лизи. — Она взяла руку Лизи, поднесла к губам, поцеловала.

Лизи изумилась... была шокирована. Она и Дарла уже забыли свои давние ссоры, но такое проявление любви... очень уж не похоже на ее старшую сестру.

— Ты действительно хочешь их купить, Дарла?

Она энергично закивала, хотела что-то сказать, ограничилась тем, что опять вытерла лицо.

— Ты в порядке?

Дарла уже начала кивать, потом покачала головой.

— Новые чемоданы! — воскликнула она. — Классная шутка! Ты думаешь, ей когда-нибудь понадобятся новые чемоданы? Ты слышала, что он сказал: нулевая реакция на постукивание, пощипывание, укол иглой. Ты знаешь, как медсестры называют таких пациентов, они называют их *овощами*, и я плевать хотела на то, что он говорит о терапии и чудо-препаратах. Если она придет в себя, это будет синеглазое чудо.

«Как говорится», — подумала Лизи и улыбнулась... но только про себя, где улыбка не могла вызвать осуждения. Она повела уставшую, чуть заплаканную сестру вниз по крутой короткой лестнице, прочь из чердачной жары. Потом, вместо того чтобы сказать ей, что «пока есть жизнь — есть надежда», или «пусть улыбка станет твоим зонтиком», или «темнее всего бывает перед рассветом», или насчет чего-то такого, что только-только вывалилось из собачьей жопы, просто обняла ее. Потому что иногда нет ничего лучше объятий. И это среди прочего она узнала от мужчины, чья фамилия стала ее собственной... что иногда лучше всего молчать, просто закрыть свой вечно назойливый рот и молчать, молчать, молчать.

10

Лизи вновь спросила Дарлу, не составить ли ей компанию в поездке в «Гринлаун», и Дарла покачала головой. У нее есть кассеты со старым романом Майка Нунэна*, сказала она, а теперь будет шанс их прослушать. К тому времени она уже умылась в ванной Аманды, подкрасилась, завязала волосы на затылке. Выглядела она хорошо, а Лизи по собственному опыту знала: насколько хорошо выглядит женщина, настолько хорошо она себя и чувствует. Поэтому легонько сжала руку

* Майк Нунэн — писатель, герой романа С. Кинга «Мешок с костями».

Дарлы, наказала ехать осторожно и провожала взглядом, пока автомобиль не скрылся из виду. Потом неспешно прошла по дому Аманды, обошла его снаружи, убедилась, что все заперто: окна, двери, подвал, гараж. Оставила два гаражных окна приоткрытыми, чтобы стравливать жар. Этому тоже научил ее Скотт. А сам научился от отца, восхитительного Спарки Лэндона... который также научил его читать (в два года), считать (на маленькой грифельной доске, которая стояла на кухне рядом с плитой), прыгать с лавки с криком «Джеронимо!»... и, разумеется, кровь-булам.

Станции була... я полагаю, все равно что стояния Крестного пути.*

Он говорит это и смеется. Это нервный смех, смех с оглядкой. Смех ребенка над похабным анекдотом.

— Да, именно так, — бормочет Лизи и дрожит всем телом, несмотря на послеполуденную жару. Давние воспоминания продолжают вырываться на поверхность настоящего, и это тревожит. Такое ощущение, что прошлое и не умирало, словно на каком-то уровне великой башни времени все это продолжает происходить.

Нехорошо так думать, такие мысли приведут тебя в гиблое место.

— Я в этом не сомневаюсь. — Лизи громко, нервно рассмеялась. Она направлялась к своему автомобилю со связкой ключей Аманды (на удивление тяжелой, тяжелее ее связки ключей, хотя дом у Лизи гораздо больше) на указательном пальце правой руки, ощущая, что она уже в гиблом месте. Аманда в дурдоме — это только начало. Есть еще «Зак Маккул» и этот отвратительный инкунк профессор Вудбоди. События последнего дня заставили ее забыть об этой парочке, но это не значит, что они перестали существовать. Лизи слишком устала, чтобы браться за Вудбоди прямо сегодня вечером,

* Стояния Крестного пути — места, где останавливался Иисус, когда нес крест, поднимаясь на Голгофу.

чтобы отыскать его логово... но все равно ей лучше этим заняться..., хотя бы потому, что ее телефонный дружок «Зак» говорил так, будто действительно мог представлять собой опасность.

Она села в автомобиль, положила ключи большой сиссы Анди-Банни в «бардачок», задним ходом выехала с подъездной дорожки. Когда она это делала, лучи опускающегося солнца отразились от чего-то на заднем сиденье, послав зайчики на крышу. Удивленная Лизи нажала на педаль тормоза, оглянулась... и увидела серебряную лопату. «НАЧАЛО, БИБЛИОТЕКА ШИЛМАНА». Лизи протянула руку, коснулась деревянного черенка и почувствовала, что немного успокаивается. Подъехав к самой дороге, посмотрела направо, налево, не увидела ничего движущегося, выехала на первую полосу. Миссис Джонс, которая сидела на крыльце своего дома, помахала ей рукой. Лизи ответила тем же. Потом вновь просунула руку между двумя передними сиденьями «BMW», чтобы еще раз коснуться черенка.

11

Если быть честной с собой, подумала она в начале короткой поездки домой, нужно признать, что возвращение этих давних воспоминаний (в том смысле, что они возвратились снова, возвратились сейчас) напугало ее гораздо сильнее, чем то, что случилось — или не случилось — в кровати Аманды перед рассветом. Вот это она как раз могла отместить (ну... почти), счесть проделкой озабоченного сознания на пороге пробуждения. Но она уже долгое время не думала о Герде Аллене Коуле, а если бы кто спросил, как звали отца Скотта и где он работал, ответила бы, что не помнит этого.

— «Ю.С. Гипсам», — сказала она. — Только Спарки называл ее «Ю.С. Гиппам», — а потом почти что прорычала, тихо

и яростно: — А теперь прекрати. Этого достаточно. Остановись.

Но могла ли она? Это вопрос. *Важный* вопрос, потому что ее муж не был единственным человеком, который поглубже запрятывал некие болезненные и пугающие воспоминания. Она разделила ментальным занавесом «ЛИЗИ ТЕПЕРЬ» и «ЛИЗИ! РАННИЕ ГОДЫ» и всегда думала, что занавес этот крепкий и прочный, но сегодня у нее возникли сомнения. Конечно же, в нем были дыры, заглянув в которые, она рисковала увидеть нечто такое, в пурпурной дымке, чего видеть совсем не хотелось. Лучше на это не смотреть, точно так же, как лучше не смотреть на себя в зеркало после наступления темноты, если только в комнате не горят все лампы, или не есть

(ночная еда)

апельсин или клубнику после захода солнца. Некоторые воспоминания нормальные, но другие опасны. Так что оптимальный вариант — жить в настоящем. Потому что если ты ухватишься не за то воспоминание, то можешь...

— Можешь — что? — спросила себя Лизи злобным, дрогнувшим голосом, а потом без запинки ответила: — Я не хочу этого знать.

Из заходящего солнца на встречной полосе появился «ПТ Крузер», и водитель помахал ей рукой. Она ответила тем же, хотя не могла вспомнить ни одного знакомого с «ПТ Крузером». Это не имело значения. Здесь, в глубинке, ты всегда отвечаешь на приветствие, таковы правила хорошего тона. Да и потом, сделала она это автоматически, думая совсем о другом. Не могла она позволить себе отказать от всех воспоминаний только потому, что

(Скотт в кресле-качалке, лицо — огромные глаза, а снаружи завывает ветер, жуткий ветер, рвущий все на своем пути, долетевший из Йеллоунайфа)

на некоторые не могла смотреть. И не все они терялись в пурпуре; некоторые, упрятанные в собственную ментальную

книгозмею; были очень даже доступны. Эти булы, к примеру. Скотт однажды выдал ей полную информацию по булам, не так ли?

— Да, — согласилась она и отвернула козырек, чтобы лучи опускающегося солнца не били в глаза. — В Нью-Гэмпшире. За месяц до нашей свадьбы. Но я не помню точно, где именно.

Отель назывался «Оленьи рога».

Ладно, хорошо, большое дело. «Оленьи рога». И Скотт говорил, что это их ранний медовый месяц или что-то в этом роде...

Предсвадебный медовый месяц. Он называет это «их предсвадебный медовый месяц». Говорит: «Давай, любимая, собери вещи и вперед».

— А когда любимая спросила, куда они едут... — бормочет она.

А когда Лизи спрашивает, куда они едут, он отвечает: «Мы узнаем, когда попадем туда». И они узнали. К тому времени небо белеет, по радио обещают снег, и это невероятно, потому что листва еще на деревьях и только начинает менять цвет с...

Они приехали туда, чтобы отпраздновать подписание договора на выпуск в формате «пocketбук» «Голодных дьяволов», романа-«ужастика», который первым из произведений Скотта Лэндона попал в список бестселлеров и озолотил их. Как выяснилось, они были единственными гостями. И действительно, их приезд ознаменовался столь необычным для ранней осени снегопадом. В субботу они надели снегоступы, проложили первую цепочку следов в лес и сели под

(конфетным деревом)

деревом, особым деревом, он закурил и сказал, что должен сообщить ей кое-что очень важное, и если потом она передумает выходить за него замуж, он огорчится... черт, у него разобьется долбаное сердце, но...

Лизи резко свернула на обочину шоссе 17, подняв облако пыли, и остановилась. Дневного света еще хватало, но он менялся — медленно, но верно переходил в тот удивительный июньский вечерний свет, свойственный только Новой Англии, который большинство взрослых, родившихся к северу от Массачусетса, прекрасно помнят по своему детству.

Я не хочу возвращаться к «Оленьим рогам» и тому уик-энду. Ни к снегу, который казался волшебным, ни к конфетному дереву, под которым мы съели сэндвичи и выпили вино, ни к кровати, которую мы делили в ту ночь, ни к историям, которые он тогда рассказал, — скамьи, булы, чокнутые отцы. Я боюсь, как бы мои воспоминания не привели меня к тому, чего я не решаюсь увидеть вновь. Пожалуйста, не надо больше.

До Лизи вдруг дошло, что она повторяет вслух снова и снова: «Не надо больше. Не надо больше. Не надо больше».

Но она охотилась на була и, возможно, опоздала с тем, чтобы просить: «Не надо больше». Согласно существу, которое этим утром оказалось с ней в одной постели, она уже нашла первые три станции. Еще несколько, и она сможет потребовать приз. Иногда это шоколадный батончик! Иногда напиток — «кока» или «Ар-си»! Всегда карточка со словами: «**БУЛ! Конец!**»

«Я оставил тебе бул», — сказало существо в ночной рубашке Аманды... и теперь, когда солнце скатывалось к горизонту, ей вновь с трудом верилось, что в кровати рядом с ней лежала Аманда. Или только Аманда.

Кровь-бул идет к тебе.

— Но сначала *хороший* бул, — пробормотала Лизи. — Еще несколько станций, и я получу мой приз. Напиток. Мне, пожалуйста, двойную порцию виски. — Она рассмеялась, со стороны смех мог показаться безумным. — Но если станции уходят за пурпур, каким образом бул может оказаться хорошим? Я *не хочу* идти за пурпур.

Ее *воспоминания* — станции була? Если да, то она могла насчитать три очень ярких за последние двадцать четыре часа:

схватка с безумцем, коленопреклонение у Скотта, лежащего на раскаленном асфальте, лицемерие его, выходящего из темноты с окровавленной рукой, которую он протягивал ей, как подарок...

Это бул, Лизи! Не просто бул, а кровь-бул!

Лежа на асфальте, он сказал ей, что его длинный мальчик (тварь с бесконечным пегим боком) очень близко. *«Я ее не вижу, но слышу, как она закусывает».*

— Я больше не хочу думать об этом! — услышала она свой крик, только голос ее доносился издалека, с другого берега огромного залива, и внезапно реальный мир стал тонким, как корочка льда. Или превратился в зеркало, в которое она не решалась смотреть дольше чем секунду-другую.

Я могу так ее позвать. Она придет.

Сидя за рулем «BMW», Лизи подумала о том, как ее муж просил лед, как лед появился (практически чудом), и закрыла лицо руками. Импровизация была коньком Скотта, не Лизи но, когда доктор Олбернесс спросил о медсестре в Нашвилле, Лизи прыгнула выше головы, сочинив байку о том, как Скотт задержал дыхание и открыл глаза (другими словами, прикинулся мертвым), и Олбернесс смеялся так, будто никогда не слышал ничего более забавного. Смех этот не заставил Лизи завидовать тем, кто работал под его началом, но по крайней мере в результате она уехала из «Гринлауна» и очутилась здесь, на обочине сельского шоссе, с воспоминаниями, которые носились вокруг, лая, как голодные собаки, и рвали пурпурный занавес... ненавистный и столь дорогой ей пурпурный занавес.

— Я заблудилась. — Она опустила руки. Жалко рассмеялась. — Заблудилась в густом долбаном лесу.

Нет, я думаю, самый густой, самый темный лес еще впереди... там, где стволы деревьев толстые, их запах сладкий и прошлое еще настоящее. Всегда настоящее. Помнишь, как ты последовала за ним в тот день? Как последовала за ним в лес по непривычному октябрьскому снегу?

Разумеется, она помнила. Он шел первым, а она старалась идти по следам своего сложного, многогранного молодого человека. И это так похоже на происходящее сейчас, не так ли? Только если она собирается продолжать в том же духе, сначала ей нужно кое-что еще. Еще один «кусочек» воспоминаний.

Лизи включила передачу, посмотрела в зеркало заднего вида, убедилась, что на шоссе никого нет, развернулась и поехала обратно, выжимая из мотора «BMW» все его лошадиные силы.

12

Нареш Патель, хозяин «Пательс маркет», находился в магазине, когда Лизи вошла в торговый зал в самом начале шестого часа этого долгого, долгого четверга. Он сидел на стуле за кассовым аппаратом, ел карри из курицы и наблюдал, как Шейна Твейн танцует на местном музыкальном телеканале. Он отставил тарелку и поднялся навстречу Лизи. Его футболку украшала надпись:

Я ♥ ОЗЕРО «ЧЕРНЫЙ СЛЕД»

— Пачку «Салем лайтс», пожалуйста, — попросила Лизи. — Знаете, лучше две.

Мистер Патель работал в магазине (сперва у отца в Нью-Джерси, потом в своем собственном) почти сорок лет и прекрасно знал, что лучше ничего не говорить ни трезвенникам, которые вдруг требуют спиртное, ни некурящим, которые внезапно покупают сигареты. Просто нашел желаемую дамой отраву на одной из полок (выбор предлагался богатый) и сказал, какой прекрасный выдался день. Прикинулся, что не заметил шока, отразившегося на лице миссис Лэндон, когда та узнала, сколько стоит эта самая отравка. Что лишний раз го-

ворило о длительности ее периода воздержания от курения. По крайней мере она хотя бы могла позволить себе такую покупку; у мистера Пателя были покупатели, которые брали сигареты, оставляя детей голодными.

— Спасибо, — поблагодарила Лизи.

— Здесь вам всегда рады, пожалуйста, заходите еще, — ответил мистер Патель и вернулся на стул, чтобы посмотреть, как Даррил Уорли поет «Ужасная прекрасная жизнь». Нравилась ему эта песня.

13

Лизи припарковала автомобиль позади магазина, чтобы не мешать подъезду к бензоколонкам (их было четырнадцать, на семи бетонных «островках»), и, едва сев за руль, завела двигатель, чтобы опустить стекло. Тут же включился ХР-радиоприемник* под приборным щитком (как бы Скотту понравились все эти музыкальные каналы!). Настроен он был на программу «Пятидесятые», и Лизи особенно не удивилась, услышав «Ш-Бум». Исполняла песню, однако, не группа «Кордс», а квартет, который Скотт называл «Четыре белых мальчика». Это по трезвости. Если был пьян, то «Четверо симпатичных хонки**».

Она открыла одну из пачек, сунула «Салем лайт» между губами впервые за... когда она в последний раз сходила с пути праведного? Пять лет назад? Семь? Когда прикуриватель «BMW» выпрыгнул из гнезда, она поднесла раскаленный торец к сигарете и осторожно вдохнула сдобренный ментолом дым. Тут же выкашляла его, глаза наполнились слезами. Попыталась затянуться снова. Пошло лучше, но закружилась голо-

* ХР-радио — спутниковое радио с множеством музыкальных каналов. Радио платное, по подписке, поэтому реклама отсутствует.

** Хонки — пренебрежительное прозвище белых.

ва. Третья затыжка. Никакого кашля, но ощущение такое, будто вот-вот потеряешь сознание. Если бы она упала на рулевое колесо, загудел бы клаксон, и мистер Патель выскочил бы из магазина, чтобы посмотреть, что происходит. Может, не позволил бы ей сгореть заживо в автомобиле.

И как тогда следовало определить ее смерть: жертвоприношение или казнь путем выбрасывания из окна? Скотт бы знал, точно так же, как знал, кто записал черную версию «Ш-Бум» («Кордс») и кому принадлежала бильярдная в фильме «Последний киносеанс» — Сэму Льву.

Но Скотт, «Кордс» и Сэм Лев ушли.

Она затушила сигарету в девственно чистую пепельницу. Не смогла вспомнить название мотеля в Нашвилле, того самого, куда вернулась, когда в конце концов уехала из больницы («Да, вернулась, как пьяница к своему вину, а пес — к своей кости», — услышала в голове голос Скотта), только портье дал ей паршивый номер с окном, выходящим на дощатый забор. А за этим забором, похоже, собрались все собаки Нашвилла, и лаяли, лаяли, лаяли. В сравнении с этими собаками давешний Плутон смотрелся маленьким щенком. Она легла на одну из двuspальных кроватей, зная, что ей не уснуть, что всякий раз, засыпая, она будет видеть Блонди, поворачивающего ствол маленького блядского револьвера к сердцу Скотта, будет слышать, как Блонди говорит: «Я должен положить конец всему этому динг-донгу ради фрезий», — и широко раскрывать глаза, забыв про сон. Но, вероятно, она все-таки уснула и проспала достаточно долго, чтобы набраться сил на следующий день (три часа, может, четыре), и как ей удалось совершить этот выдающийся подвиг? С помощью серебряной лопаты, вот как. Она положила ее на пол рядом с кроватью, где могла дотянуться до нее и потрогать всякий раз, когда начинала думать, что не успеет, что слишком медлительна. Или что Скотту ночью станет хуже. И об этом она не вспоминала все последующие годы. Лизи просунула руку между передними

сиденьями, коснулась лопаты. Прикурила новую сигарету свободной рукой и заставила себя вспомнить, как пошла проведать его следующим утром, поднявшись по лестнице на третий этаж, в отделение интенсивной терапии, в уже удушающей жаре, потому что на обоих лифтах в этой части больницы висела табличка «НЕ РАБОТАЕТ». Подумала о том, что произошло, когда она подходила к палате Скотта. Глупость, конечно, одно из тех происшествий...

14

Это одно из тех происшествий, какие пугают живых до смерти совершенно непреднамеренно. Лизи идет по коридору от лестницы в его конце, а медсестра выходит из палаты 319 с подносом в руках, оглядываясь через плечо на раскрытую дверь, с нахмуренным лицом. Лизи здоровается с медсестрой (которой не больше двадцати трех лет, а выглядит она еще моложе), чтобы сообщить ей о своем приходе. Здоровается тихонько, маленькая Лизи не из тех, кто гаркает, но медсестра вдруг пронзительно вскрикивает и роняет поднос. Тарелка и кофейная чашка падение выдерживают — эта посуда небьющаяся, как в кафетерии, но обычный стеклянный стакан из-под сока разбивается, осколки и остатки сока разлетаются по линолеуму и ранее идеально белым туфлям медсестры. Глаза ее широко раскрываются, совсем как у оленя, вываченного из темноты фарами, на мгновение у нее появляется желание сорваться с места и бежать со всех ног, но потом она берет себя в руки и объясняет: «Ой, извините, вы меня напугали». Она приседает — подол юбки задирается, открывая обтянутые белыми чулочками колени, — и ставит на поднос тарелку и чашку. Потом быстро и при этом осторожно начинает собирать осколки стакана. Лизи пристраивается рядом, помогает ей.

— Нет, мэм, я сама справлюсь, — говорит медсестра с сильным южным выговором. — Это целиком моя вина. Я не смотрела, куда иду.

— Все нормально, — отвечает Лизи. Ей удается опередить молодую медсестру и положить на поднос несколько осколков. Потом салфеткой начинает вытирать разлившийся сок. — Это поднос с завтраком моего мужа. Я бы чувствовала себя виноватой, если бы не помогла.

Медсестра как-то странно смотрит на нее: к взгляду «Так это ты замужем за ним?» Лизи более-менее уже привыкла, но это несколько иной взгляд. Потом вновь смотрит на пол в поисках осколков, которые еще не успела собрать.

— Он поел, не так ли? — улыбаясь, спрашивает Лизи.

— Да, мэм. Поел очень хорошо, учитывая, что ему пришлось пережить. Полчашки кофе, больше ему не разрешили, яичницу, апельсиновый сок, фруктовое желе, съел целую вазочку. Сок не допил. Как видите. — Она поднимается с подносом в руках. — Я принесу бумажные полотенца с сестринского поста и уберу остальное.

Молодая медсестра колеблется, потом с ее губ срывается нервный смешок.

— Ваш муж еще и фокусник, не так ли?

Без всякой на то причины Лизи думает: *СОВИСА*. Но только улыбается и говорит:

— Фокусов у него целый мешок. Что у здорового, что у больного. Какой он показал вам?

И из глубин памяти всплывает ночь первого була, когда она, окончательно не проснувшись, направилась в ванную квартиры в Кливс-Миллс, говоря: «Скотт, поторопись...» Говоря потому, что знала: он должен быть там, поскольку в кровати его точно не было.

— Я вошла в палату, чтобы посмотреть, как он, — говорит медсестра, — но я могу поклясться, что кровать была пуста. Я хочу сказать, стойка под капельницу на месте, емкости с раствором тоже, но... Я подумала, что он вытащил иглу и пошел

в ванную. Пациенты иногда ведут себя так странно, чего только не делают, когда отходят от наркоза.

Лизи кивает, надеясь, что на лице у нее вежливая выжидательная улыбка. Которая говорит: «Я слышала эту историю раньше, но готова слушать еще и еще».

— Тогда я пошла в ванную, а там никого. Я обернулась и...

— Он на кровати, — заканчивает за нее Лизи. Говорит мягко, всё с той же улыбкой. — Гопля, абракадабра. — А думает: «Бул, конец».

— Да, как вы узнали?

— Ну, — Лизи все улыбается, — Скотт умеет сливаться с тем, что его окружает.

Вроде бы исключительно дурацкое объяснение (ложь человека со слабым воображением), но это не так. Потому что совсем это не ложь. Она постоянно теряет его в супермаркетах или универмагах (местах, где его по каким-то причинам практически никогда не узнают) и однажды полчаса охотилась за ним в библиотеке университета Мэна, пока не нашла в зале периодики, куда до того заглядывала дважды. Когда она отчитывала Скотта (заставил искать себя в таком месте, где она не могла повысить голос, чтобы позвать его), он пожал плечами и отверг все обвинения, утверждая, что все время был в зале периодики, просматривал новые номера поэтических журналов. И у нее, между прочим, не возникло и мысли, что он говорит не всю правду или уж тем более врет. Просто она каким-то образом... проглядела его.

Медсестра улыбается и говорит ей:

— Именно это Скотт и сказал — что он сливается с тем, что окружает его. — Тут девушка краснеет. — Он попросил нас называть его Скотт. Прямо-таки потребовал. Надеюсь, вы не возражаете, миссис Лэндон. — У этой юной южанки «миссис» превращается в «миз», но ее выговор совершенно не нервирует Лизи в отличие от случая с Дэшмайлом.

— Отнюдь. Он требует этого от всех девушек, особенно симпатичных.

Медсестра улыбается и краснеет еще сильнее.

— Он сказал, что видел, как я вошла и посмотрела прямо на него. И сказал что-то вроде: «Я всегда был одним из самых белокожих белых людей, а после того как потерял столько крови, должно быть, вошел в первую десятку».

Лизи вежливо смеется, но у нее начинается жечь желудок.

— Разумеется, с белыми простынями и его белой пижамой... — Молодая медсестра начинает успокаиваться. Она *хочет* поверить, и Лизи не сомневается, что она верила, когда Скотт ей все это рассказывал и смотрел на нее яркими карими глазами, но теперь начинает понимать абсурдность только что сказанного.

Лизи спешит ей на помощь.

— А еще он умест замирать, — говорит она, хотя Скотт — один из тех, кто пребывает в постоянном движении. Даже читая книгу, он ерзает в кресле, грызет ногти (на какое-то время перестал грызть после ее гневной тирады, потом снова начал), почесывает руки, как наркоман, которому требуется очередная доза, иногда даже начинает поднимать пятифунтовые гантели, всегда лежащие рядом с его любимым креслом. Насколько ей известно, не дергается он, лишь когда глубоко спит или пишет и работа идет очень даже хорошо. Но на лице медсестры по-прежнему читается сомнение, поэтому Лизи продолжает ее убеждать радостным тоном, который звучит ужасно фальшиво даже для нее самой: — Иногда, клянусь, он словно превращается в предмет интерьера. Я сама проходила мимо него, и не один раз. — Она касается руки медсестры. — Я уверена, то же самое произошло и с вами, дорогая.

Она уверена, что ничего такого не произошло, но медсестра дарит ей благодарную улыбку, и тема отсутствия Скотта закрывается. «Или скорее мы с ней закончили, — думает Лизи. — Как с маленьким камнем, который сам вышел из почки».

— Сегодня ему гораздо лучше, — говорит медсестра. — Доктор Уэндлштадт заходил к нему рано утром и был просто потрясен.

Лизи в этом нисколько не сомневается. И лишь говорит медсестре то, что сказал ей Скотт много лет назад в квартире в Кливс-Миллс. Тогда она подумала, что это всего лишь расхожая фраза, но теперь она сама в это верит. Да, и верит на все сто процентов.

— Лэндоны поправляются очень быстро, — говорит она, а потом идет к мужу.

15

Он лежит с закрытыми глазами, повернув голову набок, очень белый человек на очень белой кровати (и это чистая правда), но не увидать его невозможно из-за гривы темных и длинных, до плеч, волос. Стул, на котором она сидела прошлым вечером и ночью, стоит на том же самом месте, где она его и оставила, и она вновь садится на него. Достает свою книгу, «Дикарей» Ширли Конран. Вынимает закладку и чувствует на себе взгляд Скотта. Поднимает глаза.

— Тебе сегодня получше, дорогой? — спрашивает она.

Он долго молчит. Дыхание по-прежнему свистящее, но крика в нем, как на раскаленном асфальте автостоянки, когда он молил о льде, больше нет. «Ему действительно лучше», — думает она. Потом с усилием он перемещает руку, пока не накрывает ее ладонь. Сжимает. Его губы (они выглядят ужасно сухими, чуть позже она принесет ему гигиеническую помаду) раскрываются в улыбке.

— Лизи, — говорит он. — Маленькая Лизи.

Он засыпает, накрыв ее руку своей, и Лизи это вполне устраивает. Она может переворачивать страницы книги одной рукой.

Лизи шевельнулась, как женщина, пробуждающаяся от сна, посмотрела в окно водительской дверцы «BMW», увидела, что тень ее автомобиля на чистеньком асфальте у магазина мистера Пателя заметно выросла. В пепельнице лежал не один окурок, не два, а три. Она повернулась к ветровому стеклу и увидела женское лицо в одном из маленьких окошек заднего фасада магазина, за которым, должно быть, располагалась подсобка. Лицо исчезло, прежде чем она успела определить, жена ли это мистера Пателя или одна из двух его дочерей-подростков, но выражение лица уловила: любопытство и озабоченность. В любом случае ей следовало уезжать. Лизи включила заднюю передачу, развернулась, радуясь тому, что тушила окурки в пепельнице, а не бросала в окно на чистый асфальт, и вновь поехала к дому.

Воспоминания того дня в больнице (и сказанного медсестрой) — еще одна станция була?

Да? Да.

Что-то лежало с ней в кровати этим утром, и теперь она готова поверить, что это был Скотт. По какой-то причине он послал ее на охоту за булом, точно так же, как его большой брат Пол посылал на такие же охоты самого Скотта, когда они были несчастными мальчишками, растущими в сельской части Пенсильвании. Только вместо маленьких загадок, которые вели от одной станции к другой, ее вели...

— Ты ведешь меня в прошлое, — тихим голосом сказала она. — Но почему ты это делаешь? *Почему?* И где находится это гиблое место?

Тот, за которым ты охотишься, хороший бул. Он ведет за пурпур.

— Скотт, я не хочу заходить за пурпур. — Лизи уже подъезжала к дому. — Будь я проклята, если хочу заходить за пурпур.

«Но не думаю, что у меня есть выбор».

И если все так, как она думала, и следующей станцией була станут воспоминания об их уик-энде в «Оленьих рогах» (предсвадебный медовый месяц), тогда ей требовалась кедровая шкатулка доброго мамика. Это все, что осталось у нее в память о матери, потому что

(африканов)

афганов* уже не было, и Лизи полагала, что для нее эта шкатулка являлась своеобразной архивной комнатой, как та, что в рабочих апартаментах Скотта. Именно туда она складывала всякие памятные вещички

(СКОТТ И ЛИЗИ! РАННИЕ ГОДЫ)

в первые десять лет их семейной жизни: фотографии, открытки, салфетки, книжицы спичек, меню, подставки для стаканов, всякую прочую ерунду. Как долго она собирала эту коллекцию? Десять лет? Нет, меньше. Максимум шесть. Может, еще меньше. После «Голодных дьяволов» их жизнь стремительно менялась — речь не только о поездке в Германию, но обо всем. И очень скоро стала напоминать безумную карусель в конце фильма Альфреда Хичкока «Незнакомцы в поезде». Она перестала собирать салфетки и книжицы спичек, потому что они бывали в слишком многих коктейль-холлах и ресторанах слишком многих отелей. Очень скоро она вообще перестала что-либо сохранять. И кедровая шкатулка доброго мамика, которая пахла так сладко, когда ее открывали, где она теперь? Где-то в доме, это точно, и Лизи собиралась ее найти.

«Может, она и окажется следующей станцией була», — подумала Лизи, а потом увидела впереди свой почтовый ящик. Крышку откинули, внутри лежала пачка писем, схваченная резинкой. Из любопытства Лизи остановилась рядом со столбом, на котором крепился почтовый ящик. Когда Скотт был

* Афган — вязаное шерстяное одеяло, плед.

жив, она часто приезжала домой и обнаруживала, что ящик забит до отказа, но теперь писем стало заметно меньше, и обычно они адресовались «ПРОЖИВАЮЩЕМУ» или «МИСТЕРУ И МИССИС ВЛАДЕЛЬЦАМ ДОМА». По правде говоря, пачка была тоненькая, четыре конверта и одна почтовая открытка. Мистер Симмонс, почтальон, должно быть, положил письма в ящик, хотя обычно он использовал резинку или две для того, чтобы закрепить их на металлической крышке. Лизи просмотрела конверты: счета, реклама, открытка от Канти — а потом сунула руку в ящик. Нашупала что-то мягкое, пушистое, влажное. От удивления вскрикнула, отдернула руку и увидела на пальцах кровь. Снова вскрикнула, на этот раз от ужаса. В первый момент не сомневалась, что ее укусили: какая-то зверюга подобралась к ящику по деревянному столбу и устроилась внутри. Может, крыса, а может, кто-то и похуже, скажем, бешеный сурок или детеныш скунса.

Она вытерла руку о блузу, учащенно дыша (но не стонала), потом с неохотой подняла ладонь к глазам, чтобы сосчитать количество ранок. И посмотреть, насколько они глубокие. В этот момент она настолько убедила себя в том, что ее укусили, что буквально увидела отметины от зубов. Потом моргнула, и реальность вытеснила фантазии. Пятна крови на коже остались, но ни царапин, ни укусов, ни каких-то иных повреждений не было. Что-то в ее почтовом ящике лежало, какой-то ужасный пушистый сюрприз, но он свое уже откусал.

Лизи открыла «бардачок», и из него вывалилась нераспечатанная пачка сигарет. Она порывалась в глубине и нашла маленький фонарик, который переложила туда из «бардачка» своего прежнего автомобиля, «лексуса» (она ездила на нем четыре года). Отличный был автомобиль этот «лексус». А поменяла она его лишь потому, что он ассоциировался со Скоттом,

который называл его «Секси лексус Лизи». Удивительно, сколь многое может причинять боль, когда умирает кто-то из твоих близких; но это разговор о принцессе и долбаной горошине. Теперь ей оставалось только надеяться, что батарейки фонарика разрядились не полностью.

Не разрядились. Луч был ярким и устойчивым. Лизи нагнулась к почтовому ящику, глубоко вдохнула, направила в него луч фонаря. Смутно почувствовала, что губы ее сжались до боли. Поначалу разглядела только темный силуэт и зеленый отблеск стенки. Влага блестела на ржавом дне металлического почтового ящика. Лизи решила, что это кровь, в которой она вымазала пальцы. Она переместилась чуть левее, боком прижалась к водительской дверце, сунула фонарик еще глубже. У темного силуэта отрос мех, появились уши и нос, который, возможно, был розовым при дневном свете. Глаза затуманила смерть, но их форма однозначно подсказала, что в ее почтовом ящике лежала мертвая кошка.

Лизи начала смеяться. Смех этот, конечно, не мог сойти за нормальный, но и не был исключительно истеричным. Тут чувствовался настоящий юмор. Ей не требовался Скотт, чтобы сказать, чтодохлая кошка в ее почтовом ящике — это чистое, чистое «Роковое влечение»*. Речь шла не о шведском фильме с субтитрами, поэтому «Роковое влечение» она смотрела дважды. А самым забавным был тот факт, что кошки у Лизи не было.

Досмеявшись, она закурила «Салем лайт» и свернула на подъездную дорожку.

* «Роковое влечение» — фильм-триллер 1987 г., режиссер Э. Лайн, выдвигался на премию «Оскар» в шести номинациях. Исполнивший главную роль Майкл Дуглас после этого фильма перешел в разряд суперзвезд.

Глава 6

ЛИЗИ И ПРОФЕССОР

(Вот куда тебя это привело)

1

Теперь Лизи не испытывала страха, а мимолетное веселье уступило место холодной ярости. Она оставила «BMW» перед запертыми дверьми амбара и решительным шагом направилась к дому, гадая, где найдет послание своего нового друга — у парадного входа или у двери на кухню. В том, что послание будет, она нисколько не сомневалась — и не ошиблась. Нашла его на заднем крыльце — белый конверт, засунутый в щель между сетчатой дверью и косяком. Лизи вскрыла конверт, развернула листок. Послание отпечатали на машинке.

Миссис: Я делаю это с сожалением, потому что люблю животных, но лучше ваша кошка, чем Вы. Я не хочу причинять Вам боль. Я этого не хочу, но вам нужно позвонить по номеру 412-298-8188 и сказать Мужчине, что продадите эти бумаги, о которых мы говорили, библиотеке университета через Него. Мы не хотим с этим затягивать Миссис, так что позвоните ему сегодня около восьми вечера, и он свяжется со мной. Завршим это дело без жртв, не считая вашей киски, о которой я СОЖАЛЕЮ.

Ваш друг,
Зак.

PS. Я совершенно не сержусь за то, что вы послали меня на «X». Я знаю, вы были расстроены.

3.

Лизи смотрела на «З», что означало «Зак Маккул», последнюю букву в письме к ней, и думала о Зорро, скачущем сквозь ночь с развевающимся за спиной плащом. Ее глаза повлажнели. На мгновение она подумала, что плачет, но потом поняла, что причина — дым. Зажатая в зубах сигарета догорела до фильтра. Лизи выплюнула окурочек на кирпич дорожки и раздавила каблуком. Посмотрела на высокий забор, оградивший весь двор исключительно ради симметрии, поскольку соседи у них были только с юга, слева от Лизи, стоявшей в тот момент у двери кухни с небрежно напечатанным, разъяряющим посланием «Зака Маккула» (его долбаным ультиматумом) в руке. По другую сторону забора жили Галлоуэи, и они держали полдюжины кошек (амбарных кошек, как их называли в этих местах). Они частенько заживали во двор к Лэндонам, особенно если никого не было дома. Лизи понимала, что в ее почтовом ящике лежала одна из кошек Галлоуэев, и у нее не оставалось ни малейшего сомнения в том, что за рулем «ПТ Круизера», который проехал ей навстречу вскоре после того, как она заперла дом Аманды, сидел Зак. Мистер «ПТ Круизер» направлялся на восток, выехал практически из закатного солнца, так что хорошенько рассмотреть его она не могла. И мерзавцу хватило наглости помахать ей рукой. *Приятно с вами свидеться, миссас, я оставил вам маленький подарочек в почтовом ящике!* И она еще помахала ему в ответ, потому что так принято в здешней глубинке.

— Мерзавец, — пробормотала она, настолько злая, что даже не могла сказать, о ком речь, то ли о Заке, то ли о безумном инкунке, который нанял Зака, чтобы прессовать ее. Но поскольку Зак так заботливо снабдил ее телефонным номером Вудбоди (код Питтсбурга она узнала сразу же), Лизи уже поняла, с кем нужно схлестнуться первым, и с нетерпением этого ждала. Однако прежде чем заниматься чем-либо, ей предстояло одно далеко не самое приятное дело.

Лизи засунула письмо «Зака Маккула» в задний карман джинсов, на мгновение коснувшись маленького блокнота Аманды с колонками чисел, и вытащила из другого кармана ключи. Она так злилась, что даже не подумала о том, что на конверте могли остаться отпечатки пальцев того, кто его принес. Не подумала и о том, чтобы позвонить в управление шерифа, хотя ранее этот звонок значился в списке намеченных дел. Ярость сузила связные мысли до чего-то маленького и узенького вроде луча фонарика, которым она освещала внутренность почтового ящика, и теперь у нее оставались два первоочередных дела: вытащить из почтового ящика дохлую кошку, а потом позвонить Вудбоди и потребовать от него разобраться с «Заком Маккулом». Остановить его. Или пенять на себя.

2

На кухне из шкафчика под раковиной она достала два ведра, чистые тряпки, старую пару резиновых перчаток «плейтекс» и мешок для мусора, который засунула в задний карман джинсов. Налила в одно из ведер чистящего средства «Отличная работа», наполнила водой из распылителя, способствовавшего более быстрому образованию пены. Потом вышла из дома, задержавшись еще на несколько секунд, чтобы взять щипцы из ящика, который Скотт называл «Всякая всячина». Большие щипцы, она ими пользовалась, лишь когда готовила барбекю. Услышала, что, занимаясь этими приготовлениями, снова и снова напевает строчку из «Джамбалайи»: «Развлеченье — высший класс».

Развлеченье. Это точно.

Во дворе она наполнила второе ведро холодной водой из крана для шланга, а потом пошла по подъездной дорожке с ведрами в руках, тряпками на плече, длинными щипцами,

торчащими из одного заднего кармана, мешком для мусора — из другого. Подойдя к почтовому ящику, поставила ведра на землю, скорчила гримаску. Почувствовала запах крови, или это ее воображение? Она заглянула в почтовый ящик. Ничего не видно, свет не с той стороны. «Следовало взять фонарик», — подумала она, но возвращаться точно не собиралась. Не хотела больше на такое смотреть.

Лизи сунула в ящик щипцы и наткнулась на что-то не слишком мягкое, но и не такое, чтобы уж очень твердое. Раскрыла их во всю ширь, свела, потянула. Первая попытка закончилась неудачей. Вторая принесла результат (Лизи почувствовала вес на руке): дохлая кошка с неохотой двинулась на выход.

А потом щипцы потеряли добычу и щелкнули. Лизи вытащила их. Кровь и серая шерсть покрывали лопатовидные концы (Скотт называл их «ухватками»). Лизи помнила, как сказала ему, что «ухватки» — это дохлая рыба, плавающая кверху брюхом на поверхности его драгоценного пруда. Он тогда рассмеялся.

Лизи наклонилась и всмотрелась в глубины почтового ящика. Кошка «проползла» половину его длины, и теперь Лизи могла ее разглядеть. Все точно, одна из амбарных кошек Галлоуэев, дымчатого цвета. Она дважды щелкнула щипцами (для удачи) и уже собралась сунуть их в почтовый ящик, когда услышала шум приближающегося с востока автомобиля. Заныл желудок. Она не просто думала, что Зак возвращается на своем «ПТ Крузизере», она это *знала*. Он остановится, высунется из окна и спросит, не нужна ли помощь. Так и скажет: «помощь». «Миссас, вам нушна помощь?» Но мимо проехала женщина на внедорожнике.

У тебя развивается паранойя, маленькая Лизи.

Вероятно, да. И, с учетом обстоятельств, она имела на это право.

Закончи с этим. Ты пришла сюда, чтобы это сделать, вот и делай.

Она вновь сунула щипцы в почтовый ящик, на этот раз зрительно контролируя процесс, раскрыла лопатовидные концы, расположила так, чтобы между ними оказалась одна из лапок несчастной кошки, подумала о Дике Поуэлле*, который в каком-то старом черно-белом фильме режет индейку и спрашивает: «Кто хочет ножку?» И — да, она чувствовала запах крови. К горлу подкатила тошнота, она отвернулась, сплюнула между кроссовок.

Закончи с этим.

Лизи сжала ухватки (не такое уж и плохое слово, если ты не собираешься злоупотреблять им) и потянула. Другой рукой раскрыла зеленый мешок для мусора, в который кошка и отправилась головой вниз. Лизи перекрутила горловину, завязала узлом, потому что маленькая глупая Лизи забыла принести с собой одну из желтых пластиковых завязок. А потом принялась решительно отмывать свой почтовый ящик от крови и шерсти.

3

Покончив с ящиком, Лизи с ведрами поплелась по подъездной дорожке к дому, отбрасывая длинную вечернюю тень. На завтрак она выпила кофе и съела овсянку, ленч состоял из кусочка тунца и капельки майонеза на листочке салата, поэтому, сдохлой кошкой или без оной, Лизи умирала с голоду. Решила позвонить Вудбоди лишь после того, как набьет желудок едой. Мысль о звонке в управление шерифа (или в любое другое, где носят синюю форму) в голову еще не вернулась.

* Поуэлл Дик (1904—1963) — известный голливудский актер, режиссер, продюсер.

Три минуты она мыла руки под очень горячей водой, пока окончательно не убедилась, что под ногтями не осталось и намека на кровь. Потом нашла в холодильнике пластиковый контейнер с остатками чизбургерного пирога, вывалила в тарелку, разогрела в микроволновой печи. В ожидании мелодичного звонка, сообщающего, что содержимое тарелки нагрелось, выудила из холодильника «пепси». Вспомнила, как подумала, что больше к этому самому пирогу не притронется. Вы можете добавить этот факт к длинному списку «В чем Лизи оказалась не права», но что с того? «Полная мура», — как любила говорить Кантата в юные годы.

— Я никогда не утверждала, что была мозговым центром семьи, — сообщила Лизи пустой кухне, и микроволновка, звякнув, подтвердила ее слова.

Бесформенная масса была слишком горячей, но Лизи все равно принялась за еду, остужая рот глотками ледяной «пепси». Когда полностью опустошила тарелку, вспомнила тихий шелестящий звук, который возникал при трении шерсти кошки о стенки металлического почтового ящика, усилия, которые ей пришлось приложить, чтобы вытащить кошку. «Должно быть, он с трудом пропихнул ее в ящик», — подумала Лизи, и на ум вновь пришел Дик Поуэлл, на этот раз говоривший: «И возьмите начинку».

Лизи вскочила из-за стола, бросилась к раковине — и так поспешно, что перевернула стул, на котором сидела, — в полной уверенности, что выблюет все только что съеденное, *похвалится харчишками, вывалит вкусенькое, пожертвует ленч*. Она нависла над раковиной, закрыв глаза, открыв рот, внутри все напряглось. Однако прошло пять секунд — и она всего лишь громко рыгнула, заглушив цикад. Постояла над раковиной еще какое-то время, чтобы абсолютно убедиться, что на большее не способна. Убедившись, прополоскала рот, сплюнула и достала письмо от «Зака Маккула» из кармана джинсов. Пришла пора звонить Вудбоди.

Она ожидала попасть в его кабинет в Питтсбургском университете (кто даст такому психу, как ее новый друг Зак, домашний номер?) и приготовилась к тому, чтобы услышать, как сказал бы Скотт, «длин-н-нющую вызывающую тираду», записанную на автоответчике Вудбоди. Вместо этого трубку сняли после второго гудка, и женский голос, приятный и масляный, возможно, после первого стакана спиртного, пропущенного перед обедом, сообщил, что она дозвонилась до резиденции профессора Вудбоди, а потом любопытствовал, кто говорит. Второй раз за день Лизи представилась миссис Скотт Лэндон.

— Я бы хотела поговорить с профессором Вудбоди. — И она постаралась добавить голосу приятности.

— Могу я узнать, по какому вопросу?

— Насчет бумаг, оставшихся после моего покойного мужа. — Лизи положила открытую пачку «Салем лайтс» на кофейный столик перед собой. Тут же поняла, что сигареты у нее есть, а вот с огоньком проблема. Может, это было предупреждение не возвращаться к дурной привычке, пока та не вцепилась маленькими желтыми коготками в ствол ее мозга. Лизи хотела добавить: «Я уверена, он захочет поговорить со мной об этом», — потом решила, что не стоит. Его жена и так должна знать, как ему интересны эти бумаги.

— Минутку, пожалуйста.

Лизи ждала. Она не подумала о том, что собиралась сказать. В полном соответствии с еще одним *Правил*ом Лэндона: ты думаешь, что сказать, только в случае *расхождения во мнении*. Когда же ты действительно зол (когда тебе хочется пробить кому-то *еще одну дырку в заднице*), лучше всего выдать все, что накопилось на душе.

Вот она и сидела, отгоняя все мысли, вращая сигаретную пачку на поверхности кофейного столика снова и снова.

Наконец в трубке раздался бархатный мужской голос, который она хорошо помнила:

— Добрый вечер, миссис Лэндон, какой приятный сюрприз.

СОВИСА, повторила Лизи про себя слова мужа. *СОВИСА, любимая.*

— Нет, приятного тут ничего не будет, — ответила она.

Последовала пауза, потом Вудбоди осторожно продолжил:

— Простите? Это Лиза Лэндон? Миссис Скотт Лэнд...

— Слушай внимательно, сукин ты сын. Меня достает мужчина. Я думаю, опасный мужчина. Вчера он угрожал причинить мне боль.

— Миссис Лэндон...

— В местах, которые я не позволяла трогать мальчикам на танцах в средней школе, так, кажется, он выразился. А сегодня вечером...

— Миссис Лэндон, я не...

— Сегодня вечером он оставил дохлую кошку в моем почтовом ящике и письмо, подsunутое мне под дверь, а в письме был телефонный номер, *этот* номер, поэтому не говори мне, что ты не знаешь, о чем речь! Я знаю, что ты *знаешь!* — С последним словом Лизи поддала пачку сигарет ладонью. Поддала, как бадминтонный волан. Пачка полетела через комнату, разбрасывая по пути сигареты. Лизи дышала тяжело и часто, но через широко раскрытый рот. Не хотела, чтобы Вудбоди услышал ее дыхание и допустил ошибку, приняв распирающую ее ярость за страх.

Вудбоди не отвечал. Лизи его не торопила. Но в конце концов сама нарушила уж слишком затянувшуюся паузу:

— Ты еще здесь? Я на это надеюсь, ради твоего же блага.

Она знала, что ей ответил тот же человек, но лекторская плавность из голоса исчезла. Теперь голос этот зазвучал моложе — и где-то старше:

— Я попрошу вас подождать, миссис Лэндон, пока возьму трубку в кабинете.

— Чтобы твоя жена ничего не слышала, ты это хочешь сказать?

— Пожалуйста, подождите.

— Только поторопись *Вуддолби*, а не то...

Щелчок — и тишина. Лизи пожалела, что не воспользовалась беспроводным телефоном на кухне. Могла бы подобрать с пола сигарету и раскурить ее от конфорки электроплиты. Но может, и хорошо, что все так вышло. Теперь она не могла выпустить с дымом свою ярость. И последняя распирала ее аж до боли.

Прошло десять секунд. Двадцать. Тридцать. Она уже собралась положить трубку, когда раздался еще один щелчок, и король инкунков заговорил своим молодо-старым голосом. В нем явственно слышалась какая-то икающая дрожь. «Это удары его сердца, — подумала Лизи. Мысль принадлежала ей, но проинтунчила она чисто как Скотт. — Его сердце бьется так сильно, что я его слышу. Я хотела напугать его? Я его напугала. Но почему теперь это пугает меня?»

И да, внезапно она ощутила испуг. В красное одеяло ее ярости он вплелся желтой нитью.

— Миссис Лэндон, это мужчина по фамилии Дули? Джеймс или Джим Дули? Высокий и худощавый, с выговором жителя сельской глубинки запада или юга? Скажем, из Западной Вирги...

— Я не знаю его имени и фамилии. По телефону он представился Заком Маккулом, и так же он подписал свою...

— Йобст, — вырвалось у Вудбоди, только он растянул слово, «Йо-о-о-о-бст», превратив его чуть ли не в заклинание. А потом раздался какой-то звук, который Лизи истолковала как

стон. И перед ее мысленным взором к первой желтой нити присоединилась вторая.

— Что? — резко спросила она.

— Это он, — ответил Вудбоди. — Должен быть он. Адрес электронной почты, который он мне дал, — «Zack991».

— Ты велел ему напугать меня, чтобы я отдала тебе неопубликованные произведения Скотта, так? Об этом ты с ним договорился?

— Миссис Лэндон, вы не пони...

— Думаю, понимаю. После смерти Скотта мне пришлось иметь дело с людьми, у которых в голове что-то сдвинулось, и ученые могут дать сто очков форы коллекционерам, но в сравнении с тобой, Вуддолби, эти ученые — нормальные люди. Вот почему, вероятно, тебе удавалось поначалу скрывать свою чокнутость. Действительно чокнутые должны уметь это делать. Навык выживания, ничего больше.

— Миссис Лэндон, если вы только позволите мне объяс...

— Мне угрожают, и вы за это ответственны, чего тут объяснять? Поэтому слушайте, и слушайте внимательно: прикажите ему дать задний ход. Пока я не сообщила ваше имя властям, но, думаю, бояться вам нужно не полиции. Если этот ковбой глубокого космоса еще раз мне позвонит, если я получу от него еще одно письмо или дохлое животное, я обращусь в прессу. — Ее осенило: — Начну с питтсбургских газет. Им это понравится. «БЕЗУМНЫЙ УЧЕНЫЙ УГРОЖАЕТ ВДОВЕ ЗНАМЕНИТОГО ПИСАТЕЛЯ». Когда этот заголовок появится на первой полосе, несколько вопросов копов из Мэна покажутся вам сушей ерундой. Прощай, должность.

Лизи подумала, что прозвучало все это красиво, и желтые нити страха исчезли, во всяком случае, в данный момент. К сожалению, после сказанного Вудбоди они сразу вернулись, еще более яркие.

— Вы не понимаете, миссис Лэндон. Я не могу приказать ему дать задний ход.

На мгновение его слова оглушили Лизи, лишили дара речи. Потом она спросила:

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что уже пытался.

— У вас есть его электронный адрес! Zack999 или что-то в этом...

— Zack991 собачка sail точка com, но что с того? С тем же успехом мог быть и тройной ноль. По этому адресу ничего не доходит. Доходило первые пару раз, когда я им пользовался, а потом все мои письма стали возвращаться с пометкой: «Не может быть доставлено».

Он затараторил о том, что попытается еще раз, но Лизи не обращала внимания на его слова. Вспоминала разговор с «Заком Маккулом», или Джимом Дули, если это было его настоящее имя. Он сказал, что Вудбоди должен или позвонить ему, или...

— У тебя есть какой-то особый электронный адрес? — спросила она, прервав Вудбоди на полуслове. — Он сказал, что ты должен отправить ему электронное письмо и сообщить, что получил все, что тебе нужно. Так где этот адрес? В твоём кабинете? В интернет-кафе?

— Нет! — Вудбоди чуть ли не вопил. — Послушайте меня! Разумеется, у меня есть электронный адрес в Пите*, но я никогда не давал его Дули! Это было бы безумием! У меня есть два студента-выпускника, которые регулярно переписываются со мной по этому адресу, и он, конечно, есть у секретаря кафедры английского языка и литературы.

— А дома?

— Я дал ему свой домашний электронный адрес, но он никогда им не пользовался.

* Пит — разговорное название университета Пенсильвании в Питтсбурге.

— А как насчет телефонного номера, по которому ты можешь до него дозвониться?

Последовала пауза, а когда Вудбоди заговорил вновь, в его голосе слышалось искреннее недоумение, которое испугало Лизи еще больше. Она посмотрела в широкое окно гостиной и увидела, что небо на северо-востоке становится цвета лаванды. Надвигалась ночь. Лизи подозревала, что и эта ночь может выдаться долгой.

— Телефонного номера? — переспросил Вудбоди. — Он никогда не давал мне телефонного номера. Только электронный адрес, по которому письма доходили дважды, а потом перестали. Он или лгал, или фантазировал.

— И какой вариант кажется тебе предпочтительным?

— Я не знаю, — прошептал Вудбоди.

Лизи подумала, что тем самым перетрусивший профессор пытается не выдать свою мысль: Дули — безумец.

— Подождите минутку. — Она уже оторвала трубку от уха, чтобы положить на диван, потом передумала. — И тебе лучше дождаться меня у телефона, пока я не вернусь, сукин сын.

Использовать конфорку электрической плиты не пришлось. Около камина в медной шкатулке лежали длинные декоративные спички для его розжига. Лизи подобрала с пола «Салем лайт», чиркнула длинной спичкой по облицовочному камню. Вместо пепельницы решила использовать одну из керамических ваз, вынула из нее цветы и отметила для себя (не в первый раз), что курение — одна из самых отвратительных привычек человечества. Вернулась к дивану, села, вновь взяла трубку.

— Расскажи мне, как все произошло.

— Миссис Лэндон, моя жена и я, мы сейчас собирались поехать...

— Твои планы переменялись, — отрезала Лизи. — Давай с самого начала.

Само собой, вначале были инкунки, эти язычники, поклоняющиеся подлинникам и неопубликованным рукописям, и профессор Вудбоди, который в глазах Лизи был их королем. Одному Богу известно, сколько он опубликовал научных статей о творчестве Скотта Лэндона и как много из них даже сейчас спокойно собирали пыль в книгозмее, разлегшейся над амбаром. Плевать она хотела и на то, сколь мучительной была для профессора Вудбоди мысль о том, что неопубликованные произведения Скотта Лэндона могли также собирать пыль в его кабинете. Важным для нее было совсем другое: по пути домой из кампуса, два или три вечера в неделю, Вудбоди выпивал пару-тройку стаканов пива, всегда в одном баре, который назывался «Место». Около кампуса располагалось немало питейных заведений: и дешевых пивных — где пиво подавали кружками и кувшиннами, и более изысканных — которые посещали преподаватели и выпускники; с комнатными растениями на подоконниках и музыкальными автоматами, игравшими «Яркие глаза»*, а отнюдь не «Май кемикэл романс»**. «Место» — бар, которому отдавал предпочтение рабочий класс, — находился в миле от кампуса, и в тамошнем музыкальном автомате наиболее близким к рок-н-роллу был дуэт Тревис Тритт — Джон Мелленкамп***. По словам Вудбоди, ему нравилось приходить туда, потому что в будни во второй половине дня и ранним вечером там было малоллюдно, а посетители напоминали ему отца, который работал на металлургическом заводе корпорации «Ю.С. Стил» (Лизи

* «Яркие глаза» — лирическая песня дуэта «Саймон и Гарфанкел», популярного в 1960-е годы.

** «Май кемикэл романс» — современная американская панк-группа.

*** Тритт Тревис (р. в 1962), Мелленкамп Джон (р. в 1951) — современные американские певцы, музыканты, гитаристы. С Мелленкампом Стивен Кинг уже много лет собирается написать мюзикл.

ничего не хотела слышать об отце этого долбаного инкунка). Именно в этом баре он встретил мужчину, который назвался Джимом Дули. Дули тоже заглядывал туда во второй половине дня или ранним вечером, говорил вкрадчиво, отдавал предпочтение синим рубашкам из «шамбре» и брюкам с манжетами, какие носил отец Вудбоди. По словам профессора, ростом он был шесть футов и один дюйм, слегка сутулился, редеющие темные волосы часто падали на лоб. Вудбоди полагал, что глаза у Дули синие, но гарантировать этого не мог, хотя пили они на протяжении шести недель и, как признался профессор, «где-то стали приятелями». Они обменивались не историями жизни, а отрывками жизненных историй, чем, собственно, и занимаются мужчины в барах. Вудбоди заявлял, что говорил только правду. И у него не было оснований сомневаться, что Дули отвечал тем же. Да, Дули мог двенадцать или четырнадцать лет назад покинуть маленький городок в западной Виргинии и с тех пор переходить с одной низкооплачиваемой работы, связанной с физическим трудом, на другую. Да, какое-то время он мог отсидеть в тюрьме, что-то в его повадках говорило об этом, скажем, он всегда смотрел в зеркало за стойкой, когда брался за стакан с пивом, и хотя бы раз обязательно оглядывался, когда шел в туалет. И да, шрам над правым запястьем он мог получить во время короткой, но яростной драки в прачечной тюрьмы. Или не получить. Черт, шрам мог остаться после неудачного падения с велосипеда в детстве. Наверняка Вудбоди знал только одно: Дули прочитал все книги Скотта Лэндона и мог интеллигентно их обсуждать. И он сочувственно слушал стенания Вудбоди насчет того, что непреклонная вдова Лэндон сидит на интеллектуальной сокровищнице — неопубликованных произведениях Лэндона, среди которых, по слухам, есть целый роман. Сочувственно — это мягко сказано. С нарастающей яростью.

Согласно Вудбоди, это Дули начал называть ее Йоко*.

* Йоко — жена Джона Леннона и, по мнению многих, его злой дух, разрушивший группу «Битлз».

Вудбоди характеризовал встречи в «Месте» как «редкие, граничащие с регулярными». Лизи легко расшифровала это определение: четыре, а иногда и пять дней в неделю Вудбоди и Дули на пару перебивали косточки Йоко Лэндон, и когда Вудбоди говорил, что они брали одно или два пива, то имел в виду один или два графина. Вот так они, эти интеллектуальные Оскар и Феликс*, накачивались пивом чуть ли не каждый рабочий день недели, сначала говорили о величии произведений Скотта Лэндона, а потом, само собой, перешли к тому, какой мерзкой прижимистой сукой оказалась его вдова.

Согласно Вудбоди, именно Дули развернул разговор в этом направлении. Лизи, которая знала, как ведет себя Вудбоди, если ему не идут навстречу, сомневалась, что для этого потребовалось много усилий.

И в какой-то момент Дули сказал Вудбоди, что он, Дули, может убедить вдову изменить свое мнение насчет неопубликованных рукописей. В конце концов, так ли сложно объяснить ей что к чему, если в итоге все бумаги писателя окажутся в библиотеке Питсбургского университета, где уже хранилась Коллекция Лэндона? Он умеет убеждать людей изменять свое мнение, сказал Дули. У него к этому дар. И Король инкунков (глядя на своего нового приятеля с пьяным прищуром, Лизи в этом не сомневалась) спросил, сколько Дули хочет за такую услугу. Дули ответил, что он не пытается на этом заработать. Они же говорят об услуге человечеству, не так ли? Забрать великое сокровище у женщины, которая слишком глупа, чтобы понять, на чем сидит, словно гребаная насадка на кладке яиц. Да, конечно, ответил Вудбоди, но любой труд должен оплачиваться. Дули обдумал его слова и сказал, что будет вести учет своих расходов. А потом, когда они встретятся вновь и он передаст рукописи Вудбоди, они смогут обсудить вопрос оплаты. С этим Дули протянул руку своему новому

* Оскар и Феликс — герои мультсериала для взрослых (2000) и телефильма (2005) «Гордая семейка».

другу, чтобы рукопожатием закрепить совершенную сделку. Вудбоди пожал протянутую руку, испытывая радость и презрение. Он сказал Лизи, что вспомнил свои мысли насчет Дули, сформировавшиеся за пять или семь недель их знакомства: Бывали дни, когда он видел Дули действительно крутым парнем, закаленным тюрьмой, чьи леденящие кровь рассказы о жестоких драках и заточенных до остроты бритвы ложках были чистой правдой. А в другие дни (день рукопожатия был одним из них) он несколько не сомневался, что Джим Дули — фантазер, и самое опасное совершенное им преступление — кража галлона или двух растворителя краски из «Уол-Марта» в Монровилле, где он работал шесть месяцев или около того, в 2004 году. Так что Вудбоди воспринял эту сделку как пьяную шутку, особенно после того как Дули сказал ему, что будет уговаривать Лизи отдать бумаги покойного мужа ради Искусства. Вот и все, что Король инкунков сообщил Лизи о второй половине того июньского дня, но, разумеется, это был тот же самый Король инкунков, который, наполовину пьяный, сидел в баре с едва знакомым ему человеком, представившимся «бывалым уголовником», и они оба называли ее Йоко и соглашались в том, что Скотт, должно быть, держал ее при себе ради одного и только одного, потому что ради чего еще она могла быть ему нужна? По словам Вудбоди, ему все это казалось шуткой, фантазией двух мужчин, размышлявших за выпивкой в баре. Правда, эти двое мужчин еще и обменялись электронными адресами, но в наши-то дни у каждого есть электронный адрес, не так ли? После вечера рукопожатия Король инкунков встретил своего верного подданного еще один раз, двумя днями позже. Дули ограничился одним пивом, сказав Вудбоди, что он «тренируется». А выпив пиво, соскользнул со стула и отклонялся, поскольку «у него встреча с одним парнем». Он также сказал Вудбоди, что они увидятся если не на следующий день, то уж на следующей неделе точно, но с тех пор Вудбоди больше не видел Джима Дули. Через пару

недель профессор перестал оглядывать бар. И электронный адрес «Zack991» больше не работал. С одной стороны, думал Вудбоди, расставание с Дули — это плюс. Он слишком много пил в последнее время, да и чувствовал, что с Дули что-то не так («Поздновато ты это понял, не правда ли?» — мрачно подумала Лизи). Вудбоди вновь уменьшил пивной рацион до одного-двух стаканов в неделю и — получилось это само собой — перебрался в другой бар, расположенный в паре кварталов от «Места». И только позже до него дошло («Когда мои мозги прочистились», — так он это назвал), что подсознательно он хотел дистанцироваться от того места, где встречался с Дули, фактически сожалел о том, что произошло. Если, конечно, это было нечто большее, чем фантазии, еще один воздушный замок Джима Дули, который он, Джо Вудбоди, помог возвести, обсуждая неделю за неделей за выпивкой творчество очередного несчастного питтсбургского писателя. И он верил, что это фантазии, истово заключил Вудбоди, совсем как адвокат, для клиента которого процесс может закончиться инъекцией смертельного яда*, если его речь не произведет должного впечатления на присяжных. Он пришел к выводу, что большинство историй Дули о нравах и выживании в тюрьме «Заросшая гора» — выдумки чистой воды, и его идея заставить миссис Лэндон отдать рукописи покойного мужа — из той же серии. Так что их сделка — всего лишь детская игра «Что, если...».

— Если все это правда, ответь мне на такой вопрос, — заговорила наконец Лизи. — Если бы Дули привез тебе рукописи Скотта, ты бы устоял перед соблазном взять их у него, зная, каким путем они добыты?

— Не знаю.

Она пришла к выводу, что это честный ответ, поэтому задала еще один вопрос, даже два:

— Ты знаешь, что ты сделал? Что привел в движение?

* Во многих штатах США приговоренных к смерти не сажают на электрический стул, а вводят им яд.

На это Вудбоди не ответил, и она подумала, что он снова поступил честно. Во всяком случае, продемонстрировал ту честность, на которую был способен.

7

Взяв паузу на раздумья, Лизи спросила:

— Это ты дал ему телефонный номер, по которому он мне позвонил? Тебя я должна за это благодарить?

— Нет! Точно нет! Я не давал ему никаких телефонных номеров, уверяю вас!

Лизи ему поверила.

— Тебе придется для меня кое-что сделать, профессор. Если Дули свяжется с тобой, может, чтобы сообщить, что дело на мази и все путем, ты должен сказать ему, что сделка разорвана. Полностью разорвана.

— Я скажу. — Рвение мужчины вызывало презрение. — Поверьте мне, я... — Его прервал женский голос (жены, Лизи в этом не сомневалась), задавший какой-то вопрос. Что-то зашуршало: он прикрыл микрофон рукой.

Лизи не возражала. Она провела оценку сложившейся ситуации, и итог ей совершенно не понравился. Дули сказал ей, что она сможет избежать неприятностей, отдав Вудбоди бумаги и неопубликованные рукописи Скотта. После этого профессор позвонит безумцу, скажет ему, что все в порядке, и на этом будет поставлена точка. Да только бывший Король инкунков понятия не имел, как найти Дули, и Лизи ему верила. Она думала, что Дули, возможно, и собирался появиться в кабинете Вудбоди (или в его замке в пригороде) с бумагами Скотта... но до того он планировал сначала затерроризировать ее, а потом причинить боль в тех местах, которые она не давала трогать мальчикам на школьных танцах. И почему

он собирался это сделать, приложив немало усилий, чтобы убедить профессора и саму Лизи, что ничего плохого с ней не случится, если она не будет упираться и сделает все, о чем ее просят?

Может, потому, что ему нужно выдать себе разрешение?

Да, похоже на правду. И позже (после того как она умрет или ее искалечат до такой степени, что она будет мечтать о смерти) совесть Джима Дули сможет убедить себя, что Лизи сама во всем и виновата. «Я дал ей все шансы, — подумает ее друг «Зак». — Так что вина исключительно ее. Вот эта Йоко и получила по заслугам».

Ладно. Тогда ладно. Если он появится, она даст ему ключи от амбара и рабочих апартаментов и скажет, что он может взять все, что захочет. *Я скажу ему: «Все твоё. Бери — не хочу».*

Но при этой мысли губы Лизи изогнулись в лишенную веселья улыбку-полумесяц, знакомую, возможно, только ее сестрам и мужу («лицо-торнадо», так говорил Лэндон, когда видел ее).

— Черта с два отдам, — пробормотала она и огляделась в поисках серебряной лопаты. Не увидела. Оставила в машине. Если хотела ее забрать, лучше бы выйти из дома до того, как окончательно стем...

— Миссис Лэндон? — Озабоченности в голосе профессора прибавилось. Она про него совершенно забыла. — Вы слушаете?

— Да. Вот куда это тебя привело.

— Простите?

— Ты знаешь, о чем я говорю. Все эти бумаги, которые ты хотел заполучить, бумаги, которые, по твоему разумению, были тебе так необходимы. И вот куда это тебя привело. Как я понимаю, самочувствие у тебя не очень. Плюс, разумеется, вопросы, на которые тебе придется ответить после того, как я положу трубку.

— Миссис Лэндон, я не...

— Если полиция позвонит тебе, я хочу, чтобы ты рассказал им все, что рассказал мне. А сие означает, что сначала тебе лучше ответить на все вопросы жены. Или я не права?

— Миссис Лэндон, пожалуйста! — В голосе Вудбоди звенела паника.

— Ты сам заварил эту кашу. Ты и твой друг Дули.

— Перестаньте называть его *моим другом!*

«Лицо-торнадо» потемнело еще сильнее, губы утончались, пока не показались острия зубов. И одновременно глаза суживались, превращаясь в щелочки, в которых сверкали синие искорки. Лицо превратилось в звериную морду, дебушеровский характер проявлялся во всей красе.

— Но он твой друг! — воскликнула она. — Ты с ним пил, делился с ним своими горестями и смеялся, когда он называл меня Йоко Лэндон. Именно ты натравил его на меня, как бы ни оправдывался, а теперь выясняется, что он безумен, как сортирная крыса, и ты не можешь остановить его. И да, профессор, я собираюсь позвонить шерифу округа, и да-а-а-а, я назову ему твое имя, я расскажу им все, что поможет поймать твоего друга, потому что он еще не закончил начатое, ты это знаешь так же, как и я, потому что он не хочет останавливаться на полпути, потому что ему все это очень даже нравится, и вот куда это тебя привело. Ты сам на это напросился, вот и пеняй на себя! Так? *Так?*

Нет ответа. Но она слышала учащенное дыхание и знала, что бывший Король инкунков старается не заплакать. Она положила трубку, схватила с пола еще одну сигарету, закурила. Вернулась к телефону, покачала головой. Она позвонит в управление шерифа, но чуть позже. Сначала она хотела забрать серебряную лопату из «бумера», и забрать немедленно, прежде чем дневной свет окончательно угаснет и в ее части света воцарится ночь.

В боковом дворе (который она предпочитала называть «дверным двором») уже слишком стемнело, чтобы чувствовать себя спокойно, хотя Венера, звезда желаний, еще не появилась на небе. Тени, где к амбару примыкал сарай для хранения садового инструмента, были особенно черными, а «BMW» стоял в каких-то двадцати футах от этого места. Разумеется, Дули не прятался в этом колодце теней, но будь он на их участке, то мог бы затаиться где угодно: прислонившись к стене раздевалки у бассейна, выглядывая из-за угла дома, присев за надстройкой над лестницей в подвал...

Эта мысль заставила Лизи резко обернуться, но света еще хватало, чтобы увидеть, что по обе стороны надстройки никого нет. И двери в надстройку были заперты, то есть она могла не опасаться, что Дули проник в подвал. Если, конечно, он каким-то образом не попал в дом и не спрятался там до ее приезда...

Перестань, Лизи... ты запугаешь себя...

Она замерла, взявшись за ручку задней дверцы «BMW». Постояла, может, секунд пять, потом позволила окурку выпасть из пальцев свободной руки, растоптала его каблуком. Кто-то стоял в самом темном углу, где сходились стены амбара и сарая для инструментов. Стоял — очень высокий и застывший.

Лизи открыла заднюю дверцу «бумера» и вытащила серебряную лопату. Свет в кабине продолжал гореть и после того, как она захлопнула дверцу. Она забыла о том, что в современных моделях лампы в кабине гасли с замедлением, конструкторы называли это «светом любезности», но не находила ничего любезного в том, что Дули мог видеть ее, а она его — нет, потому что этот долбаный свет слепил. Она отступила от автомобиля, прижимая черенок лопаты к груди. Свет в каби-

не «BMW» наконец-то погас. На мгновение от этого стало только хуже. Она видела лишь бесформенные лиловые тени под выцветавшим лавандовым небом и ожидала, что он сейчас прыгнет на нее, называя «миссас» и спрашивая, почему она не слушала, тогда как его руки сомкнутся на ее шее, и дыхание прервется.

Этого не произошло, и еще через три секунды ее глаза приспособились к остаткам дневного света. Теперь она снова могла его видеть, высокого и прямого, мрачного и неподвижного, стоявшего в углу между большим сооружением и маленькой пристройкой. Что-то лежало у его ног. Что-то с прямыми углами. Возможно, чемодан.

«Господи, он же не думает, что сможет упаковать туда все бумаги Скотта, не так ли?» — подумала она и осторожно шагнула влево, сжимая черенок лопаты так сильно, что кулаки вибрировали.

— Зак, это ты? — Еще шаг. Второй. Третий.

Она услышала шум подъезжающего автомобиля, поняла, что фары осветят двор, выхватив его из темноты. И когда это случится, он, конечно же, прыгнет на нее. Она замахнулась лопатой; серебряный штык взлетел над ее плечом, совсем как в 1988 году, набрала полную грудь воздуха к тому моменту, когда приближающийся автомобиль въехал на вершину Шугар-Топ-Хилл и на мгновение осветил двор, и Лизи увидела мощную газонокосилку, которую сама же в этот угол и поставила. Тень, отбрасываемая рукояткой на стену, пропала вместе со светом фар проехавшего мимо автомобиля. И газонокосилка вновь превратилась в человека, затаившегося в углу с чемоданом у ног, хотя после того, как тебе открылась истина...

«В фильме «ужасов», — подумала Лизи, — именно в этот момент монстр выпрыгнул бы из темноты и схватил меня. В тот самый момент, когда я начала бы расслабляться».

Никто и ничто не прыгнуло и не схватило ее, но Лизи подумала, что будет неплохо взять серебряную лопату в дом,

пусть даже как талисман, приносящий удачу. Держа лопату уже одной рукой, у того места, где черенок входил в серебряный штык, Лизи вернулась в дом, чтобы позвонить Норрису Риджуику, шерифу округа Касл.

Глава 7 ЛИЗИ И ЗАКОН

(Навязчивость и изнуренный разум)

1

Принявшая звонок Лизи женщина, представившаяся дежурным диспетчером Соумс, сказала, что не может соединить Лизи с шерифом Риджуиком, потому что шериф Риджуик женился на прошлой неделе, и сейчас он и новобрачная находятся на острове Мауи, где и будут пребывать следующие десять дней.

— С кем я могу поговорить? — спросила Лизи. Ей не понравилась резкость собственного голоса, но она понимала причину. Господи, понимала. Этот чертовски длинный день.

— Оставайтесь на линии, мэм, — ответила ДД Соумс. А потом Лизи услышала Макграффа Сыскного Пса*, который принялся рассказывать об объединении соседей в группы наблюдения за территорией. Лизи подумала, что это шаг вперед в сравнении с оркестром «Две тысячи коматозных струн». Макграффа она слушала с минуту или около того, а потом трубку взял коп, фамилия которого понравилась бы Скотту.

* Макграфф Сыскной Пес — анимационный образ, используемый Национальным советом по предотвращению преступлений в рекламных роликах и буклетах.

— Помощник шерифа Энди Клаттербак*, мэм, чем я могу вам помочь?

Третий раз за день («Бог любит троицу», — сказала бы добрый мамик) Лизи представилась как миссис Скотт Лэндон. Затем рассказала помощнику шерифа Клаттербаку чуть отредактированную историю Зака Маккула, начиная от вчерашнего телефонного звонка вышеозначенного Зака и заканчивая сегодняшним, уже ее телефонным звонком, позволившим узнать, что Зака Маккула, возможно, зовут Джим Дули. По ходу рассказа Клаттербак ограничивался междометиями, а когда Лизи закончила, спросил, кто сообщил ей второе имя Зака.

Почувствовав легкий укол совести (ну очень легкий), тем не менее вызвавший у нее недоумение, Лизи выдала Короля инкунков. И назвала его не Вуддолби.

— Вы собираетесь поговорить с ним, помощник шерифа Клаттербак?

— Я думаю, это необходимо, не так ли?

— Пожалуй, — согласилась Лизи, гадая, удастся ли исполняющему обязанности шерифа округа Касл вытащить из Вудбоди что-то такое, чего не удалось ей. Пришла к выводу, что удастся, потому что она была вне себя от ярости, когда разговаривала с профессором. Она также поняла, что беспокоило ее совсем другое. — Его арестуют?

— На основании того, что вы мне рассказали? Ни в коем разе. У вас могут быть основания для гражданского иска, тут вы должны посоветоваться с адвокатом, но в суде он скажет, что, по его разумению, Дули намеревался появиться у вашего порога и по-дружески посоветовать вам передать рукописи университету. Он также заявит, что ничего не знал ни о дохлых кошках в почтовых ящиках, ни об угрозах причинить боль... и скажет правду, если исходить из того, что вы мне сообщили. Так?

* Одно из значений английского слова «clutterbuck» — рядовой хаоса.

Лизи подтвердила довольно уныло, что именно так.

— Мне нужно письмо, которое оставил досаждающий вам человек, — сказал Клаттербак, — и мне нужна дохлая кошка. Что вы сделали с останками?

— У нас есть деревянный ящик для твердых пищевых отходов. — Лизи взяла новую сигарету, подумала, положила обратно. — Мой муж как-то его называл, он все как-то называл, но сейчас я не могу вспомнить, как именно. Опять же, еноты не роются в помоях. Я положила дохлую кошку в мешок для мусора. А потом положила мешок на нижнюю палубу. — Только что она не могла вспомнить, как Скотт называл ящик для твердых пищевых отходов, тут название само сорвалось с языка.

— Понятно... у вас есть морозильник?

— Да... — Лизи уже пришла в ужас от того, что он только собирался ей сказать.

— Я хочу, чтобы вы положили кошку в морозильник, миссис Лэндон. Пусть остается в мешке. Кто-нибудь заберет ее завтра и отвезет Кедоллу и Джепперсону. Это ветеринары, которые по контракту выполняют поручения нашего управления. Они установят причину смерти...

— Труда это не составит, — перебила его Лизи. — Почтовый ящик залила кровь.

— Понятно. Плохо, что вы не сфотографировали ее на «полароид», прежде чем смыть.

— Уж простите великодушно, не сфотографировала! — взвизгнула Лизи.

— Успокойтесь, — сказал ей Клаттербак. Спокойно. — Я понимаю, вы разволновались. Любой бы разволновался.

«Только не ты, — негодуяще подумала Лизи. — Ты бы оставался хладнокровным, как... как дохлая кошка в морозильнике». Сказала же она совсем другое:

— Насчет профессора Вудбоди и дохлой кошки все ясно. А как насчет меня?

Клаттербак пообещал, что тотчас же придет к ней человека, помощника шерифа Боукмена или помощника шерифа Олстона, в зависимости от того, кто окажется ближе, чтобы забрать у нее письмо. Добавил, что помощник, который подъедет к ней, сможет сделать несколько полароидных снимков дохлой кошки. У всех помощников шерифа в автомобиле есть «полароид». Потом помощник шерифа (а позднее — его сменщик) расположится на шоссе 19 так, чтобы держать ее дом под контролем. Если, конечно, не поступит сообщение о каком-то происшествии, автомобильной аварии или о чем-то в этом роде.

— Если Дули захочет зайти и проверить, как обстоят дела, — Клаттербак очень деликатно обходил острые углы, — то увидит патрульную машину и проедет мимо.

Лизи надеялась, что в этом правота будет на стороне Клаттербака.

Такие, как Дули, продолжил Клаттербак, обычно больше говорят, чем делают. Если им не удастся запугать человека и получить желаемое, они предпочитают забыть о том, что просили.

— Мне представляется, что вы больше никогда о нем не услышите.

Лизи хотелось бы, чтобы и в этом он не ошибся. Но сомнения у нее оставались. Прежде всего из-за того, как «Зак» все обставил. Позаботился о том, чтобы его не могли остановить, во всяком случае, не мог остановить человек, который нанял его.

2

Не прошло и двадцати минут после завершения разговора с помощником шерифа Клаттербаком (которого ее усталому мозгу хотелось назвать то ли помощник шерифа Баттерхаг*, то ли, возможно, в связи с упоминанием «полароидов», помощ-

* Баттерхаг (butterhug) — дословно «масляное объятие».

ник шерифа Шаттербаг*), как у ее порога появился худощавый мужчина, одетый в хаки, с большим револьвером на бедре. Он представился как помощник шерифа Дэн Боукмен и сказал, что, согласно полученным инструкциям, он должен забрать «некое письмо» и сфотографировать «некое усопшее животное». Лизи при этом удалось сохранить строгое лицо, пусть ради этого она и прикусила щеку изнутри. Боукмен упаковал письмо вместе с белым конвертом в пластиковый пакет, который дала ему Лизи, потом спросил, положила ли она «усопшее животное» в морозильник. Лизи сделала это, как только закончила разговор с Клаттербаком, сунула зеленый мешок для мусора в дальний левый угол большого «тролсе-на», совершенно пустого, если не считать нескольких стейков из лосятины, которые подарил ей и Скотту их бывший электрик, Смайли Фландерс. Смайли выиграл главный приз лотереи (какой, Лизи не помнила) и перебрался в Сент-Джон-Вэлью, где Чарли Корриво трахал сейчас свою молодую женушку, подумала Лизи. Другого места длядохлой кошки Галлоуэев, кроме как рядом с мясом, которое Лизи есть не собиралась ни при каких обстоятельствах (разве что в случае атомной войны), просто не было, и она сказала помощнику шерифа Боукмену, чтобы он, закончив фотографирование, положил «некое усопшее животное» туда и только туда. Он со всей серьезностью пообещал «подчиниться ее требованию», и ей вновь пришлось прикусывать щеку изнутри. Однако на этот раз смех едва не вырвался из нее. Поэтому, как только он спустился в подвал, Лизи повернулась к стене, словно шаловливый ребенок, прижалась к ней лбом и, зажимая рот руками, расхохоталась.

А когда приступ смеха прошел, вновь подумала о кедровой шкатулке доброго мамика (шкатулка была у Лизи уже лет тридцать пять, но она никогда *не думала* о ней как о своей).

* Шаттер (shutter) — на английском затвор фотоаппарата, баг (bug) — жук.

Она помнила, что шкатулка вкупе с лежащими внутри маленькими памятными вещицами помогала успокоить истерику, поднимающуюся из глубин. И у нее оставалось все меньше сомнений в том, что шкатулку она положила на чердак. Логичное, между прочим, решение. Оставшееся от сделанного Скоттом хранилось в амбаре и в рабочих апартаментах. Оставшееся от той части ее жизни, которая пришлось на годы его работы, хранилось здесь, в доме, который она выбрала и в который они оба переехали, чтобы любить друг друга.

На чердаке лежали четыре дорогих турецких ковра, которые она когда-то обожала, но в какой-то момент, по причинам, до сих пор ей непонятным, они стали ее пугать...

По меньшей мере три комплекта чемоданов, которым доставалось все; что два десятка авиакомпаний (многие маленькие, выполнявшие только местные рейсы) могли обрушить на них. Этим бывалым воинам, заслужившим медали и парады, пришлось удовлетвориться почетной чердачной отставкой (черт, парни, это лучше городской свалки)...

Мебель гостиной в стиле «датский модерн», которая, по словам Скотта, выглядела претенциозной, и как же она злилась на него, вероятно, главным образом потому, что соглашалась с его правотой...

Бюро с убирающейся крышкой, «удачная покупка», как выяснилось, с одной укороченной ножкой, под которую приходилось что-то подкладывать, только подкладка всегда вылезала из-под ножки, пока однажды крышка не съехала ей на пальцы, и на том все и закончилось: бюро определили новое место жительства — долбаный чердак...

Пепельницы на стойках, от их курительных времен...

Старая пишущая машинка Скотта «Ай-би-эм селектрик», на которой он печатал письма, пока не возникли проблемы с черной и корректирующей лентами.

Те вещи, эти, всякие и разные. Из другого мира, если на то пошло, но все они здесь, никуда не делись. И где-то, воз-

можно, за стопкой журналов или на кресле-качалке с треснувшей спинкой, стояла кедровая шкатулка. Она думала о ней как думают о холодной воде в жаркий день, когда хочется пить. Лизи не знала, с чего у нее такая ассоциация, но так уж сложилось.

К тому времени, когда помощник шерифа Боукмен поднялся из подвала с «полароидами», ей уже не терпелось выпроводить его за дверь. Но он не торопился уходить («Прилип, как зубная боль», — выразился бы папаня Дебушер), сначала сказал ей, что кошку, по-видимому, зарезали каким-то инструментом (возможно, отверткой), потом заверил ее, что припаркуется неподалеку. На их патрульных машинах (он называл их просто «машинами») не было надписи «СЛУЖИТЬ И ЗАЩИЩАТЬ», но ему хотелось, чтобы она чувствовала себя в полной безопасности. Лизи постаралась убедить его, что именно в такой безопасности себя и чувствует, а потому собирается лечь спать: день выдался долгим, у одной из близких родственниц возникли серьезные проблемы со здоровьем, плюс вся эта история с преследованием, в общем, она совершенно вымоталась. Помощник шерифа Боукмен наконец-то понял намек и ушел, напоследок еще раз сказав, что она в полной безопасности и ей нет никакой необходимости «спать вполглаза». Потом спустился со ступенек переднего крыльца так же уверенно, как спускался в подвал, еще раз просматривая фотографии дохлой кошки, пока мог видеть их в свете фонаря над крыльцом. Через минуту-другую она услышала, как взревел двигатель. Свет фар прошелся по лужайке, дому и исчез. Она подумала о помощнике шерифа Боукмене, сидящем за рулем патрульной машины, припаркованной на обочине шоссе. Улыбнулась. Потом поднялась на чердак, не догадываясь о том, что двумя часами позже будет лежать на кровати, полностью одетая, без сил и с текущими по щекам слезами.

Утомленный мозг — самая легкая добыча одержимости, и после получаса безрезультатных поисков на чердаке, в жарком и застывшем воздухе, при плохом освещении, с тенями, которые со всей решимостью кутали каждый закуток, который она хотела осмотреть, Лизи сдалась одержимости, даже не подозревая об этом. Она не очень-то понимала, зачем ей вообще понадобилась эта шкатулка, только чувствовала — что-то из хранящегося внутри, какой-то сувенир первых лет семейной жизни, был следующей станцией була. Однако через какое-то время сама шкатулка стала ее целью, кедровая шкатулка доброго мамика. Хрен с ними, с булами, но если она не найдет шкатулку (длина — фут, ширина — девять дюймов, высота — шесть), то не сможет уснуть. Будет лежать, мучаясь мыслями о дохлых кошках, умерших мужьях, пустых кроватях, инкунках, сестрах, которые режут себя, отцах, которые...

(хватит Лизи хватит)

Будет лежать без сна, ни слова больше.

Часа поисков все же хватило, чтобы убедить Лизи: кедровой шкатулки на чердаке нет. К тому времени она уже пришла к выводу, что шкатулка скорее всего в спальне для гостей. Вроде бы логичное предположение о ее миграции с чердака в эту самую спальню... да только еще сорок минут поисков (включая обследование верхней полки стенового шкафа с неустойчивой стремянки) показали Лизи, что и спальня для гостей — еще один тупик. Следовательно, шкатулка находилась в подвале. Должна находиться в подвале. Весьма вероятно, что нашла покой под лестницей, где стояли картонные коробки с занавесками, тряпками, компонентами старых стереосистем и лежал различный спортивный инвентарь: коньки, набор для крикета, рваная сетка для бадминтона. Торопливо спускаясь по лестнице в подвал (она и думать забыла о

дохлой кошке, которая лежала в морозильнике, соседствуя с лосятиной), Лизи практически убедила себя, что видела шка-тулку там, внизу. К тому моменту она уже очень устала, но лишь смутно отдавала себе в этом отчет.

Ей потребовалось двадцать минут, чтобы вытащить все коробки из их долгосрочного хранилища. Некоторые отсырели, раскрылись. Когда Лизи закончила перебирать содержимое коробок, руки и ноги дрожали от усталости, одежда прилипла к телу, а в затылке начала пульсировать боль. Лизи убрала на прежнее место все целые коробки, развалившиеся оставила посреди подвала. Должно быть, шкатулка доброго мамика все-таки лежала на чердаке. Конечно, и лежала там всегда. И пока она попусту тратила время, перебирая заржавевшие коньки и забытые паззлы, кедровая шкатулка терпеливо ждала наверху. Теперь-то Лизи могла назвать дюжину мест, куда не удосужилась заглянуть, скажем, в короба под карнизами. Очень, между прочим, подходящее место. Наверное, поставила туда шкатулку и забыла об этом...

Мысль эта резко оборвалась, едва она осознала, что за спиной кто-то стоит. Она видела его краем глаза. Назови его Джимом Дули или Заком Маккулом — в любом случае в следующее мгновение он положит руку на ее потное плечо и скажет ей: «Миссас». Вот тогда ей действительно будет о чем тревожиться.

Ощущение присутствия постороннего было настолько реальным, что Лизи буквально услышала, как шаркнули об пол подошвы туфель Дули. Она резко развернулась, руки пошли вверх, прикрывая лицо, и ей потребовалось лишь мгновение, чтобы увидеть пылесос «гувер», который она сама же вытащила из-под лестницы. Потом Лизи споткнулась о развалившуюся коробку с бадминтонной сеткой. Замахала руками, пытаясь сохранить равновесие, и ей это почти что удалось, но все-таки она не удержалась на ногах, успела подумать: «Твою мать!» — и шлепнулась. Макушка ее на какой-то дюйм раз-

минулась с опорной балкой, на которой держались ступени, и хорошо, что разминулась, иначе на голове у нее выросла бы шишка, а может, от удара она даже потеряла бы сознание. И, потеряв сознание, крепко приложилась бы к бетонному полу. А так Лизи удалось смягчить контакт с полом руками. Одно колено приземлилось удачно, на коробку с прогнувшейся бадминтонной сеткой, второму повезло меньше, его ждала жесткая посадка на бетон. К счастью, Лизи была в джинсах.

Падение оказалось удачным и по другой причине, думала она пятнадцать минут спустя, лежа на кровати, все еще полностью одетая, но уже отрыдавшись. К тому моменту она лишь изредка всхлипывала и шумно, с клокотанием в горле, набирала воздух в легкие. Падение (и страх, ему предшествующий) прочистило ей мозги. Она могла бы охотиться за шкатулкой еще два часа... дольше, если бы хватило сил. Назад на чердак, назад в спальню для гостей, назад в подвал. «Назад в будущее», — наверняка добавил бы Скотт, который всегда пускал шпильку в самый неподходящий момент. Или, как потом выяснялось, в самый что ни на есть подходящий.

В любом случае она могла искать шкатулку до зари, и поиски эти принесли бы ей разве что кучу мышиного дерьма. Теперь Лизи не сомневалась: или шкатулка стоит в столь очевидном месте, что она проходила мимо нее полдюжины раз, или в доме ее нет. К примеру, шкатулку могла украсть одна из уборщиц, которых у Лэндонов за долгие годы сменилось немало, или кто-то из рабочих, который увидел шкатулку и решил, что она понравится его жене, тогда как миссас (забавно, как прочно это слово засело в голове) мистера Лэндона никогда ее не хватится.

Рано, рано, поутру, маленькая Лизи, подал голос: Скотт, который пребывал в ее голове. Подумай об этом завтра, завтра будет другой день.

— Да. — Лизи села, внезапно осознав, что она — потная, вонючая женщина в мокрой от пота, грязной одежде. Как

могла быстро скинула с себя все, оставила ворох белья на полу, у изножья кровати, направилась в душ. При падении в подвале она поцарапала ладони, от шампуня их начало щипать, но боль она проигнорировала, дважды намылила волосы, позволив пене сбегать по лицу. Потом, простояв под горячей струей пять минут, решительно перевела рукоятку крана в самый конец синего сектора, выдержала какие-то мгновения под ледяной водой и выскочила из-под струи, жадно хватая ртом воздух. Вытерлась одним из больших полотенец, а когда бросила его в корзину для грязного, поняла, что вновь стала прежней Лизи, здравомыслящей и готовой закончить этот день.

Легла в постель, а перед тем как провалиться в темноту, напоследок подумала о помощнике шерифа Боукмене, который нес вахту на шоссе у съезда к ее дому. Мысль эта согрела Лизи, особенно после приступа страха, испытанного в подвале, и спала она крепко, без сновидений, пока ее не разбудили пронзительные телефонные звонки.

4

Звонила Кантата, из Бостона. Понятное дело, ей позвонила Дарла. Когда возникали какие-то проблемы, Дарла всегда звонила Кантате, обычно раньше, чем позже. Кантата хотела знать, нужно ли ей приехать. Лизи заверила сестру, что той нет абсолютно никакой необходимости уезжать из Бостона раньше намеченного, как бы трагически ни звучал голос Дарлы. Аманда устроена, и в принципе Канти здесь делать нечего.

— Ты можешь заглянуть к ней, но если не будет серьезных изменений к лучшему, а доктор Олбернесс заверил нас, что так рано на них рассчитывать нечего, она не будет знать, что ты сидишь рядом.

— Господи, — выдохнула Канти. — Лиза, это ужасно.

— Да. Но она находится среди людей, которые понимают ее состояние... или понимают, что требуется людям в таком состоянии. Мы с Дарлой будем держать тебя в кур..

Лизи ходила по спальне, разговаривала с сестрой по трубке беспроводного телефона. Теперь остановилась, уставившись на блокнот, который наполовину выскользнул из заднего правого кармана сброшенных на пол синих джинсов. Это был «Маленький блокнот с вычислениями» Аманды, только теперь Лизи почувствовала, что ее притягивает к нему.

— Лиза? — Канти была единственной, кто называл ее так постоянно, отчего она чувствовала себя женщиной, которая показывает победителям призы в той или иной телевикторине: «Лиза, покажите Хэнку и Марте, что они выиграли». — Лиза, ты меня слышишь?

— Да, милая. — Глаза не могли оторваться от блокнота. Маленькие кольца сверкали на солнце, маленькие металлические спиральки. — Я сказала, что мы с Дарлой будем держать тебя в курсе. — Блокнот изогнулся, приняв форму ягоды, прижимаясь к которой провел так много часов, Лизи продолжала смотреть на него, а голос Канти таял и таял. Лизи услышала, как сказала Канти, что та сделала бы то же самое, если бы оказалась на их месте. Она наклонилась и полностью вытащила блокнот из кармана джинсов. Пообещала Кантате, что позвонит вечером, сказала Кантате, что любит ее, попрощалась с Кантатой и не глядя бросила на кровать трубку беспроводного телефона. Потому что не могла отвести глаз от потрепанного блокнотика, который стоил каких-то семьдесят пять центов в любом магазине канцелярских товаров. Но почему этот блокнот буквально зачаровал ее? Потому что уже утро и она отдохнула? Она чистенькая и отдохнувшая? В ярком солнечном свете, вливающимся в окна, ее натужные поиски кедровой шкатулки вчера вечером казались несусветной глупостью, поведенческим воплощением тревог минувшего дня, но этот блокнот глупостью не казался, нет, нет, отнюдь.

И тут же, чтобы внести свою лепту в царящий в голове сумбур, раздался голос Скотта, более четко, чем когда-либо прежде. Господи, до чего же четким был этот голос! И сильным.

Я оставил тебе записку, любимая. Я оставил тебе бул.

Она подумала о Скотте под конфетным деревом, о Скотте в том странном октябрьском снегу, рассказывающем ей, что иной раз Пол дразнил его трудным булом... но никогда слишком трудным. Она не думала об этом долгие годы. Отталкивала эти мысли вместе со многим другим, о чем думать не хотела, отправляла за свой пурпурный занавес. Но что в этом было плохого?

— Он всегда хорошо ко мне относился. — В глазах Скотта стояли слезы, но в голосе их не слышалось. Голос звучал четко и уверенно. Как всегда, если у него было что рассказать, он хотел, чтобы его слушали. — Когда я был маленьким, он всегда ко мне хорошо относился, и я отвечал ему тем же. Мы держались вместе. Должны были. Я его любил, Лизи. Я так его любил.

Теперь она уже пролистывала страницы с числами (у бедной Аманды цифры налезали друг на друга). А дальше шли пустые страницы. Но Лизи продолжала их пролистывать, все быстрее и быстрее, в полной уверенности, что обязательно должна что-то найти, и наконец добралась до странички чуть ли не в самом конце, с единственным написанным печатными буквами словом:

ХОЛЛИХОКС

Почему слово это ей так знакомо? Сначала Лизи не могла этого понять, потом сообразила. «Какой я получу приз?» — спросила она существо в ночной рубашке Аманды, существо, отвернувшееся от нее. «Напиток», — ответило оно. «Коку», «Ар-си»? — спросила она, и существо сказало...

— Оно сказала... она или он сказал... «Помолчи, мы хотим полюбоваться холлихоксом».

Да, так или почти так. Для нее это слово ничего не значило и одновременно что-то значило. Еще мгновение-другое она смотрела на него, потом долистала блокнот до конца. Все страницы были пустыми. Она уже собралась отбросить блокнот, когда увидела призрачные, нечеткие слова под последней страницей. Перевернула ее и нашла надпись на внутренней стороне задней обложки блокнота:

4-я СТАНЦИЯ: ПОСМОТРИ ПОД КРОВАТЬЮ

Но прежде чем нагнуться, чтобы заглянуть под кровать, Лизи сначала вернулась к числам в начале блокнота. Потом к «ХОЛЛИХОКСУ», слову, которое нашла за десяток страниц до конца блокнота, получив подтверждение того, что уже знала: Аманда писала свои четверки под правильным углом и с перекладиной, как учили в начальной школе: 4. Это Скотт писал четверки так, что они немного напоминали знак амперсанда: 4. Это Скотт подчеркивал короткие записи и сообщения, а у Аманды была привычка писать мелкими, округлыми, прописными буквами.

Лизи перепрыгивала с «ХОЛЛИХОКСА» на «4-ю станцию: посмотри под кроватью» и думала о том, что, покажи она эти записи Дарле и Кантате, сестры без колебания сказали бы, что автор первой — Аманда, а второй — Скотт.

И существо, которое лежало с ней в кровати вчера утром...

— Оно говорило, как они оба, — прошептала Лизи. По коже побежали мурашки. — Люди могут называть меня безумной, но оно действительно говорило, как они оба.

Посмотри под кроватью.

Наконец-то она последовала полученной инструкции. И единственным обнаруженным булом стала пара старых шлепанцев.

5

Лизи Лэндон сидела в широкой полосе солнечного света, вливающегося в окно, скрестив ноги, положив руки на колени. Она спала голой, да так до сих пор и не оделась. Вновь смотрела на записку, направляющую ее к четвертой станции була: короткого була, хорошего була, еще немного — и она получит свой приз.

Иной раз Пол дразнил меня трудным булом... но никогда слишком трудным.

Никогда слишком трудным. Держа эту мысль в голове, она с треском захлопнула блокнот и посмотрела на последнюю страницу обложки. Обнаружила еще одну надпись, маленькими черными буквами под названием фирмы, изготовившей блокнот («ДЕННИСОН»):

mein gott*

Лизи поднялась и начала быстро одеваться.

6

Дерево закрывает их в мире, который принадлежит только им. За пределами дерева снег. А под конфетным деревом голос Скотта, гипнотический голос Скотта, и неужели она считала «Голодных дьяволов» его «ужастиком»? Вот она, его история-«ужастик», и за исключением слез, которые наворачиваются на глаза, когда он говорит о Поле и о том, как они держались друг за дружку, чтобы пережить и все эти порезы, и ужас, и кровь на полу, Скотт рассказывает ее недрогнувшим голосом.

* Боже мой (нем.).

«Мы никогда не устраивали охоты за булом, когда папа был дома, — говорит он, — только когда он уходил на работу. — Скотт практически изгнал выговор западной Пенсильвании из голоса, но теперь тот пробирается обратно, становится заметнее ее выговора янки: не «дома», а «да-ама», не «на работу» а «на рботу». — Пол всегда оставлял первую записку поблизости. В ней могло говориться «5 станций була» (чтобы понять, из скольких этапов будут состоять поиски), а потом: «Поиди в стенном шкафу». Первая станция лишь изредка была головоломкой, но остальные точно были. Я помню одну, в которой говорилось: «Пойди туда, где папа пнул кошку», — и, разумеется, речь шла о старом колодце. В другой говорилось: «Иди туда, где мы «пахали» весь день». И после короткого раздумья я понял, что это старый трактор Фармолла, который стоял на восточном поле у каменной стены, и точно, станция була находилась там, на сиденье, прижатая камнем. Поскольку станцией була у нас был простой клочок бумаги, ну, знаешь, записка, сложенная несколько раз, я практически всегда находил отгадки, а если у меня не получалось, Пол помогал мне наводящими вопросами, пока я не понимал, о чем речь. И в конце я всегда получал приз — «коку», «Ар-си колу» или конфетку».

Он смотрит на нее. За его спиной ничего, кроме белого, — белая стена. Конфетное дерево (на самом деле ива) окружило их ветвями, как магическим кругом, отгородило от мира.

Он говорит: «Иногда, когда отец был не в себе, порезами дело не заканчивалось, Лизи. Как-то раз в таком состоянии он посадил меня

7

на скамью в холле, и теперь она могла вспомнить то, что он сказал потом (хотела она этого или нет), но прежде чем Лизи проследовала за пурпурный занавес, где все время прятались

эти воспоминания, она увидела мужчину, который стоял на ее заднем крыльце. И это действительно был мужчина, не газонокосилка или пылесос. К счастью, она успела заметить, что на мужчине, пусть к ней пожаловал и не помощник шерифа Боукмен, хаки управления шерифа округа Касл. Только поэтому она не закричала, как Джейми Ли Кертис* в фильме «Хэллоуин».

Гость представился как помощник шерифа Олстон. Он прибыл, чтобы забрать из морозильника Лизи дохлую кошку, а также заверить ее, что будет приглядывать за домом весь день. Спросил, есть ли у нее сотовый телефон, и Лизи ответила, что да. Мобильник лежал в «BMW», и Лизи полагала, что он даже работает. Помощник шерифа порекомендовал ей постоянно носить телефон с собой и внести номер управления шерифа в список «быстрого дозвона». Увидев выражение ее лица, добавил, что готов сделать это сам, раз уж она «не привыкла пользоваться этой функцией».

Лизи, которая крайне редко вообще пользовалась мобильником, отвела помощника шерифа Олстона к «BMW». Как выяснилось, аккумулятор наполовину разряжен, но провод лежал в ящике консоли между передними сиденьями. Помощник шерифа Олстон протянул руку, чтобы вытащить прикуриватель, увидел табачный пепел, и его рука застыла над прикуривателем.

— Вытаскивайте, — дала команду Лизи. — Я решила вновь начать курить, но теперь, похоже, передумала.

— Полагаю, поступили правильно, мэм. — Помощник шерифа Олстон не улыбался. Вытащил прикуриватель, вставил штекер провода. Лизи понятия не имела, что такое возможно. Если она вспоминала, что нужно зарядить мобильник, то несла «моторолу» на кухню. Прошло два года, а она по-пре-

* Кертис Джейми Ли (р. в 1958) — известная голливудская актриса, получившая титул «королева криков» за роли в фильмах «ужасов», в которых снималась в начале карьеры. «Хэллоуин» (1978) — дебютный фильм актрисы.

жнему не могла привыкнуть к мысли, что рядом нет мужчины, который прочтет инструкцию и разберется с тем, что означают картинки на Рис. 1 и Рис. 2.

Она спросила помощника шерифа Олстона, сколько времени уйдет на зарядку.

— На полную? Не больше часа, может, и меньше. В это время вы будете неподалеку от телефона?

— Да, мне нужно кое-что сделать в амбаре. Вот в этом.

— Отлично. Как только аккумулятор зарядится, постоянно носите телефон с собой. Зацепите на ремень или за пояс джинсов. При малейших признаках тревоги нажмите на клавишу с цифрой «1», и — бам, — вы уже говорите с копом.

— Спасибо.

— Пустяки. И как я уже говорил, я буду к вам заглядывать. А в восемь вечера меня сменит Дэн Боукмен. Будет дежурить на дороге, если только не поступит вызов. Такое может случиться, в маленьких городах, как этот, вечер пятницы — самое напряженное время, но у вас будет телефон с режимом быстрого набора, и при необходимости он тут же подъедет.

— Очень хорошо. Вы что-нибудь узнали о человеке, который допекал меня?

— Нет, мэм, — спокойно ответил помощник Олстон... разумеется, он мог сохранять спокойствие, ему же не угрожали причинить боль, да и вряд ли кто-то пытался бы угрожать при его росте в шесть футов и пять дюймов и весе примерно в двести пятьдесят фунтов.

«Таких можно показывать на ярмарке», — мог бы сказать ее отец (в Лисбоне Дэнди Дебушер славился своими шуточками).

— Если Энди что-то услышит... я хочу сказать, помощник шерифа Клаттербак — он у нас за старшего, пока шериф Риджуик не вернется после медового месяца, — я уверен, он немедленно даст вам знать. А вы должны выполнять некоторые разумные меры предосторожности. Запирать все двери, когда вы дома, правильно? Особенно с наступлением темноты.

— Правильно.

— И держать сотовый телефон под рукой.

— Буду держать.

Он поднял руки с оттопыренными кверху большими пальцами и улыбнулся, когда она ответила ему тем же.

— Я сейчас спущусь вниз и возьму эту кошку. Готов спорить, вы будете рады, если больше ее не увидите.

— Да, — кивнула Лизи, но больше всего она хотела избавиться, во всяком случае, в данный момент, от помощника шерифа Олстона. Чтобы пойти в амбар и заглянуть под кровать. Ту самую, которая последние двадцать или около того лет простояла в выбеленном курятнике. Ту самую, которую они купили

(*mein gott*)

в Германии. В Германии, где

8

все, что могло пойти не так, пошло не так.

Лизи не помнила, где она слышала эту фразу, да, разумеется, это и не имело значения, но она с нарастающей частотой приходила ей в голову в те девять месяцев, которые они провели в Бремене: «Все, что может идти не так, идет не так».

Все, что может, *именно так*.

Дом на Бергенштрассе-Ринг-роуд продувается насквозь осенью, напоминает ледник зимой, становится сырым весной. Оба душа то работают, то нет, туалет внизу — громкий ужас. Хозяин сначала обещает, потом перестает отвечать на звонки Скотта. Скотт нанимает немецкую адвокатскую контору за жуткие деньги, главным образом потому, говорит он Лизи, чтобы этому сукосынистому хозяину дома такая вот вопиющая безответственность не сошла с рук, не может Скотт допустить, чтобы над ним взяли верх. Сукосынистый хозяин дома,

который иногда многозначительно подмигивает Лизи, когда Скотт не смотрит (она не решается сказать об этом Скотту — когда дело касается сукосынистого хозяина дома, Скотт напроць теряет чувство юмора), судебное дело проигрывает. Под угрозой юридических санкций он принимается за ремонт: крыша более не течет, туалет на первом этаже перестает жутко хохотать в полночь. Меняют котел-обогреватель. Вот оно, синеглазое чудо. А потом хозяин заявляется как-то вечером пьяный и кричит на Скотта на смеси немецкого и английского, называя Скотта «американским коммунистическим кипятильником». Эту фразу ее муж помнит и ценит до конца своих дней. Скотт, сам далеко не трезвый (в Германии Скотт и трезвость лишь изредка обменивались почтовыми открытками), в какой-то момент предлагает сукосынистому владельцу дома сигарету и говорит ему: «Goizzee on! Goizzee on, mein Furer, bitte, bittel!»* В этот год Скотт пьет, Скотт шутит и Скотт натравливает на сукосынистого хозяина дома адвокатов, но Скотт не пишет. Не пишет, потому что он всегда пьян, или всегда пьян, потому что не пишет? Лизи не знает. Серединка на половинку. К маю, когда его учебный курс заканчивается, ей уже все равно. К маю ей хочется перенестись в такое место, где разговоры в супермаркете или магазинах на главной улице не будут вызывать у нее мысли о существах из фильма «Остров доктора Моро», выведенных путем скрещивания людей и животных. Она знает, это несправедливо, но также знает, что за все время пребывания в Бремене у нее не появилось ни единой подруги, даже среди жен преподавателей, которые говорят на английском, а ее муж слишком много времени проводит в университете. Она же слишком много времени проводит в продуваемом всеми ветрами доме, кутается в шаль, но все равно мерзнет, почти всегда одинокая и несчастная, смотрит телевизионные программы, которые не пони-

* Возьмите! Возьмите, мой фюрер, пожалуйста, пожалуйста! (иск. нем.)

мает, или слушает, как грузовики режут на кольцевой транспортной развязке выше по склону холма. Когда проезжают большие «пежо», дом просто трясется. И тот факт, что Скотт тоже несчастен, занятия идут плохо, а его лекции просто катастрофа, не способствует улучшению настроения. А почему, скажите на милость, должен способствовать? Тот, кто сказал «страдание любит компанию», был битком набит берьмом. «То, что может сломаться, обязательно сломается», однако... этот парень что-то, да знал.

Когда Скотт дома, он гораздо чаще, чем она привыкла, маячит перед ней, потому что не забивается в темную маленькую комнатку, которую определил своим кабинетом, чтобы писать рассказы. Поначалу пытался их писать, но к декабрю его попытки стали все более редкими, а к февралю просто прекратились. Человек, который мог писать в «Мотеле 6», стоящем на обочине восьмиполосного шоссе, когда наверху шумела вечеринка, здесь полностью утратил свой дар рассказчика. Но он из-за этого не грустит, насколько она может видеть. Вместо того чтобы писать, он проводит долгие, веселые, выматывающие донельзя уик-энды с женой. Часто она пьет вместе с ним и напивается вместе с ним: за исключением того, чтобы оттрахать его, это все, что она может делать. Потом, правда, приходит похмельный понедельник, и Лизи буквально рада, провожая его в университет, хотя, когда на часах уже десять вечера, а Скотта все нет, она всегда сидит у окна, которое выходит на Ринг-роуд, озабоченно ожидая появления взятой напрокат «ауди», гадая, где он и с кем пьет. Иногда по субботам он убеждает ее поиграть с ним в прятки в большом, продуваемом насквозь доме, говорит, что их это по крайней мере согреет, и в этом он прав. Или они будут бегать друг за другом вверх-вниз по лестницам и вдоль коридоров в нелепых *lederhosen**, смеясь, как парочка обкурившихся (и сексуально озабоченных) подростков, выкрикивая колючие немец-

* кожаные шорты (нем.).

кие слова: «Achtung!», и «Jawohl!», и «Ich habe kopfschmerzen!»*, и, наиболее часто, «Mein gott!». И более чем часто эти дурацкие игры заканчивались сексом. Выпив или нет (чаще выпив), той зимой и весной Скотт хочет заниматься сексом, и она уверена, что, прежде чем покинуть этот продуваемый ветрами дом на Бергенштрассе, они потрахались во всех комнатах, большинстве ванных (даже в той, с жутко хохочущим туалетом) и в нескольких чуланах. Этот бесконечный секс — одна из причин, по которым она никогда (ну, почти никогда) не беспокоится о том, что он завел другую женщину, несмотря на его долгие отлучки, несмотря на его пьянство, несмотря на то, что он не занимается тем, ради чего создан, — не пишет истории.

Но, разумеется, и она не делает того, ради чего создана, и иногда очень ясно это осознает. Она не может сказать, что он лгал ей или уклонялся от правды, этого она сказать не может. Он сказал ей только раз, но прямо и откровенно: детей у них быть не должно. Если она чувствует, что должна иметь детей (и он знал, что она из большой семьи), тогда они не должны жениться. Это разобьет ему сердце, но, если она хочет детей, пусть так и будет. Он сказал ей это под конфетным деревом, где они сидели, отгородившись от всего мира, в том странном октябрьском снегу. Она позволяет себе вспомнить этот разговор только в Бремене, в одинокие будничные вечера, когда небо кажется белым, время останавливается, грузовики ревут и кровать трясется под ней. Кровать, которую он купил, и потом, по его настоянию, ее перевезут в Америку. Часто она лежит на ней, прикрыв глаза рукой, и думает, что это была действительно ужасная идея, несмотря на их веселые уик-энды и страстные (иногда неистовые) занятия любовью. Они выделяли такое, чего она и представить себе не могла какими-то шестью месяцами раньше, и Лизи знает, что все эти выкрута-

* Achtung — внимание; Jawohl — так точно; Ich habe kopfschmerzen — у меня болит голова (нем.).

сы не имеют никакого отношения к любви; все это от скуки, тоски по дому, выпивки и грусти. Он пьет, всегда много, и это начинает ее тревожить. Она видит — если он не остановится, все закончится очень плохо. И пустота чрева вгоняет ее в депрессию. Они заключили сделку, да, конечно, но под конфетным деревом она еще полностью не осознавала, что годы проходят, а у времени есть вес. Скотт, возможно, снова начнет писать, когда они вернутся в Америку, но что будет делать *она*? «Он никогда мне не лгал», — думает Лизи, лежа на бременской кровати, прикрыв глаза рукой, но видит время (и не такое уж далекое), когда такое состояние дел больше не будет ее устраивать, и перспектива эта ее пугает. Иной раз ей хочется, чтобы она никогда не сидела под той долбаной ивой со Скоттом Лэндоном.

Иной раз ей хочется, чтобы она никогда с ним не встрети-лась.

9

— Это неправда, — прошептала она амбарным теням, но почувствовала, как мертвый груз рабочих апартаментов над головой опровергает ее слова: все эти книги, все эти истории, вся эта прошедшая жизнь. Она не раскаивалась в том, что вышла за него замуж, но да, иногда ей *хотелось*, чтобы она никогда не встретила этого переполненного своими проблемами и создающего их другим мужчину. А встретила кого-нибудь еще. Скажем, милого спокойного программиста, который зарабатывал бы семьдесят тысяч долларов в год и дал ей троих детей. Двух мальчиков и девочку, один бы уже вырос и женился, а двое еще ходили бы в школу. Но это была бы не та жизнь, которую она нашла. Или не та, которая нашла ее.

Вместо того чтобы сразу идти к бременской кровати (она еще не готова, слишком рано), Лизи зашла в свое жалкое по-

добие кабинета, оглядела комнатушку. И что она собиралась здесь делать, пока Скотт наверху писал истории? Она не могла вспомнить, но знала, что притянуло ее сюда: телефонный автоответчик. Лизи смотрела на красную единицу, которая горела в окошечке с надписью «НЕПРОСЛУШАННЫЕ СООБЩЕНИЯ» под ним, и думала, стоит ли ей сразу позвонить помощнику шерифа Олстону, чтобы тот прослушал запись. Решила не звонить. Если сообщение оставил Дули, Олстон мог прослушать его и позже.

Разумеется, Дули. Кто же еще?

Она собрала волю в кулак, готовясь к новым угрозам, которые озвучит этот спокойный, кажущийся здравомыслящим голос, и нажала клавишу «ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ». Мгновением позже молодая женщина, представившаяся Эммой, принялась объяснять, как много денег сможет сэкономить Лизи, воспользовавшись услугами Эм-си-ай*... Лизи выключила сообщение на полуслове, нажала клавишу «СТЕРЕТЬ», подумала: «Вот она, женская интуиция».

И вышла из кабинета, смеясь.

10

Лизи смотрела на спеленутые контуры бременской кровати, не ощущая ни печали, ни ностальгии, хотя, по ее прикидкам, они со Скоттом занимались на ней любовью (во всяком случае, трахались, она не могла вспомнить, как много фактической любви было в период «СКОТТИ И ЛИЗИ В ГЕРМАНИИ») сотни раз. *Сотни?* Могло ли такое быть за какие-то девять месяцев, особенно если бывали дни, а иногда и целые рабочие недели, когда она видела его сначала в семь утра, еще сонного, бредущего к двери с портфелем, бьющим по колену,

* Эм-си-ай — Microwave Communications, Inc., крупнейшая телефонная и телеграфная компания, оперирующая в 65 странах мира.

а потом в десять вечера (или в четверть одиннадцатого), возвращающегося, волоча ноги, обычно на бровях? Да, она полагала, что возможно, если иной раз они проводили в кровати целые уик-энды, превращая ее, как говорил Скотт, в «траходром». Так почему же она не питала теплых чувств к этому укрытому монстру, сколь бы раз они на нем ни кувыркались? У нее была веская причина ненавидеть кровать, потому что она понимала, не интуитивно, а на уровне подсознательной логики («Лизи умна как дьявол, если только не задумывается об этом», — однажды она подслушала эту фразу, произнесенную Скоттом в разговоре с кем-то на вечеринке, и не знала, гордиться ли ей или стыдиться), что на этой кровати их семья едва не разрушилась. Не надо о том, каким отвратительно-прекрасным был секс или как он затрачивал ее до множественных оргазмов, забрасывал и забрасывал на вершину блаженства, пока она не начинала думать, что сойдет с ума от этого рвущего нервы наслаждения; не надо о том месте, которое она нашла, которого могла коснуться перед тем, как он кончал, и тогда по его телу просто пробегала дрожь, а иногда он кричал в голос, отчего она покрывалась «гусиной кожей», даже когда он был внутри ее, горячий, как... ну, горячий, как долбаная духовка. Лизи думала, как хорошо, что эта чертова машина покрыта саваном, словно огромный труп, ибо (во всяком случае, в ее памяти) все, что происходило между ними на этой кровати, было неправильным и насильственным, они на пару снова и снова сжимали горло их семейной жизни. Любовь? Заниматься *любовью*? Возможно. Может, несколько раз. Но прежде всего она помнила мерзотраханье, раз за разом. Придушить... и отпустить. Придушить... и отпустить. И всякий раз тому существу, что звалось Скотт-и-Лизи, требовалось больше времени, чтобы снова начать дышать. Наконец они уехали из Германии. В Саутхэмптоне поднялись на борт «Куин Элизабет II» и отплыли в Нью-Йорк. На второй день она вернулась с прогулки по палубе — и замерла у двери их каюты с ключом в руке, прислушиваясь. Из-за двери доносился мед-

ленный, но устойчивый стрекот пишущей машинки, и Лизи улыбнулась.

Она еще не позволяла себе поверить, что теперь все будет хорошо, но стоя под дверью, слушая, как он возвращается к тому, что должен делать, она знала: *такое возможно*. И не ошиблась. Когда он сказал, что договорился о перевозке в Америку, как он ее называл «Mein Gott Bed»*, Лизи никак не прокомментировала его слова, зная, что на ней они больше не будут ни спать, ни заниматься любовью. Если бы Скотт предложил ей такое («Только разок, маленькая Лизи, в память о давно минувших днях»), она бы отказалась. Более того, послала бы куда подальше. Если и существовала мебель, в которую вселился призрак, так это была вот та самая кровать.

Лизи подошла к кровати, опустилась на колени, подняла край чехла и заглянула под нее. И там, в пыльном зазоре между кроватью и полом, куда вернулся запах куриного помета («Как пес возвращается к своей блевотине», — подумала Лизи), стояло то, что она искала.

Там, в густой тени, Лизи различила силуэт кедровой шкатулки доброго мамика Дебушер.

Глава 8 ЛИЗИ И СКОТТ

(Под конфетным деревом)

1

Едва она успела зайти в залитую солнцем кухню, сжимая в руках кедровую шкатулку, как затрезвонил телефон. Она поставила шкатулку на стол и ответила рассеянным «алло».

* Моя божественная кровать (нем.-англ.).

больше не боясь голоса Джима Дули. Если бы позвонил он, она бы сказала, что обратилась в полицию, а потом положила бы трубку. В настоящий момент она была слишком занята, чтобы бояться.

В трубке раздался голос Дарлы — не Дули, звонила она из комнаты для посетителей «Гринлауна», и Лизи не особенно удивилась, выяснив, что Дарлу мучает совесть из-за звонка Канти в Бостон. А если бы все было наоборот, Канти находилась бы в Мэне, а Дарла в Бостоне? Лизи подумала, что от перемены мест слагаемых ничего бы не изменилось. Она не знала, по-прежнему ли Дарла и Канти любят друг друга, но связь между ними осталась, как между пьяницей и выпивкой. Когда они были детьми, добрый мамик говорила: если Кантата подхватывает грипп, то у Дарланны тут же поднимается температура.

Лизи пыталась давать правильные ответы, как и в более раннем телефонном разговоре с Канти, и по той же причине — чтобы поскорее закончить с этим берьмом и заняться своими делами. Она полагала, что сможет позаботиться о сестрах позже (надеялась на это), но здесь и сейчас угрызения совести Дарлы значили для нее так же мало, как и нынешнее состояние Аманды. Так же мало, как и теперешнее местопребывание Дули, при условии, что его нет в одной комнате с ней и он не размахивает ножом.

Нет, нет, заверила она Дарлу, ты поступила правильно, позвонив Канти. И да, Канти совершенно незачем срываться из Бостона и мчаться сюда. И да, конечно, она, Лизи, сегодня обязательно навестит Аманду, только попозже.

— Это ужасно. — И Лизи, пусть и занятая своими мыслями, услышала страдания в голосе сестры. — Она ужасная. — Тут же Дарла затараторила: — Я хотела сказать другое, она не ужасная, разумеется, нет, но это ужасно — *видеть* ее такой. Там только ее оболочка, Лизи. Солнце освещало половину ее лица,

когда я была там, утреннее солнце, и кожа у нее выглядела такой серой и *старой*...

— Не надо так расстраиваться, милая. — Кончиками пальцев Лизи водила по гладкой лакированной крышке кедровой шкатулки доброго мамика. Даже сейчас, при закрытой крышке, она ощущала идущий изнутри сладкий запах. А уж открыв ее, собиралась наклониться и с головой нырнуть в аромат, будто вдохнуть прошлое.

— Они кормят ее через трубочку, — говорила Дарла. — Вставляют, а потом вынимают. Если она не начнет есть сама, полагаю, трубочку оставят насовсем. — Она то ли вздохнула, то ли всхлипнула. — Они кормят ее через трубочку, а она уже такая *тощая* и не говорит, а я поговорила с медсестрой, и та сказала, что иногда они остаются такими на годы, иногда вообще не возвращаются, ох, Лизи, не знаю, как я все это *вынесу!*

Последние слова Дарлы вызвали у Лизи легкую улыбку, а ее пальцы двинулись к петлям на задней стороне шкатулки. Это была улыбка облегчения. Она разговаривала с Дарлой — королевой драмы, Дарлой-Примадонной, то есть все вернулось на круги своя, обе сестры играли привычные им роли. На одном конце провода Дарла Впечатлительная. Протяните ей руку помощи, дамы и господа. На другом конце — Маленькая Лизи, маленькая, да удаленькая. Давайте послушаем, что она скажет.

— Я заеду в «Гринлаун» во второй половине дня, Дарла, и еще раз поговорю с доктором Олбернессом. К тому времени у них сложится более ясная картина относительно ее состояния.

— Ты действительно так думаешь? — В голосе Дарлы слышалось сомнение.

На этот счет у Лизи не было ни малейшего долбаного понятия.

— Абсолютно. А тебе следует поехать домой и отдохнуть. Может, даже поспать.

— Ох, Лизи, — говорила Дарла с драматическими интонациями, — я просто не смогу уснуть.

Лизи было без разницы, будет ли Дарла есть, спать, курить травку или проснетесь на бегонии. Ей хотелось положить трубку.

— Дорогая, потом ты сможешь приехать, а пока постарайся расслабиться. Слушай, не могу больше говорить. Должна следить за духовкой.

Настроение Дарлы мгновенно переменялось.

— Ой, Лизи! Ты? — Лизи это вопросительное «ты» крайне разозлило. Как будто за свою жизнь она ничего не готовила, кроме... чизбургерного пирога из полуфабриката. — Что ты печешь? Банановый хлеб?

— Ты почти угадала. Клюквенный хлеб. Я должна проверить, как он там.

— Но позже ты заедешь сюда, чтобы проведать Анду, правда?

Лизи хотелось кричать. Вместо крика она сказала:

— Обязательно. Во второй половине дня.

— Ну, тогда... — Дарла замолчала. «Убеди меня, — просило ее молчание. — Поговори со мной еще минут пятнадцать и убеди меня». — Пожалуй, я могу поехать домой.

— Вот и договорились. Пока, Дарл.

— И ты не считаешь, что я поступила неправильно, позвонив Канти?

Нет! Позвони Брюсу Спрингстину! Позвони Холлу Холбруку! Позвони Конди Долбаной Райс! Только ОТСТАНЬ ОТ МЕНЯ!*

— Нет, конечно. Я думаю, ты все сделала правильно. Держи ее... — Лизи вдруг подумала о маленьком блокнотике с вычислениями Аманды. — Держи ее в курсе.

— Ну... хорошо. До свидания, Лизи. Полагаю, мы скоро увидимся.

* Спрингстин Брюс (р. в 1949) — один из известнейших американских исполнителей рок-н-ролла. Холбрук Хол (р. в 1925) — известный американский актер театра и кино. Райс Кондолиза (р. в 1954) — 66-й государственный секретарь США.

— Пока, Дарл.
Щелчок отбоя.
Наконец-то.

Лизи закрыла глаза, откинула крышку шкатулки и вдохнула сильный аромат кедра. На мгновение позволила себе вновь стать пятилетней девочкой, одетой в шорты Дарлы, которые стали той малы, и обутой в свои чуть стоптанные, но любимые ковбойские сапожки «Маленькая наездница» с выцветшими розовыми ушками по бокам.

Потом заглянула в шкатулку, чтобы посмотреть, что там лежит и куда это ее приведет.

2

Сверху лежал пакет из фольги длиной шесть или восемь дюймов, шириной в четыре, толщиной в два. В двух местах содержимое пакета выпирало, обтянутое фольгой. Она не знала, что это, но когда подняла, уловила легкий запах мяты (собственно, она уловила его и раньше, он накладывался на кедровый аромат шкатулки) и вспомнила еще до того, как раскрыла пакет и увидела окаменевший кусок свадебного торта. А в нем — две пластмассовые фигурки: кукла-мальчик во фраке и цилиндре и кукла-девочка в свадебном платье. Лизи собиралась хранить этот кусок год, а потом съесть на пару со Скоттом на первую годовщину их свадьбы. Это ли не суеверие? Если так, ей следовало положить кусок торта в холодильник. А он оказался в шкатулке.

Лизи ногтем отщипнула кусочек глазури и положила в рот. Вкуса практически не почувствовала, лишь намек на сладость и едва уловимый, исчезающий вкус мяты. Они поженились в часовне Ньюмана в университете Мэна, на гражданской церемонии. Приехали все ее сестры, даже Джоди. Линкольн, брат папаши Дебушера, прибыл из Саббатуса, чтобы передать жени-

ху невесту. Присутствовали друзья Скотта из Пита и университета Мэна в Ороно, а его литературный агент был шафером. Родственников Скотта, разумеется, не было; родственники Скотта умерли.

Под окаменевшим куском торта лежала пара свадебных приглашений. Они со Скоттом писали их сами для своих приглашенных, и она сохранила два, написанных Скоттом и ею. Тут же лежала сувенирная книжица со спичками. Они обсуждали другой вариант: заказать приглашения и книжицы со спичками в типографии. Могли позволить себе такие расходы, пусть деньги от массового издания в мягкой обложке романа «Голодные дьяволы» еще не пришли, но в конце концов решили, что приглашения, написанные от руки, более душевные (и, естественно, более прикольные). Она помнила, как купила пятьдесят книжиц со спичками с белой обложкой в супермаркете «ИГА» в Кливс-Миллис, а потом надписала их сама красной шариковой ручкой. Книжица, которую она держала в руке, наверное, была единственной уцелевшей, и она разглядывала ее с любопытством археолога и сердечной болью влюбленной.

Скотт и Лиза Лэндон
19 ноября 1979 г.
«Теперь нас двое»

Лизи почувствовала, как слезы щиплют глаза. Идея «Теперь нас двое» принадлежала Скотту. Он сказал, что это отсылка к «Винни-Пуху». Она вспомнила эту книгу, как только Скотт ее упомянул (очень уж часто уговаривала Джодоту или Аманду чтением перенести ее в Дремучий лес), и подумала, что «Теперь нас двое» — блестяще, идеально. За это она его даже поцеловала. А теперь едва могла заставить себя смотреть на спичечную книжицу с этим глупым храбрым девизом. То был другой конец радуги, а теперь она осталась одна, и какая

дурацкая цифра эта единица. Лизи сунула книжицу в нагрудный карман блузки, а потом вытерла слезы со щек: некоторые все-таки выкатились из глаз. Мокрая работа — исследование прошлого.

«Что со мной происходит?»

Она бы дала цену своего дорогого «бумера» да еще накинула бы, чтобы узнать ответ на этот вопрос. А ведь казалось, что все у нее в порядке! Она похоронила его и пошла дальше; сняла траурные одежды и пошла дальше. Более двух лет строка из старой песни казалась правдой: «Я прекрасно обхожусь без тебя»*. Она даже начала наводить порядок в его рабочих апартаментах — и разбудила призрака не в каком-то эфемерном призрачном мире, а в себе. Она даже знала, где и когда это произошло: в конце первого дня, в кабинете, в углу, который Скотту нравилось называть «мой мемориальный уголок». Там на стене висели его литературные награды, дипломы, забранные стеклом: Национальная книжная премия, Пулитцеровская за беллетристику, «Лучший роман года в жанре фэнтези» за «Годных дьяволов». И что случилось?

— Я сломалась, — признала Лизи дрогнувшим, испуганным голосом и запечатала фольгу, в которой лежал кусок ископаемого свадебного торта.

Точнее не скажешь. Она *сломалась*. Отчетливостью ее воспоминания не отличались, но началось все потому, что ей захотелось пить. За стаканом воды она прошла в эту бестолковую долбаную нишу-бар (бестолковую, потому что Скотт давно уже не пил, хотя его роман со спиртным затянулся намного дольше, чем роман с куревом), но вода не полилась, ничего не полилось, зато послышалось сводящее с ума урчание в трубах, перекрытых воздушной пробкой. Если бы она подождала, вода со временем, может, и потекла бы, но вместо этого Лизи закрыла кран и вернулась к дверному проему между

* «Я прекрасно обхожусь без тебя» — песня Хоаги Кармайкла (1899—1981), известнейшего американского композитора, пианиста, певца, актера.

нишей-баром и так называемым мемориальным уголком. Яркость света потолочной лампы регулировалась реостатом, и в тот момент светила она далеко не на полную мощность. При таком свете все выглядело нормальным... все выглядело по-прежнему, ха-ха. Казалось, в следующее мгновение откроется дверь с наружной лестницы, он войдет, включит музыку и начнет писать. Как будто он и не ушел навсегда. И что ей следовало ощутить? Грусть? *Ностальгию*? Неужели именно это? Что-то такое приятное, такое дражайшее, как ностальгию? Как бы не так, потому что в тот момент, вот умора-то, на нее нахлынула одновременно лихорадочно-горячая и замораживающе-холодная...

3

На нее — практичную Лизи, Лизи, которая всегда остается хладнокровной (за исключением, возможно, того дня, когда ей пришлось махать серебряной лопатой, да и за тот день она хвалит себя, потому что все сделала правильно), на маленькую Лизи, которая не теряет головы, когда эта участь постигает всех окружающих, — на нее нахлынула дикая, ослепляющая ярость, божественная ярость, которая, похоже, отталкивает в сторону ее разум и захватывает контроль над телом. И однако (она еще не знает, парадокс это или нет) эта ярость вроде бы вносит ясность в мысли, *должна вносить*, потому что она наконец-то понимает. Два года — долгий срок, но *все наконец-то встает на свои места. Она понимает, что к чему. Она видит свет.*

Он *отдал концы*, как говорится (тебе это нравится?).

Он *откинулся* (ты от этого в восторге?).

Теперь его пища — *сэндвич с землей* (этот перл я выловила в пруду, к которому мы все спускаемся, чтобы утолить жажду и порыбачить).

И если подводить итог, что остается? А то, что он увлек ее и бросил. Смылся. Сделал ноги. Отправился в путь-дорогу, покинул город на «Полночном экспрессе». Подался в Долины*. Оставил женщину, которая любила его каждой клеткой своего тела и каждой частичкой серого вещества в своей не слишком умной голове, и теперь все, что у нее есть, вот эта дерьмовая... долбаная... скорлупа.

Она ломается. Лизи ломается. И когда бросается в его идиотский, долбаный мемориальной уголок, вроде бы слышит голос Скотта: *СОВИСА, любимая... «энергично поработать, когда сочтешь уместным»*, а потом голос замолкает, и она начинает срывать со стены забранные в рамки дипломы и фотографии. Она хватает бюст Лавкрафта, врученный ему как лауреату премии «Лучший роман года в жанре фэнтези» за «Голодных дьяволов», эту отвратительную книгу, и швыряет его через весь кабинет, крича: «Пошел на хер, Скотт! Пошел на хер!» Это один из тех редких случаев, когда это слово срывается с ее языка после той ночи, когда Скотт рукой разбил стекло теплицы, после ночи кровь-була. Она злилась на него и тогда, но никогда не была так зла, как сейчас; будь он здесь, она могла бы снова его убить. Она вне себя от ярости, срывает со стен все его регалии до последней: из того, что падает на пол, мало что разбивается, спасибо толстому ковру (в этом ей повезло, думает она, когда приступ безумия проходит). Она поворачивается и поворачивается вокруг оси, снова и снова выкрикивает его имя: «*Скотт! Скотт! Скотт!*» — плачет от горя, плачет от чувства потери, плачет от ярости; плачет, чтобы он объяснил ей, как мог вот так ее оставить, плачет, потому что хочет, чтобы он вернулся, ох, вернулся. Какое там *все по-прежнему*, без него *все не так*, ей его недостает, у нее внутри дыра, и ветер; еще более холодный, чем прилетает из Йелло-

* Подробнее о Долинах (параллельном мире) в романах С. Кинга «Талисман» и «Черный дом».

унайфа, теперь продувает ее насквозь, а мир — такой пустой, настолько лишен любви, когда нет никого, кто выкрикивает твое имя и зовет тебя домой. В конце концов она хватается монитор компьютера, который стоит в мемориальном уголке, и что-то в спине предупреждающе хрустит, но она не обращает внимания на свою долбаную спину, голые стены смеются над ней, и она в ярости. Лизи неуклюже разворачивается с монитором в руках и швыряет его в стену. Глухой удар, звон стекла... а потом тишина.

Нет, снаружи стрекочут цикады.

Лизи падает на усыпанный осколками ковер, всхлипывая, опустошенная донельзя. И она просит его хоть как-то вернуться? Она просит его вернуться в ее жизнь всеми силами охватившего ее горя? Он вернулся, как вода, которая наконец-то потекла по давно пустующей трубе. Она думает, что ответ на все это...

4

— Нет, — пробормотала Лизи. Потому что (безумная, конечно, мысль) Скотт, похоже, заготовил для нее все эти станции охоты на була *задолго до того, как умер*. Связался с доктором Олбернессом, например, который, так уж вышло, оказался поклонником его творчества. Как-то заполучил историю болезни Аманды и привез ее на ленч, это же надо! И вот результат: «Мистер Лэндон сказал, если мы когда-нибудь встретимся, я должен спросить вас о том, как он провел медсестру в тот раз в Нашвилле».

И... когда он поставил кедровую шкатулку доброго мамика под бременскую кровать в амбаре? Потому что это наверняка сделал Скотт, она сама точно шкатулку туда не ставила.

В 1996-м?

(заткнись)

Зимой 1996-го, когда у Скотта съехала крыша, и ей пришлось...

(А ТЕПЕРЬ ЗАТКНИСЬ, МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗИ)

Хорошо... хорошо, она заткнется насчет зимы 1996 года (сейчас заткнется)... но, похоже, именно тогда. И...

Охота на бул. Но *почему?* С какой целью? Чтобы позволить взглянуть на те эпизоды их жизни, вспомнить которые она раньше не решалась? Возможно. *Вероятно.* Скотт все это знал по себе, наверняка сочувствовал разуму, который хотел спрятать самые ужасные воспоминания за занавесами или засунуть их в шкатулки со сладким запахом.

Хороший бул.

Ох, Скотт, что в этом хорошего? Что хорошего во всей этой боли и печали?

Короткий бул.

Если так, кедровая шкатулка — или конечная станция, или одна из последних, но у нее уже появилась мысль: если она пойдет дальше, то пути назад, возможно, не будет.

Милая, вздохнул он... но лишь у нее в голове. Никаких призраков: Только воспоминания. Только голос ее мертвого мужа. Она в это верила; она это *знала.* Могла закрыть шкатулку. Могла задернуть занавес. Могла не ворошить прошлое.

Любимая.

Он всегда своего добивался. Даже мертвый, он знал, как добиться своего.

Лизи вздохнула (печальным и одиноким восприняли этот звук ее уши) и решила идти дальше. Все-таки сыграть роль Пандоры.

5

Еще одним сувениром, оставшимся от дня их урезанного, без венчания, бракосочетания (но они хранили верность своим обетам, хранили очень хорошо), который она засунула в

шкатулку, стала фотография со свадьбы, которую они устроили в «Роке» — самом безвкусном, самом шумном, самом грязном ночном рок-н-ролльном клубе Кливс-Миллса.

Фотография запечатлела ее и Скотта, когда они вышли на первый танец. Она — в белом кружевном платье, Скотт — в простом черном костюме («Мой костюм гробовщика», — так он его называл), который он купил специально для этого случая (и той зимой надевал снова и снова во время рекламного тура «Голодных дьяволов»). На заднем плане она видела Джодоту и Аманду, невероятно молодых и миловидных, с забранными наверх волосами, их руки застыли, не дойдя друг до друга в очередном хлопке. Она смотрела на Скотта, а он улыбался, глядя на нее сверху вниз, его руки лежали на ее талии, и, Господи, какими длинными были у него волосы, почти касались плеч, она об этом забыла.

Лизи прошла по фотографии кончиками пальцев, проводя ими по людям, какими они были в тот знаменательный момент: «**СКОТТИ ЛИЗИ, НАЧАЛО!**» — вдруг обнаружила, что может вспомнить даже название рок-группы из Бостона («Свингующие Джонсоны», забавно, однако) и песню, под которую они танцевали перед своими друзьями, «Уже поздно поворачивать назад», которая впервые прозвучала в исполнении «Братьев Корнелиусов и сестры Розы».

— Ох, Скотт, — вырвалось у нее. Еще одна слеза поползла по щеке, и Лизи рассеянно смахнула ее. Потом положила фотографию на залитый солнечным светом кухонный стол и продолжила раскопки. В шкатулке лежала тонкая стопка меню, салфеток с логотипами различных баров, спичечные книжцы из мотелей Среднего Запада, а также программка из университета Индианы в Блумингтоне, приглашающая на чтение «Голодных дьяволов» автором романа Скоттом Линденом. Она помнила, что сохранила программку из-за опечатки, сказав ему, что когда-нибудь программка эта будет стоить целое состояние, а Скотт ответил: «Что-то ты размечталась, любимая». На

программке стояла и дата: 19 марта 1980 г. Но где сувениры из «Оленьих рогов»? Она оттуда ничего не взяла? В те дни она всегда *что-то* брала, такое у нее было хобби, и она могла *поклесться*...

Лизи подняла программку «Скотт Линден», и под ней лежало темно-пурпурное меню с надписями золотом «ОЛЕНЬИ РОГА» и «PITI, GYNOSPI». И она услышала Скотта так ясно, словно он говорил ей на ухо: «Раз уж мы в Риме, будем делать то, что делают римляне». Сказал в пустом (только они и официантка) обеденном зале, когда заказал для них обоих «Обед от шеф-повара». И потом, в кровати, когда накрыл ее обнаженное тело своим.

— Я предложила заплатить за него, — она протянула меню солнечной пустой кухне, — но тот парень сказал, что я могу его взять. Потому что мы — единственные гости. И потому что шел снег.

Тот странный октябрьский снег. Они провели в «Оленьих рогах» две ночи, хотя планировали остаться только на одну, и во вторую она долго лежала без сна после того, как Скотт заснул. Холодный атмосферный фронт, который принес с собой этот необычный снегопад, уже уходил, и она слышала, как снег тает и вода капает с карнизов. Она лежала в этой незнакомой постели (первой из незнакомых постелей, которые она делила со Скоттом), думала об Эндрю «Спарки» Лэндоне, Поле Лэндоне и Скотте Лэндоне — Скотте уцелевшем. Думала о булах. Хороших булах и кровь-булах.

Думала о пурпуре. И о пурпуре тоже думала.

В какой-то момент облака разорвались, и комнату залил белесый лунный свет. И вот под этим светом она наконец-то уснула. На следующий день, в воскресенье, они уехали, и местность вокруг них возвращалась из зимы в осень, а менее чем месяц спустя они танцевали под песню «Уже поздно поворачивать назад» в исполнении «Свингующих Джонсонов».

Она открыла тисненное золотом меню, чтобы посмотреть, что предлагал шеф-повар в тот далекий вечер, и из меню выпала фотография. Лизи сразу ее вспомнила. Хозяин отеля сделал ее маленьким фотоаппаратом «никон» Скотта. Он нашел две пары снегоступов (все его лыжи еще находились на складе в Норт-Конуэе, сказал он, вместе с четырьмя снегоходами) и настоял на том, чтобы Скотт и Лизи отправились на пешую прогулку по тропе, которая начиналась за отелем. «Наши леса в снегу — это фантастика, — вспомнились Лизи его слова. — И все они сегодня ваши. Вы не увидите ни одного лыжника, ни одного снегохода. Такой шанс выпадает раз в жизни».

Он даже запаковал им ленч и бутылку красного вина за счет заведения. И вот они, в толстых зимних штанах и куртках, с теплыми наушниками, которые нашла им веселая жена хозяина отеля (у Лизи куртка до смешного огромная, закрывает колени), позируют около деревенского отеля, предоставляющего ночлег и завтрак, в снегопад, похожий на спецэффекты Голливуда, в снегоступах, и улыбаются, как пара радостных олухов. Им одолжили и рюкзак, в который Скотт положил ленч и бутылку. Скотт и Лизи, отправляющиеся в поход к конфетному дереву, пусть тогда они этого и не знали. Отправляющиеся в поход по улице Воспоминаний. Только для Скотта Лэндона улица Воспоминаний — аллея Выродков, и не приходится удивляться, что он предпочитает заглядывать туда как можно реже.

«И все-таки, — думала Лизи, вода кончиками пальцев по этой фотографии, точно так же, как по фотографии их свадебного танца, — ты, должно быть, знал, что должен пойти туда хотя бы один раз перед тем, как я выйду за тебя замуж, нравится тебе это или нет. Ты считал себя обязанным кое-что мне рассказать, не так ли? Историю, которая обоснует твое не подлежащее изменением условие. Должно быть, ты не одну неделю выискивал подходящее место. И когда увидел это дере-

во, эту иву, так заваленную снегом, что под ветвями образовался грот, ты понял, что нашел его, и не мог и дальше тянуть с рассказом. Как же ты, должно быть, тогда нервничал. Как боялся, что я, выслушав тебя, скажу, что все-таки не выйду за тебя замуж».

Лизи думает, что тогда он сильно нервничал, все так. Она могла вспомнить его молчание в автомобиле. Разве она еще не решила, что он думает о чем-то своем? Да, потому что обычно Скотт был таким говорливым.

— Но к тому времени ты должен был достаточно хорошо меня знать... — начала она и замолчала. Разговор с самим собой хорош тем, что нет нужды заканчивать фразу. К октябрю 1979 года он, должно быть, знал ее достаточно хорошо, чтобы верить: она останется. Черт, да когда она не указала ему на дверь, после того как он так искромсал руку, разбив стекло в теплице, он уже должен был поверить, что она готова к долгому путешествию. Но он нервничал из-за того, что придется выставить напоказ все эти давние воспоминания, коснуться этих древних жизненных струн? Лизи догадалась, что нервничал — мягко сказано. Догадалась, что он был испуган до долбаной смерти.

Тем не менее Скотт взял ее затянутую в перчатку руку в свою и указал на иву: «Давай поедим там, Лизи... давай пойдём под это...

6

— Давай поедим под этой ивой, — говорит он, и Лизи более чем согласна с его предложением. Во-первых, она страшно проголодалась. Во-вторых, ноги, особенно икры, болят от непривычной нагрузки, связанной с особенностью передвижения в снегоступах: поднял ногу, повертел, тряхнул... А главное, она хочет отдохнуть от необходимости смотреть на этот

бесконечно падающий снег. Прогулка, как и обещал хозяин отеля, получилась великолепной, это спокойствие, думает Лизи; она запомнит на всю жизнь, единственные звуки — их дыхание, скрип снега под снегоступами да бесконечная дробь, которую где-то вдалеке выбивает дятел. И все же этот устойчивый поток (иначе, наверное, и не скажешь) гигантских снежинок уже начал ее доставать. Снег такой густой, падает так быстро, что мешает сосредоточиться на чем-либо, она теряет ориентацию, у нее кружится голова. Ива стоит на краю поляны, ее ветви со все еще зелеными листьями тянет к земле толстый слой белой глазури.

«Они называются вайя?» — гадают Лизи, думает, что спросит за ленчем у Скотта. Скотт-то наверняка знает. Но спросить так и не удастся. Потому что появляются другие вопросы.

Скотт направляется к иве, Лизи — за ним, поднимая ноги, стряхивая снег со снегоступов, шагает по следам своего жениха. Добравшись до дерева, Скотт, как занавес, раздвигает покрытые снегом ветви с зеленой листвой и заглядывает внутрь. Его обтянутый синими джинсами зад приглашающе смотрит на нее, словно напрашивается на пинок.

— Лизи! — говорит Скотт. — Тут очень мило. Подожди, пока ты...

Она поднимает снегоступ «А» и прикладывает его к обтянутым синими джинсами задку «Б». Жених «В» мгновенно исчезает в засыпанной снегом иве «Г» (в удивлении выругавшись). Это забавно, очень забавно, и Лизи начинает смеяться, стоя под падающим снегом. Она вся им покрыта, даже ресницы потяжелели от снега.

— Лизи? — доносится из-под белого зонтика.

— Да, Скотт?

— Ты меня видишь?

— Нет, — отвечает она.

— Тогда подойди поближе.

Она подходит по его следам, зная, что ее ждет, но когда его рука выстреливает сквозь снежно-зеленый занавес, а пальцы ухватывают ее запястье, это все равно сюрприз, и она вскрикивает, смеясь, потому что она не просто удивлена; она даже немного испугана. Он тащит ее на себя, и холодная белизна накрывает ее лицо, на мгновение ослепляет. Капюшон ее куртки откинут, и снег попадает на шею, замораживает теплую кожу. Лизи стягивает с ушей меховые наушники и слышит приглушенное «бламп»: за ее спиной с дерева падают тяжелые глыбы снега.

— Скотт! — ахает она. — Скотт, ты меня на... — и замолкает.

Он стоит перед ней на коленях, капюшон его куртки откинут назад, открывая гриву черных волос, почти таких же длинных, как у нее. Теплые наушники висят на шее как настоящие. Рюкзак рядом с ним, прислонен к стволу дерева. Он смотрит на нее, улыбается, ждет, когда она сообразит, что к чему. И Лизи соображает. Соображает быстро. «Любой сообразил бы», — думает она.

Ощущение такое, будто ее пустили в сарай, где большая сестра Анда и ее друзья играли в пиратов...

Но нет. Даже лучше, потому что здесь не пахнет старым деревом, отсыревшими журналами и заплесневелым мышинным пометом. Он словно привел ее в совершенно другой мир, затащил в магический круг, и все пространство под белым куполом принадлежит только им. Диаметр основания этого пространства — десять футов. По центру — ствол ивы. У травы, растущей вокруг, по-прежнему цвет лета — зеленый.

— Ох, Скотт. — И у нее изо рта не вырывается пар. Тут тепло, осознает Лизи. Снег, плотным слоем лежащий на ветвях, служит теплоизоляцией. Она расстегивает молнию куртки.

— Круто, правда? А теперь послушай, как здесь тихо.

Он замолкает. Молчит и она. Поначалу думает, что вообще нет никаких звуков, но это не так. Один есть. Она может слышать медленные, приглушенные удары. Это ее сердце. Он протягивает руки, снимает с нее перчатки, берет ее руки в свои. Целует каждую ладошку точно посередине. Оба не говорят ни слова. Тишину нарушает Лизи: урчит ее желудок. Скотт хочет, усаживается спиной к стволу ивы.

— И мой тоже урчит, — признается он. — Я хотел выгащить тебя из этих лыжных штанов и трахнуть здесь, Лизи, тут достаточно тепло, но после такой прогулки я слишком голоден.

— Может, позже, — отвечает она, зная, что позже она так наестся, что ей будет не до траханья, но это и не важно; если снег и дальше будет так валить, они почти наверняка проведут вторую ночь в «Оленьих рогах», и ее это вполне устраивает.

Она раскрывает рюкзак и выкладывает их лэнч. Два толстых сэндвича с курятиной (и много-много майонеза), салат, два увесистых куска того, что оказывается пирогом с изюмом.

— Конфетка, — говорит он, когда она протягивает ему бумажную тарелку.

— Разумеется, конфетка, — соглашается она. — Мы под конфетным деревом.

Он смеется.

— Под конфетным деревом. Мне это нравится. — Потом улыбка тает, и он смотрит на нее со всей серьезностью. — Тут мило, не правда ли?

— Да, Скотт. Очень мило.

Он наклоняется над едой. Она наклоняется ему навстречу. Они целуются над салатом.

— Я люблю тебя, маленькая Лизи.

— Я тоже люблю тебя. — И в тот момент, спрятанная от мира в этом зеленом и магическом круге тишины, она не могла любить его больше. Это точно.

Хотя Скотт и утверждал, что страшно голоден, он съедает лишь половину своего сэндвича и едва прикасается к салату. К пирогу с изюмом не притрагивается вовсе, но выпивает больше половины бутылки вина. У Лизи аппетит получше, но и она набрасывается на еду не с той жадностью, какую могла ожидать от себя. Ее гложет червь тревоги. О чем бы ни думал Скотт, озвучивание этих мыслей дастся ему нелегко, а ей, возможно, придется еще тяжелее. Отсюда и большая часть ее тревоги: она понятия не имеет, о чем может пойти речь. Какие-то проблемы с законом в той сельской западной Пенсильвании, где он вырос? У него уже есть ребенок? Может, он даже женился по молодости, и этот скороспелый брак через два месяца закончился разводом или аннулированием семейного союза? Или речь пойдет о Поле, брате, который умер? В любом случае разговор этот состоится сейчас. «Точно так же, как за громом следует дождь», — сказала бы добрый мамик. Скотт смотрит на свой кусок пирога, вроде бы хочет откусить, вместо этого достает пачку сигарет.

Она вспоминает его «Семьи засасывают», и думает: «Это булы. Он привел меня сюда, чтобы рассказать мне о булах». И не удивляется тому жуткому страху, который вселяет в нее эта мысль.

— Лизи, — говорит он. — Я должен тебе кое-что объяснить. И если ты передумаешь насчет того, чтобы выходить за меня замуж...

— Скотт, я не уверена, что хочу это слышать...

Его улыбка безрадостная и испуганная.

— Я готов спорить, что не хочешь. И я знаю, что не хочу рассказывать. Но это... как пойти к доктору на укол... нет, хуже, чтобы вскрыть кисту или даже карбункул. Короче, это то, что нужно сделать. — Его яркие карие глаза не отрываются от ее

глаз. — Лизи, если мы поженимся, мы не сможем иметь детей. Это однозначно. Я не знаю, как сильно ты хочешь их сейчас, и, полагаю, для тебя это естественное желание: жить в большом доме в окружении большой семьи. Я хочу, чтобы ты знала: если ты выйдешь за меня, такого быть не может. И я не хочу, чтобы через пять или десять лет ты смотрела на меня и кричала: «Ты никогда не говорил мне, что это одно из условий!»

Он глубоко затягивается и выпускает дым через ноздри. Синие-серые клубы поднимаются к белому куполу. Скотт поворачивается к ней. Лицо очень бледное, глаза огромные. «Как драгоценные камни», — думает она, зачарованная. Первый и единственный раз она воспринимает его не как симпатичного мужчину (не такой уж он и симпатичный, но при правильном освещении может смотреться великолепно), а как красавца. Такими глазами смотрят на красивых женщин. Вот это ее и зачаровывает, но одновременно и ужасает.

— Я слишком сильно люблю тебя, Лизи, чтобы лгать тебе. Я люблю тебя всем сердцем. Я подозреваю, что такая безотчетная любовь со временем может стать тяжелой ношей для женщины, но на другую не способен. Я думаю, со временем мы станем богатой парой по части денег, но я всю жизнь буду эмоциональным нищим. Деньги будут, но насчет остального я лгать не стану. Ни в тех словах, которые произнесу, ни в тех, что придержу. — Он вздыхает (звук долгий, сотрясающий все его тело) и прижимает ладонь руки, которая держит сигарету, ко лбу, словно у него болит голова. Потом убирает руку и снова смотрит на Лизи. — Никаких детей, Лизи. Мы не можем. Я не могу.

— Скотт, ты... ходил к врачу...

Он качает головой.

— Это не физиология. Послушай, любимая, это здесь. — Пальцем он стучит себе по лбу, между глаз. — Безумие и Лэндоны идут рука об руку, как клубника и сливки, и я говорю не об истории Эдгара По или о каком-нибудь викторианском

дамском «мы-держим-тетю-на-чердаке» романе. Я говорю о реальном, опасном для мира безумии, которое живет в крови.

— Скотт, ты не сумасшедший... — Но она думает о том, как он выходил из темноты и протягивал ей изрезанную в кровь руку, в голосе слышались радость и облегчение. Она вспоминает собственные мысли, когда заворачивала то, что осталось от руки, в свою блузку: он, возможно, и любит ее, но он также наполовину влюблен в смерть.

— Я безумец, — мягко говорит он. — Безумец. У меня галлюцинации и видения. Я их записываю, вот и все. Я их записываю, и люди платят деньги, чтобы их читать.

На мгновение она слишком поражена его словами (а может, ее поразили воспоминания о его изувеченной руке, которые она сознательно гнала от себя), чтобы ответить. Он характеризует свое ремесло (так он называет на лекциях то, чем занимается: искусство — никогда, только *ремесло*) как галлюцинацию. Как безумие.

— Скотт, — наконец к ней возвращается дар речи, — писательство — твоя *работа*.

— Ты думаешь, что понимаешь, — говорит он, — но ты не понимаешь той части, что связана с уходом. Для тебя это счастье, маленькая Лизи, и я надеюсь, что все так и останется. Я не собираюсь сидеть под этим деревом и рассказывать тебе историю Лэндонов. Потому что я сам знаю мало. Я смог уйти в прошлое на три поколения, испугался всей той крови, которую обнаружил на стенах, и повернул назад. Ребенком я видел достаточно крови, в том числе и своей собственной. В остальном поверь на слово моему отцу. Когда я был маленьким, отец сказал, что Лэндоны (а до них Ландро) делятся на два типа: тупаки и пускающие дурную кровь. Последние лучше, потому что они могут выпустить свое безумие, порезавшись. Приходится резаться, если ты не хочешь провести всю жизнь в психушке или в тюрьме. Он сказал, что это единственный способ.

— Ты говоришь о членовредительстве, Скотт?

Он пожимает плечами, словно уверенности у него нет. Не уверена и она. В конце концов, она видела его обнаженным. Несколько шрамов на теле есть, но лишь несколько.

— Кровь-булы? — спрашивает она.

Уверенности в нем прибавляется.

— Кровь-булы, да.

— В ту ночь, когда ты разбил рукой стекло в теплице, ты выпускал дурную кровь?

— Наверное. Конечно. В какой-то степени. — Он тушит окурок, вдавливая в траву. Долго молчит и не смотрит на нее. — Это сложно. Ты должна помнить, как ужасно я чувствовал себя в ту ночь, столько всякого навалилось...

— Мне не следовало...

— Нет, — обрывает он ее, — дай мне закончить. Я могу сказать это только разом.

Она ждет.

— Я напился. Чувствовал себя ужасно и не выпускал этого... довольно давно. Не выпускал. В основном благодаря тебе, Лизи.

У сестры Лизи приступ членовредительства случился в двадцать с небольшим лет. Для Аманды все уже позади (слава Богу), но шрамы остались — на руках у плеч и на бедрах.

— Скотт, раз уж ты резал себя, должны были остаться шрамы...

Он словно ее и не услышал.

— Потом, прошлой весной, когда я уже нисколько не сомневался, что он замолчал навсегда, будь я проклят, если он вновь не заговорил со мной. «Она бежит в тебе, Скотт, — услышал я его слова. — Она бежит в твоих венах, как святомамка, не так ли?»

— Кто, Скотт? Кто начал говорить с тобой? — Уже зная, что речь пойдет о Поле или его отце, скорее всего не о Поле.

— Отец. Он говорит: «Скутер, если ты хочешь остаться нормальным, тебе лучше выпустить эту дурную кровь. Сделай это прямо сейчас, нечего ждать». И я выпустил. Немного... немного... — Он показывает жестами, где появились порезы, на щеке, на руке. — Потом, в ту ночь, когда ты рассердилась... — он пожимает плечами, — я выпустил ее всю. Сразу, чтобы покончить с этим. И у нас все *хорошо*. У нас все *отлично*. Скажу тебе одно. Я лучше истеку кровью, как свинья на бойне, прежде чем причиню тебе вред. Прежде чем когда-нибудь причиню тебе вред. — На его лице появляется выражение презрения, которого раньше она не видела. — Я никогда не буду таким, как *он*. Мой отец. — И потом, буквально выплевывая: — Гребаный мистер *Спарки*.

Она ничего не говорит. Не решается. Да и не уверена, что сможет. Впервые за несколько месяцев задается вопросом, каким образом после таких глубоких порезов шрамов на руке *практически не осталось*? Конечно же, такое просто невозможно. Она думает: «Его рука не была порезана — его рука была *искромсана*».

Скотт тем временем раскурил очередную сигарету «Герберт Тейритон», и руки его только чуть дрожали.

— Я расскажу тебе историю, — говорит он. — Всего одну — и пусть она заменит собой все истории из детства некоего человека. Ведь истории — моя работа. — Он смотрит на поднимающийся к белому куполу сигаретный дым. — Я вылавливаю их из пруда. О пруде я тебе говорил, не так ли?

— Да, Скотт. К которому мы все приходим, чтобы утолить жажду.

— Да. И забрасываем наши сети. Иногда действительно храбрые рыбаки — Остины, Достоевские, Фолкнеры — даже садятся в лодки и плывут туда, где плавает настоящий крупняк, но пруд — дело тонкое. Он больше, чем кажется с берега, и глубже, чем может представить себе человек, и он может меняться, особенно с наступлением темноты.

На это она ничего не отвечает. Его рука скользит вокруг ее шеи. В какой-то момент проникает под расстегнутую куртку, чтобы коснуться груди. Не из похоти, она в этом уверена; для поддержки.

— Хорошо, — говорит он. — Время историй. Закрой глаза, маленькая Лизи.

Она закрывает. На мгновение под конфетным деревом становится темно и тихо, но она не боится. С ней его запах, она ощущает его тело, чувствует руку, пальцы которой сейчас отдыхают на ее ключице. Он может легко задушить ее этой рукой, но он мог бы и не говорить, что никогда не причинит ей вреда, во всяком случае, физически; вот это Лизи знает и так. Он причинит ей боль, да, но в основном словами, то есть ртом. Его болтливым *ртом*.

— Хорошо, — повторяет мужчина, за которого менее чем через месяц она выйдет замуж. — Эта история будет состоять из четырех частей. Часть первая называется «Скутер и скамья».

Однажды жил мальчик, худенький, маленький, испуганный мальчик, которого звали Скотт, только когда в его отце начинала бурлить дурная кровь и пореза не хватало для того, чтобы ее выпустить, отец называл мальчика Скутер. И в один день (плохой день, безумный день) мальчик стоял высоко-высоко, смотрел на полированную деревянную равнину далеко внизу и наблюдал, как кровь его брата

8

медленно бежит вдоль стыка между двумя досками.

— *Прыгай*, — говорит ему отец. И не в первый раз. — *Прыгай, маленький засранец, святомамкин трусохвост, прыгай немедленно!*

— *Папа, я боюсь! Очень высоко!*

— Не высоко, и мне плевать, боишься ты или нет, ты сейчас прыгнешь, а не то я заставлю тебя пожалеть, а твоему другу достанется еще сильнее, а теперь, десантники, — за борт!

Отец на мгновение замолкает, оглядывается, глаза яростно вращаются, как всегда бывает, когда в нем бурлит дурная кровь, просто мечутся из стороны в сторону, а потом он вновь смотрит на трехлетнего мальчугана, который, дрожа, стоит на скамье в коридоре первого этажа большого, старого, ветхого, продуваемого всеми ветрами фермерского дома. Стоит, прижавшись к розовой стене фермерского дома, расположенного в сельской глубинке, где люди занимаются своими делами.

— Ты можешь сказать «Джеронимо», если хочешь, Скотт. Говорят, иногда это помогает. Если ты выкрикнешь его действительно громко, то сможешь выпрыгнуть даже из самолета.

Именно так Скотт и поступает, он готов принять любую помощь, выкрикивает: «ДЖЕРОМИНО!» — но толку от этого никакого, потому что он все равно не может прыгнуть на полированный деревянный пол далеко внизу.

— А-а-ах, ты, па-а-аршивый трусохвост!

Отец выталкивает вперед Пола. Полу шесть лет, скоро будет семь, он высокий, волосы у него светло-русые, длинные и сзади, и спереди, ему нужно подстричься, ему нужно поехать к мистеру Баумеру в парикмахерскую в Мартенсберге. У мистера Баумера на стене голова лося, а на окне выцветшая переводная картинка с американским флагом и надписью «Я СЛУЖИЛ», но пройдет немало времени, прежде чем они попадут в Мартенсберг, и Скотт это знает. Они не поедут в город, когда в отце бурлит дурная кровь, и отец какое-то время даже не пойдет на работу, потому что «Ю.С. Гиппам» отпустила его в отпуск.

У Пола синие глаза, и Скотт любит его больше всех, больше себя. В это утро руки Пола покрыты кровью, все в перекрестных порезах, и теперь отец снова идет за своим перочинным

ножом, отвратительным перочинным ножом, который уже выпил так много их крови, и поднимает его, чтобы лезвие попало под лучи утреннего солнца. Отец спустился вниз, крича им: «Бул! Бул! Идите сюда, вы двое!» Если бул Пола, он режет Скотта, если бул Скотта — режет Пола. Даже с бурлящей дурной кровью отец понимает, что такое любовь.

— Ты должен прыгнуть, трусишка, а не то я снова начну его резать!

— Не надо, папа! — кричит Скотт. — Пожалуйста, не режь его больше, я прыгну!

— Тогда прыгай! — Верхняя губа отца задирается, обнажая зубы. Глаза вращаются, вращаются, вращаются и вращаются, словно он выискивает людей по углам — а может, и выискивает, наверняка выискивает, потому что иногда они слышат, как он говорит с людьми, которых здесь нет. Скотт и его брат зовут их или людьми дурной крови, или людьми кровь-була.

— Ты прыгнешь, Скутер! Ты прыгнешь, старина Скутер! Джерониμο, а потом за борт! В этой семье нет трусливых жидов! Прыгай!

— ДЖЕРОМИНО! — кричит он, и хотя его стопы дрожат, а голени дергаются, он не может заставить себя прыгнуть. Трусливые ноги, трусливые жидовские ноги. Отец не даёт ему еще одного шанса. Отец глубоко вонзает нож в руку Пола, и кровь течет рекой. Часть попадает на шорты Пола, часть — на кроссовки. У Пола перекашивается лицо, но он не вскрикивает. Глаза молят Скотта остановить этот ужас, но рот остается закрытым. Рот ни о чем не просит.

В «Ю.С. Гипсам» (мальчики называют эту компанию «Ю.С. Гиппам», потому что так называет ее их отец) сотрудники зовут Эндрю Лэндона Спарки* или мистер Спаркс. И теперь его лицо нависает над плечом Пола, светлые волосы стоят дыбом, словно электричество, с которым он работает, вошло в него,

* От английского «spark» — искра.

его кривые зубы видны в хэллоуиновской улыбке, а глаза пустые, потому что отца нет, он ушел, в его теле ничего не осталось, кроме дурной крови, он больше не человек и не отец, а только кровь-бул с глазами.

— *Не сдвинешься с места — и я отрежу ему ухо, — говорит тварь со стоящими дыбом волосами отца, тварь, в которую превратился отец. — Еще одна неудачная попытка — и я перережу его гребаную глотку. Мне наплевать. Решать тебе Скутер Скутер старина Скут. Ты говоришь что любишь его но ты любишь его недостаточно сильно для того чтобы я перестал его резать не так ли? Всего-то тебе нужно прыгнуть с этой святомамкиной трехфутовой скамьи! Что ты об этом думаешь Пол? Что ты сейчас можешь сказать своему маленькому трусливому братицу?*

Но Пол ничего не говорит, только смотрит на брата, темно-синие глаза не отрываются от карих глаз, и этот ад будет продолжаться еще две с половиной тысячи дней, семь бесконечных лет. «Делай, что можешь, и будь, что будет», — вот что говорят глаза Пола Скотту, взгляд этот разбивает ему сердце, и когда он наконец-то прыгает со скамьи (какая-то его часть твердо убеждена, что это смерть), он делает это не из-за угроз отца, а потому, что глаза брата разрешили ему остаться там, где он стоял, если испуг слишком велик и он не может заставить себя прыгнуть.

Остаться на скамье, даже если из-за этого Пола Лэндона убьют.

Он приземляется и падает на колени, в кровь на досках, и начинает плакать, потрясенный тем, что все еще жив, а потом рука отца обнимает его, сильная рука отца поднимает его, уже с любовью, а не со злостью. Губы отца сначала прижимаются к щеке, потом к уголку рта.

— *Видишь Скутер старина Скутер старина Скотт? Я знал ты можешь это сделать.*

Потом отец говорит, что все закончено, кровь-бул закончен, и Скотт может позаботиться о своем брате. Отец говорит, что он — храбрый, маленький храбрый сучий сын, отец говорит, что любит его, и в этот момент победы Скотта уже не волнует кровь на полу, он тоже любит отца, он любит своего безумного кровь-бульного отца за то, что позволил закончить этот кошмар, хотя даже в три года знает, что придет черед следующему.

9

Скотт замолкает, оглядывается, делает глоток вина. Стакан ему ни к чему, пьет прямо из горла.

— Не такой уж это был и выдающийся прыжок. — Он пожимает плечами. — Разве что для трехлетнего.

— Скотт, Господи, и часто он такое устраивал? — спрашивает Лизи.

— Достаточно часто. Многие случаи я вспомнить не могу. Память словно заблокирована. Но, как я и сказал, этот полнотью характеризует остальные.

— Он... он был пьян?

— Нет. Он практически не пил. Ты готова ко второй части?

— Если она такая же, как первая, не уверена.

— Не волнуйся. Часть вторая — «Пол и хороший бул», а время действия — через несколько дней после того, как отец заставил меня спрыгнуть со скамьи. Отца вызвали на работу, и как только его пикап скрылся из виду, Пол сказал мне, чтобы я вел себя хорошо, пока он сходит в «Мюли». — Скотт замолкает, смеется, качает головой, как делают люди, когда понимают, что сморозили глупость. — В «Магазин Мюллера». Так правильно. Я рассказывал тебе о поездке в Мартенсберг, когда банк выставил наш дом на аукцион, так? Аккурат перед нашим знакомством?

— Нет, Скотт.

На его лице удивление, недоумение, он ничего не понимает.

— Нет?

— Нет. — И сейчас не время говорить ему, что он практически ничего не рассказывал ей о своем детстве...

Практически ничего? Просто ничего. До этого дня, под конфетным деревом.

— Ну, — в его голосе слышится сомнение, — я получил письмо из банка отца... Первого сельского банка Пенсильвании... ты понимаешь, как будто где-то есть Второй сельский... и они сообщили, что после стольких лет судебное решение все-таки вынесено, и мне причитается какая-то сумма. Вот я и сказал, почему нет, и поехал туда. Впервые за семь лет, с того момента, как в шестнадцать я окончил Мартенсбергскую городскую среднюю школу. Сдал множество экзаменов, получил папскую стипендию*. Конечно же, я тебе об этом рассказывал.

— Нет, Скотт.

Он неловко смеется.

— Ладно, в общем, я съездил туда. Летите, Вороны**, закройте и разметаите их. — Он каркает, вновь неловко смеется, еще раз прикладывает к бутылке. Вина в ней уже на донышке. — За дом выручили семьдесят «штук», что-то вроде этого, и я получил три двести, большие деньги, не правда ли? Но, так или иначе, я поездил по нашей части Мартенсберга перед аукционом, и магазин стоял на прежнем месте, в миле по шоссе от нашего дома, и если бы кто сказал мне, когда я

* Папская стипендия — стипендия, назначаемая для продолжения образования лучшим выпускникам-католикам средней школы от лица Папы Римского.

** «Балтиморские вороны» — профессиональная футбольная команда (названа в честь «Ворона» Эдгара По, который жил в последние годы и похоронен в Балтиморе). Болельщики и журналисты так подбадривают игроков команды.

был маленький, что до магазина всего лишь миля, я бы ответил ему, что он совсем заврался и вообще ку-ку. Магазин не работал, витрины забиты досками, на двери висела табличка с выцветшей, но еще читаемой надписью «ПРОДАЕТСЯ». Вывеска на крыше была в лучшем состоянии, и на ней любой мог прочитать «МАГАЗИН МЮЛЛЕРА». Только мы всегда называли его «Мюли», потому что так называл его отец. Как называл «Ю.С. Стил» — «Ю.С. Бег борроу энд стил»*... и он называл Питтсбург Говняным городом... и... ох, черт побери, Лизи, я плачу?

— Да, Скотт. — И собственный голос донесся до ее ушей издалика.

Он берет одну из бумажных салфеток, которые им дали в отеле вместе с ленчем, и вытирает глаза. Когда отрывает салфетку от лица, уже улыбается.

— Пол сказал мне, чтобы я хорошо себя вел, пока он сходит в «Мюли», и я сделал то, о чем просил Пол. Я всегда так делал. Ты знаешь?

Она кивает. Ты хорош с теми, кого любишь. Ты хочешь быть хорошим с теми, кого любишь, потому что знаешь: твоё время с ними будет слишком коротким, как бы долго оно ни длилось.

— А когда он возвращается, я вижу, что он принес две бутылки «Ар-си», и знаю, что он собирается сделать хороший бул, и для меня это счастье. Он велит мне идти в мою спальню и полистать книги, пока он будет его делать. В спальне я сижу долго и знаю, это будет длинный хороший бул, и для меня это тоже счастье. Наконец я слышу его крик: мне нужно пойти на кухню и посмотреть на стол.

— Он когда-нибудь называл тебя Скутером? — спрашивает Лизи.

* Английские слова «steel» (сталь) и «steal» (воровать) произносятся одинаково, так что «Американская сталь» (U.S. Steel) у старшего Лэндона превратилась в «Американскую попроси займи и укради» (U.S. Beg Borrow and Steal).

— Только не он, никогда. К тому времени, когда я добираюсь до кухни, его там нет. Но я знаю, что он наблюдает за мной. На столе лежит клочок бумаги и на нем написано «БУЛ!». А еще там написано...

— Одну секунду, — говорит Лизи.

Скотт смотрит на нее, изумленно приподняв брови.

— Тебе тогда было три... ему — шесть... или ближе к семи...

— Да...

— Но *он* мог писать маленькие загадки, а *ты* мог их прочитать. Не только прочитать, но и сообразить, о чем речь.

— Да? — Брови Скотта поднимаются еще выше, как бы спрашивая: «А что тут такого?»

— Скотт... твой безумный отец понимал, что он измывается над двумя долбаными вундеркиндами?

Скотт удивляет ее, откидывая назад голову и хохоча.

— Да такая мысль просто не могла прийти ему в голову. Просто слушай, Лизи. Потому что это был самый лучший день моего детства, возможно, потому, что это был такой длинный день. Должно быть, кто-то в «Гипсам» серьезно напорточил, и моему старику пришлось работать сверхурочно, не знаю, но дом принадлежал нам с восьмью утра до заката...

— И никакой няни?

Он не отвечает, но смотрит на нее так, словно у нее помутилось в голове.

— Никакой соседки, которая могла заехать, чтобы посмотреть, как вы там?

— Наши ближайшие соседи жили в четырех милях. «Мюли» находился ближе всего. Отцу это нравилось, и, поверь мне, всем, кто жил в тех местах, нравилось тоже.

— Ладно. Расскажи мне вторую часть. «Скотт и хороший бул».

— «Пол и хороший бул». Великий бул. Превосходный бул. — Воспоминания разглаживают его лицо. Противовес ужасу на скамье. — У Пола был блокнот с разноцветными

страничками, блокнот производства компании «Деннисон», и когда он делал станции була, то вырывал страничку, а потом делил на части по линейкам. Чтобы блокнота хватило на большее время, ты понимаешь?

— Да.

— Только в тот день ему пришлось вырвать две, а может, и три странички, Лизи, таким длинным был тот бул! — В этом радостном воспоминании Лизи видит, каким он был ребенком. — На полоске бумаги, что лежала на столе, я прочитал: «БУЛ!» — на первой и на последних полосках обязательно присутствовало это слово, а ниже, под этим словом...

10

Прямо под словом «БУЛ» еще одна строчка, большими заглавными буквами, аккуратно выведенными Полом:

1 НАЙДИ МЕНЯ БЛИЗКО В ЧЕМ-ТО СЛАДКОМ! 16

Но прежде чем думать над этой загадкой, Скотт смотрит на последнее число, 16, смакуя его. Он переполнен радостным волнением. Прежде всего он знает, что Пол никогда не обманывает. Если он обещает шестнадцать станций, значит, будет пятнадцать загадок. Если Скотт не сможет с какой-то справиться, Пол поможет. Крикнет из того места, где будет прятаться, жутко пугающим голосом (это отцеголос, хотя Скотт поймет это лишь много лет спустя, когда будет писать жутко пугающую историю, «Голодных дьяволов»), и его подсказки обязательно позволят Скотту сообразить, чего от него хотят.

Найди меня близко в чем-то сладком.

Скотт оглядывается и тут же задерживает взгляд на большой белой сахарнице, которая стоит на столе в полосе солнечного света. Ему нужно встать на стул, чтобы дотянуться до нее,

и он смеется, когда Пол кричит своим жутким отцеголосом:
«Не просыпь его, неумеха!»

Скотт поднимает крышку, и на сахаре лежит еще одна полоска бумаги, с еще одной загадкой-указанием, написанной заглавными, аккуратными буквами:

2 Я ТАМ ГДЕ КЛАЙД ИГРАЛ С КЛУБКАМИ НА СОЛНЦЕ

До весны Клайд был их котом, и оба мальчика любили его, но отец не любил, потому что Клайд протяжно мяукал, когда его не впускали в дом или не выпускали из него, и хотя мальчики не говорят об этом вслух, они знают, что кто-то, куда больше и злее, чем лиса или бродячий пес, расправился с Клайдом. Но, так или иначе, Скотт знает, где Клайд играл на солнце, и торопится туда по коридору, не удостоив пятна крови под ногами или ужасную скамью даже взглядом (ну, может, только одним). На заднем крыльце стоит большой просиженный диван, из которого идут странные запахи, если сесть на него («Он пахнет как жареный пердеж», — как-то сказал Пол, и Скотт смеялся, пока не надул в штаны. Случись это при отце, надуть в штаны означало БОЛЬШУЮ БЕДУ, но отец был на работе). Скотт прямиком направляется к дивану, где Клайд обычно лежал на спине и играл с клубочками шерсти, которые Пол и Скотт трясли над ним. Клайд, пытаясь схватить клубки передними лапами, отбрасывал на стену гигантскую тень кота-боксера. Там Скотт встает на колени, одну за другой приподнимает просиженные диванные подушки и заглядывает под них, пока не находит третью полоску бумаги, третью станцию була, которая направляет его...

Не важно, куда она его направляет. Важно другое — день, заполненный предстоящими долгими поисками. И вот два мальчика проводят утро, бегая по осевшему, неухоженному фермерскому дому и вокруг него, тогда как солнце медленно поднимается к не отбрасывающему тени зениту. Это безыс-

кусный рассказ о криках и смехе, и пыли во дворе, и носках, медленно сползающих, пока они не лягут складками вокруг грязных лодыжек; это история двух мальчиков, которые слишком заняты, чтобы пойти по малой нужде в туалет, вот почему моча орошает южную стену дома. Это история о маленьком мальчике, который совсем недавно избавился от подгузников, собирающем полоски бумаги: у подножия лестницы, ведущей на чердак амбара, из-под ступеней заднего крыльца, из-за выброшенной во двор сломавшейся стиральной машины «мейтаг», из-под камня, лежащего рядом с высохшим старым колодцем. («Не свались в него, ты, маленький недотепа!» — слышится жуткий отцеголос, доносящийся из высоких сорняков, что растут на краю бобового поля, которое в этом году оставили под паром.) И наконец Скотт получает последнее указание:

15 Я ПОД КАЖДОЙ ТВОЕЙ МИЧТОЙ

«Под каждой моей мечтой, — думает он. — Под каждой моей мечтой... Где же это?»

— *Нужна помощь, ты, маленький недотепа?* — вопрошает жуткий голос. — *Потому что я проголодался и жду не дождусь ленча.*

Скотт тоже проголодался. Уже вторая половина дня, он так давно идет по следу, но просит еще минуту. Жутко пугающий отцеголос дает ему тридцать секунд.

Скотт лихорадочно соображает. *Под каждой моей мечтой... под каждой моей мечтой.*

Слава Богу, он еще понятия не имеет, что такое подсознание или ид, но он уже начал мыслить метафорически, и ответ приходит к нему чудесной, радостной вспышкой. Он взбегает по ступенькам с той скоростью, на которую способны его маленькие ножки, волосы разлетаются с его загорелого грязного лба. В комнате, которую делит с Полом, спешит к своей

кровать, заглядывает под подушку, и да, конечно, там лежит его бутылка «Ар-си колы» (высокая бутылка!) вместе с полоской бумаги. Надпись такая же, что и всегда:

16 БУЛ! КОНЕЦ!

Он поднимает бутылку, почти так же, как много лет спустя вскинет вверх серебряную лопату (герой, вот кем он в тот момент себя чувствует), потом оборачивается. Пол входит в дверь со своей бутылкой «Ар-си» и держит в руке «церковный ключ» из «Ящичка для всего» на кухне.

— *Неплохо, Скотт. Потребовалось, конечно, время, но ты сюда добрался.*

Пол открывает свою бутылку, потом Скотта. Они чокаются длинными горлышками. Пол говорит, что это «поднять хост», а когда ты это делаешь, нужно загадать желание.

— *Какое у тебя желание, Скотт?*

— *Я хочу, чтобы этим летом приехал «Книгомобиль»*. А что загадаешь ты, Пол?*

Его брат только смотрит на него. Потом спускается вниз и делает им обоим сэндвичи с ореховым маслом и желе, берёт табуретку с заднего крыльца, где когда-то спал и играл их, на свою беду, слишком шумный кот, для того чтобы достать с верхней полки в кладовой новую банку орехового масла. А потом говорит...

11

Но здесь Скотт умолкает. Смотрит на бутылку вина, но бутылка пуста. Он и Лизи уже сняли куртки и отложили в сторону. Под конфетным деревом стало не просто тепло; там

* «Книгомобиль» — передвижная книжная лавка, приезжающая в маленькие городки, где нет книжного магазина.

жарко, просто какая-то парилка, и Лизи думает: «Мы должны скоренько уйти. Если не уйдем, снег, который лежит на ветвях с листвой, станет таким рыхлым, что обрушится на нас».

12

Сидя на кухне с меню из «Оленьих рогов» в руках Лизи думает: «Я тоже должна скоренько уйти от этих *воспоминаний*. Если я этого не сделаю, что-то гораздо более тяжелое, чем снег, обрушится на меня».

Но разве не этого хотел Скотт? Разве не это спланировал? И разве охота на була — не ее шанс со всем справиться?

«Ох, но я боюсь. Потому что я уже совсем близко».

Близко к чему? Близко к чему?

— Заткнись, — шепчет она и дрожит, как на холодном ветру. Который, возможно, долетел от самого Йеллоунайфа. И тут же, потому что у нее сейчас два разума, два сердца: — Еще чуть-чуть.

Это опасно. Опасно, маленькая Лизи.

Она знает, что опасно, уже видит искорки правды сквозь дыры в ее пурпурном занавесе. Сверкающие, как глаза. Может слышать голоса, шепчущие, что были причины, по которым ты не смотрелась в зеркало без крайней на то надобности (особенно с наступлением темноты и *никогда* — в сумерки), а также не ела свежих фруктов после заката солнца и постилась между полночью и шестью часами утра.

Причины не вытаскивать мертвецов из могил.

Но она не хочет уходить из-под конфетного дерева. Пока не хочет.

Не хочет уходить *от него*.

Он пожелал «Книгомобиль», даже в три года загадал очень Скоттовское желание. А Пол? Пол-то что...

— Что, Скотт? — спрашивает она его. — Что загадал Пол?
 — Он сказал: «Я хочу, чтобы отец умер на работе. Пусть его пробьет электрическим током, и он умрет».

Она смотрит на него, онемев от ужаса и жалости.

Скотт резко начинает собирать вещи в рюкзак.

— Пошли отсюда, пока мы еще не поджарились. Я думал, что смогу рассказать тебе гораздо больше, Лизи, но не могу. И не говори, что я не такой, как мой старик, потому что не в этом дело, понимаешь? Дело в том, что у *каждого* в моей семье есть толика этого.

— И у Пола тоже?

— Не знаю, смогу ли я сейчас говорить о Поле.

— Хорошо, — кивает она. — Давай вернемся, поспим, а потом слепим ~~снеговика~~ или что-нибудь эдакое.

Вслед ~~без~~мерной благодарности, которым он ее одаривает, вгоняет Лизи в стыд, потому что на самом деле ей *хотелось*, чтобы он замолчал: она и так услышала слишком много, большего бы просто не выдержала, во всяком случае, на тот момент. Другими словами, она сыта по горло рассказом Скотта. Но при этом не может перевернуть страницу, потому что представляет себе остаток его истории. Даже думает, что может сама закончить ее за него. Но сначала ей нужно задать вопрос.

— Скотт, когда твой брат в то утро пошел в магазин за «Арси колой»... призом за хороший бул...

Он кивает, улыбаясь:

— Отличный бул.

— Да, да. Когда он пошел в этот маленький магазинчик... «Мюли»... никто не подумал, как это странно — шестилетний мальчик, у которого руки в порезах? Даже если порезы залеплены пластырем?

Он отрывается от рюкзака, смотрит на нее очень серьезно. Все еще улыбается, но румянец со щек исчез практически полностью. Кожа выглядит бледной, почти восковой.

— У Лэндонов все заживает быстро. Разве я тебе этого не говорил?

— Да, — соглашается она. — Говорил. — А потом продолжает, пусть и сыта рассказом Скотта по горло: — Еще семь лет.

— Семь, да. — Он смотрит на нее, сидящую с рюкзаком между обтянутых синей джинсой коленей. Его глаза спрашивают, как много она хочет знать? Как много она решится узнать?

— И Полу было тринадцать, когда он умер?

— Тринадцать, да. — Голос достаточно спокоен, но от румянца на щеках не осталось ни следа, хотя она видит капельки пота, ползущие по коже, влажные волосы. — Почти четырнадцать.

— И твой отец... он убил его ножом?

— Нет. — Голос Скотта все так же спокоен. — Из карабина. Своего .30-06. В подвале. Но, Лизи, это не то, что ты думаешь.

Не в ярости, вот что он пытается ей сказать. Она в этом уверена. Не в ярости, а хладнокровно. Вот о чем она думает под конфетным деревом, когда все еще представляет себе третью часть истории своего жениха под названием «Убийство святого старшего брата».

14

Хватит, Лизи, хватит, маленькая Лизи, говорит она себе на кухне, теперь очень испуганная, и не потому, что так сильно ошибалась, представляя себе смерть Пола Лэндона. Она испугана, осознав (слишком поздно, слишком поздно), что сделанного вернуть нельзя и отныне придется жить с тем, что она вспомнила.

Даже если воспоминания безумны.

— Я не должна это вспоминать. — Она сворачивала и разворачивала меню. — Я не должна это вспоминать, не должна, не должна, не должна вытаскивать мертвецов из могил, должна обойтись без этого безумного берьма, должна...

15

— Это не то, что ты думаешь.

Она и дальше будет думать как думала. Она может любить Скотта Лэндона, но не привязана к колесу его ужасного прошлого и будет думать как думала. Будет знать что знает.

— И тебе было десять лет, когда это произошло? Когда твой отец?..

— Да.

Всего десять лет, когда его отец убил его любимого старшего брата. Когда его отец *убил* его любимого старшего брата. И четвертая часть его истории имеет собственную темную неизбежность, не так ли? Для нее сомнений в этом нет. Она знает то, что знает. И тот факт, что ему было только десять лет, ничего не меняет. В другом, в конце концов, он тоже был вундеркиндом.

— И ты его убил, Скотт? Ты убил своего отца? Убил, не так ли?

Он опускает голову. Волосы висят патлами, закрывая лицо. Потом из-за темного полога волос доносится единственное сухое рыдание. За ним следует молчание, но она видит, как тяжело вздымается его грудь, понимает, что горло перехватило. Потом:

— Я ударил его киркой по голове, когда он спал, а потом сбросил в старый сухой колодец. Это было в марте, шел сильный дождь вперемешку со снегом. Я вытащил его наружу за ноги. Попытался взять его туда, где похоронил Пола, но не смог.

Пытался, пытался и пытался, но, Лизи, он не желал отправ-
ляться туда. Ничего у меня с ним не выходило. Поэтому я
сбросил его в колодец. Насколько мне известно, он и сейчас
там, поэтому, когда они продавали дом, я... я... Лизи... я... я... я
боялся...

Он слепо тянется к ней, и не будь ее там, он бы ткнулся
лицом в траву, но она есть, и затем они...

Они...

Каким-то образом они...

16

— Нет! — рявкнула Лизи. Бросила меню, которое свернула
чуть ли не в трубочку, в кедровую шкатулку и захлопнула
крышку. Но уже поздно. Она зашла слишком далеко. Уже
поздно, потому что...

17

Каким-то образом они уже снаружи, под валящим снегом.
Она обняла его под конфетным деревом, а потом
(бум! бул!)
они снаружи, в снегу.

18

Лизи сидела на кухне с закрытыми глазами. Кедровая
шкатулка стояла перед ней на столе. Солнечный свет, вли-
вавшийся в восточное окно, пробивал веки, превращаясь в
темно-красный свекольник, который двигался в ритме ее
сердца — очень уж быстром ритме.

Она подумала: «Ладно, это воспоминание прорвалось. Но, полагаю, только с ним одним я смогу жить. Только оно одно меня не убьет».

Я пыталась и пытаюсь.

Она открыла глаза и посмотрела на кедровую шкатулку, которая стояла перед ней на столе. Шкатулку, которую она так усердно искала. И подумала о словах, сказанных Скотту его отцом: «Лэндоны (а до них Ландро) делятся на два типа: тупаки и пускающие дурную кровь».

Пускающих дурную кровь среди прочего отличало желание убивать.

А тупаки? Тем вечером Скотт рассказал ей и о них. Тупаками он называл растениеподобных кататоников вроде ее сестры, которая лежала сейчас в «Гринлауне».

— Если все это для того, чтобы спасти Аманду, Скотт, — прошептала Лизи, — забудь об этом. Она — моя сестра, и я ее люблю, но не настолько. Я бы вернулась туда... в этот ад... для тебя, Скотт, но не для нее или кого-то еще.

В гостиную зазвонил телефон. Лизи подпрыгнула, словно ей жмули в одно место шилом, и закричала.

Глава 9

ЛИЗИ И ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ ИНКУНКОВ

(Доль любви)

1

Если Лизи и заговорила не своим голосом, Дарла этого не заметила. Она испытывала слишком уж сильное чувство вины. Но при этом радость и облегчение. Канти возвращалась из Бостона, чтобы «помочь с Анди». Как будто она могла: *Как*

будто кто-нибудь мог, включая доктора Хью Олбернесса и весь персонал «Гринлауна», думала Лизи, слушая, как тараторит Дарла.

Ты можешь помочь, — прошептал Скотт, который всегда находил, что сказать. Даже смерть, похоже, не могла его остановить. — Ты можешь, любимая.

— ...на все сто процентов ее собственная идея, — уверяла Дарла.

— Да, да, — прокомментировала Лизи. Она могла бы указать, что Канти и сейчас наслаждалась бы пребыванием в Бостоне в компании мужа, понятия не имея о проблемах, возникших с Аmandой, если бы у Дарлы не возникло насущной потребности позвонить сестре (как говорится, «чтоб жизнь медом не казалась»), но меньше всего ей хотелось затевать ссору с Дарлой. А чего ей хотелось, так это поставить эту чертову кедровую шкатулку под meingottскую кровать и посмотреть, сможет ли она забыть, где нашла это «сокровище». Пока она говорила с Дарлой, в голову пришла еще одна из старых аксиом Скотта: чем больше тебе приходится возиться, открывая посылку, тем меньше тебя волнует, что в ней. Лизи полагала, что аксиома эта применима ко всем пропавшим вещам, в частности, к кедровым шкатулкам.

— Ее самолет приземлится в аэропорту Портленда вскоре после полудня, — продолжала тараторить Дарла. — Она собиралась взять напрокат автомобиль, но я сказала, нет, это глупо, я смогу заехать в аэропорт и забрать тебя. — Пауза, предшествующая последней очереди. — Ты могла бы встретиться там с нами, Лизи, если хочешь. Мы бы завернули на ленч в «Снежный шквал»... только мы, девочки, как в добрые прежние времена. А потом поехали бы к Аманде.

«И о каких добрых прежних временах идет речь? Тех, когда ты дергала меня за волосы, или о других, когда Канти гонялась за мной и дразнила «Губки-сиськи у маленькой Лизьки»?» Но сказала другое:

— Вы поезжайте, а я присоединюсь к вам, если смогу, Дарл. Мне тут нужно кое-что сделать...

— Опять что-то готовишь? — Теперь, признав свою вину в том, что заставила Кантату вернуться в родные края, Дарла считала себя вправе и грубить.

— Нет, занимаюсь старыми бумагами Скотта. — И где-то она не грешила против истины. Потому что, как бы ни закончилась эта история с Дули/Маккулом, она хотела освободить рабочие апартаменты Скотта. Пусть все бумаги отправляются в Питтсбург, где им, безусловно, самое место, но с условием, что ее приятель-профессор к ним не прикаснется. Вуддолби мог хоть повеситься, Лизи это не волновало.

— Понятно. — Дарле ее слова определенно не понравились. — Ну, в таком случае...

— Я присоединюсь к вам, если смогу, — повторила Лизи. — Если нет — увижусь с вами уже в «Гринлауне».

Но сразу отделаться от Дарлы не удалось. Она сообщила всю информацию о рейсе Канти, которую Лизи послушно записала. Черт, она даже подумала, а не поехать ли ей в аэропорт Портленда. По крайней мере эта поездка вытащит ее из дома — подальше от телефона, от кедровой шкатулки, от большинства ужасных воспоминаний, которые, похоже, так и висели над ее головой.

И тут, прежде чем она сумела остановить его, еще одно воспоминание вырвалось наружу. Лизи подумала: *Ты не просто вышла из-под ивы в снег, Лизи. В этом переходе было нечто большее. Он вывел тебя...*

— НЕТ! — вскричала она и шлепнула ладонью по столу. Звук собственного крика испугал, но принес нужный результат: резко и полностью оборвал опасную цепочку мыслей. Впрочем, мысли эти могли вернуться... и это была бы беда.

Лизи посмотрела на кедровую шкатулку, стоящую на столе. Таким взглядом женщина могла бы одарить любимую собачку, которая ни с того ни с сего укусила ее. «Вернешь»

ся обратно под кровать, — подумала Лизи. — Вернешься обратно под meingottскую кровать, и что потом?»

— Бул-конец, вот что, — ответила она. Вышла из дома и пересекла двор, направляясь к амбару, держа шкатулку перед собой, словно в ней лежало что-то очень хрупкое или взрывоопасное.

2

Дверь в кабинет она нашла открытой. От порога на полу коридора лежал освещенный прямоугольник: в кабинете горел свет. Последний раз Лизи уходила из кабинета смеясь. И не помнила, оставила ли дверь открытой или закрыла за собой. Она подумала, что свет был погашен, подумала, что вообще не зажигала его. Но, с другой стороны, в какой-то момент она абсолютно не сомневалась в том, что кедровая шкатулка доброго мамика стоит где-то на чердаке, не так ли? Может, один из помощников шерифа заглянул сюда и оставил свет включенным? Лизи полагала, что такое возможно. Она полагала, что возможно все.

Прижав шкатулку к животу, можно сказать, защищая ее, Лизи подошла к открытой двери кабинета, заглянула в него. Пусто... вроде бы пусто... но...

Без всякой застенчивости она приоткрыла глазом к щели между дверью и косяком. «Зак Маккул» за дверью не прятался. Никто не прятался. Но когда она вновь оглядела кабинет, то сразу увидела, что в окошке автоответчика вновь горит сердитая ярко-красная единица. Лизи вошла, сунув шкатулку под мышку, и нажала на клавишу «ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ». И после короткой паузы зазвучал спокойный голос Джима Дули.

— Миссас, я думал, мы договорились о встрече в восемь часов вчера вечером. А теперь я вижу вокруг дома копов. Похоже, вы не понимаете, как все серьезно, хотя я думаю, что

появление дохлой кошки в почтовом ящике трудно истолковать неправильно. — Пауза. Она смотрела на автоответчик как зачарованная. «Я же могу слышать его дыхание», — подумала она. — Я с вами еще увижусь, миссас.

— Пошел на хер, — прошептала Лизи.

— Знаете, миссас, это... как-то... некрасиво, — сказал Джим Дули, и на мгновение она подумала, что ей ответил автоответчик. Потом поняла, что вторая версия голоса Дули принадлежала живому человеку, и источник этого голоса у нее за спиной. Вновь с ощущением, что пребывает в одном из своих снов, Лизи Лэндон развернулась на сто восемьдесят градусов.

3

Она пришла в ужас от его ординарности. Он стоял на пороге ее маленького, так ни разу и не использованного по назначению кабинета в амбаре, с пистолетом в одной руке (и вроде бы держал во второй пакет с ленчем), а у нее не было уверенности, что она смогла бы указать на него при опознании в полиции, при условии, что и другие мужчины были бы худощавыми, в рабочей одежде цвета хаки и бейсболках «Портлендских тюленей». Узкое, без морщин лицо, ярко-синие глаза — другими словами, лицо миллионов янки, не говоря уже о шести или семи миллионах жителей гор на среднем и дальнем юге. Шести или чуть меньше футов ростом, в одном месте из-под бейсболки торчала светло-русая прядь.

Лизи смотрела в черную дыру в стволе пистолета и чувствовала, как слабеют ноги. В руке он держал не игрушку калибра 0,22 дюйма, а настоящую «пушку», большой автоматический (она решила, что автоматический) пистолет, пули которого оставляли за собой огромные дыры. Лизи присела на край стола. Если бы стола в том месте не оказалось, плюхнулась бы задом на пол. На мгновение решила, что вот-вот на-

дует в штаны, но в последний момент сумела удержать мочу в положенном месте. По крайней мере на какое-то время.

— Берите что хотите, — прошептала она сквозь не желавшие шевелиться, будто накачанные новокаином губы. — Берите все.

— Пойдемте наверх, миссас, — ответил он. — Мы поговорим наверху.

Одна мысль о том, что она окажется в кабинете Скотта наедине с этим человеком, наполнили ее ужасом и отвращением.

— Нет. Берите бумаги и уходите. Оставьте меня одну.

Он терпеливо смотрел на нее. По первому взгляду он выглядел лет на тридцать пять. Потом она увидела веера морщинок в уголках глаз и рта и решила, что он на пять лет старше, как минимум на пять.

— Наверх, миссас, если вы не хотите начать наше общение с дырки в стопе. Это болезненный способ ведения деловых переговоров. В стопе множество костей и сухожилий. . .

— Ты не... ты не решишься... шум... — С каждым словом собственный голос все удалялся от нее. Словно голос находился в поезде, и поезд отходил от станции; ее голос высовывался из окна, нежно с ней прощаясь. *Бай-бай, маленькая Лизи, голос должен покинуть тебя, скоро ты станешь немой.*

— Шум меня нисколько не тревожит. — Дули, похоже, забавляло происходящее. — Ваших ближайших соседей дома нет, полагаю, уехали на работу, а ваш домашний полицейский отбыл по каким-то делам. — Улыбка с лица ушла, но веселье осталось. — Что-то вы посерели. Полагаю, мое появление для вас — сильный шок. Похоже, вы сейчас хлопнетесь в обморок, миссас. Если хлопнетесь, избавите меня от одной работенки.

— Перестань... перестань называть меня... — «Миссас», вот каким словом она хотела закончить предложение, но огромные пологи поглотили ее, серые и темно-серые. И прежде чем они стали совсем черными и отсекали от нее окружающий мир,

Лизи увидела, как Дули засовывает пистолет за брючный ремень («Отстрели себе яйца, — подумала Лизи. — Сделай всем одолжение»). и бросается вперед, чтобы подхватить ее. Она не знала, успел ли он. Потеряла сознание до того, как он ее подхватил, или она грохнулась на пол.

4

Она почувствовала, как что-то гладит ее лицо, и поначалу подумала, что какая-то собака лижет ее языком, может, Луиза. Да только Луи, колли, жила в их доме в Лисбон-Фоллс, а городок этот остался в далеком прошлом. У них со Скоттом никогда не было собаки, потому что у них не было детей, а одно сочеталось со вторым так же естественно, как ореховое масло сочетается с желе или клубника и сл...

Идите наверх, миссас... если только вы не хотите начать наше общение с дырки в стопе.

Этого хватило, чтобы быстро вернуть ее в реальный мир. Она открыла глаза и увидела, что Дули сидит рядом на корточках с влажной тряпкой в руке и наблюдает за ней: этими ярко-синими глазами. Она попыталась отпрянуть от них. Звякнул металл, потом она почувствовала тупую боль в плече, словно что-то натянулось и остановило ее.

— Ох!

— Не дергайтесь, а то нанесете себе травму. — В голосе Дули слышалась забота, он словно давал дельный совет, слова звучали более чем здраво. И Лизи предположила, что в извращенном мире этого психа так оно и было.

Из динамиков стереосистемы звучала музыка, впервые за Бог знает сколько времени, наверное, впервые с апреля или мая 2004 года, когда он в последний раз писал. «Уэйморский блюз». Не в исполнении старины Хэнка, другая версия, возможно, группы «Крикетс». Не сверхгромко, как любил слу-

шать музыку Скотт, но достаточно громко. И Лизи могла представить себе,

.. (Я собираюсь причинить вам боль)

почему мистер Джим «Зак Маккул» Дули включил музыку. Она не хотела

(в местах, которые вы не позволяли трогать мальчикам на танцах)

думать об этом (чего ей хотелось, так это снова потерять сознание), но ничего не могла с собой поделать. «Разум — обезьяна», — любил говаривать Скотт, и Лизи вспомнила, откуда взялась эта фраза, даже теперь, сидя на полу в нише, которая использовалась как бар, с одной рукой, прицепленной наручниками к водопроводной трубе: «Солдаты войны» Роберта Стоуна.

Идешь впереди класса, маленькая Лизи! Если, конечно, ты сможешь когда-нибудь куда-то пойти.

— Отличная песня, не так ли? — Дули сел в дверях ниши, скрестив ноги по-турецки. Его коричневый пакет для ленча оказался между ними. Пистолет лежал на полу под правой рукой. Дули смотрел на нее так искренне. — И в ней много правды. Вы оказали себе услугу, знаете ли, потеряв сознание... можете мне поверить. — Теперь она слышала его южный выговор, очень похожий на выговор того трусливого говнюка из Нашвилла.

Из пакета он достал квартовую банку из-под майонеза, даже этикетка «Хеллман» осталась на месте. Внутри в прозрачной жидкости плавала белая тряпка.

— Хлороформ, — гордо объявил он. Смайли Фландерс так же гордился своим лосем. — Мне объяснил, как им пользоваться, один парень, который вроде бы имел с ним делом, но он также сказал, что все запросто может пойти не так. В лучшем случае вы очнулись бы с сильнейшей головной болью, миссас. Но я знал, что вы не захотите подняться сюда. Я хорошо вас изучил.

И он, улыбаясь, нацелил на нее палец, как ствол пистолета, а в стереосистеме Дуайт Йоакам запел песню «В тысяче миль от ниоткуда». Дули, похоже, нашел один из компакт-дисков, которые Скотт скомплектовал сам.

— Могу я выпить стакан воды, мистер Дули?

— Что? Да, конечно! Немного пересохло во рту? После такого потрясения, наверное, так и должно случиться. — Он поднялся, оставив пистолет на полу... вероятно, там, где она добраться до него не могла, даже если бы натянула цепь наручников до отказа... а попытаться и не дотянуться — определенно идея не из лучших.

Он повернул кран. Трубы заурчали, зафыркали. Через несколько мгновений она услышала, как кран начал выплевывать воду. Да, пистолет был скорее всего за пределами досягаемости, но вот промежуток Дули в каком-то футе, и одна рука у нее была свободна.

Дули словно прочитал ее мысли.

— Вы можете врезать мне по яйцам, если вам того хочется. Но у меня на ногах «док Мартенс», а у вас на руках ничего нет. Так что проявите благоразумие, миссас, и согласитесь на стакан холодной воды. Сейчас вода из крана идет ржавая, но она быстро очищается.

— Сполосните стакан, прежде чем наполнять его. — Голос ее звучал хрипло, едва не срывался. — Ими давно не пользовались.

— Будет исполнено. — До чего он услужлив. Напомнил ей местных жителей. Напомнил ей собственного отца, если на то пошло. Разумеется, Дули напомнил ей и Герда Аллена Коула, который стрелял в Скотта. Она уже собралась поднять руку и все-таки ухватить его за яйца, только для того чтобы доставить себе такое удовольствие. Едва смогла сдержаться.

Потом Дули наклонился, держа в руке один из тяжелых стаканов «Уотерфорд». На три четверти наполненный водой.

Пусть и не совсем чистой, но достаточно чистой для питья. Какой же прекрасной выглядела эта вода.

— Медленно и осторожно берете стакан, — вещал Дули. — Я отдаю его вам, но если вы бросите стакан в меня, я переломлю вам лодыжку. Если попадете, переломлю обе, даже если вы не пустите мне кровь. Я говорю серьезно. Понимаете?

Она кивнула, взяла стакан, маленькими глоточками принялась пить воду. В динамиках стереосистемы Дуайт Йоакам уступил место самому старине Хэнку, который принялся задавать вечные вопросы: «Почему ты не любишь меня, как любила прежде? Почему относишься ко мне как к сношенным туфлям?»

Дули сидел на корточках, его зад почти касался оторванных от пола каблучков, одна рука обнимала колени. Он напоминал фермера, наблюдающего, как корова пьет из реки. Лизи предположила, что он настоroje, но не в стопроцентной боевой готовности. Он не ждал, что она бросит в него тяжелый стакан, и, разумеется, в этом был прав. Она не хотела оказаться с переломанными лодыжками.

«Естественно, я же так и не взяла первый, самый важный урок катания на коньках, — подумала она, — а по четвергам на Оксфордском центральном катке вечера одиночников».

Утолив жажду, она протянула стакан Дули. Он его взял, осмотрел.

— Вы действительно не хотите их... двух последних глотков, миссас? — Но и Лизи его уже изучила: войдя в роль хорошего парня, Дули переигрывает. Возможно, сознательно, возможно, сам того не понимая. Имело ли это значение? Вероятно, нет.

— Я напилась.

Дули допил воду, при каждом глотке его адамово яблоко скользило по худой шее. Потом спросил, лучше ли она себя чувствует.

— Я буду чувствовать себя лучше, когда вы уйдете.

— Это справедливо. Много времени я у вас не отниму. — Он вновь сунул пистолет за брючный ремень, поднялся. Его колени хрустнули, и Лизи вновь подумала (более того, изумилась): «Это не сон. Это действительно происходит со мной»: Дули рассеянно пнул стакан, и тот откатился на белый, от стены до стены, ковер кабинета. Подтянул штаны. — Не могу здесь долго болтаться, миссас. Ваш коп вернется, он или другой, и, как я понимаю, к вам может заявиться одна из сестер, или это не так?

Лизи промолчала.

Дули пожал плечами, как бы говоря: «Пусть будет по-вашему», а потом высунулся из ниши. Лизи просто не верила своим глазам, потому что много раз видела, как Скотт проде- лывал то же самое: руками упирался в дверную раму, в кото- рой не было двери, ноги оставались на деревянном полу ниши, а голова и корпус всовывались в кабинет. Но Скотт никогда не носил хаки. До самой смерти отдавал предпочтение синим джинсам. И у него не было лысины на макушке. «Мой муж умер до того, как начал лысеть», — подумала она.

— Чертовски красивое место, — сказал он. — Что это? Переделанный сеновал? Должно быть.

Она промолчала.

Дули по-прежнему высовывался из ниши, теперь еще и покачивался взад-вперед, поглядывая сначала налево. Потом направо. «Владыка всего, что видит перед собой», — подумала Лизи.

— Действительно, милое местечко, — продолжил Дули. — Как я и ожидал. У вас тут три комнаты, если можно назвать это комнатами, и над каждой часть крыши застеклена, так что естественного света предостаточно. В наших местах дома, в которых комнаты идут одна за другой, как здесь, мы называ- ем ружейными домами или ружейными лачугами, но тут ни- чего лачужного нет, не так ли?

Лизи промолчала.

Он повернулся к ней с серьезным лицом.

— Не подумайте, что я завидую ему, миссас... или вам, теперь, когда он мертв. Я провел какое-то время в тюрьме «Заросшая гора». Возможно, профессор вам об этом говорил. Именно ваш муж помог мне там пройти через худшее. Я прочитал все его книги, и знаете, какая мне понравилась больше всего?

«Разумеется, — подумала Лизи. — «Голодные дьяволы». Ты, вероятно, прочитал ее раз девять».

Но Дули ее удивил.

— «Дочь Коустера». И мне она не только понравилась, миссас, я в нее *влюбился*. Я взял за правило перечитывать эту книгу раз в два или три года, после того как нашел ее в тюремной библиотеке, и я могу цитировать длинные абзацы. Знаете, какая часть мне нравится больше всего? Когда Джин находит в себе силы возразить отцу и говорит ему, что уходит, нравится это тому или нет. Вы знаете, что он говорит этому паршивому старому херу, уж простите меня за мой французский.

«Что он никогда не понимал долга любви», — подумала Лизи, но ничего не сказала. Дули не возражал. Он уже перенесся в книгу.

— Джин говорит своему отцу, что тот никогда не понимал долга любви. *Долга любви!* Разве это не прекрасно? Сколь многие из нас испытывали это чувство, но никто не сумел найти слова, чтобы выразить его. А ваш муж сумел. Поэтому всем остальным нужно стоять и помалкивать, вот что сказал профессор. Бог, должно быть, любил вашего мужа, миссас, раз дал ему такой язык.

Дули смотрел в потолок. Жилы на его шее вздулись.

— ДОЛГ! ЛЮБВИ! И тех, кого Бог любит больше всего, он и забирает домой раньше, чтобы они были с Ним. Аминь. — Он на несколько мгновений опустил голову. Бумажник выскочил из кармана. На цепочке. Разумеется, на цепочке. Такие, как Джим Дули, всегда носили бумажники на цепоч-

ке, закрепленной на лямке пояса. Подняв голову, Дули добавил: — Он заслуживал такого красивого места. Я надеюсь, ему здесь нравилось, когда он не агонизировал над своими творениями.

Лизи подумала о Скотте, сидящем за столом, который он называл Большой Джумбо Думбо, сидящем перед большим экраном «Мака», смеющемся над тем, что только-только написал. Жующем пластмассовую соломинку или собственные ногти. Иногда поющем под громкую музыку. Издающем звуки, похожие на пердеж, руками, прижимая их к телу, если в жаркий день работал обнаженным по пояс. Вот как он агонизировал над собственными творениями. Но она ничего не сказала. А тем временем старина Хэнк уступил место в динамиках стереосистемы своему сыну. Младший запел «Больше виски — ближе к аду».

— Одариваете меня молчанием? Что ж, воля ваша, миссас, но толку вам от этого не будет. Потому что вас все равно ждет наказание. Я не собираюсь говорить вам, что мне это причинит большую боль, чем вам, но скажу, что за короткое время нашего знакомства ваша выдержка мне понравилась, так что будем считать, это причинит боль нам обоим. Я также хочу сказать, что не буду усердствовать, поскольку не хочу ломать ваш характер. Однако... у нас была договоренность, а вы ее нарушили.

Договоренность? Лизи почувствовала, как по телу пробежала дрожь. Впервые она полностью осознала глубину безумия Дули, сложность бреда, в который тот впелл и ее, и Скотта. Серые пологи опять начали застилать глаза, но на этот раз Лизи боролась с ними куда яростнее.

Дули услышал звяканье цепочки наручников (должно быть, он принес их в одном пакете с банкой из-под майонеза) и повернулся к ней.

Спокойнее, любимая, спокойнее, пробормотал Скотт. *Поговори с парнем — открой свой вечно болтливый рот.*

Едва ли Лизи нуждалась в этом совете. Пока продолжался разговор, наказание откладывалось.

— Послушайте меня, мистер Дули. Никакой договоренности у нас не было, в этом вы ошибаетесь... — Она увидела, как его брови начали сдвигаться к переносице, а лицо мрачнеть, и поспешила продолжить: — Иногда трудно сообразить, что к чему, по ходу телефонного разговора, но теперь я готова работать с вами. — Она шумно проглотила слюну, сердце подпрыгнуло чуть ли не до горла. Она бы с удовольствием выпила еще стакан холодной воды, но чувствовала: сейчас не самый удачный момент для такой просьбы. Наклонилась вперед, встретилась с ним взглядом, синие глаза всматривались в синие, и заговорила со всей искренностью, на которую в тот момент была способна: — Я хочу сказать, что вы аргументировали свою позицию. И знаете что? Вы как раз смотрели на рукописи, которые ваш... э-э... ваш коллега более всего хотел заполучить. Вы заметили черные папки?

Он продолжал смотреть на нее, однако брови разошлись, губы изогнулись в скептической улыбке... и, возможно, этим он давал понять, что готов на сделку. Лизи позволила себе надеяться на лучшее.

— Мне показалось, что немало коробок стоит и внизу. Судя по всему, там тоже его книги.

— Там... — А стоит ли ему говорить? «Там булы — не книги». Она-то точно это знала, но Дули бы этого не понял. «Эти коробки — шутка Скотта, вроде порошка, вызывающего зуд, или пластмассовой блевотины». Вот это он бы понял, но скорее всего не поверил бы ей.

Он все еще смотрел на нее со скептической улыбкой. Но по лицу уже не чувствовалось, что он готов пойти на сделку. Нет, его лицо говорило о другом: «Продолжайте, миссас, посмотрим, что вы придумаете на этот раз».

— В этих коробках нет ничего, кроме вторых экземпляров, ксерокопий и чистой бумаги. — И слова ее прозвучали как ложь,

потому что и были ложью, но что еще она могла сказать. «Вы слишком безумны, мистер Дули, чтобы понять правду?» Вот она и продолжила торопливо: — Материалы, которые нужны Вуддолби, хорошие материалы, они здесь, наверху. Неопубликованные рассказы... копии его писем другим писателям... их письма к нему.

Дули отбросил голову и захохотал.

— Вуддолби! Миссас, вы обращаетесь со словами не хуже вашего мужа. — Смех утих, но, хотя улыбка на губах осталась, из глаз веселье исчезло. Глаза превратились в две льдинки. — Вы думаете, так я и поступлю. Поеду в Оксфорд или Механик-Фоллис, арендую фургон, потом вернусь назад, чтобы загрузить все эти бумаги? Может, вы еще и попросите одного из помощников шерифа помочь мне?

— Я...

— Молчать. — Он нацелил на нее палец, улыбка исчезла. — Если я уеду, а потом вернусь, здесь меня будет ждать дюжина полицейских. Они увезут меня с собой, и, миссас, уверяю вас, я получу еще десять лет за то, что поверил вам.

— Но...

— А кроме того, мы договаривались совсем о другом. Мы договаривались о том, что вы позвоните профессору, старине Вуддолби, миссас, как мне это нравится, и он pošлет мне электронное письмо с оговоренными нами словами, а потом забрет бумаги. Так?

Какая-то часть его сознания действительно в это верила. Должна была верить, или чего ради он это утверждал даже сейчас, когда они были вдвоем?

— Мэм? — спросил ее Дули. Вроде бы успокоившись. — Миссас?

Если какая-то часть его сознания продолжала лгать, даже когда они были вдвоем, причину, возможно, следовало искать в том, что ложь эта требовалась другой части его сознания. А

если такая часть сознания Дули существовала, ее задача заключалась в том, чтобы установить с ней контакт. Эта часть сознания Дули могла оставаться здоровой.

— Мистер Дули, послушайте меня. — Она понизила голос и говорила медленно. Так она говорила со Скоттом, когда тот был на подходе к тому, чтобы взорваться, независимо по какой причине, начиная от плохой рецензии и заканчивая прорванной трубой. — Профессор Вудбоди никак не может связаться с вами, и где-то глубоко внутри себя вы это знаете. Но я могу с ним связаться. Уже связывалась. Позвонила ему вчера вечером.

— Вы лжете. — Но на этот раз она не лгала, и он *знал*, что она не лжет, отчего по какой-то причине расстроился. Она хотела добиться прямо противоположной реакции (окончательно его успокоить), но подумала, что должна продолжить, в надежде достучаться до здоровой части сознания Дули.

— Я не лгу. Вы оставили мне телефонный номер, и я по нему позвонила. — Она не отрывала взгляда от глаз Дули. Вкладывала в каждое слово максимум искренности, пусть уже и отправилась в Страну лжи. — Я пообещала отдать ему все рукописи и попросила сообщить вам об этом, но он сказал, что не может, поскольку лишен возможности связаться с вами. Он сказал, что первых два электронных письма дошли до указанного вами почтового ящика, а потом они начали возвращаться, потому что...

— Один лжет, а вторая повторяет, — сказал Дули, а потом все завертелось с быстротой и жестокостью, в какие Лизи просто не могла поверить, хотя каждый момент избития и нанесения увечья остались у нее в памяти до конца жизни, как и звук его сухого, быстрого дыхания, вид рубашки цвета хаки, расхолодившейся между пуговичками, чтобы открыть и тут же закрыть белую майку, когда он бил ее по лицу тыльной стороной ладони и потом передней, тыльной и потом передней,

тыльной и потом передней, тыльной и потом снова передней. Восемь ударов, один за другим, в быстрой последовательности, звук соприкосновения его кожи с ее напоминал хлопки по колену, и хотя на руке, которой он ее бил, перстней не было (спасибо и на том), после четвертого и пятого ударов на губах выступила кровь, после шестого и седьмого уже брызнула и потекла, а последний пришелся по носу, так что кровь хлынула и из него. К тому времени она уже кричала от боли и страха. Голова ударялась о нижнюю часть раковины, вызывая звон в ушах. Она слышала свои крики, просила его это прекратить, он может брать все, что хочет, кричала она, но должен это прекратить. После восьмого удара он прекратил, и она услышала собственные слова:

— Я могу дать вам рукопись его нового романа, его последнего романа, готового, он закончил его за месяц перед смертью и не успел внести правку, это настоящее сокровище, Вуддолби будет счастлив.

Она успела подумать: «Все это выдумки, и что ты будешь делать, если он клюнет?» — но Джим Дули ни на что клевать не собирался. Он стоял перед ней на коленях, тяжело дыша (наверху уже было жарко, и если бы она знала, что ее будут избивать в кабинете Скотта, то первым делом включила бы кондиционер), и вновь рылся в коричневом пакете. Под рукавами рубашки расплывались широкие круги пота.

— Миссас, я чертовски сожалею, что приходится это делать, но по крайней мере это не ваша киска. — Услышав эти слова, она успела отметить два момента, прежде чем одним движением левой руки он распахнул ее блузку и сломал расположенную спереди застежку бюстгалтера, отчего ее маленькие груди вывалились наружу. Во-первых, он нисколько не сожалел. Во-вторых, в правой руке он держал шутовину, которая раньше определенно лежала в ее «Ящичке для вещей». Скотт называл эту шутовину «церковный ключ для яппи». Консервный нож с ручками, обтянутыми резиной.

Глава 10
ЛИЗИ И ДОВОДЫ ПРОТИВ БЕЗУМИЯ
(Хороший брат)

1

Доводы против безумия проваливаются с мягким, шуршащим звуком.

Эта фраза вертелась в голове Лизи, когда она медленно ползла по длинному кабинету ее мужа, оставляя за собой отвратительный след: пятна крови изо рта, носа, изувеченной груди.

«С этого ковра кровь не отойдет», — подумала она, и тут же, словно в ответ, в голове появилась эта фраза: *Доводы против безумия проваливаются с мягким, шуршащим звуком.*

В этой истории было безумие, все так, да только единственный звук, который она смогла потом вспомнить, был не шуршанием, не жужжанием, не урчанием, а ее криками, которые раздались в тот момент, когда Джим Дули установил консервный нож на ее левой груди, словно механическую пиявку. Она закричала, отключилась, потом Дули пощечинами привел ее в чувство, чтобы кое-что сказать. Потом снова позволил отключиться, но пришил записку к ее блузке (сначала снял порванный бюстгалтер, а потом застегнул блузку на пуговицы), чтобы она не забыла. Записка ей не требовалась. Она и так все запомнила.

— Профессор должен связаться со мной сегодня до восьми вечера, потому что в следующий раз боль будет куда сильнее. И лечитесь сами, миссас, слышите меня? Скажете кому-нибудь, что я был здесь, и я вас убью, — вот что сказал Дули. А в записке, припиленной к блузке, добавил: «Давайте за-

кончим с этим делом, и мы оба будем счастливы». Подписано: «Ваш добрый друг Зак!»

Лизи понятия не имела, как долго она пролежала в обмороке во второй раз. Когда пришла в себя, увидела, что ее разорванный бюстгальтер швырнули в корзинку для мусора, а записку пришили с правой стороны блузки. Левая сторона пропиталась кровью. Она расстегнула пуговицы, бросила на рану короткий взгляд, застонала и отвела глаза. Выглядело все хуже, чем то, что Аманда когда-либо делала с собой, включая тот случай с пупком. Что же касалось боли... она помнила что-то огромное и лишшающее сознания.

Наручники Дули с нее снял и забрал с собой, зато оставил стакан воды. Лизи с жадностью ее выпила. Однако когда попыталась подняться, ноги так дрожали, что не могли ее держать. Так что она выползла из ниши на руках и коленях, пятая ковер Скотта кровью и кровавым потом (ладно, ей никогда не нравился этот белый ковер, выставляющий напоказ каждую пылинку), с прилипшими ко лбу волосами, слезами, высыхающими на щеках, кровью, образующей корочку на носу, губах, подбородке.

Поначалу она думала, что ползет к телефону, возможно, чтобы позвонить помощнику шерифа Баттерклаку, несмотря на предупреждение Дули и неспособность управления шерифа округа Касл предупредить первую попытку покушения.

Потом эта строка из стихотворения

(доводы против безумия)

начала вновь и вновь звучать в голове, и она увидела, что кедровая шкатулка доброго мамика перевернута и лежит на ковре между лестницей вниз и столом, который Скотт называл Большой Джумбо Думбо. А содержимое кедровой шкатулки мусором валяется на том же ковре. И она поняла, что ее целью была шкатулка и все, что из нее вывалилось. А особенно ей требовалась та желтая вещица, что лежала на согнутом пурпурном меню отеля «Оленьи рога».

Доводы против безумия проваливаются с мягким, шуршащим звуком.

Из одного из стихотворений Скотта. Он написал их немного, а те, что написал, практически никогда не публиковались: он говорил, что они нехороши и пишет он их для себя. Но она полагала, что как раз это было дивно как хорошо, пусть даже и не до конца понимала его смысл, да и просто о чем оно. Особенно ей нравилась первая строка, потому что иногда ты слышишь, как *уходят* вещи, не так ли? Они проваливаются, уровень за уровнем, оставляя дыру, в которую ты можешь заглянуть. Или упасть, если утратишь бдительность.

СОВИСА, любимая. Тебе падать в нору кролика, так что хорошенько к этому подготовься.

Дули, должно быть, принес шкатулку доброго мамика в кабинет, думая, что она имеет отношение к тому, что ему хотелось заполучить. Такие люди, как Дули и Герд Аллен Коул, он же Блонди, он же мсье Динг-донг-ради-фрезий, думают, что *всё* имеет отношение к тому, что они хотят заполучить, не так ли? И что, по мнению Дули, хранилось в кедровой шкатулке? Секретный список рукописей Скотта (возможно, зашифрованный)? Бог знает. В любом случае он вывалил содержимое шкатулки на пол, увидел, что это ерунда (ерунда для него), а потом потащил вдову Лэндон в глубь кабинета, ища, к чему ее можно приковать до того, как она придет в себя. Трубы под раковиной очень даже ему подошли.

Лизи медленно, но верно подползала к разбросанному содержимому шкатулки, ее взгляд не отрывался от желтого вязаного квадрата. Она задалась вопросом: а смогла бы найти эту вещицу сама? И решила, что ответ — нет, она уже досыта наелась воспоминаниями. Теперь, однако...

Доводы против безумия проваливаются с мягким, шуршащим звуком.

Похоже на то. И если бы ее драгоценный пурпурный занавес наконец-то упал, она бы услышала тот самый мягкий,

шуршащий звук? Ее бы это совершенно не удивило. Занавес, судя по всему, не очень-то отличался от паутины: посмотри-те, сколько она уже вспомнила.

Хватит, Лизи, ты не решишься, прекрати.

— Сама прекрати, — прохрипела она. Ее изувеченная грудь пульсировала болью и горела. Скотта ранили в грудь, теперь настала ее очередь. Она подумала о том, как он вернулся на лужайку ее дома в ту ночь, вышел из теней, тогда как Плутон лаял и лаял на соседнем участке. Скотт протягивал к ней то, что раньше было рукой, а ныне превратилось в какое-то кровавое месиво, из которого торчало нечто похожее на пальцы. Скотт сказал ей, что это — кровь-бул, для нее. Скотт потом отмачивал это порезанное мясо в тазу, наполненном слабым чаем, говоря ей, что этому способу

(Пол это придумал)

его научил брат. Говоря ей, что все Лэндоны поправляются очень быстро, по-другому им нельзя. Память проваливается еще на один уровень, туда, где они со Скоттом сидят под конфетным деревом четырьмя месяцами позже. «Кровь лилась потоком», — сказал ей Скотт, и Лизи спросила, вымачивал ли потом Пол свои порезы в чае, на что Скотт ответил «нет»...

Прекрати, Лизи... он ничего такого не отвечал. Ты не спросила, а он не ответил.

Но она спрашивала. Она спрашивала Скотта обо всем, и он ей отвечал. Не тогда, не под конфетным деревом, позже. Той ночью, в постели. В их вторую ночь в отеле «Оленьи рога». После того как они занимались любовью. Как она могла забыть?

Какое-то мгновение Лизи полежала на белом ковре, отдыхая.

— Никогда не забывала, — сказала она. — Просто находилось это в пурпуре. За занавесом. Большая разница.

Она вновь устала на желтый квадрат и поползла.

Я уверен, что лечение чаем появилось позже, Лизи. Да, я это точно знаю.

Скотт лежал рядом с ней, курил, наблюдал, как дым от сигареты поднимается все выше и выше, туда, где исчезает. Так же, как исчезают полосы на столбе с красно-белыми спиральями*. Как иногда исчезал сам Скотт.

Я знаю, потому что это произошло, когда я решал дробь. В школе?

Нет, Лизи, сказал он это таким тоном, словно она и сама должна была знать. Спарки Лэндон был не из тех отцов, которые отправляют детей в школу. Я и Пол — мы учились дома. Обычную школу отец называл «законом для ослов».

Но порезы Пола в тот день... день, когда ты прыгнул со скамьи... они были глубокие? Не какие-то царапины?

Долгая пауза, в течение которой он наблюдал, как дым поднимается, застывает и исчезает, оставляя после себя только сладковато-горький запах. Наконец бесстрастно: *Отец резал глубоко.*

Такая сухая определенность не подразумевала комментариев, вот она и промолчала.

А потом он добавил: *В любом случае это не то, что ты хочешь спросить. Спрашивай, что хочешь, Лизи. Давай, и я тебе отвечу. Но ты должна спросить.*

Она то ли не могла вспомнить, что за этим последовало, то ли еще не была готова к этому воспоминанию, но зато вспомнила, как они покидали свое убежище под конфетным деревом. Он заключил ее в объятия под этим белым зонтиком, а мгновением позже они оказались снаружи, в снегу. И теперь, когда она продолжает ползти на руках и коленях к перевернутой кедровой шкатулке, воспоминание

(безумие)

проваливается,

(с мягким, шуршащим звуком)

и Лизи наконец-то позволяет разуму поверить в то, что ее второе сердце, ее тайное, сокрытое от всех сердце, знало все-

* Столб с красно-белыми спиральями — вывеска парикмахерской.

гда. На мгновение они были не под конфетным деревом, не под снегом, а совсем в *другом* месте. Теплом, наполненном тусклым красным светом. Издалека доносилось пение птиц, воздух благоухал тропическими ароматами. Некоторые она узнала: красный жасмин, белый, бугенвиллия, мимоза, запах влажной земли, на которой они стояли на коленях, прильнув друг к другу, как влюбленные, каковыми они, собственно, и были, но названия самых сладких ароматов она не знала, а знать так хотелось! Она помнила, как открыла рот, чтобы спросить, и Скотт приложил ладонь

(помолчи)

к ее губам. Она вспомнила, что еще подумала, как это странно — они в зимней одежде, а попали куда-то в тропики, и увидела, что он боится. А потом они вновь оказались под снегом. Под тем безумным, невероятным октябрьским снегопадом.

И сколько времени они провели на той «пересадочной станции»? Три секунды? Возможно, меньше. Но теперь, передвигаясь на руках и коленях, потому что от слабости и шока не могла встать, Лизи смогла наконец-то признать, что это случилось, произошло в реальности. К тому времени, когда они добрались до «Оленьих рогов», она давно уже убедила себя, что ничего такого не было, но ведь было, было.

— И случилось еще раз, — сказала она. — Случилось той ночью.

Ей ужасно хотелось пить. До безумия хотелось глотнуть воды, но ниша-бар находилась у нее за спиной, она ползла от воды и вспоминала песню старины Хэнка, которую пел Скотт, когда в воскресенье они возвращались домой: «Весь день я шел по бесплодной земле и мечтал о воде, холодной воде».

Ты получишь свою воду, любимая.

— Получу? — прохрипела она. — Глоток воды определенно не помешает. Боль-то жуткая.

Ответа не последовало, но, возможно, она в нем и не нуждалась. Потому что таки добралась до рассыпанного по ковру содержимого шкапулки. Потянулась к желтому квадрату,

сдернула с пурпурного меню и крепко зажала в руке. Лежа на боку, том, который не болел, она пристально разглядывала свою добычу: эти маленькие ряды лицевых и изнаночных петель, эти крошечные накиды. Кровь с пальцев пачкала шерсть, но Лизи этого не замечала. Добрый мамик связала десятки афганов и таких вот квадратов, розово-серых, сине-золотых, зелено-ярко-оранжевых. Афганы были коньком доброго мамика, и они один за другим слетали с ее спиц, когда вечером она сидела перед телевизором. Лизи помнила, как ребенком думала, что эти одеяла называются «африканы». Все кузины (Энглтоны, Дарби, Уиггенсы, Уошбурны, не говоря уж о бесчисленных Дебушерах) получали афганы, когда выходили замуж, а каждой из сестер Дебушер досталось как минимум по три. К афгану прилагался дополнительный квадрат того же цвета и рисунка. Добрый мамик называла эти квадраты «усладами». Предполагалось, что они будут использоваться как салфетки на стол или как настенное украшение. Желтый афган добрый мамик подарила Лизи и Скотту на свадьбу, а поскольку он очень понравился Скотту, Лизи убрала приложенную к афгану «усладу» в кедровую шкатулку. И теперь, вся в крови, лежа на ковре, сжимая в руке желтый квадрат, она отказалась от попытки забыть. Подумала: «Бул! Конец!» — и заплакала. Она понимала, что не способна на связные, последовательные воспоминания, но, возможно, значения это не имело: порядок в воспоминаниях удалось бы навести позже, когда возникла бы такая необходимость.

И, разумеется, если бы это «позже» наступило.

Тупаки и пускающие дурную кровь. Ибо Лэндоны (а до них и Ландро) могли быть только такими. Рано или поздно это проявляется.

Так что не приходилось удивляться, что Скотт сразу раскусил Аманду: о таких он знал не понаслышке, из первых рук. Как часто он резал себя? Лизи не знала. Не могла читать его шрамы, как читала шрамы Аманды, потому что... ну потому

что. Один случай членовредительства, о котором она знала наверняка (ночь теплицы), был, однако, особенным. И он научился резать себя от отца, который начинал резать и детей, когда его собственного тела не хватало, чтобы выпустить всю дурную кровь.

Тупаки или пускающие дурную кровь. Или одно, или другое. Рано или поздно это проявляется.

В декабре 1995 года было жутко холодно. И со Скоттом начало твориться что-то неладное. В канун Нового года у него планировались выступления в институтах Техаса, Оклахомы, Нью-Мексико и Аризоны (он это называл «Западное турне 1996 года Скотта Лэндона»), но он позвонил своему литературному агенту и велел ему отменить всю программу. Агентство, организовавшее выступления, подняло дикий крик (и неудивительно, речь шла о трехстах тысячах долларов), но Скотт своего решения не изменил. Сказал, что не может ехать в турне, сказал, что заболел. И он заболел, все так. По мере того как зима набирала силу, Скотт Лэндон действительно превратился в больного человека. Лизи уже в ноябре поняла, что...

2

Она понимает, с ним что-то не так, и это не бронхит, как он утверждает. Он не кашляет, кожа его при прикосновении холодная, поэтому, пусть он и не меряет температуру и не дает ей положить на лоб одну из тех полосок, что меняют цвет при повышении температуры, она знает — температура у него нормальная. Проблема, похоже, психологическая, а не физическая, и ее это ужасно пугает. Однажды, когда она набирается храбрости и предлагает ему подъехать к доктору Бьерну, он чуть не отрывает ей голову, заявляет, что «она помешана на врачах; как и все ее чокнутые сестры».

И как она должна на это реагировать? И действительно, какие у него проявляются болезненные симптомы? Какой врач, даже такой милый, как доктор Бьерн, воспримет их серьезно? Во-первых, он перестал слушать музыку, когда пишет. И пишет он не так много, это во-вторых, и гораздо важнее, серьезнее. Работа над его новым романом (который Лизи Лэндон, пусть она и не литературный критик, очень нравится) замедлилась от спринта до скорости черепахи. А что еще важнее... Господи Иисусе, куда подевалось его чувство юмора? Мальчишечье чувство добродушного юмора может истощиться, но его внезапное исчезновение в тот самый момент, когда осень уступила место холоду, пугает до глубины души. Это так похоже на эпизод из старого фильма о джунглях, когда внезапно смолкают барабаны туземцев. И пьет он больше, да и дольше, до глубокой ночи. Она всегда ложится спать раньше него (обычно гораздо раньше), но знает, когда он укладывается в кровать и чем от него пахнет. Она также знает, что может о многом судить по содержимому мусорных баков, стоявших у амбара, на реконструированном сеновале которого расположены его рабочие апартаменты, и по мере того как ее тревога растет, заглядывает в них раз в два или три дня. Обычно она видит банки из-под пива, Скотт всегда любил пиво, но в декабре 1995-го и в январе 1996-го в баках появляются бутылки из-под виски «Джим Бим». И по утрам Скотт страдает от похмелья. По какой-то причине это беспокоит его больше, чем все остальное. Иногда он бродит по дому (бледный, молчаливый, больной) и окончательно приходит в себя только во второй половине дня, далеко за полдень. Несколько раз она слышала, как он блевал за закрытой дверью в ванной, и по скорости, с которой исчезает аспирин, она знает, что у него сильно болит голова. Вы можете сказать, ничего необычного в этом нет; выдуй ящик пива или бутылку «Бима» между девятью и полуночью — и ты за это заплатишь, Патрик. Возможно, все так, но Скотт крепко пил с их самой первой встречи в универ-

ситете, когда он принес плоскую бутылку виски в кармане пиджака (и разделил ее с ней), но понятия не имел, что такое похмелье. Теперь же она видит пустые бутылки и знает, что каждый день к рукописи романа «Медовый месяц преступника» на его столе прибавляется лишь одна или две страницы (бывают дни, когда не прибавляется ни одной), и задается вопросом, а как много он выпивает ежедневно.

На какое-то время ей удается забыть о своих тревогах благодаря поездкам в гости и суете, связанной с покупкой рождественских подарков. Скотт — не любитель ходить по магазинам, даже когда покупателей в них немного и все можно выбрать не торопясь, но в этот сезон он так и рвется в бой. Каждый день сопровождает ее, будь то торговый центр Обурна или магазины на Главной улице Касл-Рока. Его часто узнают, но он с улыбкой отказывается дать автограф людям, которые обращаются с такой просьбой в надежде получить неожиданный подарок, говоря, что не может отстать от жены, ибо в противном случае не увидит ее до Пасхи. Он, возможно, и потерял чувство юмора, но она ни разу не видит, чтобы он вышел из себя, даже если желающие получить автограф очень уж настойчивы, и на какое-то время он вроде бы становится привычным Скоттом, несмотря на пьянство, отмененное турне и медленное продвижение вперед с новым романом.

Рождество само по себе счастливый день, сопровождаемый обменом подарками и энергичной дневной гимнастикой под одеялом. На рождественский обед они едут к Канти и Ричу, и за десертом Рич спрашивает Скотта, когда появится фильм по одному из его романов. «Вот где лежат большие деньги», — говорит Рич, будто не зная, что из четырех фильмов, снятых по произведениям Скотта, три провалились. Только киноверсия «Голодных дьяволов» (Лизи этот фильм так и не посмотрела) принесла прибыль.

По пути домой чувство юмора Скотта возвращается, как большой старый бомбардировщик «В-1», и он так имитирует

Рича, что Лизи смеется до колик в животе. А по прибытии на Шугар-Топ-Хилл они сразу поднимаются наверх, чтобы второй раз «попрыгать» в кровати. Еще не отдышавшись после скачки, Лизи ловит себя на мысли: если Скотт и болен, то, может, людям стоит от него заразиться этой болезнью, и мир определенно станет лучше.

В день рождественских подарков* она просыпается в два часа утра от желания отлить, и (опять приходится говорить о *déjà vu*) его в постели нет. Но на этот раз он *не ушел*. Она уже научилась определять разницу (даже не отдавая себе отчета, каким образом), между тем, когда он просто встает раньше нее, и когда он, по ее мнению,

(ушел)

проделывает тот трюк, уходит в то странное место.

Она справляет малую нужду с закрытыми глазами, прислушиваясь к посвисту ветра за стенами дома. По звукам он холодный, этот ветер, но она не знает, что такое холод. Пока не знает. Пройдет еще пара недель, и она узнает. Пройдет еще пара недель, и она узнает все.

Облегчившись, она смотрит в окно ванной. Оно выходит на амбар и кабинет Скотта на переделанном сеновале. Будь он там (иногда, если ему не спится ночью, туда он и уходит), она увидела бы свет, может, даже услышала бы радостную, карнавальную рок-н-рольную музыку, очень, очень слабую. Но в эту ночь окна амбара темны, и единственная музыка, которую она слышит, — завывание ветра. Ей становится не по себе, в глубине сознания возникают мысли

(инфаркт инсульт)

слишком неприятные, чтобы рассматривать их всерьез, однако достаточно настойчивые, потому что... учитывая, какой он... какой он в последнее время... полностью отмести их не удастся. Поэтому, вместо того чтобы, не просыпаясь,

* День рождественских подарков — 26 декабря.

возвратиться в спальню, она выходит через другую дверь ванной, которая ведет в коридор второго этажа. Зовет мужа по имени, ответа нет, но она видит золотую полосу света под закрытой дверью в дальнем конце коридора. И наконец различает доносящуюся из-за двери едва слышную музыку. Не рок-н-ролл, а кантри. Хэнк Уильямс. Старина Хэнк поет «Ко-Лайгу».

— Скотт? — снова зовет она, опять не получает ответа и идет по коридору, отбрасывая волосы со лба, босые ноги шелестят по ковру, который позднее отправится на чердак. Идет охваченная страхом, причину которого не может выразить словами, разве что страх этот как-то связан

(ушел)

с уже канувшим в Лету или с тем, чему следовало туда кануть. «Сделано и забыто», — сказал бы папаша Дебушер; это одно из выражений, которые старый Дэнди выловил в пруду, том самом, к которому мы все спускаемся, чтобы утолить жажду, в который забрасываем свои сети.

— Скотт?

Она какие-то мгновения стоит перед спальней для гостей, и ее охватывает ужасное предчувствие: он сидит мертвый в кресле-качалке перед телевизором, погибший от собственной руки, и почему она не видела, что все к этому шло, в последний месяц или около того симптомов хватало. Он продержался до Рождества, но теперь...

— Скотт?

Она поворачивает ручку, толкает дверь, и он сидит в кресле-качалке, как она и представляла себе, но очень даже живой, закутанный в любимый афган доброго мамика, в желтый. По телевизору (звук приглушен до минимума) показывают его любимый фильм: «Последний киносеанс». Его глаза не отрываются от экрана.

— Скотт? Ты в порядке?

Его глаза не двигаются, не моргают. Ее охватывает еще больший страх, в глубине сознания одно из странных слов Скотта

(*тупак*)

вдруг выскакивает как чертик из шкатулки, и она загоняет его обратно в подсознание практически беззвучным

(*Пошло на хер!*)

проклятием. Она заходит в комнату и вновь произносит его имя. На этот раз он моргает (слава Богу), и поворачивает голову, чтобы посмотреть на нее, и улыбается. Это та самая скоттлэндоновская улыбка, в которую она влюбилась, увидев в самый первый раз. Особенно ее умиляло, как при этой улыбке поднимались уголки его глаз.

— Эй, Лизи, — говорит он, — почему ты не спишь?

— Я могу задать тебе тот же самый вопрос, — отвечает она. Оглядывается в поисках спиртного (банки пива, ополовиненной бутылки виски «Джим Бим») и не находит. Это хороший знак. — Уже поздно, или ты этого не знаешь? Поздно.

Долгая пауза, в течение которой он о чем-то напряженно думает. Наконец говорит: «Меня разбудил ветер. Молотил ставней по стене дома, и я не смог заснуть».

Она уже собирается что-то сказать, но не произносит ни слова. Когда люди женаты долгое время (она полагает, величина срока, именуемого «долгое время», у каждой семейной пары своя; у них это порядка пятнадцати лет), между ними возникает телепатическая связь. И в этот самый момент телепатическая связь сообщает ей, что он еще не закончил, хочет сказать что-то еще. Вот она и молчит, ждет, чтобы услышать, права ли она. Поначалу кажется, что да. Он открывает рот. И тут на дом обрушивается порыв ветра, и она слышит доносящееся из-за стен дребезжание, словно стук металлических зубов. Скотт поворачивается на этот звук... чуть улыбается... улыбка не из приятных... улыбка человека, который знает некий секрет... и закрывает рот. Вместо того чтобы сказать то,

что собирался, вновь переводит взгляд на экран, где Джефф Бриджес* (очень молодой Джефф Бриджес) и его лучший друг едут в Мексику. Когда они вернутся, Сэм Лев будет мертв.

— Как думаешь, еще сможешь уснуть? — спрашивает она его, а когда он не отвечает, вновь начинает бояться. — Скотт! — Голос звучит несколько резче, чем ей хотелось, и когда его глаза возвращаются к ней (неохотно, уверяет себя Лизи, хотя фильм этот он видел добрых два десятка раз), она повторяет вопрос уже более спокойно: — Как думаешь, ты еще сможешь уснуть?

— Возможно, — допускает он, и она видит в его глазах нечто ужасное и печальное: он боится. — Если ты будешь спать со мной голой.

— В такую холодную ночь? Ты шутишь? Давай-ка выключай телевизор и возвращайся в постель.

Он возвращается, и она лежит, слушая завывания ветра и наслаждаясь теплом, идущим от мужского тела.

Она начинает видеть бабочек. Такое происходит с ней практически всегда, когда она засыпает. Она видит больших красно-черных бабочек, раскрывающих крылья в темноте. Ей приходит в голову мысль, что она увидит их и когда придет время умирать. Мысль эта пугает, но не так чтобы очень.

— Лизи? — Голос Скотта, издалека. Он тоже засыпает. Она это чувствует.

— М-м-м-м?

— Ему не нравится, что я говорю.

— Кому не нравится?

— Я не знаю, — говорит он очень тихо, из далекого далека. — Может, это ветер. Холодный северный ветер. Тот, что прилетает из...

Последнее слово — «Канады», вероятно, именно оно, но точно Лизи сказать не может. Уже затерялась в стране сна, и

* Бриджес Джефф (р. 1949) — киноактер. За роль в фильме «Последний киносеанс» номинировался на премию «Оскар».

он тоже затерялся, потому что, попав туда, они никогда не бывают вместе, и она боится, что сон — также и репетиция смерти, место, где могут быть грезы, но нет любви, нет дома, нет руки, которая сжимает твою, когда стая птиц мчится по горяще-оранжевому небу на закате дня.

3

В последующий период времени (недели две) она начинает верить, что ситуация выправляется. Позже она спросит себя, ну как могла быть такой глупой, такой намеренно слепой, как могла воспринять его попытку удержаться за этот мир (и за нее) каким-то улучшением, но, с другой стороны, если у нас нет ничего, кроме соломинок, мы хватаемся и за них.

И некоторые кажутся достаточно толстыми, чтобы хвататься за них без боязни. В первые дни 1996 года пить он перестает полностью, разве что пару раз позволяет себе стакан вина за обедом, и теперь он каждый день много времени проводит в кабинете. И только потом («потом, потом, суп с котом» — бубнили они, когда маленькими детьми строили первые словесные замки на берегу пруда) она осознает, что за эти дни к рукописи романа не добавилось ни одной страницы, он не работал, а тайком пил виски, заедал мятными пастилками и писал себе бессвязные записки. Потом она найдет засунутый под клавиатуру «Мака», которым пользуется муж, листок бумаги (бланк письма с шапкой «СО СТОЛА СКОТТА ЛЭНДОНА»), где он нацарапал: *Тракторная цепь говорит ты опаздываешь Скот старина Скот, даже теперь*. И только когда этот холодный ветер, тот самый, что долетает из Йеллоунайфа, ревет вокруг дома, она наконец-то замечает глубокие серпообразные порезы на его ладонях. Порезы, которые он мог сделать только собственными ногтями, когда боролся, цепляясь за жизнь и здравомыслие, как борется альпинист, пытающийся

удержаться на долбаном уступе под внезапно начавшимся дождем со снегом. Только потом она найдет батарею пустых бутылок из-под виски «Джим Бим», полтора десятка, не меньше, и за это, пожалуй, она может себя похвалить, потому что Скотт постарался их запрятать.

4

Первые два дня 1996 года не по сезону теплые. Старожилы называют такой погодный феномен январской оттепелью. Но уже утром третьего января синоптики начинают предупреждать о резкой перемене погоды: мощный холодный фронт надвигается из засыпанных снегом центральных регионов Канады. Жителям Мэна напоминают, что баки с топливом для обогрева домов должны быть залиты под завязку, водопроводные трубы — изолированы от воздействия холода, а для животных нужно подготовить «теплое место». Температура воздуха, по прогнозам, упадет до двадцати пяти градусов ниже нуля*, но температура воздуха — не самое страшное. Холодный воздух принесет шквалистый ветер, а с учетом этого фактора температура опустится до шестидесяти, а то и до семидесяти градусов ниже нуля**.

Лизи так напугана, что звонит в фирму, с которой заключен контракт на обслуживание дома, потому что Скотт на предупреждение синоптиков не реагирует. Гэри заверяет ее, что у Лэндонов самый теплый и крепкий дом во всем Касл-Вью, обещает приглядеть за ее ближайшими родственниками (прежде всего за Амандой, это ясно без слов) и напоминает ей, что холодная погода — неременный атрибут жизни в Мэне. Несколько холодных ночей — и мы уже на пути к весне, говорит он.

* по шкале Фаренгейта, что соответствует минус 32 градусам по Цельсию.

** соответственно до минус 51 и 57 градусов по Цельсию.

Но когда пятого января температура опускается ниже нуля и ревущие ветры набрасываются на штат Мэн, Лизи не может припомнить ничего более ужасного, даже из детства, когда для ребенка каждая гроза представляется бурей, а обычный снегопад — бураном. В доме все термостаты поставлены на максимальную мощность, и новый камин работает постоянно, но между шестым и девятым января температура воздуха в доме не поднимается выше шестидесяти двух градусов*. Ветер не просто воет под карнизами, но кричит, как женщина, которой безумец дюйм за дюймом вспарывает живот, да еще тупым ножом. Снег, оставшийся после январской оттепели, срывает с земли этими ветрами, дующими со скоростью сорок миль в час (и порывами до шестидесяти пяти, достаточно сильными, чтобы повалить с дюжину радиомачт в центральном Мэне и Нью-Хэмпшире), и несет над полями ордой призраков. Когда снежные гранулы бьют в наружные вставные переплеты, кажется, что их бомбардируют градины.

На вторые сутки этого непомерного канадского холода Лизи просыпается в два часа ночи и видит, что Скотта опять нет в кровати. Она находит его в спальне для гостей, снова завернувшегося в желтый афган доброго мамика. Он вновь смотрит «Последний киносеанс». Хэнк Уильямс выводит «Коллайгу», Сэм Лев мертв. Лизи никак не может растолкать мужа, но в конце концов ей это удается. Она спрашивает Скотта, все ли с ним в порядке, и тот отвечает, что да. Предлагает ей выглянуть из окна, говорит, что это прекрасно, но нужно соблюдать осторожность, не смотреть слишком долго. «Мой отец говорил, что можно обжечь глаза, такие они яркие», — советует он.

Она ахает от всей этой красоты. В небе движущиеся полотнища занавеса, и у нее на глазах они меняют цвет: зеленые становятся пурпурными, пурпурные — пунцовыми, пунцовые переходят в другой оттенок красного, который она назвать не

* порядка 17 градусов по Цельсию.

может. Вроде бы красновато-коричневый, но не совсем. Она думает, что никто бы не смог подобрать название оттенку, который она видит. Когда Скотт тянет ее от окна за ночную рубашку и говорит, что достаточно, она поражается, глянув на электронные часы, встроенные в видеомагнитофон: простояла у окна, не отрывая глаз от северного сияния, десять минут.

— Больше не смотри. — Голос у него плывет, как у человека, который говорит во сне. — Пойдем со мной в постель, маленькая Лизи.

Она этому только рада, рада тому, что может выключить этот, как ей теперь представляется, ужасный фильм, вытащить Скотта из кресла-качалки и холодной комнаты. Но когда она ведет его по коридору за руку, он произносит две фразы, от которых у нее по коже бегут мурашки: «Ветер звучит, как тракторная цепь, а тракторная цепь звучит, как мой отец. Вдруг он не умер?»

— Скотт, это чушь собачья, — отвечает она, да только такие фразы совсем не чушь собачья, если произносятся глубокой ночью, не так ли? Особенно когда ветер кричит, а небо, окрашенное в переменчивые цвета, кажется, отвечает тем же.

Когда она просыпается на следующую ночь, ветер воет по-прежнему, но в спальне для гостей телевизор не включен, хотя Скотт все равно смотрит на экран. Сидит в кресле-качалке, завернутый в желтый афган доброго мамика, но не отвечает ей, даже не реагирует на нее. Скотт здесь, и Скотта здесь нет.

Он превратился в тупака.

5

Лизи перекатилась на спину в кабинете Скотта и посмотрела на стеклянную панель крыши, оказавшуюся прямо над ее головой. Грудь пульсировала болью. Даже не подумав об этом, она прижала к ней желтый вязаный квадрат. Поначалу

боль усилилась... но Лизи чуть-чуть успокоилась. Вглядывалась в прозрачный кусок крыши, тяжело дыша. До ее ноздрей долетал кислый запах пота, слез и крови, смесь которых маминовала кожу. Лизи застонала.

Все Лэндоны поправляются очень быстро, по-другому нам нельзя. Если это правда, а у нее есть основания верить, что правда, тогда сейчас она как никогда раньше хотела быть среди Лэндонов. Не хотела оставаться Лизой Дебушер из Лисбон-Фоллс, последним ребенком мамы и папы, всегда самой маленькой.

Ты — та, кто ты есть, терпеливо напомнил ей голос Скотта. *Ты — Лизи Лэндон. Моя маленькая Лизи.* Но ей было так жарко и боль была такой сильной, что теперь ей требовался лед, а голос... слышала она его или нет, долбаный Скотт Лэндон никогда не казался ей более мертвым.

СОВИСА, любимая, настаивал Скотт, но голос доносился издалека.

Издалека.

Даже телефон на Большом Джумбо Думбо, по которому теоретически она могла вызвать помощь, находился далеко. А что находилось ближе? Вопрос. Простой, однако. Как она могла найти собственную сестру в таком состоянии и не вспомнить, каким нашла мужа в те жутко холодные дни января 1996 года?

Я помнила, прошептал внутренний голос ее разуму, когда она лежала на спине, глядя на стеклянную панель в крыше дома, с желтым вязаным квадратом, который все больше краснел, прижатый к ее левой груди. *Я помнила. Но вспомнить Скотта, сидящего в кресле-качалке, означало вспомнить отель «Оленьи рога»; а вспомнить отель «Оленьи рога» — вспомнить то, что произошло, когда мы выходили из-под конфетного дерева в снегопад; вспомнить это означало вспомнить правду о его брате Поле; а уже правда о брате Поле вела к воспоминанию о холодной спальне для гостей, с северным сиянием за окнами*

и ревом ветра, который принесся из Канады, из Манитобы, от самого Йеллоунайфа. Разве ты не видишь, Лизи? Все взаимосвязано, всегда было, и как только ты позволяешь себе признать первую связь, толкнуть первую костяшку домино...

— Я бы сошла с ума, — прошептала Лизи. — Как они. Как Лэндоны, и Ландро, и кто еще знает об этом. Неудивительно, что они сходили с ума, понимая, что есть мир буквально рядом с этим... а стенка такая тонкая...

Но не это было самым худшим. Самым худшим была тварь, которая не давала ему покоя, крапчатая тварь с бесконечным пегим боком...

— *Нет!* — пронзительно закричала она в пустом кабинете. Закрычала, пусть даже крик болью отозвался в теле. — *Ох, нет! Хватит! Заставь ее остановиться! Заставь этих тварей ОСТАНОВИТЬСЯ!*

Но поздно. Слишком поздно отрицать то, что было, каким бы большим ни был риск безумия. Существовало место, где еда с наступлением темноты превращалась во что-то несъедобное, что-то ядовитое, и где эта пегая тварь, длинный мальчик Скотта

(Я покажу тебе, какие он издает звуки, когда оглядывается)
мог быть реальным.

— Ох, он реальный, все так, — прошептала Лизи. — Я его видела.

В пустом, населенном разве что призраками кабинете умершего человека Лизи начинает плакать. Даже теперь она не знает, действительно ли так было, существовал ли он в тот момент, когда она его видела... но она чувствовала... что он реальный. Речь шла о той лишающей надежды твари, которую раковые больные видят на дне стаканов для воды, что стоят на прикроватных столиках, когда все лекарства приняты, на дисплее насоса морфия ноль, час поздний, а боль еще здесь и забирается все глубже в не знающие сна кости. *И живой. Живой, злобной и голодной. Именно от этой твари, Лизи не сомневалась, ее муж*

безуспешно пытался отгородиться спиртным. И смехом. И писательством. Эту тварь она практически увидела в его пустых глазах, когда он сидел в холодной спальне для гостей перед выключенным и молчащим телевизором. Он сидел...

6

Он сидит в кресле-качалке, закутанный до уставившихся в никуда глаз в чертовски веселенький желтый афган доброго мамика. Смотрит на нее и сквозь нее.

«Позвонить кому-нибудь, — думает она, — вот что нужно сделать», — и спешит по коридору к их спальне. Канти и Рич во Флориде и пробудут там до середины февраля, Дарла и Мэтт живут рядом, и именно номер Дарлы Лизи собирается набрать, ее уже не тревожит, что она разбудит их глубокой ночью, ей нужно с кем-то поговорить, ей нужна *помощь*.

Позвонить не удастся. Жуткий ветер, от которого ей холодно даже во фланелевой ночной рубашке и надетом поверх нее свитере, тот самый, что заставляет котел в подвале работать на пределе возможностей, под напором которого трещит, стонет и сотрясается дом, оборвал где-то провод, и, сняв трубку, она слышит только идиотское «м-м-м-м». Несколько раз она все равно нажимает пальцем на рычаг, потому что в такой ситуации это естественная реакция, но знает, толку не будет, и толку таки нет. Она одна в этом большом, старом, реконструированном викторианском доме на Шугар-Топ-Хилл, под небом, расцвеченным безумными полотнищами света, а температура воздуха опустилась до значений, которые немислимо и представить себе. Лизи знает, попытайся она пойти к живущим по соседству Галлоуэям, велики шансы, что она отморожит мочку уха или палец, может, и два. Может вообще замерзнуть у них на крыльце, прежде чем сумеет их разбудить. С таким морозом шутки плохи.

Она возвращает на место бесполезную телефонную трубку и торопится обратно в коридор, ее шлепанцы перешептываются с ковром. Скотт такой же, каким она его и оставила. В кантри-саундтреке фильма «Последнего киносеанса» глубокой ночью хорошего мало, но тишина хуже, хуже, хуже этого просто ничего нет. И за мгновение до того, как мощнейший порыв ветра ухватывается за дом и грозит стащить его с фундамента (она едва может поверить, что они не остались без электричества, уверена, что скоро наверняка останутся), она понимает, почему даже сильный ветер — плюс: она не может слышать его дыхания. Он не выглядит мертвым, на щеках даже теплится румянец, но как ей знать, что он не дышит?

— Милый? — шепчет она, направляясь к нему. — Милый, ты можешь поговорить со мной? Можешь посмотреть на меня?

Он ничего не говорит, не смотрит на нее, но, когда она прикасается ледяными пальцами к его шее, кожа теплая, и она чувствует биение сердца в большой вене или артерии, которая проходит под самой кожей. И кое-что еще. Она чувствует, как он тянется к ней. При дневном свете, даже при свете холодного дня, при свете ветреного дня (при таком свете, похоже, сняты все сцены под открытым небом в фильме «Последний киносеанс», вдруг осеняет ее) она, несомненно, это бы упустила, но не теперь. Теперь она знает то, что знает. Ему нужна помощь, точно так же, как он нуждался в помощи в тот день в Нашвилле, сначала — когда безумец стрелял в него. Потом — когда он, дрожа всем телом, лежал на горячем асфальте и молил о льде.

— Как я могу тебе помочь? — шепчет она. — Как я могу помочь тебе теперь?

Отвечает ей Дарла, Дарла, какой была в девичестве. «Одни груди да злость», — как-то сказала добрый мамик, хотя вульгарность была для нее нехарактерна. Видать, Дарла достала ее вне всякой меры.

«Ты не собираешься помогать ему, так почему говоришь о помощи?» — спрашивает юная Дарла, и голос этот такой реальный, что Лизи буквально ощущает запах пудры «Коти», которой Дарле разрешали пользоваться (из-за ее прыщей), и слышит, как лопается пузырь ее жевательной резинки. И это еще не все. Она спускалась к пруду и забросила сеть, которая вернулась с приличной добычей. — У него съехала крыша, Лизи, он чокнулся, шарики зашли за ролики, он катит на резиновом велосипеде, и единственное, чем ты можешь ему помочь, — вызвать людей в белых халатах, как только телефон заработает вновь». Лизи слышит наполненный абсолютным подростковым презрением смех Дарлы в глубине своей головы, когда смотрит на своего мужа, сидящего в кресле-качалке с широко раскрытыми глазами. «Помочь ему! — фыркает Дарла. — ПОМОЧЬ ему? Размечталась».

И тем не менее Лизи думает, что может помочь. Лизи думает, что есть способ.

Беда в том, что такая помощь, возможно, опасна, и не факт, что принесет желаемый результат. Она достаточно честна перед собой, чтобы признать, что сама создала некоторые проблемы. Отгораживалась от определенных воспоминаний, в частности, от их удивительного выхода из-под конфетного дерева, прятала те факты, с которыми не могла сжиться (например, правду о Поле, святом брате), за занавесом в своем сознании. Туда же попал некий звук

(пыхтение, святой Боже, это низкое, мерзкое хрюканье)

и кое-что из увиденного ею

(кресты на кладбище кресты в кровавом свете)

Она иногда задается вопросом, а может, у каждого в голове есть такой же занавес, за которым находится «не думать об этом» зона. Должно быть, есть. Удобная штука. Определенно спасает от бессонных ночей. Таких воспоминаний хватает: то, другое, третье. Так или иначе, они образуют целый лабиринт. «О маинькая Ли-изи, как ты меня сабавляешь, mein gott»... и что скажут дети?

— Не ходи туда, — бормочет Лизи, но думает, что пойдет. Думает, если у нее и есть шанс спасти Скотта, привести его назад, она *должна* туда пойти... где бы это ни было.

Ох, но это же совсем близко.

В том-то и весь ужас.

— Ты знаешь, не так ли? — говорит она, начиная плакать, но спрашивает она не Скотта, Скотт ушел туда, куда уходят тупаки. Однажды, под конфетным деревом, где они сидели, защищенные от окружающего мира этим необычным октябрьским снегопадом, он охарактеризовал свое писательство видом безумия. Она запротестовала (она, практичная Лизи, для которой все было по-прежнему), и тогда он сказал: «Ты не понимаешь той части, что связана с уходом. Для тебя это счастье, маленькая Лизи, и я надеюсь, что все так и останется».

Но сегодня, когда ревет ветер, прилетевший от Йеллоу-найфа, и небо расцвечено безумными цветами, ее везение обрывается.

7

Лежа на спине в кабинете умершего мужа, прижимая окровавленную «усладу» к груди, Лизи изрекла: «Я села рядом с ним и вытащила его руку из-под афгана, чтобы держать ее. — Шумно сглотнула. В горле что-то щелкнуло. Она хотела выпить воды, но еще не знала, сможет ли устоять на ногах, пока не знала. — Его рука была теплой, а вот пол...»

8

Пол холодный, и это чувствуется сквозь фланелевую ночную рубашку, фланелевые пижамные штаны и шелковые трусики под ними. Эта комната, как и все остальные наверху,

обогревается воздуховодами, выпускные отверстия которых расположены на уровне плитусов, она может ощутить тепло свободной рукой, той, что не держит руку Скотта, но радости в этом мало. Котел-обогреватель работает без усталости, горячий воздух идет наверх, через выпускные отверстия поступает в комнаты, в каких-то шести дюймах от них тепло еще есть, потом... пух! Ушло. Как полоски на столбе у парикмахерской. Как поднимающийся сигаретный дым. Как мужья, иногда.

Не обращай внимания на холодный пол. Не обращай внимания на зад, даже если он посинеет. Если ты можешь что-то для него сделать, делай.

Но что это что-то? С чего ей нужно начать?

Ответ приходит со следующим порывом ветра.

Начни с лечения чаем.

— Он-никогда-не-говорил-об-этом-потому-что-я-никогда-не-спрашивала. — Фраза вылетает из нее так быстро, что сливается в одно длинное экзотическое слово.

Если так, это экзотическое одно слово — ложка. Он ответил на ее вопрос о лечении чаем в ту ночь в отеле «Оленьи рога». В постели, после любви. Она задала ему два или три вопроса, но один, который имел значение, *ключевой* вопрос, был первым. И вроде бы простым. Он мог ответить односложно, «да» или «нет», но когда Скотт Лэндон отвечал на заданный вопрос «да» или «нет»? И, как выяснилось, вопрос этот оказался пробкой, выбитой из бутылки. Почему? Потому что он вернул их к Полу. И история Пола главным образом была историей его смерти. А смерть Пола привела к...

— Нет, пожалуйста, — шепчет она и понимает, что слишком уж сильно сжимает его руку. Скотт, само собой, не протестует. Как и принято в роду Лэндонов, он ушел, стал тупаком. Звучит забавно, почти как шутка из юмористической передачи «Хи-хи, ха-ха».

«Эй, Бак, а где Рой?»

«Ну, я тебе скажу, Минни, Рой ушел в тупаки!»

(Зрители покатываются со смеху.)

Но Лизи не смеется, и ей не нужны внутренние голоса, чтобы объяснить, что Скотт ушел в страну тупаков. И если она хочет вернуть его, сначала ей самой нужно последовать за ним туда.

— Господи, нет, — стонет она, потому что в глубине сознания уже понимает, что означает принятие такого решения. — Господи, Господи, неужели я должна?

Бог не отвечает. Да и не нуждается она в Его ответе. Она знает, что должна сделать. По крайней мере с чего ей нужно начать: она должна вспомнить их вторую ночь в отеле «Оленьи рога», после любви. Они уже дремали, готовясь погрузиться в сон, и она подумала: «Хуже от этого не будет, ты хочешь спросить его о святом старшем брате, не о старом дьяволе-отце. Не теряй времени и спрашивай». Вот она и спросила. Сидя на полу, держа его руку (начинающую холодеть) в своей, под завывание ветра и под раскрашенным в безумные цвета небом, Лизи заглядывает за занавес, который повесила, чтобы скрыть за ним самые худшие, самые необъяснимые воспоминания, и видит себя, спрашивающую его насчет лечения чаем.

Спрашивающую его...

9

— После этой историей со скамьей Пол вымочил свои порезы в чае, как ты вымачивал руку в ту ночь в моей квартире?

Он лежит в кровати рядом с ней, простыня укрывает бедра, так что она видит верхнюю часть лобковых волос. Он курит, как он выражается, «неизменно восхитительную посткоитусную сигарету», и единственное световое пятно в комнате — лампа на прикроватном столике с его стороны. В пыль-

но-розовом свете лампы табачный дым поднимается и исчезает в темноте, заставляя ее задаться вопросом

(а был ли звук, воздушный хлопок, под конфетным деревом, когда мы вышли, когда мы покинули)

о чем-то таком, что она уже пытается вытеснить из собственного сознания.

Тем временем молчание затягивается. Она уже смиряется с тем, что ответа не будет, когда он отвечает. И по его тону она понимает: причина возникновения паузы не в том, что ему не хотелось отвечать. Просто он тщательно обдумывал ответ.

— Я практически уверен, Лизи, что лечение чаем появилось позже. — Он вновь задумывается, потом кивает. — Да, я это знаю, потому что к тому времени я уже решал дробь. Одна треть плюс одна четверть равняются семи двенадцатым и так далее. — Он улыбается... но Лизи, которая уже разбирается в выражениях его лица, думает, что улыбка эта нервная.

— В школе? — спрашивает она.

— Нет, Лизи. — По тону чувствуется, ей следовало бы знать, что речь шла не о школе, а когда он продолжает, Лизи слышит леденящее кровь детское произношение,

(я пытался и пытался)

вкрадывающееся в голос.

— Я и Пол — мы учились дома. Отец называл школу «загоном для ослов». — На столике рядом с лампой — пепельница, а под ней «Бойня номер пять» (Скотт всегда берет эту книгу с собой, куда бы ни поехал, без единого исключения), и он стряхивает пепел в пепельницу. Снаружи завывает ветер, и старый отель поскрипывает.

И внезапно Лизи кажется, что, возможно, идея эта не такая уж и хорошая, что хорошая идея — повернуться на бок и заснуть, но у нее два сердца, и любопытство не дает ей покоя.

— И порезы Пола в тот день, когда ты прыгнул со скамьи, были глубокими? Не просто царапинами? Я хочу сказать, ты

знаешь, как всё воспринимается детьми... прорыв трубы кажется им потопом...

Она замолкает. Пауза затягивается надолго, он наблюдает, как сигаретный дым поднимается вверх и исчезает. Когда заговаривает вновь, голос его сухой, бесстрастный, уверенный:

— Отец резал глубоко.

Она раскрывает рот, чтобы сказать что-то нейтральное и тем самым положить конец этому разговору (в голове у нее уже трезвонят колокольчики всех охранных систем, вспыхивает и гаснет множество красных огней), но прежде чем она успеет произнести хоть слово, он продолжает:

— В любом случае это не то, что ты хочешь спросить. Спрашивай что хочешь, Лизи. Давай и я тебе отвечу. Я не собираюсь держать что-либо в секрете от тебя, особенно после того, что произошло сегодня во второй половине дня. Но ты должна спросить.

«А что произошло сегодня во второй половине дня?»

Вроде бы логичный вопрос, но Лизи понимает, что это не может быть логичным разговором, потому что речь идет о безумии, *безумии*, и теперь она — тоже его часть. Потому что Скотт *забрасывал* ее куда-то, она это *знает*, *ее воображение не сыграло с ней злую шутку*. Если она спросит, что произошло, он ей скажет, он практически это пообещал... но это будет неправильно. Ее посткоитусная дрема исчезла, никогда в жизни она не чувствовала себя такой бодрой.

— После того как ты прыгнул со скамьи, Скотт...

— Отец меня поцеловал. Поцелуй был отцовским призом. Показывающим, что кровь-бул закончен.

— Да, я знаю, ты мне говорил. После того как ты прыгнул со скамьи и отец перестал резать Пола, твой брат... сделал что-нибудь, чтобы залечить порезы? Поэтому он смог так скоро сначала пойти в магазин за бутылками газировки, а потом устроить охоту на була?

— Нет. — Скотт тушит сигарету в пепельнице, которая стоит на книге.

Это короткое отрицание вызывает у нее очень уж странную смесь эмоций: сладостного облегчения и глубокого разочарования. Словно в груди что-то взрывается. Она не может точно сказать, о чем она думала, но это «нет» означает, что она не должна думать об этом...

— Он не мог. — Скотт говорит все тем же сухим тоном. С той же определенностью. — Пол не мог. Не мог уйти. — Упор на последнее слово не то чтобы сильный, но сомнений не вызывает. — Мне пришлось взять его.

Скотт поворачивается к ней и берет ее... но только в объятия. Его лицо, прижимающееся к ее шее, горит от сдерживаемых эмоций.

— Есть одно место. Мы называли его «Мальчишечья луна», уже забыл почему. По большей части местечко приятное. Я брал его туда, когда ему было больно, и я взял его туда, когда он умер, но не мог взять, когда в нем бурлила дурная кровь. После того как отец убил Пола, я забрал его туда, в Мальчишечью луну, и похоронил там. — Дамба рухнет, и он начинает рыдать. Ему удастся чуть заглушить звуки, сжимая губы, но сила рыданий сотрясает кровать, и какое-то время Лизи может лишь обнимать его. В какой-то момент он просит ее погасить свет, а когда она спрашивает зачем, отвечает: «Потому что это еще не все, а остальное я могу рассказать тебе, если ты будешь меня обнимать. Но без света».

И хотя теперь она испугана, как никогда прежде (испугана даже больше, чем в ту ночь, когда он вышел из темноты с расплосованной рукой), она высвобождает руку для того, чтобы выключить лампу на прикроватном столике, и касается его лица грудью, которая потом пострадает от безумия Джима Дули. Поначалу комната погружается в темноту, но по мере того как глаза приспособляются, вновь появляются контуры мебели. А слабое и галлюциногенное сияние за

окном свидетельствует о том, что лунный свет начинает пробиваться сквозь утончающийся слой облаков.

— Ты думаешь, отец убил Пола, не так ли? Ты думаешь, на этом конец истории?

— Скотт, ты сказал, он выстрелил в него из своего карабина...

— Но это было не убийство. Случившееся назвали бы убийством, если бы его судили, но я был там и знаю, это не было убийством. — Пауза. Она думает, что он закурит очередную сигарету, но нет, огонек спички не вспыхивает. — Отец мог его убить, понятное дело. Множество раз. Я это знаю. В некоторых случаях точно убил бы, если бы рядом не было меня, но сказать, что он убил Пола, нельзя. Ты знаешь, что такое эвтаназия, Лизи?

— Милосердное убийство.

— Да. Вот что мой отец сделал с Полом.

В комнате вокруг них мебель вновь становится видимой, потом опять кутается в тени.

— Это все дурная кровь, разве ты не понимаешь? В Поле она была так же, как и в отце. Только так много, что отец не мог всю ее выпустить.

Лизи в какой-то степени понимает. Все те разы, когда отец резал детей (она полагает, и себя тоже), он практиковал необычный, ненадежный, но способ превентивного лечения.

— Отец говорил, что дурная кровь могла обойти два поколения, а потом проявиться с удвоенной силой. «Обрушится на тебя совсем как та тракторная цепь на твою ногу, Скут», — как-то сказал он.

Лизи мотает головой. Она не знает, о чем он говорит. И какая-то ее часть не хочет и знать.

— Это случилось в декабре, — продолжает Скотт. — Ударили морозы. Впервые за зиму. Мы жили в том фермерском доме, который со всех сторон окружали поля, и единственная дорога вела к магазину «Мюли» и дальше, к Мартенсбергу. Мы

были практически отрезаны от мира. Жили сами по себе, понимаешь?

Она понимает. Конечно, понимает. Представляет себе почтальона, который появлялся время от времени, и, разумеется, «Спарки» Лэндона, которому приходилось уезжать
(«Ю.С. Гиптам»)

на работу, но это все. Никаких школьных автобусов, потому что я и Пол — мы учились дома. Школьные автобусы ходили в «загон для ослов».

— Снег усложнил нашу жизнь, мороз — тем более. Холод не позволял выйти из дому. Однако тот год поначалу не был уж таким плохим. Наконец-то у нас появилась рождественская елка. Бывали годы, когда в отце бурлила дурная кровь... или просто он был не в настроении... и тогда не было ни елки, ни подарков. — С губ Скотта срывается короткий безрадостный смешок. — На одно Рождество он продержал нас до трех ночи, читая «Книгу откровений», о том, как сосуды открывались, и о бедах, и о всадниках в разноцветной броне, а потом зашвырнул Библию на кухню и взревел: «Кто пишет эту гребаную чушь? И кто те идиоты, которые в нее верят?» Когда он был в таком настроении, то мог реветь, как капитан Ахав в последние дни «Пекода». Но в то Рождество все вроде бы складывалось как нельзя лучше. Знаешь, что мы делали? Мы все поехали в Питтсбург за покупками, и отец даже повел нас в кино: Клинт Иствуд играл полицейского и стрелял в каком-то большом городе. От выстрелов у меня заболела голова, от попкорна заболел живот, но я думал, что ничего лучше никогда не видел. Приехав домой, я начал писать историю, похожую на фильм, и в тот же вечер прочитал ее Полу. Она наверняка была ужасной, но Пол сказал, что история хорошая.

— Похоже, у тебя был отличный брат, — осторожно вставляет Лизи.

Ее старания напрасны. Скотт не слышит.

— Я хочу сказать, что мы отлично ладили, и продолжалось это много месяцев, казалось, что у нас нормальная семья. Если есть такое понятие, в чем я сомневаюсь. Но... но.

Он замолкает, задумавшись. Наконец вновь начинает говорить.

— А потом, незадолго до Рождества, я был наверху, в своей комнате. День выдался холодным, холоднее сиськи колдуньи, и дело шло к снегопаду. Я сидел на кровати, читал учебник по истории, а выглянув в окно, увидел, что отец идет через двор с охапкой дров. Спустился вниз по черной лестнице, чтобы помочь сложить поленья в дровяной ящик, чтобы они не пачкали пол, отец этого страшно не любил. И Пол был...

10

Пол сидит на кухне за столом, когда его младший брат, десяти лет от роду и давно не стриженный, спускается по черной лестнице, не завязав шнурки кроссовок. Скотт думает, что сейчас спросит Пола, не хочет ли тот пойти покататься на санках с холма за амбаром после того, как они уложат дрова в ящик, если, конечно, отец не найдет им других дел.

Пол Лэндон, стройный, высокий и уже симпатичный в свои тринадцать лет, сидит над раскрытой книгой. Книга эта — «Введение в алгебру», и Скотт нисколько не сомневается в том, что Пол разбирается с иксами и игреками, пока тот не поворачивается к нему. Когда это происходит, Скотт еще в трех ступеньках от пола. А в следующее мгновение Пол бросается к младшему брату, на которого за всю жизнь не поднял и руки. Но этого мгновения хватает для того, чтобы понять, что Пол не просто сидел за кухонным столом. Нет, Пол не читал учебник. Нет, Пол не занимался.

Пол поджидал добычу.

И не пустоту видит Скотт в глазах брата, когда тот так резко вскакивает со стула, что стул этот летит к дальней стене, а чистую дурную кровь. Эти глаза уже не синие. Что-то взорвалось за ними в мозгу и наполнило их кровью. Капельки крови выступили и в уголках глаз.

Другой бы ребенок окаменел от страха и погиб от рук монстра, который часом раньше был обыкновенным братом, думал лишь об уроках и, возможно, о том, что он и Скотт могут купить отцу на Рождество, если объединят свои финансовые ресурсы. В Скотте, однако, обыкновенности не больше, чем в Поле. Обыкновенные дети никогда бы не выжили в компании Спарки Лэндона, и, безусловно, именно опыт жизни с безумием отца теперь спасает Скотта. Он без труда узнает дурную кровь, когда видит ее, и не тратит времени на то, чтобы не верить своим глазам. Мгновенно поворачивается и пытается взлететь по ступенькам. Успеваает сделать три шага, прежде чем Пол хватает его за ноги.

Рыча как пес, во дворе которого объявился незваный гость, Пол хватается за голени младшего брата и дергает его за ноги. Скотт успеваает схватиться за перила и удержаться от падения. Выкрикивает только два слова: «Папа, помоги!» — и замолкает. На крики расходуется энергия. А она нужна ему вся, без остатка, чтобы держаться за перила.

Конечно же, сил у него для этого недостаточно. Пол тремя годами старше, на пятьдесят фунтов тяжелее и гораздо сильнее. Помимо всего этого, он обезумел. Если бы Пол оторвал Скотта от перил, тот бы сильно расшибся или даже погиб, несмотря на быструю реакцию. Но вместо Скотта Полу достаются лишь вельветовые штаны брата и обе его кроссовки, на которых он забыл завязать шнурки, когда спрыгнул с кровати.

(«Если бы я завязал шнурки, — скажет он своей будущей жене много лет спустя, когда они будут лежать в постели на втором этаже отеля «Оленьи рога» в Нью-Хэмпшире», — нас

бы тут, вероятнее всего, не было. Иногда я думаю, Лизи, что всю мою жизнь определили развязанные шнурки кроссовок седьмого размера».)

Существо, которое было Полом, ревет, отступает на шаг с вельветовыми штанами в руках, падает, споткнувшись о стул, на котором симпатичный подросток сидел час назад, разбираясь с прямоугольными координатами. Одна кроссовка падает на бугристый линолеум. Скотт тем временем пытается подняться выше, на площадку второго этажа, но носок соскальзывает на гладкой ступеньке, и он прикладывает к другой ступеньке коленом. Застиранные трусы наполовину спущены, и он чувствует, как холодным ветерком обдувает расщелину между ягодиц, и у него есть время подумать: «Пожалуйста, Господи, я не хочу так умирать, подставив попку ветру». Потом существо, бывшее братом, издает новый дикий вопль и отбрасывает вельветовые штаны. Они летят через стол, учебник алгебры не трогает, но сшибают на пол сахарницу. Существо в теле Пола бросается на Скотта, и Скотт уже обречен оказаться в его руках, почувствовать, как ногти брата вонзаются в кожу, но тут раздается жуткий деревянный грохот (охапка дров падает на пол), за которым следует хриплый яростный крик: «Отстань от него, долбаный подонок! Ты, переполнившийся дурной кровью хер!»

Он совершенно забыл про отца. А холодный ветерок подул по его заднице, когда отец открыл дверь, входя с охапкой дров. Потом руки Пола схватывают его, ногти Пола впиваются в его кожу, его самого с легкостью, как младенца, отрывают от перил. Через мгновение он почувствует зубы Пола, он это знает, это настоящий прилив дурной крови, сильный прилив дурной крови, не такой, как случается у отца, когда отец видит людей, которых нет, или устраивает кровь-бул себе или кому-то из них (Скотту, по мере того как тот взрослеет, он устраивает кровь-бул все реже и реже), это настоящий прилив, вот что имел в виду отец, когда только смеялся и качал

головой, если они начинали приставать к нему с вопросом, а почему Ландро покинули Францию, пусть даже им пришлось оставить там все деньги и земли, а они были богаты, Ландро были богаты, и он собирается укусить меня, он собирается укусить меня *прямо сейчас, ПРЯ-Я-ЯМО...*

Но зубы Пола его не касаются. Он чувствует горячее дыхание на незащищенной левой ягодице, повыше бедра, и тут же слышится тяжелый деревянный удар: отец бьет Пола поленом по голове, держа обеими руками, со всей силы. За ударом слышатся новые звуки: тело Пола соскальзывает с лестницы на кухонный линолеум.

Скотт поворачивает голову. Он лежит на нижних ступенях лестницы, одетый в старую фланелевую рубашку, трусы и белые высокие носки с дырками на пятках. Одна нога практически касается пола. Он слишком потрясен, чтобы плакать. Во рту у него вкус свиного навоза. Последний удар показался ему очень уж сильным, и его богатое воображение рисует кухню, залитую кровью Пола. Он пытается вскрикнуть, но его зажатые, шокированные легкие могут сподобиться только на жалкий писк. Он моргает и видит, что никакой крови нет, только Пол лежит, уткнувшись лицом в сахарный песок, высыпающийся из закончившей свое существование сахарницы, которая развалилась на четыре больших и множество маленьких осколков. «Ей (или ему) танго уже не танцевать», — иногда говорит отец, когда что-то разбивается, тарелка или стакан, но сейчас он ничего не говорит, просто стоит в желтой рабочей куртке над лежащим без сознания подростком. Снег тает на плечах и спутанных волосах, которые уже начали сесть. В одной руке (обе в перчатках) он все еще держит полено. Остальные валяются за его спиной у порога, как рассыпавшиеся зубочистки. Дверь все еще открыта, и из нее тянет холодом. И только теперь Скотт видит кровь, самую малость, струйку, текущую из левого уха Пола по щеке.

— *Папа, он умер?*

Отец бросает полено в дровяной ящик и проводит рукой по длинным волосам. Тающий снег блестит в щетине на щеках.

— Нет. Это было бы слишком легко.

Отец идет к двери черного хода и захлопывает ее, отсекая холодный ветерок. Каждое его движение выражает отвращение, но Скотт это видел и раньше (когда отец получал официальные письма об уплате налогов, обучении детей и тому подобном) и уверен почти на все сто процентов, что отец испуган.

А старший Лэндон возвращается и вновь встает над распростертым на полу подростком. Переминается с одной обутой в сапог ноги на другую. Потом поворачивается ко второму своему сыну.

— Помоги мне стащить его в подвал, Скотт.

Не принято задавать вопросы отцу, когда тот говорит, что нужно что-либо сделать, но Скотт испуган. Опять же, он чуть ли не голый. Спускается на кухню и начинает натягивать штаны.

— Зачем, папа? Что ты собираешься с ним делать?

И, вот чудо, отец его не бьет. Даже не кричит на него.

— Будь я проклят, если знаю. Для начала давай оттащим его вниз, а я об этом подумаю. И быстро. В отключке он будет недолго.

— Это действительно дурная кровь? Как у Ландро? Как у твоего дяди Тео?

— А как ты думаешь, Скотт? Поддерживай его голову, если не хочешь, чтобы он пересчитал ею все ступеньки. В отключке он долго не пробудет, говорю тебе, а если он начнет снова, тебе может уже не повезти. Мне тоже. Дурная кровь сильная.

Скотт делает то, что велит отец. Это 1960-е годы, это Америка, люди скоро ступят на Луну, но здесь им приходится иметь дело с подростком, который вдруг превратился в зверя. Отец подростка принимает это как факт. После первых вопросов, вызванных шоком, принимает и младший брат подростка.

Когда они уже на нижних ступенях, Пол начинает подавать признаки жизни. Он шевелится, из горла доносятся какие-то звуки. Спарки Лэндон беретса обеими руками за шею старшего сына и начинает душить его. Скотт кричит в ужасе и пытается схватить и оттащить отца.

— *Папа, нет!*

Спарки Лэндон отрывает одну руку от шеи Пола и небрежно отшвыривает младшего сына. Скотт отлетает, ударяется о стоящий посреди подвала стол. На столе древний ручной печатный станок, который Пол каким-то образом привел в рабочее состояние. Даже отпечатал несколько рассказов Скотта, первые публикации младшего брата. Край стола больно врежется в спину Скотта, и он морщится от боли, наблюдая, как его отец продолжает душить Пола.

— *Папа, не убивай его! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ УБИВАЙ ЕГО!*

— *Я не убиваю, —* отвечает старший Лэндон, не оборачиваясь. — *Следовало бы, но я не убиваю. Во всяком случае, пока. Дурость, конечно, но он — мой сын, мой гребанный первенец, и я его убью, если только не останется другого выхода. Но, боюсь, так и будет. Святая мать Мария! Пока же не убиваю. Ужасно, если придется. Я только стараюсь, чтобы он не пришел в себя. Ты никогда не видел ничего подобного, а я видел. Мне повезло, что я оказался у него за спиной. Здесь я мог бы гоняться за ним два часа и так и не поймать. Он бы бегал по стенам и даже по святомамкинскому потолку. А потом, когда бы я обессилел...*

Старший Лэндон убирает руки с шеи Пола и всматривается в бледное лицо. Струйка крови из уха Пола уже не течет.

— *Вот! Как тебе это нравится, мать твою? Он опять в отключке. Но ненадолго. Принеси бухту веревки из-под лестницы. Воспользуемся ею, пока ты не принесешь цепи из сарая. Что будет потом, не знаю. Будет зависеть...*

— *Зависеть от чего, папа?*

Отец испуган. Был ли отец когда-нибудь таким испуганным? Нет. А еще больше Скотта пугает взгляд, каким отец

смотрит на него. Потому что мальчик чувствует, что от него требуют.

— Полагаю, это будет зависеть от тебя, Скотт. Благодаря тебе ему много раз становилось лучше... и чего ты смотришь на меня большими глазами? Думаешь, я не знал? Господи, умный мальчик не может так тупить! — Он поворачивает голову и плюет на грязный пол. — Твоими стараниями многое у него улучшалось. Может, ты поможешь ему и теперь. Я никогда не слышал, чтобы кому-то становилось лучше после таких приливов дурной крови... настоящей дурной крови... но я никогда не слышал и о таких, как ты, поэтому, возможно, ты сможешь помочь. Старайся, пока не треснут щеки, как говорил мой отец. Но пока принеси мне бухту веревки из-под лестницы. И побыстрее, маленький поганец, потому что он...

11

— Он уже шевелится, — сказала Лизи, лежа на белом ковре в кабинете своего умершего мужа. — Он...

12

— Уже шевелится, — говорит Лизи, сидя на холодном полу в спальне для гостей, держа руку мужа, теплую, но такую расслабленную и восковую, в своей руке. — Скотт говорил:

13

Доводы против безумия проваливаются с мягким, шуршащим звуком;

они — звуки мертвых голосов или мертвых пластинок;

скользящих вниз по изломанной шахте памяти.
Когда я поворачиваюсь к тебе, чтобы спросить, помнишь ли ты,
«Когда я поворачиваюсь к тебе в постели...»

14

Она слышит все это, лежа с ним в постели; с ним в постели, в отеле «Оленьи рога», после дня, когда случилось нечто такое, для чего у нее не находится абсолютно никаких объяснений. Он говорит, а облака становятся все тоньше, луна готовится явить миру свой лик, а мебель уже находится на грани видимости. Лизи обнимает его в темноте и слушает, не желая верить (это, разумеется, бесполезно), как молодой мужчина, который вскоре станет ее мужем, говорит:

— Отец велел мне принести бухту веревки из-под лестницы. «И побыстрее, маленький поганец, — говорит он, — потому что он не будет долго лежать в отключке. А придя в себя...»

15

— Придя в себя, он станет уродливым жуком.

Уродливый жук. Как «Скутер, старина Скут», как «дурная кровь», «уродливый жук» был их семейной идиомой и пребывал в его снах (и в его речи) до самого конца его продуктивной, но очень уж короткой жизни.

Скотт приносит отцу бухту веревки из-под лестницы. Отец быстро связывает Пола, его тень поднимается и поворачивается на каменных стенах подвала в свете трех свешивающихся с потолка ламп мощностью по семьдесят пять ватт каждая, которые включаются и выключаются выключателем, закрепленным на стене на верхней площадке лестницы. Руки Пола

он связывает у него за спиной так туго, что едва не выворачивает их из плечевых суставов. И Скотт решается подать голос; хотя и боится отца:

— *Папа, это слишком туго!*

Отец отвечает взглядом. Коротким, но Скотт видит в нем страх. Его это пугает. Более того, вызывает *благоговейный трепет*. До этого дня он думал, что отец не боится ничего, за исключением школьного совета и их чертовых заказных писем.

— *Ты не знаешь, поэтому заткнись! Я не могу допустить, чтобы он освободил руки. Возможно, ему не удастся убить нас, прежде чем все закончится, но если такое произойдет, мне точно придется его убить. Я знаю, что делаю!*

Ты не знаешь, думает Скотт, наблюдая, как отец связывает ноги Пола сначала в коленях, потом в лодыжках. Пол опять начал шевелиться, и из его горла доносятся какие-то звуки. *Ты можешь только догадываться*. Но он понимает, что отец действительно любит Пола. Возможно, это ужасная любовь, но она искренняя и сильная. Если бы не эта любовь, отец не стал бы догадываться. Продолжал бы молотить Пола поленом, пока тот бы не умер. На мгновение часть разума Скотта (хладнокровная часть) задается вопросом, а пошел бы отец на такой же риск ради *него*, ради Скутера, старины Скута, который даже не мог спрыгнуть со скамьи высотой в три фута, пока кровь брата не потекла рекой, а потом загоняет эти мысли в темноту. Дурная кровь взыграла не у него.

Во всяком случае, пока.

Заканчивает отец тем, что усаживает Пола спиной к одному из крашенных металлических столбов, которые поддерживают потолок, и привязывает, обматывая веревкой грудь и живот.

— *Вот так*, — говорит он, отступая на шаг, тяжело дыша, словно только что объездил жеребца на арене родео. — *Это удержит его на какое-то время. Ты должен пойти в сарай, Скотт. Возьми легкую цепь, она у самой двери, и большую*

тяжелую тракторную цепь, которая лежит слева, вместе с запасными частями для пикапа. Ты знаешь, где это?

Привязанный Пол висел на веревке, наклонившись вперед. А тут резко вскидывает голову, ударяясь затылком о столб. Удар такой силы, что Скотт кривится, словно больно ему. Пол смотрит на него глазами, которые еще часом раньше были синими. Он ухмыляется, и уголки губ растягиваются так широко и поднимаются так высоко, что могут... почти достают до мочек ушей.

— *Скотт*, — говорит его отец.

Но впервые в жизни Скотт не обращает внимания на голос отца. Он зачарован этой хэллоуиновской маской, в которую превратилось лицо его брата. Язык Пола мелькает между разошедшимися верхними и нижними зубами, отплясывает джиттербаг* в сыром воздухе подвала. И одновременно в промежности появляется темное пятно: мочевого пузыря Пола опорожняется в шта...

Удар по макушке отбрасывает Скотта назад, вновь он стучается о стол, на котором стоит ручной печатный станок.

— *Не смотри на него, кретин, смотри на меня! Уродливый жук загипнотизирует тебя, как змея — птицу! Тебе лучше очнуться, Скутер... это уже не твой брат.*

Скотт тарашится на отца. А рядом с ними существо, привязанное к металлическому столбу, словно в подтверждение слов отца издает вопль такой громкий, что он не может вырваться из человеческой груди. Но это нормально, потому что в вопле нет ничего человеческого. Совершенно ничего.

— *Принеси эти цепи, Скотт. Обе. И быстро. Вербки его не удержат. Я пойду наверх и возьму свой карабин. Если он будет близок к тому, чтобы освободиться до твоего возвращения с цепями...*

— *Папа, пожалуйста, не стреляй в него! Не стреляй в Пола!*

* Джиттербаг — быстрый танец с резкими движениями под джазовую музыку.

— *Принеси цветы. Потом мы посмотрим, что можно сделать.*
— *Тракторная цепь слишком длинная! Слишком тяжелая!*
— *Воспользуйся тачкой, кретин. Большой тачкой. Иди, давай-давай.*

Скотт оглядывается на ходу и видит, как отец медленно пятится к лестнице. Медленно, будто укротитель, покидающий клетку со львами после завершения представления: Под ним, ярко освещенный одной из трех ламп, которые свешиваются с потолка, Пол. Он колотится затылком о столб с такой частотой, что у Скотта возникает мысль об отбойном молотке. И одновременно дергается из стороны в сторону. Скотт не понимает, почему Пол не разбивает затылок в кровь, не теряет сознания, но ничего такого с его братом не происходит. И Скотт видит, что отец прав. Веревки Пола не удержат. Не удержат, если он продолжит раскачиваться из стороны в сторону, растягивая их.

У него не получится, думает Скотт, когда отец идет в одну сторону, чтобы достать карабин из стенного шкафа, а он сам — в другую, за сапогами. *Он убьет себя, если будет продолжать в том же духе.* Но потом вспоминает нечеловеческий вопль, который вырвался из груди его брата (воплъ, обещающий убить всех и вся), и понимает, что может получиться.

Выбегая без пальто на мороз, он уже знает (во всяком случае, думает, что знает), что произошло с Полом. Есть место, куда он может пойти, после того как отец причинял ему боль и куда он брал Пола после того, как отец причинял боль Полу. Да, множество раз. В том месте много хорошего, прекрасные деревья и целебная вода, но там есть и плохие существа. Скотт старается не попадать туда ночью, а если попадает, ведет себя тихо и быстро возвращается, потому что интуиция его детского сердца подсказывает: ночью плохие существа выползают из своих нор. Ночью они охотятся.

«Если он может попасть туда, так ли трудно поверить, что что-то (то, что зовется дурной кровью) могло там проникнуть

в Пола, а потом выйти наружу здесь? Что-то, увидевшее его и выбравшее жертвой, а может, просто какой-то вирус, который залез ему в нос, а потом прокрался в мозг?

И если так, чья это вина? Кто брал туда Пола?

В сарае Скотт бросает легкую цепь в тачку. Это просто, занимает какие-то секунды. А вот с тракторной цепью все куда сложнее. Тракторная цепь огромная, все время говорит на своем клацающем языке, в котором одни только стальные согласные. Дважды тяжелые звенья выскальзывают из его трясущихся пальцев, один раз прищемляют кожу, рвут ее, на белом появляются кровяные розетки. В третий раз ему практически удается загрузить тракторную цепь в тачку, но двухсотфунтовый груз звеньев приземляется неудачно, с одного бока, а не по центру, тачка переворачивается, и цепь частично падает на ногу Скотта, одевая ее в сталь и заставляя его закричать от боли.

— *Скутер, ты придешь до того, как я досчитаю до двух тысяч?* — доносится из дома крик отца. — *Если ты собираешься прийти, так тебе лучше поторопиться!*

Скотт смотрит в сторону дома округлившимися от ужаса глазами, потом вновь ставит тачку, наклоняется над грудой звеньев. Синяк на ноге сойдет только через месяц, а боль он будет чувствовать всю жизнь (это единственная травма, которую не может вылечить путешествие в то странное место), но в тот момент боль пропадает напрочь. Он вновь, звено за звеном, начинает загружать тракторную цепь в тачку, по спине и бокам течет горячий пот, Скотт ощущает его запах, знает, выстрел будет означать, что мозги Пола разлетелись по подвалу, и вина в этом будет его. Время становится физической величиной, обретает вес, как земля. Как цепь. Он каждое мгновение ждет следующего крика отца, но крика нет, и, когда он уже катит тачку к распахнутой двери кухни, за которой горит желтый свет, Скотта охватывает новый страх: Пол все-таки освободился. И по подвалу разбросаны не мозги Пола, а

внутренности отца, вырванные из его живота существом, которое совсем недавно было братом Скотта. И сам Пол уже не в подвале, а в доме, затаился, и, как только Скотт переступит порог, начнется охота на була. Только на этот раз призом будет он, Скотт.

Это все, разумеется, воображение, его чертово чересчур богатое воображение, но, когда отец выскакивает на заднее крыльцо, оно уже так хорошо поработало, что на мгновение Скотт видит перед собой не Эндрю Лэндона, а Пола, улыбающегося, как гоблин, и кричит дурным голосом. Когда он поднимает руки, чтобы защитить лицо, тачка опять чуть не переворачивается. Перевернулась бы, если б отец не удержал ее за передний край. Потом отец поднимает руку, чтобы ударить сына, но тут же опускает. Время задать мальцу трепку придет, но не сейчас. Сейчас сын ему нужен. Поэтому, вместо того чтобы ударить, отец лишь плюет на правую руку и трет ее о левую. Потом наклоняется, не замечая холода, стоя на заднем крыльце в одной нательной рубашке, и обеими руками ухватывается за переднюю часть тачки.

— Я буду тащить ее вверх, Скотт. Ты держись за ручки и не давай ей перевернуться. Я еще раз отключил его, пришлось отключить, но надолго этого не хватит. Если мы вывалим эту цепь, не думаю, что он доживет до утра. Я не смогу ему этого позволить. Ты понимаешь?

Скотт понимает, что жизнь его брата теперь зависит от тачки, нагруженной цепью, вес которой в три раза превосходит его собственный. На мгновение он на полном серьезе рассматривает и такой вариант: со всех ног убежать в темноту. А потом хватается за ручки. Он не чувствует слез, которые льются из глаз. Кивает отцу, а отец кивает ему. Работа, которая им предстоит, — вопрос жизни и смерти.

— На счет три. Один... два... держи ручки ровно, маленький сучонок... три!

Спарки Лэндон поднимает тачку с земли на крыльцо, от напряжения с губ белым паром срывается крик. Нательная

рубашка лопается под одной рукой, открывая клоч растущих там курчавых рыжих волос. Находясь в воздухе, перегруженная тачка кренится сначала налево, потом направо, и мальчик думает: *Не вздумай перевернуться, сучье вымя, тварь ущербная*. Оба раза ему удается выправить крен, он постоянно напоминает себе, что должен только выравнивать тачку, не кренить ее в противоположную сторону. С этой задачей он справляется, но Спарки Лэндон не тратит времени на поздравления. Спарки Лэндон пятится в дом, тянет тачку за собой. Скотт хромает следом, нога, на которую свалилась цепь, уже заметно распухла.

На кухне отец разворачивает тачку, берется за ручки и катит ее к двери в подвал, которую закрыл и запер на засов. Колесо оставляет след на рассыпанном сахаре. Скотт никогда этого не забудет.

— *Открой дверь, Скотт.*

— *Папа, а если он... там?*

— *Тогда я шибу его вниз этой хреновиной. Если ты хочешь спасти брата, перестань болтать и открой эту долбаную дверь.*

Скотт отодвигает засов и открывает дверь. Пола за ней нет. Скотт видит тень Пола, привязанного к столбу, и что-то внутри него расслабляется.

— *Отойди в сторону, сын.*

Скотт отходит. Его отец вкатывает тачку на верхнюю площадку лестницы в подвал. Разворачивает колесом к ступеням и наклоняет, тормозя колесо ногой, когда оно пытается откатиться назад. Цепь грохает о деревянные ступени, расщепляет две, а потом разбивает еще несколько по пути вниз. Отец откатывает тачку в сторону и сам спешит в подвал, на полпути догоняет цепь, ногой помогает ей добраться до самого низа. Скотт следует за ним и видит Пола, наклонившегося вперед, без сознания, с залитым кровью лицом. Уголок его рта непрерывно дергается. Один зуб лежит на воротнике рубашки.

— *Что ты с ним сделал? — чуть ли не кричит Скотт.*

— *Хряпнул доской. Пришлось,* — отвечает отец, и голос его — вот неожиданность! — звучит виновато. — *Он приходил в себя, а ты все возился в сарае. Все с ним будет хорошо. Когда в них бурлит дурная кровь, сильно им не навредишь.*

Скотт едва слышит его. Вид залитого кровью Пола заставляет забыть о том, что случилось на кухне. Он пытается проскочить мимо отца к брату, но отец успеваает схватить его.

— *Нельзя, если, конечно, ты хочешь жить,* — говорит Спарки Лэндон, и Скотта останавливает не рука на плече, а невероятная нежность, которую он слышит в голосе отца. — *Потому что он учует тебя, если ты подойдешь вплотную. Даже без сознания. Учует и вернется.*

Он видит, что младший сын смотрит на него, и кивает.

— *Да. Он сейчас что дикий зверь. Людоед. И если мы не найдем способа удержать его, нам придется его убить. Ты понимаешь?*

Скотт кивает. Потом с его губ срывается громкое рыдание, которое звучит как крик осла. Все с той же нежностью отец тянется к нему, вытирает соплю из-под носа, сбрасывает на пол.

— *Тогда перестань хныкать и помоги мне с этими цепями. Мы используем центральный столб и стол с печатным станком. Этот чертов станок должен весить четыре, а то и пять сотен фунтов.*

— *А если этого не хватит, чтобы удержать его?*

Спарки Лэндон медленно качает головой.

— *Тогда не знаю.*

16

Лежа в постели рядом с будущей женой, слушая, как скрипит на ветру отель «Оленьи рога», Скотт говорит:

— *Этого хватило. На три недели, во всяком случае, хватило. Вот где мой брат Пол провел свое последнее Рождество,*

последний Новый год, последние три недели своей жизни... в этом вонючем подвале. — Он медленно качает головой. Она чувствует движение волос по ее коже, чувствует, какие они влажные. Это пот. Пот и на лице, так перемешавшийся со слезами, что она не может сказать, где что.

— Ты не можешь представить себе, Лизи, какими были эти три недели, особенно когда отец уходил на работу и в доме оставались только он и я, оно и я...

— Твой отец уходил на работу?

— Нам надо было есть, не так ли? И платить за топливо для котла, потому что обогреть весь дом дровами не получалось, хотя мы и старались. Но прежде всего нельзя было вызывать у людей подозрений. Отец мне все это объяснил.

Сама собой, объяснил, подумала Лизи, но не озвучила свою мысль.

— Я предложил отцу порезать его и выпустить яд, как он всегда делал раньше, но отец ответил, что толку не будет; порезы не помогут, потому что дурная кровь воздействовала на мозг. И я знал, что воздействовала. Это существо еще могло думать, но только самую малость. Когда отец уходил, оно звало меня по имени. Говорило, что приготовило мне бул, хороший бул, а в конце будет шоколадный батончик и бутылка «Ар-си». Иногда даже говорило с интонациями Пола, поэтому я подходил к двери в подвал, прикладывал ухо к дереву и слушал, даже зная, что это опасно. Отец сказал, что это опасно, велел не слушать и всегда держаться подальше от подвала, когда я оставался один дома, зажимать уши пальцами и читать вслух молитвы или кричать: «Будь ты проклят, будь проклят ты и лошадь, на которой ты прискакал», потому что и крики, и молитвы вели к одному и тому же и по крайней мере могли позволить не слушать это существо. Отец сказал, что Пола больше нет и в подвале привязан бул-дьявол из страны Кровьбулов, и он сказал: «Дьявол может зачаровывать, Скут, никто лучше Лэндонов не знает, как дьявол может зачаровывать».

И Ландро до них. Сначала зачаровывать разум, потом выпивать сердце». По большей части я делал то, что он говорил; но иногда подходил к двери подвала и слушал... и притворялся, будто в подвале Пол... потому что я его любил и хотел, чтобы он вернулся, не потому, что я действительно верил... и я никогда не вытаскивал засов...

Долгая, долгая пауза. Его тяжелые волосы беспрерывно елозят по ее шее и груди, и наконец он говорит, с неохотой, детским голосом:

— Ну, однажды вытащил... и не открыл дверь... я никогда не открывал дверь, пока отец не возвращался домой, а когда отец был дома, Пол только кричал, гремел цепями и иногда ухал, как сова. А когда ухал, отец, случалось, ухал в ответ... это была такая шутка, знаешь ли, отец ухал на кухне, а су... ты знаешь... ухало прикованное в подвале, и я страшно боялся, пусть и знал, что это шутка, поскольку казалось, что они оба безумны... безумны и разговаривают друг с другом, как зимние совы... и я думал: «Только один остался, и это я. Только один, кому дурная кровь не ударила в голову, и этому одному нет еще и одиннадцати, и что они решат, если я пойду в «Мюли» и все расскажу?» Но не имело смысла думать о «Мюли», потому что если бы он был дома, то побежал бы за мной и притащил назад. А когда его не было... если бы мне поверили и пришли в наш дом со мной, то убили бы моего брата... если мой брат еще был в том существе... а меня поместили бы в приют. Отец говорил, что, не будь его, нас с Полом отправили бы в приют, где твой крантик зажимают прищепкой, если ты писаешься по ночам... и большие дети... ты должен ночами отсасывать большим детям...

Он замолкает, пожимает плечами, зависнув между настоящим, где он сейчас, и прошлым, где был. За стенами отеля «Оленьи рога» завывает ветер, при его порывах здание стонет. Ей хочется верить, что рассказанное им не может быть правдой (что это какая-то яркая и ужасная детская галлюци-

нация), но она знает: все правда. Каждое слово. И когда он прерывает тишину, она слышит, что он пытается избавиться от детских интонаций, пытается говорить как взрослый.

— В психиатрических клиниках есть люди, чаще всего это люди с поврежденной лобной долей мозга, которые регрессировали до животного состояния. Я об этом читал. Но этот процесс обычно занимает время, не один год. А с моим братом это случилось *мгновенно*. И как только это случилось, как только он перешел черту...

Скотт сглатывает слюну. В горле что-то щелкает — так громко, будто кто-то повернул выключатель.

— Когда я спускался по лестнице в подвал с его едой, мясом и овощами в железной миске, как приносят еду большим собакам, вроде датского дога или немецкой овчарки, он до предела натягивал цепи, которые удерживали его у столба, одна за талию, вторая — за шею. Из уголков рта текла слюна, и он словно взмывал в воздух, крича и визжа, как бул-дьявол, но в результате цепь душила его, и он замолкал, пока воздух вновь не заполнял легкие. Ты понимаешь?

— Да, — едва слышно отвечает Лизи.

— Надо было поставить миску на пол (я до сих пор помню вонь этой грязи, над которой мне приходилось наклоняться, мне ее не забыть до конца своих дней), а потом толкнуть ее вперед, где он мог ее достать. Для этого мы использовали черенок от грабеля. Нельзя было приближаться к нему. Он мог схватить тебя, притянуть к себе. И я без слов отца знал: если он поймает меня, то тут же начнет пожирать, живого и кричащего. И это был мой старший брат, который делал булы, который меня любил. Без него я бы не выжил. Без него отец убил бы меня, прежде чем мне исполнилось бы пять лет. Не потому, что хотел, просто и в нем хватало дурной крови. Мы с Полом выжили, потому что держались друг за друга. Система взаимовыручки. Ты понимаешь?

Лизи кивнула. Она понимала.

— Только тот январь мой брат встретил в подвале, прикованный к столбу и столу, на котором стоял тяжеленный ручной печатный станок, и его жизненное пространство ограничивалось дугой из кучек говна. Он натягивал цепи до предела, приседал и... срал.

На мгновение Скотт закрывает глаза ладонями. На шее вздуваются жилы. Дыхание с шумом вырывается через рот. Лизи не думает, что нужно спросить, а где он научился переживать свое горе молча; это она теперь знает. Когда Скотт затихает, задает другой вопрос:

— А как ваш отец надел на него цепи в первый раз? Ты помнишь?

— Я помню все, Лизи, но это не означает, что я все *знаю*. Раз шесть он что-то клал в еду Пола, в этом я уверен. Думаю, это какой-то транквилизатор для животных, но где и как он его доставал, я не имею ни малейшего понятия. Пол съедал все, что мы ему давали, за исключением зеленого горошка, и обычно от еды у него прибавлялось сил. Он орал, лаял и метался, натягивая цепи до предела (думаю, стараясь их порвать), или подпрыгивал и колотил кулаками в потолок, разбивая их в кровь. Может, пытался пробить в потолке дыру. А может, у него это было за забаву. Иногда он садился в грязь и онанировал.

Но иногда он проявлял активность только десять или пятнадцать минут, а потом затихал. Это случалось, когда отец что-то подсыпал ему в еду. Он садился на корточки, бормотал, потом валился на бок, клал руки между ног и засыпал. Когда это произошло в первый раз, отец надел на него два кожаных пояса, которые смастерил заранее. Только тот, который надел на шею; скорее следовало назвать удавкой. На поясах были большие металлические защелки. Легкую цепь он пропустил через защелку пояса на шее. Тракторную — через защелку пояса на талии. Потом использовал сварочный аппарат, чтобы заварить защелки. Такую он соорудил Полу

привязь. Проснувшись и увидев, что с ним сделали, Пол вышел из себя. Так рвался, что дом ходил ходуном. — В его голос вновь прокрался носовой выговор сельских районов Пенсильвании, где жило много выходцев из Германии. — Мы стояли на верхней ступени лестницы, наблюдая за ним, и я молил отца снять ремень с шеи, прежде чем Пол сломает себе шею или удушит себя, но отец сказал, что не удушит, и оказался прав. А после трех недель он начал двигать стол и даже гнуть центральный столб, тот самый, что поддерживал пол кухни, но не сломал себе шею и не удушил себя.

В другие разы отец усыплял Пола, чтобы посмотреть, смогу ли я забрать его в Мальчишечью луну... я говорил тебе, что так мы с Полом его называли, другое место?

— Да, Скотт. — Лизи уже плакала. Позволяла слезам течь, не хотела, чтобы он видел, как она вытирает глаза, не хотела, чтобы он знал, что она жалеет мальчика из того фермерского дома.

— Отец хотел посмотреть, смогу ли я забрать его туда и вылечить, как бывало, когда отец резал его, или в тот раз, когда отец сунул ему в глаз щипцы и чуть ли не наполовину вытащил его, и Пол плакал и плакал, потому что не мог видеть одним глазом, или когда отец наорал на меня за то, что я вошел в луже: «Скут, маленький ты сучонок, дрянь паршивая!» — и толкнул меня так, что я, упав, сломал тазовую кость и не мог ходить. Только после того как я побывал там и получил бул... ты понимаешь... приз, моя тазовая кость стала как новенькая. — Он кивает, прижимаясь к Лизи головой. — И отец, он это видит и говорит: «Скотт, ты один на миллион. Я тебя люблю, маленький ты паршивец». И я целую его и говорю: «Папа, ты один на миллион: Я люблю тебя, большой паршивец». И он рассмеялся. — Скотт отстраняется от Лизи, и она видит даже в густом сумраке, что лицо его стало чуть ли не детским, а на нем отражается крайнее удивление. — Смеялся так, что едва не упал со стула. Я рассмешил своего отца!

У нее тысяча вопросов, но она не решается задать ни одного. Не уверена, что сможет задать хоть один.

Скотт подносит руку к лицу, потирает его, снова смотрит на нее. Прежний Скотт.

— Господи, Лизи, — говорит он. — Я никогда об этом не говорил, никогда, ни с кем. Ты уже пришла в себя после моего рассказа?

— Да, Скотт.

— Тогда ты чертовски храбрая женщина. Уже начала спрашивать себя, а не чушь ли все это? — Он даже улыбается. Улыбка неуверенная, но искренняя и такая милая, что она считает нужным ее поцеловать, сначала один уголок, потом второй, чтобы не обижался.

— Пыталась, — отвечает она. — Но не получилось.

— Из-за того, как мы бумкнули из-под конфетного дерева?

— Ты это *так* называешь?

— Это Пол придумал такое название для быстрого путешествия. Очень быстрого — туда и сразу обратно. Он называл это бум.

— Как бул, только с «эм».

— Совершенно верно.

17

Полагаю, это будет зависеть от тебя, Скотт.

Слова его отца. Засели в памяти и не хотят ее покидать.

Полагаю, это будет зависеть от тебя.

Но ему только десять лет, и ответственность за спасение жизни и психики брата (а может, и его души) давит на него и лишает сна, а тем временем проходят Рождество, Новый год, и начинается морозный снежный январь.

Благодаря тебе ему много раз становилось лучше. Твоими стараниями многое у него улучшалось.

Это правда, но такого, как сейчас, не было никогда, и Скотт обнаруживает, что не может больше есть, если только отец не стоит над ним и не заставляет запихивать в рот кусок за куском. Низкий, глухой крик, исторгаемый существом, которое находилось в подвале, раздирает его и без того чуткий сон, но, может, это и к лучшему, потому что, просыпаясь, он вырывается из мрачных, окрашенных красным кошмаров. Во многих из них он оказывается в Мальчишечьей луне после наступления темноты, иногда на некоем кладбище около некоего пруда, среди множества каменных надгробий и деревянных крестов, слушая чей-то клокочущий смех, замечая, как прежде сладкий ветерок начинает пахнуть сырой землей, пробираясь сквозь заросли кустов. Ты можешь приходить в Мальчишечью луну после наступления темноты, но идея эта не из лучших, и если ты оказываешься там, когда по небу плывет полная луна, лучше тебе вести себя тихо. Тихо, как святомамка. Но в своих кошмарах Скотт всегда забывает об этом и во весь голос поет «Джамбалаю».

Может, ты поможешь ему и теперь.

Но когда Скотт пытается в первый раз, то чувствует — ничего, вероятно, не получится. Чувствует это, как только осторожно обнимает рукой храпящее, вонючее, обосранное существо, свернувшееся калачиком у подножия стального столба. С тем же успехом он может взвалить на спину концертный рояль и попытаться станцевать ча-ча-ча. Прежде он и Пол с легкостью переходили в тот мир (который в действительности этот же самый мир, только вывернутый наизнанку, как карман, так он позже скажет Лизи). Но храпящее существо в подвале — наковальня, банковский сейф... концертный рояль, привязанный к спине десятилетнего ребенка.

Он возвращается к отцу в уверенности, что его отшлепают, и не боится этого. Считает, что заслуживает пары крепких оплеух. А то и чего-нибудь похуже. Но отец, который сидит у лестницы с поленом в руке и наблюдает за происходя-

щим, не отвешивает ему оплеуху и не бьет кулаком. Делает он другое: отбрасывает длинные грязные волосы Скотта с шеи и целует его с нежностью, от которой по телу мальчика пробегают дрожь.

— *Если на то пошло, меня это не удивляет, Скотт. Дурной крови все это очень даже нравится.*

— *Папа, а от Пола в нем что-нибудь осталось?*

— *Не знаю.* — Теперь Скотт стоит спиной к отцу, между его широко расставленных ног, обутых в зеленые резиновые сапоги. Руки отца на груди Скотта, подбородок — на его плече. Вместе они смотрят на спящее существо, свернувшееся калачиком около столба. Они смотрят на цепи. Они смотрят на кучки говна, формирующие границу этого подвального мира. — *Что ты думаешь, Скотт? Что ты чувствуешь?*

Он собирается солгать отцу, но намерение это исчезает через секунду. Он не может лгать, когда руки этого человека обнимают его, когда любовь отца ощущается так же ясно, как вечером слышатся передачи радиостанции WWVA. Любовь отца такая же истинная, как его злость и безумие. Скотт ничего не чувствует и с неохотой в этом признается.

— *Малыш, долго так продолжаться не может.*

— *Почему? По крайней мере он ест.*

— *Рано или поздно кто-нибудь придет к нам и услышит, как он вопит внизу. Какой-нибудь долбаный коммивояжер, кто-нибудь из муниципалитета, и нам крышка.*

— *Он будет помалкивать. Дурная кровь заставит его молчать.*

— *Может, да, а может, и нет. Никто не скажет, как ведет себя дурная кровь, будь уверен. И потом, этот жуткий запах. Я могу до посинения прыскать освежителем воздуха с лаймом, и все равно говняная вонь будет просачиваться через пол кухни. Но самое главное... Скутер, разве ты не видишь, что он делает с этим долбаным столом, на котором стоит печатный станок? И со столбом? Этим святомамкинским столбом?*

Скотт видит. Поначалу не верит тому, что видит, и, разумеется, не хочет верить тому, что видит. Этот большой стол вместе с установленным на нем древним ручным печатным станком «Страттон» весом в добрых пятьсот фунтов сдвинулся по меньшей мере на три фута от того места, где стоял в самом начале. Скотт видит квадраты вдавленной в пол земли, где стояли ножки. Еще хуже ситуация с опорным столбом, который наверху заканчивается плоским металлическим фланцем. На выкрашенном белой краской фланце покоится несущая балка, которая проходит аккуратно под кухонным столом. Скотт может видеть темный прямоугольник на балке и знает, что он показывает смещение фланца. Скотт смотрит на столб, пытаясь определить на глаз его наклон, но не может, пока. Но если существо будет продолжать дергать столб с той же нечеловеческой силой... изо дня в день...

— *Папа, могу я попробовать еще раз?*

Отец вздыхает. Скотт поворачивается, чтобы взглянуть в его ненавистное, пугающее, любимое лицо.

— *Папа?*

— *Пробуй, пока не треснет щека, — отвечает отец. — Пробуй, и удачи тебе.*

18

В кабинете над амбаром тишина, там жарко, она ранена, а ее муж мертв.

В спальне для гостей тишина, там холодно, а ее муж *«ушел»*.

В номере отеля «Оленьи рога» тишина, там они лежат в одной постели, Скотт и Лизи, *«Теперь нас двое»*.

Потом живой Скотт говорит за того, который мертв в 2006 году и *«ушел»* в 1996-м, и доводы против безумия не просто проваливаются; для Лизи Лэндон они наконец-то рушатся полностью: все сливается воедино.

За стенами их номера в отеле «Оленьи рога» воет ветер, и утончается облачный слой. В номере Скотт молчит достаточно долго, чтобы выпить стакан воды, который он всегда ставит на пол у кровати. Эта пауза нарушает гипнотический транс, в который он вновь начал впадать. И, начав говорить, он уже рассказывает, а не заново переживает случившееся, и Лизи испытывает от этого огромное облегчение.

— Я пытался еще дважды, — говорит он. *Пытался — не пытался.* — И потом думал, что моя последняя попытка привела к его смерти. Думал так до этой самой ночи, но теперь, поговорив об этом, услышав свой рассказ об этом... я даже не могу поверить, как мне это помогло. Полагаю, психоанализ — это прежде всего возможность выговориться, не так ли?

— Не знаю. — Лизи это без разницы. — Твой отец обвинил тебя? — И сама же отвечает: — Разумеется, обвинил.

Но она снова недооценивает сложности взаимоотношений того маленького треугольника, который какое-то время существовал в изолированном фермерском доме в Мартенсберге, штат Пенсильвания. Потому что, на мгновение замявшись, Скотт качает головой.

— Нет. Было бы лучше, если б он снова обнял меня, как он это сделал после моей первой попытки, и сказал бы, что это не моя вина, что нет тут ничьей вины, это всего лишь дурная кровь, как рак, или церебральный паралич, или что-то еще, но он не сделал и этого. Оттолкнул меня одной рукой... я напоминал марионетку, нити которой обрезали... а после этого мы просто... — В светлеющем мраке Скотт объясняет молчание насчет прошлого одним ужасным жестом. На секунду прижимает палец к губам (под его широко раскрытыми глазами появляется бледный восклицательный знак) и держит прижатым: «Ш-ш-ш-ш».

Лизи вспоминает, что происходило после того, как Джо-ди забеременела и уехала, понимающе кивает. Скотт бросает на нее благодарный взгляд.

— Всего было три попытки, — возобновляет он рассказ. — Вторая — через три или четыре дня после первой. Я старался изо всех сил, но все вышло, как в первый раз. Только к тому времени изгиб столба стал более явным, а на полу появилась вторая дуга кучек говна, большей кривизны, потому что он еще сдвинул стол, и цепь провисла сильнее. Отец начал опасаться, что он сломает одну из ножек стола, хотя они тоже были металлические.

После второй попытки я практически понял, что не так, и сказал об этом отцу. Я не мог этого сделать, не мог взять его с собой, потому что, когда приближался к нему, он был в отключке. И отец спросил: «Так каков твой план, Скутер? Ты хочешь держать его, когда он очнется и начнет буйствовать? Да он оторвет твою долбаную голову». Я ответил, что знаю об этом. Я знал больше, Лизи... знал, если он не оторвет мне голову в подвале, то сделает это на другой стороне, в Мальчишечьей луне. Поэтому я спросил отца, а не может ли он дать ему дозу поменьше, чтобы не отключать полностью, а лишь сильно одурманить. Чтобы я смог подойти и держать его так, как я держал сегодня тебя под конфетным деревом.

— Ох, Скотт, — говорит она. Бойтся за десятилетнего мальчика, пусть даже знает, что все с ним будет хорошо. Знает, что он выжил и стал молодым мужчиной, который сейчас лежит рядом с ней.

— Отец сказал, что это опасно. «Тут ты играешь с огнем, Скут», — сказал он. Я это знал, но другого пути не было. Мы не могли и дальше держать его в подвале, даже я это понимал. А потом отец... он взъерошил мои волосы и сказал: «Что случилось с тем маленьким трусишкой, который не мог прыгнуть со скамьи в коридоре?» Я удивился, что он это помнит,

потому что тогда и в нем бурлила дурная кровь, и почувствовал гордость.

Лизи думает, какая же ужасная была жизнь у этого мальчика, если он гордился тем, что потрафил такому человеку, и напоминает себе, что ему тогда было только десять лет. Только десять лет, и предстояло остаться один на один с монстром в подвале. Отец тоже был монстром, но хоть на какое-то время становился человеком. Монстром, иногда способным на поцелуй.

— Потом... — Скотт смотрит в сумрак. На мгновение выскальзывает луна. Проходится бледной и игривой лапой по его лицу, а потом снова скрывается за облаками. Когда он начинает говорить, Лизи слышит, как ребенок берет вверх. — Отец... отец никогда не спрашивал, что я видел, или где я был, или что я делал там, и я не думаю, что он спрашивал Пола... я не уверен, что и Пол много чего помнил, но тогда отец почти что задал такие вопросы. Он сказал: «А если ты доставишь его туда, Скотт, что будет, если он проснется? Ему сразу вдруг полегчает? Потому что, если он останется таким же, как сейчас, меня там, чтобы помочь тебе, не будет».

Но я уже думал об этом, понимаешь? Думал и думал об этом, пока не возникало ощущение, что у меня вот-вот разорвется голова. — Скотт приподнимается на локте и смотрит на нее. — Я знал, что все это должно закончиться, знал так же, как и отец, может, и лучше. Из-за столба. Из-за стола. И потому что он терял вес, а на лице появлялись язвы, поскольку питался он неправильно. Мы давали ему овощи, но он отбрасывал все, кроме моркови и лука. И на одном его глазу, том, что повредил отец, на красном появилось молочно-белое пятно. У него выпало много зубов, один локоть скрутило. Он разваливался от пребывания в подвале, Лизи, а то, что не разваливалось от отсутствия солнечного света и неправильного питания, выходило из строя от перенапряжения. Ты понимаешь?

Она кивнула.

— Вот у меня и появилась эта маленькая идея, о которой я сказал отцу. Он спросил: «Ты думаешь, что ты чертовски смышлен для десяти лет, не так ли?» Я ответил, что нет, о другом я мало что знаю, но если он может предложить более безопасный и надежный способ, хорошо, я им с удовольствием воспользуюсь. Только он не знал. Он сказал: «Я думаю, ты действительно чертовски смышлен для десяти лет, вот что я тебе скажу. И у тебя в конце концов проявился характер. Если, конечно, ты не дашь задний ход». «Не дам», — ответил я. «И он сказал: «В этом не будет необходимости, Скутер, потому что я буду стоять у лестницы с моим святомамкинским карабином для охоты на оленей...»

20

Отец стоит у лестницы со своим карабином для охоты на оленей, своим .30-06 в руках. Скотт, стараясь не дрожать, — рядом с ним, смотрит на существо, прикованное цепями к металлическому столбу и столу с печатным станком. В его правом кармане инструмент, который дал ему отец, шприц с резиновым колпачком на игле. Отец может и не говорить Скотту, что шприц — вещь хрупкая. Если завяжется борьба, он может разбиться. Отец предложил положить его в картонную коробочку, где когда-то лежала авторучка, но на то, чтобы достать шприц из коробочки, может уйти пара дополнительных секунд (как минимум), и они могут оказаться решающими в вопросе жизни и смерти, если ему таки удастся переправить существо, закованное в цепи, в Мальчишечью луну, где не будет отца с его карабином .30-06 для охоты на оленей. В Мальчишечьей луне будут только он и существо, которое проникло в Пола, как рука в украденную перчатку. Только они двое на вершине Холма нежного сердца.

Существо, которое было его братом, лежит, привалившись спиной к металлическому столбу, выставив вперед ноги. Оно голое, если не считать майки Пола. Ноги и ступни грязные. Бедро в засохшем говне. Миска, вылизанная дочиста, валяется рядом с грязной рукой. Большой гамбургер, который лежал в ней, исчез в животе существа-Пола за считанные секунды, но Эндрю Лэндон чуть ли не полчаса раздумывал, сколько положить в гамбургер лекарства, потому что раньше его было слишком много. Лекарство представляет собой белые таблетки, такие же как тамс и ролэйдс*, которые отец иногда принимает сам. Впервые Скотт спросил отца, откуда взялось лекарство, и получил ответ: «Почему бы тебе не закрыть свой чертов рот, любопытный Джордж, прежде чем его тебе заткну я». А когда отец так говорит, лучше сразу понять намек, если, конечно, ты можешь сообразить, что к чему. Отец раздробил таблетки дном стакана. Пока занимался этим, разговаривал — возможно, сам с собой, возможно, со Скоттом, а под ними существо, прикованное к столбу и столу, на котором стоял печатный станок, монотонно ревел, требуя ужина. «Легко все рассчитывать, когда ты хочешь его вырубить, — говорил отец, переводя взгляд с горки белого порошка на мясо. — Было бы еще легче, если бы я хотел убить этого доставляющего столько хлопот говнюка, так? Но нет, я не хочу этого делать, я просто хочу дать ему шанс убить того, с кем пока все в порядке, разве что он еще больший дурак, чем я. Да ладно, хрен с этим, Бог ненавидит трусов», — и ногтем мизинца он с удивительной для него аккуратностью отделяет от горки часть белого порошка. Берет щепотку, посыпает мясо, как солью, вдавливая в мясо, берет еще щепотку, посыпает и вдавливая. Когда речь заходит о существе в подвале, качество пищи отца особо не волнует. Этот монстр, говорил отец, предпочел бы есть мясо сырым и теплым, срывая его с кости.

* Тамс, ролэйдс — нейтрализаторы кислотности желудка.

И теперь Скотт стоит рядом с отцом, со шприцем в кармане, наблюдая, как опасное существо привалилось к столбу, похрапывает, задрав верхнюю губу. Уголки рта блестят от жира. Глаза полуоткрыты, но зрачков нет; Скотт видит лишь блестящие белки... «Только белки уже совсем не белые», — думает он.

— *Иди, черт бы тебя побрал*, — говорит отец, толкая его в плечо. — *Если собираешься это сделать, тогда начни до того, как я сорвусь или упаду от святомамкиного сердечного приступа... или ты думаешь, что он водит нас за нос? Только при-творяется, что спит?*

Скотт мотает головой. Существо не пытается их обмануть, он это чувствует... а потом в изумлении смотрит на отца.

— *Что?* — раздраженно спрашивает тот. — *Какие у тебя мысли под этими долбаными волосами?*

— *Ты действительно?..*

— *Действительно ли я боюсь? Это ты хочешь знать?*

Скотт кивает, внезапно смутившись.

— *Да, до смерти. Ты думал, ты единственный, кто боится? А теперь закрой рот и сделай то, что должен. Давай с этим покончим.*

Скотт так никогда и не поймет, почему признание отцом страха прибавляет ему храбрости, но знает, что прибавляет. Он идет к центральному металлическому столбу. При этом касаясь одной рукой цилиндрического корпуса шприца, который лежит у него в кармане. Достигает внешней дуги кучек говна и переступает через нее. Следующим шагом переступает через внутреннюю дугу и попадает во владения существа. Здесь вонь куда сильнее: не только говна и не грязных волос и кожи, а скорее шерсти и шкуры. Пенис у существа больше, чем был у Пола. И пушок на лобке сменился грубыми густыми волосами. Стопы Пола (ноги — единственное, что осталось практически неизменным) как-то странно загнулись внутрь, словно кости в лодыжках деформировались. «Доски, оставленные под дождем», — думает Скотт, и где-то он прав.

Его взгляд возвращается к лицу существа, его глазам. Верхние веки опущены, почти соприкасаются с нижними, зрачков по-прежнему не видно, в щелках между веками только кровавые белки. Ритм дыхания не меняется, руки все так же расслаблены, ладонями вверх, словно у человека, сдающегося на милость победителя. Однако Скотт знает, что вошел в опасную зону. И мешкать теперь нельзя. Существо может учуять его и проснуться в любую секунду. Такое случится, несмотря на лекарство, которое отец втер в гамбургер, поэтому, если он может это сделать, если может переправить существо, которое украло его брата...

Скотт продолжает продвигаться вперед на ногах, которых практически не чувствует. Часть его разума абсолютно убеждена, что идет он навстречу смерти. Он даже не сможет бумкнуть, не сможет, если существо в образе Пола схватит его. Тем не менее он подходит к нему вплотную, где воняет сильнее всего, и кладет руки на его обнаженные, липкие бока. Он думает

(Пола, теперь иди со мной)

и

(буль Мальчишечья луна сладкая вода пруда)

и на один миг, прерывающий дыхание, разбивающий сердце, это почти происходит. Появляется знакомое ощущение быстрого полета; он слышит стрекотание насекомых и ощущает дневной аромат деревьев на Холме нежного сердца. И тут пальцы существа с длинными ногтями охватывают шею Скотта. Оно открывает рот, и рев сметает звуки и запахи Мальчишечьей луны, оставляя только зловонное дыхание. У Скотта такое ощущение, будто кто-то сбросил огромный валун на хрупкую координатную сетку его... его чего? Не разум переносит его в другое место, не совсем разум... и нет времени думать об этом, потому что существо схватило его, схватило. Все, чего боялся отец, случилось. Рот существа раскрылся до невероятных размеров, такое можно увидеть только в кошмарном сне, в это просто

невозможно поверить, оставаясь в здравом уме, нижняя челюсть существа, похоже, опустилась до

(*ключицы*)

ключицы, грязное лицо совершенно исказилось, и в нем уже ничего не осталось от Пола, то есть ничего человеческого. Дурная кровь явила свою образину, сорвала маску. Скотт успевает подумать: «Оно собирается заглотив мою голову целиком, как леденец на палочке». В тот самый момент, когда рот раззявливается максимально, красные глаза вспыхивают в свете свисающих с потолка лампочек, и в них Скотт видит только одно: смерть. Существо откидывает голову назад, достаточно далеко, чтобы удариться затылком о столб, а потом голова надвигается на него.

Но Скотт совершенно забыл про отца. А его рука появляется из темноты, хватая существо-Пола за волосы и каким-то образом оттягивает голову от Скотта. Потом появляется вторая рука отца, большой палец охватывает ложу карабина в той части, где она самая широкая, указательный лежит на спусковом крючке. Дулом карабина он упирается в ложбинку под вскинутым подбородком существа.

— *Папа, нет!* — кричит Скотт.

Эндрю внимания не обращает, не может позволить себе обратить внимание. Хотя он захватил в кулак огромный пук волос существа, оно пытается вырваться, оставив волосы в руке отца. Теперь оно ревет, и рев этот звучит как одно слово.

Как слово «отец».

— Поздоровайся с адом, ты, дурнокровная мерзопакость, — говорит Эндрю Лэндон и нажимает на спусковой крючок. Выстрел карабина .30-06 в замкнутом пространстве подвала оглушает; у Скотта еще два часа будет звенеть в ушах. Космы волос на затылке существа взлетают, словно поднятые порывом ветра, огромное количество алого выплескивается на столб. Лежащие на полу вытянутые ноги существа дергаются один раз; как в каком-то мультфильме; и замирают. Руки на шее

Скотта на мгновение сжимаются сильнее, а потом падают, ладонями вверх, в грязь. Рука отца обнимает Скотта, тянет вверх.

— *Как ты, Скотт? Можешь дышать?*

— *Я в порядке, папа. Стрелять было обязательно?*

— *У тебя нет мозгов?*

Скотт обвисает на руке отца, не в силах поверить в случившееся, хотя и знал, что такое возможно. Как же ему хочется лишиться чувств. А еще хочется (самую малость, однако) умереть самому.

Отец встряхивает его:

— *Он собирался тебя убить, не так ли?*

— *Д-д-да.*

— *Ты на все сто знаешь, что собирался. Господи, Скотти, он вырывал волосы из головы, лишь бы добраться до тебя. Вцепиться в твою святомамкину шею!*

Скотт знает, что это правда, но он знает и кое-что еще.

— *Посмотри, папа... посмотри на него!*

Еще мгновение-другое он висит на руке отца, как тряпичная кукла или марионетка с обрезанными нитями, потом Лэндон-старший медленно опускает его, и Скотт понимает: его отец видит то же самое, что и он. Просто мальчика. Просто невинного мальчика, которого посадили на цепь в подвале сумасшедший отец и младший брат, потом морили голодом, пока он не превратился чуть ли не в скелет с покрытой язвами кожей; мальчика, который так яростно боролся за свою свободу, что сдвинул с места и металлический столб-опору, и стол с тяжеленным ручным печатным станком. Мальчика, который прожил пленником в подвале три кошмарные недели, пока ему наконец не разнесли дробью голову.

— *Я его вижу,* — говорит отец, и мрачнее его голоса только лицо.

— *Почему он не выглядел так раньше, папа? Почему...*

— Потому что дурная кровь больше не действует на него, вот почему, дубина. — И иронию ситуации понимает даже потрясенный до глубины души десятилетний мальчишка, во всяком случае, такой умный, как Скотт: теперь, когда Пол лежит мертвый, прикованный к столу и столбу, с вышибленными мозгами, отец едва ли не впервые говорит, как нормальный человек. — *И если кто-нибудь увидит его в таком виде, меня отправят или в тюрьму штата в Уэйнесберге, или в этот долбаный дурдом в Видвелле. Если, конечно, не линчуют до этого. Мы должны похоронить его, хотя это будет нелегко, потому что промерзшая земля твердая как камень.*

Скотт говорит:

— *Я его заберу, папа.*

— *Как ты сможешь забрать его? Ты не мог забрать его, когда он был жив!*

Он не знает слов, чтобы объяснить, что теперь это будет не сложнее, чем отправиться туда в своей одежде, что он всегда и делал. Наковальня, банковский сейф, концертный рояль... этого непомерного веса уже нет в существе, которое приковано к столбу и столу; существо, прикованное к столбу и столу, весит теперь не больше, чем зеленая листовая обертка, которую снимают с кукурузного початка.

— *Теперь я могу это сделать.*

— *Ты — маленький хвостун,* — говорит отец, но прислоняет карабин к столу, на котором стоит ручной печатный станок. Проводит рукой по волосам и вздыхает. И впервые выглядит для Скотта человеком, который может со временем постареть. — *Давай, Скотт, попытка — не пытка. Не повредит.*

Но теперь, когда реальной опасности нет, Скотт медлит.

— *Отвернись, папа.*

— *ЧТО, ТВОЮ МАТЬ, ты говоришь?*

В голосе отца слышалось обещание трепки, но впервые Скотт решается перечить отцу. Его не волнует то, что отец

увидит его уход. Медлит он потому, что не хочет, чтобы отец видел, как он будет обнимать брата. Он знает, что заплачет. Слезы уже грозят брызнуть из глаз, как дождь поздней весной в преддверии вечера, когда день выдается жаркий, свидетельствующий о том, что до лета осталось совсем ничего.

— *Пожалуйста*, — просит он с самыми умиротворяющими интонациями, на какие только способен. — *Пожалуйста, папа.*

На мгновение Скотт уверен: отец, преследуемый бегущей по стенам тройной тенью, сейчас подскочит к тому месту, где стоит его единственный выживший сын, и врежет ему тыльной стороной ладони так, что мало не покажется, возможно, он рухнет на тело мертвого старшего брата. Скотт хорошо знаком с этим ударом, и даже мысль о нем заставляет сжиматься в комок, но сейчас он стоит между раздвинутых ног Пола и смотрит отцу в глаза. Это трудно, но он смотрит. Потому что оба пережили весь этот ужас и теперь должны сохранить все в тайне: «Ш-ш-ш-ш-ш». Поэтому он имеет право на такую просьбу и имеет право смотреть отцу в глаза, ожидая ответа.

Отец не подскакивает к нему. Вместо этого набирает полную грудь воздуха, выдыхает и отворачивается.

— *Полагаю, в следующий раз ты скажешь мне, когда мыть пол и чистить туалет*, — бурчит он. — *Времени у тебя, Скотт, пока я не досчитаю до тридцати...*

21

— «Времени у тебя, пока я досчитаю до тридцати, а потом я поворачиваюсь», — рассказывает Скотт Лизи. — Я уверен, именно так он закончил фразу, да только конца я не услышал, потому что к тому времени исчез с лица этой земли. Пол тоже, выскользнув из цепей. Я взял его с собой с легко-

стью. Пожалуй, с мертвым было даже проще, чем с живым. Я готов спорить, до тридцати отец не досчитал. Черт, я уверен, он даже не начал считать, услышав, как лязгнули цепи, а может, почувствовав движение воздуха, который устремился в тот объем, который занимали мы с Полом. И, повернувшись, увидел, что в подвале он в полном одиночестве. — Скотт расслабился, прижимаясь к ней; пот на лице, руках, теле высыхал. Он все рассказал, освободился от самого худшего, выговорился.

— Этот звук, — говорит она. — Я задумывалась над этим, знаешь ли. Был ли какой-то странный звук под ивой, когда мы... ты знаешь... вернулись.

— Когда мы бумкнули.

— Да, когда мы... это.

— Когда мы бумкнули, Лизи. Так и скажи.

— Когда мы бумкнули. — Гадая, а может, она рехнулась. Гадая, а может, он чокнутый, и это заразно.

Теперь он закуривает очередную сигарету, и на лице, освещенном огоньком спички, отражается неподдельное любопытство.

— Что ты видела, Лизи? Ты помнишь?

В ее голосе слышится сомнение:

— Много пурпурного, уходящего вниз по склону холма... и я чувствовала тень, словно у нас за спиной росли деревья, но все произошло так быстро... не дольше секунды или двух...

Он смеется и обнимает ее одной рукой.

— Ты говоришь о Холме нежного сердца.

— Нежного...

— Так его назвал Пол. Вокруг этих деревьев почва мягкая, плодородная, слой толстый. Не думаю, что там когда-нибудь бывает зима... и вот где я и похоронил его. Вот где я похоронил моего брата. — Он смотрит на нее очень серьезно и добавляет: — Хочешь пойти посмотреть, Лизи?

Лизи заснула на полу кабинета, несмотря на боль...

Нет. Она не могла заснуть, потому что не могла спать с такой болью. Не получив медицинской помощи. Так что с ней было?

Загипнотизировалась.

Лизи проанализировала это слово и решила, что подходит оно идеально. Она соскользнула в какое-то двойное (может, даже тройное) воспоминание. *Полное* воспоминание. Но в какой-то момент ее воспоминания о холодной спальне для гостей, где она нашла впавшего в кататоническое состояние мужа, и о той ночи, когда они вдвоем лежали на скрипучей кровати на втором этаже отеля «Оленьи рога» (воспоминания, датированные семнадцатью годами ранее, но даже более отчетливые), оборвались. «Ты хочешь пойти посмотреть, Лизи?» — спросил он ее (да, да), но произошедшее после утонуло в ярком пурпурном свете, спряталось за этим занавесом, а когда она потянулась к нему, властные голоса из детства (добророго мамика, папани, всех старших сестер) загомонили в тревоге: «Нет, Лизи! Ты и так зашла слишком далеко, Лизи! Остановись, Лизи!»

У нее перехватило дыхание (так же перехватывало, когда она лежала в постели со своим возлюбленным?).

Ее глаза открылись (они были широко открыты, когда он обнял ее, в этом Лизи ни капли не сомневалась).

Яркий свет июньского утра (июньского утра двадцать первого века) сменил сверкающий пурпур миллиарда люпинов. Вместе с июньским светом вернулась и боль в изрезанной груди. Но, прежде чем Лизи успела отреагировать на свет или на панические голоса, запрещающие ей идти дальше, кто-то позвал ее из амбара, снизу, так сильно напугав, что она едва удержалась от крика. Если бы голос произнес: «Миссас», — она бы точно закричала.

Г

— Миссис Лэндон? — Короткая пауза. — Вы наверху?

В голосе не было ни малейшей примеси южного выговора, вопросы, безусловно, задавал янки, и Лизи поняла, кто пожаловал к ней в гости: помощник шерифа Олстон. Он обещал, что будет периодически заглядывать к ней, и сдержал обещание. Это был её шанс крикнуть: да, она здесь, наверху, лежит на полу вся в крови, потому что Черный принц инкунков изувечил ее, Олстон должен отвезти ее в больницу, под сиреной и с мигалками, потому что на грудь нужно наложить швы, множество швов, и ей нужна защита, нужна круглосуточная...

Нет, Лизи.

Собственный разум (никаких сомнений) послал ей эту мысль, сверкнув как молния на черном небе (ну... *почти* никаких), но озвучил ее голос Скотта. Словно имел на то право.

И она подчинилась, потому что ответила:

— Да, я здесь, помощник шерифа! — и ни слова больше.

— Все супер? В смысле, в порядке?

— Супер, — ответила она и удивилась себе, учитывая, что блузка напиталась кровью, а левая грудь пульсировала болью, как... ну, найти точное сравнение не представлялось возможным. Просто *пульсировала*.

Внизу (по прикидкам Лизи, у подножия лестницы) помощник шерифа Олстон рассмеялся.

— Я заглянул к вам по пути в Кэш-Корнерс. Там вроде бы пожар в доме. Подозревается поджог. Так что два или три часа вы будете одна.

— Хорошо.

— Сотовый телефон при вас?

Мобильник был при ней, и она сожалела, что не говорит сейчас по нему. Боялась, что потеряет сознание, если ей и дальше придется ему кричать.

— Так точно! — крикнула она.

— Да? — В голосе слышалось сомнение. Господи, а если он поднимется и увидит ее? По голосу чувствовалось, что

желание подняться в рабочие апартаменты Скотта у него есть. Но когда помощник шерифа Олстон заговорил вновь, голос уже удалялся от лестницы. Она едва могла поверить, что рада этому, но да, обрадовалась. Теперь, когда процесс начался, ей хотелось довести его до конца.

— Если вам что-нибудь понадобится, сразу звоните. И на обратном пути я вновь к вам загляну. Если вы уедете, оставьте записку, чтобы я знал, что с вами все в порядке и когда ждать вашего возвращения, хорошо?

И Лизи, которая уже начала понимать (пока смутно), что ждет ее впереди, ответила: «Обязательно!» Начать ей предстояло с возвращения в дом. Но сначала и прежде всего ей требовался глоток воды. Без воды ее горло в самом скором времени могло загореться, как тот дом в Кэш-Корнерс.

— На обратном пути я буду ехать мимо «Пателя», миссис Лэндон. Хотите, чтобы я вам что-нибудь оттуда привез?

Да! Шестибаночную упаковку ледяной «кока-колы» и блок «Салем лайтс»!

— Нет, благодарю, помощник шерифа. — Она чувствовала, что потеряет голос, если этот разговор будет продолжаться. Даже если не потеряет, Олстон заметит, что с ней что-то не так.

— Не хотите даже пончиков? У них отличные пончики. — В голосе слышалась улыбка.

— Я на диете! — Это все, на что она решилась.

— Да, да, я это уже слышал. Удачного вам дня, миссис Лэндон.

Господи, поставь на этом точку, взмолилась она, отвечая:

— И вам тоже, помощник шерифа.

На том перекрикивание и закончилось.

Лизи прислушивалась, ожидая, когда же заработает двигатель патрульной машины, в какой-то момент вроде бы услышала, но звук был очень уж тихий. Должно быть, он припарковался около почтового ящика, а по подъездной дорожке шел пешком.

Лизи полежала еще несколько мгновений, собираясь с духом, потом села. Дули взрезал грудь по диагонали, от низа к подмышке. Рваная рана уже начала закрываться, но движение привело к тому, что кровотечение усилилось. Боль — тем более. Лизи вскрикнула, чем только все ухудшила. Кровь потекла по ребрам. Серые пологи вновь начали сужать поле зрения, но усилием воли она их раздвинула, вновь и вновь повторяя мантру, пока зрение не прояснилось и мир не принял привычные очертания: *Я должна это закончить. Я должна заглянуть за пурпур. Я должна это закончить и заглянуть за пурпур.*

Да, за пурпур. На холме пурпуром был люпин; в ее разуме — тяжелый пурпурный занавес, который она создала сама (возможно, с помощью Скотта, наверняка с его молчаливого согласия).

Я заглядывала за него раньше.

Заглядывала? Да.

И я смогу сделать это снова. Заглянуть за него и сорвать эту чертову штуковину, если придется.

Вопрос: она и Скотт хоть раз говорили о Мальчишечьей луне после той ночи в отеле «Оленьи рога»? Лизи полагала, что нет. У них, разумеется, были свои кодовые слова, и, видит Бог, эти слова выплывали из-за пурпура, когда она не могла найти его в торговых центрах или продовольственных магазинах... не говоря уже о том дне, когда медсестра не нашла его на больничной койке... и он что-то бормотал о длинном мальчике, когда лежал на асфальте автомобильной стоянки после того, как Герд Аллен Коул стрелял в него... и Кентукки... Боулинг-Грин, где он лежал, умирая...

Прекрати, Лизи! — Хор голосов. — *Нельзя, маленькая Лизи!* — кричали они. — *Mein gott, ты не решишься!*

Она пыталась забыть Мальчишечью луну даже после зимы 1996 года, когда...

— Когда я снова отправилась туда. — Ее сухой голос прозвучал в кабинете умершего мужа ясно и отчетливо. — Зимой

1996 года я снова отправилась туда. Отправилась, чтобы привести его назад.

Она произнесла эти слова, и мир не рухнул. Из стен не материализовались люди в белых халатах, чтобы увезти ее в психушку. Более того, она подумала, что ей стало лучше, и, возможно, удивляться этому не следовало. Может, когда ты добираться до сути, правда — это бул, и она хочет одного: выйти наружу.

— Ладно, вот она и вышла... ее часть, история Пола... так теперь я могу выпить глоток долбаной воды?

Никто не сказал «нет», и, используя край Большого Джумбо Думбо как опору, Лизи удалось поставить себя на ноги. Темные пологи появились вновь, но она наклонила голову, стараясь обеспечить максимальный приток крови к тому жалкому подобию мозга, что находилось у нее в голове, и на этот раз еще быстрее переборолла дурноту. А потом взяла курс на нишубар, по собственному кровавому следу, шла медленно, широко расставив ноги, полагая, что выглядит как старушка, у которой украли ходунки.

Она добралась до ниши с одной лишь задержкой, когда посмотрела на валяющийся на полу стакан. Не хотела иметь с ним ничего общего. Достала другой из буфета, правой рукой (в левой по-прежнему сжимала окровавленный вязаный квадрат), и открыла кран холодной воды. Теперь вода лилась легко, трубы практически очистились от воздушных пробок. Она повернула на петлях зеркало над раковиной, по совместительству выполнявшее и роль дверцы, и в шкафчике, как и надеялась, нашла пузырек экседрина Скотта. Открыть хитроумную крышку, защищающую таблетки от детей, для нее труда не составило. Поморщилась от запаха уксуса, которым пахнуло из пузырька, проверила дату, до которой следовало использовать препарат: **Июль 05**. «Да ладно, — подумала она, — девушка должна сделать то, что должна».

— Я думаю, это сказал Шекспир, — прохрипела Лизи и проглотила три таблетки экседрина. Не знала, как много пользы

они ей принесут, но вода была божественной, и она пила, пока желудок не свело судорогой. Лизи постояла, держась за край раковины бара ее умершего мужа, дожидаясь, пока отпустит судорога. Наконец отпустила. Осталась только боль на разбитом лице и куда более сильная, пульсирующая боль в порезанной груди. В доме она могла найти что-нибудь по сильнее бодрящих таблеток Скотта (хотя скорее всего тоже просроченное). Викодин, который прописали Аманде после ее последнего акта членовредительства. Тот же викодин был у Дарлы, а у Канти — даже пузырек перколета* Анди-Банни. Они все, и без всякой дискуссии, пришли к выводу, что Аманда не должна иметь доступа к сильнодействующим препаратам, потому что у нее может поехать крыша, и она примет все и разом. Называйте это «Текиловым закатом».

Лизи знала, что попытается добраться до дома и викодина скоро, но не сразу. В прежней манере, широко расставляя ноги, с наполовину наполненным стаканом воды в одной руке и окровавленным вязаным желтым квадратом в другой, она дошагала до пыльной книгозмеи, где и села, ожидая, как подействуют на боль три таблетки просроченного экседрина. И пока ожидала, мысли ее вновь вернулись к той ночи, когда она нашла Скотта в спальне для гостей... в спальне для гостей, но *ушедшего*.

Я продолжала думать, что никто нам не поможет. Ветер, этот долбаный ветер...

23

Она слушает, как этот убийца-ветер завывает вокруг дома, слушает, как снежные гранулы колотятся в окна, зная, что никто им не поможет... что никто *ей* не поможет. И пока она слушает, мысли ее вновь возвращаются к той ночи в Нью-

* Викодин, перколет — болеутоляющие препараты.

Хэмпшире, когда время словно остановило свой бег, а луна дразнила тени переменчивым светом. Она помнит, как открыла рот, чтобы спросить, действительно ли он может это сделать, может взять ее с собой, а потом закрыла, зная, что это один из тех вопросов, которые задают, если хочется выиграть время... а выиграть время стараются только в том случае, если вы по разные стороны баррикады, не так ли?

«Мы по одну сторону, — думает она. — Если мы собираемся пожениться, нам лучше быть по одну сторону».

Но был еще один вопрос, который она не могла не задать, возможно, потому, что в ту ночь в отеле «Оленьи рога» пришла ее очередь прыгать со скамьи. «А что, если там тоже ночь? Ты говорил, что ночью там плохие существа».

Он ей улыбается.

— Нет, милая.

— Откуда ты знаешь?

— Он качает головой, по-прежнему улыбаясь.

— Просто знаю. Точно так же, как собака ребенка знает, что пора идти к почтовому ящику и садиться рядом, потому что вот-вот подъедет школьный автобус. Там время близится к закату. Такое там часто.

Она этого не понимает, но не спрашивает: один вопрос всегда ведет к другому, в этом она убедилась, а время для вопросов прошло. Вот она и делает глубокий вдох, после чего говорит: «Хорошо. Это наш предсвадебный медовый месяц. Возьми меня в то место, которого нет в Нью-Хэмпшире. И на этот раз я хочу там осмотреться».

Он затушил наполовину искуренную сигарету в пепельнице и обнял Лизи, глаза его плясали от волнения и предвкушения... и как хорошо она помнит прикосновения его пальцев в ту ночь. «У тебя сильный характер, маленькая Лизи... я скажу об этом всему миру: Держись, и посмотрим, что из этого выйдет».

«И он взял меня туда, — думает Лизи, сидя в спальне для гостей, держа холодно-восковую руку мужчины-куклы, который устроился в кресле-качалке. Но она ощущает улыбку на своем лице (маленькая Лизи, большая улыбка) и гадает, как долго они там пробыли. — Он взял меня туда. Я знаю, что взял. Но произошло это семнадцать лет назад, когда мы оба были молодыми и смелыми, и он был рядом со мной, я могла на него рассчитывать. А теперь он *ушел*».

Да только его тело по-прежнему здесь. Означает ли это, что он больше не может попасть туда физически, как мог ребенком? Насколько ей известно, с тех пор как они познакомились, он время от времени попадал туда. А куда еще, к примеру, он отправился в больнице в Нашвилле, когда медсестра не могла его найти?

Именно тогда Лизи чувствует, как его рука чуть напрягается. Это практически неуловимое ощущение, но он — ее любовь, и она это чувствует. Его глаза все глядят на темный экран телевизора поверх желтого афгана, но да, его рука чуть пожимает ее. Это словно пожатие *на расстоянии*, и почему нет? Он очень даже далеко, пусть его тело здесь, и там, где он сейчас, он, возможно, жмет изо всей силы.

Вот тут Лизи внезапно осеняет блестящая догадка: Скотт держит открытым канал связи с ней. Одному Богу известно, какой ценой ему это удастся или как долго этот канал будет оставаться открытым, но пока он это делает. Лизи отпускает его руку и поднимается на колени, игнорируя иголки, которые во множестве колют ее затекшие ноги, игнорируя холодный порыв ветра, который в очередной раз сотрясает дом. Она частично срывает со Скотта афган, чтобы просунуть свои руки между боками мужа и его висящими как плети руками, чтобы сцепить пальцы на спине и обнять его. Она занимает такое положение, чтобы ее лицо оказалось на пути его невидящего взгляда.

— Перетащи меня, — шепчет она и встряхивает недвижимое тело. — Перетащи меня туда, где ты сейчас, Скотт.

Ничего не происходит, и она поднимает голос до крика:

— *Перетащи меня, черт бы тебя побрал! Перетащи меня туда, где ты сейчас, чтобы я могла привести тебя домой! Сделай это! ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ, ВОЗЬМИ МЕНЯ ТУДА, ГДЕ ТЫ СЕЙЧАС!*

24

— И ты перетащил, — прошептала Лизи. — Ты перетащил. А я привела тебя домой. Будь я проклята, если знаю, как все это должно сработать сейчас, когда ты мертв и ушел навсегда, а не просто стал тупаком в спальне для гостей, но вот в чем все дело, не так ли? В этом-то все дело.

И она представляла себе, как все это могло сработать. Идея находилась в глубинах сознания, неопределенная, сокрытая пурпурным занавесом, но она там была.

Тем временем экседрин подействовал. Не так чтобы очень, но придал ей сил, и она, возможно, смогла бы спуститься в амбар, не потеряв по пути сознания и не сломав шею. А если ей удалось бы спуститься по лестнице, значит, она сумела бы добраться до дома, где хранились действительно сильные лекарства, если, конечно, они еще могли оказать положенное действие. И лучше бы оказали, потому что ей предстояло многое сделать и побывать во многих местах. В том числе и в очень дальних местах.

— Путешествие в тысячу миль начинается с первого шага, Лизи-сан, — сказала она себе, поднимаясь с книгозмеи.

Опять шаг за шагом, медленно, на широко расставленных ногах, и вот она, лестница. Лизи потребовалось почти три минуты, чтобы спуститься по ней, крепко держась за перила. Дважды она останавливалась, потому что чувствовала дурноту, но

спустилась, не потеряв сознания, потом посидела на meingottской кровати, чтобы отдышаться, и отправилась в долгое путешествие к двери черного хода своего дома.

Глава 11 ЛИЗИ И ПРУД

(Ш-ш-ш-ш — теперь нужно вести себя тихо)

1

Больше всего Лизи боялась, что утренняя жара сокрушит ее и она потеряет сознание между амбаром и домом, но с этим все обошлось. Солнце оказало ей услугу, скрывшись за облаком, откуда-то вдруг налетел холодный ветерок, который обдул ее перегретую кожу и распухшее пламенеющее лицо. К тому времени, когда она добралась до заднего крыльца, глубокая рана в груди вновь пульсировала болью, но черные пологи больше не появлялись. Ей пришлось поволноваться, когда она не смогла сразу найти ключ от двери, но в конце концов негнувшиеся пальцы нащупали брелок (маленького серебряного эльфа) под бумажными салфетками, которые она всегда носила в правом переднем кармане джинсов, так что и с этим все обошлось. А в доме ее ждала прохлада. Прохлада, тишина и благословенное одиночество. И как Лизи хотелось, чтобы все так и оставалось, пока она будет приводить себя в порядок! Ни телефонных звонков, ни гостей, ни шестифутовых помощников шерифа, стучащих в заднюю дверь, чтобы проверить, как у нее дела. А также, пожалуйста, Господи (огромная просьба), никакого повторного визита Черного принца инкунков.

Лизи пересекла кухню и достала из-под раковины белый пластиковый таз. Нагибаться было больно, дико больно, и

вновь она почувствовала, как теплая кровь течет по коже и пропитывает блузку.

Ему нравилось это делать... ты знаешь, не так ли?

Разумеется, она знала.

И он вернется. Что бы ты ни пообещала, что бы ты ни передала, он вернется. Ты это тоже знаешь?

Да, она знала и это.

Потому что для Джима Дули его договоренность с Вудбоди и рукописи Скотта не более чем динг-донг ради фрезий. Есть причина, по которой он полез за твоей грудью, а не ограничился мочкой или пальцем.

— Конечно, — сообщила она своей пустой кухне... поначалу темной, которая тут же стала светлой, едва солнце вышло из-за облака. — Джим Дули полагает сие великим сексом. И в следующий раз это будет моя киска, если копы не остановят его.

Ты остановишь его, Лизи. Ты.

— Давай без глупостей, дорогая, — сказала она пустой кухне голосом За-Зы Габор*. Вновь используя только правую руку, она открыла шкафчик над тостером, достала коробочку с пакетиками чая «Липтон» и положила в белый таз. Добавила окровавленный вязаный квадрат из кедровой шкатулки доброго мамика, хотя не имела абсолютно никакого понятия, почему она до сих пор носит его с собой. Потом потащилась к лестнице.

А что в этом глупого? Ты остановила Блонди, не так ли? Да, почести достались не тебе, но остановила-то его ты.

— Тогда было по-другому. — Она стояла, глядя на уходящую вверх лестницу, держа под правой рукой белый тазик, прижимая к бедру, чтобы коробочка с пакетиками чая и вязаный квадрат не вывалились. Лестница уходила вверх миль на восемь. Лизи подумала, что последние ступени, по всей вероятности, прячутся в облаках.

* Габор За-За (р. в 1917) — настоящее имя Сари Габор, королева красоты Венгрии 1936 г., известная голливудская актриса.

Если тогда все было иначе, почему ты идешь наверх?

— Потому что там лежит викодин! — крикнула Лизи пус-
тому дому. — Чертовы таблетки, которые снимают боль!

Голос произнес еще два слова и умолк.

— СОВИСА, любимая — это правильно, — согласилась
Лизи. — В это надо верить, — и начала долгий медленный
подъем по ступеням.

2

На полпути пологи вернулись, еще более темные, чем
прежде, и Лизи уже не сомневалась, что сейчас потеряет со-
знание. Твердила себе, что падать нужно вперед, на лестни-
цу, а не назад, в пустоту, когда перед глазами вновь прояс-
нилось. Она села, поставив таз на колени, и оставалась в та-
ком положении, с опущенной головой, пока не досчитала до
ста, после каждого числа произнося «Миссисипи». Потом
встала и закончила подъем. Второй этаж продувался ветер-
ком, и там было еще прохладнее, чем на кухне, но к тому вре-
мени, когда Лизи добралась до верхней лестничной площадки,
она обливалась потом. Пот натекал и в резаную рану, кото-
рая по диагонали располосовала грудь, так что к боли в глу-
бине прибавилось сводящее с ума поверхностное жжение от
соли. И ей снова хотелось пить. Воды жаждало не только
горло, но и желудок. Это по крайней мере она могла попра-
вить, и довольно скоро.

Лизи заглянула в спальню для гостей, когда медленным
шагом проходила мимо нее. Спальню отремонтировали после
1996 года (если на то пошло, дважды), но она без труда
увидела черное кресло-качалку с гербом университета Мэна
на спинке, слепой экран телевизора и морозную пленку на
окнах, которая меняла цвет, отслеживая пляску света на небе...

Забудь, маленькая Лизи, это все в прошлом.

— Это все в прошлом, да только *точка* не поставлена! — раздраженно крикнула она. — В этом вся долбаная *проблема!*

На это ответа она не услышала, но зато наконец-то добралась до своей спальни и смежной с ней ванной, которую Скотт (деликатность не относилась к его достоинствам) называл «Большая жопатория». Она поставила таз, вытряхнула из стакана две зубные щетки (теперь, увы, обе принадлежали ей) и до краев наполнила его холодной водой. Жадно выпила, потом улучила мгновение, чтобы посмотреть на себя. В смысле, на свое лицо.

Увиденное не порадовало. Глаза напоминали синие искорки в глубине темных пещер. Кожа под ними стала темно-коричневой. Нос сместился влево. Лизи не думала, что он сломан, но как знать? По крайней мере дышать через него она могла. Под носом запеклась кровь, «обтекая» рот, что справа, что слева, точно гротескные усы Фу Манчи*. «Посмотри, мама, я — байкер», — попыталась сказать она, но не вышло: Да и шутка, если уж на то пошло, была говняная.

Губы у нее так раздулись, что вывернулись наизнанку, и на распухом лице выглядели так, словно она их обиженно надула и теперь ждала, что ее пожалеют и поцелуют.

«И я думаю о том, чтобы в таком виде поехать в «Гринлаун», обиталище знаменитого Хью Олбернесса? Действительно думаю? Очень забавно. Им хватит одного взгляда, чтобы вызвать «скорую помощь» и отправить меня в настоящую больницу, причём в такую, где есть отделение интенсивной терапии».

Ты думаешь совсем не об этом. Ты думаешь...

Но эту мысль она отсекла, вспомнив слова Скотта: «Девяносто восемь процентов того, что происходит в головах людей, совершенно их не касается». Может, они соответство-

* Доктор Фу Манчи — злобный герой романов английского писателя Сакса Ромера (псевдоним Артура Генри Сапсфилда Уорда, 1883–1959).

вали действительности, может — нет, но на данный момент она полагала, что заглядывать вперед ей незачем и лучшее для нее — метод, использованный на лестнице: наклонить голову и сосредоточиться исключительно на следующем шаге.

Лизи снова пережила несколько ужасных мгновений, когда никак не могла найти викодин. Уже почти сдалась, решив, что одна из трех уборщиц, которые побывали в ее доме весной, позаимствовала пузырек, но тут обнаружила его за мультивитаминами Скотта. И, чудо из чудес, срок использования истекал именно в этом месяце.

— Негоже добру пропадать, — сказала Лизи и одну за другой отправила в рот три таблетки, залив каждую глотком воды. Потом наполнила таз теплой водой и бросила в нее несколько пакетиков чая. Понаблюдала, как та становится янтарной, пожала плечами и отправила вслед остальные пакетики. Они легли на дно таза, под все более темнеющую воду, и Лизи вспомнила о молодом человеке, который сказал: «Немного пощиплет, но помогает действительно очень хорошо». Случилось это в другой жизни. Теперь ей предстояло убедиться в этом самой.

С вешалки у раковины она сняла чистое полотенце, опустила в таз, легонько отжала. *Что ты делаешь, Лизи?* — но ответ был очевиден, не так ли? Она по-прежнему шла по следу, оставленному ее мужем. Следу, который уводил в прошлое.

Блузку она скинула на пол, а потом, заранее морщась от боли, приложила смоченное в чае полотенце к груди. Заболело, все так, но в сравнении с той болью, которую вызвал собственный пот, эта, можно сказать, доставила удовольствие, какое, скажем, доставляет терпкий эликсир для полоскания рта.

Это сработает. Действительно сработает, Лизи.

Однажды она в это поверила (в какой-то степени), но тогда ей было только двадцать два года и хотелось верить во многое. А сейчас она верила в Скотта. И Мальчишкой луну? Да, она полагала, что верила и в это. В мир, который ждал аккурат за следующей дверью и за пурпурным занавесом в ее ра-

зуме. Вопрос состоял лишь в том, сможет ли попасть туда жена знаменитого писателя после того, как он умер, и она оказалась предоставлена самой себе.

Лиза выжала из полотенца кровь и чай, вновь смочила в тазу и приложила к ране. На этот раз щипало еще меньше. «Но это не лечение, — думала она. — Лишь еще один путевой столб на дороге в прошлое». А вслух произнесла:

— Еще один бул.

Прижимая полотенце к груди и держа окровавленный вязаный квадрат («усладу» доброго мамика) в другой руке, подставленной под грудь, Лизи медленным шагом вернулась в спальню и села на кровать, глядя на лопату с серебряным штыком и надписью на нем: *НАЧАЛО, БИБЛИОТЕКА ЖИЛМАНА*. Да, она действительно видела небольшую вмятину. В том месте серебряный штык сначала вошел в контакт с револьвером Блонди, а потом с его физиономией. Лопата оставалась при ней, и, хотя желтый афган, которым Скотт укрывался теми холодными ночами 1996 года, давно уже перестал существовать, у нее сохранился его «кусочек», эта «услада».

Бул. Конец.

— Как бы мне хотелось, чтобы это был конец. — И Лизи легла, по-прежнему прижимая смоченное в чае полотенце к груди. Боль уходила, но только потому, что начинал действовать викодин Аманды, эффективность которого превосходила и лечение чаем Пола, и просроченные таблетки Скотта. Однако когда препарат перестанет действовать, боль обязательно вернется. Как и причинивший ее Джим Дули. Вопрос заключался в другом: что она собиралась делать в промежутке? Могла ли она что-нибудь сделать?

Чего тебе абсолютно нельзя делать, так это засыпать.

Да, засыпать, пожалуй, не стоило.

Профессор должен связаться со мной сегодня до восьми вечера; потому что в следующий раз боль будет куда сильнее, — сказал ей Дули, и выхода у нее не было. Дули велел ей лечиться

самой и никому не говорить о том, что побывал у нее. Пока она так и делала, но не потому, что боялась смерти. В определенном смысле осознание того, что он все равно намерен ее убить, придавало ей силы. Она уже точно знала, что языка здравого смысла он не понимает. Но если бы она позвонила в управление шерифа... ну...

— Ты не можешь охотиться на була, когда в доме полным-полно клаттербагных помощников шерифа, — сказала она. — Опять же...

Опять же, я думаю, Скотт еще продолжает говорить. Или пытается.

— Милая, — сказала она пустой спальне. — Хотелось бы только знать, о чем идет речь.

3

Она посмотрела на электронные часы, которые стояли на прикроватном столике, и удивилась, увидев, что еще только без двадцати одиннадцать. День, казалось, длился уже тысячу лет, но она подозревала, что причина проста: слишком долго она переживала прошлое. Воспоминания искажали перспективу, а наиболее яркие могли полностью останавливать время.

Но хватит о прошлом, что происходит в настоящем, здесь и сейчас?

«Что ж, — подумала Лизи, — давайте поглядим. Бывший король инкунков сейчас наверняка находится в королевстве Питтсбург и, несомненно, страдает от ужаса, который мой умерший муж называл синдромом липкой мошонки. Помощник шерифа Олстон — в Кэш-Корнерс на месте пожара, разбирается с возможным поджогом. Джим Дули? Может, затаился в лесу неподалеку, обстругивает палочку, мой консервный нож сунул в карман, а сам ждет, когда же пройдет день. Его «ПТ

Круизер» спрятан в одном из десятков брошенных сараев или амбаров на Вью или в Дип-Кат, за административной границей города Харлоу. Дарла, вероятно, на пути в аэропорт Портленда, чтобы встретить там Канти. Добрый мамик сказала бы, что Дарла отчалила под звуки фанфар. Аманда? Ох, Аманда *ушла, любимая*. И Скотт знал, что уйдет, рано или поздно. Разве он не сделал все, что только возможно, вплоть до того, что зарезервировал для нее палату? А для этого нужно знать».

Вслух она спросила:

— Я должна отправиться в Мальчишечью луну? Это следующая станция була? Скотт, негодник, как я попаду туда теперь, после того, как ты умер?

Ты опять забегаешь вперед, не так ли?

Конечно, чего волноваться о своей неспособности добраться до места, которое она еще не позволила себе полностью вспомнить?

Ты должна сделать гораздо больше, не просто приподнять нижний край занавеса и заглянуть под него.

— Я должна его сорвать. — В голосе Лизи слышался страх. — Не так ли?

Нет ответа. И тишину Лизи восприняла как «да». Перекадилась на бок и подняла серебряную лопату. Надпись блеснула в лучах утреннего солнца. Она обернула часть черенка окровавленным желтым вязаным квадратом, взялась за это место.

— Хорошо. Я его сорву, — пообещала она. — Он спросил меня, хочу ли я пойти туда, и я ответила «да». Я сказала: «Джеронимо».

Лизи помолчала, задумавшись.

— Нет. Не так. Я сказала, как говорил он. Я сказала: «Джеромино». И что произошло? Что произошло потом?

Она закрыла глаза, сначала увидела только яркий пурпур и чуть не вскрикнула от раздражения. Вместо этого подумала: *СОВИСА, любимая: энергично поработать, когда это пред-*

ставляется уместным, — и еще крепче сжала черенок лопаты. Увидела, как махнула ею. Увидела, как штык сверкнул в лучах окутанного дымкой августовского солнца. И пурпур не устоял перед лопатой, раскрылся в обе стороны, словно человеческая кожа после удара ножом, но в зазоре Лизи увидела не кровь, а свет: потрясающий оранжевый свет, который наполнил ее сердце и разум невероятной смесью радости, ужаса и печали. Не приходилось удивляться тому, что она столько лет подавляла это воспоминание. Слишком оно было сильным. Чересчур сильным. Свет, казалось, придавал шелковистости вечернему воздуху, и крик птицы ударил в ухо, как стеклянный шарик. Дуновение ветерка наполнило ее ноздри экзотическими ароматами: красного жасмина, бугенвиллии, пыльной розы и, Господи, распускающегося по ночам эхиноцереуса. Но, разумеется, самым пронзительным было воспоминание о его коже, соприкасающейся с ее, биении его сердца рядом с ее, ибо они лежали голые в кровати отеля «Оленьи рога», а теперь, тоже голые, стояли на коленях среди люпинов у вершины холма, голые под густеющими тенями деревьев «нежное сердце». Высоко над горизонтом уже поднялся огромный оранжевый диск луны, раздувшейся и горячей холодом, тогда как солнце заходило на противоположном горизонте, кипя алым огнем. Лизи подумала, что такое смешение неистовых цветов убьет ее своей красотой.

Лежа на вдовой кровати, сжимая лопату в руках, куда более старая Лизи вскрикнула от радости (потому что вспомнила) и от горя (потому что столь многое ушло навсегда). Ее сердце «склеилось», пусть и разбилось вновь. Жилы выступили на шее. Распухшие губы растянулись и опять начали кровоточить, обнажив зубы и брызнув свежей кровью на десны. Слезы потекли из уголков глаз по щекам, к ушам, на которых и повисли, как причудливые украшения. А в голове осталась только одна ясная мысль: *Ох, Скотт, мы не созданы для такой красоты, мы не созданы для такой красоты, нам следова-*

ло тогда умереть, ох, дорогой мой, следовало умереть там, обнаженными и в объятиях друг друга, как влюбленным в каком-нибудь романе.

— Но мы не умерли, — пробормотала Лизи. — Он обнял меня и сказал, что мы не можем задерживаться надолго, уже темнеет, а с наступлением темноты там небезопасно, даже от большинства деревьев «нежное сердце» нужно ждать беды. Но сначала он хотел...

4

— Прежде чем мы вернемся, я хочу тебе кое-что показать, — говорит он, поднимая Лизи на ноги.

— Ох, Скотт, — слышит она свой голос, очень далекий и слабый. — Ох, Скотт. — И это, похоже, все, что она может вымолвить в тот момент. В определенном смысле ощущения те же, что она испытывала при приближении первого оргазма, только тут из нее все выходит, выходит, выходит и ничего не входит:

Он куда-то ее ведет. Она ощущает высокую траву, которая что-то шепчет ее бедрам. Потом трава исчезает, и Лизи видит, что они — на вытоптанной тропе, проложенной сквозь лопины. Она ведет к деревьям «нежное сердце», так их называет Скотт, и Лизи задается вопросом, а есть ли здесь люди. *Если есть, как они могут такое выдерживать?* — гадает она. Хочет снова взглянуть на поднимающуюся чудовищно красивую луну, но не решается.

Лизи думает, что говорить она сможет только шепотом, даже если бы Скотт потребовал от нее повысить голос. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы произнести: «Ох, Скотт!»

Он уже стоит под одним из деревьев «нежное сердце». Оно напоминает пальму, только ствол косматый, зеленый, и космы эти скорее похожи на шерсть, чем на мох. «Господи, я на-

деюсь, тут ничего не изменилось, — говорит он. — В прошлый раз, когда я здесь побывал, в ночь, когда ты так разозлилась, а я прошиб рукой стекло этой чертовой теплицы, все было нормально... ага, это здесь!» С тропы он тянет ее вправо. И под одним из двух отдельно стоящих деревьев, которые словно охраняют то место, где тропа уходит в лес, Лизи видит простой крест, сбитый из двух досок. Из таких обычно сбивают ящички. Надгробного холмика нет, более того, земля в этом месте чуть провалилась, но крест однозначно говорит, что перед ней могила. На горизонтальной доске — аккуратно написанное слово «ПОЛ».

— Первый раз я написал его карандашом. — Голос Скотта звучит ясно и отчетливо, но доносится вроде бы издалека. — Потом попробовал написать шариковой ручкой, но ничего не вышло, поверхность дерева слишком уж грубая. С маркером получилось лучше, но надпись выцвела. Наконец я взял черную краску из старого набора Пола для рисования.

Она смотрит на крест в этом странном смешанном свете умирающего дня и набирающей силу ночи, думая (*насколько она способна думать*): *Все правда. Все, что случилось, когда мы выходили из-под конфетного дерева, действительно случилось. И то же самое происходит теперь, только на протяжении более длительного времени.*

— Лизи! — Его голос переполнен радостью, и почему нет? После смерти Пола он ни с кем не мог разделить это место. Несколько раз приходил сюда, но один. Чтобы скорбеть в одиночестве. — Здесь есть кое-что еще. Позволь тебе показать!

Где-то звенит колокольчик, очень слабо... звон этот кажется знакомым.

— Скотт?

— Что? — Он опускается на колени. — Что, любимая?

— Ты слышал?.. — Но звон смолкает. Конечно же, это ее воображение. — Ничего. Что ты собираешься мне показать? — и думает: *Ты и так показал мне достаточно.*

Он водит руками в траве, которая растет у основания креста, но не находит того, что искал, и дурацкая, счастливая улыбка сползает с лица. «Может, кто-то его за... — начинает он, замолкает. Лицо напрягается, расслабляется, с губ срывается истерический смешок. — Да вот же он! Я уж испугался, что укололся иглой... после стольких-то лет, только этого и не хватало... но колпачок на месте! Смотри, Лизи!»

Ничто, казалось, не могло отвлечь ее от окружающей красоты (красно-оранжевого неба на востоке и западе и зелено-синего над головой, экзотических ароматов, далекого звона таинственного колокольчика), но маленькая вещица, которую Скотт протягивает ей в умирающем дневном свете, отвлекает. Это шприц, который дал ему отец, содержимое которого Скотт должен был ввести Полу, когда мальчики попали бы сюда. Стальной ободок в основании цилиндра чуть поржавел, а в остальном шприц выглядит как новенький.

— Это все, что я мог здесь оставить, — говорит Скотт. — Фотографий у меня не было. Фотографии были только у тех детей, которые ходили в «ослиную школу».

— Ты вырыл могилу, Скотт... голыми руками?

— Я попытался. И вырыл небольшую ямку. Земля-то здесь мягкая... но трава... трава выдергивалась с трудом, жесткие сорняки... а потом стало темнеть, и хохотуны начали...

— Хохотуны?

— Как гиены, я думаю, только злые. Они живут в Волшебном лесу.

— Волшебный лес... так назвал его Пол?

— Нет, я. — Он указывает на деревья. — Пол и я никогда не видели хохотунов вблизи, только слышали их. Но мы видели других тварей... я видел других тварей... одна из них... — Скотт смотрит на быстро темнеющее пространство под деревьями, потом на тропу, которая, уходя в лес, едва ли не сразу растворяется в темноте. И в голосе уже слышны нотки осторожности: — Скоро нам придется вернуться.

— Но ты сможешь перенести нас обратно, не так ли?

— С твоей помощью? Конечно.

— Тогда расскажи мне, как ты его похоронил.

— Я смогу рассказать об этом, когда мы вернемся, если...

Но медленное покачивание ее головы останавливает его.

— Нет. Я понимаю, почему ты не хочешь иметь детей. Теперь понимаю. Если бы ты пришел ко мне и сказал: «Лизи, я передумал, я хочу рискнуть», — мы могли бы это обсудить, потому что был Пол... и есть ты.

— Лизи...

— И *тогда* поговорили бы обо всем этом. Но если нет — то мы никогда не будем говорить о тупаках, дурной крови и этом месте, идет? — Она видит, как он смотрит на нее, и смягчает тон: — Речь не о тебе, Скотт... не только о тебе, ты знаешь. Обо мне тоже. Здесь так прекрасно... — Она оглядывается. По телу пробегает дрожь. — Слишком прекрасно. Если я проведу здесь много времени или просто буду много думать об этом месте, боюсь, красота эта сведет меня с ума. Поэтому, если время у нас ограничено, пожалуйста, хоть раз в твоей долбанной жизни будь краток. Расскажи мне, как ты его похоронил.

Скотт наполовину отворачивается от нее. Оранжевый свет заходящего солнца проводит полосу на его теле. По лопатке, талии, округлой ягодице, длинному бедру. Он касается перекладки креста. В высокой траве, едва видимый, поблескивает стеклянный изгиб шприца, словно позабытый обрывок мишуры.

— Я забросал его травой и вернулся. Не мог попасть сюда почти неделю. Заболел. Слег с высокой температурой. Отец утром кормил меня овсяной кашей, а вернувшись с работы — супом. Я боялся призрака Пола, но так его и не увидел. Потом мне стало лучше, и я попытался прийти сюда с лопатой отца, которую взял в сарае, но у меня ничего не вышло. Сюда я попадал без лопаты. Я думал, что животные... *животные...* съедят его, хохотуны и другие, но нашел его на прежнем мес-

те, вернулся домой и попытался прийти сюда снова; на этот раз с игрушечной лопаткой, которую нашел на чердаке в старом ящике для игрушек. Эта лопатка не исчезла из моих рук, и ею я вырыл могилу, Лизи, красной пластмассовой лопаткой, которой мы маленькими играли в песочнице.

Уходящее за горизонт солнце тускнеет. Становится розовым. Лизи обнимает Скотта, прижимает к себе. Его рука ложится на ее плечи, и на мгновение-другое он прячет лицо в ее волосах.

— Ты очень сильно любил его, — говорит Лизи.

— Он был моим братом, — отвечает Скотт, как будто это все объясняет.

И пока они стоят в сгущающемся сумраке, она видит что-то еще или думает, что видит. Еще одну доску? Похоже на то. Таковую же доску, из которых сбит крест, лежащую за тем местом, где тропа сбегает с заросшего люпином холма. Не одну доску — две.

— Это еще один крест, гадают она, только развалившийся?

— Скотт? Ты похоронил здесь кого-то еще?

— Что? — В голосе удивление. — Нет. Тут есть кладбище, но это не здесь, у... — Он прослеживает направление ее взгляда и смеется. — Вот ты о чем! Это не крест — указатель! Пол сделал его во времена первой охоты на була, когда мог прийти сюда сам. Я совсем забыл про этот старый указатель! — Он высвобождается из ее рук и спешит к тому месту, где лежит указатель. Спешит по тропе. Спешит под деревья. Лизи не уверена, что ей это нравится.

— Скотт, уже темнеет. Ты не думаешь, что нам пора?

— Еще минута, любимая, еще минута. — Он поднимает одну из досок и приносит Лизи. Она может различить буквы, но они практически выцвели. Ей придется прищуриться, прежде чем удастся прочитать надпись:

К ПРУДУ

— Пруд? — спрашивает Лизи.

— Пруд, — соглашается Скотт, — через «у», как бул, ты понимаешь, — и смеется. И только в тот момент где-то в глубине леса, который он называет Волшебным (там-то ночь уже точно наступила), хохотуны подают голос.

Поначалу их двое или трое, но издаваемые ими звуки ужасают Лизи, как никакие другие. По ее разумению, кричат хохотуны совсем не как гиены, это крики *людей*, безумцев, запертых в самых глубоких подземельях какого-нибудь сумасшедшего дома XIX века. Она хватает Скотта за руку, ее ногти впиваются в его кожу, и говорит ему (едва может узнать собственный голос), что хочет вернуться назад, что он должен перенести ее обратно *прямо сейчас*.

Издали доносится едва слышный звон колокольчика.

— Да, — отвечает он и бросает доску в траву. Над ними темный поток воздуха шевелит кроны деревьев «нежное сердце», заставляя их вздыхать и выделять аромат более сильный, чем запах люпинов, окутывающий, прямо-таки облепляющий. — С наступлением темноты место это небезопасное. Пруд безопасен, и скамья... скамьи... может, даже кладбище, но...

Новые хохотуны присоединяются к первым. Какие-то мгновения — и их уже десятки. У некоторых лающий смех вдруг срывается на дикий вскрик, и Лизи сама едва сдерживает крики ужаса. Они спускаются обратно, навстречу утробным звукам, иногда напоминающим чавканье грязи.

— Скотт, что это за существа? — шепчет она. Высоко над его плечом луна напоминает раздувшийся воздушный шар. — Судя по крикам, они вовсе не животные.

— Я не знаю. Они бегают на четырех лапах, но никогда... не важно. Я никогда не видел их вблизи. Ни я, ни Пол.

— Иногда они что, Скотт?

— Встают. Как люди. Оглядываются. Ерунда это. А что не ерунда, так это наше возвращение. Ты хочешь вернуться прямо сейчас, так?

— Да!

— Тогда закрой глаза и мысленно представь себе наш номер в «Оленьих рогах». Постарайся как можно четче визуализировать его. Мне это поможет. Послужит нам толчком.

Она закрывает глаза — и на короткую жуткую секунду ничего не может увидеть. Затем из мрака выплывают комод и столики по обе стороны кровати, подсвечиваемые луной, когда той удается прорваться сквозь облака, обои (переплетенные розы), металлические ножки кровати, забавный скрип пружин, раздающийся всякий раз, когда кто-то из них шевелится. Внезапно эти ужасные звуки, издаваемые существами, которые смеются в

(Лесу Волшебном Лесу)

окутанных тьмой деревьев, становятся тише. И запахи слабеют, а потому какую-то ее часть охватывает грусть (они покидают это место), но главным образом Лизи испытывает облегчение. Телом (разумеется), разумом (по большей части), но прежде всего душой, ее бессмертной долбаной *душой*: люди вроде Скотта Лэндона могут отправляться на прогулку в такие места, как Мальчищечья луна, но странность и красота созданы не для обычных людей вроде нее, если сталкиваешься с ними не на страницах книги или в безопасной темноте кинотеатра.

«И увидела-то я лишь самую малость», — думает она.

— Хорошо, — говорит ей Скотт, и она слышит в его голосе облегчение, удивление и радость. — Лизи, ты чемпионка «в этом». — Вот как он заканчивает фразу, но еще раньше, прежде чем он отпускает ее, Лизи знает...

5

— Я знала, что мы дома, — закончила она и открыла глаза. Воспоминания были столь яркими, что на мгновение она ожидала увидеть подсвеченную луной спальню в нью-хэмп-

ширском отеле, где они провели две ночи подряд двадцатью семью годами раньше. Серебряную лопату она сжимала так крепко, что ей пришлось усилием воли заставлять пальцы разжиматься один за другим. А потом она приложила «усладу», вязаный квадрат (залитый кровью, но успокаивающий), обратно к груди.

И что потом? Ты собираешься сказать мне, что было после этого? После всего этого вы оба перевернулись на другой бок и заснули?

Именно так, кстати, все и было. Она уже настроилась забыть увиденное, а Скотт стремился к этому даже больше, чем она. Ему потребовалось собрать всю волю в кулак, чтобы вспомнить прошлое, и удивляться этому не приходилось. Но той ночью она задала ему еще один вопрос, она это помнила, и едва не задала другой на следующий день, когда они ехали обратно в Мэн, прежде чем поняла, что необходимости в этих вопросах нет. Первый, заданный, вопрос касался сказанного им аккуратно перед тем, как подали голос хохотуны, напрочь отбив у нее всякое любопытство. Она хотела знать, что означали его слова: «...когда мог приходиться сюда сам». Речь, понятное дело, шла о Поле.

На лице Скотта отразилось удивление.

— Я уже столько лет не думал об этом, — ответил он, — но да, Пол мог. Это давалось ему с трудом, так же как мне с трудом давался бейсбол. Поэтому по большей части все делал я, и, думаю, со временем он полностью утратил этот дар.

Вопрос, который она только собралась задать в автомобиле, касался пруда, к которому можно было пройти, следуя разломанному указателю. Тропа вела к тому самому пруду, о котором он постоянно упоминал в лекциях? Лизи не спросила, потому что ответ был слишком уж очевиден. Его слушатели могли верить, что это мифический пруд, языковой пруд (к которому мы все спускаемся, чтобы утолить жажду, поплавать, даже половить рыбку) — метафора, но она-то теперь знала,

что к чему. Пруд действительно существовал. Она это знала, потому что знала Скотта как никто. Она знала, потому что побывала там. С Холма нежного сердца сбегала тропа, которая вела к этому пруду через Волшебный лес. И чтобы попасть туда, нужно было пройти Колокольчиковое дерево и кладбище.

— Я пошла, чтобы привести его, — прошептала Лизи, сжимая лопату. Потом добавила: — Господи, я помню *луну*. — Ее тело покрылось гусиной кожей, и она заерзала на кровати.

Луна. Да, она самая. Кроваво-красная, невероятно огромная, столь резко отличающаяся от северного сияния и холода, которые остались в другом мире. Сексуальная, летняя, фантастическая, освещавшая каменную долину у пруда гораздо лучше, чем того хотелось Лизи. Она видела это так же ясно, как и тогда, потому что прорвалась сквозь пурпурный занавес, просто сорвала его, но воспоминание — всего лишь воспоминание, и у Лизи сложилось ощущение, что она вспомнила все, что могла. Что-то, какие-то мелочи вроде одной-двух ее фотографий в книгозмее, возможно, остались, но на том предстояло поставить точку и вновь вернуться туда, в Мальчише-зью луну.

Вопрос заключался в одном: сможет ли она?

И тут же возник второй вопрос: «А если он теперь один из тех, кто в саванах?»

На мгновение перед мысленным взором Лизи возникла четкая картинка: десятки молчаливых фигур, которые могли быть трупами, обмотанными простынями. Только все они сидели. И, как ей показалось, дышали.

По телу прокатилась дрожь. Отозвалась болью в изуродованной груди, несмотря на викодин, и не было никакой возможности унять эту дрожь, пока она сама не сошла на нет. А когда сошла, Лизи поняла, что может обдумывать планы на ближайшее будущее. И самым важным на текущий момент являлся ответ на вопрос, сможет ли она попасть туда в оди-

ночку... потому что ей требовалось попасть туда, ждали ее там фигуры в саванах или нет.

Скотт мог проделывать это сам и мог брать с собой старшего брата Пола. Взрослым он смог взять туда Лизи, в ночь, которую они провели в отеле «Оленьи рога». А что произошло семнадцатью годами позже, в ту холодную январскую ночь 1996 года?

— Он не ушел полностью, — прошептала Лизи. — Он сжимал мою руку. — Да, ей еще пришла в голову мысль, что где-то в другом месте он вкладывает в пожатие все, что у него есть, но означало ли это, что он перенес ее в Мальчишечью луну?

— Я еще и кричала ему. — Лизи улыбнулась. — Говорила, что он должен перенести меня туда, где находится сейчас... и я всегда думала, что он...

Чушь собачья, маленькая Лизи, ты вообще об этом не думала. Правда? Не думала до сегодняшнего дня, когда твою грудь едва не вскрыли, как банку консервов, и тебе пришлось подумать. Поэтому если ты думаешь об этом, то думай как следует. Он тянул тебя к себе что было мочи? Тянул?

Она уже склонялась к тому, чтобы отнести этот вопрос к категории тех, ответа на которые не найти, вроде что первично, курица или яйцо, когда вспомнила слова Скотта: «Лизи, ты чемпионка в этом...»

То есть в 1996 году она сделала это *сама*. Пусть так, но Скотт все равно был жив, и этого рукопожатия, хоть и очень слабого, хватило, чтобы сказать ей, что он на другой стороне, создает для нее канал связи...

— Он все еще существует. — Она вновь крепко сжимала черенок лопаты. — Этот путь на другую сторону *должен* существовать, потому что Скотт все это подготовил. Оставил мне эту долбаную охоту на була, чтобы я прошла этим путем. А потом, вчера утром, в кровати с Аmandой... это был ты, Скотт, я внаю... ты. Ты сказал, идет кровь-бул... и приз... напиток, ты сказал... и ты назвал меня любимой. Так где ты сейчас? Где

ты сейчас, когда нужен мне, чтобы я смогла перебраться на ту сторону?

Нет ответа, только тиканье настенных часов.

«Закрой глаза. — Это он тоже сказал. — Визуализируй. Как можно четче. Это поможет. Лизи, ты чемпионка в этом».

— Лучше бы мне ею быть, — сообщила она пустой, залитой солнцем, лишенной Скотта спальне. — Да, лучше бы мне ею быть.

У Скотта Лэндона, возможно, был один фатальный недостаток: он слишком много думал — однако про себя Лизи такого сказать не могла. Если бы она остановилась, чтобы проанализировать ситуацию в тот жаркий день в Нашвилле, Скотт наверняка бы умер от второй пули Блонди. Вместо этого она активно вмешалась и спасла ему жизнь той самой лопатой, которую сейчас сжимала в руках.

Я попыталась прийти сюда с лопатой отца, которую взяла в сарае, но у меня ничего не вышло.

А с лопатой с серебряным штыком из Нашвилла выйдет?

Лизи думала, что да. И ее это радовало. Ей хотелось держать лопату при себе.

— Друзья по гроб жизни, — прошептала она и закрыла глаза.

Лизи собирала воедино воспоминания о Мальчишечьей луне, теперь очень яркие, но один тревожный вопрос не позволил ей окончательно сосредоточиться, одна мысль отвлекла ее.

Который там час, маленькая Лизи? Нет, не конкретное время, дело не в этом, но день или ночь? Скотт всегда знал (во всяком случае, говорил, что знает), но ты — не Скотт.

Точно, не Скотт, но она помнила одну из его любимых рок-н-рольных мелодий «Ночное время — правильное время». В Мальчишечьей луне ночное время как раз было неправильным, ароматы оборачивались вонью, съедобная при свете дня еда могла отравить. В ночное время на охоту выходили хохо-туны. Существа, которые бегали на четырех лапах, но иногда

поднимались на задние, как люди, и оглядывались. И ночами же появлялись другие существа, куда более страшные.

Вроде длинного мальчика Скотта.

«Она совсем близко, родная моя, — вот что сказал он об этой твари, лежа под горячим нашвиллским солнцем в тот день, когда она не сомневалась, что он умирает. — Я слышу, как она закусывает». Лизи еще попыталась сказать ему, что не понимает, о чем он говорит; он же ущипнул ее и предложил не оскорблять его интеллект: Или свой.

Потому что я там была. Потому что слышала хохотунов и поверила ему, когда он сказал, что там водятся твари и пострашнее. И они водились. Я видела тварь, о которой он говорил. Я видела ее в 1996 году, когда отправилась в Мальчишечью луну, чтобы привести его домой. Только ее бок, но этого хватило.

— Он был бесконечным, — пробормотала Лизи и пришла в ужас, осознав, что действительно в это верит. В 1996 году стояла ночь. Та самая ночь, когда из холодной спальни для гостей она «перескочила» в мир Скотта. Спустилась по тропе, углубилась в Волшебный лес и...

Где-то неподалеку заработал двигатель. Глаза Лизи открылись, она чуть не закричала. Затем снова расслабилась малопомалу. Херб Галлоуэй, а может, Латтелл, парнишка, которого иногда нанимали Галлоуэй, косил траву на соседнем участке. Этот день кардинально отличался от пронизывающе-холодной ночи в январе 1996 года, когда она нашла Скотта в спальне для гостей. Он дышал, но в остальном полностью ушел.

Лизи подумала: *Если бы я и смогла это сделать, то сейчас не получится — слишком шумно.*

Лизи подумала: *Чрезмерен этот мир для нас.*

Лизи подумала: *Кто это написал?** И, как часто случалось, за этой мыслью пришла вторая: *Скотт точно знал.*

* «Чрезмерен этот мир для нас» — сонет английского писателя-романтика Уильяма Вордсворта (1770—1850), написан в 1807 г.

Да, Скотт знал. Она подумала о нем, во всех этих номерах мотелей, склонившемся над портативной пищащей машинкой (СКОТТ И ЛИЗИ, РАННИЕ ГОДЫ), и позже, с лицом, подсвеченным дисплеем ноутбука. Иногда с сигаретой, которая дымилась в стоящей рядом пепельнице, иногда со стаканом, всегда с прядью волос, падающей на лоб. Подумала о нем, лежащем на ней на этой самой кровати, бегающем за ней в том ужасном доме в Бремене (СКОТТ И ЛИЗИ В ГЕРМАНИИ), оба голые и смеющиеся, сексуально озабоченные, но не счастливые, тогда как грузовики и легковушки грохотали на кольцевой развязке выше по улице. Она подумала о его руках, обнимающих ее, о всех тех разгах, когда его руки обнимали ее, о его запахе, о его щетине на щеке, прижимающейся к ее щеке, и подумала, что продала бы душу, да, свою бессмертную долбаную душу ради того, чтобы услышать, как внизу хлопнула дверь, и он идет по коридору с криком: «Эй, Лизи, я дома... все по-прежнему?»

Замолчи и закрой глаза.

Голос был ее, но почти что и его, очень хорошее подражание, вот Лизи и закрыла глаза и почувствовала первые слезы, слезы утешения, просачивающиеся сквозь полог ресниц. Есть много такого, чего они не говорят тебе о смерти, она познала это на собственном опыте, но одна из самых главных недомолвок — время, которое требуется любимому человеку, чтобы умереть в твоём сердце. «Это секрет, — думала Лизи, — и должен быть секретом, потому что у кого может возникнуть желание сблизиться с другим человеком, если они будут знать, сколь тяжелым станет расставание? В твоём сердце любимые умирают постепенно, не так ли? Как комнатное растение, которое никто не поливает, потому что ты, отправившись в поездку, забыла отдать его соседке, и это так печально...»

Она не хотела думать о грусти и печали, не хотела думать о своей изуродованной левой груди, в которую вновь начала заползать боль. Вместо этого она вернулась мыслями к Мальчи-

щечей луне. Вспомнила, какой восторг и изумление испытала, в мгновение ока перенесаясь из морозной, заснеженной ночи в Мэне в это тропическое место. С каким-то особым воздухом, напоенным ароматами красного жасмина и бугенвиллии. Она вспомнила потрясающий свет заходящего солнца и поднимающейся луны, вспомнила, как вдали звенел колокольчик. Тот самый колокольчик.

Лизи осознала, что треск газонокосилки на участке Галлоуэв доносится уже издалека. Так же как рев мотоцикла на шоссе. Что-то происходило, она в этом нисколько не сомневалась. Пружина закручивалась, колодец наполнялся, колесо поворачивалось. Может, для нее мир все-таки не был чрезмерным.

Но что ты будешь делать, если попадешь туда и увидишь, что там ночь? При условии, что твои ощущения не есть сочетание воздействия наркотиков и самовнушения; что, если ты окажешься там ночью, когда охотятся жуткие твари. Твари вроде длинного мальчика Скотта?

Тогда я оттуда вернусь.

Ты хочешь сказать, если у тебя будет время.

Да, именно это я и хочу сказать, если у меня...

Внезапно, шокирующе свет, который пробивался сквозь ее веки, изменился с красного на густо-пурпурный, чуть ли не черный. словно окно задернули шторой. Однако на штору не спишешь внезапно ударившую в нос умопомрачительную смесь ароматов тропических цветов. И штора не несла ответственности за траву, которая колола бедра и голую спину.

Она это сделала! Прорвалась. Перенеслась в другой мир.

— Нет, — прошептала Лизи, не открывая глаз, едва слышно, протестуя чисто номинально.

Ты знаешь, что сделала, Лизи, — прошептал голос Скотта. — И времени в обрез. СОВИСА, любимая.

И поскольку она знала, что голос абсолютно прав (времени было в обрез), Лизи открыла глаза и села в детском убежище своего талантливого мужа.

Села в Мальчищечей луне.

Была не ночь и не день, но теперь, попав туда, Лизи этому нисколько не удивилась. Два прежних раза она переносилась в Мальчишечью луну аккуратно перед сумерками. Так чего удивляться, если и теперь оказалась там именно в это время суток?

Солнце, ярко-оранжевое, стояло над горизонтом в конце бескрайнего люпинового поля. А над противоположным горизонтом как раз всходила луна, огромная, гораздо больше самой большой луны, какую Лизи доводилось видеть в своей жизни.

Это не наша луна, правда? Но как такое может быть?

Ветерок шевелил мокрые от пота кончики волос, и где-то, не очень далеко, звенел колокольчик. Она помнила звук, она помнила колокольчик.

Тебе бы лучше поторопиться, или у тебя есть другое мнение на этот счет?

Да, конечно. У пруда безопасно, так, во всяком случае, говорил Скотт, но тропа вела через Волшебный лес, а вот там безопасностью и не пахло. Пруд находился неподалеку, но все равно тянуть время не стоило.

Она чуть ли не бегом направилась вверх по склону к деревьям, ища крест на могиле Пола. Поначалу не нашла, потом заметила... крест сильно наклонился в одну сторону. У нее нет времени выпрямлять крест... но она потратила на это время, потому что так поступил бы Скотт. На мгновение рассталась с серебряной лопатой (она действительно перенеслась с ней, вместе с желтым вязаным квадратом), чтобы использовать обе руки. Должно быть, краски той стороны не выдерживали здешних погодных условий, потому что единственное с таким трудом написанное слово «ПОЛ» сильно выцвело и едва просматривалось.

Скорее всего я выпрямляла его и в прошлый раз, думает Лизи. В 1996-м. И наверняка хотела поискать шприц, да только не было времени.

Нет времени и теперь. Это ее третье путешествие в Мальчишечью луну. Первое было самым лучшим, потому что она попала сюда со Скоттом, и они добрались только до сломанного указателя с надписью «К ПРУДУ», после чего вернулись в их номер в отеле «Оленьи рога». Второй раз, в 1996 году, ей, однако, пришлось в одиночку войти по тропе в Волшебный лес. Она не могла вспомнить, каких волевых усилий ей это стоило, не зная, как далеко пруд и что она там найдет. Но и это, третье, путешествие отличалось своим набором проблем. Она была голой по пояс, в изуродованной левой груди вновь начала пульсировать боль, и один только Бог знал, каких тварей мог привлечь запах крови. Впрочем, с волнениями на этот счет она уже опоздала.

Если какая-то тварь набросится на меня, подумала Лизи, вновь берясь за короткий черенок серебряной лопаты, к примеру, один из хохотунов, я простоогрею его «Надежной персональной дубинкой маленькой Лизи», изобретено в 1988 году, защищено патентным законодательством, все права охраняются.

Где-то впереди вновь зазвенел колокольчик. Босиком, с голой грудью, перемазанная кровью, в одних только старых джинсовых шортах, сжимая в правой руке лопату с серебряным штыком, Лизи двинулась на звук по тропе, которую быстро окутывали сумерки. Пруд лежал впереди, на расстоянии не более полумили. Там было безопасно даже с наступлением темноты, и там она собиралась раздеться и омыть себя его водами.

7

Вокруг заметно стемнело, едва она вошла под деревья. Лизи ощутила еще более сильное желание прибавить шагу, но когда ветер вновь шевельнул колокольчик (очень близко, и она

знала, что он подвешен на ветке на крепкой веревке), она остановилась, захлестнутая воспоминаниями. Она знала, что колокольчик висит на веревке, потому что видела его, когда побывала здесь в прошлый раз, десятью годами раньше. Но Скотт повесил его много раньше, даже до того, как они поженились. Она знала, потому что слышала звон колокольчика и в 1979 году. Даже тогда звук показался ей знакомым, неприятным, но знакомым. Неприятным потому, что она возненавидела звон этого колокольчика задолго до того, как впервые попала в Мальчишечью луну.

— И я говорила ему об этом, — пробормотала она, перекидывая лопату в другую руку и приглаживая волосы. Желтый вязаный квадрат лежал на ее левом плече. Вокруг, как шепчущиеся голоса, шуршали кроны деревьев «нежное сердце». — Он ничего мне на это не сказал, но, думаю, запомнил.

Она двинулась дальше. Тропа нырнула вниз, потом поднялась на вершину холма, где деревья росли реже, и яркого красного света прибавилось. То есть до заката было еще далеко. Хорошо. И здесь висел колокольчик, чуть покачиваясь из стороны в сторону, но и этого хватало для едва слышного звона. Когда-то, давным-давно, он стоял у кассового аппарата в кафе «У Пэт» в Кливс-Миллс. Не тот колокольчик, по которому ударяют ладонью, что стоят на регистрационных стойках в отелях и издают одинокий «динь», после чего замолкают, а уменьшенная копия серебряного школьного колокольчика с ручкой, который динь-динькает, пока тебе не надоест его трясти. И Чаки, повар, который более года работал с Лизи в одной смене, обожал этот колокольчик. Иногда — она помнила, что говорила об этом Скотту, — звяканье колокольчика преследовало ее и во сне вместе с громким хриплым голосом Чаки: «Заказ готов, Лизи! Поторопись! Голодные люди ждать не могут!» И да, в постели она говорила Скотту, как ненавидит маленький колокольчик Чаки, как он ее раздражает, должно быть, говорила весной 1979 года, потому что вскоре пос-

ле этого колокольчик исчез. Она не связывала Скотта с исчезновением колокольчика, даже после того как впервые услышала его, попав в Мальчишечью луну (слишком много тогда происходило событий, чтобы обращать внимание на такие вот мелочи), и он не сказал ей ни слова. Потом, в 1996 году, отправившись на поиски Скотта, она вновь услышала давно потерянный колокольчик Чаки, и на этот раз

(поторопись голодные люди заказ готов)

поняла, что к чему. Идиотизм, конечно, но в духе Скотта. В конце концов, Скотт Лэндон был мужчиной, который думал, что «Обурн новелти» — лучший магазин во Вселенной. Разве он не мог решить, что это отменная шутка — перетащить колокольчик, который так раздражал его подругу, в Мальчишечью луну? И повесить аккурат возле тропы, чтобы он звенел на ветру?

В последний раз на нем была кровь, прошептал голос воспоминаний. Кровь в 1996 году.

Да, и ее это испугало, но она все равно пошла дальше... а теперь кровь исчезла. Природные условия, благодаря которым выцвела надпись на кресте, поспособствовали и очищению колокольчика. И веревка, на которой Скотт повесил его двадцать семь лет назад (при условии, что время здесь текло с той же скоростью, что и на другой стороне), практически истлела. Еще чуть-чуть, и колокольчику предстояло свалиться на тропу. Вот тогда в шутке Скотта и будет поставлена точка.

И внезапно интуиция дала о себе знать, да так мощно, как никогда в жизни, не словами, а картинкой. Она увидела, как кладет серебряную лопату у подножия Колокольчикового дерева, что она и сделала без запинки или вопросов. Даже не спросила себя почему. Лопата идеально смотрелась у толстого шишковатого ствола. Серебряный колокольчик на ветке, серебряная лопата на земле. И почему это идеал... но с тем же успехом она могла спросить себя, а почему существовала Мальчишечья луна. Она-то думала, что предназначение ло-

паты — защищать ее. Видать, ошиблась. Бросила на лопату еще один взгляд (больше уделить времени не могла) и двинулась дальше.

8

Тропинка вновь привела в густой лес. Здесь яркий вечерний свет потускнел до мутно-оранжевого, где-то впереди, возможно, в темной чаше, проснулся первый из хохотунов, и от его жуткого, почти человеческого голоса по рукам Лизи побежали мурашки.

Поторопись, любимая.

— Да, хорошо.

Второй хохотун присоединился к первому, и хотя Лизи чувствовала, что и спина покрылась «гусиной кожей», она понимала, что пока ей ничего не грозит. Потому что впереди тропа обегала большую серую скалу, которую она очень хорошо помнила. За скалой лежала глубокая каменная долина и пруд. А у пруда она была в безопасности. Местечко, конечно, страшноватое, но при этом и безопасное. Там ей...

... Внезапно Лизи поняла, более того, ощутила всем телом, что ее преследует какая-то тварь, не просто преследует, но выжидает, пока день окончательно превратится в ночь, чтобы перейти к решительным действиям.

Чтобы прыгнуть на нее.

Когда Лизи огибала огромную серую скалу, сердце билось так сильно, что каждый удар отдавался болью в изувеченной груди. А потом она увидела пруд, лежащий внизу, как мечта, ставшая реальностью. И пока она смотрела на призрачно мерцающее зеркало, последние воспоминания встали на место, как недостающие элементы картинки-головоломки, и, вспомнив все, Лизи испытала безмерное облегчение, словно вернулась домой.

Она выходит из-за серой скалы и забывает о пятне засохшей крови на колокольчике, который когда-то так ее доставал. Она забывает ревуший ледяной ветер и яркое северное сияние, оставшиеся на другой стороне. На мгновение она забывает даже Скотта, за которым пришла сюда, чтобы увести назад... исходя из предположения, что он хочет вернуться. Она смотрит вниз на призрачно мерцающее зеркало пруда и забывает все остальное. Ибо пруд прекрасен. И хотя ничего подобного она в жизни не видела, ощущение такое, словно она пришла домой. И даже когда одно из этих существ начинает смеяться, ей не страшно, потому что это безопасное место. И говорить ей об этом не нужно, она знает это каждой клеточкой своего тела, как знает, что именно об этом месте Скотт долгие годы говорил на лекциях и писал в своих книгах.

Она также знает, что это грустное место.

Это пруд, к которому мы все приходим, чтобы утолить жажду, поплавать и половить мелкую рыбку; это также пруд, в котором только самые отчаянные решаются ловить крупную рыбу, отплывая от берега в утлых челнах. Это пруд жизни, но Лизи думает, что разные люди представляют его по-разному, и в этих версиях только два общих момента: пруд этот всегда расположен в Волшебном лесу, менее чем в миле от опушки, и там грустно. Потому что воображение — не единственное, что олицетворяет пруд. В нем еще и

(смирение)

ожидание. Просто сидеть... смотреть на эти мерцающие воды... и ожидать. «Оно придет, — думаешь ты. — Скоро придет. Я знаю». Но ты не знаешь, что именно должно прийти, и так проходят годы.

Как ты можешь это знать, Лизи?

Луна сказала ей об этом; полагает она; и северное сияние, которое может выжечь глаза своей яркостью; и сладковато-

пыльный аромат роз и красного жасмина на Холме нежного сердца; но главным образом глаза Скотта, когда он боролся изо всех сил, чтобы удержаться, удержаться, удержаться, чтобы не попасть на тропу, которая вела к этому месту.

Дикий хохот вновь доносится из темной чащи, а потом чей-то рев, на мгновение заглушающий хохотунов. За ее спиной звякает колокольчик, снова умолкает.

Я должна спешить.

Да, спешить, пусть она и чувствует, что спешка здесь — дурной тон. Но они должны как можно быстрее вернуться на Шугар-Топ, и не потому что вокруг полным-полно диких зверей, великанов-людоедов, троллей и

(прочей нечисти)

других странных тварей, обитающих в чаще Волшебного леса, где всегда темно, как в подземелье, и никогда не светит солнце. Лизи понимает: чем дольше Скотт пробудет здесь, тем меньше вероятность того, что ей удастся вернуть его на другую сторону. Опять же...

Лизи думает о том, каково это, видеть луну, сверкающую, словно холодный камень на недвижной поверхности пруда, и приходит к выводу: «Это зрелище может зачаровать».

Да.

Старые деревянные ступени ведут вниз по этой части склона. Рядом с каждой каменный столб с выбитым на нем словом. Она может прочесть эти слова здесь, в Мальчишечьей луне, но знает, что они ничего не будут значить для нее по возвращении домой, и она сможет вспомнить только самые простые: «тк» означает *хлеб*.

Лестница заканчивается у наклонного настила, уходящего налево. А сойдя с настила, можно наконец-то попасть на берег пруда. На белый песок, поблескивающий в быстро угасающем свете. Над пляжем амфитеатром вырублены в скале каменные скамьи, огибающие пруд, длиной где-то в двести футов каждая. На них могли бы усесться тысяча человек, может, и две, если потесниться, но нет, сидят на скамьях человек пятьдесят, мо-

жет, шестьдесят, большинство из них завернуты вроде бы в кисею, и одеяние это более всего напоминает саван. Но если они мертвы, почему могут сидеть? А так ли ей хочется это знать?

На пляже, порознь, стоят еще два десятка, а несколько — человек шесть или восемь — в воде. Молчаливо бредут по мелководью. Когда Лизи сходит с последней ступени и по настилу спускается к пляжу (ноги ее переступают бесшумно), она видит женщину, которая наклоняется и начинает умываться. Движения ее медленны, словно она еще не проснулась, и Лизи вспоминает тот день в Нашвилле, как все замедлилось, когда она поняла, что Блонди собирается застрелить ее мужа. Тогда все тоже казалось сном, но было явью.

Тут она видит Скотта. Он сидит на каменной скамье, девятой или десятой от пляжа. По-прежнему в афгане доброго мамика, только не завернут в него, потому что здесь слишком тепло. Афган переброшен через колени и складками лежит на земле у ног. Лизи не знает, как афган может быть и здесь, и в их доме на Вью одновременно, и думает: *Может, некоторые вещи особенные. Скотт же особенный.* А она? Двойник Лизи Лэндон остался в доме на Шугар-Топ-Хилл? Она думает, что нет. Она думает, что никакая она не особенная, только не она, не маленькая Лизи. Она думает, что полностью перенеслась сюда, хорошо это или плохо. Или полностью *ушла*, в зависимости от того, о каком мире идет речь.

Она набирает полную грудь воздуха, чтобы позвать его, но не зовет. Интуиция останавливает ее.

Ш-ш-ш-ш, думает она. *Ш-ш-ш-ш, маленькая Лизи, теперь...*

10

Теперь нужно вести себя тихо, подумала она, совсем как в январе 1996 года.

Ничего здесь не изменилось, но теперь Лизи видела все чуть лучше, чем прежде, потому что пришла пораньше. Тени в ка-

менной долине, готовые накрыть пруд, только начали собираться. Пруд формой походил на бедра женщины. И упирался он в берег там, где бедра переходят в талию. На берегу — пляж, наконецник стрелы из белого песка. На пляже, в отдалении друг от друга, стояли четверо, двое мужчин и две женщины. Все пристально смотрели на пруд. Еще полдюжины человек расположились в воде. Никто не плавал. Большинство зашли в воду по голень. Только одному мужчине вода доходила до пояса. Лизи хотелось прочитать выражение его лица, но он стоял слишком уж далеко. За пляжем (люди, стоявшие на песке, еще не собрались с духом, чтобы войти в воду, Лизи в этом не сомневалась) амфитеатром поднимался каменный склон с вырубленными в нем скамьями. На скамьях, все порознь, сидели человек двести. В прошлый раз, насколько она помнила, их было пятьдесят или шестьдесят, но в этот вечер сидящих на скамьях определенно прибавилось. И из каждых пяти как минимум четверо были завернуты в эту ужасную

(погребальные одежды)

кисею.

Это еще и кладбище. Помнишь?

— Да, — прошептала Лизи.

Грудь вновь разболелась, но она смотрела на пруд и вспоминала располосанную руку Скотта. Она также помнила, как быстро он поправился после того, как безумец прострелил ему легкое... да, к изумлению врачей. Существовало лекарство получше викадина, и не так уж и далеко от нее.

— Да, — повторила Лизи и начала спускаться вниз, в полной мере отдавая себе отчет, что разница между прошлым и нынешним визитами к пруду все-таки есть: Скотт Лэндон не сидел на одной из скамей внизу.

Аккурат перед тем как тропа закончилась на берегу, Лизи увидела другую тропу, уходящую влево и от пруда. И на Лизи тут же обрушилось воспоминание о том, как она увидела луну...

Она видит луну, поднимающуюся в расщелине массивной гранитной горы, которая возвышается над прудом. Луна раздувшаяся, громадная, какой и была в тот раз, когда будущий муж впервые перенес ее в Мальчишечью луну из их номера в отеле «Оленьи рога», но в расширяющейся долине, в которую переходит расщелина, красно-оранжевая поверхность разбивается на сегменты силуэтами деревьев и крестов. И крестов очень много. Лизи видит перед собой нечто похожее на деревенское кладбище. Как и крест, который Скотт сколотил для Пола, эти в большинстве своем из дерева, пусть некоторые очень большие, и есть резные, но все они сделаны вручную, и многие вот-вот грозят упасть. Есть на кладбище и указатели, в том числе, похоже, и каменные, но в сгущающейся темноте Лизи точно сказать не может. Свет поднимающейся луны скорее мешает, чем помогает, потому что все кладбище заливают чернота.

Если здесь есть кладбище, почему он похоронил Пола там? Из-за того что причиной смерти послужила дурная кровь?

Она не знает, да ей и без разницы. Заботит ее только Скотт. Он сидит на одной из этих скамей, как зритель на каком-то малоинтересном для болельщиков спортивном соревновании, и если она собирается что-то с этим делать, ей не стоит и дальше смотреть на луну и кладбище. «Ноги в руки, и пошла», — сказала бы добрый мамик, воспользовавшись фразой, которую поймала в пруду.

Лизи оставляет кладбище с грубыми крестами позади. Идет вдоль берега к каменным скамьям, где сидит ее муж. Песок плотный и покалывает подошвы. Только тут до нее доходит, что она босиком. Ночная рубашка и все, что под ней, на месте, а вот шлепанцы остались на другой стороне. Ощущения, которые вызывает песок, противны и одновременно приятны — и при этом знакомы, и, добравшись до первой скамьи, Лизи вспо-

минает откуда. В детстве ей снился сон, в котором она летала по дому на ковре-самолете, никому не видимая. После этих снов она просыпалась оживленной, перепуганной и мокрой от пота. Так песок на ощупь не отличался от того самого самолета... словно она могла согнуть колени, рвануться вперед и... не прыгнуть, а полететь.

Я могла бы перелететь через пруд, как стрекоза, может, скользя пальцами ног по воде... могла бы долететь до того места, где из пруда вытекает ручеек... полететь по течению, наблюдая, как ручеек становится рекой... спуститься ниже... вдохнуть поднимающийся над водой туман, и уже сквозь туман, все так же по воздуху, добраться до моря... и лететь дальше... да, дальше, дальше, дальше...

Оторваться от этого захватывающего видения Лизи удалось с невероятным трудом. Ничто другое никогда не требовало от нее столь титанических усилий. Наверное, так же нелегко ей давался только подъем после долгого утомительного рабочего дня и лишь нескольких часов божественного, глубокого сна. Она обнаруживает, что уже не стоит на песке, а сидит на скамье в третьем ряду от маленького пляжа, смотрит на воду, а подбородок покоится на ее ладони. И она видит, что луна потеряла оранжевый цвет. Стала как сливочное масло, чтобы вскорости сменить желтое на серебряное.

Как долго я здесь просидела? — в ужасе спрашивает она себя. Она понятия не имеет, где-то между четвертью часа и тридцатью минутами, но... даже этот отрезок времени слишком уж длинный... хотя теперь она лучше понимает, как устроено это место, не так ли?

Лизи чувствует, что ее взгляд вновь притягивается к пруду... к умиротворенности пруда, по которому в сгустившихся сумерках теперь бредут только двое или трое людей (среди них одна женщина, которая держит на руках то ли большой тюк с одеждой, то ли спеленутого младенца), и усилием воли отворачивается, смотрит на окружающие пруд скалы, звезды, на-

чинающие пробиваться сквозь темную синеву, и редкие деревья; растущие на обрыве. Когда уверенности у нее прибавляется, она встает, поворачивается спиной к воде и вновь находит Скотта. Это просто. Желтый афган четко просматривается даже в темноте.

Она идет к нему, переступая с одного ряда-скамьи на другой, словно на футбольном стадионе. Обходит стороной одну из фигур, завернутых в кисею, но света хватает, чтобы увидеть пустые глазницы и кисть руки, которая высовывается наружу.

Это женская кисть с облупленным красным лаком на ногтях.

Когда Лизи добирается до Скотта, сердце бьется так сильно, что приходится хватать ртом воздух, пусть подъем не так уж и крут. Вдалеке хохотуны вновь подают голоса, смеются над какой-то своей бесконечной шуткой. А с той стороны, откуда она пришла, доносится едва слышный, но доносится, отчетливый звон колокольчика Чаки, и она думает: *Заказ готов, Лизи! Поторопись!*

— Скотт? — шепчет она, но Скотт на нее не смотрит. Скотт пристально смотрит на пруд, над которым легкий туман, тончайшая дымка, начинает подниматься в свете восходящей луны. Лизи позволяет себе бросить один короткий взгляд на пруд, после чего сосредоточивает все внимание на муже. Она выучила урок, знает, к чему ведет слишком долгое лицемерие пруда. Во всяком случае, надеется, что выучила. — Скотт, пора возвращаться домой.

Ничего. Никакой реакции. Она помнит, как не соглашалась с ним, говоря, что он не безумец, что написание историй не превратило его в безумца, на что Скотт ей отвечал: «Я надеюсь, ты останешься везунчиком, маленькая Лизи». Но она не осталась, не так ли? Теперь она знает гораздо больше. Полу Лэндону ударила в голову дурная кровь, и он окончил свою жизнь прикованным к столбу в подвале уединенного фермер-

ского дома. Его младший брат женился и сделал блестящую литературную карьеру, но пришла пора платить по счету.

Вот он, растениеподобный кататоник, думает Лизи и дрожит всем телом.

— Скотт? — вновь шепчет она, наклонившись к самому уху. Берет обе его руки в свои. Они холодные и гладкие, восковые и расслабленные. — Скотт, если ты здесь и хочешь вернуться домой, пожми мне руки.

Очень долго нет ничего, кроме дикого смеха хохотунов в чаще леса и, где-то ближе, почти женского крика птицы. А потом Лизи чувствует, может, только думает, что чувствует, едва заметное шевеление его рук.

Она пытается решить, что ей делать дальше, но уверена лишь в том, чего делать не следует: нельзя дать ночи накрыть их темным покрывалом, нельзя позволить серебристому лунному свету зачаровать ее, пусть он и погружает их обоих в тени, поднимающиеся снизу. Это место — ловушка. Она уверена: для любого, кто остается у пруда достаточно долго, уйти отсюда невозможно. Она понимает: если смотреть на пруд какое-то время, то увидишь все, что хочется увидеть. Потерянных возлюбленных, умерших детей, упущенные шансы... все.

Что самое удивительное в этом месте? Тот факт, что на скамьях не так уж много людей. Они не сидят плечом к плечу, как зрители на финальном матче долбаного первенства мира по футболу.

Лизи улавливает движение краем глаза и смотрит на тропу, которая ведет от берега к ступеням. Видит дородного мужчину в белых штанах и широкой белой рубашке, расстегнутой до пупка. По левой стороне лица тянется рваная рана. Тронутые сединой волосы стоят на затылке дыбом. Голова как-то странно сплющена. Он оглядывается, потом ступает с тропы на песок.

Рядом с ней с огромным усилием Скотт произносит: «Автомобильная авария».

Сердце Лизи выпрыгивает из груди, но ей удается сдерживать себя: вместо того чтобы резко повернуть голову или слишком сильно сжать руки Скотта (чуть-чуть она их сжимает, все так), она спрашивает, пытаясь не допустить в голос избытка эмоций: «Откуда ты знаешь?»

Скотт не отвечает. А дородный господин в расстегнутой на груди рубашке бросает еще один пренебрежительный взгляд на молчащих людей, которые сидят на каменных скамьях, и напрямик идет в пруд. Серебристые щупальца лунного тумана поднимаются вокруг него, и Лизи снова приходится прилагать усилия, чтобы отвести взгляд.

— Скотт, откуда ты знаешь?

Он пожимает плечами. Плечи его, похоже, весят тысячу фунтов (и это как минимум, если судить по тому, что она видит), но он ими пожимает.

— Полагаю, телепатия.

— Ему станет лучше?

Долгая пауза. И когда она уже думает, что ответа не будет, Скотт отвечает:

— Возможно... он... там глубоко... в пруду. — Скотт касается собственной головы, указывая, как думает Лизи, на какое-то нарушение мозговой деятельности. — Иногда они заходят... слишком далеко.

— А потом поднимаются сюда и сидят здесь? Завернутые в эти простыни?

Скотт не отвечает. И она боится потерять то малое, что уже приобрела. Ей не требуется никаких объяснений, чтобы понять, как легко это может произойти. Каждый нерв ее тела об этом знает.

— Скотт, я думаю, ты хочешь вернуться. Я думаю, именно поэтому ты так отчаянно боролся весь декабрь. И я думаю, именно поэтому ты перенес сюда этот желтый афган. Его трудно не заметить даже в таком сумраке.

Он смотрит на нее, словно видит в первый раз, потом улыбается одними губами.

— Ты всегда... спасаешь меня, Лизи, — говорит он.

— Я не знаю, о чем ты...

— Нашвилл. Я уходил... — С каждым словом в нем, похоже, прибавляется живости. И впервые она позволяет себе надеяться на лучшее. — Я затерялся в темноте, и ты меня нашла. Мне было жарко... так жарко... и ты дала мне льда. Ты помнишь?

Она помнит ту, другую, Лизу

(*Я пролила половину гребаной «коки», пока добралась сюда*)

и как дрожь Скотта прекратилась, когда кусочек льда попал на его окровавленный язык. Она помнит, как вода цвета «коки» капала с его бровей.

— Разумеется, помню. А теперь давай выбираться отсюда.

Он качает головой, медленно, но решительно.

— Это слишком трудно. Ты иди, Лизи.

— Я что, должна уйти без тебя? — Она яростно моргает, только тут осознав, что уже плачет.

— Это несложно... сделай все, как в тот раз, в Нью-Хэмпшире, — говорит он ровным голосом, но очень медленно, словно каждое слово обладает немалым весом, и он сознательно не хочет ее понимать. Она в этом практически уверена. — Закрой глаза... сосредоточься на том месте, откуда пришла... визуализируй его... и ты туда вернешься.

— *Без тебя*, — выкрикивает она, и под ними медленно, словно двигаясь под водой, мужчина в красной байковой рубашке поворачивается, чтобы посмотреть на них.

— Ш-ш-ш-ш, Лизи, — говорит Скотт, — здесь нужно вести себя тихо.

— А если я не хочу? Мы не в долбаной библиотеке, Скотт!

В глубине Волшебного леса хохотуны заходятся смехом, словно никогда не слышали ничего более забавного, никакая игрушка из «Обурн новелти» не могла бы рассмешить их так, как рассмешили ее слова. С пруда доносится громкий, резкий всплеск. Лизи поворачивается и видит, что дородный госпо-

дин ушел на... ну, куда-то еще. Она решает, что ей глубоко наплевать, утащили его под воду или отправили в измерение Икс. Он прав, она всегда спасает его, ее можно называть «американской кавалерией». И это нормально — выходя за Скотта, она знала, что каждодневное дерьмо ей придется разгребать самой, но она вправе рассчитывать хотя бы на минимальную поддержку, не так ли?

Взгляд Скотта медленно возвращается к воде. Лизи вдруг понимает: если ночь окончательно вступит в свои права и луна начнет гореть в пруду, как утопленная лампа, Скотта она потеряет навсегда. Осознание этого и пугает, и вызывает безумную ярость. Она вскакивает, сдергивает афган доброго мамика. Он подарен ее родственниками, в конце концов, и в случае развода она забрала бы его. Весь афган, целиком, даже если это и огорчило бы его. *Особенно* если бы огорчило.

Скотт смотрит на нее, на лице написано сонное изумление, отчего ее злость только нарастает.

— Ладно, — резко отвечает она. Такой тон непривычен ей и не годится для этого места. Несколько человек оглядываются. Ее громкий голос вызывает у них недовольство, возможно, раздражает их. — Хочешь оставаться здесь и есть лотос? Отлично. А я пойду обратно по тропе...

И впервые на лице Скотта она видит сильную эмоциональную реакцию. Она видит страх.

— Лизи, нет! — восклицает он. — Бумкни прямо отсюда! Тебе нет нужды возвращаться по тропе! Уже поздно, практически ночь!

— Ш-ш-ш-ш! — говорит кто-то.

Отлично. Она больше не станет нарушать тишину. Своерачивая афган, Лизи начинает спускаться. Когда до пляжа остается два ряда скамей, оборачивается. Отчасти она уверена, что Скотт следует за ней: это же Скотт, в конце концов. Каким бы странным ни было это место, он по-прежнему ее муж, по-прежнему ее возлюбленный. Идея развода приходила ей

в голову, но, конечно же, это абсурд, на такое могут пойти другие люди, только не Лизи и Скотт. Он не позволит ей уйти одной. Однако, когда она оглядывается через плечо, он сидит на том же месте, в белой футболке с длинными рукавами и зеленых пижамных штанах, колени сжаты, пальцы рук переплетены, словно ему холодно даже здесь, в тропиках. Он не идет следом, и впервые Лизи позволяет себе крамольную мысль: а если причина в том, что он *не может* идти? Если так, то у нее есть лишь два варианта: остаться здесь с ним или вернуться домой без него.

Нет, есть и третий. Я могу пойти ва-банк. Обострить ситуацию до предела. Так что решать придется тебе, Скотт. Если на тропе опасно, отрывай свою дохлую задницу от скамьи и останавливай меня.

Она хочет оглянуться, пересекая пляж, но знает, что поворот головы — проявление слабости. Хохотуны уже ближе, а это означает, что и другие твари, которые могут отираться около тропы, ведущей на Холм нежного сердца, тоже где-то неподалеку. Под деревьями теперь царит крошечная тьма, и Лизи понимает, что почувствует присутствие твари, поджидающей ее, очень и очень скоро. «Она совсем близко, родная моя», — вот что сказал ей Скотт в тот день в Нашвилле, когда лежал на раскаленном асфальте, с пробитым легким, в шаге от смерти. И когда она попыталась уверить его, что не знает, о чем он толкует, он предложил ей не оскорблять его интеллект.

Или ее собственный.

Не важно. Я разберусь с тем, что поджидает меня в лесу, когда (если) возникнет такая необходимость. А сейчас я знаю только одно: Лизи, дочке папани Дебушера, предстоит выложиться по полной. Встретиться с той тварью, о которой и сам Скотт мог мало чего сказать. СОВИСА, любимая, и знаете что? Мне не терпится с ней схлестнуться.

Лизи поднимается по наклонному настилу, который ведет к ступеням и дальше.

— Он меня позвал, — прошептала Лизи.

Одна из женщин, которые стояли у кромки воды, теперь вошла в нее по колено, устремив мечтательный взгляд к горизонту. Ее спутница повернулась к Лизи, брови неодобрительно сошлись у переносицы. Поначалу Лизи не поняла, потом до нее дошло. Людям не нравилось, когда здесь кто-то говорил, и с этим ничего не изменилось. Она уже пришла к выводу, что в Мальчишечьей луне вообще мало что менялось.

Она кивнула, словно нахмурившаяся женщина потренировалась объяснений.

— Мой муж позвал меня по имени, попытался остановить. Одному Богу известно, чего это ему стоило, но он позвал.

Женщина, стоявшая на берегу, со светлыми волосами, однако темными у корней, словно их следовало подкрасить, ответила:

— Помолчите... пожалуйста. Мне нужно... подумать.

Лизи кивнула, ее это устраивало, хотя она и сомневалась, что блондинка способна думать, и вошла в воду. Думала, что вода будет холодной, а на поверку она оказалась чуть ли не горячей. Жар поднялся по ногам и вызвал в половом органе приятные ощущения, каких она уже давно не испытывала. Лизи двинулась дальше, но вода поднялась только до талии. Она сделала еще пять-шесть шагов, оглянулась и увидела, что отошла от берега на добрых десять футов дальше, чем любой из тех, кто решился войти в воду. Вспомнила, что с наступлением темноты хорошая еда превращается в Мальчишечьей луне в плохую. Может, то же самое происходило и с водой? Если и нет, в глубинах пруда могли водиться не менее опасные существа, чем в лесу. Скажем, прудовые акулы. А если так, не подумает ли одна из них, если она зайдет в воду слишком уж далеко, что ужин подан?

Это безопасное место.

Да только говорил Скотт о суше, а она находилась в воде, вот и почувствовала паническое желание вернуться на берег, пока какая-нибудь зубастая подлодка-убийца не отхватила одну из ее ног. Но страх этот Лизи подавила. Она проделала долгий путь, и не один раз, дважды, левая грудь чертовски болела, а потому она хотела в полной мере получить то, за чем пришла.

Лизи глубоко вдохнула, а потом, не зная, чего ожидать, опустилась коленями на песчаное дно, позволив воде закрыть груди — и невредимую, и с жуткой раной. На мгновение левая грудь заболела еще сильнее, заболела так, что выплеск боли едва не снес макушку. Но потом...

13

Он вновь зовет ее по имени, громко и в панике:

— *Лизи!*

Вскрик прорезает дремотную тишину этого места, как стрела с горящим наконечником. Она едва не оглядывается, потому что в крике этом как агония, так и паника, но что-то глубоко внутри предупреждает ее: оглядываться нельзя. Она сделала ставку. Лизи минует кладбище, где кресты блестят в свете поднимающейся луны, достаивает его разве что взгляда, поднимается по ступеням, расправив плечи, вскинув голову, со свернутым, чтобы не споткнуться об него, афганом доброго мамика в руках, и испытывает невероятное возбуждение, которое можно испытать лишь в одном случае: поставив на кон все, что у тебя есть (дом, автомобиль, банковский счет, семейную собаку). Над ней (но не так чтобы высоко) огромная серая скала, вокруг которой идет тропа на Холм нежного сердца. Небо наполнено странными звездами и незнакомыми созвездиями. Где-то горит северное сияние с его меняющимися цвет полотнищами. Лизи, возможно, уже никогда их не увидит, но думает, что не так это и страшно. Она поднимается на послед-

ную ступеньку, не останавливаясь идет дальше, по огибающей скалу тропе, и вот тут-то Скотт тянет ее назад, прижимает к себе. Его знакомый запах никогда еще не казался ей таким приятным. И в этот самый момент она вдруг чувствует — что-то движется слева от нее, движется быстро, не по тропе, а рядом с ней.

— Ш-ш-ш-ш, Лизи, — шепчет Скотт. Его губы так близко, что щекочут ухо. — Ради своей жизни и моей, теперь ты должна вести себя тихо.

Это длинный мальчик Скотта. Ей можно об этом не говорить. Долгие годы она чувствовала его присутствие на заднем плане своей жизни, как чье-то отражение в зеркале, случайно пойманное краем глаза. Или ужасный секрет, упрятанный в подвал. И вот теперь секрет стал явью. В разрывах между деревьями слева от нее скользит (со скоростью поезда-экспресса) высокая стена мяса. В основном гладкая, но кое-где с наростами и впадинами, бородавками или, как она предполагает (не хочет предполагать, но ничего не может с собой поделать), язвами. Ее разум начинает визуализировать какого-то огромного червя, а потом застывает. Тварь за этими деревьями — не червь, отнюдь, тварь эта разумная, потому что Лизи может чувствовать *ее способность думать*. Это не человеческие мысли, Лизи не может их понять, но они зачаровывают именно тем, что отличаются от человеческих.

В нем течет дурная кровь, думает Лизи и содрогается. Дурная кровь, и ничего больше. И мысли эти — тоже дурная кровь. И сам он — дурная кровь.

Идея ужасная, но также и верная. Звук слетает с ее губ, то ли писк, то ли стон. Очень тихий звук, но Лизи видит или чувствует, что скорость движения этого бесконечного поезда-экспресса резко замедляется, словно длинный мальчик Скотта ее услышал.

Скотт тоже это знает. Его рука, обнимающая Лизи под грудью, напрягается. Вновь его губы начинают шевелиться, прижатые к ее ушной раковине.

— Если мы возвращаемся домой, мы должны сделать это прямо сейчас, — шепчет он. Он с ней уже полностью, полностью здесь. Она не знает, в чем причина. То ли в том, что он больше не смотрит на пруд, то ли в том, что Скотт тоже в ужасе. Может, верно и первое, и второе. — Ты понимаешь?

Лизи кивает. Страх ее так велик, что она даже не может ощутить радость от его возвращения к ней. И он жил с этим страхом всю жизнь? Если да, *как* он мог жить с таким страхом? Но даже теперь, охваченная этим невероятным ужасом, она полагает, что знает. Два якоря удерживали его на земле и спасали от длинного мальчика. Один — его писательство. Второй — ее талия, которую он может обхватить руками, и ухо, в которое может шептать.

— Сосредоточься, Лизи. Сейчас. Что есть мочи.

Она закрывает глаза и видит спальню для гостей в их доме на Шугар-Топ-Хилл. Видит Скотта в кресле-качалке. Видит себя, сидящую на ледяном полу у его ног, держа его за руку. За ним окно в корке льда, освещаемое фантастическими сполохами северного сияния. Телевизор включен и вновь показывает «Последний киносеанс». Парни в черно-белой бильярдной Сэма Льва, и Хэнк Уильямс в музыкальном автомате поет «Джамбалайю».

С мгновение она чувствует, как Мальчишечья луна мерцает, но потом музыка в ее разуме, музыка, которая звучала так четко и радостно, стихает. Лизи открывает глаза. Ей отчаянно хочется увидеть дом, но и большая серая скала, и тропа, уходящая под деревья «нежное сердце», еще здесь. И странные звезды по-прежнему смотрят вниз, только теперь хохотуны смолкли, и ветер не шуршит листвой, и даже колокольчик Чаки не позвякивает, потому что длинный мальчик остановился, чтобы прислушаться, и весь мир, кажется, затаил дыхание и прислушивается вместе с ним. Он здесь, слева от них, в каких-то пятидесяти футах, и Лизи чувствует его *запах*. Он пахнет как старые пердуны в туалетах площадок отдыха на автостра-

дах, как номера дешевых мотелей, откуда не выветрится запах табачного дыма и виски, как обоссанные памперсы доброго мамика, когда та впала в старческий маразм. Длинный мальчик остановился за ближайшими деревьями «нежное сердце», прервал свой стремительный марш-бросок сквозь леса, и, Господи, они не возвращаются, они не возвращаются домой, они по какой-то причине застряли здесь.

Шепот Скотта такой тихий, что он вроде бы не произносит ни звука. И если бы не движения губ по ушной раковине, она могла бы поверить, что они общаются телепатически: «Это афган, Лизи... иногда вещи переносятся только туда, но не обратно. Обычно они переносятся в обе стороны. Я не знаю почему, но это так. Я чувствую, что он держит нас здесь. Брось афган».

Лизи разжимает пальцы и позволяет афгану упасть на землю. Звук — всего лишь легкий вздох (с таким доводы против безумия проваливаются в бездонный подвал); но длинный мальчик его слышит. Лизи чувствует изменения в потоке нечитаемых мыслей, чувствует накатывающий вал его безумия. Дерево ломается с оглушающим треском: тварь начинает разворачиваться, Лизи снова закрывает глаза и видит спальню для гостей в их доме, так ясно, как не видела ничего в своей жизни, видит предельно отчетливо, видит сквозь идеальное увеличительное стекло ужаса.

— Сейчас, — шепчет Скотт, и происходит самое невероятное. Она чувствует, как воздух выворачивается наизнанку. И внезапно Хэнк Уильямс поет «Джамбалайо». Он поет...

14

Он пел, потому что телевизор был включен. Теперь она помнила все так же четко, как остальные события своей жизни, и задавалась вопросом, как вообще могла это забыть.

Пора уходить с улицы Воспоминаний, Лизи... пора возвращаться домой.

Как говорится, все из пруда. Лизи получила то́; за чем пришла, получила, погрузившись в последнее жуткое воспоминание о длинном мальчике. Ее грудь все еще болит, но боль уже не яростная, не пульсирующая, просто ноющая. В девичестве грудь ныла куда сильнее, стоило Лизи долгий жаркий день проходить в очень уж тесном бюстгальтере. С того места, где она стояла на коленях, погрузившись в воду до подбородка, она могла видеть, что луна, теперь уже уменьшившаяся в размерах, цветом напоминающая чистое серебро, поднялась почти над всеми деревьями на кладбище, за исключением самых высоких. И тут же у Лизи появился новый страх: а если длинный мальчик вернется? Услышит ее мысли и вернется? Вроде бы это место считалось безопасным, и Лизи полагала, что так оно и есть (по крайней мере безопасным от хохотунов и других тварей, которые могли жить в Волшебном лесу), но она понятия не имела, подчиняется ли длинный мальчик тем правилам, которые не подпускали сюда прочую живность? Почему-то у нее сложилось ощущение, что длинный мальчик... иной. Название старого рассказа-«ужастика» сначала вспыхнуло в мозгу, а затем ударило как колокол: «Ты свистни, тебя не заставлю я ждать»*. А за названием рассказа последовало название единственного романа Скотта Лэндона, который она терпеть не могла: «Голодные дьяволы».

Но прежде чем Лизи двинулась к берегу, прежде чем поднялась с колен, еще одно воспоминание вспыхнуло у нее в голове, совсем недавнее: перед самым рассветом она проснулась в одной кровати со своей сестрой Аmandой и обнаружила, что прошлое и настоящее перемешались. Хуже того, Лизи

* «Ты свистни, тебя не заставлю я ждать» — рассказ английского писателя и ученого Монтегю Роудса Джонса (1862—1936), без произведений которого не обходится ни одна уважающая себя антология классических рассказов-«ужастиков». Название рассказа, написанного в 1904 г., — строка из стихотворения Р. Бернса.

практически поверила, что рядом с ней лежит не сестра, а ее мертвый муж. И в какой-то степени так оно и было. Потому что, пусть существо это лежало в кровати в ночной рубашке Аманды и говорило ее голосом, произносило оно фразы их секретного семейного языка, которые знал только Скотт.

«Кровь-бул идет к тебе», — сказала существо, с которым она лежала в одной кровати, и точно, пришел Черный принц инкунков и достал из пакета ее собственный консервный нож.

«Он придет из-за пурпура. Ты уже нашла три первые станции. Еще несколько, и ты получишь приз».

И какой приз пообещало ей существо, лежавшее в кровати? Напиток. Она предположила — «коку» или «Ар-си», призы Пола, но теперь знала, что речь шла совсем о другом напитке.

Лизи наклонила голову, погрузила избитое лицо в воду, а потом, не позволяя себе думать о том, что делает, дважды быстро глотнула воды. И если стояла она в горячей воде, то в рот попала прохладная, сладкая, освежающая. Она могла бы выпить и больше, но интуиция велела ограничиться двумя глотками. Два — правильное число. Лизи коснулась губ и обнаружила, что раздутость практически сошла на нет. Ее это не удивило.

Не заботясь о сохранении тишины (и не поблагодарив пруд, пока не поблагодарив), Лизи побрела к берегу. Путь этот, похоже, занял целую вечность. Никто уже не ходил по воде, да и на пляже не было ни души. Лизи вроде бы увидела женщину, с которой она говорила, сидящей на одной из скамей, рядом со своей спутницей, но полной уверенности у нее не было. Потому что луна еще не поднялась. Еще какое-то время она смотрела на амфитеатр, взгляд ее зацепился за сидевшую на одном из верхних рядов фигуру, с головой завернутую в кисею. Лунный свет заливал серебром половину фигуры, но тем не менее она поняла: это Скотт, и он наблюдает за ней. И идея эта не показалась ей безумной. Разве не хватило ему воли и силы духа, чтобы прийти к ней, пусть и на несколько

мгновений, перед рассветом, когда она лежала в кровати вместе со впавшей в кому сестрой? Так почему у него не могло возникнуть желания что-то сказать напоследок?

Ей захотелось позвать его по имени, пусть это и означало, что она в опасной близости от грани, которая отделяла нормальную психику от безумия. Уже открыла рот, а вода с мокрых волос текла в глаза, вызывая жжение. До нее донесся едва слышный звон колокольчика Чаки.

И вот тут Скотт заговорил с ней в последний раз:

— *Лизи.*

Бесконечно нежный этот голос. Звал ее по имени, звал домой.

— *Маленькая...*

15

— *Лизи,* — говорит он. — *Любимая.*

Он в кресле-качалке, а она сидит на холодном полу, но дрожит как раз он. Лизи внезапно вспоминает слова бабушки Ди: «Бойтся и дрожит в темноте», — и тут же понимает, что ему просто холодно, потому что желтый афган остался в Мальчишечьей луне. И это еще не все. Вся гребаная комната напоминает холодильник. Тут и раньше было более чем прохладно, а теперь воцарился мороз. Да и свет выключился.

Прекратилось мерное гудение отопительного котла, в окне с морозной корочкой на стекле она видит только яркие цвета северного сияния. Фонарь во дворе Галлоуэев погас. «Поломка в системе подачи электроэнергии», — думает Лизи, но нет, телевизор работает. Парни из Анарена, штат Техас, болтаются в бильярдной, и скоро они поедут в Мексику, а когда вернутся, Сэм Лев уже умрет, его завернут в кисею, и он будет сидеть на одной из этих каменных скамей, выходящих на п...

— Странно, — говорит Скотт. Зубы у него стучат, но она все равно слышит замешательство в его голосе. — Я не включал этот чертов фильм, потому что боялся, что он может тебя разбудить, Лизи. И потом...

Она знает, что это так — когда она пришла сюда и нашла его в кресле-качалке, телевизор не работал, но сейчас у нее куда более важный вопрос:

— Скотт, он может последовать за нами?

— Нет, крошка, — отвечает Скотт. — Не сможет, если не уловил как следует твой запах или не сосредоточился на тво... — Он замолкает. Потому что его, похоже, больше интересует фильм. — Опять же, «Джамбалайя» в этом эпизоде не звучит. Я смотрел «Последний киносеанс» раз пятьдесят и считаю, что, за исключением «Гражданина Кейна»*, это лучший фильм всех времен, но в эпизоде в бильярдной «Джамбалайя» никогда не звучала. Там поет Хэнк Уильямс, все так, но «Ко-Лайгу», песню об индейском вожде. А если телевизор и видеомагнитофон работают, то где гробанный свет?

Он встает с кресла-качалки и щелкает настенным выключателем. Ничего. Сильный холодный ветер с Йеллоунайфа наконец-то добил систему электроснабжения, обесточил Касл-Рок, Касл-Вью, Харлоу, Мортон, Ташмор-Понд и большую часть западного Мэна. В тот самый момент, когда Скотт щелкает бесполезным выключателем, телевизор вырубается. На мгновение картинка становится такой яркой, что режет глаза, а потом исчезает. И в следующий раз, когда он ставит кассету с «Последним киносеансом», выясняется, что десятиминутный отрывок в середине фильма стерт, словно этот кусок пленки попал в сильное электромагнитное поле. И хотя они никогда об этом не заговаривают, и Скотт, и Лизи понимают, что именно Лизи перетащила их обратно, пусть они оба визуализировали спальню для гостей, именно Лизи стала основ-

* «Гражданин Кейн» — классика мирового кинематографа, фильм американского режиссера Орсона Уэллса (1941).

ной движущей силой... и, конечно же, именно Лизи визуализировала старину Хэнка, поющего «Джамбалаю», а не «Коллайгу». Это Лизи вложила столько энергии в визуализацию работающих телевизора и видеомагнитофона в момент их возвращения, что оба устройства продолжали работать еще почти полторы минуты, хотя весь округ Касл уже остался без электричества.

Скотт загружает печку на кухне дубовыми полешками из дровяного ящика, Лизи сооружает на линолеуме постель из надувных матрацев и одеял. Когда они ложатся, он обнимает ее.

— Я боюсь засыпать, — признается она. — Боюсь, что утром, проснувшись, обнаружу, что печь погасла, а тебя опять нет.

Он качает головой.

— Со мной все будет хорошо... во всяком случае, на какое-то время.

Она смотрит на него с надеждой и сомнением.

— Ты что-то знаешь или говоришь это для того, чтобы успокоить свою маленькую жену?

— А как ты думаешь?

Она думает, что это не призрак Скотта, с которым она жила с ноября, но ей трудно поверить в это волшебное превращение.

— Вроде бы тебе получше, но я не знаю, что и думать.

В печи взрывается сучок, и она подпрыгивает. Он крепче обнимает ее. Она сильнее прижимается к нему. Под одеялами тепло. В его объятиях тепло. Он — это все, что ей нужно в темноте.

Скотт говорит:

— Эта... эта болезнь, которая передается в нашей семье по наследству... она приходит и уходит. Как судорога.

— Но она может вернуться?

— Лизи, может, и не вернется. — Сила и уверенность его голоса так поражают, что она смотрит ему в лицо. Не видит двуличности, пусть предназначенной для того, чтобы изгнать

тревогу из сердца жены. — А если и вернется, то не с такой силой, как на этот раз.

— Тебе говорил об этом отец?

— Мой отец мало что знал о тупаках. Раньше я чувствовал притяжение... того места, где ты меня нашла... дважды. Первый раз — за год до нашей встречи. Тогда меня удержала выпивка и рок-музыка. Второй...

— В Германии, — бесстрастно заканчивает Лизи.

— Да, — говорит он. — В Германии. Тогда меня удержала ты, Лизи.

— Как близко ты подошел к опасной черте, Скотт? Как близко ты подошел к ней в Бремене?

— Очень близко, — отвечает он, и у нее все холодеет внутри. Если бы она потеряла его в Германии, то потеряла бы навсегда. *Mein gott*. — То был легкий ветерок в сравнении с третьим разом. На меня обрушился ураган.

Ей хочется задать еще много вопросов, но больше всего хочется обнимать его и верить ему, когда он говорит, что теперь, возможно, все будет хорошо. Так хочется верить врачу, предполагает она, когда тот говорит раковому больному о ремиссии и о том, что болезнь, возможно, уже никогда не вернется.

— И ты в порядке. — Ей нужно услышать, чтобы он сказал это еще раз. *Нужно*.

— Да. Как говорится, готов к труду и обороне.

— А... он? — Уточнять необходимости нет. Скотт знает, о чем она спрашивает.

— Он давно знает и мой запах, и образ моих мыслей. После стольких лет мы, можно сказать, закадычные друзья. Он мог бы забрать меня, если б захотел, но для этого надо приложить усилие, а этот мальчик довольно ленив. И потом... что-то приглядывает за мной. Что-то со светлой стороны. Есть и светлая сторона, знаешь ли. Ты должна знать, потому что сама — ее часть.

— Однажды ты сказал, что мог бы позвать его, если бы захотел. — Эти слова она произносит очень тихо.

— Да.

— И иногда ты хочешь. Да?

Он этого не отрицает, а снаружи воеет холодный ветер. Но под одеялом, рядом с кухонной печью, тепло. С ним тепло.

— Оставайся со мной, Скотт, — говорит она.

— Я останусь, — отвечает он. — Останусь, пока...

16

— Останусь, пока смогу, — повторила Лизи его слова.

И тут же поняла, что вернулась и в спальню, и на кровать. Поняла, что постель придется менять, потому что вернулась вся мокрая, да еще со ступнями, покрытыми песком другого мира. Поняла, что дрожит всем телом, пусть в комнате и тепло. Поняла, что лишилась лопаты с серебряным штыком: оставила ее в другом мире. И, наконец, поняла, что в самый последний момент она скорее всего остановила взгляд на своем муже и практически наверняка больше его не увидит; ее муж стал одной из запеленутых фигур, непохороненным трупом.

Лежа на мокрой постели в пропитанных водой шортах, Лизи разрыдалась. Ей предстояло много чего сделать, и она уже ясно представляла себе, что именно и в какой последовательности (возможно, это и было частью приза, который она получила в конце последней охоты на була), но сначала она хотела окончательно оплакать мужа. Она приложила руку к глазам и, рыдая, пролежала так следующие пять минут, пока глаза не опухли до такой степени, что чуть не закрылись. Да и горло разболелось. Лизи никогда бы не подумала, что будет так сильно хотеть Скотта, что ей так будет его недоставать. Это был шок. И при этом, пусть левая грудь еще чуть болела, Лизи никогда не чувствовала себя так хорошо, никогда так не

радовалась жизни, не ощущала в себе силу раздать всем сестрам по серьгам.

Как говорится.

ГЛАВА 12

ЛИЗИ В «ГРИНЛАУНЕ» («Холлихокс»)

1

Она смотрела на часы на прикроватном столике, стаскивая с себя мокрые шорты и улыбаясь. Улыбку вызвало не расположение стрелок, показывающих, что до этого июньского полудня осталось каких-то десять минут, но вдруг пришедшая в голову фраза Скруджа из «Рождественской песни»: «Духи сделали все это за одну ночь». И вот какая мысль пришла Лизи в голову по этому поводу: *что-то* сумело добиться очень многого в ее собственной жизни за очень короткий период времени, главным образом за несколько последних часов.

«Но нужно помнить, что я жила в прошлом, а оно занимает на удивление много времени в жизни человека», — подумала она... и после короткой паузы расхохоталась. Смех этот мог бы показаться безумным тому, кто услышал бы его из коридора.

«Все нормально, продолжай смеяться, любимая, здесь никого нет, кроме нас, цикад», — думала она, направляясь в ванну. Расхохоталась вновь, резко оборвала смех, подумав, что Дули может быть где-то рядом. Скажем, спрятаться в подвале или в одном из многочисленных чуланов этого большого дома. Может потеть в это жаркое утро на чердаке, аккуратно над ее головой. Она практически ничего о нем не знала, кто бы спорил, но нисколько бы не удивилась, если б Дули дей-

ствительно спрятался в доме. Он уже показал себя смелым сукиным сыном.

«Сейчас незачем о нем волноваться. Волнуйся о Дарле и Канти».

Дельная мысль. Лизи могла приехать в «Гринлаун» раньше старших сестер. Это, конечно, не скачки, но она не могла позволить себе тянуть резину. «Нельзя сбавлять темп», — подумала она.

Но она не смогла отказать себе в удовольствии постоять перед зеркалом в полный рост, на задней стороне двери в ванную, постоять, уперев руки в бока, критически, но без предубеждения оглядывая стройное, ничем не примечательное тело женщины средних лет... и лицо, которое Скотт как-то сравнил с лисьей мордочкой. Лицо чуть припухло, но не более того. Выглядела она так, будто очень уж долго спала (возможно, после того как выпила один, а то и три лишних стаканчика); и губы чуть выворачивались, отчего становились более сексуальными, ей это не нравилось, но притом и забавляло. Лизи замялась, не зная, что можно с этим поделать, потом нашла тюбик губной помады «ревлон» цвета «тепличный розовый», накрасила губы, кивнула, хотя и с легким сомнением. Если люди будут смотреть на ее губы (а она полагала, что будут), лучше дать им на что смотреть, чем пытаться скрыть то, чего не скроешь.

Грудь, которую с таким дьявольским упоением «прооперировал» Дули, теперь украшал отвратительный розовый шрам, который дугой тянулся чуть ли не от подмышки к верхней части грудной клетки. Выглядел шрам так, словно рана появилась две или три недели назад и все это время заживала без всяких осложнений. Две не столь глубокие ранки превратились в красные полоски, которые могли оставить на коже спицы слишком тесного бюстгалтера. Или, если у человека было богатое воображение, веревки. Разница между этими отметинами и тем, что она увидела, когда очнулась, потрясала:

— У Лэндонов все заживает быстро, сукин ты сын, — сказала Лизи и встала под душ.

2

Времени ей хватало лишь на то, чтобы ополоснуться, а поскольку левая грудь все еще ныла, Лизи решила обойтись без бюстгальтера. Надела брюки, свободную футболку, а сверху — жилетку, чтобы никто не тарачился на ее соски при условии, что кому-то охота тарачиться на соски пятидесятилетней женщины. Согласно Скотту, такие желающие находились. Помнится, он сказал ей в более счастливое время, что мужчины нормальной сексуальной ориентации тарачатся на грудь любой женщины в возрасте от четырнадцати до восьмидесяти четырех лет. Он утверждал, что между глазами и членом существует прямая связь, и мозг не имеет к ней никакого отношения.

Наступил полдень. Лизи спустилась вниз, заглянула в гостиную и увидела оставшуюся пачку сигарет на кофейном столике. Но теперь тяга к курению полностью исчезла. Поэтому к сигаретам она не притронулась, зато взяла из кладовой (заходила туда, готовясь столкнуться нос к носу с прячущимся там Дули) новую банку орехового масла «Скиппи», а из холодильника достала клубничный джем. Сделала себе сэндвич (белый хлеб с ореховым маслом и джемом), отправила в рот два больших куска, после чего позвонила профессору Вудбоди. Угрожающее письмо «Зака Маккула» отправилось в управление шерифа округа Касл, но Лизи всегда хорошо запоминала цифры, а с этим номером вообще проблем не было: код Питтсбурга с одного конца, восемьдесят один и восемьдесят восемь с другого. Она с удовольствием поговорила бы и с королевой инкунков, если бы король отсутствовал. А вот автоответчик ее бы не устроил. Нет, сообщение она бы остави-

ла, но не получила бы гарантий, что его успеют вовремя прослушать и оно принесет требуемый результат.

Но волноваться на сей счет ей не пришлось. Трубку снял сам Вудбоди, и в голосе его не было ничего королевского. Зато явно чувствовались тревога и осторожность.

— Да? Алло?

— Привет, профессор. Это Лиза Лэндон.

— Я не хочу говорить с вами. Я консультировался со своим адвокатом, и он заверил меня, что я не должен...

— Остыньте. — Она с вождением смотрела на недоеденный сэндвич, но не могла говорить с полным ртом. Поэтому оставалось только одно: закончить разговор как можно скорее. — Я больше не собираюсь создавать вам проблем. Ни с копами, ни с адвокатами. Если только вы окажете мне одну услугу.

— Какую услугу? — Теперь в голос Вудбоди вкралась подозрительность. Лизи этому не удивилась, по-другому и быть не могло.

— Есть маленький, но шанс, что ваш друг Джим Дули позвонит вам сегодня...

— Он мне не друг! — проблеял Вудбоди.

«Сейчас нет, — подумала Лизи. — И ты уже приложил немало усилий, чтобы убедить себя, что никогда и не был».

— Ладно, собутыльник. Случайный знакомый. Как ни назови. Если он позвонит вам, просто скажите, что я передумала. Сможете вы это сделать? Скажите, что я вняла голосу разума. Скажите, что увижусь с ним этим вечером. В восемь часов в кабинете моего мужа.

— Голос у вас как у человека, который готов навлечь на себя крупные неприятности, миссис Лэндон.

— Да откуда вам это знать, а? — Сэндвич становился все более привлекательным. Желудок Лизи урчал. — Профессор, он скорее всего вам не позвонит. В таком случае вы в шоколаде. Если он все-таки позвонит, передайте ему мои слова, и

вы снова в шоколаде. Но если он позвонит, а вы не передадите ему то, что я сказала: «Она передумала, она хочет увидеться с вами этим вечером, в восемь часов в кабинете Скотти», — и я это выясню... тогда, сэр, я разберусь с вами по полной программе.

— Вы не сможете. Мой адвокат говорит...

— Не слушайте его. Будьте умницей и послушайте меня. Мой муж оставил мне двадцать миллионов долларов. И если я, располагая такими деньгами, решу трахнуть вас в жопу, вы три следующих года будете срать кровью. Я понятно излагаю?

Лизи положила трубку, прежде чем он успел ответить, откусила еще кусок сэндвича, достала из холодильника графин с лаймовым «кулэйдом», подумала о стакане и отхлебнула прямо из горла.

Конфетка!

3

Если бы Дули позвонил в течение нескольких последующих часов, она не смогла бы снять трубку. К счастью, Лизи знала, по какому номеру он будет звонить. Она вернулась в свой кабинет (пусть кабинетом он так и не стал) в амбаре, по другую сторону коридора от накрытого чехлом трупя бременской кровати. Села на простой кухонный стул (красивое новое офисное кресло она так и не успела заказать), нажала на клавишу «ЗАПИСЬ СООБЩЕНИЯ» автоответчика и заговорила, особо не задумываясь над словами. Она вернулась из Мальчишечьей луны не с планом вообще, а с четкой последовательностью его этапов, и потому если бы она сделала положенное ей, то и Дули не оставалось бы ничего другого, как сделать положенное ему. «Я свистну, и ты не заставишь себя ждать, мой мальчик», — подумала Лизи.

— Зак... мистер Дули... это Лизи. Если вы меня слышите, то я навешаю мою сестру, она в больнице, в Обурне. Я разговаривала с профессором и очень рада тому, что мы пришли к взаимоприемлемому решению. Этим вечером я буду в кабинете моего мужа в восемь часов, или вы можете позвонить в семь вечера и мы встретимся где-то еще, если вас тревожит полиция. Помощник шерифа будет дежурить перед домом, может, даже в кустах на другой стороне шоссе, так что будьте осторожны. По возвращении я прослушаю сообщения.

Она опасалась, что в коротком послании ей не удастся выразить все, что хотелось, но удалось. И как бы воспринял послание Дули, если бы позвонил по этому телефону? С учетом его нынешнего уровня безумия Лизи предсказать этого не могла. Нарушит он радиомолчание и позвонит профессору в Питтсбург? Может, и позвонит. Не могла она предсказать и другого, передаст ли профессор ее слова или не передаст, но значения это не имело. Ее не волновало, подумает ли Дули, что она на все готова, или решит, что она пудрит ему мозги. Она лишь хотела заставить его понервничать и разжечь в нем любопытство и пришла к выводу, что такие же чувства испытывает рыба, когда смотрит вверх и видит приманку у поверхности озера.

И ты действительно рассчитываешь, что он появится здесь в восемь вечера, Лизи? Поднимется, вальсируя, по лестнице в кабинет Скотта, окрыленный проявленным тобой доверием?

Она не ожидала, что он придет, вальсируя, не ожидала, что в нем проявятся какие-либо чувства, кроме безумия, с которым она уже познакомилась, но она не сомневалась, что он придет. Конечно же, будет осторожен, как дикий зверь, опасаясь расставленной ловушки, возможно, выскользнет из леса и проникнет в дом или амбар задолго до назначенного срока, но Лизи верила: сердцем он будет знать, что записанное ею послание — не часть операции по его захвату, которую проводило управление шерифа или полиция штата. Он бы понял

это как стремление ублажить, которое наверняка услышал бы в ее голосе, а после того, что он с ней сотворил, у него были все основания полагать, что она станет покорной рабой. Лизи дважды прослушала запись и кивнула. Да, вроде звучит так, словно женщина, произносящая эти слова, хочет как можно быстрее покончить с каким-то доставившим массу хлопот делом, но она подумала, что Дули наверняка услышит подспудные страх и боль. Потому что ожидал их услышать и потому что был безумцем.

Лизи подумала, что на ее стороне играло и кое-что еще. Она получила свой напиток. Она успешно завершила охоту на була, и напиток этот добавил ей какой-то первобытной силы. У Лизи не было уверенности, что сила эта останется с ней надолго, но какая-то ее часть переключалась в запись на пленке автоответчика. И Лизи справедливо полагала, что Дули, если позвонит, услышит эту силу и отреагирует на нее.

4

Ее мобильник все еще был в «BMW» и теперь зарядился полностью. Она подумала о том, чтобы вернуться в маленький кабинет в амбаре и переделать запись на автоответчике, добавить в нее номер своего сотового телефона, потом осознала, что не знает его. «Я так редко звоню себе, дорогой», — подумала она и вновь расхохоталась безумным смехом.

Медленно поехала к выезду на шоссе в надежде, что найдет там помощника шерифа Олстона. Не ошиблась, увидела его, еще более огромного и весьма первобытного. Лизи вылезла из кабины, отсалютовала ему. Он не вызвал подмогу, не убежал, крича во весь голос, увидев ее лицо. Просто широко улыбнулся и поприветствовал ее взмахом руки.

Лизи, конечно же, приходила в голову мысль о том, чтобы рассказать помощнику шерифа, если найдет его на боевом

посту, байку о звонке «Зака Маккула», который сообщил «миссас» о своем решении ретироваться в западную Виргинию, откуда ранее прибыл, и оставить в покое вдову писателя. По той причине, что вокруг слишком много копов-янки. Конечно, она пересказала бы содержимое этого вымышленного телефонного разговора, не копируя выговор Дули, и слова ее звучали бы убедительно, особенно после той записи на автоответчике, но в итоге Лизи отказалась от этой идеи. Потому что ее история могла привести и к обратному результату: шериф Клаттерфак и его помощники усилили бы охрану, подумав, что Дули пытается усыпить их бдительность. И Лизи оставила все как есть. В конце концов, один раз Дули нашел способ подобраться к ней; наверное, ему удастся и вторая попытка. А если они его поймают, все ее проблемы разрешатся наилучшим образом... хотя, по правде говоря, поимка полицией Джима Дули не являлась тем решением, на котором остановила выбор она.

В любом случае ей не хотелось лгать Олстону или Боукмену больше необходимого. Они служили в полиции, прилагали все силы, чтобы защитить ее, а кроме того, были такими милыми деревенскими увальнями.

— Как дела, миссис Лэндон?

— Отлично. Я остановилась, чтобы сказать, что еду в Обурн. Моя сестра там в больнице.

— Грустная история. В Центральной окружной или в Королевской?

— В «Гринлауне».

Она не знала, известно ли ему, что это за больница, но, увидев, как закаменело лицо Олстона, поняла: известно.

— Ну, это очень плохо... однако день для поездки очень неплохой. Вы только постарайтесь вернуться засветло. Вечером обещают сильные грозы, особенно на западе.

Лизи огляделась и улыбнулась, сначала дню, действительно великолепному (во всяком случае, пока) летнему дню, потом помощнику шерифа Олстону.

— Я постараюсь. Спасибо за предупреждение.

— Пустяки. Слушайте, у вас припухла одна сторона носа. Вас кто-то укусил?

— Да, проделки комаров, — ответила Лизи. — Один еще цапнул и за губу. Видите?

Олстон уставился на ее рот, которому не так уж и давно сильно досталось от руки Дули.

— Нет, — ответил он. — Не вижу.

— Хорошо, значит, бенадрил* действует. И пока не вызывает сонливости.

— Если вызовет, сразу сворачивайте на обочину, хорошо? Окажите себе услугу.

— Да, папаня, — ответила Лизи. Олстон рассмеялся. И чуть покраснел.

— Между прочим, миссис Лэндон...

— Лизи.

— Да, мэ. Лизи. Звонил Энди. Он бы хотел, чтобы вы заехали в управление шерифа в удобное для вас время и подали заявление. Вы понимаете, ему необходима официальная бумага. Заедете?

— Да. Постараюсь заглянуть к вам по пути из Обурна.

— Тогда я поделюсь с вами маленьким секретом, миссис Лэн... Лизи. Обе наши секретарши уезжают пораньше в те дни, когда обещают сильный дождь. Они живут рядом с Моттоном, а тамошние дороги при сильном дожде превращаются в бурные потоки. Там давно пора ставить новые водопропускные трубы.

Лизи пожала плечами.

— Постараюсь их застать. — Она демонстративно посмотрела на часы. — Ой, уже так поздно! Мне пора. Если вам понадобится туалет, помощник шерифа Олстон, вы...

— Джо. Если вы — Лизи, то я — Джо.

* Бенадрил — противоаллергический препарат. Одним из побочных эффектов многих препаратов этого класса является сонливость.

Она подняла кулак с оттопыренным сверху большим пальцем.

— Ладно, Джо. Возьмите ключ от двери черного хода под первой ступенькой заднего крыльца. Справа. Подсуньте под нее руку, и вы быстро его найдете.

— Да, я опытный сыщик, — ответил он с ну очень серьезным выражением лица.

Лизи расхохоталась и вскинула руку. Помощник шерифа Джо Олстон, уже улыбаясь, окинул ее взглядом, залитую солнечным светом, стоящую рядом с почтовым ящиком, в котором она нашла дохлую кошку Галлоуэв.

5

По пути в Обурн она какое-то время раздумывала над тем, как помощник шерифа Джо Олстон смотрел на нее, когда они разговаривали у выезда на шоссе. Прошло немало времени с тех пор, как мужчина одаривал ее взглядом «сладенькая, классно выглядишь», но сегодня на нее смотрели именно так, несмотря на припухший нос и все такое. Потрясающе. *Потрясающе.*

— Хочешь стать красивой? Позволь Джиму Дули избить себя; — изрекла Лизи и рассмеялась. — Пожалуй, стоит подумать о рекламе этого способа на телевидении.

И во рту у нее ощущался какой-то удивительно сладкий вкус. Может, в рекламном ролике следовало упомянуть и об этом?

6

В «Гринлаун» Лизи приехала в двадцать минут второго. Она не ожидала увидеть на стоянке машину Дарлы, но тем не менее облегченно выдохнула, убедившись, что среди дюжи-

ны припаркованных автомобилей таковой нет. Ее радовало, что Дарла и Канти находятся к югу от «Гринлауна», далеко от опасного безумия Джима Дули. Лизи вспомнила, как маленькой девочкой (да нет, ей было двенадцать или тринадцать лет... не так уж и мало) помогала мистеру Силверу сортировать картофель и как он всегда предупреждал, что она должна быть в брюках и закатывать рукава, подходя к сортировальной машине, которая стояла в глубине сарая. «Если попадешь в эту крошку, она тебя разденет», — говорил он, и она воспринимала его предупреждение очень серьезно, потому что понимала: старый Макс Силвер говорил о том, что большая машина сделает с *ней самой*, а отнюдь не с *ее одеждой*. Аманда была частью всей этой истории, стала с того самого момента, как объявилась в рабочих апартаментах Скотта, когда Лизи без особой охоты принялась за разбор завалов. А вот Дарла и Канти могли только все усложнить. И если бы Бог хотел проявить великодушие, Он бы надолго задержал их в «Снежном шквале» за лобстером и белым вином, предпочтительно до полуночи.

Прежде чем вылезти из кабины, Лизи правой рукой осторожно прикоснулась к левой груди, заранее морщась от ожидаемой яркой вспышки боли. Но если и почувствовала боль, то совсем слабую. «Бесподобно, — подумала она. — Словно синяк недельной давности. И всякий раз, когда у тебя возникают сомнения в реальности Мальчишечьей луны, Лизи, вспоминай, что он сделал с твоей грудью какими-то пятью часами раньше и какие ощущения ты испытываешь сейчас».

Она вылезла из машины, закрыла ее, нажав кнопку на брелоке охранной сигнализации, постояла, оглядываясь, стараясь хорошенько запечатлеть в памяти это место. По какой причине, она сказать не могла, не смогла бы, даже если бы и хотела. Она словно выполняла некие заданные действия, будто впервые готовила некое блюдо по рецепту в кулинарной книге, и ее это вполне устраивало.

Залитая свежим асфальтом, с только что нанесенной разметкой, автомобильная стоянка «Гринлауна» очень уж напоминала ей другую, на которую ее муж восемнадцать лет назад упал с простреленным легким, и она почти услышала призрачный голос ассистента профессора Роджера Дэшмайла, он же южанин-трусость, который говорил: «Мы пройдем через эту автостоянку к Нельсон-Холлу, где, к счастью, есть кондиционер». Здесь Нельсон-Холла нет, Нельсон-Холл остался в Стране прошлого, как и мужчина, который приехал туда, чтобы вырыть первую лопату земли для котлована под фундамент библиотеки Шипмана.

Над аккуратно подстриженными зелеными изгородями она видела не здание кафедры английского языка и литературы, а гладкий кирпич и яркое стекло сумасшедшего дома двадцать первого столетия, где вполне мог очутиться ее муж, если бы что-то, какая-то болезнь, которую врачи в Боулинг-Грин решили назвать пневмонией (никто не хотел делать запись «причина неизвестна» в соответствующей графе свидетельства о смерти человека, сообщение о кончине которого будет опубликовано на первой странице «Нью-Йорк таймс»), не прикончила его раньше.

С этой стороны зеленой изгороди рос раскидистый дуб. Лизи припарковала «BMW» под деревом, хотя да, она видела облака, собирающиеся на западе, так что помощник шерифа Олстон скорее всего не ошибся насчет грозовых ливней во второй половине дня. Дерево могло бы стать идеальным ориентиром, расти оно в одиночестве, но нет, вдоль зеленой изгороди выстроился целый ряд дубов, и Лизи не могла отличить один от другого... да и какое это имело значение?

Она двинулась к дорожке, которая вела к главному зданию, но что-то внутри нее (голос, который определенно отличался от всех вариаций ее внутреннего голоса) заставило ее обернуться, вновь посмотреть на собственный припаркованный автомобиль и его место на стоянке. Лизи задалась

вопросом: может, это что-то хочет, чтобы она переставила «BMW». Но в таком случае хотелось бы получить более четкие указания. В итоге Лизи ограничилась тем, что решила обойти вокруг автомобиля, тем более что отец говорил, это обязательно нужно сделать перед тем, как отправляться в дальнюю поездку. Только тогда следовало убедиться, что задние фонари не разбиты, все колеса накачаны, глушитель не пробит и так далее. Теперь же она не знала, куда смотреть, на что обращать внимание.

«Может, я просто тяну время, чтобы не идти к ней. Может, в этом все дело».

Но нет. Причина была в другом. А дело, которым она занималась, — важным.

Она внимательно посмотрела на пластину с номерным знаком 5761RD и этой дурацкой гагарой, на совсем выцветшую бамперную наклейку, шутливый подарок Джоди, с надписью: «ИИСУС ЛЮБИТ МЕНЯ, Я ЭТО ЗНАЮ, ПОЭТОМУ ЕЗЖУ БЫСТРО». Ничего больше.

Этого недостаточно, настаивал голос, и вот тут Лизи заметила кое-что интересное в дальнем углу автомобильной стоянки, почти что под живой изгородью. Пустую зеленую бутылку. Пивную бутылку. В этом она практически не сомневалась. То ли уборщики ее пропустили, то ли еще не добрались до этой части автостоянки. Лизи поспешила к изгороди, подняла бутылку, из горлышка которой шел характерный кислый запах. С этикетки — один уголок чуть отклеился — скалила зубы зверюга из семейства собачьих. Согласно той же этикетке, когда-то в бутылке было пиво «Северный волк» класса «Премиум». Лизи вернулась с бутылкой к автомобилю и поставила ее на асфальт, аккуратно под гагарой на пластине.

Кремовый «BMW» — этого недостаточно.

Кремовый «BMW» в тени дуба — тоже недостаточно.

Кремовый «BMW» в тени дуба с пустой бутылкой из-под пива «Северный волк» под пластиной с номерным знаком и

гагарой, символом штата Мэн, плюс, чуть левее, наклейка на бампере с шутливой фразой... вот этого хватало.

На пределе, но хватало.

Для чего?

Лизи это совершенно не волновало.

Она поспешила к главному зданию.

7

Проблем с посещением Аманды не возникло, пусть даже официально к пациентам начинали пускать только с двух часов дня, то есть через тридцать минут. Благодаря доктору Хью Олбернессу (и, разумеется, Скотту) Лизи в «Гринлауне» принимали как знаменитость. Через десять минут после того, как она назвала свое имя на регистрационной стойке, за которой располагалось огромное панно, изображающее детей, взявшихся за руки и уставившихся в ночное небо, ее уже привели на крошечную веранду, примыкающую к комнате Аманды, где она теперь и сидела рядом с сестрой, маленькими глоточками пила мутный пунш из бумажной чашки и наблюдала, как на широкой зеленой лужайке, в честь которой это заведение, несомненно, и получило свое название*, играют в крокет. Где-то стрекотала невидимая глазу газонокосилка. Дежурная медсестра спросила и Аманду, не налить ли ей чашечку «клопомора», и истолковала ее молчание за согласие. Теперь полная чашка стояла на столике, тогда как Аманда, в нежно-зеленой пижаме и ленточке того же цвета, перехватывающей свежесмытые волосы, тупо смотрела вдаль... не на игроков в крокет, думала Лизи, а сквозь них. Руки Аманды лежали на коленях, но Лизи видела ужасный порез на левой, покрытый слоем мази. Лизи трижды пробовала заговорить со старшей

* Гринлаун (Greenlawn) — дословный перевод с английского — зеленая лужайка.

сестрой, но та не отреагировала ни единым словечком. И удивляться этому не приходилось. По словам медсестры, в настоящее время связаться с Аmandой не представлялось возможным. Она не принимала сообщений, отбыла на ленч, в отпуск, на пояс астероидов. Всю жизнь она доставляла ближним немало хлопот, но тут взяла новую высоту, ранее недостижимую даже для нее.

И Лизи, которой через шесть часов предстояло принимать гостя в кабинете ее покойного мужа, такая ситуация совершенно не устраивала. Она глотнула этого практически безвкусного напитка, помечтала о «коке», *verboten** здесь из-за содержащегося в ней кофеина, и отставила чашку. Огляделась, чтобы убедиться, что они одни, наклонилась вперед и убрала руки Аманды с ее колен, стараясь не морщиться от склизкости мази и бугристости затянувшихся порезов под ней. Если прикосновения Лизи и причинили Аманде боль, она ничем не выказала свое неудовольствие. Лицо по-прежнему напоминало маску, словно она спала с открытыми глазами.

— Аманда. — Лизи попыталась встретиться с сестрой взглядом, да только смотрела Аманда в никуда. — Аманда, а теперь послушай меня. Ты хотела помочь мне с тем, что осталось после Скотта, и теперь мне нужна твоя помощь. Мне нужна твоя помощь.

Ответа не последовало.

— Есть один плохой человек. Безумный человек. Чем-то похожий на того сукиного сына Коула из Нашвилла... только сама я с ним разобраться не смогу. Ты должна вернуться из того места, где ты сейчас, и помочь мне.

Нет ответа. Аманда смотрела на игроков в крокет. Сквозь игроков в крокет. Стрекотала газонокосилка. Бумажные чашки с «клопомором» стояли на столике, лишенном острых углов. В этом месте острые углы были *verboten*, как и кофеин.

* запретный, запрещенный (нем.).

— Ты знаешь, что я думаю, Анди-Банни? Я думаю, что ты сидишь на одной из этих каменных скамей вместе с остальными ушедшими тупаками и смотришь на пруд. Я думаю, Скотт видел тебя там во время одного из своих визитов и сказал себе: «Ага, членовредительница. Я узнаю членовредителей, когда вижу их, потому что мой отец был из их племени. Черт, я сам из их племени». А еще он сказал себе: «Эта дама собирается прибыть сюда навсегда раньше положенного срока, если кто-то, образно говоря, не вставит ей палку в колесо». Так оно и есть, Анда?

Никакой реакции.

— Я не могу сказать, предчувствовал ли он появление Джима Дули, но он знал, что ты попадешь в «Гринлаун», так же точно, как берьмо пачкает одеяло. Ты помнишь, Анда, что Дэнди любил иногда так говорить? А когда добрый мамик орала на него, он отвечал, что берьмо — то же «черт возьми», берьмо — совсем не ругательство. Ты помнишь, Анда?

Нет ответа, только пустой, сводящий с ума взгляд.

Лизи подумала о той холодной ночи со Скоттом в спальне для гостей, когда ветер ревел, а небо горело, и наклонилась к Аманде так, что губами практически коснулась уха сестры.

— Если ты меня слышишь, пожми мне руку, — прошептала она. — Пожми что есть силы.

Она ждала, секунды текли. И Лизи уже сдалась, когда почувствовала едва заметное пожатие. Это мог быть мускульный спазм или игра воображения, но Лизи так не думала. Пожатие она истолковала иначе: где-то, невообразимо далеко, Аманда услышала, что сестра выкрикивает ее имя, зовет домой.

— Хорошо, — кивнула Лизи. Сердце ее билось так сильно, что перехватывало горло. — Хорошо. Это начало. Я иду, чтобы вытащить тебя оттуда, Аманда. Я собираюсь привести тебя домой, и ты должна мне помочь. Ты это слышишь? Ты должна мне помочь.

Лизи закрыла глаза и еще крепче сжала руки Аманды, зная, что может причинять боль сестре, но нисколько из-за этого не тревожась. Аманда могла пожаловаться позже, обретя голос, чтобы жаловаться. Если бы смогла обрести голос. Да, но мир соткан из «если», как однажды сказал ей Скотт.

Лизи собрала всю волю в кулак, сконцентрировалась на пруде, каким она его помнила, увидела каменную долину, в которой он находился, увидела треугольный пляж белого песка, вокруг которого амфитеатром располагались скамьи, увидела расщелину в скале и тропу, которая вела на кладбище. Воду она сделала ярко-синей, сверкающей на солнце. Она визуализировала пруд в полдень, потому что уже насмотрелась на Мальчишечью луну в сумерках, спасибо вам большое.

Сейчас, подумала Лизи и принялась ждать, когда начнет выворачиваться воздух и смолкнут звуки «Гринлауна». На мгновение решила, что звуки затихают, тут же поняла, что это игра воображения. Открыла глаза и увидела, что она на той же веранде, где на круглом столике стоит чашка Аманды, полная «клопомора». И Аманда все в той же коме и в той же ярко-зеленой пижаме на липучках. Потому что пуговицы можно проглотить. Аманда с зеленой, под цвет пижамы, лентой в волосах и бездонными океанами в глазах.

Вот тут Лизи охватило сомнение. Может, все, что произошло с ней, — безумие, за исключением, разумеется, Джима Дули? Таким необычным семьям, как Лэндоны, было место в романах В.К. Эндрюс*, а Мальчишечья луна — в детских фантазиях. Она вышла замуж за писателя, который умер раньше нее, вот и все. Однажды она его спасла, но когда он заболел в Кентукки восемью годами позже, она уже ничего не могла поделать, потому что микроба лопатой не отгонишь, не так ли?

Лизи уже разжала пальцы на руках Аманды, но тут же сжала их вновь. Каждая частичка ее сильного сердца и не менее силь-

* Эндрюс Вирджиния Клио (1923—1986) — американская писательница, автор «готических» романов.

ной воли поднялась, протестуя. *Нет! Все было! Мальчишечья луна реальна! Я побывала там в 1979 году, до того, как вышла за Скотта замуж, отправилась туда в 1996-м, чтобы найти Скотта, когда его требовалось найти, чтобы привести Скотта назад, когда требовалось его привести, и я оказалась там этим утром. Если у меня возникают сомнения, все, что мне нужно сделать, так это сравнить, какую боль в левой груди я испытывала, когда с ней поработал Дули, и что я испытываю сейчас. Причина, по которой я не могу попасть туда...*

— Африкан, — пробормотала Лизи. — Он говорил, что африкан держит нас, как якорь, но не знал почему. Ты держишь нас здесь, Анди? Какая-то испуганная, упрямая часть тебя держит нас здесь? Держит меня здесь?

Аманда не ответила, но Лизи подумала, что именно так оно и есть. Часть Аманды хотела, чтобы Лизи пришла к ней и перенесла обратно, но была и другая часть, которая отказывалась от спасения. Этой части хотелось навсегда покончить и с этим мерзким миром, и с проблемами этого мерзкого мира. Этой части очень даже нравилось получать ленч через трубочку, опорожнять кишечник в памперс и проводить теплые дни здесь, на маленькой веранде, сидя в пижаме с застежками-липучками, глядя на зеленую лужайку и игроков в крокет. А на что в действительности смотрела Анда?

На пруд.

Пруд утром, пруд во второй половине дня, пруд на закате, пруд, поблескивающий под звездами и луной, с легкими щупальцами тумана, поднимающимися с его поверхности, как грезы амнезии.

Лизи ощутила, что во рту у нее по-прежнему сладкий привкус, как обычно бывало по утрам, в первый момент после пробуждения, и подумала: «Это вода из пруда. Мой напиток. Мой приз: Два глотка. Один для меня и один...»

— Один для тебя, — сказала она. И тут же ей стало совершенно ясно, каким должен быть ее следующий шаг. Она даже

задалась вопросом, ну почему она потратила впустую столько времени. Все еще держа Аманду за руки, Лизи наклонилась вперед так, чтобы ее лицо оказалось перед лицом сестры. Глаза Аманды по-прежнему смотрели в никуда под коротко стриженными седеющими кудряшками, казалось, она смотрит сквозь Лизи. И только когда ладони Лизи заскользили вверх, к локтям Аманды, чтобы пригвоздить ее к месту, а потом Лизи прижалась губами к губам сестры, глаза Аманды широко раскрылись, потому что она все поняла. Только тогда Аманда начала вырываться, но опоздала. Рот Лизи наполнился сладостью, когда вода последнего глотка из пруда проделала обратный путь. Лизи пустила в ход язык, чтобы раздвинуть губы Аманды, и, чувствуя, как вода второго глотка, выпитого ею из пруда, перетекает из ее рта в рот сестры, с предельной ясностью увидела его в идеальной дневной красоте и удвоила усилия, концентрируясь на этой «картинке». Она смогла ощутить ароматы красного жасмина и бугенвиллии, смешанные с масляным запахом, который, она знала, источали днем дерева «нежное сердце». Она смогла ощутить горячий песок под ногами, ее босыми ногами, потому что кроссовки в путешествие не отправились. Кроссовки — нет, а она — да, она это сделала, она перебралась на другую сторону, она...

8

Лизи вернулась в Мальчишечью луну стоящей на теплом песке небольшого пляжа. На этот раз над головой светило яркое солнце, и его лучи отражались от воды не тысячами, а миллионами солнечных зайчиков. Потому что эта водная гладь заметно прибавила в размерах. Какие-то мгновения Лизи как зачарованная смотрела на воду и покачивающийся на ней огромный старинный парусник. И пока смотрела,

внезапно осознала смысл одной фразы, которую услышала в кровати Аманды.

«Какой я получу приз?» — спросила Лизи, и существо, Скотт и Аманда в одном лице, ответило, что призом будет напиток. А когда Лизи попыталась уточнить, какой именно, «кока» или «Ар-си», существо ответило: «Помолчи. Мы хотим полюбоваться холлихоксом». Лизи предположила, что речь идет о кустарнике, шток-розе. Напрочь забыла, что у этого слова когда-то было другое значение. Магическое.

Этот корабль, который покачивался на синей, сверкающей под солнцем воде... вот про что говорила Аманда... и тогда это была Аманда; Скотт, конечно же, не мог знать об этом удивительном волшебном корабле детских грез.

Так что смотрела Лизи сейчас не на пруд; перед ней лежала бухта, в которой стоял на якорё только один корабль, корабль, созданный для девочек-пиратов, которые решились отправиться на нем на поиски сокровищ (или бойфрендов). А их капитан? Ну конечно же, бесстрашная Аманда Дебушер, никаких сомнений, вот почему этот парусник был счастливейшей трезой Анды. Когда-то давно, до того, как она надела маску злости, скрывающую страх внутри.

Помолчи. Мы хотим полюбоваться «Холлихоксом».

Ох, Аманда, подумала Лизи... и ее охватила грусть. Это был пруд, к которому мы все приходим, чтобы утолить жажду, за каждым глотком воображения, но, разумеется, каждый из нас видит его не совсем так, как другие. Вот и версией Аманды стала детская фантазия. Скамьи, однако, оставались прежними, и Лизи предположила, что они-то как раз реальные. Сегодня она увидела на них двадцать или тридцать человек, все они не спускали глаз с воды, и примерно столько же фигур, завернутых в кисею. При солнечном свете последние уж очень напоминали насекомых, оплетенных паутиной.

Она быстро обнаружила Аманду, которая сидела рядах в десяти от воды. Лизи пришлось обойти двух зачарованных,

не отрывающих глаз от пруда, и одну пугающую спеленутую фигуру, чтобы добраться до Аманды. Села рядом, вновь взяла ее за руки, уже без порезов, даже без шрамов. А потом, когда Лизи держала руки сестры, пальцы Аманды очень медленно, но решительно переплелись с ее пальцами. И Лизи вдруг осознала, что Аманде больше не требуется глоток воды из пруда, нет никакой нужды вести ее вниз. Она осознала, что Аманда все-таки хотела вернуться домой. Большая ее часть ждала спасения, как спящая принцесса из сказки... или девочка-пират, попавшая в руки врагов. А сколько других, не завернутых в кисею, пребывали в аналогичном положении? Лизи видела их внешне спокойные лица и пустые глаза, но это не означало, что внутри они не исходили криком, зовя на помощь тех, кто мог помочь им вернуться домой.

Лизи, которая могла помочь только своей сестре (*возможно, могла*), отогнала прочь эту мысль.

— Аманда, — обратилась она к сестре, — мы собираемся вернуться, но ты должна в этом поучаствовать.

Поначалу ответа не последовало. Потом Аманда заговорила, очень тихо, очень медленно, словно еще не проснувшись:

— Ли-изи? Ты пила... этот говняный пунш?

Лизи рассмеялась, ничего не смогла с собой поделать.

— Чуть-чуть. Из вежливости. Теперь посмотри на меня.

— Не могу. Я смотрю на «Холлихокс». Собираюсь стать пиратом и плавать... — голос становился все тише, — ...по семи морям... сокровища... острова Людоедов*...

— Это все выдумки, — отчеканила Лизи. Она ненавидела твердость в голосе — все равно что заносить меч над лежащим на траве младенцем, который никому не причинил вреда. Потому что речь шла о детской мечте. — То, что ты видишь, — попытка этого места удержать тебя здесь. Это всего лишь... всего лишь бул.

Удивив ее... удивив и причинив боль, Анда ответила:

* Острова Людоедов — прежнее название архипелага Фиджи.

— Скотт говорил мне, что ты попытаешься прийти. Если мне понадобится твоя помощь, ты попытаешься прийти.

— Когда, Анда? Когда он тебе это говорил?

— Ему тут нравилось. — Аманда глубоко вздохнула. — Пальчи Муна... что-то в этом роде. Говорил, что полюбить это место легко. Очень легко.

— Когда, Анда, когда он тебе это сказал? — Лизи хотелось трясти ее.

Аманда предприняла невероятное усилие... улыбнулась.

— В последний раз, когда я порезала себя. Скотт заставил меня вернуться домой. Он сказал... вы все ждете меня.

Теперь многое для Лизи прояснилось. Слишком поздно, чтобы что-то изменить, разумеется, но все-таки лучше знать, чем пребывать в неведении. И почему он ничего не сказал своей жене? Потому что знал, маленькая Лизи в ужасе от Мальчищечей луны и тварей (особенно одной твари), которые там обитали? Да. Потому что чувствовал, в должное время она все узнает сама? Опять-таки да.

Аманда вновь повернулась к паруснику, который покачивался в бухте, заменяющей ей пруд Скотта. Лизи тряхнула ее за плечо.

— Ты должна мне помочь, Анда. Есть безумец, который хочет причинить мне боль, и ты нужна мне для того, чтобы вставить палку ему в колесо. И *сейчас* мне нужна твоя помощь!

Аманда посмотрела на Лизи, и удивление, отразившееся на ее лице, вызывало смех. Сидевшая ниже женщина в халате с поясом — в одной руке она держала фотографию улыбающегося, с дырами выпавших зубов ребенка — повернулась и медленно, с большими паузами между словами, заговорила:

— Помолчите... немного... я... думаю... почему... это... сделала.

— Играйся в своей песочнице, Бетти, — резко осадил ее Лизи. Вновь повернулась к Аманде и с облегчением увидела, что сестра по-прежнему смотрит на нее.

— Лизи, кто...

— Безумец. Появился из-за чертовых бумаг и рукописей Скотта. Только теперь его интересую я. Он причинил мне боль этим утром — и причинит снова, если я... если мы не... — Голова Аманды стала поворачиваться к паруснику, покачивающемуся на якоре в бухте, Лизи схватила сестру и развернула так, чтобы они опять смотрели друг на друга. — Слушай меня, орясина.

— Не называй меня оря...

— Слушай меня, тогда не буду. Ты помнишь мой автомобиль? Мой «BMW»?

— Да, но, Лизи...

Глаза Аманды все старались сместиться к воде. Лизи могла бы повернуть ее голову, но интуиция подсказывала ей, что это не выход. Если она действительно хотела забрать отсюда старшую сестру, сделать это предстояло посредством голоса, воли, однако решающим фактором было желание Аманды вернуться.

— Анда, этот человек... может не только причинить боль. Если ты мне не поможешь, я думаю, есть шанс, что он меня убьет.

Вот теперь Аманда посмотрела на нее в удивлении и замешательстве.

— Убьет?..

— Да. Да. Я обещаю все объяснить, но не здесь. Если мы здесь задержимся, все закончится тем, что я буду тарашиться на «Холлихокс» вместе с тобой. — И Лизи не кривила душой. Она чувствовала притяжение этого места, которое очень хотела, чтобы она посмотрела на парусник. И если бы она уступила, двадцать лет могли пролететь как двадцать минут, и до конца своих дней она и ее большая сисса Анди-Банни сидели бы здесь, дожидаясь посадки на пиратский корабль, который звал и звал, но не плавал.

— Мне придется пить этот говняный пунш? Этот... — Аманда нахмурилась, силясь вспомнить. Потом морщины на лбу разгладились. — Этот «клопо-омор»?

Неуверенное, детское произношение слова заставило Лизи вновь рассмеяться. И вновь женщина в халате и с фотографией в руке повернулась к ним. Аманда порадовала Лизи, одарив женщину взглядом: «Чего тарачишься, сука?» — а потом показав ей «птичку»*.

— Придется, Лизи?

— Никакого пунша, никакого «клопомора», я обещаю. А теперь просто думай о моем автомобиле. Ты знаешь, какого он цвета? Ты уверена, что помнишь?

— Кремового. — Губы Аманды стали чуть уже, а на лице появилось выражение «не-нужно-держаться-меня-за-дуру». Лизи неслышанно этому обрадовалась. — Я говорила тебе, когда ты его купила, что на таком цвете грязь видна лучше всего, но ты и слушать не стала.

— Ты помнишь наклейку на бампере?

— Шутка насчет Иисуса? Рано или поздно какой-нибудь рассерженный христианин сдерет ее. Да еще оставит на память пару-тройку царапин.

Сверху раздался голос мужчины, крайне недовольный:

— Если вам нужно поговорить. Идите. Куда-нибудь еще.

Лизи не стала ни поворачиваться, ни показывать «птичку».

— На наклейке написано: «ИИСУС ЛЮБИТ МЕНЯ, Я ЭТО ЗНАЮ, ПОЭТОМУ ЕЗЖУ БЫСТРО». Аманда, я хочу, чтобы ты закрыла глаза и увидела мой автомобиль. Увидела сзади, вместе с наклейкой. Увидела в тених дерева. Тени двигаются, потому что день ветреный. Сможешь ты это сделать?

— Д-да... думаю, смогу... — Глаза сместились, чтобы еще раз с вожделением посмотреть на корабль в бухте. — Думаю, да,

* «Птичка» — поднятый кулак с выставленным вверх средним пальцем.

и если благодаря этому удастся не позволить кому-то причинить тебе боль... Хотя я не понимаю, как это может быть связано со Скоттом. Он уже два года как умер... впрочем... я думаю, он что-то говорил мне насчет афгана доброго мамика, и я думаю, он хотел, чтобы я передала его слова тебе. Разумеется, я не передала. Я так много забыла о тех случаях... сознательно, полагаю.

— Каких случаях? Каких случаях, Анда?

Аманда посмотрела на свою младшую сестру так, словно та сморозила какую-то невероятную глупость.

— Тех случаях, когда я резала себя. После последнего случая... когда я чуть не вырезала себе пупок... мы были здесь. — Аманда надавила пальцем щеку, создав временную ямочку. — Что-то насчет истории. Твоей истории, истории Лизи. И афгане. Только он называл его африканом. Он говорил, что это буп? Бип? Бун? Может, мне все это приснилось.

Эта неожиданная новость потрясла Лизи, но не отвлекла от поставленной цели. И если она хотела вытащить отсюда Аманду (и себя тоже), действовать следовало незамедлительно.

— Сейчас речь не об этом, Анда, просто закрой глаза и постарайся увидеть мой автомобиль. Каждую деталь, какую сможешь вспомнить. Остальное сделаю я.

Надеюсь, подумала Лизи и, увидев, что Аманда закрыла глаза, последовала ее примеру. Теперь она знала причину, по которой так пристально разглядывала автомобиль: чтобы они могли вернуться на стоянку, а не в комнату Аманды, которая немногим отличалась от тюремной камеры.

Она увидела свой кремовый «BMW» (и Аманда была права, грязь на таком цвете очень уж выделялась), потом оставила эту часть «картинки» сестре. Сосредоточилась на том, чтобы добавить номерной знак 5761RD на пластине и *piece de resistance** бутылку из-под пива «Северный волк», стоящую на асфаль-

* самое главное (фр.).

те чуть левее наклейки «ИИСУС ЛЮБИТ МЕНЯ, Я ЭТО ЗНАЮ, ПОЭТОМУ ЕЗЖУ БЫСТРО» на бампере. Лизи «картинка» показалась идеальной, однако воздух по-прежнему наполняли экзотические ароматы, а до ушей доносился какой-то необычный звук, как она предположила, шуршание парусины под легким ветром. И зад чувствовал прохладу каменной скамьи, вот Лизи и запаниковала: «А вдруг на этот раз вернуться не удастся?»

Потом, вроде бы издалека, донесся раздраженный шепот Аманды:

— Черт. Я забыла про эту гребаную гагару на номерном знаке.

А мгновением позже шуршание паруса слилось со стрекотанием газонокосилки, потом исчезло. И стрекотание отдалилось, потому что...

Лизи открыла глаза. Она и Аманда стояли на автостоянке позади ее «BMW». Аманда все еще держала руки Лизи, глаза ее оставались закрыты, брови сдвинулись к переносице: Аманда по-прежнему держала в голове «картинку». Она была в ярко-зеленой пижаме, застегнутой на липучки вместо пуговиц, но босиком, и Лизи уже знала, что увидит дежурная медсестра, когда вновь заглянет на веранду комнаты Аманды, где оставила Аманду Дебушер и ее сестру Лизи Лэндон: два пустых стула, две чашки из вощеной бумаги, одну пару шлепанцев и одну пару кроссовок с носками.

А потом, и много времени на это не уйдет, медсестра поднимет тревогу.

Вдалеке, в стороне Касл-Рока и Нью-Хэмпшира, громыхнуло. Приближалась летняя гроза.

— Аманда, — позвала Лизи, и у нее появился новый страх: сейчас Аманда откроет глаза, а в них будет та же пустота, ничего, кроме бездонных океанов пустоты.

Но глаза говорили о том, что Аманда полностью отдает себе отчет, где находится, хотя и ошарашена случившимся. Она

оглядела автомобильную стоянку, «BMW», сестру, наконец перевела взгляд на себя.

— Перестань так сильно сжимать мне руки, Лизи. Они чертовски болят. И мне нужна одежда. Эта жуткая пижама просвечивает, а на мне нет трусиков, не говоря уже о бюстгальтере.

— Одежду мы купим, — ответила Лизи, а потом, охваченная паникой, хлопнула рукой по правому переднему карману брюк, облегченно выдохнула: бумажник на месте. Но облегчение длилось недолго. Брелок охранной сигнализации и ключ зажигания, которые она положила в левый карман — знала, что положила, всегда клала, — исчезли. Не перенеслись вместе с ней. Лежали сейчас или на веранде, примыкающей к комнате Аманды, вместе с кроссовками и носками, или...

— Лизи! — вскрикнула Аманда, схватив сестру за руку.

— Что? *Что?* — Лизи огляделась, но, судя по всему, на автостоянке они были одни.

— Я действительно пришла в себя! — просипела Аманда. В ее глазах стояли слезы.

— Я знаю. — Лизи не могла не улыбнуться, пусть и тревожилась из-за того, что лишилась доступа к «BMW». — И это прекрасно.

— Пойду за одеждой. — Аманда решительно двинулась к зданию «Гринлауна», и Лизи едва успела схватить ее за рукав. Для женщины, только что лежавшей в коме, большая сисса Анди-Банни проявляла удивительную живость: прямо-таки форель на заходе солнца.

— Забудь об одежде, — отрезала Лизи. — Если ты туда вернешься, я гарантирую, что тебя оставят там как минимум на ночь. Ты этого хочешь?

— *Нет!*

— Хорошо, потому что ты мне нужна. К сожалению, ехать нам придется на городском автобусе.

Аманда чуть не сорвалась на крик:

— Ты хочешь, чтобы я ехала в автобусе в таком виде? Да я выгляжу как гребаная стриптизерша!

— Аманда, у меня нет ключа от автомобиля. Он или на веранде рядом с твоей комнатой, или на скамье... ты помнишь скамьи?

Аманда с неохотой кивнула, потом спросила:

— Разве ты не держала запасной ключ в какой-то магнитной шутовине, прикрепленной под задним бампером своего «лексуса»? Вот у того твоего автомобиля цвет, кстати, был самый подходящий для северного климата.

Шпильку Лизи пропустила мимо ушей. Скотт подарил ей «магнитную шкатулку» на день рождения пять или шесть лет назад, и, пересаживаясь на «BMW», она взяла с собой маленькую металлическую коробочку, положила в нее запасной ключ и закрепила под задним бампером. Оставалось только надеяться, что коробочка не отлетела на какой-нибудь колдобине. Лизи опустила руку на колено, сунула руку под задний бампер, поводила взад-вперед и, когда уже начала отчаиваться, нащупала.

— Аманда, я тебя люблю. Ты — гений.

— Отнюдь, — ответила Аманда со всем достоинством, которое могла позволить себе босоногая женщина в тонкой зеленой пижаме. — Всего лишь твоя старшая сестра. Теперь мы можем сесть в машину? Потому что асфальт очень горячий даже в тени.

— Будь уверена, — ответила Лизи, нажав на кнопку брелока, висевшего на одном кольце с запасным ключом. — Мы должны выметаться отсюда, только, черт, мне ужасно не хочется... — Она замолчала, коротко рассмеялась, покачала головой.

— Что? — спросила Аманда тоном, каким обычно задается другой вопрос: «Ну что еще?»

— Ничего. Просто... я вдруг вспомнила, что сказал мне отец вскоре после того, как я получила водительское удостове-

ние. Я привезла целую компанию с Белого берега и... ты помнишь Белый берег, не так ли? — Они уже сидели в кабине и Лизи выезжала из тени. Пока в этой части мира царили тишина и покой, и ей хотелось, чтобы до их отъезда ничего здесь не менялось.

Аманда фыркнула и пристегнула ремень безопасности — очень осторожно, чтобы не задеть порезы на руках.

— Белый берег! Ха! Старый гравийный карьер, на дне которого бил родник! — Презрение на лице тут же сменилось вожделением. — Ничего похожего на песок бухты Южного ветра.

— Ты *так* называешь это место? — с неподдельным любопытством спросила Лизи. Она остановилась у выезда с автостоянки, дожидаясь разрыва в транспортном потоке, чтобы повернуть налево по Майно-авеню и проехать обратно к Касл-Року. Машин на дороге хватало, и Лизи с трудом подавила желание повернуть направо, только для того чтобы уехать с автостоянки.

— Разумеется. — По голосу Аманды чувствовалось недовольство забывчивостью Лизи. — За припасами «Холлихокс» всегда заходил в бухту Южного ветра. Там же девушки-пираты встречались со своими бойфрендами. Или ты не помнишь?

— Вроде бы да, — ответила Лизи, гадая, услышит ли она вой сирен, которые включают, узнав об исчезновении Аманды. Решила, что нет. Нельзя же пугать других пациентов. Заметила маленький разрыв и бросила в него «BMW», заработав гудок нетерпеливого водителя, которому пришлось сбавить скорость, чтобы избежать столкновения.

Аманда, не оборачиваясь, показала водителю (несомненно, мужчине, возможно, в бейсболке и с щетиной на щеках) двойную «птичку», вскинула оба кулака с оттопыренными средними пальцами на уровень плеч.

— Ловко у тебя получается, — заметила Лизи. — Когда-нибудь тебя за это изнасилуют и убьют.

Аманда скосила в ее сторону озорной глаз.

— Кто бы говорил, — и добавила практически без паузы: — Так что сказал Дэнди, когда ты вернулась домой с Белого берега? Готова спорить, что-нибудь глупое.

— Он увидел, как я вылезая из старого «понтиака» без кроссовок или сандалий, и сказал, что в штате Мэн водить автомобиль босиком запрещено законом, — и Лизи бросила короткий, виноватый взгляд на босую ногу, придавливающую педаль газа.

Аманда издала какой-то странный, хрюкающий звук. Лизи подумала, что сестра плачет или пытается заплакать. Потом поняла, что Аманда смеется. Заулыбалась и сама, отчасти потому, что увидела впереди указатель поворота на шоссе 202, которое позволяло объехать город и избежать пробок.

— Каким же он был дураком. — Слова с трудом прорывались сквозь смех. — Дэнди Дейв Дебушер! С сахаром вместо мозгов! Знаешь, что он мне однажды сказал?

— Нет, что?

— Плюнь, если хочешь узнать.

Лизи нажала клавишу, опускающую стекло, плюнула, вытерла еще чуть припухшую нижнюю губу ладонью.

— Что, Анда?

— Сказал, что я забеременею, если буду целоваться с парнем с открытым ртом.

— Чушь, не мог он такого сказать!

— Это правда, и знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— У меня сложилось ощущение, что *он в это верил!*

И они обе расхохотались.

Глава 13

ЛИЗИ И АМАНДА

(Между нами, сестрами)

1

Заполучив в помощницы Аманду, Лизи уже и не понимала, как именно воспользоваться ее услугами. Раньше, по пути в «Гринлаун» и в самом «Гринлауне», она точно знала, что именно и в какой последовательности нужно делать, а вот теперь, когда они мчались к Касл-Рок и грозовым облакам, которые собирались над Нью-Хэмпширом, прежняя ясность пропала. Не сомневалась Лизи лишь в одном: она только что похитила свою вроде бы пребывающую в коме сестру из одного из лучших дурдомов (прости, Господи) центрального Мэна.

Аманде, впрочем, делать там было нечего. Лизи видела: оснований бояться, что сестра вновь впадет в прежнее состояние, нет. Наоборот, она давно уже не видела Аманду Дебушер в такой отличной форме. Выслушав рассказ Лизи о случившемся между ней и Джимом «Заком» Дули, Анди изрекла:

— Значит, поначалу он появился у тебя из-за рукописей Скотта, но теперь его больше интересуешь ты, потому что он — безумец, которому нравится мучить женщин. Как тому психу из Уичито — Рейдеру*.

Лизи кивнула. Дули не изнасиловал ее, но помучил, это точно. Что удивляло, так это легкость, с которой Аманда оце-

* Рейдер Деннис Линн (р. в 1945) — с 1974-го по 1991 г. совершил десять убийств. Придумал себе прозвище СПУ (связать, помучить, убить). Арестован в январе 2005 г. Приговорен к 10 пожизненным срокам (в Канзасе смертная казнь отменена). По его словам, предложил одной из жертв стакан воды, чтобы успокоить ее перед смертью.

нила ситуацию, в которую попала Лизи, даже сравнила Дули с Рейдером... которого Лизи и не вспомнила. Конечно, Анда воспринимала случившееся с позиции стороннего наблюдателя, но голова у нее работала как часы.

Впереди показался указатель с надписью: «КАСА-РОК 15 МИЛЬ». Едва они миновали его, как солнце уплыло за облака. И когда сидящая рядом с ней Аманда заговорила вновь, голос ее звучал куда спокойнее:

— Ты хочешь сделать это с ним до того, как он сделает то же самое с тобой, не так ли? Убить его и избавиться от тела в другом мире? — Впереди прогремел гром.

«Все останется между нами, сестрами? — подумала Лизи. — Это наше дело, и ничье больше?»

— Почему, Лизи? Почему такой вариант, а не более очевидный, которым ты могла бы воспользоваться?

— Он причинил мне боль. Он меня затрахал. — Она не узнавала себя, но раз уж все это должно было остаться между ними, а Лизи полагала, что так оно и будет, говорила со всей искренностью. — И вот что я тебе скажу, дорогуша: следующий раз, когда он попытается меня трахнуть, станет для него последним разом. И больше уже никому не придется иметь с ним дело.

Аманда смотрела прямо перед собой, на убегающую под капот дорогу, сложив руки под маленькой грудью. Наконец она нарушила паузу, обращаясь скорее к себе, чем к Лизи:

— Ты всегда была стальным стержнем в его позвоночнике.

Лизи глянула на нее не просто удивленная — потрясенная.

— В чем?

— Скотта. И он это знал. — Она подняла руку, посмотрела на красный шрам. Потом на Лизи. — Убьем его. — В голосе звучало леденящее кровь безразличие. — Не вижу в этом проблемы.

Лизи сглотнула слюну и услышала, как в горле что-то щелкнуло.

— Послушай, Анда, в действительности я не очень-то представляю себе, что делаю. Ты должна знать это с самого начала. Я, можно сказать, в слепом полете.

— Как бы не так, прекрасно ты все знаешь, — чуть ли не игриво ответила Аманда. — Ты оставила сообщения, что будешь ждать его в кабинете Скотта в восемь вечера, одно на автоответчике, второе — у профессора, на случай, если Дули позвонит ему. Ты собираешься его убить, и это правильно. Ты же дала копам шанс, не так ли? — И продолжила, прежде чем Лизи успела ответить: — Конечно же, дала. И этот парень проскочил мимо них. Чуть не отрезал тебе сиську твоим же консервным ножом.

Лизи обогнула поворот и едва не въехала в огромный лесовоз. За таким же ей пришлось тащиться в тот день, когда они с Дарлой возвращались домой, определив Аманду в «Гринлаун». Лизи нажала на педаль газа босой ногой, вновь почувствовав себя виноватой. Идеи, заложенные с юных лет, никак не хотят умирать.

— Скотту хватало твердости характера.

— Да. И он использовал весь запас твердости, чтобы выбраться из детства живым.

— Ты что-нибудь об этом знаешь? — спросила Лизи.

— Ничего. Он никогда не рассказывал о том, какая жизнь была у него в детстве. Думаешь, я не заметила? Может, Дарла и Канти на это внимания не обращали, а я обратила, и он знал, что обратила. Мы понимали друг друга, Лизи, как могут понимать друг друга два человека, которые на большой пьянке не берут ни капли в рот. Думаю, именно поэтому он и заботился обо мне. И я знаю кое-что еще.

— Что?

— Поскорее обгони этот грузовик, а не то я задохнусь в его выхлопных газах.

— Я вижу только небольшой участок дороги. Не хочу столкнуться со встречной...

— Того, что ты видишь, достаточно. А кроме того, Бог ненавидит трусов. — Короткая пауза. — Такие люди, как Скотт и я, прекрасно это знают.

— Анда...

— Обгони его! Я задыхаюсь!

— Я все-таки не думаю...

— У Лизи бойфренд! Лизи и Зек, на дереве, Ц-Е-Л-У...

— Оряси́на, ты меня достала.

Аманда засмеялась:

— Губки-сиськи у маленькой Лизьки.

— Если будет встречная...

— Сначала идет любовь, потом замужество и, наконец,

Лизи с...

Не позволяя себе думать о том, что делает, Лизи придавила педаль газа «бумера» босой ногой и вывернула руль, выезжая на полосу встречного движения. Уже поравнялась с кабиной грузовика-лесовоза, когда другой лесовоз появился на вершине холма, накатывая на них.

— Ох, черт, кому-то я не нравлюсь, сейчас нас размажут по асфальту. — Аманда уже не смеялась, а ржала в полный голос. Начала смеяться и Лизи. — Дави на газ, Лизи!

Лизи надавила. «BMW» послушно рванул вперед, и они вернулись на свою полосу движения задолго до того, как сблизилась со встречным лесовозом. Дарла, отметила Лизи, в такой ситуации принялась бы орать как резаная.

— Теперь ты счастлива? — спросила она старшую сестру.

— Да. — Аманда положила левую руку на правую Лизи, погладила, заставляя чуть разжать пальцы, которые мертвой хваткой держали рулевое колесо. — Рада тому, что я здесь, очень

рада, что ты пришла за мной. Не вся я хотела вернуться, но большая моя часть... ну, не знаю, грустила из-за того, что я ушла. И боялась, что скоро я наплюю на все это. Так что спасибо тебе, Лизи. ...

— Благодарю Скотта. Он знал, что тебе потребуется помощь.

— Он знал, что помощь потребуется и тебе. — Голос Аманды звучал очень мягко. — И, готова спорить, он знал, что только одной из твоих сестер достанет безумия, чтобы помочь.

Лизи оторвала взгляд от дороги, чтобы посмотреть на Аманду.

— Ты и Скотт говорили обо мне, Аманда? Вы говорили обо мне там?

— Мы говорили. Там или здесь, я не помню и не думаю, что это имеет значение. Мы говорили о том, как сильно мы тебя любим.

Ответить Лизи не смогла. Не находила слов. Да и горло перехватило. Ей хотелось плакать, но тогда она не смогла бы видеть дорогу. Да и наплакалась уже. Что, впрочем, не означало, что больше ей плакать не придется.

3

Какое-то время они ехали молча. Как только миновали кемпинг «Пигуокит», шоссе полностью опустело. Над головой небо еще синело, но солнце окончательно спряталось за надвигающиеся облака. Света оставалось достаточно, а вот тени пропали полностью. Первой заговорила Аманда. И по голосу чувствовалось, что вопрос, вернее, ответ на него, многое для нее значит:

— Ты бы пришла ко мне, даже если бы тебе не требовался соучастник в преступлении?

Лизи задумалась.

— Я бы хотела так думать, — наконец ответила она.

Аманда взяла руку Лизи, поднесла к губам, поцеловала, легко, словно кожи коснулось крыло бабочки, вернула руку на руль.

— Мне бы тоже хотелось так думать. Забавное это место, бухта Южного ветра. Когда ты там, кажется, что оно такое же реальное, как весь этот мир, и *лучше* всего этого мира. Но когда ты здесь... — Она пожала плечами. Задумчиво, как показалось Лизи. — Тогда это всего лишь лунный луч.

Лизи вспомнила, как лежала в постели со Скоттом в отеле «Оленьи рога», наблюдая за попытками луны вырваться из облаков. Слушала его, а потом ушла с ним. *Ушла*.

— Как это место называл Скотт? — спросила Аманда.

— Мальчишечья луна.

Аманда кивнула.

— С лунным лучом я почти попала, не так ли?

— Почти.

— Я думаю, у большинства детей есть место, куда они могут уйти, когда они испуганы, им одиноко или просто скучно. Они называют это место Внеземелье или Графство, Мальчишечья луна, если у них богатое воображение, и они создают его для себя. Практически все о нем забывают. Немногие талантливые вроде Скотта объезжают свои мечты и превращают их в лошадей.

— Ты и сама была талантливой. Ведь это ты придумала бухту Южного ветра, не так ли? Девочки в наших краях долгие годы играли в эту игру. И меня не удивит, если на Саббатус-Роуд до сих пор играют в нее, пусть и несколько видоизмененную.

Аманда рассмеялась и покачала головой.

— Такие люди, как я, не собирались по-настоящему перейти черту. Мне хватало одного воображения. Чтобы нажить себе неприятности.

— Анда, это неправда... :

— Правда, — возразила Аманда. — Правда. В сумасшедших домах полным-полно таких, как я. Наши грезы запрягают нас, хлещут мягкими кнутами, ох, эти сладкие кнуты, и мы бежим, бежим и бежим, всегда в одно место... потому что корабль... Лизи, паруса никогда не наполнятся ветром, и корабль никогда не снимется с якоря, на котором стоит...

Лизи рискнула еще разок оторвать взгляд от дороги. По щекам Аманды катились слезы. Может, они и не падали на те каменные скамьи, но здесь казались такими человеческими.

— Я знала, что уйду, — продолжила Аманда. — Все время, которое мы провели в кабинете Скотта... все время, когда я записывала эти бессмысленные номера в этот маленький блокнотик, я *знала*...

— Этот маленький блокнотик оказался ключом ко всему, — ответила Лизи, вспомнив написанные в нем печатными буквами «ХОЛЛИХОКС» и «mein gott»... *прямо-таки послание в бутылке. Или другой бул... «Лизи, приди туда, где я есть, пожалуйста, найди меня».*

— Ты серьезно? — спросила Аманда.

— Да.

— Как это все странно. Скотт подарил мне эти блокнотики, знаешь ли... снабдил чуть ли не на всю жизнь. На мой день рождения.

— Он?

— Да, за год до смерти. Сказал, что они могут пригодиться. — Она выдавила из себя улыбку. — Полагаю, один действительно пригодился.

— Это точно, — ответила Лизи, гадая, на всех ли остальных на задней обложке написано «mein gott» аккуратными маленькими буквами, пониже названия фирмы-изготовителя. Когда-нибудь она это проверит. Если они с Амандой переживут этот день, обязательно проверит.

Когда Лизи сбросила скорость в центре Касл-Рока с тем, чтобы свернуть к зданию управления шерифа, Аманда схватила ее за руку и спросила, что она собирается делать. Выслушала ответ с растущим в глазах изумлением.

— И чем ты предлагаешь заняться мне, пока будешь писать заявление и заполнять бланки? — Голос ее прямо-таки сочился сарказмом. — Сидеть на скамье рядом с отделом регистрации животных вот в этой пижаме, с торчащими сиськами и волосами на лобке, которые видно за милю? Или я должна остаться в машине и слушать радио? И как ты объяснишь свои босые ноги? А если из «Гринлауна» уже позвонили в управление шерифа и попросили поискать вдову писателя, которая навестила свою сестру в Чокнут-Майнор, после чего они обе исчезли?

Лизи, как сказал бы ее не слишком большого ума папуля, словно обухом огрели по голове. Она настолько заикнулась на необходимости вытащить Анду из Внеземелья и разобраться с Джимом Дули, что совершенно забыла, что их одежда может вызвать не один недоумевающий взгляд, не говоря уже о последствиях Большого побега. Даже сейчас, когда они сидели в «BMW» на автомобильной стоянке перед кирпичным зданием управления шерифа (слева — патрульная машина полиции штата, справа — «форд»-седан с надписью «УПРАВЛЕНИЕ ШЕРИФА ОКРУГА КАСЛ»), у Лизи вдруг начался приступ клаустрофобии. В голову впрыгнуло название кантри-песни: «О чем это я думала?»

Нелепо, конечно. Она — не преступница, «Гринлаун» — не тюрьма, и Аманда — не заключенная, но ее босые ноги... как она объяснит, почему у нее долбаные босые ноги? И...

«Я совсем не думала, просто не думала, просто делала одно, другое, потом — третье. Словно что-то готовила по рецепту.

А теперь вот перевернула страницу кулинарной книги и обнаружила, что следующая — пустая».

— Опять же, — добавила Аманда, — нужно помнить о Дарле и Канги: Этим утром ты отлично поработала, Лизи, я тебя не критикую, но...

— Критикуешь, — ответила Лизи. — И правильно. Если суматоха еще не поднялась, то скоро поднимется. Я не хочу так рано ехать к тебе домой или оставаться там слишком долго на случай, если Дули приглядывает и за ним...

— Он знает обо мне?

Как я понимаю, где-то у вас есть чокнутая сестра, не так ли?

— Я думаю... — начала Лизи и замолчала. Потому что начинать следовало иначе. — Он знает о тебе, Анда.

— Однако он ведь не Карнак Великолепный*. Не может быть в двух местах одновременно.

— Нет, но я не хочу, чтобы приехали копы. Они нам совершенно ни к чему.

— Отвези нас на Вью, Лизи. Ты знаешь, Претти-Вью.

Так местные называли площадку для пикника, с которой открывался вид на озера Касл и Литтл-Кин. Находилась площадка у самого въезда в парк Касл-Рок, там была большая парковка и даже стояли два передвижных туалета. С приближением вечера, учитывая надвигающуюся грозу, они могли рассчитывать, что на Претти-Вью никого нет. И лучшего места для того, чтобы остановиться, подумать, оценить свои возможности и убить время, они, пожалуй, не нашли бы. Может, Аманда действительно тянула на гения?

— Поехали, нечего нам делать на Главной улице. — Аманда запахла пижаму на шее. — Я чувствую себя стриптизершей в церкви.

Лизи задним ходом осторожно выкатилась на проезжую часть (теперь, когда она больше не желала иметь ничего об-

* Карнак Великолепный — маг, персонаж телевизионной программы «Вечернее шоу с Джонни Карсоном».

щего с управлением шерифа округа, на нее вдруг напал страх, что на выезде с автостоянки в «BMW» кто-нибудь врежется) и повернула на запад. А через десять минут уже сворачивала с шоссе под щитом-указателем с надписью:

**ПАРК «КАСА-РОК» ШТАТА МЭН
ПЛОЩАДКА ДЛЯ ПИКНИКА И ТУАЛЕТЫ РАБОТАЮТ
С МАЯ ПО ОКТЯБРЬ
ПАРК ЗАКРЫВАЕТСЯ С ЗАКАТОМ СОЛНЦА
УПОТРЕБЛЕНИЕ СПИРТНОГО ДЛЯ ВАШЕГО ЖЕ БЛАГА
ЗАПРЕЩЕНО ЗАКОНОМ**

5

Пустовала как автостоянка, так и площадка для пикника (не было даже ни одного любителя пеших походов на природу). Аманда направилась к одному из столиков. Лизи отметила, какие розовые у нее пятки, и даже в свете скрывшегося за облаками солнца не возникало сомнений, что под тонкой зеленой пижамой никакой другой одежды на ней нет.

— Аманда, ты действительно думаешь, что это...

— Если кто-то приедет, я тут же запрыгну в кабину. — Аманда обернулась, сверкнула улыбка. — Иди сюда. Это восхитительно... босиком по траве. Не идешь, а плывешь.

Лизи на пятках добралась до края асфальта, на траву шагнула уже всей стопой. Все так, не идешь, а плывешь, Аманда вытащила «рыбку» из пруда слов Скотта. И открывающийся на западе вид впечатлял что глаз, что сердце. Грозовые облака надвигались на них поверх и между иззубренных вершин Белых гор, и Лизи насчитала семь «пяточков» высоко на склонах, которые уже поливал дождь. Яркие молнии сверкали как над этими «пяточками», так и между двумя грозowymi облаками, связывая их, словно какой-то фантастический сказоч-

ный мост. А над горой Грэммор, где еще оставалась дыра в синее небо, изогнулась двойная радуга. На глазах Лизи дыра эта затянулась, зато образовалась другая, над горой, названия которой она не знала, и радуга появилась вновь. Под ними озеро Касл лежало грязно-серым лоскутом, а за ним гусиным глазом чернело Литтл-Кин. Поднявшийся ветер был невероятно теплым, и когда он отбросил волосы с висков Лизи, она скинула руки, словно собралась взлететь не на магическом ковче-самолете, а отталкиваясь руками от предгрозового летнего воздуха.

— Анда! — вскричала она. — Я так рада, что живу!

— Я тоже, — ответила Аманда очень серьезно и протянула руки. Ветер трепал ее седеющие волосы, и теперь они торчали в разные стороны, как у ребенка. Лизи сомкнула пальцы на кистях сестры, стараясь помнить о порезах на ладонях, осторожно, при этом ощущая, как превращается в дикарку. Гром прогремел над головой, теплый ветер задул еще сильнее, облака ускорили бег между древними вершинами. Аманда начала танцевать, и Лизи танцевала с ней, переступая босыми ногами по траве; сцепленные руки сестер поднялись к небу.

— Да! — Лизи пришлось кричать, чтобы перекрыть раскат грома.

— Что «да»? — крикнула в ответ Анда. Она снова смеялась.

— Да, я собираюсь его убить!

— Именно это я и сказала! Я тебе помогу! — И тут полил дождь. Обе побежали к автомобилю, смеясь и прикрывая руками головы.

6

Они укрылись в кабине до того, как на землю обрушился первый из полудюжины ливней того дня, поэтому практически не промокли благодаря своей прыти. Через тридцать секунд

после того, как упали первые капли дождя, Лизи и Аманда уже не могли разглядеть ближайший столик для пикника, который отделяли от «BMW» какие-то двадцать ярдов. Дождь лил холодный, в кабине было тепло, поэтому ветровое стекло сразу запотело. Лизи завела двигатель и включила обогреватель стекла. Аманда схватила мобильник Лизи.

— Пора звонить мисс Большие Буфера. — Это детское прозвище Дарлы Лизи не слышала многие годы.

Взглянула на часы. Начало четвертого. Едва ли Канти и Дарла (когда-то известная как мисс Большие Буфера, и до чего же она ненавидела это прозвище) еще в ресторане.

— Должно быть, они в дороге, между Портлендом и Обурном, — предположила Лизи.

— Да, скорее всего, — согласилась Аманда тоном, каким обычно говорят с детьми. — Вот почему я и собираюсь позвонить мисс Большие Буфера на сотовый.

«Это Скотт виноват в том, что я пасую перед техникой, — подумала Лизи. — С того самого момента, как он умер, я все сильнее отстаю от технического прогресса. Черт, я даже не купила проигрыватель DVD, а они уже есть у всех».

Сказала другое:

— Если ты назовешь Дарлу мисс Большие Буфера, она, вероятно, отключит телефон, даже поняв, что это ты.

— Не назову. — Аманда смотрела на продолжающийся ливень. Вода рекой лилась по ветровому стеклу «BMW». — Знаешь, почему мы с Канти начали так ее называть и почему она так злилась?

— Нет.

— Когда Дарле было три или четыре года, ей подарили маленькую красную резиновую куклу. Кукла эта, в силу особенностей ее строения, и была первоначальной мисс Большие Буфера. Дарла очень любила куклу. Но в одну холодную ночь оставила на радиаторе, и кукла расплавилась. Сладенький лысый Иисус, какая же стояла вонь!

Лизи попыталась сдержать смех и потерпела неудачу. Поскольку горло перехватило, а губы она сжимала, смех этот вышел через нос, вместе с изрядной порцией соплей, полетевших на руки.

— Очаровательно, — прокомментировала Аманда, — чай подан, мадам.

— Бумажные салфетки в «бардачке». — Лизи покраснела до корней волос. — Дай мне несколько, пожалуйста. — Потом подумала о мисс Большие Буфера, плавающейся на радиаторе, на мысль эту наложилось любимое ругательство Дэнди («сладенький лысый Иисус»), и она вновь захохотала, хотя и признавала наличие грусти, спрятанной в смехе, как жемчужина — в раковине, и как-то это было связано со сделай-все-как-мне-того-хочется-дорогой взрослой Дарлой и ребенком, укрывающимся внутри, измазанным джемом и зачастую злобным, которому всегда что-то требовалось.

— Заодно протри руль. — Аманда уже смеялась, прижимая руку с мобильником к животу. — Боюсь, я сейчас опишусь.

— Если ты опишаешься в этой пижаме, Аманда, она расплавится. Дай мне эту чертову коробку с бумажными салфетками.

Аманда, по-прежнему смеясь, откинула крышку «бардачка» и протянула Лизи коробку.

— Ты думаешь, что сможешь связаться с ней? — спросила Лизи. — В такой дождь?

— Если телефон у нее не выключен, свяжусь. А телефон она выключает только в кино. Я говорю с ней едва ли не каждый день... иногда дважды, если Мэтт на одной из своих учительских оргий. Потому что, видишь ли, Метци изредка звонит ей, и Дарла сообщает мне новости. В эти дни Дарла — единственная из нашей семьи, с кем общается Метци.

Лизи этому удивилась. Она понятия не имела, что Аманда и Дарла говорят о сбежавшей дочери Аманды... во всяком случае, Дарла никогда об этом не упоминала. Ей, конечно,

хотелось обсудить эту тему, но она понимала, что времени, увы, совсем нет.

— И что ты ей скажешь, когда дозвонишься?

— Просто слушай. Я думаю, что нашла нужные слова, но, боюсь, если расскажу сначала тебе, моя речь потеряет часть... ну не знаю. Убедительности. Достоверности. Я хочу лишь одного: чтобы они обе держались подальше. А не то придут не вовремя и...

— ...и попадут в сортировочную машину Макса Силвера? — спросила Лизи. Все они не один год работали на мистера Силвера, получая по четвертаку за каждое наполненное картофелем ведро, а грязи под ногти забивалось столько, что выковыривать ее приходилось до февраля.

Аманда бросила на нее короткий взгляд, потом улыбнулась.

— Что-то в этом роде. Дарла и Канти, возможно, рассердятся, но я их люблю, а нам они ни к чему. Не хочу, чтобы им досталось только потому, что они появились не в том месте и не в то время.

— Я тоже, — мягко вставила Лизи.

Порыв ветра обрушил стену воды на ветровое стекло и крышу. Тут же ветер стих, а ливень — нет.

Аманда хлопала Лизи по руке.

— Я это знаю, Маленькая.

Маленькая. Не маленькая Лизи — просто Маленькая. И как давно Аманда произносила это в последний раз? Из всех сестер так ее звала только она.

7

Номер Аманда набрала не без труда: порезанные руки слушались плохо. Первый раз ошиблась, пришлось все начинать заново. Вторая попытка удалась, она нажала на зеленую кнопку соединения и приложила «моторолу» к уху.

Ливень чуть ослаб. Лизи это поняла, потому что теперь могла разглядеть ближайший столик. Сколько прошло секунд с того момента, как Аманда послала вызов? Вскинув брови, Лизи перевела взгляд со столика на старшую сестру. Аманда начала качать головой. Потом вдруг выпрямилась на сиденье и подняла правую руку с вытянутым указательным пальцем, словно подзывая официанта в модном ресторане.

— Дарла?.. Ты меня слышишь?.. Знаешь, кто говорит?.. *Дал.. Да, действительно!*

Аманда высунула язык и выпучила глаза, молчаливо и эффектно имитируя реакцию Дарлы: участник телевизионной шоу-викторины, только что выигравший приз.

— Да, она рядом... Дарла, не тараторь! Сначала я не могла говорить, а теперь не могу вставить слово! Я дам тебе поговорить с Лизи через...

Аманда еще послушала, кивая и одновременно сводя и разводя кончики большого и остальных пальцев правой руки, как бы говоря: *бла-бла-бла*.

— Хорошо, я ей скажу, Дарл. — Не прикрывая микрофон, может, и специально, чтобы Дарла услышала, Аманда поделилась с Лизи новостями. — Она и Канти вместе, Лизи, но еще в аэропорту. Самолет Канти из-за грозы вылетел из Бостона с опозданием. Кошмар, правда?

На последней фразе Аманда вскинула кулак с оттопыренным большим пальцем, вновь сосредоточила внимание на телефоне.

— Я рада, что поймала вас до того, как вы выехали из аэропорта. Потому что мы уже не в «Гринлауне». Лизи и я в психиатрической клинике «Акадия» в Дерри... совершенно верно, в Дерри.

Она послушала, кивая.

— Да, полагаю, это какое-то чудо. Я вдруг услышала, как Лизи зовет меня, и проснулась. А последнее, что я помню до того, как отключилась, так это Стивенскую мемориальную

больницу в Но-Сапе, куда вы меня отвезли. А потом я... я слышала, как Лизи зовет меня, — так слышишь, когда крепко спишь, а тебя вдруг начинают будить, обращаясь по имени... и врачи «Гринлауна» отправили меня сюда, на все эти обследования мозга, которые наверняка стоят целое состояние...

Послушала.

— Да, дорогая, я хочу поздороваться с Канти, и я уверена, Лизи тоже хочет, но нас ждут, а в той комнате, где проводят исследования, мобильники не работают. Вы туда подъедете, да? Я уверена, до Дерри вы сможете добраться часам к семи, к восьми максимум...

В этот момент небеса вновь разверзлись. Этот ливень был даже посильнее первого, салон автомобиля наполнили барабанные звуки. И впервые Аманда растерялась. Посмотрела на Лизи, в широко раскрытых глазах стояла паника. Пальцем указала на крышу, от которой и исходил звук. Губы беззвучно произнесли: «Она хочет знать, что это за шум».

Лизи без малейшего колебания взяла инициативу на себя. Выхватила мобильник из руки Аманды и приложила к своему уху. Связь оставалась отличной, несмотря на грозу (а может, именно из-за грозы, Лизи этого не знала). Она слышала не только Дарлу и Канти, которые возбужденно и радостно *переговаривались*, но и голос диктора, объявляющего по системе громкой связи о переносе рейсов, вызванном плохими погодными условиями.

— Дарла, это Лизи! Аманда вернулась! Полностью вернулась! Это прекрасно, не так ли?

— Лизи, я не могу в это поверить!

— Увидишь — поверишь, — ответила Лизи. — Так что поезжайте напрямиком в Дерри. Встретимся в «Акадеии».

— Лизи, что это за шум? Такое ощущение, что вы *в душе!*

— Зал гидротерапии, на другой стороне коридора, — солгала Лизи, подумав: «Потом мы не сможем ей все это объяснить... никогда в жизни». — Дверь открыта, а там ужасно шумно.

Какие-то мгновения слышался только шум дождя. Затем вновь заговорила Дарла:

— Если она полностью в порядке, может, мы с Канти все-таки заглянем в «Снежный шквал»? До Дерри ехать далеко, а мы просто умираем от голода.

На мгновение Лизи страшно на нее разозлилась, потом чуть не дала себе в глаз за такие чувства. Чем позже они приехали бы в Дерри, тем лучше... или не так? И все-таки нотки раздражительности, которые она услышала в голосе Дарлы, радости у нее не вызвали. Вероятно потому, что и тут дело касалось только их, сестер.

— Конечно, почему нет? — Она показала Аманде сложенные колечком большой и указательный палец. Та кивнула и улыбнулась. — Мы же никуда не уедем, Дарл.

Разве что прошвырнемся в Мальчишечью луну, чтобы избавиться от мертвого безумца. Если нам повезет. Если все пойдет, как нам того хочется.

— Можешь ты снова передать трубку Анде? — В голосе Дарлы все еще звучало раздражение, словно она и не видела впавшую в кому старшую сестру, вот и подозревала, что Аманда лишь имитировала кататоническое состояние. — Канти хочет поговорить с ней.

— Конечно, — ответила Лизи, беззвучно произнесла «Кантата», передавая мобильник Аманде.

Аманда заверила Канти, что она в полном порядке и да, иначе как чудом ее пробуждение не назвать. Потом одобрила их намерение следовать первоначальному плану перекусить в «Снежном шквале» и подтвердила, что им нет необходимости ехать в Касл-Вью, чтобы забрать из ее дома какие-то нужные ей вещи. Потому что у нее, спасибо заботам Лизи, есть все.

К концу разговора дождь прекратился, как-то разом, не постепенно сходя на нет, а словно Господь закрыл кран где-то на небесах, и Лизи вдруг осенило: вот так шел дождь в

Мальчишечьей луне, быстрыми, короткими, внезапно начинающимися и так же прекращающимися ливнями.

«Я ушла отсюда, но не так чтобы далеко», — подумала она и ощутила во рту сладкий, чистый вкус прудовой воды.

А когда Аманда сказала Канти, что любит ее, и разорвала связь, столб влажного июньского солнечного света прорвался сквозь облака, и еще одна радуга украсила небо, совсем близко от них, зависнув над озером Касл. «Как обещание, — подумала Лизи. — Из тех, которым хочется верить, да только сомнения остаются».

8

Голос Аманды оторвал ее от лицезрения радуги. Анда уже набрала номер «Справочной службы» и спросила телефон «Гринлауна», который и записала подушечкой указательного пальца на конденсате, оставшемся в нижней части ветрового стекла «бумера».

— Цифры останутся на стекле даже после того, как конденсат полностью испарится, знаешь ли, — проворчала Лизи, как только Аманда закончила разговор. — Придется смывать их «уйндексом». У меня есть ручка в «бардачке»... почему ты не спросила?

— Потому что я — кататоник, — ответила Аманда и протянула ей телефон.

Лизи лишь посмотрела на него.

— И кому я должна звонить?

— Как будто ты не знаешь.

— Аманда...

— Тебе лучше знать, Лизи. Я понятия не имею, с кем говорить, и не представляю, как ты меня туда устроила:— Она помолчала, пальцами свободной руки теребя штанину пижамы. Облака вновь сомкнулись, день потемнел, радуга могла

им привидеться. — Только устроила не ты — Скотт. Как-то договорился. Забронировал мне местечко.

Лизи кивнула. Не доверяла собственному голосу, не решалась произнести хоть слово.

— Когда? — полюбопытствовала Аманда. — После того как я порезала себя в последний раз? После того как мы с ним увиделись в бухте Южного ветра? Которую он называл какой-то луной?

Уточнять название Лизи не стала.

— Он обворожил одного врача, Хью Олбернесса. Тот посмотрел историю твоей болезни, согласился, что прогноз неблагоприятный, и когда ты ушла на этот раз, осмотрел тебя и принял в клинику. Ты этого не помнишь? Совершенно не помнишь?

— Нет.

Лизи взяла мобильник, посмотрела на номер, записанный на испаряющемся конденсате.

— Я не знаю, что ему сказать, Анда.

— А что сказал бы ему Скотт, Маленькая?

Маленькая. Опять. Третий ливень, яростный, но короткий, каких-то двадцать секунд, обрушился на автомобиль, а пока капли вышибали дробь по крыше, Лизи подумала о всех выступлениях Скотта (он называл их концертами), на которые она всегда с ним ходила. За достопамятным исключением (Нашвилл, 1988 год) она вроде всегда хорошо проводила там время, и почему нет? Он говорил собравшимся то, что они хотели услышать, от нее требовалось лишь улыбаться и хлопать в нужных местах. Да, иной раз приходилось и говорить «Благодарю», выражая признательность. Случалось, ему что-то дарили, сувениры, какие-то мелочи, он передавал подарки ей; и она их носила до конца мероприятия. Бывало, Скотта и ее фотографировали, а иной раз к ним приставлялись люди вроде Тони Эддингтона (Тонеха), которым поручалось опи-

сывать все от и до, они могли упомянуть ее, а могли и не упомянуть, могли правильно написать ее имя, а могли и неправильно и однажды назвали «подругой» Скотта Лэндона, и это было нормально, это было нормально, потому что шума она не поднимала, сохраняла спокойствие и сдержанность, пусть и не напоминала маленькую девочку из истории Саки, экспромтами точно не славилась и...

— Послушай, Аманда, если ты хочешь, чтобы я как-то увязала наше исчезновение из «Гринлауна» со Скоттом, ничего не получится. Я понятия не имею, как это можно сделать. Может, будет лучше, если ты просто позвонишь доктору Олбернессу и скажешь... — Произнося эти слова Лизи попыталась вернуть мобильник старшей сестре.

Аманда подняла руки на уровень груди, отказываясь от такой чести.

— Что бы я ни сказала, толку не будет. Я *безумна*. Ты же не только в здравом уме, но и вдова знаменитого писателя. Поэтому звони, Лизи. Убери доктора Олбернесса с нашей дороги. И немедленно.

9

Лизи набрала нужный номер, и то, что за этим последовало, очень уж напоминало телефонный разговор в тот долгий-долгий четверг — день, когда она начала путешествие по станциям була. Вновь на другом конце провода трубку сняла Кассандра, и Лизи узнала дремотную музыку, которая зазвучала в трубке, пока ей пришлось ждать ответа, только на этот раз в голосе Кассандры слышалось волнение и облегчение: в «Гринлауне» ждали ее звонка. Кассандра сказала, что доктор Олбернесс дома, и она тотчас же соединит ее с ним.

— Только не разрывайте связь, — проинструктировала она Лизи, прежде чем в трубке раздалась старая мелодия Донны

Саммер* в стиле диско. «Люблю любить тебя, беби», записанная до ее музыкальной лоботомии**. В «не разрывайте связь» улавливался зловещий оттенок, но отъезд доктора Олбернесса домой... вселял надежду на лучшее, не так ли?

Знаешь, он мог с той же легкостью позвонить копам из дома, а не с работы. Или копам мог позвонить дежурный врач «Гринлауна». И что ты собираешься ему сказать, когда он возьмет трубку? Что, черт побери, ты собираешься ему сказать?

А что сказал бы ему Скотт?

Скотт сказал бы, что реальность — это Ральф.

И да, это, безусловно, правда.

Лизи чуть улыбнулась, как этой мысли, так и вспомнив Скотта, вышагивающего по комнате отеля в... Линкольне? Линкольне, штат Небраска? Скорее в Омахе, потому что комната была просторная, возможно, часть «люкса». Он читал газету, когда под дверь подсунули факс от редактора, Карсона Форей, который хотел внести изменения в третью верстку нового романа Скотта. Лизи не помнила, какого именно, но роман этот входил в число последних, иногда Скотт называл их «Трепетные любовные истории Лэндона». В любом случае Карсон (который работал со Скоттом с незапамятных времен) полагал, что случайная встреча главных героев после двадцати или более лет разлуки требовала корректировки. «Сюжет здесь поскрипывает, старина», — написал он.

— Главное, чтобы здесь не поскрипывало, — пробормотал Скотт, ухватившись одной рукой за собственную промежность (и милая прядь волос упала на лоб, когда он это сделал? Разумеется, упала). А затем, прежде чем Лизи успела вернуть что-нибудь игривое, схватил газету, развернул и показал Лизи

* Саммер Донна (р. в 1948) — настоящее имя Ладонна Гайнс, американская певица, мировую известность которой принесла песня «Люблю любить тебя, беби» (1975).

** Под музыкальной лоботомией (лоботомия — отсечение нервов, идущих к лобной доле мозга) подразумевается уход Донны в соул и госпел в начале 1980-х, не принесший ей успеха.

заметку в рубрике «ЭТОТ СТРАННЫЙ МИР». Называлась заметка «СОБАКА НАХОДИТ ДОРОГУ ДОМОЙ — ЧЕРЕЗ 3 ГОДА». Речь шла о колли по кличке Ральф, который потерялся, когда семья проводила отпуск в Порт-Шарлотте, штат Флорида. Тремя годами позже Ральф появился в семейном доме в Юджине, штат Орегон. Тощий, без ошейника, с язвами на лапах, но в остальном живой и здоровый. Поднялся на крыльцо, сел у двери и гавкнул, требуя, чтобы его впустили в дом.

— И что, по-твоему, сказал бы мсье Карсон Форей, если бы я вставил этот эпизод в книгу? — спросил Скотт, отбрасывая волосы со лба (прядь, само собой, тут же вернулась на прежнее место). — Послал бы мне факс со словами: «в этом эпизоде маловато реализма, сюжет поскрипывает, старина»?

Лизи, с одной стороны, удивленная столь резкой реакцией Скотта, с другой — ощутившая безмерную симпатию к Ральфу, вернувшемуся домой после скольких лет (и бог знает каких приключений), согласилась, что скорее всего послал бы.

Скотт выхватил газету из ее рук, какие-то мгновения злобно сверлил взглядом фотоснимок Ральфа, который очень неплохо смотрелся в новом ошейнике, и отбросил газету в сторону.

— Вот что я тебе скажу, Лизи. Писателям в их работе приходится преодолевать столько помех. Реальность — это Ральф, вернувшийся домой три года спустя, и никто не знает, как ему это удалось. Но писатель не может пересказать эту историю. Потому что сюжет поскрипывает, старина!

Стравив таким образом пар, Скотт, насколько помнила Лизи, сел за компьютер и переписал страницы, которые вызвали сомнение редактора.

Музыка в трубке смолкла.

— Миссис Лэндон, вы еще здесь? — спросила Кассандра.

— Еще здесь, — ответила Лизи, заметно успокоившись. Скотт, конечно же, прав. Реальность — это пьяница, выигрывающий по лотерейному билету семьдесят миллионов и отдающий половину своей любимой официантке в баре. Малень-

кая девочка, которую вытащили живой из сухого колодца в Техасе, где она провела шесть дней. Студент колледжа, свалившийся с балкона пятого этажа в Канкуне и сломавший запястье. Реальность — это Ральф.

— Переключаю вас, — добавила Кассандра.

И за двойным щелчком в трубке раздался голос Хью Олбернесса (как ей показалось, очень встревоженного Хью Олбернесса, но не впавшего в панику):

— Миссис Лэндон? Где вы?

— Едем к дому моей сестры. Будем там минут через двадцать.

— Аманда с вами?

— Да. — Лизи решила отвечать на его вопросы, но самой не проявлять инициативу. К тому же ей хотелось знать, что это будут за вопросы.

— Миссис Лэндон...

— Лизи.

— Лизи, сегодня в «Гринлауне» очень много обеспокоенных людей, в том числе доктор Стайн, дежурный врач клиники, медсестра Беррелл, заведующая крылом Экли, и Джош Филэн, глава нашей маленькой, но весьма эффективной службы безопасности.

Лизи услышала в его словах вопрос («Что это вы затеяли?») и обвинение («Сегодня вы чертовски перепугали нескольких моих сотрудников!»). Подумала, что необходимо отреагировать. Коротко. Куда проще самой вырыть себе ямку и спрыгнуть в нее.

— Да, конечно. Я сожалею об этом. Очень. Но Аманда хотела уехать, настаивала на отъезде, настаивала на том, чтобы не ставить в известность персонал «Гринлауна», прежде чем мы покинем клинику. Учитывая обстоятельства, я решила, что лучше ей не перечить. А теперь вот позвонила вам.

Аманда радостно вскинула два кулака с оттопыренными большими пальцами. Лизи, однако, не могла позволить себе отвлечься. Доктор Олбернесс, возможно, обожал книги ее

мужа, но Лизи не сомневалась и в том, что он умеет вытаскивать из людей сведения, которыми те не хотели делиться.

В голосе Олбернесса слышалось волнение:

— Миссис Лэндон... Лизи... ваша сестра реагирует на окружающий мир? Осознает происходящее вокруг и реагирует?

— А вы поговорите с ней. — Лизи протянула мобильник Аманде. На лице последней отразилась тревога, но телефон она взяла.

Лизи безмолвно, одними губами, прошептала:

— Будь осторожна.

10

— Добрый день, доктор Олбернесс, — заговорила Аманда медленно, тщательно выговаривая слова. — Да, это я. — Послушала. — Аманда Дебушер, совершенно верно. — Послушала. — Мое второе имя Джорджетта. — Послушала. — В июле 1946 года. То есть мне около шестидесяти. — Послушала. — У меня один ребенок, дочь по имени Интермеццо. Сокращенно Метци. — Послушала. — Джордж Буш, как это ни печально. Я уверена, что человек, возомнивший себя Богом, не менее опасен, чем те, кого он называет врагами. — Послушала, покачала головой. — Я... сейчас я не могу об этом говорить, доктор Олбернесс. Спросите у Лизи. — Она протянула мобильник Лизи, спрашивая взглядом, достойна ли она похвалы... желая получить хотя бы подтверждение, что справилась с порученным делом. Лизи энергично кивнула. Аманда откинулась на спинку сиденья, словно женщина, только что закончившая забег на длинную дистанцию.

— ...меня слышите? — донеслось из мобильного, когда Лизи поднесла его к уху:

— Это Лизи, доктор Олбернесс.

— Лизи, что произошло?

— Мне придется говорить коротко, доктор...

— Хью. Пожалуйста, Хью.

Лизи, застывшая за рулем с выпрямленной спиной, теперь позволила себе чуть расслабиться и привалилась к мягкой коже спинки водительского сиденья. Он попросил называть его Хью. Они вновь стали друзьями. Нет, ей по-прежнему следовало быть начеку, чтобы не сболтнуть лишнего, но скорее всего с доктором они могли разойтись мирно.

— Я приехала к ней... мы сидели на веранде... и она внезапно пришла в себя...

Чуть прихрамывая и без ошейника, но в остальном живая и здоровая, подумала Лизи, и ей с огромным трудом удалось подавить рвавшийся из груди смех. Над дальним концом озера ярко сверкнула молния. Вспыхнуло и в голове.

— Я никогда не слышал ничего подобного. — В голосе доктора Олбернесса вопросительные нотки отсутствовали, и Лизи предпочла промолчать. — А как же вы... э-э... удалились?

— Простите?

— Как вы прошли мимо сестринского поста в крыле Экли? Кто вас выпустил?

Реальность — это Ральф, напомнила себе Лизи. Постаралась лишь добавить в голос недоумения:

— Никто не попросил нас где-либо расписаться... или о чем-то еще... все выглядели такими занятыми. Мы просто вышли.

— А дверь?

— Она была открыта.

— Я не... — начал Олбернесс, но заставил себя замолчать.

Лизи ждала продолжения. Не сомневалась, что оно последует.

— Медсестры нашли кольцо с ключами, футляр для ключей, пару шлепанцев. А также кроссовки с носками в них.

Кольцо с ключами! До этого момента Лизи понятия не имела о том, что лишилась всех ключей, но решила, что нет нужды делиться этим с доктором Олбернессом.

— Я держу запасной ключ от автомобиля в магнитной коробочке за задним бампером. Что же касается остальных ключей... — Лизи попыталась изобразить искренний смех. Получилось или нет, не знала, но Аманда, во всяком случае, не побледнела. — Жаль, что потеряла их. Вы попросите ваших сотрудников положить их в сейф, чтобы потом я могла их забрать?

— Разумеется, но нам нужно взглянуть на мисс Дебушер. Чтобы забрать пациента из клиники, необходимо соблюсти определенную процедуру. — По голосу доктора Олбернесса чувствовалось, что он всего этого не одобряет, но таков порядок. Лизи ждала, хотя молчание давалось ей с трудом. По другую сторону озера Касл небо вновь почернело. В любую секунду мог разразиться ливень. Лизи хотелось закончить разговор до того, как опять разверзнутся небеса, но она ждала. Не сомневалась, что она и доктор Олбернесс подошли к самому щекотливому моменту.

— Лизи, — наконец прервал он паузу, — почему вы и ваша сестра оставили обувь?

— Честно говоря, не знаю. Аманда настояла на том, чтобы мы ушли немедленно, босиком, и велела мне оставить и ключи...

— Насчет ключей понятно, она, возможно, тревожилась из-за металлоискателя на входе, — прервал Олбернесс. — Хотя, учитывая ее состояние, я удивлен, что она могла... не важно. Продолжайте.

Лизи смотрела на надвигающийся ливень, который уже заливал потоками воды холмы на другой стороне озера Касл.

— Аманда, ты помнишь, почему хотела, чтобы мы ушли босиком? — спросила она и поднесла мобильник чуть ли не ко рту старшей сестры.

— Нет, — громко ответила Аманда. Тут же добавила: — Только мне хотелось ощутить под ногами траву. Мягкую траву.

— Вы слышали? — спросила Лизи Олбернесса.

— Насчет травы?

— Да, но я уверена, чтобы были и другие причины. Очень уж она настаивала.

— И вы ей подчинились?

— Она — моя старшая сестра, Хью. Если на то пошло, моя самая старшая сестра. И потом, я так разволновалась, представить себе не могла ее столь скорого возвращения на планету Земля, поэтому плохо соображала.

— Но мне... нам... действительно нужно ее увидеть и убедиться, что она полностью выздоровела.

— Тогда, если позволите, я привезу ее на осмотр завтра утром?

Аманда так резко мотала головой, что волосы летали из стороны в сторону, в глазах стояла тревога. Лизи начала сочувственно ей кивать.

— Очень хорошо. — Она услышала облегчение в его голосе, неподдельное облегчение, и ощутила укол вины из-за того, что приходится ему лгать. Но иногда приходилось и лгать, и... — Я смогу подъехать в «Гринлаун» к двум часам дня и поговорить с вами обеими. Вас это устроит?

— Конечно, — ответила Лизи, подумав: «При условии, что в два часа дня мы еще будем живы».

— Значит, договорились. Лизи, я бы хотел... — И в этот момент прямо над ними ослепительно яркий зигзаг молнии вырвался из облаков и ударил во что-то на дальней стороне шоссе. Лизи услышала треск, ноздри заволокло запахом озона и чего-то горящего. Никогда раньше молния не била в землю так близко от нее. Аманда закричала, но ее крик практически полностью растворился в чудовищно громком раскате грома.

— *Что там у вас?* — прокричал Олбернесс. Лизи подумала, что качество связи несколько не ухудшилось, но врач, которого ради Аманды ее муж очаровал пятью годами раньше, неожиданно перенесся далеко-далеко и перестал играть важную роль в текущих событиях.

— Гром и молния, — спокойно ответила она. — У нас тут сильная гроза, Хью.

— Вам бы лучше свернуть на обочину и остановиться.

— Я это уже сделала, но теперь хочу отключить телефон, пока меня не ударило током. Увидимся завтра...

— В крыле. Экли...

— Да. В два часа. Приеду с Аmandой. Благодарю за... — Вновь молния польхнула над головой, Лизи инстинктивно сжалась, но на этот раз вспышка не была столь яркой, да и последующий громовой раскат не грозил разорвать барабанные перепонки. — ...понимание, — закончила Лизи фразу и разорвала связь, не попрощавшись. Тут же полил дождь, словно терпеливо дожидавшийся окончания разговора. С яростью набросился на автомобиль. Какой там столик для пикника — Лизи не видела даже край капота.

Аманда схватила ее за плечо, и Лизи подумала об еще одной песне в стиле кантри, в которой указывалось, что у тебя будут костлявые пальцы, если ты сдерешь с них всю плоть до костей.

— Я туда больше не вернусь, Лизи. Не вернусь!

— Ох, Анда, мне больно!

Аманда отпустила ее плечо, но не откинулась на спинку сиденья. Ее глаза сверкали.

— Я туда не вернусь!

— Вернешься. Поговоришь с доктором Олбернессом и уедешь.

— Не...

— *Заткнись и послушай меня.*

Аманда моргнула и подалась назад, уstraшенная яростью, звучащей в голосе Лизи.

— Дарле и мне пришлось поместить тебя туда, потому что выбора у нас не было. Ты превратилась в дышащий кусок мяса, с одного конца которого сочилась слюна, а с другого текла моча. И мой муж, который знал, что такое с тобой случится, поза-

ботился о тебе не в одном мире, а в *двух*. Ты у меня в долгу, большая сисса Анди-Банни. Вот почему тебе придется помочь мне сегодня, а себе завтра, и я ничего не хочу слышать об этом, кроме двух слов: «Да, Лизи». Я их слышу?

— Да, Лизи, — пробормотала Аманда. Потом, посмотрев на порезанные руки, опять начала плакать. — А если они вернут меня в ту комнату? Запрут там, будут обтирать губкой и заставлять пить «клопомор»?

— Не вернут. И не запрут. Ты поступила туда добровольно. Только выразили твою волю Дарла и я, поскольку ты была не в своем уме, спятила.

Аманда хохотнула.

— Скотт, бывало, так говорил. А иногда, если думал, что кто-то несет чушь, говорил, что тот или та свихнулась.

— Да. — У Лизи защемило сердце. — Я помню. В любом случае сейчас ты в норме. И это главное. — Она взяла руку Аманды, напомнив себе об осторожности: порезы-то никуда не делись. — Завтра ты поедешь туда и сделаешь все, чтобы доктор остался тобой доволен.

— Я попытаюсь, — ответила Аманда. — Но не потому что я у тебя в долгу.

— Не поэтому?

— Потому что я тебя люблю, — с достоинством ответила Аманда. А потом смиренно добавила: — Ты поедешь со мной, не так ли?

— Будь уверена.

— Может... может, твой бойфренд разберется с нами и мне вообще не придется волноваться из-за «Гринлауна».

— Я же просила тебя не называть его моим бойфрендом.

Аманда озорно улыбнулась.

— Думаю, мне удастся помнить об этом, если ты перестанешь называть меня Анди-Банни.

Лизи расхохоталась.

— Почему бы нам не уехать отсюда, Лизи? Ливень уже не такой сильный. И, пожалуйста, включи обогреватель. Что-то здесь стало прохладно.

Лизи включила обогреватель, развернулась, направилась к шоссе.

— Сейчас поедem к тебе. Дули, возможно, не наблюдает за твоим домом под таким дождем... я надеюсь, что не наблюдает. А если и наблюдает, что он может увидеть? Мы поедem к тебе, потом — ко мне. Две женщины средних лет. Неужто он будет тревожиться из-за двух женщин средних лет?

— Маловероятно, — ответила Аманда. — Но я рада, что ты отправила Канти и мисс Большие Буфера в долгое путешествие.

Лизи тоже это радовало, хотя она понимала, что ей, как и Люси Риккардо*, придется объясняться с сестрами. Она выехала на шоссе, совершенно пустынное. Подумала о том, что хорошо бы не наткнуться на дерево, лежащее поперек дороги, подумала, что такое очень даже возможно, учитывая мощь грозы. И тут же загрохотало над головой, не предвещающая ничего хорошего.

— Я смогу взять одежду, которая действительно мне подходит, — говорила Аманда. — Кроме того, у меня в морозильнике два фунта куриных грудок. Мясо можно приготовить в микроволновке, и мне очень хочется есть.

— В моей микроволновке. — Лизи не отрывала глаз от дороги. Дождь в этот момент совершенно прекратился, но впереди хватало черных облаков. «Черных, как шляпа сценического злодея», — сказал бы Скотт, и ей вновь захотелось, чтобы он оказался рядом, пустое место, которое осталось после него, так и не заполнилось. Оно принадлежало только ему.

— Ты слышала меня, маленькая Лизи? — спросила Аманда, и только тут до Лизи дошло, что ее сестра говорила и говорила. Что-то о чем-то. Двадцать четыре часа назад она боя-

* Люси Риккардо — героиня популярного комедийного телесериала «Я люблю Люси» 1950-х гг.

лась, что Анда никогда больше не заговорит, а теперь вот сидит рядом и полностью игнорирует ее слова. Но разве не так устроен этот мир?

— Нет, — ответила Лизи. — Не слышала. Извини.

— В этом ты вся, всегда такой была. Уходишь в себя... — Голос Аманды смолк, сама она отвернулась к окну.

— Всегда ухожу в свой маленький мир? — с улыбкой спросила Лизи.

— Извини.

— Извиняться тебе не за что. — Они вошли в поворот, и Лизи вывернула руль, чтобы объехать большую еловую ветвь, лежащую на проезжей части. Подумала о том, чтобы остановиться и оттащить ветвь на обочину, но решила переложить сей труд на водителя, который проедет следом. Потому что тому водителю скорее всего не предстояла встреча с психопатом. — Если ты думаешь о Мальчишечьей луне, то это не мой мир. Мне представляется, что каждый, кто попадает туда, видит собственную версию этого мира. Так о чем ты говорила?

— О том, что у меня есть одна штуковина, которая может тебе понадобиться. Чтоб было чем энергично поработать.

Лизи какое-то время смотрела на дорогу, потом бросила короткий взгляд на сестру.

— Что? Что ты сказала?

— Да так, к слову пришлось, — ответила Аманда. — Я хотела сказать, что у меня есть револьвер.

11

В щель между дверным косяком и сетчатой дверью дома Аманды всунули длинный белый конверт. Крыша над крыльцом надежно уберегала его от дождя. Лизи встревожилась, увидев конверт, подумала: «Дули успел здесь побывать». Но на конверте, который нашла Лизи после того, как обнаружи-

ла в почтовом ящике дохлую кошку, никаких надписей не было, тогда как на этом на лицевой стороне большими буквами напечатали: «АМАНДЕ». Лизи протянула конверт сестре. Аманда посмотрела на имя, перевернула конверт, посмотрела на название фирмы-изготовителя на обратной стороне: «ХОЛЛМАРК» — и не без отвращения вымолвила:

— Чарльз.

Поначалу имя это ничего не сказало Лизи. Потом она вспомнила, что когда-то, до того, как началось все это безумие, у Аманды был бойфренд.

Балабол, подумала она и хрюкнула, давась смехом.

— Лизи? — Брови Аманды взлетели вверх.

— Подумала о Канти и мисс Буфера, мчащихся в Дерри, — ответила Лизи. — Я знаю, им будет не до смеха, но...

— Да, элемент юмора имеет место быть, — согласилась Аманда. — Возможно, то же самое можно сказать и об этом письме. — Она вскрыла конверт, достала открытку. Прочитала текст. — Ох. Господи. Посмотри. Что он мне прислал. Собачью жопу.

— Покажешь?

Аманда передала открытку. На лицевой стороне во весь рот улыбался паренек, у которого начали меняться зубы. Грубоватый, но милый (по замыслу дизайнеров «Холлмарка») мальчишка — свитер на два размера больше, джинсы с заплатками — протягивал получателю открытки один-единственный цветок. «Видишь, я извиняюсь». Надпись растянулась под стоптанными кроссовками. Лизи раскрыла открытку и прочитала:

Я знаю, что оскорбил твои чувства, и, полагаю, настроение у тебя сейчас скверное. Псылаю тебе эту открытку, чтобы сказать, что не только тебе грустно!

Я подумал, что должен послать тебе открытку и извиниться, потому что стоит мне подумать о тебе, как на меня наваливается тоска!

Так что выйди в сад и насладись ароматом роз! Будь счастлива! Пусть весна вернется на твой порог! Улыбайся шире!

Сегодня, думаю, я заставил тебя опечалиться, но, надеюсь, мы вновь станем друзьями, когда завтра взойдет солнце!

За текстом следовало: «Твой в дружбе (Навсегда! Помни наши веселые денечки!) Чарльз «Чарли» Корриво».

Лизи попыталась удержать на лице серьезность, но не вышло. Она расхохоталась. И Аманда присоединилась к ней. Они стояли на крыльце и смеялись. Когда же смех утих, Аманда развернула плечи и произнесла с пафосом, глядя на вымоченный дождем двор, держа открытку перед собой, как псалтырь:

— Мой дорогой Чарльз! Не могу более прожить ни минуты, не попросив тебя приехать сюда, чтобы поцеловать мою гребаную жопу!

Лизи, визжа от смеха, с такой силой приложилась к стене дома, что задребезжало ближайшее окно. Аманда озорно ей улыбнулась и спустилась по ступенькам. Отошла на два-три шага, наклонила фигурку садового эльфа, стоявшую на траве, достала из-под нее запасной ключ, который хранила там. А наклонившись, не упустила возможности подтереть открыткой Чарльза Корриво обтянутый зеленой материей зад.

Больше не думая о том, что Джим Дули мог наблюдать за ними из леса, вообще больше не думая о Джиме Дули, Лизи сползла по стене на пол, уже не смеясь, а только хрипя, потому что воздуха в легких не осталось. Возможно, раз или два она так же сильно смеялась и со Скоттом. А может, такой смех напал на нее впервые в жизни.

На автоответчике Аманды они нашли только одно сообщение, от Дарлы — не от Дули. «Лизи! — Голос Дарлы восторженно звенел. — Я не знаю, как ты это сделала, но что здорово, то здорово! Мы уже едем в Дерри. Лизи, я тебя люблю. Ты — чемпионка!»

Она услышала слова Скотта: «Лизи, ты чемпионка в этом», — и ее смех начал затихать.

Револьвер «Следопыт» калибра 0,22 дюйма Аманда держала в коробке из-под обуви на верхней полке стенового шкафа в спальне. Когда передала его Лизи, он лег в руку так, словно конструкторы разрабатывали эту модель именно для нее. Лизи очень быстро сообразила, как откинуть барабан.

— Святой Иисус, Анда, он же *заряжен!*

И в этот самый момент, будто Кто-То Там Наверху остался недоволен упоминанием Лизи имени Божьего всуе, небеса вновь разверзлись, и полил дождь. А еще через несколько мгновений по стеклам застучал град.

— А что, по-твоему, делать одинокой женщине, если в дом проникнет насильник? — спросила Аманда. — Наставить на него незаряженный револьвер и крикнуть «*Бах!*»? — Аманда уже надела джинсы. Теперь повернулась к сестре костлявой спиной и застежками бюстгалтера. — Всякий раз, когда пытаюсь застегнуть их, боль в руках чуть не сводит меня с ума. Тебе следовало отвести меня к тому пруду.

— Мне и без твоего крещения в пруду пришлось попотеть, чтобы вытащить тебя оттуда, — ответила Лизи, застегивая бюстгалтер. — Надень красную блузку с желтыми цветами, хорошо? Мне нравится, как она на тебе сидит.

— В ней виден живот.

— Аманда, нет у тебя никакого живота.

— Есть, и... Зачем, во имя Иисуса, Марии и Иосифа-Плотника, ты вынимаешь патроны?

— Чтобы не прострелить себе коленную чашечку. — Лизи сунула патроны в карман джинсов. — Перезаряжу его позже. — Хотя могла ли она направить револьвер на Джима Дули, а потом нажать на спусковой крючок... Лизи не знала. Может, и могла. Если б вспомнила в этот момент консервный нож на своей груди.

Но ты же собираешься от него избавиться. Или нет?

Она определенно собиралась. Он причинил ей боль. Это первый страйк. Он представлял собой опасность. Это второй страйк. Она не могла переложить это дело на кого-то еще, это третий страйк, и ты вне игры*. Однако она продолжала смотреть на «Следопыта» как зачарованная. Скотт уделил много внимания огнестрельным ранам, когда писал один из своих романов («Реликвии», она в этом почти не сомневалась), и однажды она допустила ошибку, заглянув в папку, набитую жуткими фотографиями. До этого момента она не понимала, как же Скотту повезло в тот день в Нашвилле. Если бы пуля Коула раздробила ребро...

— Почему бы не везти его в коробке из-под обуви? — спросила Аманда, надевая футболку с грубой надписью («ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ ТУДА, ОТКУДА ВОНЯЕТ, — ВСТРЕТИМСЯ В МОТТОНЕ») вместо упомянутой Лизи блузки. — Там лежат и запасные патроны. Ты можешь заклеить крышку липкой лентой, пока я буду доставать мясо из морозильника.

— Где ты его взяла, Анда?

— Мне его дал Чарльз. — Аманда отвернулась, схватила с туалетного столика расческу, уставилась в зеркало, начала яростно драть волосы. — В прошлом году.

Лизи положила револьвер, очень похожий на тот, из которого Герд Аллен Коул стрелял в ее мужа, в коробку из-под обуви, посмотрела на отражение Аманды в зеркале.

* Страйк — (в бейсболе) пропущенный бэттером удар. Три страйка приводят к тому, что бэттер уходит с поля.

— Я спала с ним два, иногда три раза в неделю в течение четырех лет, — сказала Аманда. — То есть мы были близки. Ты согласна с этим?

— Да.

— Я также четыре года стирала его трусы и раз в неделю соскребала корки с его скальпа, чтобы перхоть не падала на плечи его темных костюмов, а это еще ближе, чем траханье. Что ты на это скажешь?

— Думаю, правота на твоей стороне.

— Да, — вздохнула Аманда. — Четыре года всего этого, и я получаю открытку от «Холлмарка» в качестве отступных. Нет, не думаю, что женщине, которую он привез с собой, сильно повезло.

Лизи приободрилась. Да, Аманде определенно не требовалось глотнуть воды из пруда.

— Давай возьмем мясо из холодильника и поедем к тебе, — добавила Аманда. — Я умираю от голода.

13

Солнце уже заходило, когда они подъехали к «Пательс маркет». Над дорогой высокой аркой стояла радуга.

— Знаешь, что бы я хотела съесть на ужин? — спросила Аманда.

— Нет, что?

— Большущий, во всю сковороду, гамбургер из полуфабриката. Но у тебя дома наверняка ничего такого нет, не так ли?

— Было, — Лизи виновато улыбнулась, — но я все съела.

— Остановись у «Пательса», — распорядилась Аманда. — Я возьму коробку.

Лизи остановила автомобиль. Аманда настояла на том, что возьмет с собой деньги, она держала их в синем кувшине на кухне, и вытащила из кармана мятую пятерку.

- Что мне купить, Маленькая? — спросила она.
— Что угодно, только не чизбургерный пирог, — ответила Лизи.

Глава 14

ЛИЗИ И СКОТТ

(Любимая)

1

Этим вечером, в четверть восьмого, у Лизи возникло предчувствие беды. Не впервые. Такое случалось с ней как минимум дважды. Первый раз в Боулинг-Грин, вскоре после того как она вошла в здание больницы, куда привезли ее мужа, который потерял сознание, выступая на кафедре английского языка и литературы. И, конечно же, предчувствие накатило на нее тем утром, перед полетом в Нашвилл, когда она разбила в ванной стакан для зубных щеток. Третье пришло, когда небо очищалось от грозовых облаков и золотой свет заходящего солнца начал вливаться в разрывы между ними. Они с Аmandой находились в кабинете Скотта над амбаром. Лизи просматривала бумаги на его столе, Большом Джумбо Думбо. Из того, с чем успела ознакомиться, самым интересным оказался конверт с довольно-таки фривольными французскими открытками. На приклеенном к верхней части конверта бумажном прямоугольнике Скотт (его почерк Лизи узнавала без труда) написал: «*Кто мне прислал ЭТО???*» Рядом с выключенным компьютером стояла коробка из-под обуви, в которой лежал револьвер. Крышку Лизи не сняла, но клейкую ленту отлепила. Аманда прошла в комнату, где стояли телевизор и музыкальный центр. Время от времени Лизи слы-

шала ворчание старшей сестры по поводу царящего там беспорядка: все лежало не на своих местах. Однажды Аманда даже задала риторический вопрос: «И как только Скотт мог здесь хоть что-то найти?»

Вот тут предчувствие беды и накрыло Лизи. Она задвинула ящик, содержимое которого разбирала, и села на стул с высокой спинкой. Закрыла глаза и просто ждала, а что-то накатывало на нее. Как выяснилось, песня. Ментальный музыкальный автомат включился, и зазвучал чуть гнусавый, но веселый голос Хэнка Уильямса, который запел: «Прощай, Джо, нам уже пора, ох, друг мой, нам уже пора, толкай пирогу...»

— Лизи! — позвала Аманда из комнаты, где Скотт обычно слушал музыку или смотрел фильмы по видею. Если не смотрел их в доме, глубокой ночью, в спальне для гостей. И Лизи услышала голос профессора кафедры английского языка и литературы колледжа Пратта, расположенного в Боулинг-Грин, всего в каких-то шестидесяти милях от Нашвилла. Чуть дальше длинного плевка, миссис.

«Я думаю, вы должны приехать сюда как можно быстрее, — сказал ей по телефону профессор Мид. — Вашему мужу стало плохо. Боюсь, очень плохо».

Моя Ивонн, сладчайшая моя, ох, друг мой...

— Лизи! — звонко крикнула Аманда, живая и энергичная. Кто-нибудь мог поверить, что восемью часами раньше она пребывала в глубокой коме? Нет, мадам. Нет, добрый сэр.

«Духи сделали все это за одну ночь, — подумала Лизи. — Да, за одну ночь».

Доктор Джантзен считает, что необходимо хирургическое вмешательство. Без торакотомии не обойтись.*

И Лизи подумала: «Парни вернулись из Мексики. Вернулись обратно в Анарен. Потому что Анарен был их домом».

* Торакотомия — вскрытие плевральной полости через грудную клетку.

Какие парни, позвольте спросить? Черно-белые парни. Джефф Бриджес и Тимоти Боттомс. Парни из фильма «Последний киносеанс».

«В этом фильме всегда настоящее и они всегда молоды, — подумала Лизи. — Они всегда молоды, а Сэм Лев всегда мертв».

— Лизи?

Она открыла глаза и увидела большую сиссу, которая стояла у входа в другую комнату, глаза Аманды ярко сверкали, а в руке она держала видеокассету с фильмом «Последний киносеанс»... и Лизи почувствовала, да, что вернулась домой. Ощущение возвращения домой, ох, подумать только.

И почему? Потому что пьющий из пруда получает некие маленькие привилегии? Потому что иногда ты приносишь в этот мир то, что взял в том мире? Взял или проглотил? Да, да и да.

— Лизи, дорогая, ты в порядке?

Такая искренняя тревога, такая долбаная материнская заботливость были столь несвойственны Аманде, что Лизи подумала, а не прислышалось ли ей все это.

— Все отлично, — ответила она. — Просто дала отдохнуть глазам.

— Ты не будешь возражать, если я посмотрю этот фильм? Нашла его среди остальных видеокассет. В основном там мусор, но этот фильм я давно хотела посмотреть и никак не могла до него добраться. Может, он меня отвлечет.

— Смотри, конечно, — ответила Лизи, — но учти, я уверена, где-то посередине часть фильма стерта. Пленка очень старая.

Аманда смотрела на заднюю сторону футляра видеокассеты:

— Джефф Бриджес выглядит просто мальчишкой.

— В этом фильме он и есть мальчишка, не так ли? — устало ответила Лизи.

— И Бен Джонсон, разумеется, уже умер... — Аманда замолчала. — Может, лучше не смотреть? Мы можем не услы-

шать твоего бой... мы можем не услышать этого Дули, когда он придет.

Лизи откинула крышку коробки из-под обуви, достала «Следопыта», нацелила на ступени, которые вели в амбар.

— Я заперла дверь наружной лестницы, поэтому он может подняться сюда только по этой. И я за ней слежу.

— Он может поджечь амбар, — нервно вырвалось у Аманды.

— Он не хочет меня поджарить... какое в этом удовольствие? — *И потом, подумала Лизи, у меня есть место, куда я могу уйти. Пока во рту чувствуется сладость, как сейчас, есть место, куда я могу уйти, и я сомневаюсь, что у меня возникнут проблемы с тем, чтобы взять тебя с собой, Анда.* Потому что даже после двух порций гамбургера и двух стаканов вишневого «кулэйда» эта сладость оставалась во рту.

— Ну, если ты считаешь, что фильм тебе не помешает...

— Я что, готовлюсь к экзаменам? Смотри, конечно.

Аманда ретировалась в другую комнату.

— Будем надеяться, что видеомэгафон работает. — Тонем она напоминала женщину, которая обнаружила на чердаке граммофон и стопку древних, на ацетатной основе, пластинок.

Лизи оглядела многочисленные ящики Большого Джумбо Думбо, подумала, что просматривать сейчас их содержимое — напрасный труд... и, вероятно, так оно и было. Почему-то она не сомневалась, что интересного здесь будет мало. И в ящиках; и в бюро, и даже на жестких дисках компьютеров. Нет, возможно, все это являло собой маленькую сокровищницу для безумных инкунков, коллекционеров и ученых, создававших себе репутацию в научном мире исследованиями литературного эквивалента отрезанной пуповины в узкоспециализированных журналах друг друга; честолюбивые, чрезмерно образованные придурки, которые полностью потеряли связь как с книгами, так и с настоящим чтением, и десятилетиями рылись не пойми в чем, напроць забыв; что не все золото, что

блестит. Стоящее из амбара уже вынесли. Все произведения Скотта Лэндона, которые радовали его постоянных читателей (летающих на самолете из Лос-Анджелеса в Сидней, сидящих в комнате ожидания больницы, коротающих время долгим дождливым летним днем, чередующих бестселлер недели с кроссвордом), уже опубликовали. «Секретная жемчужина», роман, появившийся на прилавках через месяц после его смерти, стал последним.

Нет, Лизи, прошептал голос, сначала она подумала, что Скотта, а потом (безумие какое-то) решила, что это голос старины Хэнка. И это действительно было безумием, потому в голове у нее прозвучал вовсе не мужской голос. Значит, голос доброго мамика, который иногда что-то ей нашептывал?

Я думаю, ты хотела, чтобы я тебе кое-что сказала. Насчет истории.

Нет, не доброго мамика (хотя желтый афган доброго мамика имел к этому некое отношение), а Аманды. Они сидели рядом на каменных скамьях, смотрели на парусник «Холлихокс», который всегда покачивался на якоре и никуда не уплывал. Лизи не осознавала, как похожи голоса и интонации ее матери и самой старшей сестры, пока не вспомнила о тех мгновениях на скамьях. И...

Что-то насчет истории. Твоей истории, истории Лизи.

Аманда действительно это сказала? Теперь все казалось сном, и полной уверенности у Лизи не было, но вроде бы сказала.

И афгане. Только...

— Только он называл его африканом, — проговорила Лизи. — Он называл его африканом и он называл это булом. Не бупом, не бипом, а булом.

— Лизи? — позвала Аманда из другой комнаты. — Ты что-то сказала?

— Разговариваю сама с собой, Анда.

— То есть у тебя есть деньги в банке, — отозвалась Аманда, а потом слышался только саундтрек фильма. Лизи, похоже, помнила каждую его ноту, каждый звук.

Если ты оставил мне историю, Скотт, где она? Не здесь, не в кабинете, я готова поспорить на любые деньги. И не в амбаре... там нет ничего, кроме ложных булов вроде «Айк приходит домой».

Но тут она кривила душой. В амбаре она нашла как минимум два приза: лопату с серебряным штыком и кедровую шкатулку доброго мамика, которую засунули под бременскую кровать. А в шкатулке обнаружился желтый вязаный квадрат, «усллада». Не об этом ли говорила Аманда?

Лизи так не думала. В шкатулке была история, да только их история: «Скотт и Лизи: Теперь нас двое». А что есть ее история? И где она?

И, если уж речь зашла о «где», где Черный принц инкунков?

Не оставил весточки ни на автоответчике Аманды, ни на ее автоответчике. Она нашла только одно сообщение — на автоответчике, который стоял в доме. От помощника шерифа Олстона.

«Миссис Лэндон, гроза причинила городу немалый урон, особенно южной его части. Кто-нибудь, надеюсь, я или Дэн Боукмен, заглянет к вам при первой возможности, а пока хочу напомнить: держите все двери на замке и не впускайте в дом незнакомых людей. То есть пусть снимут шляпу или откинут капюшон, чтобы вы смогли увидеть лицо, даже если лить будет как из ведра, понимаете? И постоянно держите при себе мобильник. Помните, в случае чрезвычайных обстоятельств вам нужно лишь нажать на клавишу быстрого набора и на кнопку с единицей. И вы тут же дозвонитесь до управления шерифа».

— Круто, — фыркнула Аманда. — Когда они приедут сюда, наша кровь еще не успеет свернуться. Возможно, это им упростит анализ ДНК.

Лизи комментировать сообщение не стала, потому что не собиралась отдавать Джима Дули управлению шерифа округа Касл. По разумению Лизи, Джим Дули оказал бы всем невероятную услугу, перерезав себе горло ее консервным ножом.

На табло автоответчика в амбарном кабинете светилась цифра «1», но Лизи, нажав на клавишу «ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ», услышала лишь три секунды тишины, короткий вздох, а потом на другом конце провода положили трубку. Кто-то мог неправильно набрать номер, люди постоянно ошибались с набором номера, а потом клали трубку, но она знала, это не тот случай.

Нет. Звонил Дули.

Лизи выпрямилась, прошла пальцем по обтянутой резиной рукоятке револьвера, взяла его, откинула цилиндр. Простая задача, если уже приходилось это делать. Вставила патроны в гнезда, вернула барабан на место. Послышался короткий щелчок, свидетельствующий о том, что револьвер готов к использованию по прямому назначению.

В другой комнате Аманда смеялась над каким-то эпизодом. Лизи тоже улыбнулась. Она не верила, что Скотт все это спланировал; он даже не составлял плана своих романов при всей сложности некоторых из них. Говорил, что план выхлещивает работу над книгой, отнимает радость, которую доставляет эта работа. Он утверждал, что писать книгу — все равно что найти в траве яркую нитку и идти по ней, чтобы узнать, куда она выведет. Иногда нитка обрывалась и оставляла ни с чем. Но в других случаях (если тебе улыбнулась удача, если ты проявил смелость и выдержку) нить эта приводила к сокровищу. И сокровищем были не деньги, которые ты получал за книгу: сокровищем была *сама книга*. Роджеры Дэшмайлы этого мира не верили его словам, и Джозефы Вудбоди думали, что написание книги — нечто более важное, более возвышенное, но Лизи прожила со Скоттом много лет и верила. Создание книги представляло собой охоту на була. А вот не

говорил он ей другого (хотя Лизи подозревала, что всегда об этом догадывалась): если нить не обрывалась, то она обязательно заканчивалась у пруда. Того самого пруда, к которому мы приходим, чтобы утолить жажду, забросить сети, поплавать, а иногда и утонуть.

Он это знал? В конце своей жизни он знал, что это конец?

Она выпрямилась еще больше, пытаясь вспомнить, отговаривал ли ее Скотт ехать с ним в «Пратт», небольшой, но известный гуманитарный колледж, где он в первый и последний раз читал отрывки из «Секретной жемчужины». Он потерял сознание на приеме после своего выступления. Через девяносто минут она уже сидела в самолете, а один из приглашенных на прием (кардиохирург, которого притащила на выступление жена) оперировал Скотта, пытаясь спасти ему жизнь или хотя бы помочь продержаться до того момента, как его перевезут в более крупную больницу.

Он знал? Он намеренно пытался оставить меня дома, зная, что грядет?

На все сто процентов Лизи в это не верила, но когда позвонил профессор Мид, разве она не поняла: Скотт знал, что то надвигается. Если не длинный мальчик, то что? Не потому ли их финансовые дела были в столь безупречном порядке, все необходимые бумаги были подготовлены и подписаны? Не потому ли он принял все необходимые меры для разрешения будущих проблем Аманды?

«Я думаю, будет правильно, если вы вылетите как можно скорее и дадите разрешение на хирургическое вмешательство», — сказал тогда профессор Мид. Она так и поступила, позвонила в авиационную чартерную компанию, услугами которой они всегда пользовались, после того как поговорила с неизвестным голосом в городской больнице Боулинг-Грин. Представилась женой Скотта Лэндона, Лизой, и разрешила доктору Джантзену провести торакатомию (слово она едва выговорила) и «все сопутствующие процедуры». С авиакомпан-

нией она говорила более уверенно. Ей требовался самый быстрый самолет. «Гольфстрим» быстрее «Лиры»*. Отлично. Готовьте к полету «Гольфстрим».

В соседней комнате, где стояли телевизор и музыкальный центр, Аманда по-прежнему смотрела черно-белый фильм «Последний киносеанс». Там Анарен был домом, Джефф Бриджес и Тимоти Боттомс оставались молодыми, а старина Хэнк пел о храбром индейском вожде Ко-Лайге.

За окнами воздух начал краснеть, как это случалось, когда приближался закат в некоей таинственной стране, однажды открытой двумя испуганными мальчишками из Пенсильвании.

Все произошло так внезапно, миссис Лэндон. Мне бы хотелось предложить вам некоторые ответы, но у меня их нет. Может, они есть у доктора Джантзена.

Но доктор Джантзен не помог. Он сделал торакотомию, но никаких ответов не дал.

«Я не знала, что это было, — думала Лизи, глядя, как покрасневшее солнце спускается к западным холмам. — Я не знала, что такое торакотомия, не знала, что происходит... да только, несмотря на все, я спряталась за пурпуром, спряталась».

Пилоты, пока самолет находился в воздухе, договорились о том, чтобы к трапу подали лимузин. «Гольфстрим» приземлился в двенадцатом часу, а вскоре после полуночи она подъехала к небольшому зданию из шлакоблоков, которое местные называли больницей. День выдался жарким, и ночью температура упала ненамного. Когда водитель открыл дверцу, у нее возникло ощущение, она это хорошо помнила, что она может протянуть руки, крутануть ими и выжать воду прямо из воздуха.

И еще, естественно, лаяли собаки (судя по всему, все собаки Боулинг-Грин лаяли на луну) и... Господи, все эти разгово-

* «Гольфстрим», «Лир» — небольшие (4—10 пассажиров) самолеты бизнес-класса, скоростью и дальностью полета не уступающие пассажирским лайнерам.

ры насчет déjà vu, старик рассказывал по холлу, а две старушки лет восьмидесяти, никак не моложе, судя по всему, однайцевые близнецы, сидели в комнате ожидания и смотрели прямо перед собой...

2

Прямо перед ней — двери двух лифтов, выкрашенных синесерой краской. И еще на подставке табличка с надписью «НЕ РАБОТАЕТ». Лизи закрывает глаза и одной рукой слепо тянется к стене, потому что в это мгновение не сомневается, что сейчас лишится чувств. И почему нет? У нее ощущение, что она совершила путешествие не только в пространстве, но и во времени. И это не Боулинг-Грин 2004 года, а Нашвилл 1988-го. У ее мужа и тогда возникла проблема с легкими. Проблема двадцать второго калибра. Безумец всадил в него пулю и всадил бы еще несколько, если бы Лизи не пустила в ход, и очень быстро, лопату с серебряным штыком.

Она ждет, пока кто-нибудь спросит, все ли с ней в порядке, может, даже поддержит ее, поможет устоять на шатающихся под ней каблуках-шпильках, но слышится только гудение старого пылесоса да откуда-то доносится слабое позвякивание колокольчика, которое заставляет ее подумать о другом колокольчике, звякающем совсем в другом месте. Колокольчик этот иногда звякает за пурпурным занавесом, который она повесила с тем, чтобы отгородить определенные эпизоды своего прошлого.

Лизи открывает глаза и видит, что за регистрационной стойкой никого нет. Свет горит в окошке с надписью «СПРАВочНАЯ», поэтому Лизи уверена, кто-то должен дежурить и в столь поздний час, но человек этот, он или она, отошел, может, в туалет. Пожилые близняшки в комнате ожидания устались, как кажется Лизи, в совершенно одинаковые журналы.

За входными дверями стоит ее лимузин. Его горящие желтые подфарники напоминают глаза какой-то экзотической глубоководной рыбы. По эту сторону входных дверей больница маленького городка дремлет в первый час нового дня, и Лизи наконец-то понимает, что если не «поднимет вой», как сказал бы ее отец, то будет предоставлена самой себе. И мысль эта порождает не страх, или раздражение, или замешательство, но глубокую печаль. Позже, возвращаясь самолетом в Мэн с останками мужа в гробу, Лизи подумает: «Вот когда я поняла, что он не покинет эту больницу живым. Он прошел свой путь на этой земле. У меня было предчувствие беды. И знаешь что? Думаю, последней каплей стала табличка перед лифтом. С долбаной надписью «НЕ РАБОТАЕТ». Да!»

Она может подойти к настенному щиту-указателю, на котором расписано, какие отделения находятся на том или ином этаже, может спросить у уборщика, который пылесосит коридор, но Лизи этого не делает. Она уверена, что найдет Скотта в отделении интенсивной терапии — куда еще его могли привезти после операции? — а отделение интенсивной терапии, само собой, на третьем этаже. Интуиция так сильна, что, подходя к лестнице, она готова увидеть у первой ступеньки знакомое волшебное полотнище из мешковины, пыльный квадрат грубой материи из хлопка с надписями «ПИЛЬСБЕРИ — ЛУЧШАЯ МУКА». Ковра-самолета, понятное дело, нет, и на третий этаж она поднимается вся в поту и с тяжело бьющимся сердцем. Но на двери действительно написано «ОТДЕЛЕНИЕ ИНТЕНСИВНОЙ ТЕРАПИИ ГББГ*», и ощущение, что все это происходит во сне, где прошлое и настоящее слились в кольцо без начала и конца, только усиливается.

Он в палате 319, думает Лизи. Она в этом уверена, хотя видит много отличий от той больницы, где ее муж лежал в последний раз. Самое очевидное — телевизионные мониторы у каждой палаты, на которых красным и зеленым высвечена

* ГББГ — городская больница Боулинг-Грин.

различная информация. В том числе частота пульса и верхние и нижние значения давления крови, в этом Лизи совершенно уверена. В чем еще у нее нет сомнений, так это в именах и фамилиях. Их она может прочитать. КОЛБЕТТ-ДЖОН, ДАМБАРТОН-АДРИАН, ТАУСОН-РИЧАРД, ВАНДЕРВУ-ЭЛИЗАБЕТ (*Лизи Вандерву, думает она, здесь нас две*), ДРАЙТОН-ФРАНКЛИН. Она приближается к палате 319 и думает: *Сейчас из палаты выйдет медсестра, держа в руках поднос с завтраком Скотта, спиной ко мне. Я не собираюсь пугать ее, но, конечно, напугаю. Она уронит поднос. С тарелками и кофейной чашкой ничего не случится, они крепкие, выдерживали и не такое, а вот стакан из-под сока разлетится на миллион осколков.*

Но она идет по коридору глубокой ночью, а не утром, под потолком не вращаются лопасти вентиляторов, и на мониторе над дверью палаты 319 совсем другие имя и фамилия: ЯНЕС-ТОМАС. Но чувство *déjà vu* так сильно, что она приоткрывает дверь и заглядывает в палату. Видит на единственной кровати огромную тушу — Томаса Янеса. А потом вдруг наступает пробуждение, свойственное лунатикам: Лизи оглядывается с нарастающими страхом и недоумением: *Что я тут делаю? Мне может крепко достаться за то, что я пришла сюда одна, без сопровождающего.* Потом она думает: ТОРАКОТОМИЯ. Она думает: КАК ТОЛЬКО ТЫ ДАЛА РАЗРЕШЕНИЕ НА ХИРУРГИЧЕСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО? И буквально видит слово «ХИРУРГИЯ», пульсирующее красными, роняющими капли крови буквами. Вместо того чтобы уйти, она направляется к ярко освещенному островку в центре коридора: сестринскому посту. Ужасная мысль начинает выплывать из подсознания,

(а если он уже)

и она загоняет ее обратно, в темные глубины.

На посту одна медсестра, одетая в униформу, по которой скачут персонажи мультфильмов киностудии «Уорнер бра-

зерс», что-то лихорадочно записывает в разложенные перед ней истории болезней. Вторая что-то наговаривает в миниатюрный микрофон, приколотый к лацкану куртки более традиционной униформы, судя по всему, информацию, которую считывает с монитора. За ними видна голова рыжеволосого долговязого мужчины, спящего на раскладном стуле. Подбородок прижат к белой рубашке. Пиджак, который висит на спинке стула, из той же темной материи, что и брюки, то есть мужчина пришел в больницу в костюме. Незнакомец сидит без туфель и галстука. Лизи видит, что кончик последнего торчит из кармана пиджака. Руки мужчины лежат на коленях. У Лизи, возможно, было предчувствие, что Скотт не покинет городскую больницу Боулинг-Грин живым, но она и подумать не может, что перед ней хирург, который оперировал Скотта, продлил ему жизнь, и теперь они смогут попрощаться после двадцати пяти хороших (чего там, *отличных*) лет, проведенных вместе. Лизи предполагает, что спящему лет семнадцать, он — не мужчина, а юноша, вероятно, сын одной из медсестер.

— Я... — подает голос Лизи. Обе медсестры подпрыгивают на стульях. На этот раз Лизи удастся испугать двух медсестер, а не одну. Та, что с микрофоном, записывает на пленку: «Ой!» Лизи на это глубоко наплевать. — Я — Лиза Лэндон. Как я понимаю, мой муж, Скотт...

— Миссис Лэндон, да, конечно, — подает голос медсестра с Бэгсом Банни на одной груди, в которого с другой целится из ружья Элмер Фудд, а Даффи Дак смотрит на них с живота. — Доктор Джантзен хотел поговорить с вами. Он оказал вашему мужу первую помощь на приеме.

Лизи все еще не понимает происходящего, возможно, потому, что не успела заглянуть в толковый словарь и не знает значения слова «торакотомия».

— Скотт... он что, потерял сознание, отключился?

— Я уверена, доктор Джантзен сообщит вам все подробности. Вы знаете, он сделал не только торакотомию, но и частичную плеврэктомию.

Плеврэ-что? Тем временем медсестра, которая что-то надиктовывала, протягивает руку и трясет за плечо спящего рыжеволосого мужчину. Когда он открывает глаза, Лизи понимает, что ошиблась насчет возраста. Мужчина достаточно взрослый, чтобы ему отпустили спиртное в баре, но, конечно же, они не собираются сказать ей, что именно он вскрывал грудную клетку ее мужа. Не собираются?

— Операция, — произносит Лизи, не зная, к кому из троих она обращается. В голосе явно слышится отчаяние, ей это не нравится, но она ничего не может подделать. — Она закончилась успешно?

«Мультиязычная» медсестра медлит с ответом, и Лизи читает все, чего так боится, в глазах, взгляд которых тут же уходит в сторону. Потом возвращается, и медсестра говорит:

— Это доктор Джантзен. Он вас ждал.

3

После короткого замешательства, вызванного резким переходом от сна к бодрствованию, доктор Джантзен быстро соображает, что к чему. Лизи думает, что такое, вероятно, свойственно врачам, а также полицейским и пожарным. *Писателям точно не свойственно. Со Скоттом, пока он не выпивал вторую чашку кофе, говорить было бесполезно.*

Лизи осознает, что только что подумала о муже в прошедшем времени, и от волны холода волосы на затылке встают дыбом, а по коже бегут мурашки. Следом приходит какая-то легкость, чудесная и ужасная. В любой момент она может улететь, словно воздушный шарик с перерезанной ниткой. Улететь в

(помолчи, маленькая Лизи, об этом помолчи)

какое-то другое место. Может, на Луну. Лизи приходится вонзить ногти в ладони, чтобы удержаться на ногах.

Тем временем Джантзен что-то шепчет «мультишной» медсестре. Она слушает и кивает.

— Вы не забудете оставить письменное распоряжение, да?

— До того, как часовая стрелка минует цифру два, — заверяет ее Джантзен.

— Вы уверены, что хотите именно этого? — настаивает медсестра. Лизи видит, она не спорит, просто хочет окончательно убедиться, что все поняла правильно.

— Уверен, — кивает врач, поворачивается к Лизи и спрашивает, готова ли она идти в «Изолятор Олтона». Там, говорит он, лежит ее муж. Лизи, конечно же, готова.

— Хорошо. — Улыбка Джантзена усталая и не очень-то искренняя. — Надеюсь, вы надели походные ботинки. Изолятор на пятом этаже.

Они идут обратно к лестнице, мимо палат ЯНЕСА-ТОМАСА и ВАНДЕРВУ-ЭЛИЗАБЕТ, а «мультишная» медсестра говорит с кем-то по телефону. Только потом Лизи понимает, что Джантзен попросил медсестру позвонить наверх и отключить принудительную вентиляцию легких Скотта, чтобы тот смог в достаточной мере прийти в себя. Узнать жену и услышать слова прощания. Возможно, даже самому сказать слово-другое, если Бог смилуется и позволит толике воздуха пройти через голосовые связки. Позднее она поймет, что отключение принудительного вентилирования сократило остаток жизни Скотта с часов до минут, но Джантзен подумал, что это честная сделка, раз уж часы не оставляли Скотту надежды на выздоровление. Позднее Лизи также поймет, что они поместили Скотта в единственный в маленькой городской больнице инфекционный изолятор.

Позднее.

4

По ходу медленного подъема на пятый этаж она узнает, сколь мало Джантзен может сказать ей о болезни Скотта... сколь чудовищно мало он знает. Торакотомия, говорит он, это не лечение, она служит лишь для того, чтобы откачать накопившуюся жидкость. Второй шаг состоял в том, чтобы удалить застоявшийся воздух из плевральных полостей Скотта.

— О каком легком мы говорим, доктор Джантзен? — спрашивает она его, и он ужасает ее своим ответом:

— Об обоих.

5

Именно тогда он спрашивает, как давно болеет Скотт и побывал ли он у врача перед тем, как его «текущее состояние обострилось». Лизи отвечает, что ничего у Скотта не обострилось. Он и не болел. Последние десять дней у него текло из носа, он кашлял и чихал, но ничего больше. Он даже не принимал олддрест, хотя думал, что и насморк, и кашель, и чихание вызваны аллергией, и она так думает. С ней ежегодно происходит нечто похожее в конце весны и в начале лета.

— Никакого глубокого кашля? — спрашивает он, когда они приближаются к лестничной площадке пятого этажа. — Никакого глубокого влажного кашля вроде утреннего кашля курильщика? Уж извините, что лифты не работают.

— Все нормально. — Дышит она тяжело, слова даются с трудом. — Он кашлял, как я вам и сказала, скорее даже подкашливал. Раньше он курил, но уже много лет как бросил. — Она задумывается. — Пожалуй, в последние два дня кашель чуть усилился, и однажды ночью он меня даже разбудил...

— Прошлой ночью?

— Да, но он выпил глоток воды, и кашель прекратился. — Джантзен открывает дверь в еще один тихий коридор, но Лизи останавливает доктора, коснувшись его руки. — Послушайте... это вчерашнее выступление. В свое время Скотт мог выходить на сцену с сорокаградусной температурой, и ничего. Черпал энергию в аплодисментах и доводил дело до конца. Но все это закончилось пять, может, семь лет назад. Если бы он действительно чувствовал себя плохо, то, я уверена, позвонил бы профессору Миду, заведующему кафедрой английского языка и литературы, и отменил бы это долба... это чертово выступление.

— Миссис Лэндон, когда мы привезли его в больницу, температура зашкалила за сорок градусов.

Теперь она может только смотреть на доктора Джантзена, на его не внушающее доверия молодое лицо. В ее глазах стоит ужас, но это не означает, что она ему не верит. Приведенные доказательства вкупе с некими воспоминаниями, которые ей не удастся похоронить навсегда, позволяют воссоздать полную картину.

Чартерным рейсом Скотт улетел из Портленда в Бостон, а оттуда самолетом «Юнайтед эйрлайнс» в Кентукки. Стюардесса самолета «Юнайтед», которая взяла у него автограф, потом рассказала репортеру, что мистер Лэндон кашлял «почти без перерыва», и лицо у него горело. «Когда я спросила, не заболел ли он, — сообщила она в интервью, — он ответил, что это всего лишь летняя простуда, он примет пару таблеток аспирина и тут же поправится».

Фредерик Борент, аспирант кафедры английского языка и литературы, который встречал самолет Скотта, также упоминал о кашле и сказал, что Скотт попросил его остановиться у аптеки и купил пузырек найкуила*. «Наверное, у меня грипп», — сказал он Боренту. Аспирант очень хотел услышать,

* Найкуил — популярное жаропонижающее средство, отпускается без рецепта.

как Скотт читает свой новый роман, и спросил, удастся ли тому выйти на сцену. «Я вас удивлю», — ответил Скотт.

Борент точно удивился. И получил огромное удовольствие. Как и большая часть слушателей Скотта. Согласно заметке в «Боулинг-Грин дейли ньюс», Скотт своим чтением «почти что зачаровал» аудиторию, лишь несколько раз останавливаясь, чтобы чуть откашляться, словно у него першило в горле. Но это покашливание сводилось на нет маленьким глотком воды из стакана, который стоял у него под рукой. Говоря с Лизи несколькими часами позже, Джантзен по-прежнему пребывал под впечатлением жизненной энергии, которая так и бурлила в Скотте. И вот это его изумление в сочетании со словами мужа, переданными ей заведующим кафедрой английского языка и литературы во время их телефонного разговора, проделали дыру в тщательно оберегаемом занавесе, которым Лизи отгораживалась от воспоминаний, во всяком случае, на время. После выступления, перед самым началом приема, Скотт сказал профессору Миду следующее: «Позвоните моей жене, хорошо? Скажите, что ей, возможно, придется прилететь сюда. Скажите, что я, похоже, съел что-то не то после захода солнца. Это у нас такая шутка».

6

Лизи делится с молодым доктором Джантзеном своим самым жутким страхом, даже не подумав, а стоит ли:

— Скотт от этого умрет, не так ли?

Джантзен медлит с ответом, но наконец-то она видит — он молод, но не мальчик.

— Я хочу, чтобы вы увидели его, — говорит он, затянув паузу. — И я хочу, чтобы он увидел вас. Он в сознании, но это ненадолго. Вы пойдете со мной?

Джантзен идет слишком быстро. Останавливается у сестринского поста, и медбрат, который дежурит в эту ночь, отрывается от журнала «Современная геронтология». Джантзен что-то говорит ему. Медбрат отвечает. Разговаривают они шепотом, но на этаже очень тихо, и Лизи ясно и отчетливо слышит три слова, которые произносит медбрат. Они ее ужасают.

— Он ее ждет, — говорит медбрат.

В дальнем конце коридора две закрытые двери. На них — ярко-оранжевая надпись:

**ИЗОЛЯТОР ОЛТОНА
ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЙТИ,
ОБРАТИТЕСЬ К МЕДСЕСТРЕ
СОБЛЮДАЙТЕ ВСЕ МЕРЫ
ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ
РАДИ ВАШЕГО БЛАГА
РАДИ ИХ БЛАГА
МОГУТ ПОТРЕБОВАТЬСЯ МАСКА И ПЕРЧАТКИ**

Слева от дверей раковина, над которой Джантзен моет руки, а потом, по его указанию, Лизи проделывает то же самое. На тележке-каталке справа лежат марлевые маски, латексные перчатки в герметичной упаковке, эластичные желтые бахилы в картонной коробке с надписью «БЕЗРАЗМЕРНЫЕ», аккуратная стопка зеленых хирургических халатов.

— Изолятор, — говорит Лизи. — Господи, так вы думаете, что мой муж подхватил штамм Андромеды?

Джантзен пожимает плечами.

— Мы думаем, что у него, возможно, какая-то экзотическая пневмония, а может, птичий грипп, мы пока не можем идентифицировать его болезнь, и она...

Он не заканчивает фразу, похоже, не знает, как это сделать, и Лизи приходит ему на помощь.

— Она быстренько прибирает его к рукам. Как говорится.

— Маски будет достаточно. Миссис Лэндон, если у вас нет порезов, а я их не заметил, когда...

— Думаю, о порезах можно не волноваться, и маска мне не нужна, — прерывает она его и открывает левую дверь, прежде чем он успевает возразить. — Если болезнь заразная, я ее уже подцепила.

Джантиэн следует за ней в изолятор Олтона, натянув одну из зеленых масок на нос и рот.

7

В изоляторе, который занимает дальнюю часть коридора пятого этажа, четыре бокса. Из всех мониторов светится только один, лишь из-за одной двери доносится пиканье больничной техники и устойчивый шум потока подаваемого кислорода. **Имя на мониторе (под значениями ужасно быстрого пульса: 178 ударов в минуту и ужасно низкого давления: 79 на 44) — ЛЭНДОН-СКОТТ.**

Дверь наполовину открыта. На табличке, которая крепится к ней, нарисован оранжевый язычок пламени, перечеркнутый жирным крестом. Ниже, яркими красными буквами, разъяснение: **«НИКАКОГО ОТКРЫТОГО ОГНЯ, НИКАКИХ ИСКР».** Лизи — не писатель, определенно не поэт, но в словах, которые она читает, сосредоточена необходимая и достаточная информация о том, как все заканчивается. Это черта, подведенная под ее семейной жизнью, та самая, какую проводят под числами, которые требуется суммировать. *Ни огня, ни искры.*

Скотт, который оставил ее, как обычно, нагло прокричав: **«Увидимся позже, Лизи-гатор»**, перекрывая ретророк группы **«Флейминг гравис»**, рвущийся из динамиков CD-плея-

ра их старого «форда», сейчас лежит, и его глаза смотрят на нее с бледного, как молочная вода, лица. Собственно, только они и живы, и просто раскалены. Горят, как глаза совы, застывшей в печной трубе. Скотт лежит на боку. Аппарат искусственного вентилирования легких отодвинули от кровати, но она видит слизь-флегму на трубке и знает,

(замолчи маленькая Лизи)

что в этом зеленом дерьме есть вирусы и микробы, которые никто не сможет идентифицировать даже с помощью самого лучшего электронного микроскопа этого мира и всех баз данных, существующих под этим небом.

— Эй, Лизи...

Шепот, можно сказать, бесшумный («Не громче дуновения ветра под дверью», — как мог бы сказать старый Дэнди), но Лизи слышит мужа и идет к кровати. Пластмассовая кислородная маска висит на шее, газ шипит. Две пластиковые трубочки торчат из груди, где свежие разрезы выглядят как нарисованная ребенком птичка. Трубки, которые выходят из спины, невероятно огромные в сравнении с теми, что на груди. Охваченной ужасом Лизи кажется, что размером они с радиаторные шланги. Трубки прозрачные, и она видит мутную жидкость и окровавленные кусочки тканей, которые плывут по ним к какому-то похожему на чемодан аппарату, стоящему на кровати у него за спиной. Это не Нашвилл, не пуля калибра 0,22 дюйма. И хотя ее сердце не желает с этим смириться, одного взгляда достаточно, чтобы убедить разум: Скотт умрет еще до восхода солнца.

— Скотт. — Она опускается на колени рядом с кроватью и берет его горячую руку в свои холодные. — Что ты с собой сделал на этот раз?

— Лизи. — Ему удастся чуть сжать ее руку. Дышит он с тем же свистом, который она хорошо запомнила в тот день на автомобильной стоянке. Она знает, что он сейчас скажет, и Скотт

ее не разочаровывает. — Мне так жарко, Лизи. Лед?.. Пожалуйста?

Она смотрит на столик у кровати, но там ничего нет. Смотрит через плечо на врача, который привел ее сюда, теперь превратившегося в Рыжеволосого-Мстителя-в-Маске.

— Доктор... — начинает она и внезапно осознает, что не может продолжить. — Извините, забыла вашу фамилию.

— Джантзен, миссис Лэндон. И это нормально.

— Можно дать моему мужу немного льда? Он говорит, что ему...

— Да, разумеется. Я сам его принесу. — Врач тут же исчезает за дверью. Лизи понимает, что ему требовался предлог, чтобы оставить их вдвоем.

Скотт снова сжимает ее руку.

— Ухожу, — говорит все тем же едва слышным шепотом. — Извини. Люблю тебя.

— Скотт, нет! — И резко добавляет: — Лед! Сейчас будет лед!

Должно быть, с невероятным усилием (дыхание становится еще более свистящим) он поднимает руку и гладит ее по щеке одним пальцем. Вот тут из глаз Лизи начинают литься слезы. Она знает, что должна его спросить. Панический голос, который никогда не называет ее Лизи, только «маленькая Лизи», этот хранитель секретов, вновь заявляет, что нельзя, нельзя ни о чем спрашивать, но она не собирается его слушать. У каждой семейной пары, за плечами которой многолетняя совместная жизнь, два сердца, светлое и темное. И теперь в дело вступает их темное сердце.

Она наклоняется ближе, в жар умирающего. До ее ноздрей долетает запах «фоуми», пены для бритья, которой он пользовался вчера утром, и шампуня «чайное дерево». Она наклоняется, пока ее губы не касаются его горящего уха.

— Иди, Скотт. Доберись до этого долбаного пруда, раз уж без этого нельзя. Если доктор вернется и найдет кровать пус-

той, я что-нибудь придумаю, не важно что, но доберись до пруда и поправься, сделай это, сделай для меня, черт побери!

— Не могу, — шепчет он, и кашель заставляет ее отпрянуть. Она думает, что этот приступ его убьет, разорвет легкие в клочья, но каким-то образом ему удастся взять кашель под контроль. И почему? Да потому что он еще не все сказал. Даже здесь, на смертном одре, в палате изолятора, в час ночи, в захолустном городке Кентукки, он намерен сказать то, что должен. — Не... сработает.

— Тогда я пойду с тобой! Просто помоги мне!

Скотт качает головой.

— Лежит поперек тропы... к пруду. Он.

Она сразу понимает, о чем говорит муж. Беспомощно смотрит на стакан с водой, где иногда можно увидеть эту тварь с пегим боком. Там или в зеркале, краем глаза. Всегда глубокой ночью. Всегда, если человек заплутал, или ему больно, или когда первое накладывается на второе. Мальчик Скотта. *Длинный* мальчик Скотта.

— С... пит. — Станный звук доносится из распадающихся легких Скотта. Она думает, что он задыхается, и тянется к кнопке звонка, потом смотрит в его лихорадочно горящие глаза и понимает: он то ли смеется, то ли пытается смеяться. — Спит на... тропе. Бок... высокий... небо... — Его глаза закатываются к потолку, и она понимает, он пытается сказать, что бок твари высокий, как небо.

Скотт цапает маску на шее, но не может ее поднять. Лизи спешит на помощь, накрывает маской рот и нос. Скотт делает несколько вдохов, дает Лизи знак убрать маску. Она подчиняется, и на какое-то время, может, с минуту, голос Скотта крепнет.

— Отправился в Мальчишечью луну с самолета. — В его голосе слышится изумление. — Никогда этого не делал. Думал, что упаду, но, как всегда, оказался на холме Нежного сердца. Отправился вновь из кабинки... туалета в аэропорту.

Последний раз... из гримерки, перед тем как поднялся на сцену. Все еще там. Старина Фредди. Все еще там.

Господи, он даже дал имя этой долбаной твари.

— Не мог дойти до пруда, поэтому съел несколько ягод... они обычно не приносили вреда, но...

Он не может закончить. Она вновь накрывает кислородной маской нос и рот.

— В поздний час, — говорит Лизи, пока он дышит. — В поздний час, не так ли? Ты съел их после захода солнца.

Он кивает.

— Ты думал, что ничего другого сделать нельзя.

Он вновь кивает. Показывает, чтобы она сняла маску.

— Но с тобой все было в порядке, когда ты читал отрывки из своей новой книги! — говорит она. — Профессор Мид сказал, что ты выступил блестяще.

Он улыбается. Должно быть, никогда она не видела столь грустной улыбки.

— Роса, — поясняет он. — Слизал с листьев. Последний раз, когда ушел... из теплицы. Думал, она может...

— Ты думал, она лечебная. Как пруд.

Глазами Скотт отвечает: «Да». Не отрывается взглядом от ее глаз.

— И тебе полегчало. На какое-то время.

— Да. На какое-то время. Теперь... — Он чуть пожимает плечами и отворачивает голову. На этот раз приступ кашля сильнее, она с ужасом видит, как поток в трубках густеет, сильнее окрашивается красным. Скотт находит ее руку, сжимает. — Я заплутал в темноте, — шепчет он. — Ты меня нашла.

— Скотт, нет...

Он кивает. «Да».

— Ты увидела меня. Все... — Он отпускает ее руку, чтобы кистью очертить круг. Этот жест означает: *все по-прежнему*. Теперь, глядя на нее, он чуть улыбается.

— Держись, Скотт! Просто держись!

Он кивает, словно до нее наконец-то дошло.

— Держись... жди ветра перемен.

— Нет, Скотт, лед! — Это все, что приходит ей в голову. —
Дождись льда!

Он говорит «крошка». Он называет ее «любимая». А потом слышится только один звук — шипение кислорода, подаваемого в маску на его шею. Лизи закрывает лицо руками

8

а когда убрала их, они были сухими. Она этому и удивилась, и нет. Но точно почувствовала облегчение. Похоже, наконец-то перестала горевать. Понимала, что в кабинете Скотта ей предстоит еще огромная работа (они с Аmandой только ее начали), но Лизи подумала, что за последние два-три дня достигла немалого прогресса в расчистке собственного дерьма. Прикоснулась к раненой груди и почти что не почувствовала боли. *Тем самым самолечение поднято на новый уровень* — от этой мысли она улыбнулась.

В другой комнате Аманда негодуяюще воскликнула: «Дубина стоеросовая! Оставь эту суку в покое, разве ты не видишь, что ничего хорошего от нее не дождешься?» — Лизи прислушалась и решила, что Джейси как раз пытается женить на себе Сонни. Фильм заканчивался.

«Наверное, она прокрутила часть фильма», — подумала Лизи; но, посмотрев на темноту, прижимающуюся к стеклянному локтю над головой, поняла, что ошиблась. Просто просидела более полутора часов за Большим Джумбо Думбо, погружившись в воспоминания. Немножко покопалась в себе — как сейчас любили говорить. И к каким выводам она пришла? Что ее муж умер, и это навсегда. Умер и ушел. Не ждал ее на тропе в Мальчишечьей луне, не сидел на одной из каменных скамей, где однажды она его нашла. Не завернулся в эту жут-

кую кисею. Скотт покинул и Мальчишечью луну. Как Гек, отправился в Долины*.

И что вызвало болезнь, которая свела его в могилу? В свидетельстве о смерти указали пневмонию, и она не возражала. Могли бы написать: «Насмерть заклеван утками», — и ничего бы для него не изменилось, но Лизи не могла не задаться этим вопросом. Принес ли смерть цветок, который он сорвал и понюхал, или насекомое, которое укусило его, когда солнце, наливаясь красным, опускалось в свой дом грома? Нашел ли он свою смерть во время короткого посещения Мальчишечьей луны за неделю или за месяц до последнего выступления в Кентукки или она жила в нем десятилетия, словно бомба со взведенным часовым механизмом, и часы эти отсчитали последние секунды? Может, смерть вызвала крупинка земли, которая попала под его ногти, когда он руками рыл могилу для старшего брата. Может, какой-то вирус «спал» в нем долгие годы, а потом наконец проснулся в его «компьютере», получив закодированное слово-приказ, и удовлетворенно щелкнул пальцами. Может (ужасная мысль, но кто знает?), она сама принесла этот вирус в одно из прошлых посещений Мальчишечьей луны, что-то смертоносное в цветочной пыльце, которую он сцеловал с кончика ее носа.

Ох, черт, вот она и заплакала.

Лизи видела невскрытую коробку бумажных салфеток в верхнем левом ящике стола. Вытащила, открыла, достала пару салфеток, начала вытирать глаза. Услышала, как в соседней комнате закричал Тимоти Боттомс: «Он уходит, сучьи вы дети!». Поняла, что время вновь прыгнуло вперед. В фильме оставался один эпизод: Сонни возвращается к жене тренера. Своей любовнице средних лет. Потом по экрану бегут титры.

На столе коротко звякнул телефон. Лизи знала, что это означает, точно так же как знала, что означает жест Скот-

* Авторская шутка для Постоянного читателя. Гек — это Гекльберри Финн, Долины — параллельный мир в романах «Талисман» и «Черный дом», куда отправился главный герой... Сойер, правда, не Том.

та, круговое вращение рукой в конце его жизни: *все по-прежнему*.

Телефон больше не работал, провода обрезают или оборвали. Дули здесь. Черный принц инкунков пришел за ней.

Глава 15

ЛИЗИ И ДЛИННЫЙ МАЛЬЧИК

(Пафко у стены*)

1

— Аманда, иди сюда!

— Через минуту, Лизи, фильм уже за...

— *Аманда, сейчас же!*

Она сняла трубку, убедилась, что услышит только тишину. Положила на рычаг. Она знала все. Безусловно, знала, что должно произойти, не сомневалась, что ощущает во рту сладкий привкус. Вот-вот погаснет свет, и если Аманда не придет до того, как чердак погрузится в темноту...

Но она пришла, возникла в двери между кабинетом и комнатой развлечений, внезапно испуганная и старая. На пленке видеомэгнитофона жена тренера скоро бросит кофейник в стену, разозленная тем, что руки у нее сильно трясутся и она не может наполнить чашку. Лизи не удивилась, заметив, что тряслись руки и у нее. Она взяла со стола револьвер калибра 0,22

* Пафко у стены — эпизод встречи профессиональных бейсбольных команд «Гигантов» и «Доджеров» в Нью-Йорке в 1951 г., когда во второй половине девятого иннинга аутфилдер «Доджеров» Энди Пафко так и остался у стены ограждения, наблюдая, как мяч после удара Бобби Томсона покидает пределы стадиона, принося победу «Гигантам» (фотографию этого момента можно найти в Интернете, набрав в поисковике «Paiko at the Wall»). Этот эпизод описан американским писателем Доном Делилло.

дьюма. Аманда это увидела и перепугалась еще больше. Она напоминала даму, которая предпочла бы в этот самый момент, учитывая все обстоятельства, оказаться в Филадельфии. Или впасть в кому. «Слишком поздно, Анда», — подумала Лизи.

— Лизи, он здесь?

— Да.

Вдалеке прогремел гром, похоже, соглашаясь.

— Лизи, откуда ты...

— Потому что он перерезал телефонные провода.

— Мобильник...

— В автомобиле. Сейчас погаснет свет. — Она подошла к краю большого стола красного дерева («Действительно, Большой Джумбо Думбо, — подумала Лизи, — на нем хватит места для долбаного реактивного истребителя»), и теперь оставалось преодолеть последнюю прямую (каких-то восемь шагов по белому ковру, замаранному ее кровью) до того места, где стояла старшая сестра.

Когда она добралась до Аманды, свет еще горел, и у Лизи вдруг возникли сомнения. А может (и почему нет?), ветвь, надломленная дневной грозой с ветром, только сейчас упала и оборвала телефонные провода?

Конечно, но причина не в этом.

Она попыталась отдать Аманде револьвер. Аманда брать его не хотела. Он упал на ковер, и Лизи напряглась в ожидании выстрела, за которым последовал бы крик боли, ее или Аманды. В зависимости от того, в чью лодыжку попала бы пуля. Но револьвер не выстрелил, просто лежал на ковре, уставившись вдаль единственным идиотским глазом. И наклонившись, чтобы поднять револьвер, Лизи услышала донесшийся снизу глухой удар, словно кто-то на что-то там наткнулся и свалил на пол. Должно быть, одну из коробок, наполненную главным образом чистой бумагой.

Когда Лизи вновь посмотрела на сестру, руки Аманды, правая над левой, прижимались к маленькой груди. Лицо побледнело, глаза превратились в темные озера страха.

— Я не могу держать револьвер, — прошептала она. — Мои руки... видишь? — Она вытянула руки перед собой ладонями вверх, демонстрируя порезы.

— Возьми эту долбаную штуковину, — прорычала Лизи. — Стрелять из нее тебе не придется.

На этот раз Аманда с неохотой сомкнула пальцы на обтянутой резиной рукояткой «Следопыта».

— Ты обещаешь?

— Нет, — честно призналась Лизи. — Но скорее всего не придется.

Она смотрела в сторону лестницы, которая вела в амбар. Та часть рабочих апартаментов была более темной, более зловещей, особенно теперь, когда револьвер перекочевал к Аманде. Не заслуживающей доверия Аманде, которая могла сделать все что угодно. В том числе, с пятидесятипроцентной вероятностью, и то, о чем ее и просили.

— Какой у тебя план? — прошептала Аманда. В другой комнате вновь запел старина Хэнк, и Лизи знала: по экрану телевизора бегут титры фильма «Последний киносеанс».

Лизи приложила палец к губам, как бы говоря: «Ш-ш-ш-ш», —

(теперь нужно вести себя тихо)

и попятилась от Аманды. Один шаг, два, три, четыре. Теперь она находилась посреди кабинета, на равном расстоянии как от Большого Джумбо Думбо, так и от Аманды, которая стояла в дверях соседней комнаты, неловко держа револьвер калибра 0,22 дюйма, нацелив его на ковер с кровавыми пятнами. Громыкнул гром. Играла кантри-музыка. Снизу не доносилось ни звука.

— Я не думаю, что он внизу, — прошептала Аманда.

Лизи отступила еще на шаг к большому, красного дерева, столу. Чувствовала, что нервы у нее натянуты до предела, вся она вибрирует от напряжения, но рациональная часть ее сознания допускала, что Аманда могла быть права. Телефон не

работал, но в здешних местах обрывы на линии случались как минимум дважды в месяц, особенно во время летних гроз. Этот глухой удар, который она слышала, когда наклонялась, чтобы поднять револьвер... она слышала глухой удар? Или всего лишь разыгралось воображение?

— Я не думаю, что внизу кто-то... — начала Аманда, и вот тут погас свет.

2

Несколько секунд (бесконечных секунд) Лизи ничего не видела и честила себя за то, что не захватила из машины фонарик. Могла ведь сообразить. А так ей оставалось лишь стоять на месте и убеждать Аманду следовать ее примеру.

— Анда, не двигайся! Замри и жди моей команды!

— Где он, Лизи? — Аманда начала плакать. — *Где он?*

— Да здесь я, мисси, — непринужденно ответил Дули из чернильной темноты, где находилась лестница. — И я прекрасно могу вас видеть через очки, которые на мне. Вы, конечно, зеленоватые, но я прекрасно вас вижу.

— Он не может видеть, он лжет, — подала голос Лизи, и у нее засосало под ложечкой. Она не рассчитывала, что он воспользуется каким-то оборудованием для ночного видения.

— Ох, миссас, чтоб мне сдохнуть, если я вру. — Голос доносился от лестницы, и теперь Лизи начала различать контуры фигуры. Она не видела его бумажный пакет с ужасами, но (Боже!) слышала, как в нем что-то звякает. — Я вижу вас достаточно хорошо, чтобы знать, что это мисс Высокая-и-Тощая с пукалкой в руке. Я хочу, чтобы вы положили оружие на пол, мисс Высокая. Прямо сейчас. — Голос вдруг стал резче, щелкнул, словно удар кнута. — *Слышите меня?! Бросьте оружие!*

Уже наступила ночь, луна то ли еще не поднялась, то ли ее полностью закрывали облака, однако света, попадающего

в кабинет через стеклянные панели на крыше, хватало, чтобы Лизи увидела: Аманда опускает револьвер. Еще не бросает на пол, но уже опускает. Лизи отдала бы все, лишь бы держать его в руке, но...

«Но обе мои руки должны быть свободны. Чтобы, когда придет время, я могла тебя схватить, сукин ты сын».

— Нет, Аманда, держи револьвер. Не думаю, что тебе придется в него стрелять. План у нас другой.

— Бросьте оружие, мисси, это и есть план.

— Он приходит в чужой дом, он обзывает тебя грязными словами. А потом еще и велит бросить револьвер? *Твой собственный револьвер?* — гнула свое Лизи.

Едва различимый фантом (при свете — сестра Лизи) вновь поднял «Следопыта». Аманда не целилась в силуэт у лестницы, держала револьвер стволом к потолку, но все-таки держала его. И спина у нее выпрямилась.

— Я сказал, брось оружие! — рывкнул силуэт у лестницы, но что-то в голосе Дули подсказало Лизи: он знал, что битва проиграна. И его чертов пакет снова звякнул.

— Нет! — крикнула Аманда. — Не брошу! Ты... а ты убирайся отсюда! Убирайся и оставь мою сестру в покое!

— Он не уберется. — Лизи опередила с ответом силуэт у лестницы. — Он не уберется, потому что безумен.

— Лучше бы вам так не говорить со мной, — предупредил Дули. — Вы, похоже, забываете, что я могу видеть вас, словно вы — на сцене.

— Но ты же безумен. Так же безумен, как тот мальчишка, что стрелял в моего мужа в Нашвилле. Герд Аллен Коул. Ты о нем знаешь? Конечно же, знаешь, ты в курсе всего, что связано со Скоттом. Мы частенько смеялись над такими, как ты, Джимми...

— Этого достаточно, миссас...

— Мы называли вас ковбоями глубокого космоса. Коул был одним, а ты — другой. Более хитрый и злобный, потому что

ты старше, но по большому счету такой же. Ковбой глубокого космоса и есть ковбой глубокого космоса. Ты ска-а-ачешь по Млечному долбаному пути.

— Вам бы прекратить эту болтовню. — Дули снова рывал, и теперь уже, подумала Лизи, не для того, чтобы лишь произвести должный эффект. — Я здесь по делу. — В очередной раз в пакете что-то звякнуло, и Лизи увидела, что силуэт в темноте движется. Лестница находилась в пятидесяти футах от стола и в самой темной части длинного кабинета, но Лизи видела, что Дули двигался к ней, словно ее слова притягивали его. Глаза Лизи уже полностью приспособились к темноте. Еще несколько шагов, и заказанные по почте очки ночного видения больше не будут играть никакой роли. Их шансы уравниются. Во всяком случае, она будет видеть его так же отчетливо, как он ее.

— С какой стати? Это же правда. — И так оно и было. Внезапно она поняла, что знает все о Джиме Дули, Заке Маккуле, Черном принце инкунков. Правда была у нее во рту, как сладкий привкус. Правда и была сладким привкусом.

— Не провоцируй его, Лизи. — Голос Аманды переполнял ужас.

— Он сам себя провоцирует. Вся провокация исходит от свихнувшихся мозгов у него в голове. Точь-в-точь как у Коула.

— Я не такой, как он! — взревел Дули.

Абсолютное знание вибрировало в каждом нервном окончании. Взрывалось в каждом нервном окончании. Дули мог узнать о Коуле, знакомясь с биографией своего литературного героя, но Лизи не сомневалась — знания у него не книжные. Потому что ей открылась истина.

— Ты никогда не сидел в тюрьме. Это байка, которую ты рассказал Вудбоди. Байка, какие частенько рассказывают в барах. Но ты сидел под замком, все так! Это как раз правда. Ты сидел в психушке. В одной психушке с Коулом.

— Замолчите, миссас. Вы слушаете меня, и замолчите немедленно!

— Лизи, прекрати! — вскрикнула Аманда.

Она пропустила их слова мимо ушей.

— Вы на пару обсуждали свои любимые книги, написанные Скоттом Лэндоном... когда Коул под действием лекарств мог сказать что-то связное, не так ли? Готова спорить, что обсуждали. Ему больше всего нравились «Голодные дьяволы», верно? Конечно же. А тебе нравилась «Дочь Коустера». Обычное дело. Два ковбоя глубокого космоса говорят о книгах, пока им ремонтируют гребанные навигационные системы...

— Достаточно, я сказал! — рявкнул Дули, выплывая из темноты. Выплывая, как водолаз, поднимающийся из черных глубин на зеленое мелководье, в очках-маске и все такое. Разумеется, водолазы не прижимают к груди бумажные пакеты, чтобы защититься от ударов жестоких писательских вдов, которые слишком много знают. — Я больше не собираюсь предупреждать вас...

И эти слова остались без внимания Лизи. Она не знала, держит ли Аманда револьвер в руке или бросила на ковер, да ее это и не волновало. Она вошла в раж.

— Ты и Коул обсуждали книги Скотта на сессиях групповой терапии? Наверняка обсуждали. Говорили насчет отцовского комплекса. А потом, после того как тебя выпустили, под руку подвернулся Вуддолби, совсем как папуля в какой-нибудь книге Скотта Лэндона. Один из хороших папулей. После того как тебя выпустили из психушки. После того как тебя выпустили из дурдома. После того как тебя выпустили из...

С диким криком Дули отбросил бумажный пакет (тот звякнул) и прыгнул на Лизи. Ей хватило времени, чтобы подумать: «Да. Именно для этого мне и требовались свободные руки».

Закричала и Аманда. Ее крик наложился на крик Дули. Из всех троих только Лизи сохраняла спокойствие, точно зная,

что она делает... хотя и не так точно почему. Она не попыталась убежать. Раскрыла объятия Джиму Дули и поймала его, как лихорадку.

3

Он бы сшиб ее на пол и приземлился сверху (Лизи не сомневалась, что к этому он и стремился), если бы не стол. Под напором Дули она подалась назад, вдыхая пот на его волосах и коже. Она также почувствовала, как одна из сфер очков ткнулась в ее висок, услышала, как пониже левого уха что-то клацнуло.

«Это его зубы, — подумала она. — Это его зубы, он пытается вгрызться мне в шею».

Ее зад уперся в длинную сторону Большого Джумбо Думбо. Аманда вскрикнула снова. Полыхнула яркая вспышка, кабинет заполнил грохот.

— *Оставь ее в покое, сучий потрох!*

«Какие слова, но выстрелила-то она в потолок!» — подумала Лизи и еще крепче сцепила руки за шеей Дули, который наклонял ее назад, как партнер в конце страстного аргентинского танго. Она ощущала запах сгоревшего пороха, в ушах звенело, и еще она ощущала его член, тяжелый, практически полностью вставший.

— Джим, — прошептала она, крепко его держа. — Я дам тебе то, что ты хочешь. Позволь мне дать тебе то, что ты хочешь.

Его хватка чуть ослабла. Она почувствовала его замешательство. А потом, с кошачьим визгом, Аманда прыгнула ему на спину, и Лизи прогнули назад, чуть не уложили на стол. Позвоночник предупреждающе хрустнул, но она видела расплывчатый овал его лица... достаточно хорошо, чтобы разглядеть написанный на нем страх. «Так он все время боялся меня?» — задалась вопросом Лизи.

Теперь или никогда, маленькая Лизи.

Она поискала его глаза за странными стеклянными сферами, нашла, сцепилась с ним взглядом. Аманда всё визжала, как кошка во время случки, и Лизи видела ее кулаки, молотящие по плечам Дули. Оба кулака. То есть, выстрелив в потолок, она выронила револьвер. Что ж, может, оно и к лучшему.

— Джим. — Господи, его вес просто раздавливал ее. — *Джим.*

Его голова пошла вниз, словно притянутая ее взглядом и силой воли. Какие-то мгновения Лизи думала, что все равно не сможет дотянуться до него. А потом отчаянным рывком («Пафко у стены», сказал бы Скотт, цитируя Бог знает кого) дотянулась. Вдохнула запахи мяса и лука, съеденных им на ужин, и прижалась своим ртом к его. Языком раскрыла его губы, буквально впилась в них и вылила ему в рот второй глоток из пруда. Почувствовала, как уходит сладость. Мир, который она знала, расплылся и начал уходить вместе со сладостью. Произошло все быстро. Стены стали прозрачными, и смешанные ароматы другого мира ударили в нос: красного жасмина, бугенвиллии, роз, цветущего ночью эхиноцереуса.

— Джеромино, — сказала она в рот Дули, и словно дождавшийся этого слова массивный стол, в который она упиралась, потерял твердость, стал податливым, чтобы тут же исчезнуть полностью. Она упала, Дули — на нее, Аманда, все еще крича, оказалась сверху.

«Бул, — подумала Лизи. — Бул, конец».

4

Она приземлилась на густую траву, которую так хорошо знала, словно каталась по ней всю жизнь. Успела заметить деревья «нежное сердце», а потом весь воздух вышел из нее одним большим и шумным «уф». Черные точки заплясали перед глазами в окрашенном закатным солнцем воздухе.

Лизи могла бы лишиться чувств, если бы Дули не скатился с нее. Сбросил Аманду со спины, словно шаловливого котенка. Поднялся на ноги, сначала посмотрел на склон, заросший пурпурным люпином, потом повернулся в другую сторону, к деревьям «нежное сердце», к лесу, который Скотт и Пол Лэндоны назвали Волшебным. Голова Дули потрясла Лизи. Выглядела она как череп с волосами. Потом она поняла, что причина — в особенностях освещения и очках ночного видения. Линзы до Мальчишечьей луны не добрались. И глаза смотрели сквозь дыры, которые образовались на месте линз. Челюсть Дули отвисла. Слюна серебряными нитями висела между нижней и верхней губами.

— Тебе всегда... нравились... книги Скотта, — говорила Лизи, как бегунья, только что закончившая дистанцию финишным рывком, но дыхание восстанавливалось, и черные точки перед глазами исчезли. — Как вам нравится его мир, мистер Дули?

— Где... — Его губы продолжали двигаться, но фразу он не закончил.

— В Мальчишечьей луне, на опушке Волшебного леса, рядом с могилой Пола, брата Скотта.

Лизи знала, что для нее (и Аманды) Дули, когда придет в себя, станет столь же опасен, как и в кабинете Скотта, но все равно позволила себе оглядеть и пологий пурпурный склон, и темнеющее небо. Вновь солнце скатывалось за горизонт огромным оранжевым шаром, тогда как на противоположном конце небосвода поднималась полная луна. Лизи подумала, как и прежде, что сочетание жара и холодного серебра могут убить ее своей яростной красотой.

Но сейчас непосредственную угрозу представляла не красота. Обожженная солнцем рука легла ей на плечо.

— Что вы делаете со мной, миссас? — спросил Дули, выпучив глаза внутри лишенных линз очков ночного видения. — Вы пытаетесь меня загипнотизировать? Потому что ничего у вас не получится.

— Как можно, мистер Дули, — ответила Лизи. — Вы хотели узнать побольше о Скотте, не так ли? И, конечно же, его мир расскажет вам больше, чем любая неопубликованная история, познакомиться с этим миром наверняка интереснее, чем взрезать женщине грудь ее собственным консервным ножом, не правда ли? Смотрите! Другой мир! Созданный воображением! Грезы, обернувшиеся реальностью! Разумеется, в лесу опасно... ночью опасно *езде*, а у нас почти ночь... но я уверена, что такой храбрый и умеющий постоять за себя псих, как вы...

Лизи видела, что хочет сделать Дули, читала «убийство» в этих странных глазах, утопленных в лишенные стекол очки, выкрикнула имя сестры... в тревоге, да, но при этом начала смеяться. Смеяться над *ним*. Отчасти потому, что выглядел он придурковатым в одной лишь оправе для очков ночного видения, отчасти потому, что в этот критический момент на ум пришла ключевая фраза какого-то похабного анекдота: «Ну, вот видите, он сам и отвалился!» И от того, что сам анекдот Лизи не помнила, фраза эта казалась только забавнее.

Потом у нее перехватило дыхание, и больше смеяться она не могла. Могла только хрипеть.

5

Она вцепилась в лицо Дули короткими, но далеко не отсутствующими ногтями, оставила три кровотокающие полосы на одной щеке, но его хватка не ослабла... куда там, он еще сильнее сжал ее шею. Хрип, вырывающийся из горла, стал громче, такие звуки мог издавать какой-нибудь простенький механический агрегат, в движущиеся части которого попала грязь. К примеру, машина мистера Силвера, сортирующая картофель.

«Аманда, где ты, черт бы тебя побрал?!» — подумала Лизи, и Аманда тут же возникла рядом. От барабанной дроби ее

кулаков по спине и плечам Дули толку не было. Поэтому она упала на колени, через материю джинсов ухватилась ранеными руками за его мужское достоинство... и вертанула.

Дули взвыл и отбросил Лизи. Она полетела в высокую траву, упала на спину, потом поднялась на ноги, пытаясь протолкнуть воздух через сдавленное горло. Дули согнулся пополам, наклонив голову, сунув руки между ног — эту болезненную позу Лизи запомнила после одного инцидента при качании на доске на школьном дворе. Дарла тогда еще буднично так сказала: «Вот и еще одна причина порадоваться, что я — не мальчик».

Аманда бросилась на Дули.

— Анда, нет! — крикнула Лизи. Даже с едва не открученными яйцами Дули не потерял быстроты. Легко увернулся от Аманды, ударил костлявым кулаком. Другой рукой сорвал очки ночного видения, пользы от которых больше не было, швырнул в траву, выругался. Даже толики здравомыслия не осталось в этих синих глазах. Он мог быть одним из тех мертвяков в «Голодных дьяволах», вылезавших из колодца с тем, чтобы отомстить.

— Я не знаю, где мы, но я могу сказать вам одно, миссас: вы никогда не вернетесь домой.

— Если только ты меня не поймает, тогда кто и не вернется домой, так это ты, — ответила Лизи. Снова рассмеялась. Дули пугал ее (чего там, страшил), но ей так нравилось смеяться, возможно, потому, что она знала: смех — ее нож. Каждый смешок, вылетающий из ее саднящего горла, все глубже загонял лезвие в его плоть.

— Не смей смеяться надо мной, сука! — взревел Дули. — Не смей, черт бы тебя побрал, — и побежал к ней.

Лизи развернулась, чтобы дать деру. Но не сделала и двух шагов к тропе, уходящей в лес, когда услышала, как Дули вскрикнул от боли. Обернувшись через плечо, увидела, что он стоит на коленях. Что-то торчало из его предплечья, и рубашка

в этом месте быстро темнела. Дули поднялся на ноги и с ругательством за что-то схватился. Выдернуть не получилось. Лизи увидела нечто желтое. Дули вновь вскрикнул от боли, свободной рукой еще раз попытался освободиться.

Лизи все поняла. Догадка пришла как откровение, и она не сомневалась, что все так и было. Дули побежал за ней, но Аманда выставила ногу, о которую он споткнулся и упал на перекошенный деревянный крест на могиле Пола Лэндона. А теперь вертикальная стойка торчала из его бицепса, как огромная шпилька. На этот раз Дули ее выдернул. Еще больше крови потекло из открытой раны, алое проступило на локте. Лизи знала, что должна поторопиться и не позволить Дули выместить свою ярость на Аманде, которая лежала чуть ли не у его ног.

— Тебе блоху не поймать, не то что меня! — звонко выкрикнула она, показала Дули язык, растопырила пальцы, вставила большие в уши и покрутила кистями.

— Сука! Блядь! — проорал Дули и бросился к ней.

Лизи побсжала. Она больше не смеялась, боялась смеяться, но улыбка все-таки гуляла по губам, когда ее ноги нашли тропу, и она помчалась в Волшебный лес, где практически наступила ночь.

6

Указатель «К ПРЧАУ» исчез, но как только Лизи пробежала первые несколько десятков футов тропы (более светлая тропа, казалось, плавала среди темных масс деревьев), впереди раздались первые смешки. *Хохотуны*, подумала она и рискнула оглянуться, решив, что ее дружок Дули, услышав этих крошек, может передумать и...

Но нет. Дули никуда не делся, она видела его в последних ошметках уходящего света, потому что он ее настигал, букваль-

но летел над тропой, несмотря на черную кровь, которая теперь покрывала рукав от плеча до запястья. Лизи споткнулась о выступающий из земли корень, едва не упала, лишь каким-то чудом удержалась на ногах, прежде всего потому что напонила себе: если она упадет, Дули через пять секунд окажется на ней. И тогда последним, что она почувствует, будет его жаркое дыхание, последним, что долетит до ее ноздрей, будет аромат окружающих деревьев, меняющихся с наступлением ночи, переходящих в более опасную ипостась, последним, что она услышит, будет безумный смех этих гиеноподобных тварей, живущих в глубине леса.

Я слышу его тяжелое дыхание. Я слышу его тяжелое дыхание, потому что он приближается ко мне. Я бегу на пределе скорости (и долго так не протяну), но он все равно бежит быстрее меня. Почему перекрученные яйца не притормаживают его? Почему не притормаживает потеря крови?

Ответ на оба вопроса был прост, чистая логика, ничего больше: они притормаживали. Если бы не перекрученные яйца и потеря крови, он бы ее уже догнал. Лизи бежала на третьей передаче. Попыталась врубить четвертую и не смогла. Вероятно, не было в ней четвертой передачи. За ее спиной шумное и учащенное дыхание Джима Дули становилось все громче, все ближе, и она знала: через минуту, может, меньше, она почувствует, как его пальцы первый раз хватаются за рубашку на спине. Или за ее волосы.

7

Тропа пошла вверх, тени становились все гуще. Лизи подумала, что наконец-то начинает чуть-чуть отрываться от Дули. Оглянуться она не решалась, но молила Бога, чтобы Аманда не последовала за ними. На холме Нежного сердца, возможно, было безопасно, как и у пруда, но вот в этом лесу: о безо-

пасности не могло быть и речи. И главная опасность, конечно же, исходила не от Дули. Теперь она уже слышала слабое, мечтательное позвякивание колокольчика Чаки Гендрона, который Скотт украл в другой жизни и повесил на ветке на вершине следующего подъема.

Лизи увидела впереди более яркий свет, теперь не красновато-оранжевый, а розовое умирающее пламя заката. Оно прорывалось сквозь толщу деревьев. И на тропе стало чуть светлее. Лизи теперь видела ее пологий подъем. За этим подъемом, она помнила, тропа уходила вниз, вилась по еще более густому лесу, прежде чем выходила к большой скале, за которой находился пруд.

«Не смогу добраться туда, — подумала Лизи. Жаркое дыхание с хрипом вырывалось из горла, в боку начало колоть. — Он догонит меня на середине этого подъема».

Ей ответил голос Скотта, вроде бы смешливый, но под смехом на удивление злой. *Ты пришла сюда не для этого. Давай, любимая — СОВИСА.*

СОВИСА, да. «Энергично поработать, когда сочтешь уместным». Действительно, если не сейчас, то когда? И Лизи принялась штурмовать подъем, мокрые от пота волосы облепили череп, руки работали как поршни. Она набирала полную грудь воздуха, шумно и быстро выдыхала. Она мечтала о сладком привкусе во рту, но последний глоток из пруда она отдала этому безумному долбецу, который преследовал ее, и сейчас во рту стояли только горечь и усталость. Она слышала, как он сокращает разделяющее их расстояние, уже не кричит, экономит силы. В правом ухе пронзительно зазвенело, потом в обоих ушах. И хохотуны смеялись уже гораздо ближе, словно хотели увидеть, как Дули накинется на свою жертву. Она чувствовала, как изменяется аромат деревьев, сладость уступала место чему-то резкому вроде запаха древней хны, которую она и Дарла нашли в ванной бабушки Ди после ее смерти, ядовитый запах, и...

Это не деревья.

Хохотуны разом смолкли. Так что стало слышно шумное дыхание Дули, который изо всех сил бежал за ней, пытаясь свести на нет те несколько футов, что еще их разделяли. И она вдруг подумала о руках Скотта, обхвативших ее, о Скотте, прижимающем ее к своему телу, о шепоте Скотта: «Ш-ш-ш-ш, Лизи. Ради своей жизни и моей, теперь ты должна вести себя тихо».

Она думает: «Он не лежит поперек тропы, как в прошлый раз, когда Скотт пытался добраться до пруда в 2004-м. Сегодня он где-то рядом с тропой, как это было, когда я попала сюда той жутко морозной зимой».

И когда Лизи наконец-то увидела колокольчик, висящий на полусгнившей веревке, в последнем свете уходящего дня, Джим Дули рванул вперед изо всех сил, и она почувствовала, как его пальцы скользнули по рубашке, пытаясь хоть за что-то зацепиться, хотя бы за тесемки бюстгалтера. Ей удалось подавить крик, который уже поднимался из горла, поймать, можно сказать, у самых губ. Собрав остатки сил, она прибавила скорости, но, наверное, ей бы это не помогло, если бы Дули не споткнулся и не упал с криком: «Ах ты, СУКА!» Лизи подумала, что о крике этом он будет сожалеть до конца жизни.

Ждать который, возможно, придется не так уж и долго.

8

Вновь застенчиво зазвенел колокольчик, висящий на когда-то

(Заказ готов, Лизи! Поторопись!)

Колокольчиковом дереве, которое теперь стало Колокольчиково-Лопатным. Там она и была, лопата Скотта с серебряным штыком. Когда Лизи оставляла ее (следуя мощному интуитивному импульсу, смысл которого поняла только сей-

час), Волшебный лес наполнял истерический смех хохотунов. Теперь же в лесу слышалось только ее тяжелое дыхание да ругательства Дули. Длинный мальчик спал (по крайней мере дремал), и крик Дули разбудил его.

Может, все так и было задумано, но легче от этого не становилось. Просыпающийся шепот не таких уж и инородных мыслей в подсознании вселял ужас. Мысли эти напоминали не знающие покоя руки, которые искали расшатанные доски или проверяли, надежна ли крышка, закрывающая колодец. Она вдруг начала вспоминать те кошмары, с которыми сталкивала ее жизнь: два окровавленных зуба, которые однажды увидела на полу в туалете кинотеатра, двух маленьких детей, которые горько плакали, обнимая друг друга, рядом с маленьким магазинчиком, запах мужа, лежащего на смертном одре, не отрывающего от нее горячих глаз, бабушку Ди, умирающую на птичьем дворе, ее подергивающуюся ногу.

Ужасные мысли. Ужасные образы, те, что возвращаются, чтобы пугать тебя ночью, когда луна заходит, лекарства выпиты и время застывает.

Другими словами, дурная кровь. От которой ее отделяли лишь несколько деревьев.

И тут...

В этот почти что идеальный, нескончаемый момент, здесь и *теперь*.

9

Жадно хватая ртом воздух, хрипя, с грохочущими в ушах ударами сердца, Лизи наклоняется, чтобы схватиться за лопату с серебряным штыком. Ее руки, которые знали, что нужно делать восемнадцать лет назад, знают свое дело и теперь, хотя голову переполняют образы утрат, боли и рвущего сердце отчаяния. Дули приближается. Лизи слышит его. Он больше

не сыплет ругательствами, но она слышит приближение его дыхания. И с ним предстоит сойтись в ближнем бою, более ближнем, чем с Блонди, и пусть у этого безумца огнестрельного оружия нет, если Дули успеет схватить ее, прежде чем ей удастся повернуться...

... Но он не успевает. Не совсем успевает. Лизи поворачивается, как бэттер, отбивающий подачу. Взмахивает лопатой что есть силы. Серебряный штык ловит последний розовый отсвет, и его набирающая скорость верхняя кромка по пути цепляет колокольчик. Он звякает в последний раз (*ДЗИНЬ!*) и улетает в темноту, таща за собой хвост из полусгнившей веревки. Лизи видит, как лопата движется вперед и вверх, думает: «Срань Господня! Я действительно вложила в этот удар!» А потом плоской частью штык входит в соприкосновение с набегающим на лопату лицом Джима Дули. Удар не звонкий, не тот звук, который она помнит по Нашвиллу, более глуховатый. Дули вскрикивает от изумления и боли. Его сшибает в сторону, с тропы и под деревья, он размахивает руками, пытаясь сохранить равновесие. У нее есть лишь мгновение, чтобы увидеть, что нос Дули свернут в сторону, аккуратно как у Коула; увидеть, что кровь хлещет изо рта, как из углов, так и по центру. Потом улавливает движение справа от себя, недалеко от того места, где трепыхается Дули, не оставивший надежду удержаться на ногах. Двигается что-то огромное. И тут же мрачные и пугающие грустные мысли, заполняющие ее сознание, становятся еще мрачнее и грустнее. Лизи думает, что они убьют ее или сведут с ума. Но потом направление этих мыслей меняется, и одновременно перемещается существо, которое совсем близко. Лизи слышит, как хрустит листва, как ломаются деревья и кусты. И внезапно существо уже здесь. Длинный мальчик Скотта. И Лизи понимает: как только она увидела длинного мальчика, прошлое и будущее стали всего лишь грезами. Как только ты видишь длинного мальчика, есть только (*ох, дорогой Иисус*)... есть только один-единственный миг настоящего, который уже никогда не закончится.

Прежде чем Лизи осознала, что происходит, и, уж конечно, до того, как успела к этому подготовиться (хотя абсурдна даже мысль о том, что к такому можно быть готовым), длинный мальчик возник перед ней. Тварь с пегим боком. Живое воплощение того, о чем говорил Скотт, когда заводил речь о дурной крови.

Она увидела огромный пластинчатый бок, словно покрытый треснувшей змеиной кожей. Тварь двигалась сквозь деревья, ломая одни и сгибая другие, Лизи даже показалось, что тварь проползла сквозь два самых больших. Такого, конечно, быть не могло, но именно это впечатление сложилось у Лизи. Никакого запаха не чувствовалось, только слышался неприятный звук, какое-то шуршание, что-то утробное; наконец появилась бесформенная голова чудовища, выше деревьев, заслонившая небо. Лизи увидела глаз, мертвый, но все видящий, черный, как вода на дне колодца, и широкий, всматривающийся в нее сквозь листву. Она увидела пасть на этой огромной морде и интуитивно поняла, что те, кто попадает в нее, не умирают в полном смысле этого слова, но живут и *кричат...* живут и *кричат...* живут и *кричат*.

Сама Лизи кричать не могла. Не могла издать ни звука. Отступила на два шага, и ее охватило какое-то странное спокойствие. Лопата, с серебряного штыка которой вновь капала кровь безумца, вывалилась из ее разжавшихся пальцев и упала на тропу. Она подумала: «Он меня видит... и моя жизнь теперь не будет полностью моей. Он не позволит ей быть моей».

Тварь чуть подалась назад, огромное, бесконечное существо с островками волос, торчащими меж пластин-чешуек, а немигающий глаз продолжал смотреть на Лизи. Умирающий розовый свет дня и серебристый — луны освещали этого громадного змея.

Потом взгляд его сместился с Лизи на кричащего, размахивающего руками безумца, который пытался выбраться из маленькой рощицы удерживающих его деревьев на тропу, сместился на Джима Дули, со сломанным носом, затекшим глазом, хлещущей изо рта кровью. Даже волосы были в крови. Дули увидел, кто смотрит на него, и перестал кричать. Попытался прикрыть свой оставшийся невредимым глаз. Потом руки его повисли как плети, и Лизи поняла, что Дули лишился последних сил, на мгновение пожалела его, несмотря ни на что, посочувствовала. В это самое мгновение она даже захотела вернуть все назад, пусть это и означало ее смерть, но тут же подумала об Аманде и постаралась изгнать жалость из объятых ужасом разума и сердца.

Гигантская тварь, появившаяся меж деревьев, осторожно подалась вперед и забрала Дули. Плоть вокруг дыры на ее тупой морде сморщилась, раздвигаясь, и Лизи вспомнила Скотта, лежащего на раскаленном асфальте в Нашвилле. А когда раздалось фырканье, послышался хруст костей и изо рта Дули вырвался последний нескончаемый крик, Лизи вспомнила шепот Скотта: *«Я слышу, как она закусывает»*. Вспомнила, как его губы сложились в плотное «О», как из них брызнула кровь, когда он издал низкий, невероятно противный звук: ярко-рубиновые капли словно повисли в жарком воздухе.

Потом Лизи побежала, хотя могла бы поклясться, что не знала, как ей это удалось. Рванула обратно по тропе к люпиновому холму, подальше от Колокольчиково-Лопатного дерева, рядом с которым длинный мальчик пожирал Джима Дули. Она знала, что тварь оказывает ей и Аманде услугу, но знала и другое: услуга эта сомнительная, потому что, если ей удастся пережить эту ночь, она уже никогда не освободится от длинного мальчика, останется у него в плену, как оставался Скотт, чуть ли не с самого детства. Теперь длинный мальчик поместил ее, превратил в частичку нескончаемого мига, она стала объектом его пристального внимания. Отныне ей предстоя-

ло быть очень осторожной, особенно просыпаясь глубокой ночью... и Лизи с уверенностью могла предположить, что крепкий сон с вечера до утра для нее теперь в прошлом. В пред-рассветные часы ей не оставалось ничего другого, как отводить взгляд от зеркал, стекол и прежде всего от стаканов с водой, по причине, ведомой только Богу. Не оставалось ничего другого, как оберегать себя, насколько это возможно.

При условии, что она переживет эту ночь.

«Она совсем близко, родная моя, — прошептал Скотт, когда, дрожа всем телом, лежал на раскаленном асфальте. — Совсем близко».

За спиной Лизи Дули кричал так, словно не мог остановиться. Она подумала, что крик этот сведет ее с ума. Если уже не свел.

11

Перед тем как Лизи выскочила из-под деревьев, крик Дули наконец-то оборвался. Аманду она не увидела, и ее вновь охватил ужас. А если ее сестра побежала куда глаза глядят? Или, того хуже, лежит где-то неподалеку, свернувшись в позу зародыша, вновь впад в кому, укрытая тенью?

— Аманда? *Аманда?*

Долго, бесконечно долго она ничего не слышала, а потом (*слава Тебе, Господи*) слева от Лизи зашелестела высокая трава, и Аманда поднялась на ноги. Ее лицо, и без того бледное, свет поднимающейся луны выбелил еще сильнее, и теперь оно принадлежало скорее призраку, а не человеку. Или гарпии. Пошатываясь, Аманда двинулась к сестре, вытянув перед собой руки. Лизи потянула ее к себе, прижала к груди. Аманда дрожала. Ее руки обняли шею Лизи ледяным замком.

— Лизи, я думала, он никогда не замолчит!

— Я тоже.

— И такие звонкие... я не могла понять... они были такие звонкие... Я надеялась, что кричал он, но подумала: «А вдруг это Маленькая? Вдруг это Лизи?» Аманда начала рыдать, уткнувшись лицом в шею Лизи.

— У меня все хорошо, Аманда. Я здесь, и у меня все хорошо.

Аманда оторвалась от шеи Лизи, чтобы встретиться взглядом с младшей сестрой.

— Он мертв?

Она не стала делиться своей интуитивной догадкой о том, что Дули мог обрести некое адское бессмертие внутри твари, которая пожрала его.

— Мертв.

— Тогда я хочу вернуться. Мы можем вернуться?

— Да.

— Я не знаю, смогу ли я нарисовать кабинет Скотта у себя в голове... Я так переволновалась... — Аманда в страхе огляделась. — Это тебе не бухта Южного ветра.

— Не бухта, — согласилась Лизи, вновь обнимая Аманду. — И я знаю, что ты боишься. Но постарайся сделать все, что сможешь.

Лизи особо не волновала возможность возвращения в кабинет Скотта, в Касл-Вью, в привычный мир. Она думала об угрозе, которая могла оставаться в этом мире. Ей вспомнился доктор, однажды сказавший ей, что она особенно должна беречь лодыжку, которую сильно вывихнула, катаясь на коньках. «Если вы однажды растянули эти сухожилия, растянуть их в следующий раз будет гораздо проще», — предупредил он.

В следующий раз будет гораздо проще, все так. И длинный мальчик видел ее. Этот огромный глаз, одновременно живой и мертвый, смотрел на нее.

— Лизи, ты такая храбрая, — пролепетала Аманда. Бросила еще один взгляд на склон холма, заросший люпином, золотистым и странным в свете поднимающейся луны, потом вновь ткнулась лицом в шею Лизи.

— Если будешь продолжать в том же духе, мне завтра же придется вернуть тебя в «Гринлаун». Закрой глаза.

— Уже закрыла.

Лизи последовала ее примеру. На мгновение увидела огромную голову, которая и была-то не головой, а пастью, соломинкой, воронкой, ведущей в темноту, заполненную непрерывно вращающейся дурной кровью. И она еще слышала доносящийся из этой темноты крик Джима Дули, но крик был совсем уже тихим, и на него накладывались другие крики. С невероятным усилием Лизи отмела эти образы и звуки, заместила их «картинкой» большого письменного стола и голосом старины Хэнка (кого же еще?), поющего «Джамбалайю». У нее еще было время подумать о том, как с первой попытки ей и Скотту не удалось вернуться обратно, хотя очень хотелось, потому что длинный мальчик был совсем близко, подумать о том,

(Это афган, Лизи... Я чувствую, что он держит нас здесь)

что он сказал в тот момент, удивиться, что последняя мысль заставила ее вспомнить Аманду, с таким вожделением смотрящую на парусник «Холлихокс» (прощальный взгляд, иначе не сказать), а потом время истекло. Вновь она почувствовала что-то похожее на порыв ветра, и лунный свет исчез. Она это знала даже с закрытыми глазами. Возникло ощущение короткого, резкого падения. Они перенеслись в кабинет, где стояла крошечная тьма, потому что Дули вырубил электричество, но Хэнк Уильямс все-таки пел: «Моя Ивонн, сладчайшая моя...» — потому что даже с вырубленным электричеством старина Хэнк желал сказать свое последнее слово.

12

— Лизи? Лизи!

— Анда, ты меня раздавишь, скатись с...

— Лизи, мы вернулись?

563

Две женщины лежали в темноте на ковре кабинета.

«Десятками шли они к Ивонн...» — доносилось из соседней комнаты.

— Да, но если ты не скатишься с меня, я не смогу дышать!

— Извини... Лизи, моя рука под тобой...

Лизи удалось повернуться на бок. Аманда вытащила руку, а мгновением позже ее вес перестал давить на грудь Лизи. Лизи сделала глубокий (и чертовски приятный) вдох. А когда выдохнула, Хэнк Уильямс оборвал песню на полуслове.

— Лизи, почему здесь так темно?

— Потому что Дули вырубил электричество, помнишь?

— Он вырубил свет, — логично уточнила Аманда. — Если бы он вырубил электричество, телевизор бы не работал.

Лизи могла бы спросить Аманду, а почему телевизор столь внезапно прекратил работать, но не стала. Обсудить следовало совсем другие вопросы. Да и дел хватало.

— Пошли в дом.

— Я на сто процентов «за». — Пальцы Аманды нащупали локоть Лизи, спустились вниз по руке, ухватились за ее пальцы. Сестры поднялись. Аманда добавила уже более уверенно: — Ты уж не обижайся, Лизи, но сюда я, наверное, уже никогда не приду.

Лизи понимала, что сейчас чувствовала Аманда, но ее отношение к кабинету Скотта изменилось. Раньше кабинет пугал ее, двух мнений тут быть не могло. Два долгих года продержал ее на расстоянии вытянутой руки. Но она полагала, что главная работа, которую предстояло здесь сделать, уже позади. Они с Амандой выпроводили из кабинета дух Скотта, вежливо и (время покажет, но она в этом практически не сомневалась) окончательно.

— Пошли в дом, — повторила она. — Я приготовлю шоколад.

— А может, начнем с глоточка бренди? — с надеждой спросила Аманда. — Или безумные женщины не пьют бренди?

— Безумные не пьют. А мы выпьем.

Держась за руки, на ощупь они добрались до лестницы. По пути Лизи остановилась только раз, на что-то наступив. Наклонилась, подняла стеклянную, толщиной в дюйм, полусферу. Поняла, что это одна из линз очков ночного видения Дули, бросила на ковер, лицо перекосило от отвращения.

— Что такое? — спросила Аманда.

— Ничего. Я начинаю что-то видеть. А ты?

— Чуть-чуть. Но не отпускай мою руку.

— Не отпускай, дорогая.

По лестнице они спускались бок о бок. На это ушло больше времени, зато они чувствовали себя в полной безопасности.

13

Лизи достала из буфета самые маленькие стаканы для сока и в каждый плеснула бренди из бутылки, которую нашла в глубине бара, стоявшего в столовой. Подняла стакан и чокнулась с Амандой. Они стояли у разделочного столика в кухне. Горели все лампы, даже маленькая, с гибкой стойкой в углу, где Лизи обычно подписывала чеки, садясь за школьный письменный стол.

— Прямо в рот, — начала Лизи.

— Прямо в рот, — продолжила Аманда.

— Никуда он не свернет, — закончили они вместе и выпили.

Аманда наклонилась и шумно выдохнула. Когда распрямилась, на ее бледных щеках распустились звезды румянца, красная полоса появилась на лбу, алая точка — на переносице. В глазах стояли слезы.

— Чертово дерьмо. Что это было?

Лизи, горло которой горело, как лицо Аманды, взяла бутылку, всмотрелась в этикетку.

— Бренди «Звезда». Произведено в Румынии.

— Румынское бренди? — в ужасе переспросила Аманда. — Такого не бывает. Где ты это взяла?

— Подарок Скотту. Ему вручили бутылку после того, как он что-то там сделал... что именно, не помню, но вроде бы ему подарили еще и набор авторучек.

— Должно быть, это яд. Вылей все в раковину, а я буду молиться, чтобы мы не умерли.

— Вылей сама. Я сварю шоколад. Швейцарский. Не из Румынии.

Она начала поворачиваться, но Аманда коснулась ее плеча.

— Может, обойдемся без горячего шоколада и уберемся отсюда до того, как кто-нибудь из помощников шерифа заглянет на огонек, чтобы проверить, все ли в порядке?

— Думаешь, стоит? — Но, еще задавая вопрос, Лизи знала, что Аманда права.

— Да. Тебе хватит духа вновь подняться в кабинет?

— Разумеется.

— Тогда возьми мой маленький револьвер. И не забудь, что свет там не горит:

Лизи выдвинула ящик стола, за которым подписывала чеки, достала фонарь с длинной ручкой. Включила. Фонарь ярко и радостно вспыхнул.

Аманда уже мыла стаканы.

Если кто-то узнает, что мы заезжали сюда, конца света не будет. А вот если помощники шерифа выяснят, что мы приехали с оружием... и этот тип исчез с лица земли аккурат во время нашего пребывания здесь...

Лизи, которая думала только о том, чтобы заманить Дули к Колокольчиково-Лопатному дереву (и длинный мальчик никогда не фигурировал в ее планах), осознала, что работа еще не закончена и лучше бы побыстрее завершить начатое. Профессор Вудбоди никогда не сообщит в полицию об исчезновении его собутыльника, но, возможно, у этого человека остались родственники, а мотив для убийства Черного принца

инкунков мог быть только у Лизи Лэндон. Разумеется, тела (Скотту нравилось называть его *corpus delictus**) не осталось, но едва ли она и ее сестра смогли бы дать полный отчет о том, что они делали во второй половине и вечером этого дня. Плюс в управлении шерифа знали, что Дули досаждал ей, она сама сказала им об этом.

— Я заберу и его берьмо. — Лизи двинулась к двери.

Аманда не улыбнулась.

— Хорошо.

14

Фонарь давал широкий луч, так что кабинет не показался ей таким уж зловеще-загадочным, как она поначалу опасалась. Помогало и то, что она пришла по делу. Прежде всего Лизи положила «Следопыта» в коробку из-под обуви, потом начала водить лучом по полу в поисках остального. Нашла обе линзы, которые вывалились из очков ночного видения, плюс подюжины батареек. Предположила, что именно они и обеспечивали работу прибора. Корпус, в котором находились батарейки, должно быть, вместе с Дули проследовал в другой мир, пусть она его там и не видела, а вот батарейки — нет. Потом Лизи подняла с пола ужасный бумажный пакет Дули. Аманда то ли забыла про пакет, то ли даже не заметила его в руках Дули, но Лизи полагала, что содержимое пакета, найденное в кабинете, будет выглядеть крайне подозрительно. Особенно в сочетании с револьвером. Лизи знала, что в полиции после соответствующей проверки могут определить, что из «Следопыта» недавно стреляли: ума хватало (и она смотрела сериал «Место преступления»). Но вышеуказанная проверка не могла показать, и Лизи это тоже знала, что из револьвера произведен только один выстрел, в потолок. Она постаралась поднять

..... * тело восхитительное (лат.-англ.):

бумажный пакет так, чтобы в нем ничего не звякнуло, но звякнуло все равно. Она поискала другие признаки пребывания Дули в кабинете Скотта и не нашла. На ковре остались пятна крови, но анализы, что по группе, что ДНК, показали бы: кровь ее. Кровь на ковре в сочетании с содержимым бумажного пакета который она сейчас держала в руке, тоже вызвала бы немалые подозрения, но вот без пакета на пятна эти особого внимания не обратили бы. Возможно, не обратили бы.

«А его автомобиль? Его «ПТ Круизер»? Потому что я знаю, автомобиль, который я тогда видела, принадлежал ему».

Об этом она могла не волноваться. Потому что если он и стоял где-то в темноте, никто бы его не заметил. О чем следовало волноваться, так это о револьвере и бумажном пакете, которые она держала в руках. И о сестрах. Дарла и Канти отправились дорогой мистера Жаба* и держали путь в психиатрическую клинику «Акадия» в Дерри. С тем чтобы не попасть в джимдулиевскую разновидность картофелесортировочной машины мистера Силвера.

Но стоило ли ей волноваться об этой парочке? Нет. Они, конечно, чертовски разозлятся... и их будет разбирать чертовское любопытство... но в конце концов успокоятся, если она и Аманда скажут, что другого выхода у них не было, и объяснят почему. Потому что дело касалось только их, сестер Дебушер, вот почему. Ей и Аманде придется быть крайне осторожными, и они, конечно же, выдумают какую-нибудь историю (какой историей можно прикрыть случившееся, Лизи понятия не имела, но не сомневалась, что Скотт наверняка что-нибудь бы придумал). Без истории им никак не обойтись, потому что в отличие от нее и Аманды у Дарлы и Кантаты были мужья. А мужья слишком часто становились той дверью черного хода, через которую секреты утекали в окружающий мир.

* Мистер Жаб — герой повести-сказки «Ветер в ивах» английского писателя Кеннета Грэма.

Когда Лизи поворачивалась, чтобы уйти, ее взгляд упал на книгозмею, спавшую у стены. Все эти ежеквартальные обзоры и университетские журналы, ежегодники, отчеты, работы, посвященные творчеству Скотта. Во многих были фотографии прошлой жизни — назовем ее **«СКОТТ И ЛИЗИ! СЕМЕЙНЫЕ ГОДЫ»**.

Она без труда могла представить себе пару студентов, разбирающих змею и укладывающих ее составные части в картонные коробки с известными марками спиртных напитков, напечатанными на боковых поверхностях, а потом переносящих коробки в кузов грузовичка, который и увез бы их в далекую даль. В Пит? «Прикуси язычок», — подумала Лизи. Она не считала себя злопамятной женщиной, но теперь, после появления в ее жизни Джима Дули, точно знала: скорее в аду будет целый день идти снег, чем она отдаст бумаги Скотта в такое место, куда Вуддолби сможет добраться, не купив билет на самолет. К примеру, очень даже подошла бы библиотека Фоглера в университете Мэна. Опять же, совсем недалеко от Кливс-Миллс. Она без труда представила себе, как стоит рядом и наблюдает за погрузкой, может, даже приносит парнишкам графин с ледяным чаем после того, как они закончили работу. А выпив чай, они поставили бы пустые стаканы на поднос и поблагодарили бы ее. Один из них, возможно, даже сказал бы, что ему очень нравятся книги ее мужа, а второй выразил бы свои соболезнования в связи с утратой. Как будто Скотт умер две недели назад. Она бы их поблагодарила, потом наблюдала бы, как они увозят все эти застывшие мгновения ее жизни с ним, перекочевавшие из кабинета в кузов их грузовичка.

Ты действительно сможешь со всем этим расстаться?

Лизи подумала, что сможет. Однако змея, дремавшая у стены, притягивала взгляд. Такое множество закрытых книг, крепко спящих... они притягивали взгляд. И она еще какое-то время смотрела на книгозмею, думая о молодой женщине, которую звали Лизи Дебушер, о молодой женщине с высокой,

крепкой грудью. Одинокой? Да, пожалуй, такое было. Испуганной? Конечно, немного, но это ушло в двадцать два года. А в ее жизнь вошел молодой человек. Молодой человек, у которого волосы постоянно падали на лоб. Молодой человек, который хотел многое сказать.

— Я всегда любила тебя, Скотт, — сказала она пустому кабинету. А может, спящим книгам. — Тебя и твой назойливый рот. Я всегда была твоей подружкой. Не так ли?

Потом, освещая путь лучом фонаря, она спустилась по лестнице, с коробкой из-под обуви в одной руке и ужасным бумажным пакетом Дули в другой.

15

Когда Лизи вернулась, Аманда стояла у двери на кухню.

— Наконец-то. Я уже начала волноваться. Что в пакете?

— Не хочу знать.

— Ну...ладно... Он... ты понимаешь, откуда ушел?

— Думаю, да.

— Я очень на это надеюсь. — Аманда содрогнулась. — Он был страшным человеком.

«А ведь ты еще многого не знаешь», — подумала Лизи.

— Тогда, полагаю, нам пора ехать.

— Куда?

— В Лисбон-Фоллс, — ответила Аманда. — На старую ферму.

— *Какого...* — Лизи замолчала. Что-то в этом было.

— Я пришла в себя в «Гринлауне», как ты и сказала доктору Олбернессу, и ты отвезла меня домой, чтобы я могла переодеться. Потом у меня съехала крыша, и я начала говорить о старой ферме. Шевелись, Лизи, нам нужно уехать до того, как сюда кто-нибудь зайвится. — И Аманда повела младшую сестру в темноту.

Лизи, озадаченная, не сопротивлялась. Старый дом Дебушеров все еще стоял на пяти акрах земли в самом конце Саббатус-роуд в Лисбоне, примерно в шестидесяти милях от Касл-Вью. В соответствии с желаниями пяти женщин (и трех мужей) ему предстояло стоять там в окружении сорняков и зарастающих бурьяном полей еще долгие годы, если, конечно, земля резко не прибавила бы в цене, и тогда у них могли появиться какие-то новые идеи относительно принадлежащей им недвижимости. Доверительный фонд, учрежденный Скоттом Лэндоном в конце 1980-х годов, исправно платил налоги.

— А почему ты захотела поехать на старую ферму? — спросила Лизи, сев за руль «BMW». — Что-то я тебя не понимаю.

— Да ничего такого я не захотела, — ответила Аманда, когда Лизи развернула автомобиль и они поехали к шоссе. — Просто сказала, что соскользну в Сумеречную зону, если не попаду туда и не увижу наш старый дом, вот ты меня и повезла.

— Разумеется, повезла. — Она посмотрела по сторонам, увидела, что на шоссе автомобилей нет (а главное, нет патрульной машины управления шерифа), и повернула налево, к Меканик-Фоллс, Поланд-Спринг, Грею и Лисбону. — А почему мы отправили Дарлу и Канти в другую сторону?

— Я на этом настояла, — ответила Аманда. — Боялась, что они, если появятся, увезут меня в мой дом, или в твой, или даже в «Гринлаун», прежде чем у меня будет шанс побывать у мамы и папы и провести какое-то время в старом доме. — Поначалу Лизи не поняла, о чем говорит Аманда (*побывать у мамы и папы?*). Потом до нее дошло. У Дебушеров был семейный участок на кладбище «Саббатус-вейл». Там покоились и добрый мамик, и Дэнди, и дедушка, и бабушка Ди, и многие-многие другие.

— Но ты не боялась, что я отвезу тебя в «Гринлаун»?

Аманда снисходительно глянула на нее:

— А чего мне тебя бояться? Ты же увезла меня отсюда.

— Может, решила отвезти, потому что ты повела себя странно, захотела побывать в старом доме, пустующем более тридцати лет?

— Перестань, — отмахнулась Аманда. — С тобой, Лизи, я всегда могу добиться своего... Канти и Дарла это знают.

— Можешь? Черта с два!

Аманда усмехнулась — в ответе приборного щитка лицо у нее было зеленым, — но промолчала. Лизи уже открыла рот, чтобы продолжить спор, потом закрыла. Подумала, что такое объяснение могло показаться убедительным, потому что основывалось на двух очень даже понятных исходных положениях: Аманда вела себя как безумная (ничего нового, обычное дело), а Лизи пошла ей навстречу (понятно почему, учитывая обстоятельства). Да, на этом они могли выехать. Что же касалось револьвера в коробке из-под обуви... и бумажного пакета Дули...

— Нам придется остановиться в Меканик-Фоллс, — предупредила она Аманду. — На мосту через реку Андрокоггин. Мне нужно кое от чего избавиться.

— Да, останавливайся. — Аманда сложила руки на коленях, откинулась на подголовник и закрыла глаза.

Лизи включила радио и не удивилась, услышав старину Хэнка, поющего «Хонки-Тонки». Стала тихонько подпевать. Знала каждое слово. Это тоже ее не удивило. Некоторые вещи не забываются. Она вообще пришла к выводу, что самое эфемерное, что есть в окружающем ее мире — скажем, песни, лунный свет, поцелуи, — задерживается в памяти дольше, чем что-либо другое. Они могли казаться нелепицами, но отказывались уйти в забвение. И это было хорошо.

Это было хорошо.

Часть 3
ИСТОРИЯ ЛИЗИ

*Ты вопрос — а я ответ,
Ты желанье — а я исполнение,
Ты ночь — а я день.
Что еще? Это прекрасно.
Это само совершенство,
Ты и я,
Что еще?..
Странно, как мы страдаем, несмотря на это!*

Д.Г. Лоуренс, «Бей Хеннеф»

Глава 16

ЛИЗИ И ДЕРЕВО ИСТОРИЙ

(Скотт говорит свое слово)

1

Как только Лизи принялась освобождать рабочие апартаменты Скотта, работа пошла быстрее, чем она могла предположить. И она никогда бы не поверила, что помогать ей будут Дарла, Канти и, разумеется, Аманда. Канти какое-то время держалась в стороне и подозрительно поглядывала на них (Лизи казалось, что очень долгое время), но Аманда этого словно и не замечала. *Это всего лишь роль. Скоро она перестанет играть, и все образуется. Дай ей время, Лизи. Сестринские узы очень сильные.*

В конце концов так и вышло, хотя Лизи не покидало ощущение, что в глубине души Канти осталась при своем мнении: Аманда прикинулась больной, чтобы Привлечь Внимание, и они с Лизи Что-То Такое Провернули. У Дарлы столь скорое выздоровление Аманды и эта странная поездка на старую ферму в Лисбон тоже вызвали недоумение, но уж она по крайней мере не считала Аманду симулянткой.

Дарла, в конце концов, видела, в каком состоянии старшую сестру отправляли в «Гринлаун».

Так или иначе, после Четвертого июля сестры за неделю прибрались и очистили от лишнего рабочие апартаменты Скотта над амбаром, наняв лишь пару крепких школьников старших классов для перетаскивания тяжестей. Самым тяжелым оказался Большой Джумбо Думбо. Его даже пришлось разобрать (лежащие на полу составные части напомнили Лизи муляж человека, который они изучали на биологии в средней школе, только здесь, пожалуй, следовало вести речь о муляже стола), а потом спускать вниз с помощью арендованной лебедки. Школьники радостными криками приветствовали каждую часть стола, которая благополучно добиралась до земли. Лизи стояла рядом с сестрами и истово молилась, чтобы всеми этими тросами и шкивами кому-то из парней не оторвало большой или какой другой палец. Не оторвало, и к концу недели все, что находилось в рабочих апартаментах Скотта, рассортировали, разложили и разметили, то ли для передачи в дар, то ли для отправки на длительное хранение, и Лизи оставалось только решить, что же ей со всем этим делать.

Разобрались со всем, кроме книгозмеи. Она осталась, по-прежнему дремала у стены в опустевших рабочих апартаментах, жарких и душных рабочих апартаментах, поскольку кондиционеры отключили и вынесли. В помещении было жарко даже при открытых люках на крыше и паре работающих вентиляторов, обеспечивающих хоть какую-то циркуляцию воздуха. И почему нет? Место это вновь превратилось в сеновал над амбаром, пусть и со славным литературным прошлым.

На ковре по-прежнему темнели отвратительные темно-бордовые пятна (белоснежный ковер не представлялось возможным убрать до демонтажа книгозмеи). На вопрос Канти, откуда пятна, Лизи ответила, что случайно пролила жидкость для полировки мебели, но Аманда знала, откуда они взялись, да и Дарла, по мнению Лизи, что-то подозревала. Ковру предстояло покинуть рабочие апартаменты, но только вслед за книгозмейей, а Лизи пока не могла с ней расстаться. Почему,

точно сказать тоже не могла. Возможно, причина состояла в том, что наверху о Скотте напоминала только эта книгозмея, ничего больше.

Вот Лизи и выжидала.

2

На третий день генеральной уборки, которую устроили в рабочих апартаментах Скотта четыре сестры Дебушер, позвонил помощник шерифа Боукмен, чтобы сообщить о найденном «ПТ Круизере» с номерными знаками штата Делавэр. Автомобиль обнаружили в гравийном карьере на Стэкпоул-Черч-роуд, в трех милях от ее дома. Не сможет ли Лизи подъехать в управление шерифа и взглянуть на него? «ПТ Круизер» поставили в глубь стоянки, рядом с задержанными автомашинами и несколькими наркомобилями (что бы это слово ни означало). Лизи поехала с Аmandой. У Дарлы и Канти это предложение интереса не вызвало. Обе знали о каком-то психе, который досаждал Лизи, пытаясь добраться до бумаг Скотта. Психи появлялись в жизни их сестры и раньше. За годы, прожитые Скоттом в знаменитостях, психопаты слетались на него, как мотыльки — на зажженный фонарь. Самым известным, само собой, был Коул. Ни Лизи, ни Аманда даже не намекнули Дарле и Канти, что этот псих проходил по тому же разряду, что и Коул. Понятное дело, осталась тайной и дохлая кошка в почтовом ящике. Лизи пришлось приложить определенные усилия, чтобы убедить помощников шерифа никому об этом не рассказывать.

«ПТ Круизер» занимал стояночное место семь. Бежевого цвета, ничем не примечательный, если не считать несколько вычурного кузова. Возможно, именно этот автомобиль и видела Лизи, когда ехала домой из «Гринлауна» в тот долгий, долгий четверг. А возможно, и другой, один из нескольких

тысяч точно таких же автомобилей. Так она и сказала помощнику шерифа Боукмену, напомнив ему, что автомобиль выехал на нее прямо из лучей заходящего солнца. Боукмен печально кивнул. Но в глубине души Лизи точно знала, что видела именно этот автомобиль. Потому что от него шел запах Дули. Она подумала: *Я собираюсь причинить вам боль в местах, которые вы не позволяли трогать мальчикам на танцах*, — и ей пришлось подавлять дрожь.

— Автомобиль краденый, не так ли? — спросила Аманда.

— Будьте уверены, — кивнул Боукмен.

Подошел помощник шерифа, которого Лизи видела впервые. Высокий, за шесть с половиной футов. Похоже, в управлении шерифа вообще жаловали высоких. И широкоплечих. Он представился как помощник шерифа Энди Клаттербак и пожал Лизи руку.

— Ага, — кивнула она, — исполняющий обязанности шерифа.

Энди просиял.

— Уже нет, Норрис вернулся. Сейчас он в суде, но скоро подъедет. Так что я вновь всего лишь помощник шерифа Клаттербак.

— Поздравляю. Это моя сестра Аманда Дебушер.

Клаттербак пожал руку Аманде.

— Рад познакомиться, мисс Дебушер, — потом добавил, обращаясь уже к обеим: — Машину украли со стоянки у торгового центра в Лореле, штат Мэриленд. — Он смотрел на автомобиль, засунув большие пальцы за ремень. — Вы знали, что во Франции «ПТ Крузер» называют *le car Jimmy Cagney**?

На Аманду этот факт впечатления не произвел.

— Отпечатки пальцев нашли?

— Ни одного, — ответил Клаттербак. — Все стерто. Плюс тот, кто сидел за рулем, снял стеклянный колпак с лампоч-

* автомобиль Джима Кэгни (англ.-фр.); Джеймс Кэгни (1899—1986) — известный голливудский актер, лауреат «Оскара», упоминается во многих романах Стивена Кинга.

ки на потолке салона и разбил лампочку. Что вы об этом думаете?

— Я думаю, что выглядит это *beaucoup** подозрительно, — ответила Аманда.

Клаттербак рассмеялся.

— Да. Но есть и вышедший на пенсию плотник из Делавэра, который будет очень рад возвращению украденного у него автомобиля, даже с разбитой лампочкой под потолком салона.

— Вы что-нибудь выяснили насчет Джима Дули? — спросила Лизи.

— Скорее Джона Дулина, миссис Лэндон. Родился в Шутерс-Ноб, штат Теннесси. В пять лет с семьей переехал в Нашвилл, потом жил у своих дяди и тети в Маундсвилле, западная Виргиния, после того как его родители и сестра погибли при пожаре зимой 1974-го. Дулину тогда было девять. По официальной версии, причиной пожара стала неисправность электрогирлянды на рождественской елке, но я говорил с ушедшим в отставку детективом, который расследовал то дело. Он сказал, что, возможно, к пожару приложил руку мальчишка. Правда, доказательств не нашли.

Лизи не видела оснований внимательно слушать все остальное, потому что, как бы на самом деле ни звали ее мучителя, он уже не мог вернуться из того места, куда она его отправила. Однако она услышала слова Клаттербака о том, что Дулин провел много лет в закрытой психиатрической клинике в Теннесси, и еще больше укрепила в мысли, что он встречался там с Гердом Алленом Коулом и заразился навязчивой идеей последнего,

(динг-донг ради фрезий)

как вирусом. У Скотта была одна странная присказка, которую Лизи не понимала, пока не столкнулась с Маккулом/Дули/Дулином. «Некоторым вещам приходится быть правдой, — говорил Скотт, — потому что у них нет другого выбора».

* Здесь: слишком (фр.).

— В любом случае вам нужно остерегаться этого типа, — сказал Клаттербак двум женщинам, — и если он все еще поблизости...

— Или решит отъехать, а потом вдруг вернется, — вставил Боукмен.

Клаттербак кивнул.

— Да, есть и такой вариант. Если он объявится вновь, думаю, нам придется устроить встречу со всеми вашими родственниками, миссис Лэндон... поставить их в известность. Вы согласны?

— Если он объявится вновь, мы обязательно это сделаем, — кивнула Лизи. Говорила она серьезно, даже торжественно, но по пути из города они с Амандой покатывались от хохота — такую реакцию вызвало у них предположение о возможном возвращении Джима Дули.

3

Следующим утром, за час или два до рассвета, не продрав глаза, волоча ноги, Лизи пошла в ванную, думая лишь о том, чтобы облегчиться, а потом вернуться в постель, и вдруг ей показалось, что она уловила какое-то движение в спальне у себя за спиной. Этого хватило, чтобы она полностью проснулась и обернулась кругом. Никого и ничего. Она взяла полотенце с вешалки у раковины и закрыла им зеркало на аптечном шкафчике, в котором увидела это самое движение, прилаживала полотенце, пока оно не перестало падать, если убрать руки. И только тогда сделала то, за чем пришла в ванную.

Она не сомневалась, что Скотт бы ее понял.

4

Лето продолжалось, и однажды в витринах нескольких магазинов на Главной улице Касл-Рока Лизи заметила таб-

лички «ШКОЛЬНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ». И почему нет? Половины августа уже как не бывало. Рабочие апартаменты Скотта (за исключением книгозмеи и белого ковра, на котором она дремала) ожидали следующего шага (если, конечно, Лизи действительно его сделала бы: пока она только начала рассматривать возможность продажи дома). Четырнадцатого августа Канти и Рич устроили ежегодную вечеринку «Грезы летней ночи», и Лизи решила основательно надраться «Лонг-айлендским ледяным чаем» Рича, чего не позволяла себе после смерти Скотта. Для начала попросила Рича налить ей двойную порцию, а потом, даже не пригубив напитка, поставила стакан на один из столиков. Подумала, что увидела какое-то движение, то ли что-то отразилось от боковой поверхности самого стакана, то ли плавало в янтарных глубинах. Разумеется, это было полное берьмо, но желание надраться исчезло начисто. По правде говоря, не было у нее уверенности, что она посмеет выпить. Не было у нее уверенности, что она позволит спиртному пробить брешь в ее оборонительных редутах. Потому что если она привлекала внимание длинного мальчика, если он время от времени поглядывал на нее... или даже *думал* о ней... тогда...

Какая-то ее часть не сомневалась, что все это полнейшая чушь.

Другая не сомневалась в обратном.

Когда август покатился к сентябрю и жара в Новой Англии была все температурные рекорды этого лета, проверяя на прочность сдержанность людей и надежность энергетической системы Северо-Востока, у Лизи появились еще более тревожные симптомы... хотя, за исключением чего-то странного, что она иной раз видела в некоторых отражающих поверхностях, не стоило утверждать наверняка, будто с ней что-то происходит.

Иногда она просыпалась по утрам на час или два раньше обычного, тяжело дыша, вся в поту, хотя кондиционер исправно работал, чувствуя себя точно так же, как в детстве, когда от-

крывала глаза после кошмарного сна: она не сумела вырваться из лап чудища, которое гналось за ней, чудище это сейчас под ее кроватью и в любой момент может ухватить ее за лодыжку холодной бесформенной лапой, а то и за шею, прорвав подушку. При таких вот панических пробуждениях она, прежде чем открыть глаза, шарила руками по простыне, а потом поднимала их к изголовью, чтобы убедиться, абсолютно убедиться, что она... ну, в своей кровати, а не где-то еще. *Потому что, если ты однажды растянула эти сухожилия,* — иной раз думала она, открывая глаза и с безмерным облегчением, которое не выразить словами, оглядывая свою спальню, — *растянуть их в следующий раз будет гораздо проще.* И она точно растянула некую группу сухожилий, не так ли? Да. Сначала выдернув Аманду, потом выдернув Дули. Очень даже растянула.

Ей показалось, что после полудюжины таких вот пробуждений, когда она убеждается, что находится там, где ей и положено — в спальне, которую когда-то делила со Скоттом и в которой теперь осталась одна, ситуация должна измениться к лучшему, но этого не произошло. Все становилось только хуже. Она чувствовала себя расшатавшимся зубом в больной десне. А потом, в первый день небывалой жары (и Лизи, конечно же, отметила для себя тот факт, что теперь рекорды била плюсовая температура, совсем как десять лет назад — минусовая, словно уравновешивая друг друга, пусть это могло быть всего лишь совпадением), наконец-то случилось то, чего она боялась.

5

Она прилегла на диван в гостиной, только для того чтобы на несколько секунд закрыть глаза. Из чертова ящика звучала, безусловно, идиотская, но иногда развлекающая песня Джерри Спрингера: «Моя мамка закадрила моего бойфренда, мой бойфренд закадрил мою мамку»... что-то в этом роде.

Лизи протянула руку к пульта дистанционного управления, чтобы прекратить это безобразие, а может, ей только пригрелось, что она это сделала, потому что, открыв глаза посмотреть, где пульт, она увидела, что лежит не на диване, а на люпиновом холме в Мальчишечьей луне. Там стоял ясный день, ощущения опасности не было — и, уж конечно, не чувствовалось, что длинный мальчик Скотта (так она называла его и полагала, что будет называть всегда, хотя иной раз думала, что, по сути, он теперь уже стал длинным мальчиком Лизи) где-то поблизости, но ее все равно охватил ужас, да такой, что она едва не начала беспомощно скулить. Но вместо того чтобы поднять крик, Лизи закрыла глаза, визуализировала свою гостиную и тут же услышала «гостей» «Шоу Спрингера», кричащих друг на друга, ощутила продолговатый пульт дистанционного управления в левой руке. Секундой позже она уже поднималась с дивана с широко распахнутыми глазами, а кожу так и кололо иголочками. Она даже смогла бы поверить, что все это ей привиделось (и в это, пожалуй, стоило поверить, учитывая степень озабоченности, которую вызывали у нее мысли о Мальчишечьей луне и ее обитателях), да только яркость и четкость увиденного в те несколько секунд однозначно указывали, что она переносилась в другой мир, пусть обратное устроило бы ее в куда большей степени. О том, что она все-таки побывала в Мальчишечьей луне, говорило и пятно пурпурной пылицы на тыльной стороне ладони, которая сжимала пульт дистанционного управления.

6

На следующий день Лизи позвонила в библиотеку Фоглера и поговорила с мистером Бертрамом Патриджем, возглавлявшим отдел частных коллекций. Волнение этого господина медленно, но верно возрастало по мере того, как Лизи опи-

сывала издания, которые еще оставались в рабочих апартаментах Скотта. Он определил содержимое книгозмеи как «ассоциированные тома» и добавил, что отдел частных коллекций библиотеки Фоглера будет счастлив получить их и решить с ней «вопрос налогового кредита». Лизи ответила, что ее это очень даже устраивает, как будто долгие годы безуспешно пыталась выяснить, а что это такое — вопрос налогового кредита? Мистер Патридж пообещал на следующий же день прислать «бригаду грузчиков», чтобы они уложили книгозмею в коробки и перевезли их за сто двадцать миль, в кампус университета Мэна в Ороно. Лизи напомнила ему, что погоду назавтра обещали очень жаркую, а рабочие апартаменты Скотта, откуда уже убрали кондиционеры, теперь ничем не отличались от любого амбарного сеновала. И предложила мистру Патриджу прислать грузчиков, когда станет прохладнее.

— Пустяки, миссис Лэндон, — ответил мистер Патридж, добродушно рассмеявшись, и Лизи все поняла: он боялся, что она может переменить принятое решение, если у нее будет слишком много времени для раздумий. — У меня есть на примете пара молодых парней, которые идеально подходят для этой работы. Вот увидите.

7

Менее чем через час после разговора с Бертрамом Патриджем зазвонил телефон. Лизи как раз готовила себе ужин: сэндвич из ржаного хлеба с тунцом. Простонародная пища, но вот захотелось. За стенами дома жара накрыла землю, как одеяло. Небо словно полили отбеливателем. Оно сверкало белым от горизонта до горизонта. Смешивая тунца с майонезом и мелко порезанным луком, Лизи думала о том, как нашла Аманду на одной из каменных скамей, уставившуюся на «Холлихокс», и это было странно, потому что она вообще об этом

больше не думала, случившее там казалось сном. Она вспомнила, как Аманда спросила, придется ли ей пить этот

(клопомор)

говняный пунш, если она вернется (пыталась тем самым выяснить, полагала Лизи, придется ли ей и дальше оставаться в «Гринлауне»), и Лизи пообещала: никакого пунша, никакого «клопомора». Аманда согласилась вернуться, хотя не вызывало сомнений: возвращаться ей совершенно не хотелось, она бы с радостью сидела на скамье и смотрела на «Холлихокс», пока, говоря словами доброго мамика, «вечность бы не уполовинилась». Она бы так и сидела среди замотанных в кисею фигур и молчаливых зачарованных, на одну или две скамьи выше женщины в халате с поясом. Той самой, что убила своего ребенка.

Лизи, внезапно похолодев, положила сэндвич на столик. Она не могла этого знать. *Никак* не могла.

Но знала.

«Помолчите, — сказала женщина. — Помолчите... немного... я... думаю... почему... это... сделала».

И тогда Аманда сказала что-то совершенно неожиданное, не так ли? Что-то о Скотте. Хотя ничего из сказанного *тогда* Амандой не могло быть важным *теперь*, когда Скотт умер, и Джим Дули тоже умер (или *мечтал* о смерти), но все равно Лизи хотелось в точности вспомнить слова старшей сестры.

— Сказала, что она вернется, — пробормотала Лизи. — Сказала, что она вернется для того, чтобы не дать Дули причинить мне боль.

Да, и Аманда сдержала слово, благослови ее Бог, но Лизи хотелось вспомнить другое, сказанное Амандой следом. «Хотя я не понимаю, как это может быть связано со Скоттом, — произнесла Аманда чуть отстраненным голосом. — Он уже два года как умер... впрочем... я думаю, он что-то говорил мне насчет...»

И вот тут зазвонил телефон, разбив вдребезги хрупкий сосуд воспоминаний Лизи. А когда она снимала трубку, в голо-

ву пришла безумная мысль: звонит Дули. «Привет, миссас, — сейчас скажет Черный принц инкунков. — Я звоню из чрева чудовища. Чем сегодня занимаетесь?»

— Алло? — Лизи знала, что очень уж крепко сжимает трубку, но ничего не могла с собой поделать.

— Это Дэнни Боукмен, миссис Лэндон, — сообщил голос с другого конца провода. Миссис, конечно, уж очень близко от «миссас», но выговор совсем другой, явственно чувствовалось, что слово это произнес уроженец Новой Англии, и голос помощника шерифа Боукмена звучал взволнованно, он буквально захлебывался словами, как мальчишка, узнавший что-то удивительное. — Угадайте, чего я звоню?

— Едва ли у меня получится, — ответила она, но в голову пришла безумная мысль: они там, в управлении шерифа, тянули спички, кому приглашать ее на свидание, и короткая досталась помощнику шерифа Боукмену. Да только чего из-за этого так волноваться?

— Мы нашли стеклянный колпак!

Лизи понятия не имела, о чем он говорит.

— Простите?

— Дулин... тот парень, которого вы знали сначала как Зака Маккула, а потом как Джима Дули, он украл «ПТ Круизер» и пользовался им, пока следил за вами, миссис Лэндон. Мы были в этом уверены. А автомобиль, когда на нем не ездил, прятал в старом гравийном карьере, мы в этом тоже были уверены. Просто не могли доказать, потому что...

— Он стер все отпечатки пальцев.

— Ага, именно так. Но время от времени мы с Плагом навевывались туда...

— Плагом?

— Извините. С Джо, помощником шерифа Олстоном.

Плаг, подумала Лизи, впервые вдруг осознав, что это реальные люди с реальной жизнью. С прозвищами. Плаг. Помощник шерифа Олстон, также известный как Плаг.

— Миссис Лэндон? Вы меня слушаете?

— Да, Дэн. Можно мне называть вас Дэн?

— Будьте уверены. Так вот, мы время от времени наведывались туда, чтобы посмотреть, а вдруг найдем там какие-нибудь улики, потому что, судя по всему, он проводил много времени в карьере. Там валялись обертки от шоколадных батончиков, пара бутылок из-под «Ар-си», все такое.

— «Ар-си», — тихонько повторила она, подумав: *Бул, Дэн. Бул, Плаг. Бул, конец.*

— Точно. Он предпочитал эту газировку, но его отпечатков пальцев на бутылках не было. Те, что мы смогли идентифицировать, оставил один парень, который в конце семидесятых угнал автомобиль, а теперь работает продавцом в магазине «Купк-и-Март» в Оксфорде. И другие отпечатки, как мы полагаем, тоже принадлежали продавцам. Но вчера, во второй половине дня, миссис Лэндон...

— Лизи.

Последовала пауза, взятая на обдумывание ее предложения. Потом он продолжил:

— Вчера, во второй половине дня, Лизи, на дороге, которая ведет из карьера, я нашел настоящее сокровище — тот стеклянный колпак с лампочки под потолком салона. Он снял колпак и выбросил в кусты. — Голос Боукмена прибавил громкости, в нем зазвучали торжествующие нотки, стал голосом не помощника шерифа, а обычного человека. — И на этот раз он не воспользовался перчатками или забыл стереть отпечатки! Так что на одной стороне остался отпечаток большого пальца, а на другой — указательного! Когда он брался за колпак, чтобы выбросить его. Утром мы получили по факсу результаты проверки.

— Джон Дулин?

— Ага. Совпадение по девяти параметрам. *По девяти!* — Пауза, а когда Боукмен заговорил вновь, триумфа в голосе чуть

поубавилось: — Теперь нам осталось только найти этого сукиного сына.

— Я уверена, что в конце концов он объявится, — ответила Лизи и бросила вожделенный взгляд на сэндвич с тунцом. Цепочка мыслей, связанная с Аmandой, оборвалась, зато вернулся аппетит. Лизи полагала, что это равноценный обмен, особенно в столь жаркий день. — Даже если и не объявится, мне он досаждал перестал.

— Он уехал из округа Касл, я готов поставить на кон мою репутацию. — А своей репутацией, судя по голосу, помощник шерифа Боукмен гордился. — Полагаю, здесь для него стало жарковато, так что он бросил краденый автомобиль и удрал. Плаг того же мнения. Джим Дули ушел. Концерт окончен.

— Плаг... он жевал табак*?

— Нет, мэм, отнюдь. В средней школе мы вместе играли в футбольной команде «Рыцари Касл-Хиллс», которая выиграла первенство штата в лиге «А». Фаворитами считались «Бангорские тараны», оторвались от нас на три очка, но мы их сделали. С конца пятидесятих годов наша команда стала единственной из этой части штата, которой удалось выиграть золотой кубок. И Джо — весь сезон никто не мог его остановить. Даже когда на нем висли четыре человека, он продолжал идти вперед. Вот мы и прозвали его Плаг**, а я зову до сих пор.

— Если бы я его так назвала, он бы рассердился?

Дэн Боукмен весело рассмеялся.

— Нет! Обрадовался бы!

— Хорошо. Тогда я — Лизи, вы — Дэн, а он — Таран.

— Меня это вполне устраивает.

* Одно из значений английского слова «plug» — пластинка прессованного жевательного табака, которую кладут в рот.

** Другое значение английского слова «plug» — таран. Именно так Боукмен и называет Джо Олстона.

— И благодарю за звонок. Это потрясающая сыскная работа.

— Спасибо за теплые слова, мэм. Лизи. — По тону она поняла, что он просто светится от похвалы, и на душе у нее полегчало. — Звоните, если мы можем сделать для вас что-то еще. Или на горизонте появится этот слизняк.

— Обязательно.

Лизи вновь вернулась к сэндвичу, с улыбкой на лице, и до конца дня не думала об Аманде, славном паруснике «Холлихокс» или Мальчишечьей луне. Ночью, однако, она проснулась от далекого погромыхивания и ощущения, будто что-то огромное... нет, не охотится (слишком мелкая дичь), но созерцает ее. А сама мысль о том, что разум неведомого существа может обратить на нее внимание, вызвала желание плакать и кричать. Одновременно. Появилось и другое желание: смотреть фильмы по Ти-си-эм, курить и пить крепкий кофе. Или пиво. Пиво, может, и лучше. Пиво могло вновь вогнать в сон. Вместо того чтобы встать, Лизи выключила лампу на прикроватном столике и легла. «Снова я не засну, — думала она. — Буду просто лежать, пока на востоке не забрезжит заря. Тогда я смогу встать и сварить кофе, который мне хочется выпить сейчас».

Но через три минуты после того, как ее посетила эта мысль, она уже дремала. Через десять минут крепко спала. Позже, однако, когда поднялась луна и Лизи снилось, будто она плывет над каким-то экзотическим пляжем с белым песком на волшебном полотнище-самолете от «ПИЛЬСБЕРИ», ее кровать на несколько мгновений опустела, а воздух наполнился ароматами красного и белого жасмина и цветущего в ночи эхиноцереуса, ароматами вожденными и при том ужасными. Но потом Лизи вернулась и утром едва могла вспомнить свой сон, в котором летала, летала над пляжем у пруда в Мальчишечьей луне.

Так уж получилось, что реальный разбор книгозмеи на составные части отличался от того, что привиделось Лизи, лишь в двух аспектах, да и то очень незначительных. Во-первых, мистер Патридж прислал не двух парней, а парня и девушку: энергичную девушку лет двадцати с небольшим. Волосы цвета жженого сахара она забрала в конский хвост, а на голову нахлобучила бейсболку «Ред сокс». Во-вторых, Лизи не представляла себе, насколько быстро можно закончить эту работу. Несмотря на чудовищную жару в рабочих апартаментах Скотта (даже три вентилятора ничего не могли с ней поделаться), все журналы и книги оказались в грузовом отсеке темно-синего микроавтобуса, принадлежащего университету Мэна, менее чем через час. Когда Лизи спросила двух библиотекарей из отдела частных коллекций (они называли себя — и, по мнению Лизи, в этой шутке была доля правды — любимцы Патриджа), не хотят ли они выпить ледяного чая, они с радостью согласились и выпили по два больших стакана каждый. Девушку звали Кори. Именно она и сказала Лизи, что очень любит книги Скотта, особенно роман «Реликвии». Юношу звали Майк, и он выразил ей соболезнования в связи с утратой. Лизи поблагодарила обоих за доброту и говорила от души.

— Должно быть, тамошняя пустота вызывает у вас грусть. — Рукой, которая держала стакан, Кори указала на амбар. Звякнули ледяные кубики. Лизи старалась не смотреть на стакан, дабы вдруг не увидеть, что в нем, кроме льда, плавают что-то еще.

— Грусть есть, но есть и чувство освобождения, — ответила она. — Я слишком долго не могла заставить себя взяться за его кабинет. Мне помогли сестры. И я рада, что мы это сделали. Еще чаю, Кори?

— Нет, благодарю, но можно мне воспользоваться туалетом, пока мы не уехали?

— Разумеется. Через гостиную, первая дверь направо.

Кори вышла. Рассеянно (почти что рассеянно) Лизи задвинула стакан девушки за кувшин с ледяным чаем, изготовленный из непрозрачного коричневого пластика.

— Налить вам чаю, Майк?

— Нет, благодарю, — ответил он. — Как я понимаю, вы уберете оттуда и ковер.

Лизи смущенно рассмеялась.

— Да. Он очень грязный, не так ли? Пятна остались после экспериментов Скотта с морилкой. Это была беда. — И подумала: «Извини, дорогой».

— Немного напоминают засохшую кровь. — И Майк допил чай. Солнце, горячее и подернутое дымкой, плыло по поверхности его стакана, и на мгновение Лизи вроде бы увидела тарашащийся на нее глаз. А когда Майк поставил стакан, она едва подавила желание схватить его и переставить за пластиковый графин, рядом со вторым.

— Все так говорят, — согласилась она.

— После самого жуткого в истории человечества пореза при бритье, — добавил Майк и рассмеялся. Лизи присоединилась к нему. И подумала, что ее смех звучал почти так же естественно. Она не смотрела на его стакан. Не думала о длинном мальчике, который теперь стал ее длинным мальчиком. Вообще не думала, чтобы не думать о длинном мальчике.

— Точно больше не хотите чая? — спросила она.

— Лучше воздержаться, я же за рулем. — И Майк снова рассмеялся.

Вернулась Кори, и Лизи подумала, что Майк тоже попросит разрешения воспользоваться туалетом, но он не попросил (у парней и почки больших размеров, и мочевые пузыри, и еще кое-что, как утверждал Скотт), чему Лизи впоследствии лишь порадовалась: благодаря этому только девушка как-то странно взглянула на нее, когда они уезжали с разобранной книгозмейей в грузовом отсеке микроавтобуса. Да, она, конечно,

рассказала Майку, что видела в гостиной и нашла в ванной, рассказала по ходу долгой поездки в кампус университет Мэна в Ороно, но Лизи этого не услышала. И взгляд девушки, если уж на то пошло, не был таким уж плохим, поскольку Лизи тогда не знала, что он означает, хотя девушка и похлопала себя по голове, над ухом, может, подумав, что волосы растрепались, или стоят дыбом, или еще о чем-то. Позже (уже поставив в посудомоечную машину стаканы из-под чая, даже не взглянув на них), Лизи сама пошла в ванну, по той же причине, что и девушка, и увидела полотенце, которое закрывало зеркало. Она помнила, что занавесила зеркало на шкафчике с лекарствами в ванной наверху, очень хорошо помнила, как занавесила то зеркало, но когда она проделала то же самое *с этим?*

Лизи не знала.

Она вернулась в гостиную и увидела, что зеркало над каминной доской тоже занавешено — простыней. Ей следовало заметить это по пути в ванную, как наверняка заметила Кори: слишком уж бросалось в глаза долбаное занавешенное зеркало, но, по правде говоря, в эти дни маленькая Лизи Лэндон не уделяла много времени лицемерию своих отражений.

Лизи прошла по первому этажу и обнаружила, что все зеркала, за исключением двух, занавешены простынями или полотенцами, а одно снято и повернуто лицевой поверхностью к стене. Два оставшихся зеркала она тоже прикрыла, чтобы уж не останавливаться на полпути. Разобравшись с ними, Лизи задалась вопросом, а что, собственно, подумала юная библиотечарша в модной розовой бейсболке «Ред сокс»? Что жена знаменитого писателя еврейка, скорбит об усопшем согласно еврейским обычаям и по-прежнему в трауре? Или решила, что Курт Воннегут прав, и зеркала — не отражательные поверхности, а глазки, амбразуры в другое измерение? И действительно, разве так она, Лизи, и думала?

«Не амбразуры — окна. И должно ли меня волновать, что именно думает какая-то библиотечарша из У-Мэна?»

Ох, наверное, нет. Но в жизни так много отражающих поверхностей, не так ли? Зеркала — не единственные. Утром главное — не смотреть на стаканы для сока, на закате — не всматриваться в стаканы для вина. И ведь как это просто, сидя за рулем автомобиля, ненароком поймать свое отражение в стеклах приборного щитка. А долгими ночами разум чего-то... иного... может обратить внимание на человека, если человек этот не примет мер для того, чтобы внимания на него, точнее, на нее, не обращали. И что для этого нужно сделать? Как можно не думать об этом ином? Цитируя ушедшего от нас Скотта Лэндона, мозг — драчливый бунтарь в шотландской юбке. Он мог... ну, зажечь огонь и сэкономить тебе спички, чего уж скрывать? Он мог повести себя так, будто в него ударила дурная кровь.

Но было и еще кое-что. Куда более пугающее. Может, даже если эта тварь и не пришла *к тебе*, ты сама ничего не смогла бы с собой поделаться и пошла бы *к ней*. Потому что, если ты однажды растянула эти долбаные сухожилия... если однажды твоя жизнь в реальном мире начала напоминать шатающийся зуб в больной десне...

Она могла спускаться по лестнице со второго этажа на первый, или садиться в автомобиль, или читать книгу, или открывать журнал с кроссвордами, или находиться на пороге чиха, или

(mein gott, любимая, mein gott, маленькая Ли-изи...)

на грани оргазма — и думать при этом: «О черт, я не иду к... я ухожу, переносусь». Мир начал бы расплываться, и у нее возникло бы ощущение другого мира, который может вот-вот родиться, мира, где сладость сворачивается и превращается в яд с наступлением темноты. Мира, который всего лишь в шаге в сторону, до которого буквально рукой подать. В мгновение ока она почувствует, как Касл-Вью исчезает со всех сторон, и превратится в Лизи на натянутой струне, Лизи, шагающую по лезвию ножа. А потом она снова вернется,

реальная (среднего возраста и излишне худая) женщина в реальном мире, спускающаяся по лестнице, захлопывающая дверцу автомобиля, регулирующая температуру горячей воды, переворачивающая страницу книги, заполняющая в кроссворде строчку восемь по горизонтали: подарок, как его называли в прошлом, слово из четырех букв, первая — «В», последняя — «Н».

9

Через два дня после того, как разобранная книгозмея отбыла на север, в тот самый день, который портлендское отделение Национальной метеорологической службы объявило самым жарким днем года в Мэне и Нью-Хэмпшире, Лизи поднялась в пустые рабочие апартаменты Скотта с бумбоксом* и компакт-дискон «Лучшие песни Хэнка Уильямса». Послушать CD наверху проблемы не составляло, как не составило проблемы включение вентиляторов в тот день, когда сюда приехали Любимцы Патриджа: как выяснилось, Дули всего лишь открыл электрический щиток внизу и, переместив рычажки сверху вниз, отключил три предохранителя-автомата, которые контролировали подачу электроэнергии в рабочие апартаменты.

Лизи, конечно же, не знала, до какой температуры нагрелся воздух в рабочих апартаментах, но не сомневалась, что число трехзначное**. Она почувствовала, как блузка начинает прилипать к телу, а лицо покрывается потом, едва ступила на верхнюю ступеньку лестницы. Где-то она читала, что женщины *не потеют*, они пылают, и какая же это была чушь. Если бы Лизи задержалась наверху надолго, то скорее всего лишилась

* стереопроигрыватель с двумя встроенными динамиками.

** 100 градусов по шкале Фаренгейта соответствуют 37,8 градуса по Цельсию.

бы чувств от теплового удара, но надолго она задерживаться не собиралась. По радио она иногда слышала песню в стиле кантри «Долго так жить нельзя». Она не знала, кто написал эту песню и кто пел (не старина Хэнк), но могла подписаться под названием. Не могла она провести остаток жизни, боясь собственного отражения (или того, что она могла увидеть позади собственного отражения), и она не могла жить, боясь, что в любой момент может потерять связь с реальностью и оказаться в Мальчишечьей луне.

С этим берьмом следовало покончить.

Она вставила вилку бумбокса в розетку, скрестив ноги, села перед ним на пол, поставила диск. Пот стекал в глаза, щипал, и она стерла его костяшками пальцев. У Скотта постоянно звучала музыка, чего там, ревела. Когда у тебя стереосистема за двенадцать тысяч долларов, а помещение с динамиками звукоизолировано, можно не ограничивать громкость. Когда он в первый раз проиграл ей «Открытый со всех сторон берег», она думала, что снесет крышу амбара. Лизи не собиралась конкурировать с тем грохотом, не собиралась включать бумбокс на полную мощность, но хотела, чтобы громкости хватало.

Подарок, как его называли в прошлом, слово из четырех букв, первая — «В», последняя — «N».

Аманда, на одной из этих скамей, смотрящая на бухту Южного ветра, сидящая выше женщины в халате с поясом — той, которая убила своего ребенка, Аманда, говорящая: «Что-то насчет истории. Твоей истории, истории Лизи. И афгане. Только он называл его африканом. Он говорил, что это бул? Бип? Буоп?»

Нет, Анда, не буоп, хотя это слово из четырех букв, теперь уже достаточно старомодное, начинающееся с «В» и заканчивающееся на «N», которое означает подарок. Но слово, которое произнес Скотт...

Скотт, конечно же, сказал «бул»*. Пот катился по лицу Лизи, как слезы. Она его не стирала.

Как в «Бул, конец». И в конце ты получаешь приз. Иногда бутылку «Ар-си» из «Мюли», иногда поцелуй. А иногда... иногда — историю. Правильно, дорогой?

Разговор со Скоттом казался вполне уместным. Потому что он все еще был здесь. С вынесенными компьютерами, мебелью, необычной шведской стереосистемой, шкафами, набитыми рукописями, грудями гранок (своими и присланными друзьями и поклонниками) и с разобранной книгозмейей... ничего этого здесь уже не было, но она по-прежнему чувствовала присутствие Скотта. Разумеется, чувствовала. Потому что он еще не сказал всего, что хотел. Ему осталось рассказать еще одну историю.

Историю Лизи.

Она полагала, что знает, какая это история, потому что только ее он так и не закончил.

Лизи прикоснулась к одному из засохших кровавых пятен и подумала о доводах против безумия, тех самых, которые проваливаются с мягким шуршащим звуком. Подумала, как оно было под конфетным деревом: словно в другом мире, принадлежащем только им. Подумала о людях с дурной кровью, кровь-бульных людях. Подумала, как Джим Дули перестал кричать, увидев длинного мальчика, а его руки повисли словно плети. Потому что вся сила ушла из его рук. Вот что бывает, когда смотришь на дурную кровь, а она смотрит на тебя.

— Скотт, — выдохнула она. — Родной мой, я слушаю.

Ответа не последовало... разве что Лизи ответила сама себе: «Город назывался Анарен. Сэму Льву принадлежала бильярдная. И ресторан, в котором репертуар музыкального автомата состоял, похоже, исключительно из песен Хэнка Уильямса».

* В словах «воор», «веер», «вооп», «воол» удвоенная гласная трансформируется в одинарный звук, так что при переводе на русский букв остается три.

В пустом кабинете где-то что-то отозвалось согласным вздохом. Возможно, ей это послышалось. В любом случае время шло. Лизи по-прежнему не знала, что ищет, но полагала, что узнает, когда увидит (конечно же, узнает, когда увидит, если речь идет о чем-то, оставленном для нее Скоттом), да и время отправляться на поиски пришло. Потому что так жить долго она бы не смогла. Это не жизнь.

Лизи нажала на кнопку «ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ», и Хэнк Уильямс запел утомленным, но жизнерадостным голосом: «Прощай, Джон, я должен идти...»

СОВИСА, любимая, подумала Лизи и закрыла глаза. Еще с мгновение слышалась музыка, но уже издалека, словно звучала она в конце длинного коридора или в глубине пещеры. А потом солнечный свет расцвел красным под веками, и температура окружающего воздуха разом упала на пятнадцать, а то и на двадцать градусов. Прохладный ветерок, напоенный ароматами цветов, ласкал потную кожу и отдувал с висков липкие волосы.

Лизи открыла глаза в Мальчишечьей луне.

10

Она по-прежнему сидела, скрестив ноги, но теперь на краю тропы, которая в одну сторону сбегала по склону пурпурного холма, а в другую уходила под деревья «нежное сердце». Она уже бывала здесь раньше. На это самое место переносил ее Скотт, до того, как они поженились, сказав, что хочет ей кое-что показать.

Лизи поднялась, отбросила с лица влажные от пота волосы, наслаждаясь ветерком. Сладостью ароматов, которые он приносил с собой (да, конечно), но еще больше прохладой. Она предположила, что сейчас здесь вторая половина дня, а тем-

пература воздуха — оптимальные семьдесят пять градусов*. Она слышала пение птиц, судя по звукам, самых обычных (синиц и малиновок, возможно, вьюрков и уж точно жаворонков), но не ужасный смех из глубин леса. Для них еще рано вато, решила Лизи. И никаких признаков длинного мальчика, что радовало больше всего.

Она встала лицом к деревьям и начала медленно поворачиваться на каблуках. Искала не крест, потому что Дули вогнал его в свою руку, а потом отбросил в сторону. Искала дерево, то самое, что росло чуть впереди двух других слева от тропы.

— Нет, не так, — пробормотала Лизи. — Они стояли по обе стороны тропы. Как часовые, охраняющие вход в лес.

И тут же увидела эти деревья. И третье, растущее чуть впереди того, что слева от тропы. Это третье было самым большим. Ствол покрывал такой густой мох, что напоминал меховые космы. У подножия земля чуть просела. Именно здесь Скотт похоронил брата; для спасения которого приложил столько сил. А по одну сторону от просевшей полоски земли Лизи углядела что-то странное, с огромными пустыми глазницами, таращащееся на нее из высокой травы.

На мгновение подумала, что это Дули или труп Дули, что-то ожившее и вернувшееся, чтобы преследовать ее, но потом вспомнила, как Дули, ударив Аманду, сорвал с головы бесполезные; лишенные линз очки ночного видения и отбросил их в сторону. Вот они и лежали теперь рядом с могилой хорошего брата.

«Это еще одна охота на була, — подумала Лизи, шагая к деревьям. — От тропы — к дереву, от дерева — к могиле, от могилы — к очкам. Куда дальше? Куда потом, любимый?»

Следующей станцией була оказался могильный крест с покосившейся перекладиной, которая теперь напоминала стрелки часов, показывающих пять минут восьмого. Верхнюю

* 75 градусов по Фаренгейту соответствуют 24 градусам по Цельсию.

часть вертикальной стойки на три дюйма покрывала кровь Дули, уже высохшая, тоже темно-бордовая, но оттенком чуть отличающаяся от пятен «морилки» на ковре. Слово «ПОЛ», написанное на перекладине, еще не полностью выцвело, а когда Лизи подняла крест (с истинным благоговением) из травы, чтобы получше разглядеть, то увидела кое-что еще: желтую нить, многократно намотанную на стойку, с завязанным крепким узлом концом. Завязанным, у Лизи в этом нет ни малейших сомнений, тем же узлом; которым крепились веревка с колокольчиком Чаки к ветви дерева в лесу. Желтая нить (та самая, что «скатывалась» с вязальных спиц доброго мамика, когда она вечерами сидела перед телевизором на ферме в Лисбоне) обмотана вокруг вертикальной стойки чуть выше того места, где дерево потемнело от соприкосновения с землей. И, глядя на нить, Лизи вспомнила, что видела ее, когда убегала в темноту, аккуратно перед тем как Дули вырвал крест из руки и отшвырнул в сторону.

Это африкан, который мы оставили у большой скалы над прудом. Потом он вернулся, в какой-то момент вернулся, взял его и пришел сюда. Распустил часть, обмотал нитью крест, продолжил распускать африкан, уходя от могилы, с тем чтобы нить привела меня к призу.

С гулко и медленно бьющимся сердцем Лизи бросила крест и пошла по нити, свернула с тропы, двинулась вдоль опушки Волшебного леса, перебирая нить руками. Высокая трава шуршала, обтекая ее бедра, кузнечики прыгали, люпины источали сладкий аромат. Где-то цикада запела песню жаркого лета, и в лесу прокаркала ворона (*Это была ворона? По звуку — ворона, самая обычная ворона*), словно приветствуя ее; и нигде — ни автомобилей, ни самолетов, ни человеческих голосов. Она шла по траве, следуя за нитью из распущенного афгана, того самого, в который десятью годами раньше кутался холодными ночами ее измученный бессонницей, испуганный, слабеющий муж. Впереди одно дерево «нежное сердце» чуть

выступало из ряда других. Раскидистые ветви образовывали островок манящей тени. Под деревом Лизи увидела высокую металлическую корзину для мусора, в ней — желтый сверток. Цвет потускнел, шерсть спуталась, казалось, в корзину бросили большой желтый парик, вымоченный дождем, или труп старого кота, но Лизи с первого взгляда поняла, что перед ней, и у нее защемило сердце. В голове вдруг зазвучала песня «Слишком поздно поворачивать назад» в исполнении «Свингующих Джонсонов», и она почувствовала руку Скотта, который вел ее танцевать. Следуя за нитью, Лизи вошла в тень дерева «нежное сердце», опустилась на колени рядом с тем, что осталось от свадебного подарка матери своей младшей дочери и мужу младшей дочери. Взяла в руки остатки афгана... и то, что в нем лежало. Прижалась лицом к влажной выцветшей шерсти. Афган пах сыростью и плесенью, старая вещь, брошенная вещь, вещь, от которой теперь шел запах скорее похорон, чем свадеб. Это было нормально. По-другому и быть не могло. Лизи вдыхала запах всех тех лет, которые афган провел здесь, привязанный к кресту на могиле Пола, ожидающий ее, превратившись в некое подобие якоря.

11

Чуть позже, когда слезы иссякли, она положила посылку (конечно же, это была посылка) обратно в корзину и посмотрела на нее, прикоснулась рукой к тому месту, где желтая нить отделялась от афгана. Удивилась, как это нить не порвалась. Ни когда Дули упал на крест, ни когда вырвал его из своей руки, ни когда отбросил в сторону. Естественно, сказалось то, что Скотт привязал нить к самому низу вертикальной стойки, но все равно это было чудо, учитывая длину нити и время, которое этот чертов афган пролежал здесь, открытый всем ветрам и дождям. Синеглазое чудо, иначе и не скажешь.

Но, разумеется, иногда потерявшиеся собаки возвращаются домой; иногда старые нити не рвутся и приводят тебя к призу, которым заканчивается охота на була. Она начала разворачивать афган, потом заглянула в корзину. Увиденное заставило ее печально рассмеяться: под свертком лежали пустые бутылки. Одна или две выглядели относительно новыми, и она точно знала, что верхняя — новая, потому что десять лет назад еще не было такой марки виски, как «Крепкий лимонад Майка». Но большинство бутылок были старые. Значит, именно сюда он приходил в 1996 году, чтобы напиться, но, даже в стельку пьяный, слишком уважал Мальчишечью луну, чтобы разбрасывать по лесу пустые бутылки. Могла бы она найти здесь другие корзины с бутылками? Возможно. Скорее да, чем нет. Но для нее имела значение только эта корзина, которая и подсказала Лизи, что именно сюда он пришел, чтобы сделать последнюю в своей жизни работу.

Она подумала, что у нее уже есть ответы на все вопросы, кроме самых главных, потому, собственно, она сюда и пришла: как ужиться с большим мальчиком, как удерживаться от соскальзывания сюда из того места, где она жила, особенно когда длинный мальчик думает о ней. Возможно, Скотт оставил ей эти ответы. Даже если не оставил, *что-то* он все-таки оставил... и как хорошо ей под этим деревом.

Лизи вновь вынула из мусорной корзины афган и ошупала его, точно так же как маленькой девочкой ошупывала рождественские подарки. Внутри была коробка, но на ощупь она совершенно не походила на кедровую шкатулку доброго мамика; она была мягче, поддавалась под пальцами, как гриб: да, ее завернули в афган и оставили под деревом, но влага воздействовала на нее все эти годы... и впервые Лизи задалась вопросом: а сколько лет пролежала здесь эта посылка? Бутылка «Крепкого лимонада» говорила, что не так чтобы много. И по ощущениям можно было подумать...

— Это папка для рукописей, — пробормотала Лизи. — Одна из его обычных папок из жесткого толстого картона. — Да,

теперь Лизи в этом была уверена. Только после двух лет под этим деревом... или трех... или четырех... картон из жесткого превратился в мягкий.

Лизи начала разворачивать афган. Два слоя — и все, остальную часть афгана Скотт распустил. И внутри действительно лежала картонная папка для рукописей, только изначальный светло-серый цвет потемнел от влаги. Скотт всегда маркировал лицевую сторону таких папок наклейкой. Наклейка была и на этой, но края отлепились и загнулись. Лизи расправила наклейку пальцами и прочитала единственное слово, написанное уверенным почерком Скотта: «ЛИЗИ». Раскрыла папку. Внутри лежали разлинованные страницы, вырванные из блокнота. Порядка тридцати, густо исписанные фломастером. Она не удивилась, увидев, что писал Скотт в настоящем времени, что текст иногда стилизовался под детскую прозу, что история начиналась с середины. Последнее, отметила Лизи, могло показаться странным лишь тому, кто ничего не знал о двух братьях, которым удавалось выжить рядом с безумным отцом, не знал, что случилось с одним из братьев и как второй брат не смог его спасти. История начиналась с середины для того, кто не знал о тупаках или пускающих дурную кровь, о дурной крови. История начиналась с середины, если не знать, что...

12

В феврале он начинает как-то странно смотреть на меня, краем глаза. Я жду, что он начнет на меня кричать или даже достанет старый перочинный нож и порежет меня. Он давно уже ничего такого не делал, и мне даже этого хочется. Нож не выпустит из меня дурную кровь, потому что во мне ее нет — я видел, что творит настоящая дурная кровь, когда Пол сидел на цепи в подвале, так что говорю не о фантазиях отца — нет во мне ничего такого. А в нем есть что-то плохое, и порезами слить это плохое не удастся. На этот

раз не удастся, хотя он предпринимал немало попыток. Я знаю. Видел его окровавленные рубашки и кальсоны в корзине для грязного белья. И в мусорном контейнере тоже. Если, порезав меня, он поможет себе, я позволю ему это сделать, потому что все еще люблю его. Может, даже больше люблю с тех пор, как мы остались вдвоем. Больше, после того как мы намучились с Полом. Может, эта любовь сродни року, как дурная кровь. «Дурная кровь сильная» — его слова.

Но он меня не режет.

Однажды я возвращаюсь из сарая, где просидел какое-то время, думая о Поле (думая о том, как хорошо мы проводили время в этом старом доме), и отец хватает меня и трясет. «Ты ходил туда! — кричит он мне в лицо. И я вижу, что он даже еще более больной, чем я думал, совсем плохой. Никогда он не был таким плохим. — Почему ты ходишь туда? Что ты там делаешь? С кем говоришь? Что задумываешь?»

И все это время он трясет меня, так что мир прыгает вверх-вниз. Потом моя голова ударяется о дверной косяк, я вижу звезды и падаю на порог, лицом — к теплу кухни, спиной — к холоду двора.

— Нет, папа, — говорю я, — я никуда не ходил, я просто...

Он наклоняется надо мной, руки упираются в колени, его лицо над моим, кожа бледная, за исключением двух красных пятен на щеках, и я вижу, как его глаза бегают взад-вперед, взад-вперед, и я знаю, что он и здравый смысл больше даже не пишут писем друг другу. И я помню, как Пол говорил мне: «Скотт, нельзя спорить с отцом, когда он не в себе».

— Не говори мне, что ты никуда не ходил, ты, липкий сучонок, я обыскал ВСЕ ЭТОТ ГРЕБАНЫЙ ДОМ!

Я думаю о том, чтобы сказать, что был в сарае, но знаю, пользы от моих слов не будет, все станет только хуже. Я думаю о Поле, говорящем, что нельзя спорить с отцом, когда он не в себе, когда ему плохо, и, поскольку я знаю, где, по его мнению, я был, я отвечаю, да, папа, я был в Мальчишечьей луне, но лишь для того чтобы положить цветы на могилу Пола. И это срывается. Во всяком случае, на какое-то время. Он расслабляется. Он даже хватается за руку и поднимает, а потом чистит мою одежду, словно видит на ней грязь или снег. Их нет, но, возможно, он видит. Кто знает.

Он говорит:

— Там все нормально, Скут? Могила в порядке? Ничего не случилось с ней или с ним?

— Все в порядке, папа, — отвечаю я.

— Здесь действуют нацисты, Скутер, я тебе говорил? Они поклоняются Гитлеру в подвале. У них есть маленькая керамическая статуэтка этого мерзавца. Они думают, что я об этом не знаю.

Мне только десять, но я знаю, Гитлер мертв с конца Второй мировой войны. Я также знаю, что никто в «Ю.С. Гиппам» не поклоняется даже его статуэтке в подвале. И я знаю кое-что еще, что никогда не приходит в голову отцу, когда в нем бурлит дурная кровь, поэтому я говорю:

— И что ты собираешься с этим делать?

Он наклоняется ко мне совсем близко, и я думаю, что на этот раз он точно ударит меня, по меньшей мере снова начнет трясти. Но вместо этого он встречается со мной взглядом (я никогда не видел, чтобы глаза у него были такие большие и такие темные), а потом хватается себя за ухо.

— Что это, Скутер? Что ты видишь, старина Скут?

— Твое ухо, папа, — говорю я.

Он кивает, по-прежнему держась за свое ухо и не сводя с меня глаз. Все последующие годы я иногда буду видеть эти глаза в моих снах.

— Я собираюсь не отрывать его от земли, — говорит он, — и когда придет время... — Он выставляет вперед указательный палец, поднимает большой, начинает «стрелять». — Каждого, Скутер. Каждого святомамкиного нациста, которого я там найду.

Может, он действительно бы их убил. Мой отец. В ореоле протухшей славы. Может, в газетах появиться бы заголовок: «ПЕНСИЛЬВАНСКИЙ ОТШЕЛЬНИК ВЛАДАЕТ В НЕИСТОВСТВО, УБИВАЕТ ДЕВЯТЬ СОСЛУЖИВЦЕВ И СЕБЯ, МОТИВ НЕЯСЕН», — но прежде чем он успевает это сделать, дурная кровь уводит его на другую дорогу.

Февраль заканчивается, ясный и холодный, но, когда приходит март, погода меняется, а вместе с ней меняется и отец. По мере того как температура поднимается, небо затягивают облака и начинаются первые дожди со снегом, он становится все более замкнутым и молчаливым. Перестает бриться, потом принимать душ, потом готовить еду. И вот приходит день, может, треть месяца уже миновала, когда я понимаю: три его нерабочих дня

(такое иногда случалось, работа у него сменная) растянулись в четыре... потом в пять... потом в шесть. Наконец я спрашиваю его, когда он пойдет на работу. Я боюсь спрашивать, потому что теперь большую часть времени он проводит или наверху, в своей спальне, или внизу, лежа на диване, слушая кантри-музыку на волне радиостанции WWVA, расположенной в Уилинге, западная Виргиния. Со мной он практически не разговаривает, ни наверху, ни внизу, и я вижу, что теперь его глаза постоянно бегают взад-вперед, он высматривает их, людей с дурной кровью, кровь-бульных людей. Поэтому — нет, я не хочу его спрашивать, но должен, потому что если он не пойдет на работу, что станет с нами? Десять лет — достаточный возраст для того, чтобы знать: если поступления денег нет, мир переменится.

— Ты хочешь знать, когда я вернусь на работу, — говорит он задумчивым тоном. Лежа на диване, с заросшим щетиной лицом. Лежа в старом рыбацком свитере и кальсонах, с торчащими из них босыми ступнями. Лежа под песню Реда Соувина* «Давай уйдем», звучащую из радиоприемника.

— Да, папа.

Он приподнимается на локте и смотрит на меня, и я вижу, что он уже ушел. Хуже того, что-то в нем прячется, растет, становится сильнее, дожидается своего часа.

— Ты хочешь знать. Когда. Я. Вернусь на работу.

— Я думаю, это твое дело, — говорю я. — Я пришел лишь для того, чтобы спросить, сварить ли мне кофе.

Он хватается за руку, и вечером я вижу синяки на тех местах, где его пальцы впились в кожу и мышцы.

— Хочешь знать. Когда. Я. Пойду. Туда. — Он отпускает мою руку и садится. Глаза его еще больше, чем прежде, и не могут стоять на месте. Бегают и бегают в глазницах. — Я туда больше никогда не пойду, Скотт. Эта лавочка закрылась. Эта лавочка взорвалась. Неужели ты ничего не знаешь, тупой, маленький, приклеившийся ко мне сучонок? — Он смотрит на грязный ковер гостиной. На радио Ред Соувин уступает место Ферлину Хаски**. Потом отец смотрит на меня, и он снова отец, и говорит нечто такое, от чего

* Соувин Ред (1918—1980) — настоящее имя Вудро Уилсон, американский кантри-певец.

** Хаски Ферлин (р. в 1925) — известный американский кантри-певец.

у меня чуть не рвется сердце. «Ты, возможно, тупой, Скутер, но ты смелый. Ты — мой смелый мальчик. И я не позволю этому причинить тебе боль».

Потом он опять ложится на диван, поворачивается на живот и просит, чтобы я его больше не беспокоил, потому что он хочет поспать.

В ту ночь я просыпаюсь от звука дождя со снегом, барабанящего в окно, и он сидит рядом с кроватью, улыбается, глядя на меня сверху вниз. Только улыбается не он. Нет в его глазах ничего, кроме дурной крови. «Папа?» — говорю я, а он мне не отвечает. Я думаю: «Он собирается меня убить. Собирается схватить руками за шею и задушить, и все, через что мы прошли, в том числе и то, что случилось с Полом, ничем мне не поможет».

Но вместо этого он говорит сдавленным голосом: «Засыпай», — встает с кровати и уходит. Походка у него какая-то дергающаяся, подбородок выставлен вперед, зад покачивается, словно он видит себя сержантом на плацу или что-то в этом роде. Через несколько секунд я слышу жуткий грохот и понимаю: он свалился, спускаясь с лестницы, может, даже сам бросился вниз, и какое-то время лежу, не в силах вылезти из постели, надеюсь, что он умер, надеюсь, что он не умер, не зная, на что надеюсь больше. Какая-то часть меня хочет, чтобы он поставил последнюю точку, вернулся и убил меня, чтобы подвел черту под ужасом жизни в этом доме. Наконец я кричу: «Папа? Ты в порядке?»

Долгое время ответа нет. Я лежу, слушаю, как дождь со снегом барабанят в окно, думаю: «Он мертв, он, мой отец, мертв, я здесь один», — а потом он орет из темноты, орет снизу:

— Да, в порядке! Заткнись, маленький говнюк! Заткнись, если не хочешь, чтобы тварь, живущая в стене, услышала тебя, влезла и живьем сожрала нас обоих! Или ты хочешь, чтобы она забралась в тебя, как забралась в Пола?

На это я не отвечаю, только лежу, трясясь всем телом.

— Отвечай мне! — ревет он. — Отвечай, дубина, а не то я поднимусь и заставлю тебя пожалеть об этом!

Но я не могу, я слишком напуган, чтобы отвечать, мой язык — ломтик высушенного мяса, который, подергиваясь, лежит во рту. И я не могу плакать. Я слишком напуган, чтобы плакать. Я просто лежу и жду, что он поднимется наверх и причинит мне боль. Или убьет меня.

Потом, по прошествии долгого-долгого времени (не меньше часа, но, возможно, не больше пары минут), я слышу, как он бормочет что-то вроде: «Моя гребаная голова кровоточит» или «Ну почему кровь не останавливается». В любом случае слова эти произносятся далеко от лестницы, на пути в гостиную, и я знаю, что он сейчас уляжется на диван и заснет там, а утром или проснется, или нет, но в любом случае этой ночью я его не увижу. Но я все равно напуган. Я напуган, потому что есть тварь. Я не думаю, что она живет в стене, но тварь есть. Она забрала Пола и, возможно, собирается забрать отца, а потом и меня. Я много об этом думал, Лизи.

13

Сидя под деревом (точнее, сидя, привалившись спиной к стволу дерева), Лизи подняла голову и чуть не вздрогнула, как вздрогнула бы, если бы призрак Скотта позвал ее по имени. Она предположила, что в каком-то смысле именно это и произошло, и действительно, чего удивляться? Разумеется, он обращается к ней и ни к кому больше. Это ее история, история Лизи, и хотя она всегда читала медленно, уже осилила треть заполненных от руки блокнотных страниц. Она думает, что закончит чтение задолго до наступления темноты. И это хорошо. Мальчишечья луна — приятное место, но только при свете дня.

Она посмотрела на рукопись и вновь удивилась тому, что он пережил свое детство. Обратила внимание, что последняя фраза, адресованная ей, в ее настоящем, написана в прошедшем времени. Улыбнулась этому и продолжила чтение, думая, что, будь у нее право на одно желание, она полетела бы на этом выдуманном волшебном мучном полотнище-самолете к одинокому мальчику. Чтобы утешить его, хотя бы шепнуть на ухо, что этот кошмар скоро закончится. Во всяком случае, эта часть кошмара.

Я много думал об этом, Лизи, и пришел к двум выводам. Первое: то, что забрало Пола, было реальным, и существо это могло иметь земное происхождение, быть, скажем, вирусом или бактерией. Второе: существо это — не длинный мальчик. Потому что длинный мальчик находится за пределами нашего понимания. Длинный мальчик — это нечто особенное, и лучше об этом не думать. Никогда.

В любом случае наш герой, маленький Скотт Лэндон, наконец-то засыпает, и в этом фермерском доме, расположенном в сельской глубинке Пенсильвании, еще несколько дней все идет по-прежнему, то есть отец лежит на диване, благоухая, как головка зрелого сыра, Скотт готовит еду и моет посуду, снег с дождем барабанит в окна, и кантри-музыка, которую транслирует WVA, наполняет гостиную: Донна Фарго, Уэйлон Дженнингс, Джонни Кэш, Конуэй Твитти, Чарли Прайд и (естественно) Старина Хэнк. Потом, в один из дней, где-то в три часа пополудни, на длинную подъездную дорожку сворачивает коричневый «шевроле» с надписью «Ю.С. ГИПСАМ» на бортах, разбрасывая в обе стороны фонтаны брызг. Эндриу Лэндон большую часть времени проводит теперь на диване в гостиной, спит там ночью и лежит днем, и Скотт даже представить себе не мог, что его отец способен так быстро перемещаться из одного места в другое, как он перемещается, услышав шум подъезжающего автомобиля, поняв, что это не старенький «форд» почтальона и не микроавтобус контролера, записывающего показания электросчетчика. В мгновение ока отец уже на ногах и у окна, расположенного слева от парадного крыльца. Чуть отводит в сторону грязную белую занавеску, волосы на затылке стоят дыбом, и Скотт, он в дверях кухни с тарелкой в одной руке и посудным полотенцем на плече, видит большую пурпурно-синюю опухоль на той стороне отцовского лица, которой тот приложился к лестнице, когда падал, и еще он видит, что одна штанина кальсон задрана чуть ли не до колена. Он также слышит, как по радио Дик Керлесс* поет «Мопильные

* Керлесс Дик (р. в 1932) — известный американский кантри-певец. Родился в семье музыкантов, на сцене с 18 лет. Первая звезда стиля кантри национального масштаба из Новой Англии вообще и штата Мэн в частности.

камни на каждой миле», и видит, что глаза отца сверкают жадной убийства, а губы разошлись, обнажая нижние зубы. Отец резко отворачивается от окна, и штанина кальсон падает вниз. Большими шагами, напоминая ходячие ножницы, он идет к стенному шкафу, открывает его в тот самый момент, когда водитель глушит двигатель «шевроле». Скотт слышит, как хлопает дверца, и понимает, что кто-то идет навстречу своей смерти, не подозревая об этом. А отец тем временем достает из стенного шкафа карабин .30-06, выстрелом из которого оборвал жизнь Пола. Или вселившегося в него существа. Шаги уже на ступеньках крыльца. Ступеней всего три, и средняя как скрипела всегда, так и будет скрипеть во веки веков, аминь.

— Папа, нет, — говорю я тихим, умоляющим голосом, когда Эндрю «Спарки» Лэндон идет к закрытой входной двери, все той же новой для него, но такой грациозной ножничной походкой, выставив карабин перед собой. Я все еще держу тарелку, но теперь мои пальцы немеют, и я думаю: «Сейчас я ее уроню. Эта долбаная тарелка упадет на пол, разобьется, и человек, который уже на крыльце, для него последними звуками в этой жизни станет звон разбивающейся тарелки и песня Дика Керлесса по радио о лесах Хайнсвилла, донесшиеся из этого вонючего, Богом забытого фермерского дома». Я снова говорю: «Папа, нет», — молю всем сердцем и пытаюсь передать эту мольбу взглядом.

Спарки Лэндон колеблется, потом приваливается к стене так, чтобы открывшаяся дверь (когда она откроется) скрыла его. И едва он приваливается к стене, в дверь стучат. Мне не составляет труда прочесть слова, которые безмолвно произносят окаймленные щетиной губы отца: «Тогда избавься от него, Скотт».

Я иду к двери, перекалдываю тарелку, которую хотел вытереть, из правой руки в левую и открываю дверь. С удивительной четкостью вижу мужчину, стоящего на крыльце. Представитель «Ю.С. Гипсам» невысок (пять футов и семь или восемь дюймов, то есть не намного выше меня), но выглядит очень важным в черной кепке, отупоженных брюках цвета хаки и рубашке того же цвета, виднеющейся из-под толстой черной куртки с наполовину растепнутой молнией. Он полноватый и чисто выбритый, с розовыми лоснящимися щеками. При черном галстуке и с небольшим портфелем, меньше «дипломата» (слово «портфолио» я узнаю лишь через несколько лет). На ногах

резиновые боты, на молниях, а не с застёжками. Я смотрю и думаю: если и существует человек, который выглядит так, будто ему суждено быть застреленным на крыльце, то человек этот передо мной. Даже единственный волосок, завитком торчащий из ноздри, заявляет, что да, это тот самый человек, все точно, именно его послали, чтобы получить пулю в живот из карабина мужчины с походкой-ножницами. Даже его имя и фамилия, думаю я, из тех, что обычно можно прочитать под кричащим заголовком: «УБИТ».

— Привет, сынок, — говорит он, — ты, должно быть, один из парнишек Спарки. Я — Френк Холси, с его работы. Начальник отдела кадров, — и он протягивает руку.

Я думаю, что не смогу ее пожать, но пожимаю. И я думаю, что не смогу говорить, но дара речи не лишаюсь. И голос мой звучит как всегда. Я — это все, что разделяет этого мужчину и пулю, которая может попасть ему в голову или сердце, поэтому голос и должен звучать нормально.

— Да, сэр, это так. Я — Скотт.

— Рад познакомиться с тобой, Скотт. — Через мое плечо он заглядывает в гостиную, и я стараюсь понять, что он там может увидеть. Днем раньше я прибирался в гостиной, но только Богу известно, насколько хорошо справился с этим делом. В конце концов, я всего лишь долбаный ребенок. — Похоже, мы потеряли твоего отца.

«Между прочим, — думаю я, — вы в шаге от того, чтобы потерять много другого, мистер Холси. Вашу работу, вашу жену, ваших детей, если они у вас есть».

— Он не звонил вам из Филлип? — спрашиваю я, не имея ни малейшего понятия, откуда это взялось и к чему может привести, но я не боюсь. Такие разговоры меня не пугают. Я могу молоть подобную чушь весь день напролет. Боюсь я другого: вдруг отец потеряет контроль над собой и начнет палить через дверь? Возможно, попадет в одного Холси, скорее — в нас обоих.

— Нет, сынок, точно не звонил. — Снег с дождем продолжают падать на крышу крыльца, но он все-таки укрыт от непогоды, поэтому я совсем не обязан приглашать его в дом. А если он пригласит себя сам и войдет? Как я смогу его остановить? Я всего лишь ребенок, стоящий на пороге в шлепанцах, с тарелкой в одной руке и посудным полотенцем на плече.

— Он ужасно волнуется из-за своей сестры. — Я думаю о биографии одного бейсболиста, которую читал. Книжка на моей кровати наверху. Я также думаю об автомобиле отца, который припаркован за домом, под навесом у сарая. Если бы Холси прошел к дальнему концу крыльца, то увидел бы его. — У нее болезнь, которая убила того знаменитого бейсболиста из «Янкиз»*.

— У сестры Спарки болезнь Лу Герига**? Вот дерьмо... Будем считать, ты не слышал. Я и не знал, что у него есть сестра.

«Я тоже», — думаю я.

— Сынок... Скотт... это ужасно. И кто присматривает за вами, пока он в отъезде?

— Миссис Коул, наша соседка. — Автора книги «Железный человек «Янкиз» зовут Джонатан Коул. — Она приходит каждый день. И потом, Пол знает четыре способа приготовления мясного пирога.

Мистер Холси смеется.

— Четыре способа, значит? И когда Спарки собирается вернуться?

— Ну, она больше не может ходить и дышит вот так. — Я шумно, жадно хватаю ртом воздух. Это легко, потому что сердце у меня бьется как бешеное. Оно чуть не остановило свой бег, когда я практически не сомневался в том, что отец убьет мистера Холси, но теперь, едва появился шанс избежать выстрелов, сердце словно с цепи сорвалось.

— Ясно, малыш. — Вид у мистера Холси такой, будто он все понял. — Что ж, это ужасная новость.

Он сует руку под куртку и достает бумажник. Раскрывает его, вынимает долларовую купюру. Потом вспоминает, что у меня вроде бы есть брат, и добавляет к первой вторую. И в этот момент, Лизи, произошло ужасное. Я вдруг захотел, чтобы отец его убил.

— Вот, сынок, — говорит он, и тут я отчетливо понимаю, словно читаю его мысли, что он забыл мое имя, и от этого еще сильнее ненавижу мистера

* «Нью-йоркские янкиз» — профессиональная бейсбольная команда.

** Гериг Лу (1903—1941) — выдающийся бейсболист, игравший в команде «Нью-йоркские янки» с 1923-го по 1939 г. В 1938 г. заболел амиотропическим боковым склерозом, хроническим прогрессирующим заболеванием нервной системы неясного происхождения. После его смерти заболевание получило название «болезнь Лу Герига».

Холси. — Возьми. Один для тебя, один для твоего брата. Купите себе что-нибудь в том маленьком магазинчике на дороге.

Мне не нужен его долбаный доллар (а Полу он тем более не нужен), но я беру купюры и говорю «спасибо, сэр», и он отвечает «пустяки, сынок», ерошит мне волосы, и когда он это делает, я бросаю короткий взгляд влево и вижу глаз моего отца, припавший к трещине в двери. Вижу и конец ствола карабина. А потом мистер Холси наконец-то спускается с крыльца. Я закрываю дверь, и мы с отцом наблюдаем, как он усаживается в автомобиль компании и уезжает по длинной подъездной дорожке. Я вдруг понимаю, если он застрянет, то вернется, чтобы попросить разрешения воспользоваться телефоном, и все равно умрет. Но он не застревает, а потому вечером, после работы, сможет поцеловать жену и рассказать ей о двух долларах, которые дал двум бедным мальчишкам, чтобы они могли купить себе сладостей. Я опускаю глаза, вижу два доллара, которые держу в руке, и отдаю их отцу. Он засовывает их в карман, не удостоив и взглядом.

— Он вернется, — говорит отец. — Он или кто-то другой. Ты все сделал здорово, Скотт, но твоя история лишь на время отводит их.

Я пристально смотрю на него и вижу, что он — мой отец. В какой-то момент моего разговора с мистером Холси он вернулся. И это последний раз, когда я действительно вижу его.

Он замечает мой взгляд и кивает. Потом смотрит на карабин.

— Мне нужно от него избавиться. С головой у меня становится все хуже, и этому...

— Нет, папа...

— ...и этому не поможешь, но будет совсем уж плохо, если я заберу с собой с десяток таких, как Холси, и меня будут показывать в шестичасовых новостях на потеху всем этим тупакам. И они втянут тебя и Пола. Обязательно втянут. Мертвые или живые, вы будете сыновьями психа.

— Папа, ты в порядке, — говорю я и пытаюсь его обнять. — Сейчас ты в порядке!

Он отталкивает меня, с губ срывается смешок.

— Да, а некоторые люди в приступе малярии могут цитировать Шекспира, — говорит он. — Ты оставайся здесь, Скотти, а у меня есть одно дельце. Много времени оно не займет. — Он уходит по коридору на кухню, мимо

скамьи, с которой я все-таки спрыгнул много лет назад. Уходит, опустив голову, с карабином для охоты на лосей в руках. Едва только за ним закрывается дверь кухни, я иду следом, смотрю в окно над раковиной, как он пересекает двор, без пальто или куртки, под дождем со снегом, с опущенной головой, по-прежнему с карабином .30-06 в руках. Кладет карабин на покрытую коркой льда землю на те мгновения, которые необходимы, чтобы сдвинуть крышку с сухого колодца. Для этого ему требуются обе руки. Потому что крышка скользкая и тяжелая. Потом поднимает карабин, смотрит на него и бросает в зазор между крышкой и кирпичной стенкой колодца. После этого возвращается в дом, с опущенной головой и потемневшими от дождя плечами рубашки. Только тут я замечаю, что он босиком. И не думаю, что он это понимает.

Он, похоже, не удивляется, увидев меня на кухне. Достает два доллара, которые дал мне мистер Холси, смотрит на них, потом на меня.

— Ты уверен, что они тебе не нужны? — спрашивает он.

Я качаю головой.

— Нет, даже если бы это были последние долларовые купюры на Земле.

Вижу, что ответ ему нравится.

— Хорошо, — говорит он. — Но теперь позволь мне кое-что тебе сказать, Скотт. Ты знаешь чайный сервиз твоей бабушки, который стоит в столовой?

— Конечно.

— Если ты заглянешь в синий кувшин на верхней полке, то найдешь там деньги. Мои деньги — не Холси. Чувствуешь разницу?

— Да, — отвечаю я.

— Да, готов спорить, что чувствуешь. У тебя есть недостатки, но тупость в их число не входит. Будь я на твоём месте, Скотт, я бы взял эти деньги — там порядка семисот долларов — и сделал бы ноги. Пятёрку положил бы в карман, остальное — в ботинок. Десять лет — слишком мало для того, чтобы стать бродягой, даже на короткое время, и я думаю, шансов на то, что тебя ограбят еще до того, как ты переберешься через мост в Питтсбург, девяносто пять из ста, но если ты останешься здесь, случится что-то очень плохое. Ты знаешь, о чем я говорю?

— Да, но уйти не могу.

— Люди думают, что много чего не могут, а потом неожиданно обнаруживают, что очень даже могут, когда оказываются в безвыходном положении, — говорит отец. Смотрит на ступни, розовые, словно ошпаренные. — А если ты сможешь добраться до Питтсбурга, я уверен, что мальчик, которому хватило ума обвести вокруг пальца мистера Холси историей о болезни Лу Герига и сестре, которой у меня никогда не было, сумеет раскрыть телефонный справочник на букву «Д» и найти телефон городского Департамента по социальной защите детей. Или ты сможешь покрутиться какое-то время в городе и найти что-нибудь получше, если не расстанешься с этими семью сотнями баксов. Ребенку, если доставать из заглашника по пятерке или десятке, семисот баксов хватит надолго. Если не попадаться на глаза копам и не дать ограбить себя на сумму, большую той, что в кармане.

Я говорю ему вновь:

— Я не уйду.

— Но почему?

Объяснить я не могу. Отчасти это связано с тем, что почти всю жизнь я прожил в этом фермерском доме, в компании отца и Пола. Информацию об остальном мире я по большей части черпал из трех источников: телевизора, радио и собственного воображения. Да, я ходил в кино и полдюжины раз бывал в Бурге, но всегда с отцом и старшим братом. От одной мысли о том, что я в одиночку должен шагнуть в эту ревущую неизвестность, душа уходит в пятки. И, что важнее, я его люблю. Не так просто и однозначно (во всяком случае, за исключением последних нескольких недель), как я любил Пола, но да, я его люблю. Он резал меня, и бил, и обзывал всякими словами, частенько терроризировал меня в детстве и отправлял спать с ощущением, что я маленький, глупый и никчемный, но у этих плохих времен была и хорошая сторона; они превращали каждый поцелуй в золото, каждую похвалу, даже небрежную, в целую пещеру сокровищ. И в десять лет (может, потому, что я — его сын, его кровь) я понимаю, что эти поцелуи, эти похвалы всегда были искренними, всегда были настоящими. Он — монстр, но монстр, способный любить. Вот это и было кошмаром моего отца, маленькая Лизи: он любил своих сыновей.

— Я просто не могу уйти, — говорю я ему.

Он думает об этом (полагаю, думает, надавить на меня или нет), потом просто кивает.

— Хорошо. Но послушай меня, Скотт. С твоим братом я так поступил, чтобы спасти тебе жизнь. Ты это знаешь?

— Да, папа.

— Но если мне придется что-то сделать с тобой, все будет по-другому. Тебе будет так плохо, что я могу за это отправиться в ад, пусть даже ответственность ляжет не на меня, а на то, что сидит во мне. — Его глаза в этот момент уходят от моих, и я знаю, он снова видит их, и очень скоро я буду говорить уже не с отцом. Потом он вновь смотрит на меня, и я в последний раз ясно вижу отца. — Ты не позволишь мне отправиться в ад, правда? — спрашивает он меня. — Ты не позволишь своему отцу отправиться в ад и гореть там вечно, несмотря на то что иногда я относился к тебе плохо?

— Нет, папа, — отвечаю я, и слова даются мне с трудом.

— Ты обещаешь? Именем своего брата?

— Именем Пола.

Он опять смотрит в угол.

— Пойду прилягу. Приготовь себе что-нибудь поесть, если хочешь, но потом не оставляй долбаную кухню в дерьме.

В ту ночь я просыпаюсь и слышу, что дождь со снегом барабанят по окнам сильнее, чем прежде. Я слышу треск где-то во дворе и знаю, что сломалось дерево, не выдержав намерзшего на нем льда. Может, меня разбудил треск другого сломавшегося дерева, но думаю, что это не так. Думаю, я услышал его шаги на лестнице, пусть даже он и старался идти тихо. Времени остается только на то, чтобы вылезти из кровати и спрятаться под ней, хотя я и знаю, что это бесполезно, дети всегда прячутся под кроватью, это первое место, куда он заглянет.

Когда он входит в комнату, я вижу его ноги. Он по-прежнему босиком. Не произносит ни слова. Просто подходит к кровати и встает рядом. Я думаю, он постойт, как стоял раньше, потом, возможно, сядет на нее, но он не садится. Вместо этого я слышу, как он «крякает», обычно он это делает, когда поднимает что-то тяжелое, коробку там или ящик, потом он встает на цыпочки, что-то шуршит в воздухе, слышится жуткий СКР-Р-РПП,

матрас и пружины прогибаются посередине, с пола поднимается пыль, и острое кирки, которая стояла в сарае, пробивает мою кровать. Замирает перед моим лицом, в дюйме от моего рта. Кажется, я могу разглядеть на острие каждое пятнышко ржавчины и полоски чистого металла, появившиеся в месте контакта с одной из пружин. Замирает на пару секунд, а потом снова слышится «кряканье» и жуткий скрип: он пытается вытащить кирку. Напрягается, но она сидит крепко. Острие болтается у меня перед глазами, потом опять замирает. Я вижу, что его пальцы появляются ниже края кровати, и знаю, что он обхватил ладонями колени. Он наклоняется, с тем чтобы заглянуть под кровать и убедиться, что я там, прежде чем вновь вытаскивать кирку.

Я не думаю. Я просто закрываю глаза и ужу. В первый раз после похорон Пола и впервые — со второго этажа. У меня только секунда, чтобы подумать: «Я упаду», — но мне без разницы: все лучше, чем продолжать прятаться под кроватью и наблюдать, как незнакомец с лицом отца заглядывает под нее, чтобы найти там меня, загнанного в угол; все лучше, чем видеть дурную кровь, которая взяла над ним верх.

И я падаю, но с небольшой высоты, пара футов, и, думаю, только потому, что я в это верил. Слишком многое в Мальчишечьей луне зависит от веры. Видеть в действительности означает верить, по крайней мере иногда... если ты не заходишь слишком далеко в лес, не начинаешь блуждать.

Там была ночь, Лизи, и я помню это очень хорошо, потому что впервые сознательно отправился туда ночью.

15

— Ох, Скотт, — прошептала Лизи, вытирая щеки. Всякий раз, когда он уходил от настоящего времени и говорил с ней напрямую, она словно ощущала удар, но мягкий, нежный. — Ох, как же мне тебя жалко. — Она смотрит, сколько осталось страниц... немного. Восемь? Нет, десять. Вновь склоняется над ними, после прочтения переворачивая каждую и укладывая ее в утолщающуюся стопку на коленях.

Я оставляю холодную комнату, в которой тварь, надевшая на себя личину отца, пытается меня убить, и сижу рядом с могилкой моего брата летней ночью, которая нежнее бархата. Луна плывет по небу, как затертый серебряный доллар, и хохотуны веселятся в глубине Волшебного леса. Время от времени (я думаю, из большей глубины) доносится еще чей-то рев. Потом хохотуны вдруг замолкают, но я догадываюсь, что-то уж очень их веселит, так что долго они сдерживать смех не смогут. И точно, они вновь берутся за старое... сначала один, потом двое, полдюжины, наконец, весь их чертов Институт смешливости. Что-то слишком большое, чтобы быть ястребом или совой, бесшумно проплывает на фоне луны, какая-то местная ночная хищная птица, я думаю, обитающая только в Мальчишечьей луне. Я ощущаю все те ароматы, которые так нравились Полу и мне, но только теперь они пахнут прокипшим, прогорклым, обоссанной постелью; и кажется, если вдохнешь глубоко, запахи эти проберутся в нос и зацепятся там. У подножия Пурпурного холма я вижу пляшущие желеобразные светящиеся шары. Я не знаю, что это, но мне они не нравятся. Я думаю, если они прикоснутся ко мне, то могут присосаться, а может, лопнут и оставят на коже язву, вокруг которой все тут же начнет чесаться, как после контакта с ядовитым плющом.

Около могилы Пола страшно. Я не хочу бояться его, и я не боюсь, честно говоря, не боюсь, но я постоянно думаю о дурной крови, которая захватила над ним контроль, превратила во что-то совсем другое, и задаюсь вопросом, а может, умер только Пол, а не это другое. И если здесь все хорошее при дневном свете с наступлением темноты превращается в яд, может, дурная кровь, пусть даже она находится в мертвой и разлагающейся плоти, ночью способна здесь ожить. Что, если она заставит руки Пола подняться над могилкой? Что, если заставит эти грязные мертвые руки схватить меня? Что, если льбящееся лицо поднимется на уровень моего, с комочками земли, бегущими из уголков глаз, словно слезы?

Я не хочу плакать, в десять лет плакать уже нежное (особенно мне, который столько пережил), но слезы натянут из глаз, я ничего не могу с собой

поделать. Потом я вижу дерево «нежное сердце», которое стоит чуть в стороне от остальных, и ветви его напоминают низкое облако.

И мне, Лизи, это дерево показалось... добрым, тогда я не знал почему, но теперь, по прошествии стольких лет, думаю, знаю. Эти мои записи оживили прошлое. Ночные огни — пугающие холодные световые шары, плывущие над самой землей, — не могли проникнуть под крону этого дерева. И подхожу к нему все ближе, я осознавал, что только от него шел сладкий запах (почти что сладкий), то есть ночью оно пахло практически так же, как и днем. Это то самое дерево, под которым ты сейчас сидишь, маленькая Лизи, если читаешь эту последнюю историю. И я очень устал. Не думаю, что смогу написать все, что нужно написать, хотя знаю, что должен попытаться. В конце концов, это мой последний шанс поговорить с тобой.

Скажем так, есть маленький мальчик, который спит под сенью этого дерева многие... ну, кто знает, сколько? Не всю эту долгую ночь, но пока луна (которая здесь всегда полная, ты это заметила?) не закатывается за горизонт, и он за это время раз пять-шесть засыпает и просыпается, и ему снятся странные и иногда прекрасные сны, как минимум один из которых потом станет романом. Он находится в этом прекрасном укрытии достаточно долго, чтобы придумать ему название — Дерево историй.

И достаточно долго, чтобы узнать: что-то ужасное (гораздо ужаснее того жалкого зла, что захватило его отца) походя глянуло на него... и пометило для того, чтобы заняться им позже (возможно)... а потом этот страшный и неведомый разум переключился на что-то другое. То был первый раз, когда я почувствовал присутствие этого «парня», который так часто выглядывал из-за кулис моей жизни, Лизи. Существа, являющего собой тьму, которой противостоял твой свет и которое так же чувствует, как, я знаю, всегда чувствовала ты, что все по-прежнему. Это удивительная идея, но она имеет темную сторону. Интересно, знаешь ли ты об этом? Интересно, узнаешь ли когда-нибудь?

17

...— Я знаю, — ответила ему Лизи. — Теперь знаю. Да поможет мне Бог, знаю.

Она вновь посмотрела на страницы. Осталось шесть. Только шесть, и это хорошо. Время после полудня в Мальчишечьей луне тянется долго, но Лизи думает, что уже близятся сумерки. То есть пора возвращаться. В свой дом. К своим сестрам. К *своей* жизни.

Она уже начала понимать, как это можно сделать.

18

Наступает момент, когда я слышу, что хохотуны подбираются ближе к опушке Волшебного леса, и я думаю, что в их веселье появляются саркастические, может, даже скрытные нотки. Я выглядываю из-за ствола моего дерева-укрытия и думаю, что вижу темные тени, крадущиеся из темной массы деревьев на опушке леса. Возможно, тени эти — плод моего богатого воображения, но я в этом сомневаюсь. Думаю, мое воображение, пусть оно и действительно богатое, истощено встрясками этого долгого дня и еще более долгой ночи, и я могу видеть только то, что есть на самом деле. И словно в подтверждение этого вывода исходящий слюной смех раздается в высокой траве, в каких-то двадцати ярдах от того места, где я сижу под деревом. Вновь я не думаю о том, что делаю; просто закрываю глаза и всем телом чувствую холод моей спальни. Мгновением позже чихаю от поднятой с пола пыли, висящей в воздухе под кроватью. Я скидываю голову, лицо перекошено в стремлении удержать следующий чих или чихнуть как можно тише, и я ударяюсь лбом о торчащую из кровати сломанную пружину. Если бы кирка оставалась на прежнем месте, я бы наткнулся на острие, расплюсовал бы лоб, бровь, а то и лишился бы глаза, но кирки нет.

Я вылезаю из-под кровати на всех четырех, отдавая себе отчет, что если в окна и вливается свет, то солнце пока не взошло. Снег с дождем, судя по звукам, еще усилился, но мне не до этого. Я отрываю голову от пола и тупо тарашусь на руины, которые были моей спальней. Дверь стенового шкафа сорвана с верхней петли и теперь наклонилась в сторону комнаты, держась на нижней. Моя одежда разбросана и по большей части (с первого взгляда, практически вся) порвана, словно тот, кто вселился в отца,

вымещал свою злобу на одежде, раз уж не смог добраться до мальчика, который ее носил. Хуже того, эта тварь порвала в клочки мои немногочисленные книги, в основном биографии спортсменов и научно-фантастические романы. Блестящие обрывки обложек раскиданы по всей комнате. Мой письменный стол перевернут, ящики валяются в разных углах. Дыра в кровати, оставленная киркой, выглядит огромной, как лунный кратер, и я думаю: «Если бы я лежал в кровати, удар пришелся бы в живот». И в комнате стоит кисловатый запах. Он напоминает запах Мальчишечьей луны ночью, но более знакомый. Я пытаюсь определить его, и не выходит. Я могу только подумать о сгнивших фруктах, но это не совсем правильная догадка, хотя и близкая.

Я не хочу покидать эту комнату, но знаю, что не могу здесь оставаться, потому что он вернется. Нахожу пару уцелевших джинсов, надеваю. Кроссовок нет, и я не знаю, где их искать, но, возможно, в раздевалке остались мои сапоги. И пальто. Я надеваю их и уйду в дождь. По подъездной дорожке, по полузатопленным следам «шевроле» мистера Холси, до шоссе. Потом по шоссе до магазина «Мюли». Я убегаю, спасая свою жизнь, в будущее, которое не могу себе даже представить. Если только, конечно, он сначала не поймает и не убьет меня.

Мне придется перелезть через письменный стол, блокирующий выход из комнаты, чтобы попасть в коридор. Там я вижу, что тварь пошибала со стен картины и пробила дыры в стенах, и я знаю, что смотрю на злобу, которую не удалось выместить на мне.

Здесь запах гнилых фруктов достаточно силен, чтобы его опознать. В прошлом году в «Ю.С. Гиппам» устроили рождественскую вечеринку. Отец пошел, сказал, что «будет выглядеть странным», если не пойдет. Мужчина, который вытащил билетик с его именем в лотерее, дал ему в подарок большую бутылку домашнего вина из черники. У Эндрю Лэндона хватало недостатков (и он сам, наверное, первым бы это признал, если выбрать для вопроса удачный момент), но пристрастия к спиртному среди них не значилось. Как-то за обедом (между Рождеством и Новым годом, когда Пол сидел на цепи в подвале) он налил себе маленький стаканчик, сделал один глоток, скорчил гримасу, уже собрался выпить остальное в раковину, потом заметил мой взгляд и протянул стакан мне.

«Хочешь попробовать, Скотт? — спросил он. — Посмотреть, из-за чего столько шума? Эй, если тебе понравится, можешь выпить весь святомамкин галлон».

Выпивка меня интересует, полагаю, как и любого подростка, но запах больно гнилофруктистый. Возможно, эта жидкость и делает человека счастливым, как я видел в телевизоре, но запах вызывает у меня слишком уж сильное отвращение. Я качаю головой.

«Ты — мудрый ребенок, Скутер, старина Скут», — сказал он и вылил содержимое стаканчика в раковину. Но, должно быть, сохранил вино, которое осталось в бутылки (или просто забыл о нем), потому что именно им пахнет в доме, и сильно, я в этом уверен, точно так же как и в том, что Бог сотворил маленьких рыбок. И я слышу что-то еще, помимо устойчивой барабанной дробы дождя по окнам и крыше: голос Джорджа Джонса*. Это радиоприемник отца, настроенный на волну WWVA, звук очень тихий. А еще я слышу храп. Облегчение столь велико, что по щекам текут слезы. Больше всего я боялся, что он бодрствует, ждет, когда же я покажусь ему на глаза. И вот теперь, слыша эти всхрапывания, я знаю, что он спит.

Тем не менее я осторожен. Я иду через столовую, чтобы войти в гостиную со стороны задней стенки дивана. Столовая тоже разгромлена. Чайный сервиз бабушки разбит вдребезги. Та же участь постигла тарелки. И синий кувшин. Купюры, которые хранились в нем, разодраны. Зеленые клочки валяются везде. Некоторые попали на люстру, как новогоднее конфетти. Вероятно, твари, которая сидит в отце, деньги нужны не больше книг.

Несмотря на храп, несмотря на то что я подошел со стороны задней спинки, в гостиную я заглядываю осторожно, как солдат, высовывающийся из окопа после артиллерийского обстрела. Предосторожность излишняя. Его голова свешивается с края дивана, и его волосы (ножницы прикасались к ним в последний раз еще до того, как с Полом случилась беда) такие длинные, что практически достают до ковра. Я мог бы войти, гремя цимбалами, а он бы даже не шевельнулся. Отец не просто спит, он в долбаной отключке.

Я приближаюсь к дивану и вижу, что на щеке у него царапина, а веки закрытых глаз красновато-лиловые, как у вымотанного донельзя челове-

* Джордж Джордж (р. 1931) — известный американский музыкант-исполнитель, почти 150 песен которого попадали в чарты.

ка. Губы разошлись, открыв зубы, и он похож на старого пса, который заснул, пытаясь зарычать. Диван он прикрыл старым одеялом, чтобы уберечь от грязи и падающей мимо рта еды, и завернулся в какую-то его часть. Он, должно быть, очень устал, круша другие комнаты, прежде чем добрался до гостиной, потому что здесь разбиты лишь экран телевизора и стекло на портрете его умершей жены. Радиоприемник стоит на привычном месте на маленьком столике, а эта бутылка, объемом с галлон, на полу, рядом со столиком. Я смотрю на бутылку и не могу поверить глазам: вино осталось только на доннышке. Просто невозможно представить себе, что он выпил так много (он, который вообще пил крайне редко), но от него страшно разит перегаром, и запах этот – убедительное подтверждение тому, что он выпил все.

Кирка прислонена к изголовью, и тем ее концом, который прорубил мою кровать, прижат к полу листок бумаги. Я знаю, это записка, которую он мне оставил, и не хочу ее читать, но должен. Он написал только три строчки, всего восемь слов. Слишком мало, чтобы забыть.

УБЕЙ МЕНЯ

ПОТОМ ПОЛОЖИ РЯДОМ С ПОЛОМ

ПОЖАЛУЙСТА

19

Лизи, плача еще сильнее, чем прежде, перевернула эту страницу и опустила на колени поверх прочитанных. Теперь в руке у нее осталось только две. Почерк стал уже не столь уверенным, буквы соскальзывали с линеек, чувствовалась усталость автора. Она знала, что за этим последует («Я ударил его киркой по голове, когда он спал», — сказал ей Скотт под конфетным деревом), и должна ли она читать здесь все подробности? В тех обетах, что она давала при венчании, было что-нибудь насчет чтения признаний умершего мужа?

И однако эти страницы взывают к ней, кричат, как что-то одинокое-одинокое, лишившееся всего, кроме голоса. И Лизи опускает взгляд на последние листки, говоря себе, что закончить с этим нужно как можно быстрее, раз уж она должна это сделать.

20

Я не хочу, но беру кирку и стою, держа ее в руках, смотрю на него, хозяина моей жизни, тирана моих дней. Я так часто ненавидел его, и он никогда не давал повода его полюбить, теперь я это знаю, но что-то он мне дал, особенно в те кошмарные недели, после того как Полу ударила в голову дурная кровь. И вот в этой гостиной, в пять часов утра, когда первый серый свет прокрадывается в окна и снег с дождем барабаняет по стеклам, под храп, который доносится с дивана, под рекламу какого-то мебельного магазина в Уиллинге, западная Виргиния, куда я никогда не попаду, я осознаю, что пришло время сделать выбор между этой парочкой, любовью и ненавистью. Теперь я должен выяснить, которая из них рулит моим детским сердцем. Я могу оставить его в живых и убежать по шоссе к «Мюли», убежать в неизвестную, новую жизнь и тем самым приговорить его к аду, которого он боится, но во многом заслуживает. Более чем заслуживает. Сначала к аду на земле, аду одиночной палаты-камеры в каком-нибудь дурдоме, а потом к вечности в аду, чего он действительно боится. Или я могу убить его и освободить. Этот выбор предстоит сделать мне, и никакой Бог не может мне в этом помочь, потому что я ни в кого не верю.

Вместо этого я молюсь моему брату, который любил меня до тех пор, пока дурная кровь или какая-то тварь, как ни назови, не захватила его разум и сердце. И я получаю ответ, хотя, наверное, никогда не узнаю, пришел ли он от Пола или из моего воображения, которое замаскировалось под него. Но в принципе разницы я не вижу: мне требовался ответ — и я его получил. Пол говорит мне в ухо, ясно и четко, как при жизни: «Приз отца — поцелуй».

Я крепче берусь за кирку. Реклама на радио заканчивается, и Хэнк Уильямс поет: «Почему вы не любите меня, как прежде? Почему обращаетесь со мной, как со старым ботинком?» И

Три пустые строки, а потом слова появляются вновь, теперь все написано в прошедшем времени и адресовано непосредственно ей. Строчки набегают друг на друга, не обращая никакого внимания на линейки, и Лизи уверена, что последний кусок он написал разом. Точно так же она его и прочитала. Перешла на последнюю страницу и продолжила чтение, то и дело вытирая слезы, чтобы достаточно ясно видеть написанное и понимать, о чем речь. *Увидеть все мысленным взором*, как она выяснила, оказалось чертовски легко. Маленький мальчик, босоногий, возможно, в единственной уцелевшей паре джинсов, поднимает кирку над спящим отцом в сером свете зари, под доносящуюся из радиоприемника музыку, на мгновение кирка эта зависает в пропавшем черничным вином воздухе и — все по-прежнему. А потом...

Я опустил ее. Я опустил ее с любовью (клянусь) и убил моего отца. Я думал, что мне придется ударить его снова, но этого единственного удара хватило, и на всю жизнь он остался в моей памяти, это была мысль внутри любой моей мысли, я просыпался, думая: «Я убил моего отца», — и ложился спать с той же мыслью. Она стояла как призрак за каждой написанной мною фразой в каждой моей истории: «Я убил моего отца». Я рассказал тебе об этом под конфетным деревом, и, думаю, ты в достаточной степени облегчила мне душу, вот почему я смог продержаться пять, десять или пятнадцать лет. Но написать и сказать — не одно и то же.

Лизи, если ты это читаешь, я ушел. Я думаю, что времени мне отпущено мало, но ту жизнь, то время, что было отпущено (и такое хорошее время), я получил благодаря тебе. Ты так много мне дала. Так дай еще чуть-

чуть. Прочитай последние строчки, они дались мне труднее, чем все, что я до этого написал.

Ни одна история не может описать, как ужасна такая смерть, даже если она и мгновенна. Слава Богу, я не нанес ему скользкий удар, и мне не пришлось вновь поднимать кирку; слава Богу, он не стонал и не ползал по гостиной, заливая все кровью. Я ударил его точно посередине, как и хотел, но даже милосердие ужасно в столь живом воспоминании; этот урок я хорошо выучил, когда мне было всего лишь десять лет. Его череп взорвался, волосы, кровь и мозги полетели вверх, упали на одеяло, которым он застелил спинку дивана. Сопли вылетели из носа, изо рта вывалился язык. Голова наклонилась еще ниже, окровавленные мозги медленно поползли вниз. Капли и какие-то ошметки попали мне на ноги еще теплые. По радио пел Хэнк Уильямс. Одна из рук отца смалась в кулак, потом пальцы разжались. Я почувствовал запах говна и понял, что он обделался. И я знал, что для него все кончено.

Кирка все еще торчала из его головы.

Я попятился в угол комнаты, свернулся там калачиком и заплакал. Наверное, уснул на какое-то время, точно не знаю, но когда поднял голову, увидел, что в комнате светлее, солнце высоко, и подумал, что время приближается к полудню. То есть прошло семь часов или около того. Вот тогда я в первый раз попытался взять моего отца в Мальчишечью луну — и не смог. Я подумал, что сначала мне нужно что-нибудь съесть, но и после еды не смог. Тогда я подумал, что все получится, если я приму ванну и смою с себя его кровь, а также наведу в доме хоть какой-то порядок, но все равно не смог. Я пытался и пытался. Снова и снова. Думаю, два дня. Иногда я смотрел на него, завернутого в одеяло, и заставлял себя верить, что он говорит: «Продолжай, Скот, сучий ты сын, у тебя получится», как в какой-нибудь истории. Я пытался, потом прибирался в доме, снова пытался, что-нибудь съедал и пытался сытым. Я вычистил весь дом! От чердана до подвала! Однажды отправился в Мальчишечью луну сам, чтобы доказать самому себе, что не потерял этой способности. Перенесся туда, но не смог взять своего отца. Я так старалась, Лизи.

Несколько пустых строк. В самом низу последней страницы он написал: «Некоторые вещи — как якорь Лизи ты помнишь?»

— Я помню, Скотт, — прошептала она. — И твой отец был одним из таких якорей, не так ли? — прошептала, гадая, сколько дней и ночей? Сколько дней и ночей провел Скотт рядом с трупом Эндрю «Спарки» Лэндона, прежде чем прервал добровольное заточение и пригласил войти окружающий мир. Гадая, как он все это выдержал, не сойдя с ума раз и навсегда.

На обратной стороне листа тоже было что-то написано. Она перевернула его и увидела, что Скотт ответил на один из ее вопросов.

Пять дней я старался. Наконец сдался и, завернутого в одеяло, оттащил его к сужокому колодцу. А когда дождь со снегом снова прекратились, пошел в «Мули» и сказал: «Мой отец взял моего старшего брата, и, я думаю, они ушли и оставили меня». Они отвезли меня к шерифу округа, толстому старику по фамилии Гослинг, а тот определил меня в приют, и я остался, как говорили, «на удивлении округа». Насколько мне известно, Гослинг был единственным копом, который заезжал к нам в дом, но что с того? Мой отец однажды сказал: «Шериф Гослинг не может найти собственную заднюю дырку после того, как просрется».

Далее шел пропуск, а потом снова текст (последние строки послания ее мужа), и Лизи видела, какие ему приходилось прикладывать усилия, чтобы остаться собой, остаться взрослым. «Эти усилия он предпринимал ради меня», — думала она. Нет, знала.

Любимая! Если тебе понадобится якорь, чтобы удержаться за свое место в мире, не в Мальчишечьей луне, а в нашем общем мире, воспользуйся африканом. Ты знаешь, как переправить его назад. Целую... как минимум тысячу раз.

Скотт.

P.S. Все по-прежнему. Я тебя люблю.

Лизи еще долго могла бы просидеть под деревом с письмом Скотта, но вторая половина дня заканчивалась. Солнце еще оставалось желтым, но приближалось к горизонту, и очень скоро желтизна начала бы сменяться густеющим оранжевым отливом, который она так хорошо помнила. Ей не хотелось идти по тропе перед самым закатом, а это означало: пора в путь. Она решила, что оставит последнюю рукопись Скотта здесь, но не под Деревом историй. Потому что нашла место получше: изголовье неглубокой впадины, которая образовалась на могиле Пола Лэндона.

Лизи вернулась к дереву «нежное сердце», ствол которого покрывал мох, тому самому, которое чем-то напоминало пальму, неся с собой остатки желтого афгана и влажную, на ощупь напоминающую гриб папку с рукописью. Положила их на землю, потом подняла крест с надписью «ПОЛ» на перекладине. Он расщепился, был в крови и перекошен, но не сломался. Лизи выпрямила перекладину и поставила крест на прежнее место. Когда это сделала, заметила что-то лежащее рядом, почти скрытое высокой травой. Она знала, что это, еще до того, как взяла в руки: шприц, которым так и не воспользовались, теперь более ржавый, чем прежде, с колпачком на игле.

«Тут ты играешь с огнем, Скотт», — сказал его отец, когда Скотт предложил накачать Пола наркотиками... и его отец оказался прав.

«Да вот же он! Я уж испугался, что уколелся иглой! — сказал Скотт Лизи, когда перенес ее в Мальчишечью луну из их спальни в «Оленьих рогах». — После стольких-то лет только этого и не хватало... но колпачок на месте!»

Колпачок оставался на месте. И наркотик внутри, как будто и не прошло стольких лет.

Лизи поцеловала тусклое стекло цилиндрической емкости шприца (почему, сказать не могла) и положила его в папку с последней историей Скотта. Затем, сжимая в руках остатки свадебного афгана доброго мамика, двинулась по тропе. Коротко глянула на доску, которая лежала в высокой траве рядом с тропой, буквы выцвели, но все еще проступали на дереве, все еще складывались в слова «К ПРЯДУ», а потом вошла под деревья. Поначалу скорее кралась, чем шагала, мешал страх, казалось, что-то — и она знала, что именно, — затаилось поблизости, и странный и ужасный разум этого что-то может обнаружить ее. Потом мало-помалу Лизи расслабилась. Длинный мальчик пребывал где-то в другом месте. Мелькнула мысль, что он вообще не в Мальчишечьей луне. А если и здесь, то уполз в чашу леса. Лизи Лэндон составляла лишь малую толику его интересов, потому что ее последние вторжения в этот экзотический, но пугающий мир были непреднамеренными, а скоро могли прекратиться вовсе. Теперь, когда Дули вычеркнули из ее жизни, возвращаться сюда ей было вроде бы и незачем.

Некоторые вещи — как якорь Лизи ты помнишь.

Лизи ускорила шаг, и когда подошла к тому месту, где на тропе лежала лопата с серебряным штыком, потемневшим от крови Дули, переступила через нее, едва удостоив мимолетным взглядом.

К тому времени она почти что бежала.

25

Когда Лизи вернулась в пустой кабинет, на амбарном сеновале стало еще жарче, но Лизи чувствовала себя комфортно, потому что на этот раз вернулась, промокнув до нитки. На этот раз вернулась, обернув вокруг талии, словно широкий пояс, остатки желтого афгана, тоже мокрого.

628

«Воспользуйся африканом», — написал Скотт, добавив, что она знает, как вернуть его назад — не в Мальчишечью луну, а в *этот* мир. И, разумеется, она знала. Вошла в пруд, обернув афган вокруг талии, потом вышла из пруда. И там, стоя на твердом белом песке, определенно в последний раз, спиной к печальным и молчаливым зрителям на скамьях, глядя на воды, над которыми со временем предстояло взойти полной луне, она закрыла глаза и просто... что? Пожелала вернуться? Нет, повела себя более активно, не столь мечтательно... пусть и не без грусти.

— Я криком вернула себя домой, — сказала она пустой анфиладе комнат, лишенной его столов, компьютеров, книг, музыки, лишенной его жизни. — Вот что я сделала. Не так ли, Скотт?

Ответа не последовало. Должно быть, он уже сказал все, что хотел. И, возможно, хорошо, что сказал. Наверное, лучше и быть не могло.

Сейчас, пока ее опоясывал пропитанный водой пруда африкан, она могла вернуться в Мальчишечью луну, если бы захотела; опоясанная этой мокрой магией, она могла бы отправиться и дальше, в другие миры, расположенные за Мальчишечьей луной... она не сомневалась, что такие миры существовали, и люди, которые расположились на скамьях, со временем уставали от сидения, поднимались и находили некоторые из этих миров. Опоясанная мокрым африканом, она могла бы даже летать, как летала во снах. Но делать этого она не собиралась. Скотт грезил наяву, иногда потрясающе... но это были его талант и его работа. А для Лизи Лэндон одного мира хватало с лихвой, хотя она подозревала, что в ее сердце навсегда останется уголок и для того мира, где она видела, как солнце уходит в свой дом грома, тогда как луна поднимается из дома серебряной тишины. Да ладно, какого хрена. У нее был дом, где она могла повесить свою шляпу, и хороший автомобиль, чтобы ездить. У нее были шмотки для тела и обувь для ног.

И четыре сестры, одна из которых нуждалась в помощи и заботе, чтобы прожить все отведенные ей годы. Так что лучше дать африкану высохнуть, позволить испариться его прекрасному и смертельно опасному запасу грез и магии, позволить вновь стать якорем. Со временем ножницами она порежет его на кусочки и один будет всегда носить с собой, противоядие магии, вещичку, которая удержит ее ноги на земле, не позволит разуму отправить ее в далекие странствия.

А пока Лизи хотелось высушить волосы и скинуть мокрую одежду.

Она направилась к лестнице, темные капли падали на ковер, в том числе и на кровавые пятна. Африкан сполз вниз, на бедра, превратился в некое подобие мини-юбки, экзотической, где-то даже сексуальной. Она обернулась, через плечо посмотрела на длинную пустую анфиладу комнат, которая, казалось, дремала, пронизанная пыльными колоннами солнечного света второй половины августовского дня. Свет этот золотил и ее, Лизи снова выглядела молодой, пусть этого и не знала.

— Полагаю, здесь я все дела закончила, — сказала она, внезапно ощутив сомнения. — Я ухожу. Прощай.

Она ждала. Чего — не знала. *Ничего* здесь не было. Только ощущение *чего-то*.

Она подняла руку, чтобы помахать ею, опустила, словно в смущении. Чуть улыбнулась, и одна слеза незамеченной скатилась по щеке.

— Я люблю тебя, милый ты мой. Все по-прежнему.

Лизи двинулась вниз. Какие-то мгновения оставалась ее тень, потом ушла и она.

Комната вздохнула. И наступила тишина.

*Сентр-Лоувелл, штат Мэн
4 августа 2005*

Авторское послесловие

Есть пруд, к которому мы (в данном случае под «мы» я подразумеваю всех читателей и писателей) приходим, чтобы утолить жажду и забросить сети. Ссылки в «Истории Лизи» на десятки романов, стихотворений, песен приведены, чтобы проиллюстрировать эту идею. Я говорю это не для того, чтобы поразить кого-то своим умом (эта книга по большей части написана сердцем и лишь в меньшей — умом). Просто мне хотелось показать, что мне известно, какие прекрасные там плавают рыбы, и выразить уважение тем, кто того заслуживает.

«Мне так жарко, пожалуйста, дай мне льда» — «Транк Мюзик» Майкла Коннелли.

«Пафко у стены» — Дон Делилло.

«Худшее ждет» — название сборника рассказов Мэнли Уэйда Уэллмана.

«Никто не любит полуночного клоуна» — Лон Чейни.

«Он уходит, вы, сукины дети» — «Последний киносеанс» Ларри Макмарти.

«Голодные дьяволы» — «Буря», Вильям Шекспир («Ад пуст, и дьяволы все здесь»).

«Я так долго не проживу» — песня написана Родни Кроуэллом. Исполнялась также Эммилуи Харрис, Джерри Джеффом Уокером, Уэббом Уайлдером и Уэйлоном Дженнингсоном.

И, разумеется, творчество старины Хэнка. Если на этих страницах и живет призрак — то это его призрак, а не только Скотта Лэндона.

— Я хочу отнять у вас толику вашего времени, чтобы поблагодарить и мою жену. Она — не Лизи Лэндон, и ее сестры — не сестры Лизы, но мне нравилось наблюдать, как последние тридцать лет Табита, Маргарет, Энн, Кэтрин, Стефания и Марселла решают свои дела между собой, сестрами. Далеко не всегда одинаково, но всегда интересно. За то, что я написал правильно, спасибо им. Если я где-то ошибся, ругайте меня, договорились? У меня только один очень хороший старший брат, а сестер никогда не было.

Нэн Грэм редактировала эту книгу. Очень часто в рецензиях на романы (особенно на романы тех авторов, книги которых продаются большими тиражами) пишут: «Имяреку не помешала бы качественная редактура». Тем, у кого возникает желание написать такое про «Историю Лизи», я с радостью предоставлю несколько страниц первоначальной рукописи с пометками Нэн. В колледже, в моих первых сочинениях на французском, замечаний было меньше. Нэн прекрасно поработала, и я благодарен ей за то, что ее стараниями я предстал перед публикой в наглаженной рубашке и с причесанными волосами. Что же касается тех случаев, когда автор остался при своем мнении... я могу сказать только одно: «Действительность — это Ральф».

Благодарю Л. и Р.Д., которые прочитали рукопись в первоначальном варианте*.

И, наконец, огромное спасибо Буртону Харлену из университета Мэна. Бурт — самый лучший преподаватель англ-

* Пользуясь случаем, переводчик выражает искреннюю благодарность русскоязычным фэнам Стивена Кинга (прежде всего Сергею Филиппову из Великого Новгорода и Денису Талала из Новосибирска), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода, и администрации сайтов «Стивен Кинг.ру — Творчество Стивена Кинга» и «Русский сайт Стивена Кинга», стараниями которых эту работу удалось провести.

лийского языка и литературы, который у меня был. Именно он первым показал мне дорогу к пруду, который называл «языковой пруд, пруд мифов, к которому мы все приходим, чтобы утолить жажду». Это было в 1968 году. С тех пор я очень часто приходил туда по этой тропе, и лучшего места, где человек может проводить свое время, не могу себе и представить; вода по-прежнему сладкая, и рыба там по-прежнему водится.

С.К.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен
История Лизи

Роман

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 02.06.17. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 33,6. Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 1746/17.

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21,
строение 3, комната 5

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 кұрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-
талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

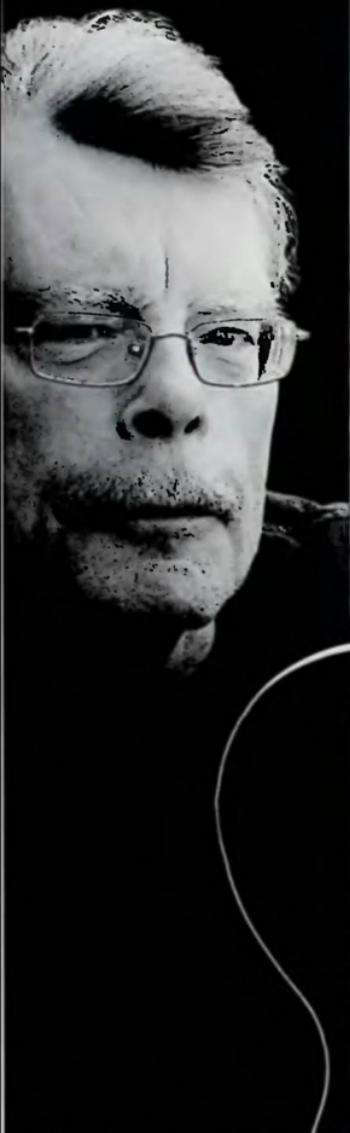
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А
www.pareto-print.ru

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени. Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Кошмар, всю жизнь преследовавший знаменитого писателя Скотта Лэндона...

Кошмар, который достался в наследство ни о чем не подозревающей жене Лизи.

Как погиб ее муж?

Как он жил?

Откуда он черпал идеи для своих романов, кажущихся уж слишком реалистичными?

С какими силами он заключил тайный союз?

Чтобы ответить на эти вопросы, Лизи предстоит совершить путешествие в самое сердце Тьмы...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-081608-8

9 785170 816088